

**XV Международная конференция африканистов
СУДЬБЫ АФРИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Москва, 24–28 мая 2021 г.

ТЕЗИСЫ

XV International Conference of Africanists

DESTINIES OF AFRICA

IN THE MODERN WORLD

Moscow, Russia, May 24–28, 2021

ABSTRACTS

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО ПРОБЛЕМАМ СТРАН АФРИКИ

XV Международная конференция африканистов
СУДЬБЫ АФРИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Москва, 24–28 мая 2021 г.

ТЕЗИСЫ

XV International Conference of Africanists
DESTINIES OF AFRICA IN THE MODERN WORLD

Moscow, Russia, May 24–28, 2021

ABSTRACTS

Москва

ИАФР РАН

2021

Ответственный редактор

к.и.н. Н.А. Жерлицына

XV Международная конференция африканистов. Судьбы Африки в современном мире. Тезисы. – М.: Институт Африки РАН, 2021. – 654 с.

ISBN 978-5-91298-263-7

© Институт Африки РАН, 2021

© Абишева Г.М., оформление, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

I. Economics and Technologies

Экономика и технологии

- I-1.** Africa's Futures in a Rapid Changing World: Critical Perspectives of Young African Agrarian Scholars on Achieving Socioeconomic Transformation in Africa
I-1. Будущее Африки в быстро меняющемся мире: критический взгляд молодых африканских исследователей аграрных проблем на социально-экономические трансформации в Африке 7
- I-2.** Economic Diversity in Africa: Capacity to Convert into an Economic Powerhouse for the World
I-2. Экономическое многообразие Африки и способность континента превратиться в мировую экономическую силу 20
- I-3.** Industry 4.0 and Africa's Development Policy: Institutions, Technology, Innovation and Start-up Strategy
I-3. Индустрия 4.0 и политика развития Африки: институты, технология, инновации и стратегия стартапов 29
- I-4.** Perspectives of the Scientific-Technological Progress in Africa
I-4. Перспективы научно-технологического развития африканских стран 43
- I-5.** Sub-Saharan African Countries at the Digital Age: Problems and Prospects of the Integration into the Global Information and Communication Space
I-5. Страны Африки южнее Сахары в цифровую эпоху: проблемы и перспективы интеграции в глобальное информационно-коммуникационное пространство 60

II. General Issues of Africa's Development

Общие вопросы развития Африки

- II-1.** Africa: Betwixt and Between
II-1 Африка: между прошлым и будущим 77
- II-2.** Civilizational Alternatives of Africa in the Modern World
II-2. Цивилизационные альтернативы Африки в современном мире 90
- II-3.** Globalization, Shrinking Spaces, and Expanding Partnerships in "New Developing-Africa"
II-3. Глобализация, сжимающиеся пространства и расширяющиеся партнерства в «новой развивающейся Африке» 109
- II-4.** The Current and Future Multiple Challenges of Africa
II-4. Многочисленные нынешние и будущие вызовы Африки 116
- II-5.** The Modern World in Africa
II-5. «Современный мир» в Африке 128

III. History and Anthropology **История и антропология**

III-1. Africa and Her Diasporas: Historical and Contemporary III-1. Африка и ее диаспоры – старые и новые	133
III-2. African Memoirs as a Narrative of the Era III-2. Африканские мемуары как нарратив эпохи	147
III-3. Coping with the Difficult Past: Remembering and Forgetting the Slave Trade and Slavery in Africa, Europe, and the Americas III-3. Справляясь с трудным прошлым: память и забвение работорговли и рабства в Африке, Европе и Америке	164
III-4. Historical Roots of Contemporary Problems of Tropical and Southern Africa III-4. Исторические корни современных проблем Тропической и Южной Африки	177
III-5. Judaism in Africa: An Unexpected Destination? III-5. Иудаизм в Африке: неожиданный пункт назначения?	193
III-6. Socio-Anthropological Dimension of Destinies of Africa in the Modern World III-6. Судьбы Африки в современном мире. Социально-антропологическое измерение	199
III-7. Studying the Exile Experiences of South Africans in the Liberation Struggle III-7. Изучение пребывания в ссылке участников освободительной борьбы в Южной Африке	214
III-8. The Creole World of Africa III-8. Креольский мир Африки	223
III-9. The Past and Present of Land Access in Africa III-9. Поземельные права в Африке в прошлом и настоящем	235
III-10. Tradition and Modernity III-10. Традиция и современность	243

IV. International Relations **Международные отношения**

IV-1. Africa and the Main Trends in the Development of Modern International Law IV-1. Африка и тенденции развития современного международного права	258
IV-2. Africa: Glance to the East and Russia's Interests IV-2. Африка: взгляд на Восток и интересы России	271
IV-3. Economic Competition of the BRICS States in Africa IV-3. Экономическая конкуренция стран БРИКС в Африке	294
IV-4. Geo-Economic and Geopolitical Rivalry of the Leading Powers on the African Continent IV-4. Геоэкономическое и геополитическое столкновение ведущих держав на Африканском континенте	312

IV-5. Israel and Africa: New Opportunities and Challenges	
IV-5. Израиль и Африка: новые возможности и вызовы	329
IV-6. Russia and the Rising Africa in the New World Environment	
IV-6. Россия и поднимающаяся Африка в новом мировом окружении	340
IV-7. Same, Same, but Different: Africa, China, and the Rhetoric of Brotherhood	
IV-7. Такие же, такие же, но разные: Африка, Китай и риторика братства	357
IV-8. The “African Vector” in the Policy of the Community of Portuguese-Speaking Countries (CPLP)	
IV-8. «Африканский вектор» в политике Сообщества португалоязычных стран (СПЛП)	362
IV-9. The European Union and African Union: Challenges and Prospects for Partnership in the 21st Century	
IV-9. Европейский Союз и Африканский союз – вызовы и перспективы партнерства в XXI веке	369
IV-10. The Study of International Relations in African Countries and African Concepts of World Order	
IV-10. Исследование международных отношений в странах Африки и африканские концепции мироустройства	394
V. Linguistics	
Языкознание	
V-1. Languages of Africa from Cultural and Historic Perspective	
V-1. Языки Африки в культурно-исторической перспективе	407
V-2. Languages of Africa from Typological and Diachronic Perspective	
V-2. Языки Африки: типология и диахрония	424
VI. Social and Political Issues	
Социальные и политические проблемы	
VI-1. Africa: State Reform Comes First	
VI-1. Африка: реформа государства – первоочередная задача	457
VI-2. Anti-Corruption Policies and Sustainable Development Goals	
VI-2. Антикоррупционная политика и Цели устойчивого развития	462
VI-3. Beyond the Global North: Educational Mobilities of African Students and Professionals in the 20th and 21st Centuries	
VI-3. За пределами глобального Севера: образовательная мобильность африканских студентов и специалистов в XX–XXI веках	469
VI-4. Current Issues in Libyan Studies	
VI-4. Актуальные вопросы ливийских исследований	474
VI-5. Gender Strategies and Transformations in Modern Africa	
VI-5. Гендерные стратегии и трансформации в современной Африке	490

VI-6. Inadequate Access to Adult Education and Learning: Bane of Africa's Development	
VI-6. Неравный доступ к образованию для взрослых как препятствие на пути развития Африки	505
VI-7. Political Image in the System of Political Leadership in Africa	
VI-7. Политический имидж в системе политического лидерства в странах Африки	516
VI-8. South Africa: A New Dawn?	
VI-8. Южная Африка: новая заря?	537
VI-9. The Middle East and the Horn of Africa in the 21st Century. Processes of Modernization and Quality of Development in the Light of Dynamic Relativity of Civilizational Transformations	
VI-9. Ближний Восток, Северная Африка и Африканский Рог в XXI веке: процессы модернизации и качество развития в свете динамической релятивности цивилизационных трансформаций	555
VI-10. Understanding the African City: Theoretical Challenges, Solutions and Workarounds	
VI-10. Размышления об африканском городе: проблемы современной теории и попытки их разрешения	574
VI-11. Youth and Women in Africa's Sustainable Development in the 21st Century: Connect, Empower, and Engage	
VI-11. Молодежь и женщины в устойчивом развитии Африки в XXI веке: связь, наделение властью, вовлечение	582
VII. Violence Reduction and Conflict Resolution	
Борьба с насилием и разрешение конфликтов	
VII-1. African Integration and Peacekeeping	
VII-1. Африканская интеграция и миротворчество	589
VII-2. Armed Conflicts and Their Consequences	
VII-2. Вооруженные конфликты и их последствия	602
VII-3. Foreign Interventions in West Africa and the Sahel (1975–2019)	
VII-3. Иностранная интервенция в Западной Африке и Сахеле (1975–2019)	618
VII-4. Resolving the Contradiction of Terrorism in Africa	
VII-4. Разрешение противоречия терроризма в Африке	628
VII-5. The Problem of Territorial Settlement in Contemporary Africa	
VII-5. Проблема территориального урегулирования в современной Африке	638

I. Economics and Technologies

Экономика и технологии

Panel I-1. Africa's Futures in a Rapid Changing World: Critical Perspectives of Young African Agrarian Scholars on Achieving Socioeconomic Transformation in Africa

Секция I-1. Будущее Африки в быстро меняющемся мире: критический взгляд молодых африканских исследователей аграрных проблем на социально-экономические трансформации в Африке

Руководитель / Convenor: *Cyriaque Hakizimana* (University of the Western Cape, Cape Town, South Africa)

The African population is rapidly growing comparing to other regions in the world. While the world population is growing by 1.18 per cent per year, the African population grows by 2.55 per cent annually between 2010 and 2015; and more than half of global population growth between 2015 and 2050 is expected to occur in Africa. The African population was estimated at 1.2 billion in 2015 and it is projected to reach 1.7 billion in 2030 and 2.5 billion in 2050. The demographic estimates suggest that about 70 per cent of African population are under the age of 30, making Africa the most youthful continent in the world. About half million of the population in Sub Saharan Africa will enter the labor market each year between 2015 and 2035 in the context characterized by significant low growth of employment generating sectors such as labour intensive manufactured exports and services. Manufacturing's share in GDP is lower in Sub-Saharan Africa today than it was in 1980 in spite of the region experiencing its best economic growth since the 1960s. For instance its GDP grows more than 4.5 percent yearly on average between 2000 and 2012, compared to around 2 percent in 1980s and 1990s but the current economic growth is driven by extraction of mineral resources which does not create the much needed jobs and are subject to fluctuation of global commodity prices. According to the ILO (2016) report, Africa's industrial jobs accounts for less than 4 percent. This unabated Africa's population growth coupled with the twin challenges of unemployment and stubborn intergenerational poverty are happening in a context that is characterised by rapid processes of change in Africa's agrarian systems that include, among other things, rapid agricultural commercialization, growth of large scale agriculture, increasing concentration and pressure on land, and failure of intergenerational transfers including land. This

unique situation has stimulated unprecedented scholarly and policy debates about the nature and character of the potential future Africa's structural transformation; and these debates have been further fuelled by the convergence of global crises in food, energy, finance and the environment that occurred towards the end of the last decade, in 2008, that has had serious implications for many economies on the continent as powerful transnational and national economic actors scrambled for Africa's lands to provide food and energy security at their home countries. The panel will engage these debates and discuss the models that have been proposed to help Africa overcoming these challenges, particularly from the young African academics' perspective. It will explore and document the trends, responses and other articulated alternatives and the implications for growth of more diversified Africa's rural economies. The underlying policy argument of this panel is that the current processes of change in Africa, whether they are engineered by the exogenous or endogenous factors, already are and will continue to shape and restructure the opportunity space of Africa's people that the policy actors need to think about the impact of their interventions in ways that are connected particularly to the question of the broad-based inclusive structural transformation.

Tom Tom

Zimbabwe Open University, Harare, Zimbabwe

**LAND REFORM AND THEN WHAT? INVESTMENT IN AGRICULTURE
AS A TRANSFORMATIVE POLICY 'PATHWAY'
AFTER ZIMBABWE'S FAST TRACKED LAND REFORM**

Land is a core socioeconomic resource with immense potential and benefits to owners and users. Zimbabwe's and other African countries' economies are based on agriculture (among other economic sectors). This centrality puts land (and land tenure reform) at the core of governance and development. Land reform features prominently in land governance and property rights, agricultural commercialisation, food security, rural livelihoods and climate change at various levels. In Zimbabwe, 180 000 people were allocated land (170 000 under A1 and 10 000 under A2 units). However, little has been done pertaining to pre- and post-settlement investment analysis and implementation. The 'new' administration led by President Emerson Munangagwa has made commitments and initiatives to support agricultural development particularly in the fast track farms. These new

developments and dynamics are worthy interrogated, particularly in a context where vast literature informed by diverse epistemological and ideological perspectives (human rights, neopatrimonialism, livelihoods, political economy and social policy), have revealed that Zimbabwe's fast-tracked land reform has achieved wide redistributive outcomes (of land and appended natural resources), but is low in enhancing production, social reproduction, social protection and sustainable outcomes. Investment in agriculture has been noted as a critical factor yet is largely unexplored in Zimbabwe's land reform and policy literature. This gap cannot be left unaddressed. Crystallised around 200 land beneficiaries in three districts in Zimbabwe (Zvimba, Shamva and Goromonzi), this paper interrogates the potential of investment in land and agriculture as a pathway for addressing lacunae in productive capacity, food security, agricultural commercialisation, livelihoods improvement, social protection and reproduction. A transformative approach is adopted showing, that Zimbabwe's fast-tracked land reform is a necessary but insufficient condition for development. Investment in agriculture by or through land beneficiaries, government, bilateral arrangements, private sector and so on are critically low thereby militating against socioeconomic transformation through agriculture. Policy relevant recommendations are proffered.

Clement Chipenda
University of South Africa, South Africa

THE "NEW GENERATION" IN POST LAND REFORM ZIMBABWE:
A TRANSFORMATIVE SOCIAL POLICY APPROACH

Using strong field-based empirical evidence, the paper unearths the experiences, opportunities and challenges of social reproduction and accumulation by the second generation (or descendants) of the beneficiaries of Zimbabwe's 'controversial' land reform programme. Premised on the idea that land and agrarian reforms are a social policy instrument that can enhance human capability, the paper uses the transformative social policy approach as a conceptual and heuristic tool to unearth the new dimensions and trajectories of post land reform

Zimbabwe. Cognisant of the antagonistic and polemical debates which have characterised the programme for decades, the paper transcends these debates and contributes to emerging and progressive knowledge on post land reform Zimbabwe. This is becoming important in a context where some countries in the global south are grappling on how best to resolve their land questions, and the paper shows that there are important lessons to be learnt. Land reform is shown as being an important social policy instrument that has discernible production, redistribution and social reproduction outcomes which have positively impacted on the lives of the new generation. The paper uses an interpretive research paradigm, focusing on the life histories of 20 young people who are now the principal land beneficiaries. It is able to show that land reform is critical in fighting intergenerational poverty, creating the groundwork for inclusive development while ensuring structural transformation of the economy and social institutions (at least at a local level).

Godfrey Eliseus Massay
Landesa, Arusha, Tanzania

REDISTRIBUTIONS OF STATE FARMLANDS IN TANZANIA: WHY AND FOR WHOSE INTERESTS?

With the coming into power of President John Joseph Magufuli in Tanzania in 2015, there have emerged a country-wider land repossession and redistributions of state farmlands campaign implemented by the Government. The dominant explanatory factor is that such lands have been in the possession of absentee landlords and have remained undeveloped. Thus, there is need to have them developed so as to bring productive and economic use of such lands. Three dominant narratives have been pushed by the State to push forward redistributions, namely, to give land to poor farmers, allocate land for investments and to allocate land for land banks. This paper explores the three narratives pushed forward by the state to justify land redistributions in Tanzania. Using a case study of one village whose substantial land have been repossessed and redistributed by the State, the

paper investigates how the three narratives manifests in reality. The paper argues that, more than two years since land repossessions have taken place, the processes of redistributions have been very slow and highly frustrating with degree of violence, hopelessness, and elite capture. The paper traces the historical social movement for land redistributions in the selected village and how community expectations were met with violence and hopelessness caused by the wrath of state's iron fist and elite capture. Broadly, the paper situates the three narratives into the broader national policies and development strategies and argues that there has been some degree of contradictions in government development agenda. Moreover, the paper draws from experiences of land reforms in South Africa and Zimbabwe, to show the extent to which land reforms in Tanzania has shown some levels of similarities with such countries. The paper presents some useful recommendations to policy and decision makers on how to address some shortcomings of redistributive land reforms in Tanzania and also identifies some future research areas such as those that relates to gender and class differentiation of land redistributions. The paper employs the political agrarian economy and redistributive land reforms as frameworks of analysis.

Faustina Obeng Adomaa

International Institute of Tropical Agriculture, Ghana (IITA-Ghana)

**TENURE SECURITY, TENSIONS AND LIVELIHOODS FOR MIGRANT
COCOA FARMERS: A POLITICAL ECONOMY INQUIRY OF COCOA
SWOLLEN SHOOT VIRAL DISEASE ERADICATION IN GHANA**

Recent outbreak of Cocoa Swollen Shoot Viral Disease (CSSVD) demands that farmers cut down their cocoa trees for replanting in an era where tenure security is tied to the life of cocoa trees. This raises research interest on land tenure security, tensions and livelihood outcomes for migrant cocoa farmers (MCFs) in Ghana's cocoa growing regions. This study was therefore conducted in four CSSVD impact zones in Western North region to examine these issues. Results indicate that, 5 years ago, chiefs ordered MCFs who had occupied lands for more

than 50 years to pay GHS500/acre for new 50-year leaseholds. MCFs did not honour this order and thus, the CSSVD outbreak offered an avenue for chiefs to enforce this by strictly tying tenure security to tree life. In severe outbreak areas where cocoa trees are dead or almost dying, some MCFs started replanting new seedlings in infested farms; others challenged the order at the court but lost, while some started selling “their” lands. Realising that tensions around land is impeding an official eradication programme, government intervened, negotiated with chiefs and started paying GHS400/acre for affected lands. This empowered chiefs to direct all farmers to cut down their cocoa trees. In scattered outbreak areas, tensions on land had not started; increasing loss of incomes from cocoa was the immediate challenge. However, government had not intervened in these areas and MCFs were replanting in infested farms as a means of securing livelihoods rather tenure security. In the political economy of CSSVD eradication, government intervening in severe outbreak areas where incomes from cocoa are already lost is rendering livelihood questions seemingly less prioritised while land on the other hand had become a commodity around which government and chiefs are forging an alliance that empowers chiefs to ensure that farmers cut down infested farms.

Dimuna Phiri Simpaya
Zambia Land Alliance, Lusaka, Zambia

LEGAL ANALYSIS OF DISJUNCTIONS BETWEEN CUSTOMARY AND STATUTORY LAND TENURE REGIMES IN ZAMBIA

In the recent past, Zambia has experienced land governance related issues such as voluntary and involuntary displacements, insecurity of tenure, food insecurity and land disputes. Research reveals that majority of the rural population do not enjoy sufficient legal protection of their land rights. This paper focuses on addressing the inadequate legal recognition of the strength of rights to land and natural resources derived from custom and how to recognise and secure land rights of holders in law and practice. While laudable efforts have been made to uphold and realise land and resource rights of poor rural populations in Zambia, there are a

number of longstanding challenges that remain unresolved. This paper analyses distinctions that exist between physical and legal ownership, holder-ship and possession of property. A number of relevant factors are looked at, including recognition of the unit versus the separation of land rights, and both historical and new developments in the definition of property. The paper refers to definitions of what constitutes property, and uses them to understand the diversity of land tenure regimes and the ways in which they provide for vestment of property rights. The paper further examines the degree to which vested property rights derived from customs are realised in practice, and thus protected from infringements. This paper explores the underlying reasons for land conflicts and the possibility that these derive in part from disjunctions between the customary and statutory justice systems, against the backdrop of notions of ‘the rule of law’. This paper outlines some relevant propositions for the design of legal and policy interventions to address underlining challenges.

Eria Serwajja

Makerere University, Kampala, Uganda

**VICTIMS OF THEIR ‘BODIES’:
THE FEMINIZATION OF WORK ON FLOWER FARMS IN UGANDA**

This study seeks to examine the lived experiences and gender-based contradictions which surround women’s work on the flower farms in Uganda. The results of this paper rely heavily on ethnographic research, with data collected through review of secondary data, semi structured key informant interviews and focus group discussions. The paper shows that although the flower farms provide women with multiple opportunities: jobs/employment and prospects of earning an income, the majority are concentrated in low-skill and less remunerated sections of the flower farms compared to their male peers. The findings show that socio-cultural and customary principles (social reproduction) are manipulated to legitimize inclusion of women in some sections of the flower farm and not others.

The paper argues that most women are engaged in the work that mirrors their gendered domestic routines in the household.

Rosine Tchatchoua Djomo

African Studies Centre Leiden, Leiden University, Netherlands

LAND, CONFLICT AND MOBILITY: A CASE STUDY IN CAMEROON

This paper explores the situation of internal mobility and its implications on land relations and local land governance in Cameroon. The ongoing armed conflict affecting the North-West and South-West regions of Cameroon continues to make the headlines. Most people affected by the internal conflict remain displaced across the country, away from their native land. However, internally displaced people (IDPs) develop coping strategies to reconstruct their livelihoods in areas of resettlement. Drawing on a qualitative explorative research and case study approach, this paper examines the ongoing dynamics around access to, use of and control over land in areas of resettlement, from a property perspective. The paper underscores how the recent mobility dynamics add up to a historical pattern of migration and changing property relations at the local level. Migration, either voluntary or forced, does not occur in a historical and socio-political vacuum. The ensuing transformations on land tenure have proved to be far more complex than the policy-makers expected it would be.

Heriniaina Rakotomalala

Université d'Antananarivo, Antananarivo, Madagascar

MIGRANTS LAND ACCESS IN MADAGASCAR: THE CONTRIBUTIONS OF LAND MARKET

In Madagascar, the decrease of agricultural land in densely populated areas leads to internal migration movements of households. The main narrative is that migrants land access is always associated with forest clearing. The aim of this paper is to analyze the contribution of land markets to migrants' land access. Quantitative and qualitative investigations were carried out in the rural district of

Ambatolahy, in the western part of Madagascar. Our findings have shown that migrants are less likely to own land than natives. Indeed, the percentage of natives who own land (87%) is much higher than the percentage of migrant landowners (46%). Migrants become landowner mainly by purchasing land. The paper shows that about 90% of migrant landowners purchased land while 87% of migrants access land through land rental market. Land rental market increases the land used by migrants. This paper shows that the migrants' access to land is highly associated with markets. The land markets are important for social groups that cannot inherit like migrants; hence, the African land policies should pay attention to the challenges of land markets for household access to land.

Natacha Bruna

Observatório do Meio Rural, Maputo, Mozambique

FROM A THREAT TO AN OPPORTUNITY: CLIMATE CHANGE
AS THE NEW FRONTIER OF ACCUMULATION

Climate change narratives have been shaping policies, investments, aid and finance all over the world. Consequently, the new scramble for Africa has become “greener” than ever, as Africa is pointed out as the solution of the current environmental crisis and the main target of climate change mitigation and adaptation policies. Mozambique is amongst the most vulnerable and least prepared countries in the world with regards to climate change and natural disasters, at the same time, it has a vast potential of biodiversity, water sources and land to implement big conservation projects, REDD+ and climate smart agriculture. Natural disasters, water scarcity and land degradation as a result of climate change are deteriorating household’s livelihoods in rural Mozambique and negatively affect food security. Nevertheless, the implementation of climate change mitigation and adaptation policies proposed as a “remedy” for the crisis, come ultimately as an opportunity for capitalism to reproduce itself through primitive accumulation and accumulation through expanded reproduction; which also constitute a threat for rural livelihoods. This paper seeks to understand

through a political economy and ecology lens, what are the new patterns of agrarian change under these new rural dynamics and what implications there will be to the global processes of accumulation. Overall, these policies are not addressing local issues nor promoting ‘win-win-win’ solutions. They are rather intensifying existing inequalities, sustaining capital accumulation at the cost of working people’s livelihoods. Hence, this paper argues that, although initially climate change concerns were seen as a potential barrier to accumulation as many international agreements and agendas were favoring environmental friendly policies that may hold back accumulation; they are increasingly transformed into an opportunity by the creation of new vehicles of resource grabbing, accumulation and/or tools for legitimizing accumulation.

Selamawit Fantahun Sertse
Mekelle University, Ethiopia

HOUSEHOLD CLIMATE CHANGE PERCEPTION AND ADAPTATION
STRATEGIES: INSIGHTS FROM RAYA AZOBO DISTRICT,
SOUTHERN TIGRAY REGION, ETHIOPIA

Climate change is a global phenomenon but regional and local changes are poorly understood. Hence, it important to document the local dimensions of climate change and the context-specific adaptation choices to allay its adverse effects. Ethiopia is experiencing recurrent drought, leading to sustained food insecurity and increased livelihood vulnerability of rural households. To ensure livelihood sustainability, households have to adapt to climate change. This study attempts to assess households’ perception and adaptation strategies to climate change-related risks. A total of 397 household heads were selected randomly in five sample villages using a multiple-stage sampling. The paper reveals that most households perceive climate risks to involve medium temperature increase, an increase of rainfall variability, more frequent drought, a shorter rainy season, stronger wind, more frequent pest and disease outbreaks and reduced crop yields. Households’ used different climate change adaptation strategies to condense

vulnerability which included crop diversification, mulching, water and soil management, use of alternative tillage practice, changing planting dates, and looking for Aid/support . This paper argues that government development programs, policymakers and concerned stakeholders at different levels should gear towards incorporating farming communities' knowledge of environmental change into locally-adapted solutions to maximize the efficacy of their climate change interventions. The paper proposes that institutions targeting households making decisions concerning climate change adaptation need to focus on climate change information, improving locally-adapted extension services, and developing water efficiency measures such as improved irrigation for effective and long-term adaptation choices to the changing climatic conditions.

Benjamin B. Jabik

University of Energy and Natural Resources, Sunyani, Ghana

RELEVANT LOCAL CLIMATIC KNOWLEDGE FOR SUSTAINABLE
AGRO-ECOLOGICAL PRACTICES BY SMALL-SCALE FARMERS
IN THE UPPER EAST REGION OF GHANA

Inadequate technical knowhow as well as the cost and the lack of up-to-date equipment on scientific approaches to precisely interpret and predict the likelihood of weather patterns have negatively affected the adaptive capacities of small-scale farmers in northern Ghana. Unfortunately, local knowledge on climatic condition which hitherto was used to predict the likelihood of weather outcomes is under threat of extinction due to lack of documentation coupled with a gradual decline in its mode of transfer. Using participatory and ethnographic research approaches including focus groups discussion, key informants interviews and in-depth interviews and, purposively selecting small-scale farmers in the Upper East Region of Ghana, this study have identified and documented key local climatic knowledge that would contribute to achieving sustainable agro-ecological practices of small-scale farmers in the region. The study found plants phenology such as the sprouting of *Faidherbia albida* and the presences of *Ficus carica* are relevant for sustainable agro-ecological

practices of small-scale farmers. Also, the frequency or otherwise of rains and the appearance of the water of the first rain at the onset of the rainy season presupposes the likelihood of the rainfall pattern in that year. The study also found that animals and birds' behavior such as the movement of migratory birds which was used to predict the likelihood of weather patterns or seasons has been adversely affected by the changing climatic conditions. These knowledge are very relevant for both climate change adaptation and mitigation approaches since it enables farmers to plan ahead of seasons which contribute to sustainable agro-ecological practices and improve the adaptive capacity of small-scale farmers. The study concludes that exploring relevant local climatic knowledge and fusing it with modern weather forecast will contribute to improving the sustainable agro-ecological practices of small-scale farmers.

Ernest Uwayezu

University of Rwanda, Kigali, Rwanda

**IMPACT OF ZONING REGULATIONS ON LAND TENURE SECURITY:
A PROBE IN THE FRINGES OF KIGALI CITY, RWANDA**

Land titling has been recognised as a strategy to provide land tenure security for the landowners as it ensures legal protection from any eviction or interference of the third parties in their property rights. In some cases, however, this tenure security may vanish due to the enforcement of spatial development schemes and land development standards which are unaffordable for most of landowners. This study explores the impact of zoning regulations on land tenure security in the urban outskirts of Kigali city where the conversion of large tracks of productive agricultural land into residential use requires the compliance of the landowners to enjoy their property rights. The study relies on data collected through household surveys, interviews with stakeholders, field observation in the urban fringes under spatial transformations, and the review of legal documents and master plans underlying Kigali city development. Findings indicate trends of land tenure insecurity, connected with prohibitive housing development standards proposed in the local development plans which trigger the displacement of an overwhelming

number of the existing poor and low-income landowners from their properties. These people enjoy neither the de jure tenure security granted by the recent formal registration of their land rights nor the de facto or perceived that should derive from their integration in the urban development processes. Yet, a small number of these landowners whose livelihoods do not depend on the agricultural activities and incomes are relatively high can comply with housing development standards and enjoy the security of tenure. This study argues that pragmatic, inclusive and collaborative land use planning approaches would promote the integration of the poor and low-income landowners in the current Kigali city development processes and land tenure security.

**Panel I-2. Economic Diversity in Africa:
Capacity to Convert into an Economic Powerhouse for the World
Секция I-2. Экономическое многообразие Африки
и способность континента превратиться
в мировую экономическую силу**

Convenor/ Руководитель: *Kamini Krishna* (University of Zambia)

Africa as a continent is still coming into its own in terms of economy, diversity and perception amongst others. It is the second largest continent, but number one in terms of its vast potential of becoming a continental economic champion. Africa's economy is multifaceted by nature and is made up of trade, mining, diverse industries, agriculture and human resources like most other continents. A continent so rich in natural resources, agricultural lands and human creativity could easily compete in the global economy and sustain the decade-long growth rates it has experienced. K. Moghalu (Deputy Governor of the Central Bank of Nigeria) argued that essential paradigm shifts are required to take place in African countries to match with modernizations and globalization. One should not assume that globalization is a natural process. As it happens, Africa is merely a consumer and this will not lead to prosperity. Globalization is driven by technology but Africa must not take for granted that all economies will benefit as a result of it. Africa needs to undergo a fundamental change orienting itself toward industrialization and development of its manufacturing sector. As a matter of fact, agriculture and resource extraction do not improve the lives of people and are unsustainable for development over the long haul. Furthermore, industries play a key role in the development of a country, by creating employment opportunities, and most importantly by raising the levels of national income which involves improving the balance between exportable and importable goods. History reveals that the global domination of western civilization can be attributed to the Industrial Revolution of the nineteenth and the twentieth centuries. Beyond doubt, capitalism has yielded positive results, but it is necessary to question what kind of capitalism is most relevant to Africa. The panel intends to investigate, firstly, the way the world views Africa and Africa's understanding of the world because these are the forces of transformation and economic prosperity. It also seeks to examine the areas that have been neglected for long time but now being tapped in to contribute in the world economy. Further, it will seek to identify the existing areas where Africa must intensify to enhance its value and procure benefits. In addition, the panel intends to argue the importance of value-added production for promoting industrialization in Africa which is still lagging. The panel will also debate

whether the capitalism for African scenario is, at all, needed. Finally, and perhaps most importantly, it seeks to gain a better insight of the world, its understanding of human beings, reality, and the relationship between the two.

Chiputa Kasongo
University of Zambia

INDIGENISING FOREIGNERS: A BURIAL ENCLAVE IN LUSAKA
AND THE CONTEXT OF CHINESE INFLUENCE AND POWER IN ZAMBIA

On 28th October, 2018 the Zambian press published a story that the Zambian government had given part of University of Zambia land near the capital Lusaka to set up a ‘Chinese-only burial site’. The burial site, first for the *re-burial* of the remains of the Chinese who had died in the 1970s during the construction of the Tanzania-Zambia Railway (TAZARA), and as a monument for the remembrance of those Chinese workers, has raised great controversy. It has heightened the debate about growing Chinese influence in or ‘takeover’ of Zambia. Opponents of Chinese presence in Zambia have consistently contested the Zambian government’s *soft* stance towards Chinese people in Zambia. Accusations of corruption and other underhand methods have been cited for the soft stance towards the Chinese. The Chinese have been accused of taking all the Zambian government infrastructure contracts and, also, for engaging in small and medium business activities which, ordinarily, should be the preserve of indigenous Zambians. The contest gravitates around the view that the Zambian government is *indigenising* the Chinese, to the detriment of the Zambians. This has heightened the debate about growing Chinese influence, power and, possibly, Chinese *takeover* of Zambia. This has tended to polarise the country’s nation-building efforts. This paper attempts to prod into the contestation over the extent of Chinese *indigenisation* in Zambia and Chinese influence and power in Zambia’s nation building process.

Mikhail Sidorov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

**ENERGY RESOURCES OF SUB-SAHARAN AFRICA
AS THE FACTOR OF REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT**

Today Sub-Saharan Africa (SSA) is the world region with the largest amount of people without access to electricity. At the same time the region is rich in energy resources – both fossil fuels and renewables. The economic development vector of the region in the XXI century depends to a large extent on the ability to bring to life its energy potential.

What kind of advantages would a full-fledged development of the energy sector bring to SSA countries? The effect of such a development would be a multifaceted one.

Despite the fact that in a number of SSA countries several completed energy projects have already reduced the cost of electricity, overall the price of electricity in the region remains very high, as quite often due to inadequate and unstable supply companies have to rely on expensive back-up generator power. As this is bringing manufacturing costs up, high electricity costs are making local production of goods and services either unprofitable or uncompetitive. The reduction of electricity costs, combined with a still relatively low cost of labor in most SSA countries, would be unable to “unlock” the region production potential, making it to repeat the economic development scenario of East Asia and South-East Asia countries in the XX century.

Higher access to electricity for the population of SSA countries from one hand would enable to rise its quality of life to a new level, ensuring better infrastructure, better healthcare, education and other kinds of social benefits. On the other hand, gaining access to new kinds of goods and services, as well as participating in their production, would mean that SSA countries population would have a higher purchasing power and present higher demand, stimulating the economy through an increased consumption.

Therefore, the realization of the regional energy potential is indisputably a positive factor for the economy of SSA countries. There are many obstacles on the way, such as political instability, corruption, insufficient funds for large projects, low qualification level of local employees. Leading world economy experts are making different forecasts depending on the success of solving these difficulties. However, everyone agrees that it will be a complex process, which will need both intensive activities at the local level and within the region, as well as the involvement of the political, financial and technical resources from the part of the international community.

**Simakando Silongwa,
Kamboni, S. Lucy**
Kwame Nkrumah University, Kabwe, Zambia

PRIVATISATION AS AN ENGINE OF ECONOMIC DIVERSIFICATION
IN KABWE DISTRICT OF CENTRAL ZAMBIA

This study aimed at assessing privatisation as an engine of economic diversification in Kabwe District of Central Zambia. Despite some studies arguing that privatisation subjected former employees to harsh economic conditions due to the loss of their jobs, this study argues that privatisation was an engine of economic diversification in Kabwe. This was because privatisation opened up new doors for former workers to come up with other economic activities that enabled them to earn a living. Instead of experiencing economic retrogression as suggested by some studies, former workers from the privatised parastatals engaged themselves in other economic activities like trading and farming which enabled them to live far much better lives as compared to the time when they were still in employment. The study further discusses that privatisation benefited not only former workers, but the entire community of Kabwe District. Apart from the people of Kabwe, Zambia at large and other parts of the world benefitted from the privatisation of Kabwe's parastatals. Therefore, the findings of this study will help people within and outside Kabwe to appreciate privatisation as a blessing and not a curse.

Pasztor Szabolcs

National University of Public Service, Budapest, Hungary

**IS THE ECONOMIC COMMUNITY OF WESTERN AFRICAN STATES
AN OPTIMUM CURRENCY AREA?**

Recently the current president of the Economic Community of West African States (ECOWAS) announced that they would introduce the ECO, the common currency of the trading block in 2020. Despite the fact that six countries are in the CFA frank zone and the countries have a rather different record of macroeconomic indicators, they regard the new currency as the best way of deepening the regional trade integration. The presentation tries to shed more light on two crucial issues: the preparedness of the ECOWAS member countries for introducing a common currency and whether the ECOWAS is an optimum currency area or not. The presentation and the paper develops a cost-benefit analysis of monetary integration and applies it to the ECOWAS. The widely known benefits of monetary unions are the more credible monetary policy but the costs are associated with real shock asymmetries and fiscal disparities. According to the proposed model the monetary union brings benefits to some members and losses for others. The presentation also highlights some steps to be taken by the countries to create a better functioning monetary union in the ECOWAS.

Nina Taylor

Stellenbosch University, South Africa

Ronney Ncwadi

Nelson Mandela Metropolitan University, Port Elizabeth, South Africa

**AFRICA AN ECONOMIC POWERHOUSE:
POTENTIALS AND CHALLENGES**

African countries have been attributed with relatively low intra-African trade, production and financing. Even though developments via the Abuja Treaty have been made in terms of setting up region trade agreements, many African countries rely heavily on developed countries. Furthermore, developed countries

remain the key trade partner for many African countries. Given the recent low growth in Gross Domestic Product in many developed countries, there is a need for African countries to rely more on one another. Africa remains one of the largest continents with natural resources as well as countries that have been successful in terms of export diversification and financial development. Africa also houses a monetary union via UEMOA. The study endeavours to examine the total potential productivity of African countries. Emphasis will be placed on the regional integration agreements Africa as well as the African Union. The formation and goal of the African Union is to create a United Nations of Africa. Hence, the study will analyse ways in which African countries can utilise resources efficiently and ways in which African countries could rely more on one another in terms of research and development; natural resources; improvement of technology and skills base and sources of funding through African financial institutions. Consideration will be taken of various challenges and potential hindrances to the process of economic integration in Africa and progress towards building an African Union that can be regarded as a powerhouse. The study will also investigate the possibility of intra-Africa financing as well as maintaining peace and security within Africa. The analysis will utilise an augmented gravity model and dynamic panel econometric estimations to measure the growth potential of African countries and Africa as a whole. Furthermore, the study will analyse solutions and recommendations that can be implemented in order to enhance and improve the potential of African countries.

Oxana V. Ivanchenko

Institute for African Studies,

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

**BANK OF TANZANIA AND M-KOBA:
FORMALIZING MUTUAL HELP PRACTICES IN DAR ES SALAAM IN 2019**

The report is devoted to mutual help practices popular among the citizens of Dar es Salaam against the backdrop of tough economic conditions, unemployment

and lack of social services. The paper is summarizing the results of field researches conducted in 2011, 2013, 2015, 2018 and 2019 mostly in low-income districts of Dar es Salaam. The survival strategies in African megalopolis include such traditional support schemes as mutual benefit funds, associations of people from same area or tribe and burial societies. These are simple everyday mechanisms of mutual assistance in case of unforeseen circumstances: sudden illness or death, wedding, etc. The second aim of these practices is to accumulate money for various needs (such as relatively big purchases, school fees or seed money for starting a small business). Specific practices have well established names: kufa na kuzikana (sw. 'death and funeral'), mchezo (sw. 'game') / upatu (sw. 'circle'), and vikoba (sw. 'pocket'). The crucial feature of vikoba is that this initiative was started by the ruling party unlike all the other mutual help groups, which were reluctant to be officially registered and were based on mutual trust. The government was pushing such communities to get registration in order to be recognized, have an opportunity of getting some contributions from political leaders and particularly soft loans for women and youths groups in the banks. By 2018 stratification was gradually taking place among people involved in mutual help practices: part of communities followed the government's claims to get registration and enjoyed the benefits of state support, while for the poorer communities nothing has changed. On 16th November 2018 the National Assembly of Tanzania enacted a Microfinance Act 2018, which mandated the Bank of Tanzania to license, regulate and supervise microfinance business in Tanzania Mainland. After this, another significant event occurred in the field of microcredit associations: in May 2019, mobile operator Vodacom and TPB Bank introduced the M-Coba platform which allowed to register mutual help groups via mobile service, and store money in an electronic wallet. In this paper we will share the results of our study concerning the Tanzanians' attitudes towards attempts to formalize mutual assistance groups conducted in August 2019.

Beatrice Mkunde

The Mwalimu Nyerere Memorial Academy, Tanzania

**TANZANIA'S NEW INDUSTRIAL EPOCH AND HUMAN CAPITAL:
WHY HUMAN RESOURCES PROFESSIONALS MATTER**

A multitude of efforts are being implemented by the government of Tanzania to become a semi-industrialized, middle income economy as enshrined in the national development vision 2025. Notably, the current implementation of the Blueprint from regulatory reforms to improve business environment to fast track the industrialization processes. Parallel to the developed world, for Tanzania to attain the industrialization agenda both small and large scale industries need to emphasize on effective utilization of her human capital amidst other resources. Using a qualitative approach, the study aimed at examining the significant role of human resource professionals on human capital to hasten the realization of Tanzania's industrialization agenda. Specifically, the study identifies industrialization challenges related to human capital and IT advancements that human resources professionals should deal with. It also examines the changing role of HR professionals to attain a competitive advantage. Study findings indicate that IT is changing the needed skills for HR professionals and increases the requirement for IT training. HR professionals have an important role which is constantly changing in the areas of recruiting, communication, training, appraising, commitment creation and disruptive HR to attain competitive advantage. The study recommends prioritization of relevant skills and the respective employment creation potentials of individual sub-sectors, a disruptive HR that responds and adapts to fluid market and to stay relevant and successful in competitive market conditions.

Olga V. Konstantinova
Institute of African Studies, Moscow, Russia

INTRACONTINENTAL MIGRATION AS A CATALYST FOR AFRICAN ECONOMIC GROWTH

Migrations have been accompanying humanity throughout its historical development. Africa is no exception. Now, in an era of rapid development of information technology and transport, this ability of people has enhanced significantly. Migrants head to countries where, in their opinion, life will be better, where they can get better paid jobs to compare with their homeland.

In a UNCTAD report for 2018, «Economic Development in Africa. Migration for Structural Transformation» notes that migration in Africa is mainly intracontinental (53%)¹ and it can positively affect structural transformations the countries of destination and raise Africa's GDP up to \$ 3249 per capita by 2030, with an annual growth rate of 3.5% starting from 2016, when this figure was 2008 dollars².

Remittances from migrants to Africa account for half of all private capital flows on the continent. They increased on average from \$38.4 billion (2005–2007) to \$64.9 billion (2014–2016)³. This assistance provided by migrants to their families is a significant support for African households.

Therefore, the development of African integration, the simplification of procedures for the movement of people within the continent, the elimination of regulatory barriers, for example, in the form of the high cost of remittances, will be necessary conditions to maximize the benefits of migration, which can be a catalyst for African economic growth and sustainable development.

---

¹ According to 2017.

² Economic Development in Africa. Report 2018. Migration for Structural Transformation / United nations conference on trade and development, New York and Geneva, 2018. P. 147. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldcafrica2018_en.pdf (accessed 19.11.2018).

³ Ibidem.

Panel I-3. Industry 4.0 and Africa's Development Policy: Institutions, Technology, Innovation and Start-up Strategy
Секция I-3. Индустрия 4.0 и политика развития Африки: институты, технология, инновации и стратегия стартапов

Convenor / Руководитель: *Jude Okechukwu Chukwu* (University of Nigeria, Nsukka)

The era of industry 4.0 has brought about the use of internet of things, cyber-physical systems, smart factories, new systems in distribution of products and services, new systems in procurement etc. The fourth industrial revolution promises added-value and competitiveness, new business models, digital start-ups and innovation ecosystems, workers' satisfaction at work plus development sustainability. In sum, industry 4.0 is characterized by major technological disruption with digitalization; digital age with internet of things; innovation based on combinations; emergence of disruptive new combination; self-organization and self-actualization; super disruptive innovation; new industrial revolution with IOT, Big data and block chain; manufacturing innovation 3.0; and the major changes in industries, people, government and entire society. It is imperative to understand the crucial links between commerce and social needs; between innovative strategies and financial outcomes; between labour productivity and society's notion of security, stability and quality of life; between consolidating existing technologies and creating entirely modern smart solutions. The core elements are smart technology, smart talents, smart cities, smart workforce, innovative strategy and social impact.

The future of Africa in contemporary world lies entirely on its timely and strategic investment in science, technology and R&D innovation tailored towards catching-up with the fast pacing fourth industrial revolution. A successful outing in the fourth industrial revolution requires aggressive implementation of development policies such as SDG 17 of the United Nations 2030 Agenda and the Science, Technology and Innovation Strategy for Africa (STISA) 2024 which prioritizes on science, technology and Innovation (STI). At the continental Africa's level, (STISA) 2024 has emerged as the framework for implementing African Union's 2063 Agenda which focuses on three strategic pillars namely capacity building, technology innovation and knowledge production. Most African economies had emphasized that developing a knowledge-based economy (KBE) is fundamental to modernization and social transformation. The KBE is mainly based on the tripod of (i) Human Resource Development, (ii) Information and Communication Technology, and (iii) Science, Technology and Invention". It is planned that these

targets be achieved primarily by addressing the key constraints to economic growth and global competitiveness, improving the policy and business environment, increasing investment in human capital, diversification into a more industrialized economy mainly driven by creativity, entrepreneurship and innovation ecosystem, and improving institutional use of evidence in public policy management. The African Capacity Report (2017) identified Science, Technology and Innovation as strategic priorities with higher educational institutions as the agents. The core question to answer is how ready is Africa and how can Africa respond to industry 4.0? The time to implement STI strategies that would embrace industry 4.0 is now or never for Africa. Most rich and highly innovative economies had adopted Schumpeterian model of creative destruction for economic development. The panel invites articles from researchers/scholars, development/innovation economists, development policy researchers, science and technology experts, public policy analysts to rethink continental Africa's development policies, plans, programmes and strategies in order to proffer solutions on how best to move continental Africa to the path of economic transformation and sustainable development in line with the fourth industrial revolution.

Jude Okechukwu Chukwu

University of Nigeria, Nsukka, Nigeria

EXPECTED ROLE OF HIGHER EDUCATION IN INDUSTRY 4.0 IN AFRICA

The fourth industrial revolution (Industry 4.0) focuses on smart and creative thinking, smart technology, smart talents, smart cities, smart workforce, smart society and sustainable innovative strategy. Higher educational institutions create the enabling platform for a sustainable knowledge-based economy to remedy youth unemployment, youth dependency, youth restiveness, low industrial growth, low human development index etc. The core research question is what are the expected roles of African higher education system in industry 4.0? The study investigates the expected roles of African higher education in Industry 4.0. The research method exploits indicators of educational readiness for Industry 4.0 such as readiness for innovation, e-learning compliance ratios, information and communications technology (ICT), utilization rate, public spending on higher education, global innovation index, public spending on science, technology,

engineering and mathematics (STEM) and research and development (R&D) etc. Data for Nigeria, Ghana, Botswana, South Africa, Tunisia, Egypt, Rwanda and Kenya shall be ranked for each metric. Their ranks, summed and averaged across all metrics, and compared with rest of the world averages. The expected findings are that: (i) improved higher education system with emphasis on technological innovation would facilitate response to industry 4.0; (ii) improved ICT talent development for university students would enhance the response to industry 4.0; (iii) improved public spending on higher education with emphasis on R&D and improved public spending on STEM would facilitate response to industry 4.0; and (iv) e-learning compliance and high ICT utilization rate would enhance the response to industry 4.0. The findings support implementation of robust higher education policies and programmes, besides increasing public budgetary provision for investment in science, technology, engineering and mathematics (STEM).

Vanesetan R. Houndji

Universite de Abomey Calavi (UAC), Benin

PREDICTING AGRICULTURAL YIELDS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Agriculture is one of our greatest assets. Estimation of a future agricultural production is an important challenge for farmers. In this work, we propose a system based on artificial intelligence to estimate farm yields. We use drones and Artificial Intelligence (in particular Machine Learning algorithms) to estimate an agricultural yield production. For the first experiments, we focus on the Sorghum. Sorghum is the fifth largest cereal with regards to volume of production, after maize, rice, wheat and barley. It is the main cereal for many low-income populations living in the semi-arid tropics of Africa and Asia. We propose and experiment an approach with Machine Learning to estimate the agricultural yield of a farmland of Sorghum before the harvest. These algorithms allow us 1) to detect the different ears of Sorghum on

an image and 2) to estimate their weight. On our dataset, we obtain an average accuracy of 74.5% for the detection of sorghum.

Noah Alilu

Kogi State Youth Empowerment Support Scheme, Lokoja, Nigeria

REDUCING POVERTY AND UNEMPLOYMENT
IN A RURAL AFRICAN ECONOMY:
THE CASE OF YESSO SOCIAL SAFETY NET SCHEME
IN KOGI STATE, NIGERIA

Poverty and unemployment have made colossal damages in the socio-economic, socio-cultural and socio-political orientation of the kogi state citizens. The study examined the effectiveness of Social Safety Net (SSN) as a panacea to poverty reduction and unemployment alleviation in the rural communities in Kogi State, Nigeria. The stratified random sampling with a proportional representation method was employed to select 250 respondents. The data collection tool used was simple closed-ended questionnaires with face-to-face interviews with respondents. Both descriptive and inferential statistics were employed to analyze the collected data. The descriptive result reveals that secondary education was the highest (57.7%) form of education among the respondents while 49 percent of the respondents have no income. Also the results revealed that 88.4% of the respondents thought that government assistance made a difference in their welfare while 11.6% thought otherwise. The binary regression analysis result revealed that the significant variables that had an effect on SSN were: the location of the respondents; their gender; their level of education; the type of dwelling of the respondents; and their income outside farming. The study concluded that access to SSN is a good panacea to poverty and unemployment alleviation in the study areas. The study therefore recommends that the significant variables that had an effect on SSN be considered when measures of SSN are implemented.

Nnanna Onuoha Arukwe
University of Nigeria, Nsukka

Ahmad Usman
University of Kashere, Gombe State, Nigeria

**YOUNG FEMALE ENTREPRENEURS EMPLOYING ICT IN START-UPS:
PERSPECTIVES FROM NIGERIA AND IMPLICATIONS
FOR SOCIAL DEVELOPMENT POLICY**

This paper examines the phenomenon of young female entrepreneurs in Nigeria creatively leveraging on ICT to engender start-ups, which become employers of labour and contribute to the country's development goals. The paper adopts explorative research methodology; hence focus group discussion and in-depth interview are employed to generate primary data. The participants are all female, mostly Christian and from the southern parts of Nigeria. Majority of the young women entrepreneurs studied own at least one ICT-mediated business in which they employ between one to five persons. Also, majority of the studied young female entrepreneurs have businesses that are either in the service or retail industry while others are in manufacturing. Given the importance of their several contributions towards meeting Nigeria's national development goals (through such avenues as job creation, turnover from enterprise, marginal investment per product and opportunity for investment in concerned sectors), the paper tries to understand among other things the major constraints that the young female entrepreneurs face in the course of their leveraging on ICT to creatively engender viable start-ups. This enables the paper to come up with suggestions in the interest of social development policy and further research in Nigeria and, by extension, Africa.

Chinasa Ikelu
Institut de Mathematique et des Sciences Physiques (IMSP),
Cotonou, Benin Republic

OPTIMIZING A NETWORK OF DRONE-AIDED HEALTHCARE SERVICES IN RURAL RWANDA

Maternal mortality is one of the leading causes of child-bearing women in Africa. One of the major challenges facing women in rural areas in Africa is to deliver safely their babies thereby curtailing excessive bleeding during birth. This paper focuses on optimizing costs related to delivery of blood through drone technology by determining how many blood is shipped from the distribution center to each destination centers thereby minimizing total shipping costs. We envisage that drone-aided healthcare services can reduce the shipping cost associated with transporting blood from the point of origin to the centers. We examined a classical optimization problem referred to as the transportation model in which the supply is dependent on the demand by the various facilities in rural Rwanda. Our study focuses from the start of drone operation in Rwanda until last visit in 2018. Using this model, we observed that data is critical to the success of any facility location analysis. Preliminary results show that the associated travels from the second distribution point of origin to all destination centers (except the third destination) is zero since the quantity of blood transported from the same point of origin to the same centers is zero. The result of the Integer Linear Programming show optimality. Drone-aided network using a mathematical optimization model and simulation analysis helps in understanding transportation costs associated with transporting blood in Rwanda so as to reduce maternal mortality.

Alexander M. Rusero
University of Pretoria, South Africa

ZIMBABWE'S PROSPERITY IN THE POST MUGABE ERA:
CRISIS OF CO-OPTION AND CORRUPTION

On 24 August 2018, Zimbabwe's Constitutional Court upheld the victory of Emmerson Mnangagwa as the President of the Republic of Zimbabwe following the July 30 Harmonised Elections – the first to be held after the military coup that ousted long-time dictator Robert Mugabe the previous year. The opposition MDC Alliance had filed a court petition challenging the electoral outcome which it claimed was marred by "mammoth theft and fraud." The verdict of the highest court of the land meant that Mnangagwa could proceed and form a government that would preside over the formulation of Zimbabwe's public policy and perhaps steer the country out of the economic quagmire that the state found itself in with the advent of the new millennium. At the heart of the Zimbabwean crisis is a non-performing economy, coupled with the absence of a viable legal tender in form of a local currency as well as inconsistency of public policy programmes and pronouncement. In addition, the government has exhibited a lot of public policy dilemma caught in between continuity and change, as much as the public policy script that was used by the Mugabe regime is concerned.

On one hand is a government calling itself the Second Republic and in most circumstances the New Dispensation and in the process desperate to be seen as a newly evolved system that has departed from the old, on the other is the modus operandi pursued by the Mnangagwa government, whose recent killing of protesters, shutting down the internet and increased presence of gun-toting military men and women everywhere remains a dark cloud of the continued tactics of the erstwhile regime. Furthermore, Mnangagwa's appointment of Constantine Chiwenga – the former Commander of the Zimbabwe Defence Forces who engineered the coup that ousted Mugabe, as the first vice president and the appointment of Kembo Mohadi a former colonel in the army as the second vice president sent a chilling effect to all observers that the Mnangagwa

government was in all intend and purpose a militarised government. Key personnel in Mnangagwa's Cabinet include Sibusiso Moyo the Foreign Affairs and International Trade minister. Moyo is a retired major general in the army, who went on the national broadcaster to announce the coup in November 2017.

In addition to the list is retired Air Marshal Perrence Shiri, former Commander of the Air Force who is now Agriculture minister. Outside ministerial posts are appointments of military personnel as heads of state-owned parastatals, permanent secretaries as well as diplomatic missions abroad. Only recently, Mnangagwa announced the retirement of Major General Martin Chedondo, Major General Douglas Nyikayaramba, Major General Anselen Sanyatwe and Air Vice Marshal Shebba Shumbayaonda and their redeployment to the diplomatic service. The legendary Napoleon Bonaparte's maxim that without the army there is neither independence nor civil liberty is to a greater extent fashioned within the Zimbabwe's politico-military dynamics. But more worrying is the extent at which the entire bureaucratic structure and public administration has largely been militarised. In Zimbabwe there has actually emerged an expanded role of the military in politics, economy and government.

The implications of a militarised regime is an attempt to solve the country's problems in military terms, a commandist approach to policy and the economy as well as the pursuit of self-preservation at the expense of national interests. When nurses attempted to strike in 2018, Vice President Chiwenga issued them with dismissal letters which rendered the health sector chaotic at a time when thousands were affected with cholera. At the beginning of 2019, junior doctors did the same and were threatened that the government would not hesitate withholding their practising certificates as qualified medical practitioners. When teachers issued a strike warning, military personnel were deployed in schools to intimidate teachers and in some instances beat them up for failure to report for duty or executing their teaching roles. In addition, the government issued an advert inviting all unemployed teachers to register in a district they were willing to take a government teaching job. This was viewed as an indirect warning should

teachers attempt to strike. The militant approach to employees' grievances has resulted in a crippled service delivery, apathy and in most circumstances a silent but noticeable halt of public administration. It is against this background that this paper seeks to assess the implications of a militarised bureaucracy to public administration and bureaucracy of Zimbabwe. In doing so, the paper seeks to unearth the rather unquantified effects of the government-military conflation that is now the order of the day in Zimbabwe.

Bob Onyemaechi Ugwejeh

Friedrich-Schiller-Universität, Jena, Germany

Jude Okechukwu Chukwu

University of Nigeria, Nsukka

SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES AND GLOBAL VALUE CHAIN
PARTICIPATION AS INTEGRATION STRATEGY FOR AFRICA'S
DEVELOPMENT: EVIDENCE FROM NIGERIA

In recent years, Nigeria has recorded a steady increase in small and medium enterprises but the growth seems to be small amidst myriads of problems they face such as firm size, governance and scaling-up. This infinitesimal increase has contributed to SMEs participation in global activities. The broad objective of the study was to determine how SMEs participate in Global Value Chains. The Enterprise Survey data from World Bank (2014) was used for analyses. The survey data comprises a total of 2676 different firms from various sectors between April 2014 and February 2015. The Probit model was employed to understand how the combination of private and foreign ownership, private ownership only and foreign ownership only would contribute to GVCs. The marginal effect explains the probability of these variables contributing to GVCs. The empirical results suggest that the private sector participates more in GVCs, and that the size is significant with employees of more than 100.

The study focused on three sectors namely hotel and restaurant, food and beverages, and furniture. The study finds that hotel and restaurant sector participated more in GVCs compared to others. The study further finds that the

participation of Nigerian SMEs in GVCs is quite different from what obtains in other developing countries. In sum, the results clearly show that the size of SMEs is important, and suggest employment size of at least 100. However, this is common in private ownership which invests in hotel and restaurant sector that render services in GVCs.

Michele Romanello

Federal University of Santa Catarina (UFSC) – Brazil

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN AFRICA: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

The Fourth Industrial Revolution (4IR) is characterized by the integration and control of production through the connectivity between the physical and the virtual world. This process generates enormous changes in the industry through technological developments such as increased productivity, autonomy, and redistribution of work.

One of new technologies that are fundamental for this structural change and that has gained popularity within few years is blockchain. Blockchain technology offers distinct advantages over database technology as it provides for thrustless recording of transaction data without relying on an existing intermediary.

Africa needs technological innovations, such as blockchain, to achieve economic development and converge to the level of other countries. The continent can indeed turn the lack of infrastructure from a disadvantage into an asset. It offers a blank playground to test and validate new concepts and technologies.

The purpose of the paper is to analyse spread, problems, and potential of blockchain in African countries. Moreover, the paper presents policy recommendations as to how countries could incorporate the technology towards achieving their economic transformation agenda.

The results indicate that this disruptive technology will be essential for African countries in the next years and the legal and regulatory mechanisms will have to operate in many ways. In order to accommodate this, domestic and

regional legislations and institutions would have to undergo some changes to handle with blockchain becoming a certainty.

Robert Odeni Iyede
Federal College of Education (Technical), Nigeria

FINANCIAL MARKET INNOVATIONS AND THEIR IMPACTS
ON THE BANKING SECTOR IN NIGERIA

The study became imperative due to crave to ascertain whether financial innovations that are designed to reshape the banking sector to enable it better achieve its functions like financial intermediation are being attained. Inability of financial innovations to bring about a positive change in financial intermediation would adversely affect availability of credit. This would in turn lower capital accumulation and lead to poor investment. By this situation, economic growth and social welfare might be reduced. As daunting as the situation, it is noticeable, that studies on financial market innovations showed concern for areas such as monetary policy, savings and regulations to the neglect of financial intermediation. Nevertheless, the focus was not on the extent to which financial market innovations influence financial intermediation in the banking sector. Against this background, the study will estimate the effect of financial innovations on financial intermediation in the Nigerian banking sector, 2004-2017. Based on extant literature, a standard model of financial innovation-financial intermediation nexus will be formulated. It will be estimated with the Autoregressive Distributed Lag (ARDL) technique. The outcome of this study, would provide a better and deeper understanding of the relationship between financial innovation and financial intermediation in the Nigerian banking sector. The outcome would also assist in prescribing the steps, government and relevant agencies can take to ensure that financial innovation always contribute positively to financial intermediation.

Davidmac Olisa Ekeocha
University of Nigeria, Nsukka

**WHICH IS WORST IN WEST AFRICA?
POVERTY OR INEQUALITY ON QUALITY OF LIFE**

Poverty can be perceived in terms of deprivation. An outcome of low income or unavailable income resources in a particular density of a population, relative to others, who may be perceived to be in affluence. This divide provides an insight on the quality of life enjoyed by some share of the population, the haves, and others, the have nots. Upon this therefore, formed the motivation for this study, to determine which is worst: poverty or income inequality on the different dimensions of quality of life? The methodology that would be adopted is the panel probit, and data will be sourced but not limited to the National Demographic Household Survey (NDHS). Upon the results from the above, we use a panel OLS to investigate the possible solutions that will be region centric, to address the problem of poverty and inequality. This is based on the fact that the perception of these variables have geographic, social and policy peculiarities across time and space (World Bank, 2019). That is, investigating the effect of different categorizations of poverty at less than \$1, \$2, and \$5 per day; as well as income inequalities at these levels in West Africa.

Noah Alilu

Kogi State Youth Empowerment Support Scheme, Lokoja, Nigeria

**TRANSFORMING AFRICAN ECONOMIES THROUGH PRODUCTIVITY
GROWTH CONVERGENCE AND FACTORS EFFICIENCY**

Economic growth that is inclusive and pro-poor oriented has the capacity to reduce poverty and enhances living standard. The Malmquist index was used for the estimation and decomposition of total factor productivity (TFP) growth of 30 African economies. The data used were obtained from Penn World Table 8.1. The study identifies some key issues: TFP decreased within the period, mainly due to the reduction in technical efficiency and, the decline in the efficiency change while

mean pure efficiency change deteriorated heavily to 0.983. However mean of technical change was positive at 1.030, implying that African economies are not only operating at below average, but potentially amenable to technological advancement. TFP growth recorded was due to technical progress especially innovation. Convergence test was conducted using the ADF T-Test and found no evidence of unconditional convergence, while efficiency of factors was accessed using both stochastic and data envelopment analyses. The mean efficiency of both models are far below average suggesting low technical efficiency leading to poor catch-up to convergence. However the continent needs an enhancement in productivity based catching-up capabilities particularly the development of effective human capital and ultimately robust institution which remains the engine of the economy.

Greg N. Iwuoha

Federal University of Technology, Owerri, Nigeria

USE OF NEW TECHNOLOGIES BY PUBLIC HEALTH INSTITUTIONS IN NIGERIA

Public health institutions in Nigeria are faced with several challenges due to constant pressure arising from several diseases around the area. Over the years, several methodologies have been adopted to tackle the menace especially to reach out to many residing in the hard to reach areas. The topographic nature of the country as well as the wave of insecurity in some places made it quite important in some places to embrace a more technological approach to healthcare service delivery. The use of modern technologies in many developed nations is regarded as one of the emerging fastest and reliable approach to health care improvement. The use of new technologies has also been adopted in many public health institutions in Nigeria. In some quarters, it could be widely believed that the application of modern technologies among public health institutions has immensely contributed to advancement in health care delivery in the country. Unfortunately the extent to which the use of these technologies in public health institutions has been

successful in Nigeria is yet to be properly articulated. This employed a cross-sectional analysis to assess the contributions of the use of modern technologies among selected public health institutions in Nigeria. On the other hand, not all the public health institutions have adequately embraced new technologies. Hence, this study assessed the patterns of adoption of new technologies in public health institutions in Nigeria; identifying the challenges facing the institutions in the adoption of new technologies. The findings are expected to reposition public health institutions towards provision of quality health care services.

Panel I-4. Perspectives of the Scientific-Technological Progress in Africa
Секция I-4. Перспективы научно-технологического развития
африканских стран

Convener / Руководитель: *Евгения Викторовна Морозенская* (Институт Африки РАН, Москва)

1. Main Directions of the Scientific–Technological Progress in Modern Africa.
2. State (Government) Role in the National, Regional and Continental Scientific-Technological Programs and Plans' Realization.
3. Specific Features of International Companies' Policy in the Sphere of Technological Modernization of African Economies.
4. Ways of the New Technologies' Transfer to Africa and Perspectives of their Use in the Production and Consumption Spheres.
5. Possibilities of the African Countries Adaptation to the 4th Industrial Revolution.

1. Основные направления научно-технологического прогресса в условиях современной Африки.
2. Роль государства в реализации национальных, региональных и обще-континентальных программ и планов научно-технического развития.
3. Особенности политики международных компаний в отношении научно-технологической модернизации хозяйства принимающих африканских стран.
4. Пути поступления в Африку новых технологий, перспективы их использования в производстве и сфере услуг.
5. Возможности приспособления африканских стран к 4-й индустриальной революции.

Emmanuel I. Archibong
University of Uyo, Nigeria

**THE ELECTRO-DYNAMIC DEFICIT
IN AFRICA'S INDIGENOUS TECHNOLOGY**

Artisans are in the business of producing art work and crafts basically for aesthetic enjoyment. Africa as a continent is replete with so many talented artisans. But an art work or craft isn't really of much utility on a public scale if it is not

powered by electrical charges leading to motion through the knowledge of the workings of nature's resources and law. This absence of electro-dynamism in Africa's indigenous technology creates a missing link to its full credit of a truly indigenous technology. The paper interrogates this gap from a critical standpoint and proffer solution on what can be done especially within the framework of Africa's technological renaissance either through transfer technology or adaptation. The paper concludes that the government and private sector have a role to play in assembling skillful artisans and training them in practical science. With this, Africa will begin to work towards a truly indigenous technological brand with regards to the production of simple and complex machines on its immobile craft.

Гаврилова Н.Г.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

НОВЕЙШИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НИГЕРИИ

Нигерия, крупнейшая по численности населения страна Африки, на протяжении десятилетий испытывает дефицит продовольствия. Так, по данным ФАО ООН, в 2016–2018 гг. недоедание было распространено среди 13,4% населения и охватывало 25,6 млн человек. Высокие темпы увеличения численности населения еще больше обостряют проблему продовольственной безопасности, несмотря на то, что будучи аграрной страной, Нигерия в течение многих лет являлась ведущим мировым экспортером некоторых видов сельскохозяйственной продукции и обеспечивала себя продовольствием.

В настоящее время наиболее острыми для страны являются проблемы модернизации сельского хозяйства. Между тем происходящая в мире «цифровая революция» уже привела к появлению практически во всех отраслях, в том числе и сельском хозяйстве, различных новых технологий. Внедрение современных научных разработок наблюдается и в странах Африканского континента. Так, нигерийская компания PS Nutraceuticals представила свою технологию выращивания сельскохозяйственных культур в воздухе (без поч-

вы) – aeropонику. Другая фирма, Farmforte, использует новую технологию для переработки скоропортящихся товаров.

В Нигерии приобретает популярность группа технологий под общим названием Zenvus, предназначенная практически для каждого аспекта деятельности фермы. Так, Zenvus Smart Farm анализирует температуру, влажность, насыщенность растений необходимыми питательными веществами и разрабатывает алгоритм, рекомендуемый фермеру оптимальное сочетание этих факторов. Zenvus Yield анализирует «здоровье» сельскохозяйственных культур; Zenvus Locі используется для отслеживания перемещения грузов; Zenvus Manager («Электронный дневник фермы») предназначен для различных форм учета на ферме; Zenvus Capital – приложение для прямого общения фермера с банком; Zenvus Insure – приложение для заключения страховых сделок. Комплект программ рассчитан на многолетнее использование и оценивается примерно в 200 тыс. найр (\$552,5).

Для того, чтобы ускорить модернизацию сельского хозяйства при помощи современных технологий, необходимо принятие определенных мер на правительственном уровне, которые могут включать следующие: осуществление комплексного подхода к предоставлению технологий и знаний в области развития сельского хозяйства; улучшение доступа мелких фермеров к финансам; развитие инфраструктуры для рынков сельскохозяйственной продукции; сокращение затрат на технологии для фермеров посредством субсидирования от государства.

Зайцева К.А.

ВНЕДРЕНИЕ НОВЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В АФРИКЕ

В условиях развития и внедрения на глобальном уровне инновационных медицинских технологий Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Африканский союз (АС) подписали в ноябре 2019 г. Меморандум о взаимопонимании для объединения усилий по обеспечению всех жителей

континента услугами здравоохранения. Предусматривается сотрудничество в трех ключевых областях: 1) поддержка Африканского агентства по лекарственным средствам для обеспечения доступа населения к высококачественным, безопасным и эффективным лекарствам; 2) укрепление сотрудничества с Африканским центром по контролю заболеваемости с особым вниманием к профилактике и обеспечению готовности к чрезвычайным эпидемическим ситуациям; 3) введение обязательного медицинского страхования в целях поддержки первичной медико-санитарной помощи как одного из эффективных способов укрепления здоровья населения.

Модернизация системы здравоохранения на основе цифровых и мобильных технологий способствует сохранению здоровья африканцев, в частности путем применения имеющихся у большинства из них мобильных телефонов. Так, в Кении, где сейчас самый высокий уровень ВИЧ-инфицированности, в ходе эксперимента медики при помощи СМС напоминали пациентам о времени приема лекарств и визита к врачу, что позволило снизить смертность на 25% и затраты на лечение – на 7%. Повышением доступности медицинской помощи на Африканском континенте озабочена и одна из ведущих фармацевтических компаний «Берингер Ингельхайм», реализующая программу по формированию современной инфраструктуры здравоохранения, «In Reach Africa», в десяти ключевых странах Африки южнее Сахары.

Важнейшим направлением профилактики и лечения заболеваний становится телемедицина, особенно перспективная для Африки с учетом неразвитости медицинской инфраструктуры. Например, в рамках совместного проекта «Global Good» и компании MobileODT тестируется возможность использования технологии машинного обучения для удаленной визуальной диагностики заболеваний в Эфиопии. В шести африканских странах, в частности в Кении, в ходе оздоровительной кампании по профилактике онкологических заболеваний у женщин выполнялась удаленная диагностика с использованием специальной оптической насадки, которая подходит для камеры любого

смартфона на базе Android. Внедрение искусственного интеллекта поможет созданию интеллектуального здравоохранения на основе использования опыта и знаний экспертов-медиков в отдаленных больницах Африки.

Liudmila N. Kalinichenko

Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia

THE FOURTH TECHNOLOGICAL REVOLUTION: THE CHANCE TO LEAP FORWARD FOR AFRICAN COUNTRIES' ECONOMY

Disruptive technologies adoption, such as big data, the Internet of Things, 3D printing, robotics and others in African countries' production process create opportunities for them to leap forward in their economic development. Some countries have made certain progress in introduction of autonomous energy grids based on solar energy, using drones for transferring different loads, mapping territories and monitoring natural reserves, implementing 3D printing for production some equipment, using blockchain technology for getting access to micro-loans for small businesses, building eco-industrial parks with smart energy and water systems. A great activity is observed in startups creation on the continent that allows bringing together inventors, programmers, developers, entrepreneurs, venture investors.

At the same time the Fourth technological revolution create new challenges for African countries connected with the process of re-shoring (getting back of industrial enterprises to the developed countries closer to consumer markets), which is a result of automation and robotization development. This leads to interest decline for low-skilled personnel and continuously rising demands for professional qualification improvement, which can create additional difficulties in providing jobs for fast growing African labour force market.

The so-called premature de-industrialization reveals itself in manufacturing value added decreasing in total African GDP and labour force diversion from agrarian sector straight to services, bypassing industrial sphere at a time when per capita income is still very low.

The countries of the African continent need to encourage entrepreneurial activity and provide for it legal support, promote the creation of basic infrastructure and the implementation of new technologies by attracting financial resources on the basis of public-private partnership.

Кукушкин В.Ю.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

АЛЖИР: СТИМУЛЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

1. Медленная диверсификация отраслевой структуры, а также энерго-сырьевой внешнеторговой специализации АНДР в XXI в. сопровождались стагнацией, иногда сокращением производства и экспорта ключевым нефтегазовым сектором при ускоренном росте внутреннего спроса на его продукцию. Одновременно наблюдалась низкая загрузка мощностей чрезвычайно капиталоемкого, технически сложного экспортного потенциала, особенно в алжирской газовой промышленности.

2. Одним из наиболее эффективных и высокотехнологичных способов мобилизации дополнительных экспортных ресурсов могло бы стать освоение запасов сланцевого газа АНДР – четвертых в мире по величине. Важно, что это позволило бы полнее загрузить наличные объекты отраслевой инфраструктуры. Однако освоение сланцев оказалось сопряжено со сложнейшими экологическими и социально-политическими проблемами – ускоренным истощением и/или загрязнением поверхностных источников пресной воды, особенно на юге страны, чрезвычайно скудных, а, возможно, и мало изученных ресурсов грунтовых вод. Все подготовительные и производственные операции являются чрезвычайно водоемкими, причем использованная в них вода пока не поддается очистке и рециклированию.

3. За водные ресурсы с промышленностью соперничает сельское хозяйство, не менее перспективное для диверсификации экономики. Алжир один из крупнейших в мире импортеров зерновых и другого продовольствия. Од-

нако государство мало использовало возможности стимулировать аграрный сектор, в т.ч. новейшими технологиями. Сборы зерна сильно зависят от погодных условий, а главная технико-экономическая причина перепадов урожайности – медленное развитие ирригации. Правительство намечало за 2015–2019 гг. увеличить общие площади орошаемых земель страны более чем вдвое (с 0,9 млн га до 2 млн га), причем орошаемые площади под посевами зерновых – десятикратно (с 60 тыс. до 600 тыс. га). Предусматривалось также сократить потери воды, внедряя ее рециклирование и капельное орошение; достичь удвоения урожаев пшеницы и ячменя.

4. Алжир использует в основном зарубежный технологический потенциал. Доступ к нему затруднило ухудшение валютно-финансовой ситуации и сокращение государственных капиталовложений во второй половине 2010-х гг. Тормозят модернизацию также медленные либерально-рыночные реформы и ухудшение инвестиционного климата АНДР в ходе затяжного политического кризиса 2019 г.

Матвеева Н.Ф.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ «КЛИМАТИЧЕСКИ УМНОГО» СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КЕНИИ

Отмечающееся в Кении на современном этапе неуклонное отставание динамики увеличения сельскохозяйственного производства от темпов роста населения и его продовольственного обеспечения все больше обостряет проблему продовольственного дефицита и продовольственной безопасности. Стабильному развитию отрасли препятствует целый комплекс взаимообусловленных факторов. В их числе важную роль играет все более четко оформляющаяся в условиях глобального потепления тенденция к уменьшению количества выпадающих осадков и учащению климатических рисков, крайне негативно отражающихся на системе кенийского аграрного производства, в основном относящейся к дождевому типу питания.

Кения относится к группе развивающихся стран, ориентирующихся в своих стратегиях аграрного развития на предложенную ФАО концепцию “Climate Smart Agriculture”. Подход ФАО означает создание (при помощи технических, политических, инвестиционных мер) устойчивой системы аграрного производства, адаптированной к меняющимся климатическим условиям при одновременном снижении негативного воздействия роста сельскохозяйственного производства на состояние окружающей среды, что в частности нашло свое отражение в государственной стратегии “Kenya Climate Smart Agriculture Strategy 2017–2026” (KCSAS).

Под эгидой ФАО в Кении специалисты из Kenya Agricultural and Livestock Reach Organization (RALRO) и Consultative Group of International Agricultural Research (CGIAR) проводят научные исследования по оценке эффективности реализации положений концепции “Climate Smart Agriculture”, которые на экспериментальной стадии показали в основном положительные результаты.

Ускорению внедрения предлагаемых ФАО и национальными стартапами инновационных методов ведения сельскохозяйственного производства способствует расширение использования в агросфере цифровых технологий. С их помощью распространяется информация о прогнозе погоды, оценке ожидаемых урожаев и ценах на сельхозпродукцию, оформляются кредиты, проводится тестирование почв на уровень влажности, даются консультации специалистов.

Большое значение при этом имеет широкое распространение среди фермеров научных знаний, что может повлиять на выбор общего направления развития страны с учетом потребностей будущих поколений.

Маценко И.Б.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СУБСАХАРСКОЙ АФРИКЕ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В условиях Четвертой промышленной революции и цифровой трансформации экономики повышение качества трудовых ресурсов с целью приведения квалификации рабочей силы в соответствие с требованиями новой экономики и рынка труда приобретает особое значение во всем мире, в том числе и в Африке.

По оценкам аналитиков Всемирного экономического форума (ВЭФ), сегодня страны Африки южнее Сахары (АЮС) далеки от оптимального использования своего человеческого потенциала и недостаточно подготовлены к Четвертой промышленной революции. Согласно индексу человеческого капитала ВЭФ, страны АЮС в настоящее время используют только 55% своего человеческого потенциала по сравнению со средним глобальным показателем в 65%, а доля высококвалифицированных работников составляет всего 6%, в отличие от среднемирового показателя в 24%.

Для соответствия требованиям Четвертой промышленной революции в области человеческого капитала странам АЮС необходимо существенно расширить и модернизировать систему образования, особенно высшего, а также сферу профессиональной подготовки с целью их адаптации к потребностям цифровой экономики. Особое внимание следует уделять навыкам НТИМ (наука, технологии, инженерия и математика) и ИКТ (информационно-коммуникационные технологии), которые имеют решающее значение для формирования рабочей силы, способной конкурировать в условиях цифровой экономики.

Тем не менее, будущее увеличение числа рабочих мест в странах АЮС не ограничивается только сектором ИКТ. Речь идет, в частности, о развитии как материальной, так и нематериальной инфраструктуры, расширении тор-

говли и туризма, переходе к более экологически устойчивой экономической модели и др.

В целом Африка располагает немалыми возможностями для совершенствования человеческого капитала и роста производительной занятости в период зарождения цифровой экономики. Однако их реализация требует активных и целенаправленных мер со стороны государства по адаптации стратегий развития своих стран к новой экономической реальности, включая увеличение инвестиций в человеческий капитал с целью его качественного улучшения. Именно последнее становится одной из важнейших задач, стоящих перед африканскими странами в XXI веке, учитывая их существенное отставание от процессов структурной трансформации на фоне разворачивания Четвертой промышленной революции.

Морозенская Е.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

ЭКОНОМИКА АФРИКИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В условиях Четвертой промышленной революции, стимулирующей рост промышленного производства, создание новых рабочих мест и обусловленные этим сдвиги в общественных отношениях, решающим фактором при выборе африканскими государствами алгоритма экономического развития становится проведение адекватной промышленной политики и в целом социально-экономического регулирования на национальном, региональном и континентальном уровнях. Этот алгоритм может вырабатываться двумя способами: либо на основе поиска возможностей включения национальной экономики в принципиально новые для нее процессы, связанные с цифровизацией, либо путем разработки различных вариантов приспособления экономики к последствиям (нередко негативным) этих процессов. Определенные ориентиры такого регулирования заложены в новой общеафриканской стратегии «Agenda–2063» и согласующихся с ней стратегиях ряда стран Африки.

От характера проводимой экономической политики зависят возможности достижения африканскими государствами Целей устойчивого развития ООН на 2016–2030 гг. В реальном секторе экономики – это прежде всего Цель 9 «Осуществление инклюзивной и устойчивой индустриализации и поощрение инноваций». При современном неудовлетворительном состоянии африканской обрабатывающей промышленности и отраслей инфраструктуры (транспортной, коммунальной, строительной) регулирующая роль государства включает в себя прежде всего защиту прав инвесторов, предоставление им государственных гарантий и продвижение государственно-частного партнерства (ГЧП) в качестве оптимальной модели хозяйственного взаимодействия.

Ряд африканских государств уже признали высокую эффективность ГЧП и развивают его, формируя новые подходы, такие как государственная поддержка инфраструктурного планирования и инвестиций, дополнительная институционализация сферы государственно-частного партнерства, а также пересмотр правового обеспечения ГЧП, что позволяет более гибко осуществлять государственный контроль в этой сфере. При этом ключевым элементом данной модели является обеспечение защиты прав инвесторов, которое возможно лишь при наличии реально действующих, прозрачных для всех участников рынка механизмов защиты их инвестиций.

Mutahi Teresa

University of Florida, Gainesville, USA

**RETHINKING STEM EDUCATION AND CURRICULUM IN KENYA –
PREPARING A COMPETENT LABOR FORCE IN AN ERA OF FAST PACED
TECHNOLOGICAL ADVANCEMENT**

Education is a major pillar of growth and development. In particular, education, science and technology have been cited as drivers of economies in the 21st century. However, Kenya and Africa in general is still lagging behind in its scientific and technological progress. In this presentation, we will focus on one East African country, Kenya. The August 2019 census estimated the Kenyan

population to be 47.6 million; made up of 23.4 million males and 24 million females (Kenya National Bureau of Statistics, 2019). A majority of the population is of youthful age; 55% – age 15–54; 38.59% is under 14 years and about 6% is above 55 years of age.

As Kenya like most African countries race to get its mass educated to catch up with the developed world, a new challenge has risen – that of a fast paced technological advancement and industrialization. Education system overhaul is suggested. Science, Technology, Engineering and Mathematic (STEM) curriculum needs to shift from theoretical to practical, engaging and technical skills development as well as new skills retraining. Therefore, the country needs to align its education curriculum with hands on activities and professional development to produce a labor force with relevant needed skills in the current market. Some jobs are being rendered obsolete. We must therefore rethink our strategy to compete and align with technological advancement by retraining the labor force as well as early training and introduction of vocational and technical skills training including robotics, programming, IT, mechanization and other relevant scientific skills due to the fast technological growth. Technical skills based system rather than a theoretical curriculum is suggested. Partnerships with companies and research institutions for internships programs and professional development need to be made an important aspect of the curriculum and be emphasized more than they have been.

Новикова З.С.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В АФРИКЕ

Последние три десятилетия показали существенные сдвиги в социально-экономическом развитии Африки. Называвшаяся в 1980–1990-е гг. «безнадежным континентом», в настоящее время она предстает уже не только как источник природных богатств. Появляющиеся крупные технологические кла-

стеры и парки, строящиеся в ряде стран «умные города» и другие инновации на базе цифровых технологий кардинально меняют облик Африки. Еще рано говорить о «цифровой революции» и технологической трансформации экономики в масштабе всего континента. Происходящие перемены, тем не менее, позволяют надеяться, что дальнейшее отставание будет остановлено. С инновационными преобразованиями связывают устойчивый рост среднего класса, насчитывающего более трети населения (предполагаемый уровень к 2060 г. составит 42%). Предпринимательская деятельность активизируется за счет молодых людей, широко применяющих современные технологии в своих коммерческих проектах.

Технологической платформой для промышленных и социальных преобразований стали информационно-коммуникационные технологии. Этот сектор выделялся как одно из важнейших направлений модернизации экономики в планах нового тысячелетия. Программа 2001г. «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД) главное значение придавала преодолению цифрового разрыва с развитым миром. Подчеркивалась необходимость снижения стоимости телекоммуникационных услуг и подключения к Интернету самых отдаленных территорий. Документ ООН «Цели устойчивого развития на 2016–2030 гг.» и стратегия Африканского союза «Повестка–2063», представляющая собой долгосрочный план ускоренного развития и прогресса Африки, особо выделяют развитие телекоммуникационной инфраструктуры, рассматривая инновации в этой области как мощный потенциал решения социально-экономических проблем.

Информационная революция и освоение инновационных технологий открыли новые возможности роста. Новации охватили сферу образования, здравоохранения, банковских услуг, бизнеса, торговли, туризма, государственного управления. Высокую эффективность использования информационно-коммуникационных технологий в решении проблем удаленных и изолированных сельскохозяйственных общин показали результаты реализации проекта ООН «Деревни тысячелетия».

Наблюдаемые в Африке изменения позволяют утверждать, что большинство стран континента уверенно вступило на путь информатизации и промышленной трансформации. Цифровые технологии становятся реальной движущей силой развития Африки и существенным вкладом в процесс преодоления ею социально-экономической отсталости.

Поспелов В.К.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ

ПЕРСПЕКТИВЫ ОСВОЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АФРИКЕ

1. Четвертая промышленная революция (ЧПР), ведущая к кардинальным переменам во всех сферах экономики и открывающая принципиально новые возможности для качественного преобразования жизни людей, вызовет много проблем, среди них – рост неравенства как на страновом, так и на межстрановом уровнях.

2. Африка, не успевшая удовлетворительно воспользоваться результатами второй и третьей промышленных революций (повсеместным внедрением электричества и компьютерных технологий), находится в сложном положении с точки зрения возможностей сравнительно быстрого освоения достижений новой промышленной революции. Главным фактором этого является адекватное развитие человеческого капитала. Между тем увеличение нынешнего 5–6-летнего школьного обучения в Субсахарской Африке хотя бы до 8–9 лет потребует дополнительно как значительных средств, так и подготовленных учителей. Улучшение ситуации в подготовке национальных кадров будет способствовать более широкому использованию новейших практик в экономике африканских стран, включая распространение мобильной связи пятого поколения – 5G.

3. Перспективы Четвертой промышленной революции в государствах Африки необходимо рассматривать с точки зрения уровня их индустриализации. По классификации ЮНИДО, только два из них – ЮАР и Маврикий – от-

несены к категории «развивающиеся страны с возникающей промышленностью». Однако ряд других стран также имеют неплохие перспективы развития в ближайшее десятилетие обрабатывающей промышленности – например Нигерия и Египет.

4. Освоение достижений Четвертой промышленной революции в странах Африки в начальный период будет базироваться, скорее всего, на опыте более развитых в промышленном отношении стран и охватывать сравнительно узкие сегменты экономики. Для более быстрого распространения достижений ЧПР в странах субсахарской Африки необходимо ускорить темпы их электрификации, в том числе на основе применения новейших технологий, таких как возобновляемые источники энергии.

5. Одним из факторов ускорения научно-технического прогресса на Африканском континенте может стать переориентация части программ международного содействия развитию на решение ряда базовых проблем африканских стран (в частности в сфере энергетики, образования, здравоохранения) с учетом императивов Четвертой промышленной революции.

Yury S. Skubko

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

SOUTH AFRICA MOVING SLOWLY INTO THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

The Fourth industrial revolution or Industry 4.0 is now under way worldwide and South Africa is gradually getting involved in spite of being underprepared in many respects and experiencing certain deindustrialization. South Africa is still the scientific and technological leader of Africa, producing a lions' share of discoveries, innovations, research papers etc. The internet and new information technologies became part of life. At the same time it became evident, especially in the last decade, lost decade as South Africans call it, the country is experiencing economic stagnation and gradually sliding down from

first world standards in many fields for at least higher strata into third world positions of the country as a whole, being inefficiently managed, more and more corrupt and losing human capital at a growing speed in conditions of “positive discrimination” instead of non-racial meritocracy. Failure of the “Innovation Towards a Knowledge-Based Economy” (2008–2018) decade and the permanent energy crisis since 2008 give vivid evidence of poor governance. Among persistent evils containing progress also remain mass unemployment, high crime, social inequality and growing frustration provoking riots against uncontrolled migration.

Maskaeva Asiya

University of Dodoma, Dodoma, Tanzania

University of Dar-es-Salaam, Dar-es-Salaam, Tanzania

A NEW LOOK AT THE HYSTERESIS OF YOUTH UNEMPLOYMENT IN SOUTH AFRICA

The overall objective of this work was to evaluate the hysteresis in youth unemployment using a computable general equilibrium (CGE) modeling approach in which a wage rate is modelled by the minimum wage policy. Two simulation scenarios were developed that can impact the reduction of youth and total unemployment in South Africa. Particularly, we applied simulations of the reduction of import of fuel price and then reallocation to the education sectors to support unemployed youth in South Africa.

The simulation results showed that implementing policies targeted at youth unemployment and labour market issues has a positive impact on the South African economy.

The policy in favour of import oil price reduction and transport subsidy reallocation to the education sector brings better results for economic growth with beneficial effects appearing from the first years, while a reduction in the unemployment rate, especially for youth, has delayed effects that do not appear until after 2016.

In the case of production, most sectors record positive growth in the short run, while the removal of transport subsidies affects some sectors that depend heavily on land transport, thereby reducing their production in the long run.

Total consumption increases for all households in both simulations in the short run. However, lower-income households experience a reduction in consumption in the second scenario in the long run. This is because of a relatively higher price of land transport commodity, which takes a significant part of their income.

Overall, the results of the simulations showed that, standing alone, the reduction of import oil prices had only a small redistributive effect on income inequality. In the short run, incomes increase because of a sharp increase in labour demand, while in the long run, all incomes decrease. Less decrease in income for households in Simulation 2 is contributed by a relatively low price of education commodity, which is subsidized.

**Panel I-5. Sub-Saharan African Countries at the Digital Age:
Problems and Prospects of the Integration
into the Global Information and Communication Space**
**Секция I-5. Страны Африки южнее Сахары в цифровую эпоху:
проблемы и перспективы интеграции в глобальное
информационно-коммуникационное пространство**

Convenor / Руководитель: *Константин Арсеньевич Панцеров* (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

It becomes evident that today there is a new up-and-coming social and economic order based on telecommunications, and networking and data processing have become key features of this new way of life. The central place in this new system of public relations belongs to information and communication technologies (ICT). One can observe the situation when the creation of the knowledge-based economy is turning into the main strategic priority of the policy of every country, which considers the ICT as an effective tool, which can ensure a sustainable social and economic growth. So do Sub Saharan African countries as well which are sure that the solution of the vast majority of problems of the continent is possible through the development of the ICT-industry. But those countries don't dispose an appropriate financial and technological base which would be sufficient for the creation of well-developed and self-reliant African informational and communicational space which would be answered the demands of African citizenry. This is why the only chance of African countries bridging the digital gap still remains the extension of a flow of financial and technological aid from developed nations for the development of their ICT sector. But the excessive participation of Western countries in the construction of the African ICT industry actually strengthens the African countries' dependence on their Western partners (both financial one and technological one), producing a serious obstacle to the creation of the self-reliant African model of the information society and threatens their information sovereignty which should be considered as the indispensable condition of the survival of the State as the independent actor of international relations. Thus there is taking place the information asymmetry which should be considered as the main challenge of the up-to-date world. African countries understand this. During many years they have undertaken a number of attempts aimed on the bridging the digital gap. Based on case studies of Sub-Saharan African countries (Kenya, Ghana, Nigeria, Senegal, Rwanda, Botswana, Mauritius, South Africa and etc.) the participants of the panel will try to identify what kind of measures are undertaken by those countries in order to reduce the digital gap, to

build an information society in the region and to ensure an equal integration of African countries into the global information and communication space.

В современном мире решающее значение для экономической и социальной жизни приобретает становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях. Центральное место в этой новой системе общественных отношений принадлежит информационно-коммуникационным технологиям. Наблюдается, таким образом, ситуация, что создание экономики, основанной на знаниях, становится основным стратегическим приоритетом политики как развитых, так и развивающихся стран, которые рассматривают информационно-коммуникационные технологии как эффективный инструмент, способный обеспечить устойчивый их социально-экономический рост. Такой же политики придерживаются и страны Африки южнее Сахары, которые убеждены, что решение практически всех проблем континента лежит через развитие информационно-телекоммуникационной индустрии.

Однако африканские страны не располагают ни финансовой, ни технологической базой, которая была бы достаточна для создания развитого и самобытного африканского информационно-коммуникационного пространства, которое отвечало бы исключительно потребностям самих африканцев. Вот почему единственный шанс для африканских стран преодолеть постоянно увеличивающийся цифровой разрыв заключается в резком увеличении потока финансовой и технологической помощи на нужды развития африканского информационно-телекоммуникационного сектора со стороны высокоразвитых держав. Однако чрезмерное участие западных стран в информатизации всех отраслей экономики своих менее развитых африканских партнеров на самом деле ведет к увеличению зависимости африканских государств от стран Запада (как финансовой, так и технологической), что создает серьезные препятствия на пути к созданию независимой самобытной африканской модели построения информационного общества и угрожает информационному суверенитету африканских стран, который в современную цифровую эпоху является непременным условием выживания государства как суверенного актора международных отношений.

Складывающаяся, таким образом, информационная асимметрия является основным вызовом современного мира. Нельзя не сказать, что африканские страны не осознают данного обстоятельства. На протяжении последних лет они предпринимали целый ряд усилий, направленных на преодоление своего цифрового отставания. Основываясь на сравнительном анализе опыта целого ряда стран Африки южнее Сахары (Кения, Гана, Нигерия, Сенегал, Руанда, Ботсвана, Маврикий, ЮАР и др.) на заседании секции планируется опреде-

лечь конкретные меры, которые были предприняты этими странами для того, чтобы сократить их цифровое отставание, построить информационное общество и обеспечить равноправную интеграцию в глобальное общемировое информационно-коммуникационное пространство.

Жерлицына Н.А.

Институт Африки РАН, Москва, Россия

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ИГИЛ И АЛЬ-КАИДЫ

В нынешних условиях региональной нестабильности и внутренних социально-экономических и политических кризисов в странах Африки важно оценить террористическую угрозу и проанализировать очевидные и основополагающие факторы, которые могут способствовать возникновению и расширению террористических групп, главным образом Аль-Каиды в исламском Магрибе (АКИМ) и ИГИЛ. Ливийский хаос и нестабильность во всем Сахельском регионе обеспечивают местному и международному терроризму благоприятную почву для его расцвета и территориального расширения.

Совершенно особое значение приобретает задача противостояния пропаганде данных террористических организаций, борьбой со СМИ, с помощью которых с помощью которых такие группы, как Аль-Каида и ИГИЛ вдохновляют, радикализируют и вербуют будущих сторонников. ИГИЛ и Аль-Каиде удалось использовать сочетание официальных и неофициальных субъектов для поддержки своей пропагандистской миссии.

ИГИЛ особенно эффективно действует в сфере средств массовой информации. На волне подъема летом 2014 г. ИГИЛ преобразовало коммуникационное пространство джихада. Захватив Мосул и провозгласив халифат, группа консолидировала свой и без того внушительный пропагандистский аппарат, чтобы создать сложную и централизованную сеть медиапроизводства, способную выпускать почти 1000 уникальных пропагандистских материалов в месяц. Его официальная медийная продукция стала определять общественное восприятие во всем мире, популяризируя образ протогосударства. Пропагандистское

производство и распространение были и продолжают оставаться важнейшими инструментами деятельности ИГИЛ. Даже перед лицом растущих территориальных потерь и внутренних разломов в течение 2018 и 2019 гг., ИГИЛ удалось сохранить устойчивое производство пропаганды.

Следуя за лидером, Аль-Каида также значительно увеличила число выступлений своего нынешнего лидера Аймана аз-Завахири в СМИ, обеспечила большую сплоченность усилий средств массовой информации своих филиалов и создала новый веб-сайт, который обеспечивает хранилище речей и справочных материалов. Медиа фонд Аль-Каиды «ас-Сахаб медиа» выпустил новый англоязычный журнал «Возрождение» и онлайн-бюллетень под названием «Аль-Нафир». Все это свидетельствует об оживлении ее деятельности.

Parez Yassin Hamad

Moscow State Pedagogical University, Russia

THE COMMUNICATION STRATEGY OF ISIS

The article examines and analyses communication strategies of the Islamic State of Iraq and Syria (ISIS). In fact, The rise of distributed communication networks has offered new possibilities for the emergence and expansion ISIS, media and Internet enabled to reinforce ideological and operational influences of that organization and they affected different militants in the world who joined the battlefield in Syria and Iraq. ISIS is the first organization, which exploits effectively propaganda and media tools, managed to utilize sophisticated digital media communication technologies to disseminate globally its propaganda content and foster communication between its members. Propaganda techniques play a crucial role encourages young persons to join the battlefield in Syria and Iraq and to carry out terrorist attacks in the West. This done through images and the streaming of violent online viral videos filmed and professionally edited that are targeting young and impressionable people. Social media has given terrorists the ability to directly contact with their target audience. It has argued that ISIS was the first Islamic terrorist group that made a massive usage of Internet and

social networking sites to spread its message in order to generate support ISIS managed to transform itself into a highly adept propaganda machine. Through using media, it has been able to convey its violent extremist ideologies and destructive messages to populations beyond the borders of Iraq and Syria. ISIS has always used communication as an instrument of war. This study explore the communication of IS by looking at its main products, Analysis of propaganda techniques reflects the following topics: Liturgical speeches and classic Arabic rhetoric; Official media channels; Internet forums and social medias; Encrypted communication.

Васильева М.М.

Московский государственный лингвистический университет, РФ

СЕТЕВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕВОЛЮЦИЯХ В ТУНИСЕ, ЕГИПТЕ, ЛИВИИ

Современная информационная, цифровая революция размывает государственный суверенитет, «стирает» государственные границы. До настоящего времени страны третьего мира, неспособные в силу экономических, культурных, политических и иных причин самостоятельно защищать свои позиции в мировой политике, были защищены авторитетом и конкретными шагами международных организаций, могли рассчитывать на их поддержку. На стороне этих стран было международное право, положения которого признавались всеми акторами мировой политики.

Информационное противоборство в форме «гибридных войн» все больше приобретает вид самостоятельного искусства применения «информационного», «психологического» оружия и все чаще используется как эффективный способ достижения политических, экономических, военных и других целей государств еще до этапа применения традиционной военной силы.

В конфликтах все шире применяются современные «сетевые технологии». Развитие «сетевых союзов» в новой глобальной ситуации способно подорвать основы международного права. Так, по отношению к Интернету до

сих пор не отработан четкий свод правил и положений, регулирующих деятельность его индивидуальных пользователей и сетей.

Развитие «сетевых союзов» в новой глобальной ситуации способно подорвать основы международного права.

В Тунисе, Египте, Ливии, теперь в Сирии реализовывались отличающиеся друг от друга сценарии. Однако во всех случаях отчетливо видна решающая роль новых сетевых информационных технологий:

- создавать выгодную иллюзию происходящих событий;
- внедрять в общественное сознание эту иллюзию через Интернет, СМИ и т.д.;
- блокировать или обесценивать реальную, объективную информацию.

В условиях возрастающей информатизации и политической открытости государства становятся все более уязвимыми перед теми, кто доминирует в информационных технологиях.

При условии низкой политической культуры населения, монополии на СМИ и доступ к информации можно манипулировать общественным мнением, подавляя голоса тех, кто пытается объективно освещать события в мире.

Информационное общество демонстрирует свою обратную сторону. Речь уже идет о перестройке и изменении формата международных отношений на базе современных информационных технологий.

Алимов А.А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, РФ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АФРИКАНСКИХ СТРАН И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Современный мир охвачен рядом глобальных проблем, среди которых наиболее опасной и трудно разрешимой, несомненно, является социально-экологическая. Принято считать, что глобальной проблемой считается та, которая затрагивает интересы всех стран и народов, всего человечества, и каж-

дого жителя нашей планеты. Социально-экологическая проблема включает в себя такие вопросы как, загрязнение окружающей среды, нерациональное использование природных ресурсов, крайне высокий уровень населенности планеты и, особенно, стран развивающегося мир.

Прошедшая недавно встреча руководителей африканских стран с руководством Российской Федерации подтвердила, что практически все регионы громадного африканского континента переживают сложный этап экономического развития, сопряженного с экологическим и социальными проблемами.

Серьезная озабоченность состоянием окружающей среды появилась у руководителей африканских стран в конце 1960-х, начале 1970-х гг. Этим объясняется их участие в первой международной конференции ООН по окружающей среде. Но представители африканских государств практически все одновременно выступили против идеи, предложенной в первом докладе Римскому клубу – «пределы роста». Они, ссылаясь на Устав ООН заявили, что каждая страна, каждая нация имеют право на развитие и построили свою внутреннюю политику так, чтобы приоритетом в ней стало социально-экономическое развитие.

Однако через несколько лет экологические проблемы все же озаботили представителей руководства африканских государств. В настоящее время в Африке выделяются следующие социально-экологические препятствия на пути успешного социально-экономического развития

- Климатические
- Обезлесивание
- Загрязнение внутренних вод и вод вблизи африканского побережья
- Нерациональное использование почвенных и водных ресурсов
- Истощение почвенных ресурсов как следствие колониального периода
- Высокий уровень заболеваемости вследствие плохих санитарно-гигиенических условий проживания, особенно детей

Высокая динамика возникновения и развития крупных мегаполисов.

Ломова А.А.

Дипломатическая академия МИД России

ИНФОРМАЦИОННАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В АФРИКЕ

Достижение гуманитарной безопасности африканского региона предполагает решения множества проблем, связанных с категориями «свободы от нужды» и «свободы от страха». По мере того как «страхи» в современном мире меняются, должно расширяться и разнообразие угроз, охватываемых концепцией гуманитарной безопасности. Концепция безопасности 21 века не может находиться в отрыве от категорий Интернета и связанных с ним технологий, а концепция гуманитарной безопасности не сможет адекватно отвечать потребностям времени, если не будет рассматривать киберсферу как ее составную часть.

Данный вопрос актуален в том числе и для стран Африки, которые не просто сами сталкиваются с необходимостью преодоления информационных угроз, но и зачастую являются ареной информационного противоборства.

INFORMATION AND HUMAN SECURITY: RELATION AND SECURITY IN AFRICA

Achieving the human security of the African region involves solving many problems related to the categories of “freedom from want” and “freedom from fear”. As the “fears” in the modern world change, the diversity of threats covered by the concept of human security should expand. The concept of security of the 21st century cannot be in isolation from the Internet and related technologies, and the concept of human security will not be able to adequately meet the needs of the time if it does not consider the cyber sphere as a part of it.

This issue is also relevant for African countries, which face the necessity to overcome information threats, they are also often the scene of information warfare.

Панцеров К.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

**СТРАНЫ АФРИКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
К ВОПРОСУ РАВНОПРАВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОЕ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО**

В современном мире решающее значение для экономической и социальной жизни приобретает становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях. Центральное место в этой новой системе общественных отношений принадлежит информационно-коммуникационным технологиям. Наблюдается, таким образом, ситуация, что создание экономики, основанной на знаниях, становится основным стратегическим приоритетом политики как развитых, так и развивающихся стран, которые рассматривают информационно-коммуникационные технологии как эффективный инструмент, способный обеспечить устойчивый их социально-экономический рост. Такой же политики придерживаются и страны Африки южнее Сахары, которые убеждены, что решение практически всех проблем континента лежит через развитие информационно-телекоммуникационной индустрии. Однако африканские страны не располагают ни финансовой, ни технологической базой, которая была бы достаточна для создания развитого и самобытного африканского информационно-коммуникационного пространства, которое отвечало бы исключительно потребностям самих африканцев. Вот почему единственный шанс для африканских стран преодолеть постоянно увеличивающийся цифровой разрыв заключается в резком увеличении потока финансовой и технологической помощи на нужды развития африканского информационно-телекоммуникационного сектора со стороны высокоразвитых держав. Однако чрезмерное участие западных стран в информатизации всех отраслей экономики своих менее развитых африканских партнеров на самом деле ведет к увеличению зависимости африканских государств от стран Запада (как финансовой, так и технологической), что создает серьезные препятствия на пути к созданию независимой самобытной африканской модели построения ин-

формационного общества и угрожает информационному суверенитету африканских стран, который в современную цифровую эпоху является неизменным условием выживания государства как суверенного актора международных отношений. Складывающаяся, таким образом, информационная асимметрия является основным вызовом современного мира. Нельзя не сказать, что африканские страны не осознают данного обстоятельства. На протяжении последних лет они предпринимали целый ряд усилий, направленных на преодоление своего цифрового отставания. Основываясь на сравнительном анализе опыта целого ряда стран Африки южнее Сахары (Кения, Гана, Нигерия, Сенегал, Руанда, Ботсвана, Маврикий, ЮАР и др.) автор планирует определить конкретные меры, которые были предприняты этими странами для того, чтобы сократить их цифровое отставание, построить информационное общество и обеспечить равноправную интеграцию в глобальное общемировое информационно-коммуникационное пространство.

SUB-SAHARAN AFRICAN COUNTRIES AT THE DIGITAL AGE: TO THE QUESTION OF THE EQUAL INTEGRATION INTO THE GLOBAL INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE

It becomes evident that today there is a new up-and-coming social and economic order based on telecommunications, and networking and data processing have become key features of this new way of life. The central place in this new system of public relations belongs to information and communication technologies (ICT). One can observe the situation when the creation of the knowledge-based economy is turning into the main strategic priority of the policy of every country, which considers the ICT as an effective tool, which can ensure a sustainable social and economic growth. So do Sub Saharan African countries as well which are sure that the solution of the vast majority of problems of the continent is possible through the development of the ICT-industry. But those countries don't dispose an appropriate financial and technological base which would be sufficient for the creation of well-developed and self-reliant African informational and

communicational space which would be answered the demands of African citizenry. This is why the only chance of African countries bridging the digital gap still remains the extension of a flow of financial and technological aid from developed nations for the development of their ICT sector. But the excessive participation of Western countries in the construction of the African ICT industry actually strengthens the African countries' dependence on their Western partners (both financial one and technological one), producing a serious obstacle to the creation of the self-reliant African model of the information society and threatens their information sovereignty which should be considered as the indispensable condition of the survival of the State as the independent actor of international relations. Thus there is taking place the information asymmetry which should be considered as the main challenge of the up-to-date world. African countries understand this. During many years they have undertaken a number of attempts aimed on the bridging the digital gap. Based on case studies of Sub-Saharan African countries (Kenya, Ghana, Nigeria, Senegal, Rwanda, Botswana, Mauritius, South Africa and etc.) author will try to identify what kind of measures are undertaken by those countries in order to reduce the digital gap, to build an information society in the region and to ensure an equal integration of African countries into the global information and communication space.

К. Пецольдт Керстин Карин

Технический университет Ильменау, Германия

Шеров-Игнатъев В.Г.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

Земскова А.С.

компания SEMrush, Санкт-Петербург, РФ

АФРИКА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКСПОРТА РОССИЙСКОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

1. Информатизация – одно из ключевых направлений догоняющего развития, Африка, особенно тропическая, пока отстает по уровню информатизации, однако ее темпы высоки. Уровень проникновения мобильной связи

здесь 80,1%, Компьютеры есть у 10,7% населения, интернетом пользуются 28,2% африканцев¹.

В странах Африки растет количество специалистов в сфере Ай-Ти. Работают 540 программистских инкубаторов, Множится армия африканских программистов, работающих на базе открытого кода². Признанным успехом стало создание в 2007 г. в Кении системы мобильных платежей М-Pesa³. Благодаря простоте и удобству, М-Pesa пользуется большинство жителей Кении, Компания Safaricom – оператор М-Pesa, дает 26% национального ВВП⁴.

При всех успехах, Африка пока не в состоянии самостоятельно насытить свой рынок компьютерных программ.

2. Экспорт программного обеспечения (ПО) – быстроразвивающееся направление внешнеэкономических связей РФ. В 2018 г., по данным Руссофт, его масштабы достигли 10 млрд долл. (рост на 19% за год). Активно за рубежом работает около 35% российских софтверных компаний. Основные экспортные направления – Западная Европа и США (80% зарубежных продаж)⁵ Объем продаж российских софтверных компаний в Африке в 2017 г. – 75 млн долл. (0,5% всех зарубежных продаж). Быстро растет экспорт средств информационной безопасности.

Приведем несколько примеров действий российских производителей ПО в Африке.

3. В 2009 г офис в ЮАР открыла «Лаборатория Касперского»⁶. Через это представительство Лаборатория продвигает свой антивирус в 40 странах континента. Компания Compass Plus (из Магнитогорска) предлагает программное обеспечение для платежных систем. Ее клиентская база охватывает

---

¹ Данные Международного союза электросвязи на 2018 г.

² <https://qz.com/africa/1743569/africa-is-the-fastest-growing-continent-for-developers-globally/>

³ <https://www.kp.ru/online/news/3649434/>

⁴ Шейхетов С. М-Pesa – мобильные деньги по-африкански. 6 ноября 2018. <https://www.plus-world.ru/professionals/post-416118/>

⁵ Экспорт российской индустрии разработки программного обеспечения. // 15-й отчет НП «РУССОФТ». 2018 г. https://russoft.org/analytics/15_annual_survey/ (дата обращения: 20.12.2018). С. 84.

⁶ «Лаборатории Касперского» принадлежит 6,7% мирового рынка средств защиты компьютерной информации на конечных устройствах (оценка на 2016 г.).

банки в десятках стран, в т.ч. в Египте, Кении, Нигерии и Судане¹. «Яндекс» разворачивает работу сервиса «Яндекс-такси» под брендом Yango в Гане и Кот-д'Ивуаре².

Компания «Новые облачные технологии» из Петербурга на полях форума Россия-Африка, в октябре 2019 г. в Сочи, договорилась о поставке приложения «МойОфис» в Бурунди. Это продукт, который позволяет развертывать защищенную облачную инфраструктуру для документов и почты, интегрируясь в правительственные информационные системы³.

Преодоление устаревших стереотипов об Африке и государственная поддержка программ развития экспорта ПО позволят широкому кругу российских Ай-Ти компаний успешно войти на африканские рынки.

**Asubiojo R.O.,
Aladejana Alaba Lawrence**
College of Education, Ikere-Ekiti, Ekiti State, Nigeria

**BRIDGING DIGITAL GAP IN SUB-SAHARA COUNTRIES:
A CASE STUDY OF NIGERIAN INFORMATION SOCIETY**

Information and Communication Technologies (ICTs) hold tremendous potential for social and economic development in the entire world. In an increasingly digitalized world economy, there exists a digital gap between sub-Saharan African countries and the rest of the world that translate into economic marginalisation world of the African sub region. This paper aims at suggesting approaches that can be applied to close the digital gap between sub-Saharan African and the rest of the world. Moreso discourse on the information society are associated with the digital divide and inequalities in access to the information and communication technologies (ICTs) within sub-Saharan African. Nigeria is often, regarded as one of the most information integrated societies due to widespread of mobile phone ownership among other things. However, while ICT accessibility has

---

¹ <https://www.software-russia.com/companies/softline-0>

² <https://www.kp.ru/online/news/3649434/>

³ <https://www.busiweek.com/russia-africa-summit-burundi-pushes-russia-for-software-help>

been emphasized, investigating from the study shows that the role of demographic, social-economic and cultural factors cannot be waived aside. Literacy skills and infrastructure development needs to be given adequate attention. Provisions of telecentres, use of old boy network, creation of Internet content in African language, developing African language keyboards and conduct Needs Assessment of local users are paramount. The paper concludes that implementing these approaches calls for strategic intervention by governments and other stakeholders in the Nigerian societies.

Sunday Timothy Afangideh,
Gospel Gbarayor Kpee
University of Port Harcourt, Nigeria

SOCIETAL AND INSTITUTIONAL IMPEDIMENTS TO THE INTEGRATION OF NIGERIAN UNIVERSITIES INTO THE GLOBAL INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE

The study examined the societal and institutional impediments to the integration of Nigerian Universities into the Global Information and Communication Space. Two(2) research questions and 2 hypotheses were answered and tested in the study, respectively. The design was the analytic descriptive survey, with the population as the 92 states and federal universities in Nigeria and the sample as 74(80%) Directors of Information and Communication Technology Centres, selected from a pool of 92, using the proportionate stratified random sampling technique. The instrument of the study was a validated researchers' made 25-item instrument, titled 'Societal and Institutional Impediments to the Integration of Universities into Global Information and Communication Space Scale', designed after the modified 4-point Likert scale model, with a reliability index of 0.90, obtained using Cronbach Alpha Statistical model. Mean and standard deviation were used in answering the research questions while z-test was used in testing the hypothesis at 0.05 level of significance. The results of the study show that societal issues such as incessant power cuts to lack of political will and institutional issues among them, inadequate funding and

resistance to change, impede the integration of Nigerian universities into the Global Information and Communication Space. The study also found significant differences between the mean ratings of Directors of Information and Communication Technology Centres from state and federal universities on the societal and institutional forces that impede the integration of Nigerian universities into the Global Information and Communication Space. It is concluded that the full integration of Nigerian universities into the Global Information and Communication Space is impeded by a combination of societal and institutional forces. Consequently, it is recommended that government and institutions should take appropriate steps to ensure that the impediments are removed.

Приходько Д.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

**РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТ-ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ
УСИЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ**

Современный мир уже невозможно представить без информационных и цифровых технологий, ключевое место среди которых занимает сеть Интернет. С каждым годом роль сети Интернет все увеличивается, привлекая как новых потребителей, так и производителей. Соответственно, Интернет-индустрия постепенно занимает свое место в жизни человека, усиливая влияние на развитие мировой экономики.

На сегодняшний день африканский континент имеет самый низкий уровень покрытия сетью Интернет. Однако перспективы развития Интернет-индустрии на континенте существенные, учитывая как динамику численности населения, так и размеры континента, нуждающегося в таком средстве связи. Кроме того, согласно исследованию McKinsey «Lions go digital», к 2025 г. вклад Интернет-индустрии в ВВП стран Африки увеличится до 4-5%.

Так или иначе, подобное развитие невозможно без решения двух ключевых проблем. Первая из них – это проблема электрификации континента,

где примерно половина населения не имеет доступа к электричеству. Другая проблема, обозначенная директором организации Smart Africa Ласина Коне, заключается в том, как африканские страны подключены к сети Интернет. На сегодняшний день хорошо развиты лишь подводные Интернет-кабели. Соответственно, страны, которые имеют выход к морю, имеют больше возможностей для распространения сети Интернет на территории своих стран. Однако между странами, не имеющими выхода к морю, и странами, имеющими такой выход, практически не существует взаимосвязи.

Для Африки развитие континентальной Интернет-инфраструктуры будет означать усиление интеграционных процессов, которые приобретают особую значимость в контексте экономического развития континента. В частности, это было отмечено участниками пленарного заседания «ЕАЭС – Африка: тенденции и перспективы развития интеграционных процессов и сотрудничества» в рамках саммита «Россия-Африка», прошедшего 23-24 октября 2019 г. в г. Сочи.

Развитие подобной инфраструктуры увеличит нагрузку на поставщика подводного Интернет-кабеля, что снизит стоимость подобных услуг для каждой африканской страны в отдельности. Конечным итогом станет привлечение инвесторов в Африку, которые будут иметь возможность для собственного развития на континенте. Соответственно, развитие Интернет-инфраструктуры на континенте может стать важным условием для усиления интеграционных процессов в Африке.

Солдатенкова М.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

**РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПЕРСПЕКТИВАХ
РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ
В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ**

В Западной Африке выявлена проблема экономической нехватки воды. Вода есть, но неэффективно используется – существует дефицит качествен-

ной пресной воды, водные ресурсы не в полной мере используются в растение- и животноводстве, промышленности.

У большинства стран бассейнов трансграничных рек имеются схожие проблемы и эффективное решение этих проблем возможно только совместно. Ни международным, ни африканским межгосударственным организациям пока не удалось решить данные проблемы, хотя попытки предпринимаются на протяжении десятилетий.

Целям комплексного регионального управления водными ресурсами в Западной Африке могут послужить прикладные информационные технологии. Различные современные программы наблюдения за состоянием, анализа, моделирования и прогнозирования необходимы для осуществления региональных планов управления в условиях ограниченного финансирования.

II. General Issues of Africa's Development Общие вопросы развития Африки

Panel II-1. Africa: Betwixt and Between Секция II-1. Африка: между прошлым и будущим

Convenor / Руководитель: *O. Igho Natufe* (Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

When colonial powers met at the Berlin Conference in 1884/85 to partition Africa, one of the criticisms was the absence of African countries. Similarly, at the 1919 Paris Peace Conference that marked the end of the First World War, Africa was marginalized, as the colonial powers awarded German colonies in Africa to the United Kingdom, France and Belgium, while the Balkan countries were granted independence. But more than a century after the Berlin Conference, independent African countries have invited former colonial powers and other foreign powers to engage in a new and continuous scramble for Africa. In the past three decades, according to the World Bank, “Africa's share of world exports has dropped by nearly 60 percent—from 3.5 percent in 1970 to 1.5 percent in 1999.

This dramatic decline in Africa's export market share represents a staggering income loss of \$70 billion annually, an amount equivalent to 21 percent of the region's GDP and to more than five times the \$13 billion in annual aid flows to Africa. Poor export and trade performance has been closely linked to the low growth of per capita incomes in the region” (http://web.worldbank.org/archive/AFRtrade/WEB/WB_ASSIS.HTM; accessed 19.01.2019). As of 2018, Africa had a population of 1,287,920,518, for a 16.9 percent share of the world's population. Africa accounts for 23 of the world's ranked 28 poorest countries with an annual per capita of less than \$1,000.00 (USD) (<https://nordic.businessinsider.com/poorest-countries-in-the-world-2018-5>; accessed 14.01.2019). This panel invites scholars to provide thought-provoking analyses on the “destiny” of Africa, via a critical historical and socio-political assessment of the evolution of Africa. What has happened to the great expectations at independence? Is the burden of independence too much for African leaders to bear? What are the prerequisites for African countries to rise from the trenches of poverty and the so-called third world? To what extent is colonialism and/or neo-colonialism relevant in the explanation of contemporary Africa? These are some of the questions that panelists are invited to grapple with.

O. Igho Natufe

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

AFRICA BETWIXT AND BETWEEN

When Basil Davidson published what, in my view, was his seminal work entitled *The Black Man's Burden: Africa and the Curse of the Nation-State*, he underlined fundamental challenges confronting the African continent. Scholarly analyses of these challenges have fluctuated between the legacies of slavery and the legacies of colonialism, two factors that have significantly shaped the contours of African history and politics. At the Berlin Conference in 1884/85 where colonial powers agreed on the partition of Africa. one of the criticisms was the absence of African countries. Similarly, at the 1919 Paris Peace Conference that marked the end of the First World War, Africa was marginalized, as the colonial powers awarded German colonies in Africa to the United Kingdom and France, while the Balkan countries were granted independence. Even at the end of the Second World War in 1945, the foreign powers could not agree on the independence of Libya, an Italian colony. Why? However, more than 130 years after the Berlin Conference, independent African countries have invited former colonial powers and other foreign powers to participate in a new and continuous scramble for Africa. A glaring phenomenon of this scramble is the institutionalized annual pilgrimage of African states to China, Japan, and Russia, caps in hands for aids. The task of this paper is two-fold. First, it will evaluate the role of Africa in contemporary global politics. Second, it will analysis the impact of this new scramble for Africa. Central to both propositions will be a critical analysis of the legacies of slavery and colonialism in Africa. The paper shall attempt to respond to the questions posed in the proposal for this panel.

**Gospel Gbarayor Kpee,
Sunday Timothy Afangideh**
University of Port Harcourt, Nigeria

**CONFLICTS IN AFRICAN STATES: THE ROOTS, CONSEQUENCES,
BENEFACTORS, BENEFICIARIES, LOSERS AND IMPLICATIONS
FOR EDUCATIONAL ACCESS AND QUALITY**

From Johannesburg in South Africa to Cairo in Egypt, Dakar in Senegal to Mogadishu in Somalia, Abuja in Nigeria to Rabat in Morocco and Malabo in Equatorial Guinea to Antananarivo in Madagascar, African nations are emersed in conflicts situations, that appear to have dragged them backward, after the euphoria of winning the various wars and conflicts of independence. These conflicts situations range from political, social, economic, territorial, religious, ethnic, matrimonial, labour related, academic and terrorist. That, these conditions exist with their adverse impacts on the cultures, psyches , people, economies and governments of these nations; do not mean that conflicts had not been there. Rather, the enormity and dimensions of conflicts have gone beyond imaginable proportion, as there is hardly any African state, that has not tested the bitter pill of conflict, after independence. Nigerians fought the Nigeria-Biafran war, there have been conflicts of various dimensions in Rwanda, Democratic Republic of Congo, Libya, Tunisia, Egypt, South Africa, Ethiopia, Sudan, South Sudan among others. The conflicts in these nations appear not healthy for educational development. Concerned about these, this paper is a presentation on the roots, consequences, benefactors, beneficiaries of conflicts in African States and their implications on educational access and quality in Africa. The opinion of the writers is that certain social issues are responsible for conflicts in African states and that the conflicts have negative implications on the quality and access to education. The presenters conclude that African nations may find it difficult to end conflicts in their land spaces, if deliberate efforts are not made to address connected issues. As a result, it is recommended that African states should take unilateral and multi-lateral state actions to address the issues that connect conflicts in African in the interest of our educational system.

Leonardo A. Villalón
University of Florida, Gainesville, USA

BETWEEN DEMOCRACY AND VIOLENCE:
THE CHALLENGE OF POLITICAL REFORM AND ISLAMIST MOVEMENTS
IN THE AFRICAN SAHEL

As elsewhere in the Muslim world, the years since the early 1990s witnessed the emergence of an “Islamic Public Sphere” in the Muslim-majority countries of the African Sahel. Given the political contexts of democratization in the region—and indeed across Africa—much of the political engagement of the new movements and actors in the Islamic public sphere focused on defining the role of Islam in an emerging democratic order. Thus many major debates have focused on such issues as family law, education, and the limits of *laïcité* (secularism). Over this period, and at least partially as a product of these debates, there have also been significant transformations in Sahelian religious society. This has included an evolution in the historically dominant Sufi orders as well as the emergence of new voices claiming religious authority, some of them presenting strong challenges to old orthodoxies, drawing on new global dynamics. The emerging balance among these various religious actors in the reconfigured social contexts of the region was brusquely disturbed by the dramatic collapse of Mali in 2012 and the rapid occupation of the north of the country by an assortment of jihadi groups. Two decades of change and reform seem to have produced a ‘vulnerability trap,’ with dire repercussions throughout the region, notably in terms of dramatic spread of jihadi violence across multiple countries. This paper will first examine the gradual historical changes in Sahelian religious movements, and then turn to an analysis of the significant challenges underway as jihadi violence has spread in the context of global conflict and political crisis. The presentation builds on over a decade of extensive research on the intersection of political reform and religious change in six countries—Senegal, Mauritania, Mali, Burkina Faso, Niger and Chad.

Eliza Lyubenova Nedyalkova
Harvard University, Cambridge, USA

PAST FUTURES IN THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF THE CONGO
FROM AND ACROSS POLITICAL, EPISTEMIC AND GEOGRAPHIC
MARGINS AND GLOBAL DESIGNS

The paper will provide an in-depth analysis and broad-spectrum understanding of the development of historical transatlantic interconnections, from global historical/global capital, geo-political-cultural and epistemic point of view, that shaped the ‘Western world’s’ political culture and economy since the geosocial birth of the Americas in the sixteenth century, the Atlantic slave trade, the European colonial designs and reflected on the past, present and future of Africa and the Democratic Republic of the Congo in a global market economy, spaces and modes of existence rich in complexities and inequalities. The purpose of the study is to explore the historical puzzle of the interrelation between the European historical colonial designs and influence, the American political-cultural and economic dynamics, Cold War era global designs and the African and DRC past, present and futures accordingly. In this optic, the work will trace how differences in political economies, the European colonial domination and the formation of the “American” first identity can be used as analytical points for interpretation of global historical and transatlantic processes and their correlation to the intelligibility of the global designs’ prime concerns in the Cold War ideological confrontation in the twentieth century and the post-colonial, post-Cold War modernity and contemporary spheres of influence in an extended and intensified world-system and coloniality of power. Thus, through the interdisciplinary prism of African Studies, Global History and Global Capitalism, the analytical strategy will start chronologically with the past and move to the present and past-futures of *subalternity* with a particular emphasis on the concepts of *black reason*, *necropolitics*, *coloniality of power*, *world system*, *dependency theory* and the myths and realities of *independence*, *human rights*, *humanitarianism*, *peace* and *development*.

Белукова Екатерина

Международный центр развития миграционной политики, РФ

**ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА КОНГО И МИГРАЦИОННЫЙ
«КРИЗИС» КАК СЛЕДСТВИЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ**

Демократическая Республика Конго (ДРК) является одной из самых населенных стран Африки к югу от Сахары. Будучи некогда страной назначения для большого количества мигрантов из других африканских стран, ДРК стала страной происхождения мигрантов, начиная с 1980х годов. Ухудшающееся экономическое и социальное положение, а также политическая нестабильность поспособствовали не только росту эмиграции, но и изменению природы миграционных потоков: конголезцы стали эмигрировать за пределы Африки, а количество беженцев среди мигрантов увеличилось.

Согласно данным УВКБ ООН в ДРК по-прежнему проживает более 250 тыс. беженцев из Руанды, около 100 тыс. беженцев из Центральноафриканской Республики и 25 тыс. беженцев из Бурунди.

В докладе будет проанализирован изменяющийся ландшафт миграционных потоков в ДРК в историческом контексте; приведены последние доступные данные по эмиграции и иммиграции; а также проанализированы те вызовы, с которыми сталкивается ДРК в управлении миграцией.

Belukova Ekaterina

**THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF THE CONGO AND MIGRATION
“CRISIS” AS AN OUTCOME OF ARMED CONFLICTS
IN CENTRAL AFRICA**

The Democratic Republic of the Congo (DRC) is one of the most populous countries in sub-Saharan Africa. Once a country of destination for predominantly African migrants, the DRC has become a country of outmigration since 1980s. The deteriorating economic and social situation, as well as political instability have contributed not only to the emigration growth, but also influenced the nature of

migration flows: the Congolese started migrating beyond Africa, and the number of refugees has been growing.

According to the UNHCR the DRC hosts around 250 thousand refugees from Rwanda, 100 thousand from the Central African Republic and 25 thousand from Burundi.

The presentation analyses the changing landscape of migration flows in the DRC from the historical perspective; the latest data on emigration and immigration; as well challenges that the DRC faces when managing migration.

Alemayehu Kumsa

Charles University, Prague, Czech Republic

OROMO NATIONAL MEMORIES

First, the paper elucidates the concept of nation and collective memories and it precludes to the Oromo national memories which we look at in two parts.

As our starting point, we define what it is to be a nation. As Grosby (2005:7) put it: Nation is a territorial community of nativity. One is born into a nation. The significant attributed to this biological fact of birth into the historically involving, territorial structure of the cultural community of nation is why the nation is one among a number of forms of kinship. It differs from other forms of kinship such as the family because of the centrality of territory. It differs from other territorial societies such as a tribe, city-states, or various 'ethnic groups' not merely by the greater extent of its territory, but also because of its relatively uniform culture that provides stability, that is, continuation over time.

The Oromo people as the largest group of Cushitic language member family is one of the oldest nations of the world within its own territory (Oromia – Oromo homeland) and with its own language (*Afaan Oromoo*) as its cultural container (*Aadaa Oromoo*), which moves its population with common political culture & interest toward one national political goal of independence.

Oromo as a nation in its long existence has memories that is shared among each Oromo as the member of the nation about the past of their national independence for

many centuries which is considered as national heroism, and the long war against Abyssinian conquering and occupation of their ancestral land in which they were defeated and became under brutal and cruel colonial yoke of Abyssinia which the Oromo nation see as the worst humiliation period in their national memory. The last part of the paper discusses the Oromo struggle to regain its right of self-determination according to UN General Assembly resolution 1514 (XV).

Груздева Н.С.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, РФ

МЕМУАРЫ О ГЕНОЦИДЕ В РУАНДЕ (1994 г.)

Мемуары – особый вид исторических источников, в которых отражается общественное, а нередко и историческое самосознание и позиция автора, в силу чего они вызывают интерес у исследователей, становятся основой для изучения истории. Руандийский геноцид, достигший своего апогея в апреле 1994 года, стал неординарным примером конфликта. Его развитие оставляет немало вопросов, ответы на которые пытаются дать ученые и публицисты, те, кто пережил эти события, намереваясь их переосмыслить. Воспоминания о геноциде в Руанде исходят как от его непосредственных участников, так и от очевидцев событий, в том числе иностранных граждан.

В 2006 году в свет вышла автобиография руандийца, менеджера отеля «Тысяча холмов» в Кигали Пола Русесабаджина «Обыкновенный человек: автобиография». Примером же мемуаров, исходящих от иностранного очевидцев событий, могут стать воспоминания сотрудника гуманитарной организации ADRA Карла Уилкенса «Я остаюсь: Руанда глазами человека, пережившего геноцид 1994 года и спасшего многие жизни» (2017 г.). В настоящее время мемуары существуют и в жанре кино. Документальный фильм «7 дней в Кигали» (реж. Мехди Ба, Жереми Фре, 2014) акцентировал внимание на историях и личных переживаниях участников и очевидцев геноцида. Герои фильма вспоминают семь дней своей жизни в апреле 1994 года, пыта-

ясь ответить на вопросы, как подобное произошло и как с этим жить дальше. Источники по истории геноцида в Руанде многочисленны и достоверны. Они несут в себе образы прошлого, настоящего и будущего и огромный заряд эмоциональности, значительно дополняя и расширяя пласт официальной информации, содержащейся в документах, прессе, подчеркивая универсальную формулу о том, что подобное нигде, ни в одной стране мира, не должно повториться.

**Shanta B. Singh,
Sultan Khan**

University of KwaZulu-Natal, Durban, South Africa

SAFETY AND SECURITY: CHALLENGES FACED BY MIGRATION OF AFRICAN FOREIGN NATIONALS IN DURBAN, SOUTH AFRICA

Human security is an important component of people's well-being. Lack of human security has adverse consequences on both economic growth and development of a country. South Africa, a quarter of a century of transition from apartheid to democracy, has not brought with it a change in a system of criminal justice, which is immediately capable of responding to the challenges of crime, especially xenophobia. The challenges facing both South Africans and African Foreign Nationals are multifaceted: socio-economic inequalities, ethnic or religious rivalries, lack of rights, competitions for the control of scarce resources and unemployment that characterise their communities. Local micro-dynamics are part of a regional, national, and international political economy. This research article seeks to explore the threatening factors and experiences faced by African foreign nationals on their safety and security in the city of Durban, South Africa. The scapegoating theory shows that local citizens do not dislike foreigners but rather blame them because of strains caused by unsatisfactory life conditions which lead them to violent reactions against foreign nationals mostly from African countries. The acceleration of globalization, diversification of enemies, and efforts to reduce these security threats all contributed to the emergence and acceptance of the concept of human security. There is a need to embrace a holistic approach under the human security perspective to provide a more

comprehensive solution to the issues surrounding the safety and security of African foreign nationals in Durban, South Africa.

Babagana Abubakar

Kanuri Development Association, Maiduguri, Nigeria

**THE IMPACTS OF GLOBAL CLIMATE CHANGE IN AFRICA:
THE LAKE CHAD, ADAPTATION AND VULNERABILITY**

The ongoing Climate change is affecting the Lake Chad water which sustains the lives of over eight million people that are depending on it mostly pastoral farmers, fishermen, the Kanuri, Mbororo and the Tuareg indigenous communities among others, and adaptation to this natural catastrophe or disaster is further compounding the situation. This research work discovered how the rate of deforestation, desertification and hydro electric dams constructions among other human activities influenced by adaptation to this climate change are increasing in the region and how its impacts are affecting the indigenous communities and other rural dwellers living around the lake, this trend resulted in numbers of recommendations towards adapting to this climate change while protecting millions of peoples from this ongoing disaster. Further this project aimed at ensuring awareness at the international level so that experts, governments and all other stakeholders can contribute to prevent the adverse effects of climate change and to ensure a stable development of the Lake Chad Africa and the indigenous as well as other communities depending on this lake for their survival.

Debbie T. Marman

University of Botswana, Gaborone

**THE SHIFTING DYNAMICS OF THEATRICAL INTERVENTIONS:
THE CASE OF BOTSWANA**

The effectiveness of theatre as a communication strategy has been attested to worldwide, not only by theatre practitioners but also by organizations across a broad spectrum of societies, which have used theatre to address different social

problems. Because of its immediacy and two-way communicative nature, theatre is a dynamic and versatile medium, which enables the development of new techniques that can be applied for appropriate communication of interventions in different social contexts as instanced in the case of during and after the advent of HIV/AIDS especially in the developing world in the 1980s. In this paper, I present the insights gained from the experience of the theatre group I was involved with in Botswana and how it treated the environmental disasters that adversely affected the livelihood of the people in a large part of the country in the 1990s. In 1995, the Ngami land region of Botswana experienced an outbreak of the contagious bovine pleura pneumonia, which was contained only by the eradication of the entire cattle population in the region, some 320, 000 herd of cattle. Our theatre group staged performances that focused mainly on the lamentations of the people and the irresponsible way in which they used much of the large amounts of cash they were provided as relief. In this paper I discuss how with hindsight it seems to me our group could have treated the disaster more sensitively, responsibly and ethically in order to enable the voices of the community to be heard. This introspection is critical in the light of the challenges of climate change and global warming and the threat of disasters they pose that, I argue, may require interventions that include effective communication strategies.

Jędrzej Czerep

Polish Institute of International Affairs, Warsaw

**PASTORS OF THE MEGA-CHURCHES.
BETWEEN SPIRITUAL, ECONOMIC AND POLITICAL**

Last decade brought increase in popularity and outreach of the pastors-evangelists and expansion of the new mega-churches in Sub-Saharan Africa. They perform multiple functions, including political, and adapt to new methods of attracting following. Publishing videos on social media became a preferred tool for many. The most prominent pastor, Nigerian “prophet” T.B. Joshua, who also runs a TV channel, became a king-maker for aspiring leaders in most of the English-

speaking Sub-Saharan Africa – presidential hopefuls line up to obtain a sign of his blessing. There is also an increasing perception of their down-to-earth powers. West African migrants trapped in Libyan informal detention centre in 2017 referred to pastors, not politicians, in their plea for action for their release. Economic success and influential position obtained by many, pushed others to imitate the role-models. This resulted in proliferation of celebrity-pastors of dubious qualifications. Scandals arising over false-miracle-making, sexual harassment and financial extortion of the believers by some popular pastors, brought in an increasing criticism, and tendency to ridicule their performance. Pastors' profiles illustrate dynamic changes in relations between *spiritual*, *economic*, *political* and *social* dimensions of the modern societies.

Ibrahim Bahige Abraham
Australian National University, Acton

CHRISTIANITY AND CIVILIZATIONAL SUBJECTIVITIES
AMONG SOUTH AFRICA'S BLACK MIDDLE CLASS

Utilizing ethnographic research on contemporary South African Christianity, this paper explores how alternative “civilizational subjectivities” manifest in the lives of South Africa’s new black middle class. The abolition of apartheid, the emergence of consumerism and credit, and the establishment of a sizable black middle class through ANC government policy, constitutes, in Émile Durkheim’s words, a “beneficent but abrupt transition” of the kind that creates a culture of anomie in which individual desire becomes untethered from social norms. Further to this anomic culture of unregulated desire, the religious landscape of South Africa is accurately theorized by Adam Ashforth as beset by “spiritual insecurity” in which contradictory belief systems compete for adherents without achieving hegemony. Within this anomic culture, I argue two dominant “civilizational subjectivities” are hailing South Africa’s black middle class, offering alternative approaches to negotiating modernity and regulating desire: (i) an evangelical Christian subjectivity grounded in a reconceptualization of the individual and

community, and (ii) an African nationalist subjectivity re-founded upon traditional kinship. As Jürgen Habermas' work on "postsecular" Europe has argued, evangelicalism and similar subjectivities are not mere remnants of tradition; moreover, through individualization, religious revivalism can be an agent of modernization, as argued by scholars from Max Weber onwards. Although evangelicalism is a multifaceted phenomenon in Africa, in its outward, western-focused form, evangelicalism offers strategies for entrepreneurial incorporation into a modern economy, distinct from the neo-patrimonial distribution regime regulating South Africa's economy, from the commanding heights to the household level, defended in both Christian and African nationalist discourses of "Ubuntu" or the "African family". Drawing on ethnographic observations and competing religious discourses, this paper argues that civilizational alternatives manifest as questions of subjectivity; is the middle class African to become the individual of Western liberalism, or remain embedded in African kinship networks?

Panel II-2. Civilizational Alternatives of Africa in the Modern World
Секция II-2. Цивилизационные альтернативы Африки
в современном мире

Convenors / Руководители: *Следзевский Игорь Васильевич* и *Харитоновна Елена Владимировна* (Институт Африки РАН, Москва, РФ)

Следзевский И.В.

Институт Африки РАН; Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина, г. Пушкин, РФ

**ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹**

1. Модель догоняющей модернизации в ее африканском постколониальном варианте (отрыв правящих элит от общества, усиление и бесконтрольная власть групповых и/или клановых элит, преступность и коррупция в высших эшелонах власти, зависимость экономического развития от иностранных инвестиций и внешней помощи, нищета значительных групп населения, растущее демографическое давление и угроза крупных социально-демографических и экологических катастроф) переживает острый, системный кризис, является источником нарастающей конфликтной динамики цивилизационного развития современных африканских обществ.

2. Ключевое значение в этих условиях приобретает значимый и поддерживаемый широкими слоями населения выбор путей дальнейшего цивилизационного развития региона. Формирующие и определяющие этот выбор различия в целях, ценностях, идеалах, способах поведения и деятельности человека приобретают характер цивилизационной альтернативы: либо распад достигнутого единства многих африканских обществ и государств, перерастание этнических противоречий в культурные и религиозные конфликты, либо консолидация местных обществ на основе социальной модернизации, развития этики труда и разрешения конфликтов, духовно-культурного укрепления

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ по проекту 19-18-00054 «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений».

ния африканской государственности и институтов власти, блокирования внутри самих африканских обществ угрозы крупных культурных и религиозных конфликтов регионального масштаба.

3. В контексте альтернатив современного цивилизационного развития Африки рассматриваются риски и угрозы раскола национально-государственных сообществ южнее Сахары, формирования в этом регионе «параллельных» конфессиональных сообществ и возможность возникновения в этих условиях крупных религиозно-культурных и религиозно-политических конфликтов.

Мосейко А.Н.
Институт Африки РАН, РФ

ВСТРЕЧА АФРИКАНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ЭТИКИ С ЗАПАДНЫМ ХРИСТИАНСТВОМ

Проект «Цивилизационные альтернативы Африки» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН) позволил по-новому взглянуть на специфику традиционного субстрата африканских обществ и на наличие в нем качеств, способных в перспективе стать опорой цивилизационного устройства.

Одним из таких качеств является африканский этический комплекс – комплекс нравственных представлений, установок, ценностей и норм. Этот комплекс продемонстрировал свою верность нравственным критериям, определяемым африканским мифо-религиозным мировоззрением, а также свою общественную значимость и разумность при встрече с западным христианством и западными нравственными установками.

Характер этой встречи был шокирующим для африканцев, ибо он проявился в агрессивном прозелитизме европейцев, усугубленном административным колонизаторским ресурсом. Практика европейского прозелитизма основывалась на двух нравственных тезисах. Во-первых, это идея об универсальности западной морали. Применение этого тезиса к условиям Африки

привело к утверждению, что все отклонения от западных принципов и норм являются варварскими, опасными и должны быть отвергнуты. Второй тезис касался морального поведения миссионеров в практике прозелитизма. Американский теолог Феликс Вогаман писал о том, что эффективная стратегия обращения в христианство не может быть нравственной, а нравственное поведение – эффективным.

В докладе сравниваются некоторые основные нравственные принципы (в Африке и на Западе), касающиеся понимания индивида, его самоопределения, свободы, спасения, успеха. Рассматривается понимание сообщества, его сути и роли, принципа коллективной ответственности. Сравняются нормы взаимоотношения полов, семьи и брака, отношение к детям, рожденным до брака и вне брака, понятие греха.

Противоречия и столкновения западного христианства с африканскими нравственными и религиозными ценностями и нормами сделали неизбежным их взаимное приспособление и изменение. Африканцы, познакомившись с Библией, переведенной на местные языки, увидели в христианстве (Ветхом Завете) близкие им жизненные устремления и принципы, прежде всего, идеи социальной справедливости, протеста и освобождения. Изменилось и западное христианство. Постепенно происходит его реформирование, во многом под воздействием опыта, полученного в странах Третьего мира (например, «политическая теология»). Этот опыт, в частности, доказал неверность двух вышеназванных тезисов западного христианства.

Moseyko Aida N.

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

THE MEETING OF THE AFRICAN TRADITIONAL ETHICS WITH WESTERN CHRISTIANITY

The project "Civilizational alternatives of Africa" has revealed the specifics of the traditional substrate of Africa as the basis of its civilizational structure. For example, it is the African ethical complex (moral ideas, attitudes, values and

norms). The African ethical complex is based on the African mytho-religious worldview. It was clearly manifested when meeting with Western Christianity and Western moral attitudes.

This meeting was shocking for Africans. It manifested itself in aggressive proselytism, aggravated by administrative colonization resources. Proselytism deals with two theses. The first is the idea of the universality of Western morality. Therefore, all deviations from Western principles and norms are barbaric, dangerous and must be rejected. The second thesis is about the moral behavior of missionaries in the practice of proselytism. The American theologian Felix Vogaman wrote that an effective strategy of conversion to Christianity cannot be moral, nor can moral behavior be effective.

The report compares some basic moral principles (in Africa and in the West) concerning the understanding of the individual, his self-determination, freedom, salvation, success. The understanding of the community, its essence and role, the principle of collective responsibility is considered. The norms of the relationship between the sexes, family and marriage, the attitude to children born before marriage and outside marriage, the concept of sin are compared. The clash of Western Christianity with African moral and religious values and norms led to their mutual adaptation. Africans saw in the Bible principles of life close to them (ideas of social justice, protest and liberation). Gradually, under the influence of the experience gained in the Third world, there is a reformation of Western Christianity (for example, "political theology"). This experience proved the fallacy of the two above-mentioned theses of Western Christianity.

Харитонова Е.В.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

АФРИКАНСКАЯ ЭТИКА С ПОЗИЦИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
АЛЬТЕРНАТИВ: ЭТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ АФРИКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ
В ПОЛИТИКЕ И В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Цивилизационная альтернатива рассматривается как особый путь развития общества, как необходимость выбора между различными и даже взаимоисключающими путями развития, в целом и способами решения конкретных ситуаций, в частности. Представляется важным рассмотреть ситуации, в которых страны Африканского континента стоят перед трудным выбором. Основное внимание уделяется урегулированию внутренних конфликтных ситуаций на основе традиционной африканской этики.

В условиях глобализации распространяются западная культура и технологии, в том числе гуманитарные и правовые. Формируются единые поведенческие модели, единая нормативно-ценностная система, единый "правовой" способ разрешения конфликтов. Параллельно наблюдаются локальные, специфические особенности и процессы развития, живущие в самом сердце народа, в его традициях, представлениях о должном. Время от времени в мире возникают ситуации, когда решения, основанные на глубоких культурных, исторических и ментальных особенностях, оказываются востребованными, а иногда и единственно возможными. Они могут показать миру свое нравственное и этическое превосходство в ситуациях выхода из глубоких социальных и моральных кризисов. В Африке это южно-африканский и руандийский прецеденты. Способы выхода из кризиса и посткризисное развитие этих стран продемонстрировали миру цивилизационную альтернативу, сугубо африканскую, одновременно нравственно-этическую и политико-правовую. Когда степень ненависти, разобщения, противостояния и тотального противопоставления достигают пика, когда самое совершенное «западное», европейское право бессильно и может осуждать, но не примирять, – Африка предлагает миру и демонстрирует в действии альтернативную стратегию нацио-

нального примирения. Там, где Запад рассуждал бы в терминах реванша, мести и неотвратимого наказания, Африка предлагает вариант национально-го примирения и прощения (но не забвения).

История знает примеры, когда выбор между правосудием и миром для истерзанного войной и внутренними конфликтами общества решается в пользу мира. В Африке – это примеры Руанды и ЮАР. Деятельность международного («западного») уголовного трибунала, который воспринимает правосудие как обязательное наказание виновных и реализует максимум *percat mundus et fiat justitia* (пусть рухнет мир, но свершится правосудие), может помешать компромиссу. В докладе анализируются основные африканские этические концепции. На конкретных примерах показана роль традиционной этики в решении социальных и политических конфликтов, что создает условия для экономического, социального и политического развития африканского континента.

Kharitonova Elena V.

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

AFRICAN ETHICS FROM THE STANDPOINT OF CIVILIZATIONAL
ALTERNATIVES: ETHICAL SYSTEMS OF AFRICA AND THEIR
IMPLEMENTATION IN POLITICS AND IN THE SYSTEM OF LEGAL
RELATIONS

The civilizational alternative is considered as a special way of development of society, as well as the need to choose between different and even mutually exclusive ways of development, in General, and ways of solving specific situations, in particular. It is important to consider the situations in which the countries of the African continent face difficult choices. The focus is on the resolution of internal conflict situations on the basis of traditional African ethics. In the context of globalization, Western culture and technologies, including humanitarian and legal technologies, are spreading. Uniform behavioral models, uniform normative-value system, uniform "legal" way of conflict resolution are formed. In parallel, there are local, specific trends that live in the heart of the

people, in their traditions. From time to time in the world there are situations when the decisions based on deep cultural, historical and mental features, appear demanded, and sometimes and only possible. They can show the world their moral and ethical superiority.

In Africa, these are South African and Rwandan precedents. The way out of the crisis and the post-crisis development of these countries demonstrated to the world a civilizational alternative, purely African, at the same time moral and ethical and political and legal. When the degree of hatred, division, confrontation and total opposition reaches a peak, when the most perfect "Western", European law is powerless and can condemn, but not reconcile – Africa offers the world and demonstrates in action an alternative strategy of national reconciliation. Where the West would argue in terms of revenge, revenge and inevitable punishment – Africa offers the option of national reconciliation and forgiveness (but not oblivion).

History knows examples when the choice between justice and peace for society torn by war and internal conflicts is decided in favor of peace. In Africa, it is Rwanda and South Africa. The activities of the international ("Western") criminal Tribunal, which perceives justice as the punishment of the guilty and implements the Maxim «*Pereat mundus et fiat justiciar*» («let the world collapse, but justice will be done»), can prevent compromise.

The report analyzes the main African ethical concepts. The role of traditional ethics in solving social and political conflicts, which creates conditions for the economic, social and political development of the African continent, is shown in concrete examples.

Горохов С.А.

Институт географии РАН; Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Пушкин, РФ

Дмитриев Р.В.

Институт Африки РАН; Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Пушкин, РФ

Захаров И.А.

Институт географии РАН; Институт Африки РАН;
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
г. Пушкин, РФ

РОЛЬ АФРИКИ В ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ГЕОПРОСТРАНСТВА¹

Вследствие неравномерного демографического и экономического развития регионов мира и расширения процессов активной миграции населения происходит перераспределение зон влияния мировых религий, приводящее в конечном итоге к трансформации глобального конфессионального геопространства.

Африка – регион мира, который в XXI в. стал оказывать определяющее воздействие на процессы, происходящие в глобальном конфессиональном геопространстве. За последнее столетие в результате высоких темпов демографического роста, активной деятельности христианских миссионеров и мусульманских организаций, а также вследствие высокого уровня религиозности местного населения вклад Африки в глобальную христианскую и мусульманскую общину существенно вырос.

С 1910 по 2015 гг. доля африканцев в общей численности адептов христианства возросла с 1,9% до 22,4%, а ислама – соответственно с 18,0% до 27,8%. В 2019 г., по нашим прогнозам, Африка вышла на первое место по численности христиан, сосредоточив 25,6% глобальной христианской общины. Таким образом, демографические центры христианства и ислама сместились за последнее столетие на юг в направлении Африки и продолжают в даль-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ по проекту 19-18-00054 «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений».

нейшем свое движение по этой траектории. К 2050 г. в Африке будут жить более 1 млрд христиан и почти 800 млн мусульман, то есть треть всех христиан и мусульман мира.

Ввиду увеличения вклада Африки в глобальную христианскую и мусульманскую общину – религий, адепты которых составляют 65% религиозного населения мира, правомерно говорить о том, что процессы, протекающие в настоящее время в религиозной сфере континента, в дальнейшем будут определять развитие глобального конфессионального геопространства в XXI в.

Данное утверждение верно и еще потому, что ослабленная политической нестабильностью в регионе, развивающаяся экономика стран Африки не выдерживает усиливающегося демографического давления, побуждая африканцев – христиан и мусульман – мигрировать в развитые страны. В этой связи мигранты из Африки играют важную роль в формировании «параллельных» религиозных сообществ в странах Запада.

Андреева Л.А.

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина, г. Пушкин; Институт Африки РАН, РФ

«ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ» КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ДЕСТРУКЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫ ГОСУДАРСТВ¹

Современный мир эпохи глобализации в силу ряда обстоятельств становится благоприятной средой для возникновения «параллельных» конфессиональных сообществ, в первую очередь в Европе. К этим обстоятельствам, прежде всего, относятся неконтролируемые миграционные потоки с глобального Юга, снятие коммуникационных барьеров между сообществами благодаря развитию систем телекоммуникаций, экономическая неоднородность мирового экономического развития. Сам концепт «параллельные» общества вовсе не нов, он разработан западными социологами, политологами, культу-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ по проекту 19-18-00054 «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений».

рологами еще в начале 2000-х годов (Хеймайер В, Сейлан Р, Новак Ю.), но применялся исключительно к проблеме этнических и конфессиональных меньшинств в рамках их взаимоотношений с "ведущей культурой". Однако особенности современной ситуации диктуют необходимость наполнения этого концепта новым содержанием, а именно, – "параллельное" сосуществование конфессиональных обществ в светском государстве как фактор деструкции национальных государств.

В настоящее время в европейских странах, имеющих значительное количество граждан, выходцев из Ближнего Востока, Северной или Тропической Африки, или в странах, принявших значительную часть беженцев в кризис 2015 года, наблюдается активизация процесса складывания и расширения мусульманского «параллельного» общества с характерными для него чертами: функционированием «параллельной» исламской юстиции, ключевыми фигурами в которой являются мусульманские «мировые судьи», тесно связанные с господствующими криминальными семейными кланами, а также существованием противоречащих светской морали и юридическим нормам этих стран патриархальных обычаев, таких как принудительный брак или «убийство чести». Можно сделать вывод о том, что на определенных территориях в этих странах (прежде всего, во Франции, Германии, Бельгии, Швеции) – в городах, отчасти и в сельской местности, населенных выходцами из мусульманских стран, государство утратило монополию на законное использование государственного механизма принуждения (полиция, исполнительная юстиция и т. п.). Также можно констатировать, что в этих странах существует разветвленная сеть организаций которые, отрицая на словах, принадлежность к радикальному исламу, ставят своей целью построение всемирного исламского государства.

Воронина Н.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ НА РОЛЬ ПРОТЕСТАНТСКИХ ЦЕРКВЕЙ В ОБЩЕСТВЕ

Ценности, которые закладывает образовательная система, во многом будут определять облик будущего поколения. Поэтому изучение целей и задач образовательных реформ помогает определить основные социальные тенденции в обществе.

В XX в. христианские церкви – преимущественно Голландская реформатская церковь – занимали огромное место в школьном образовании Южно-Африканской республики: христианская доктрина проповедовалась в школах как единственно верная. Согласно Акту о стратегии христианского образования¹, принятому в 1967 г., все школьное образование должно было носить исключительно христианский характер и основываться на Библии. Изучение религии являлось обязательным, хотя экзамены по этому предмету не проводились². В школах, где приверженцы других религий составляли значимое меньшинство или большинство учащихся, изучение основ христианства было не обязательным, но возможности изучать другие религии отсутствовали.

Со сменой режима в 1994 г. и принятием новой конституции в 1996 г. все религии получили равный статус, и христианские церкви, в частности Голландская реформатская церковь, потеряли привилегированное положение³. Перед образовательными учреждениями ставилась задача работать на благо всех групп населения: дискриминация по расовому или религиозному признаку запрещалась. С 1996 г. по 2003 г. вопрос о необходимости, характере, целях и объеме преподавания религии в государственных школах широко обсуждался в социально-политических кругах ЮАР. Дискуссии проходили

---

¹ Mestri R. The Constitutional Right to Freedom of Religion in South African Primary Schools // Australia & New Zealand Journal of Law and Education 06.06.2016. P. 57. http://www.anzela.edu.au/assets/anzjle_vol_12.2_-_4_mestry.pdf (дата обращения: 17.02.2018)

² Mestri R. The Constitutional Right...

³ Андреева Л.А. Христианство в Тропической Африке // Азия и Африка сегодня. 2012, № 3 С. 22–29.

на фоне структурных реформ всей образовательной системы. Их правовым выражением стали такие документы, как Билль о правах – часть Конституции ЮАР (1996 г.); «Закон о школах» и «Национальная политика в области религии и образования» (2003 г.). Документ «Национальная политика в области религии и образования» проводит разделительную черту между религиозными и образовательными целями при ознакомлении с религиозными доктринами, накладывая тем самым запрет на проповеди и религиозные службы на территории школы.

Секуляризация школьного образования, отстраненный подход к изучению религий может привести к снижению роли религии в обществе. Однако на настоящий момент религиозные ценности и убеждения проходят красной нитью через повседневную жизнь большинства южноафриканцев.

Хайрулин Т.Р.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

СОПЕРНИЧЕСТВО ИСЛАМИСТСКИХ СИЛ В МАРОККО

В период событий «арабской весны» на политической арене Марокко появилась новая сила в лице умеренной исламистской Партии справедливости и развития (ПСР), поддерживаемой Катаром и Турцией. Имея родственные связи с международной Ассоциацией «Братьев-мусульман», ПСР сумела добиться впечатляющих результатов на парламентских выборах 2011 г. в Марокко. Однако добиться таких впечатляющих результатов было бы сложно без политической поддержки со стороны консервативных салафитских движений страны, которые, примкнув к ПСР образовали довольно мощный исламистский фронт, бросивший вызов монархическому режиму в стране.

Несмотря на умеренную политику исламистской ПСР, она вызывает раздражение у представителей королевского двора, которые видят в ней потенциальную угрозу дестабилизации политического режима. Поэтому любые смелые инициативы со стороны ПСР королевский двор пытался нивелировать. Внушительный успех ПСР на парламентских выборах 2011 г. вынудил

королевский двор заручиться финансовой и дипломатической поддержкой Саудовской Аравии и оказать давление на марокканских салафитов, с целью внести раскол между последними и ПСР. Итогом проведенной контратаки стало ослабление позиций умеренных исламистов в Марокко на следующих парламентских выборах 2016 г.

Бобохонов Р.С.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ОТХОД ДВИЖЕНИЯ «БОКО ХАРАМ» (НИГЕРИЯ) ОТ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ НОРМ ИСЛАМА

Нигерийская радикальная исламистская организация «Боко харам» (запрещена в РФ) в отличие от других исламистских организаций, которые появились и функционируют с XX века, такие как «Братья мусульмане», «Хизбат-Тахрир», «Хизбаллах», «Аль-Каида», «Талибан» и другие, имеет более короткую историю. Но и этого короткого времени было достаточно для того, чтобы заявить о себе, как об одной из самых радикальных и беспощадных среди всего исламистских движений в мире. «Боко харам» выступает против западного образования, западной культуры и науки. По мнению членов этой организации, любая общественная и политическая деятельность, связанная с западными ценностями и образцами поведения, должна быть запрещена, в том числе: голосование на выборах, ношение рубашек и брюк, светское образование и т.д. Правительство Нигерии, с точки зрения «Боко харам», «испорчено» западными идеями и состоит из «неверующих», даже если президент формально является мусульманином, поэтому его необходимо свергнуть, а страна должна управляться на основе законов шариата.

Анализируя деятельности «Боко харам», мы пришли к выводу о том, что в большинстве случаев эта группировка не борется за чистоту ислама и построение Халифата, а, прикрываясь исламистскими лозунгами, занимается бандитизмом, грабежом и мародерством. Но после установления тесных контактов с «Аль-Каидой», «Исламским государством» и другими международ-

ными террористическими организациями «Боко харам» стала часто заявлять о себе как о политической – исламистской организации, которая борется за создание Халифата в Нигерии и Западной Африке. Таким образом, в деятельности этой организации соединяются, с одной стороны, бандитизм, грабеж, мародерство, террор, взрывы, поджоги, нападения, расстрелы, захват

Заложников, а с другой – политическая деятельность в форме борьбы священного джихада против светского государства в Нигерии и Западе в целом. «Боко харам» показала и продолжает показывать всему миру самую беспощадную и бесчеловечную модель исламистского террора, которая, по сути, противоречит нормам цивилизованного поведения и не воспринимается здоровой психикой современного человека.

**Пономарев И.В.,
Уланова Н.С.**

Институт Африки РАН, Москва, РФ

УТИЛИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Еще до появления группировки «Исламское государство» (ДАИШ) военные конгломераты «Аль-Шабаб» и «Аль-Каида» (в Исламском Магрибе – АКИМ) уделили немало внимания продуманному информационному воздействию на население, продолжающему и сегодня широко распространяться благодаря электронным СМИ. Некоторые из идеологов «Аль-Шабаб» неоднократно подчеркивали, что началось столкновение исламской и христианской цивилизаций, что Запад поставил себе целью уничтожить ислам. К схожей риторике прибегают и лидеры АКИМ. Такое глобальное контекстуализирование мировой ситуации позволяет представить их преступные действия в намного более привлекательном свете. Более тонко и умело об «исламской угрозе», столкновении/конкуренции культур и идеологий говорят и многие западные и африканские политики: первые для продвижения своих интересов на африканском континенте, вторые для получения финансовой помощи от

Запада. Борьба ведущих стран мира за сырьевые и энергетические ресурсы и их конкуренция между собой в образовательной и конфессиональной сфере ослабляют африканские страны, усугубляя в них локальные противоречия. Однако не только эти причины являются движущей силой организаций «джихадистов» и сепаратистов, а – сложная амальгама локальных и глобальных факторов, требующая изучения в каждом отдельном случае.

Нефляшева Н.А.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ОПЫТ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ИСЛАМИСТСКИХ ГРУПП В НИГЕРИИ

Проблематика дерадикализации участников радикальных исламистских групп является одной из актуальных в политической повестке стран, затронутых радикальным исламизмом. Программа дерадикализации таких групп, предложенная Нигерией, представляют особый исследовательский и практический интерес. Уже более 10 лет страна борется с трансграничной террористической организацией «Боко харам» (запрещена в РФ). В докладе рассматривается опыт этой борьбы на примере одной из главных программ противодействия влиянию исламистов – «Операции “Безопасный коридор”». В рамках программы работают более 100 правительственных экспертов, включая имамов, социальных работников, педагогов, и наркологов из 13 министерств и ведомств правительства. Предусматриваемая программой социальная и медицинская поддержка лиц, оказавшихся под влиянием «Боко харам», предоставляется только тем, кто выразил готовность раскаяться, к кому нет претензий от соответствующих государственных органов.

Выполнение подвергается критике как со стороны экспертов, так и со стороны представителей местных сообществ. Отсутствуют четкие и ясные критерии того, кто и на каких условиях имеет право быть включенным в программу. В стране нет учреждения, работающего с общинами, которым предстоит принять участника программы по ее завершении, в том числе женщин

и девочек, похищенных или проживавших на территориях, контролируемых «Боко харам». Неясно, что является критериями успеха программы – отказ от практики насилия или отказ от исламистской идеологии? Программа направлена на мужчин, но игнорирует потребности женщин и детей. Практически отсутствует социальная и психологическая помощь жертвам насильственных действий «Боко харам», потерявшим своих родных, имущество или получившим травмы.

Бочаров В.В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, РФ

АФРИКА – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ АНАЛОГОВ АРХАИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

Африканский материал, собранный социально-культурными антропологами в Африке преимущественно в первой половине XX века, активно используется западными медиевистами (микроистория) для исторической реконструкции народных мировоззренческих установок при интерпретации фиксируемых в письменных источниках фактов. Российский африканист (В.М. Мисюгин), отталкиваясь от анализа суахильской терминологии родства при наследовании социального статуса, выдвинул гипотезу о причинах княжеской междоусобицы в Древней Руси периода русского средневековья, связанной с возникшими в данный период разночтениями на право наследования по родству княжеского титула. Она нашла понимание у историков.

На территории бывшего СССР, после его распада отчетливо фиксируется «архаизация» социокультурных процессов. Лидер «второго мира», с развитой, как считалось экономикой (нерыночного типа), социально-политической сферой и культурой, породил государства, которые по своим экономическим и социокультурным свойствам, причислялись к «третьему миру». Вместо ожидаемых «демократий» на пространстве Союза появились либо, так называемые «имитационные демократии», либо вовсе государства, тож-

дественные восточным деспотиям. Возродились иррациональные мировоззренческие системы, причем, не только, относимые к мировым религиям, но и архаические аналоги (шаманизм, колдовство, культ предков и др.). Насильственная смена политических режимов (революционизм), характерная опять же для «третьего мира», прочно утвердилась в государствах СНГ.

Наиболее очевидно «архаика» представлена как раз в государствах Тропической Африки. Неслучайно именно африканист Г.С. Киселев инициировал сборник статей: «Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране» (М.: Восточная литература, 1992), в котором отечественные востоковеды обнаружили много общего между российскими реалиями и социокультурными процессами на Востоке. Политологи же констатировали, что «при всей иногда гигантской количественной разнице...можно зафиксировать поразительные совпадения экономико-политической проблематики, с которой сегодня вынуждены иметь дело страны СНГ и африканского континента». «Поразительные совпадения» требуют научного объяснения, которое может быть найдено при разработке положения, выдвинутого еще в 70-х выдающимся отечественным африканистом Д.А. Ольдерогге о *«колониальном обществе как особом типе развития»*.

Неклесса А.И.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КОНКУРЕНЦИИ

1. Мир движется к новой семантике, концепции, практике социальных взаимодействий. Стратегическое преимущество переходит к системам, способным продуктивно функционировать в ситуациях новизны и неопределенности. Проактивная личность, частные и партнерские институты, трансграничные сообщества приходят на смену скованному регламентами Левиафану.

2. Модель истории имеет два «диалоговых» измерения: синхронное – сопряжение субэкумен как культурно-исторических состояний и диахронную

магистраль (цивилизация как процесс). Цивилизационная конкуренция – борьба за будущее, продуцирующая необходимость изыскивать преимущества, включая собственную культурную среду.

3. Будущее реализуется не только в конфликтах между культур-системами, но также в способности к трансценденции ветхих композиций, достижению более высокого уровня организации. Историческая динамика проявляется как синергичные комбинации соперничества и ко-эволюции.

4. Развиваются два универсальных процесса: глобализация и индивидуация, сопровождаемые трансформацией субъектов, объектов, ситуаций, мутацией политических и прочих институтов.

5. Иерархии утрачивают административно-бюрократическую определенность. Расширение возможностей личности в сфере практики предопределяет перенастройку мирового концерта от симфонии наций к полифонии политий. Геополитическая логика замещается геоэкономической, а в подвижной среде с эластичной архитектурой доминирует социокультурная аттракция (геокультура), ускоряется перераспределение человеческих ресурсов (геоантропология).

6. В геоэкономической модели выделяются шесть пространств: транснациональный Север (глобальное управление), североатлантический Запад (высокие технологии), тихоокеанское кольцо Нового Востока (индустриальное производство), тропический контур Юга (сырьевая экономика), сухопутный океан Северной Евразии (специфический ареал), трансграничный Глубокий Юг (трофейная экономика).

7. Геокультурный и геоантропологический атласы конструируются как гроздья глокальных объектов, куда стекается интеллектуальный и кадровый капитал человечества. Наследники различных культур способны по-своему реализовать деконструкцию современности как постсовременный цивилизационный проект.

8. Цивилизационная неоднородность Ойкумены связана не только с социальным и технологическим развитием, глобализация – горизонтальное

совмещение культур и конфессий, чреватое конфликтностью и десинхронизацией. Трансграничные сообщества, аграрные, индустриальные, постиндустриальные страны различным образом реализуют потенции агрессии и обороны.

9. Конфликты последнего времени происходили преимущественно в африканской зоне нестабильности: Ливия, ряд других государств Африки, Сирия, Йемен, Ирак, Афганистан, ИГИЛ.

10. Софистика гибридного мира подрывает властный консенсус и моральный императив современности, а ядерное оружие из закрывающей войну технологии становится зонтиком для коррумпирующих мир действий. Синтез военных и гражданских практик рискует утвердиться в качестве социополитической реальности. Сбой в доверии к контрактам безопасности способен привести к банкротству организации международного сообщества.

**Panel II-3. Globalization, Shrinking Spaces,
and Expanding Partnerships in “New Developing-Africa”
Секция II-3. Глобализация, сжимающиеся пространства
и расширяющиеся партнерства в «новой развивающейся Африке»**

Convenors / Руководители: *Stig Jensen* (Copenhagen University, Denmark), *Amanda Møller Rasmussen* (Aarhus University, Denmark), *Jacob Worsøe* (Copenhagen University, Denmark)

This panel sets out to discuss how the “*new* developing-Africa,” i.e. the discourses, practices, and resource frontiers, which are characterized by the international communities’ obsession with the “new” in development, form and are formed by connections and disruptions between the local, national, and global in order to demarcate spaces, resources, and agency in and about Africa.

While various global discourses have informed this turn towards the “*new* developing-Africa,” particularly three are of interest to this panel. First the new social finance regime that have introduced new modes and sources of financing development, while insisting on these projects and receivers following an “entrepreneurial” mode of action. Secondly, the discursive transition from natural resources as ‘wealth’ and locally embedded to becoming a question of ‘shortage’ and international conflict. Finally, the fear of migration, terror, and local instability has continued an international fixation with the governance of spaces and natural resources, which particularly has informed nation-state and transregional interventions.

All three regimes have created a space within development for new actors and ‘untraditional’ partnerships, linking a large net of actors internationally and on the ground, as both donors, practitioners, gate-keepers, and receivers in a cross-over between development, security, entrepreneurship, and the private sector. In so, changing the landscape of development interventions, as well as its connections and disruptions between the local, national, and global spheres.

Stig Jensen
Copenhagen University, Denmark

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS:
A NEW FRONTIER APPROACH TO RURAL DEVELOPMENT
AND BIODIVERSITY CONSERVATION IN AFRICA?

The aim of this paper is to analyse and reflect on public-private partnerships (PPP) as a route to sustainable governance in Africa by focusing on the integration of rural development and biodiversity conservation in Africa.

Rural African communities are deeply dependent on utilisation and good governance to regulate access to natural resources. Also, Africa is rich in biodiversity with unique and endangered ecosystems and species thereby growing international pressure on African states to improve the protection of globally important biodiversity.

As a result, rural poor African communities are challenged by shrinking space caused by changes in biophysical as well as social conditions, expanding integration is linked to international processes where society is opening up to the outside world, as well as external interests that are opening up local communities. Simultaneously, local communities face the structures of a weak state, as governance without government, where people or biodiversity rarely are protected, but rather often exposed due to lack of regulation.

PPP is often presented as frontier governance initiatives with abilities to integrate pro-poor development and biodiversity conservation.

This paper tries to answer the following question: Can public-private partnerships contribute to sustainable local development and conservation of biodiversity? By analysing and reflecting on visions as well as preliminary studies of a specific integrated conservation and rural development PPP-initiatives in Africa.

Alexandra A. Arkhangel'skaya,
Roman Savinov
HSE; Institute for African Studies, Moscow, Russia

THE MORE THE MERRIER? HOW BRICS ENLARGEMENT COULD IMPACT NEW DEVELOPING AFRICA

The modern world is fragmented, traditional global governance institutions, rules and regimes are weakening, innovation and technological progress is transcending state boundaries and shrinking space. In response to these challenges, partnerships are expanding all over the globe.

BRICS as a flexible grouping of five regional powers represents a change in the existing global order. The group's possible enlargement has been in the spotlight from the beginning with BRICS Plus and Outreach formats created to this effect. Presently the BRICS agenda covers only a part of the challenges of global transformation and would possibly require more involvement of other states which play a significant role in global economic and political governance.

South Africa joined BRIC in 2011. With the accession of South Africa and the transformation of BRIC into BRICS, the forum ceased to be a group of the largest developing economies and began to be positioned as a structure that allows key non-Western countries to coordinate their approaches to world order and global governance and the formation of a polycentric world order. At the same time, South Africa was and remains one of the leaders of the African continent in economic and political terms, claiming the status of the representative of continent-wide African interests on the international stage. In addition, the country positions itself as the "gateway to Africa", i.e. as an entry point for traditional and emerging players on the continent. The BRICS format, with South Africa on board and actively drawing attention to the African agenda, highlights the need to address new geopolitical issues concerning Africa in a polycentric world.

Meanwhile, New Developing Africa is truly a continent of new opportunities. The countries of Africa are developing quite successfully in economic terms – many sub-Saharan economies showed an average of 5.2% GDP growth rate during 2000–

2013. Some African countries even received the nicknames of "African lions" by analogy with the "Asian tigers." The middle class is growing rapidly on the continent along with its population in general leading to an increase in demand for, and consumption of, goods and services. UN reports say that the population of Sub-Saharan Africa will double to 2.5 billion people by 2050: the birth rate is high – women currently have an average of 4.4 children. By the year 2100, the UN predicts that the population of Africa will grow to about 4.3 billion.

Amid that, the emergence of new world powers that find their interest on the African soil reflects an opportunity for the gradual transition of the system of international relations to a qualitatively new mode with a significant and voiced role of the continent on the global arena. The possibility of expanding BRICS draws our attention to new players engaged with Africa, in particular regarding the role of South Africa in these processes.

Raymond Steenkamp Fonseca
Stellenbosch University, South Africa

SOUTH AFRICA'S BLUE ECONOMY, MARITIME SECURITY, AND OCEAN DEVELOPMENT DISCOURSES: A CRITICAL GEOPOLITICS APPROACH

The ocean south of the African continent is a territory opening to development, and potentially a strategic platform for securing national interest in the region. South Africa's renewed interest in the African maritime domain, as well as its involvement with regional organizations like SADC, means that we can expect new and extended interactions in the maritime space.

Taking an approach informed by critical geopolitics, this paper examines the geopolitical and geoeconomic discourses currently constructing the space off the southern African seas. The study arises from the need to revisit the historical narrative of discovery and exploitation which have focused up to now mainly on the geopolitics of Western interests, from empires to multinational capital. With the involvement of new players new narrative practices have emerged for both South Africa and its maritime neighbours.

The study critically examines their discourse now remapping governance of the maritime space. It does so by looking at the economic impulse in mapping the offshore, the legal extension of maritime claims over ocean jurisdiction, and the security dimension of naval cooperation and power projection.

Amanda Møller Rasmussen
Aarhus Univeristy, Denmark

THE OLD, THE NEW, AND THE FUTURE PORT DE PECHE

Reflections on how development initiatives, private business investments, a national (dis)interest, and an international fear of dangerous waters, have come to influence current fisheries frontiers in Djibouti.

The waters of the Horn of Africa have in the recent decade seen a large influx of attention by both international and national actors. In Djibouti, this has led to million-dollars investments into its comparatively small fishing sector, which covers permanent employment for an estimated 3600 persons. Particularly, the largest fishing port – Port de Pêche – has seen projects, investments, and funding from a large pile of actors, including the African Development Fund, the International Fund for Agricultural Development, the Food and Agriculture Organization, local and foreign private companies, as well as from foreign governments. In 2019 particularly three themes were the focal point, i) upgrading fishing facilities in efforts to provide more fish to Djibouti markets and to export fish to Europe, ii) helping the fishers develop into economic stabile entrepreneurs, iii) managing the waters of Djibouti to ensure water security and sustainability of fishing techniques.

However, what happens when a handful of different actors in a cross-over between development, security, and business logics set out to develop and invest in one fishing harbor? How do these interventions inform and are informed by the everyday life of fishers and fishmongers? And who ends up having access to the sea and its resources?

From the point of departure of nearly 10 months of fieldwork in Port de Pêche in Djibouti, this paper reflects on the implications of a resource frontier that entertain both development, security, and private sector goals and logics, as well as local, national, and foreign interests, and how local fishermen engage and disengage with these endeavors.

Jacob Kristian Worsøe

Copenhagen University, Denmark

**BANKING ON COMMUNITY. COMMUNITY-BASED ECOTOURISM
AND RURAL CAPITALISM IN UGANDA**

Community-based resource management have gained increasing popularity as sustainable governance strategy for combined conservation and development. This paper explores the social dynamics of communal resource governance through community-based ecotourism. For nearly three decades, a community-based organization has been hailed for its successful use of ecotourism to promote environmental conservation and rural development around the village of Bigodi in western Uganda. In recent years, Bigodi has experienced increasing internal conflicts culminating with various actors challenging the position of the original community-based organization and its claims to ‘the community’ and its resources. It is argued that the experience with community-based ecotourism in Bigodi has facilitated deeper penetration of capitalism and consequently reconfigured local social relations. Ironically, while the sense of community in Bigodi is being replaced by self-interest and individualism, the very notion about ‘community’ has turned into a concept for capital accumulation among many of the actors.

Ajay Dubey
Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India

ASIA IN AFRICA: CHALLENGES IN RECONFIGURING
AFRICAN STUDIES ASIAN NETWORK

Globalisation has enabled increasing and larger presence of Asian countries in global engagement of Africa. Many Asian countries have suffered colonization like African countries and none of them colonized Africa. There is growing expectation of African countries that such major Asian countries will enable Africa to diversify its traditional dependence on the West and effect a relationship which is based on mutual respect, equality, consent and partnership model. China, India, Japan, Korea, Malaysia, Indonesia and other Asian countries have responded to such opportunities. However, Asian engagements in Africa have not been following similar pattern. The historical baggage, domestic political and economic structures & strength and moreover, their international group membership have led to contrasting approaches to Africa engagement, despite them having common Asian denomination for Africa.

The Asian Africanist Academic network initiative started in 2010, aiming to form a African Studies Association of Asia like organization, depicts the commonality and contrast of Asian Africa's engagements in its approach. Though the network is still in nascent stage, it is important to understand its inner dynamics to actualize its formation. The presentation would like to discuss the attempt to reconfigure African studies in Asia through the Asian Africanist network in the last one decade and analyse its future trajectory.

Panel II-4. The Current and Future Multiple Challenges of Africa
Секция II-4. Многочисленные нынешние и будущие вызовы Африки

Convenor / Руководитель: *Jean Paulin Mengue Me Ndongo* (University of Yaounde 1, Cameroon)

Jonathan Richard Walz
SIT-Graduate Institute, USA

**THE UNNATURAL DISASTER OF CLIMATE CHANGE:
VULNERABILITIES, IMPACTS, AND HUMAN RESILIENCE
IN THE ZANZIBAR ARCHIPELAGO AND SEYCHELLES**

Climate change is an unnatural disaster that poses a threat to governments, civil societies, and individual livelihoods. Islands in the western Indian Ocean – such as Zanzibar Archipelago and Seychelles – are exposed to higher sea level, changed currents, increased atmospheric temperatures, less precipitation in more an intensive distribution, loss of biodiversity, coral bleaching, coastal erosion, and risks to water, food, and energy security. States and communities suffer from the growing effects as they attempt to adapt to and to mitigate the risks and challenges. Impoverishment and a growing population amplify stresses to natural resources and culturally informed solutions.

This paper emphasizes the last twenty years and draws from cases in the Zanzibar Archipelago (Tanzania) and Seychelles. Natural and social science research documents and compares the vulnerabilities, impacts, and human strategies of climate change resilience in these African islands in the western Indian Ocean. Seychelles has established a national scale “blue economy” strategy. It has a proactive civic engagement strategy to confront climate change and an equal desire to enhance ecosystem services. Success stories in Seychelles emphasize collaborative attempts to bolster resilience at the human-environment interface. On Pemba Island in Zanzibar, climate change challenges are more intense due to greater poverty and an almost exclusive reliance on small-scale agriculture and fishing as livelihood strategies. However, in Pemba an enterprising group of farmers have begun to deploy new hydroponics, grafting, and animal manure and

compost strategies to improve food crop productivity. These changes combat the impacts of climate change and ensure greater food security and sovereignty. The case of Pemba is traced through an innovative farm and farmer field schools stirring an agricultural revolution from below.

Amal Nagah Elbeshbishi

United Nations Economic for Africa, Rabat-Morocco

NORTH AFRICAN YOUTH-DEMOGRAPHIC DIVIDEND OR DEMOGRAPHIC DISASTER? AN EMPLOYMENT PERSPECTIVE

The North African region is ideally positioned to create a golden opportunity for a demographic dividend and to develop an environment conducive to reaping the economic benefits of this dividend. The time for sustained action to take advantage of this potential is now, otherwise this demographic dividend will turn into a demographic disaster. The region faces the immediate pressure from a large and increasing working-age cohort for whom the necessary preparatory investments were not made. On the road, ahead for North Africa, the formidable challenge is youth unemployment. The human misery and social exclusion of youth unemployment in North Africa region is indeed a time-bomb, given that it is one of the main triggers of the youth-led uprisings in Tunisia, Egypt, Libya, Algeria and Sudan (in chronological order). The region must deal with this issue, as success in development is simply not possible without first solving the youth unemployment problem.

This paper will explain first the theoretical concepts behind the demographic dividend. Secondly, the paper will analyze North Africa's potential for harnessing the demographic dividend and the short comings the region must address. The major problem which denies North African region a demographic dividend is youth unemployment. The youth bulge could reach a "goldilocks moment" in which things are "just right": more young people = more workers = economic growth = social good. It could also lead to a "demographic disaster" if growth is not distributed fairly and there are no jobs for the potential workers. The paper will

finally present policy recommendations to deal with the demographic disaster and the threat from North Africa's young unemployed population in the short term, to pave the way and create an opportunity for the demographic dividend and yield its benefits in the long term.

**Sunday Timothy Afangideh,
Alubabari Desmond Nbeta**
University of Port Harcourt, Nigeria

**TERRORISM AND TERRORIST ACTIVITIES IN AFRICAN NATIONS:
CAUSES, CONSEQUENCES, PERSISTENCE, EXTENSION
AND WAYS FORWARD**

For the most part of their existence as independence nations, African nations had little or no business with terrorism and terrorist activities. Discussions relating to terrorism and terrorist activities were heard in connection with countries like Afghanistan, Pakistan, India, Saudi Arabia, Yemen, Iraq, Iran, Syria, among others, as terrorist groups try to draw the attention of constituted political authorities to their existence and for recognition while some even sought to take political and economic control of their spheres of control, through violent actions, that leave harrowing consequences in their wakes. Quite surprisingly, terrorism and terrorist activities made their ways into African nations like Tanzania, Somalia, Kenya, Uganda, Libya, Tunisia, Morocco, Algeria, Egypt, Sudan, Chad, Cameroon, Nigeria, among others. Groups like Al-Shabah, Abdulla Azzam Brigades, Al-Qaeda in Islamic Maghreb, Allied Democratic Forces, Ansar Al-Sharia and Boko Haram are terrorizing African nations, destroying lives and properties. This paper is a discussion on the causes, consequences, persistence and extension of terrorism and terrorist activities in African nations and the ways forward. The discussions hold the view that, some natural, social and political forces provide the fertile grounds for the rise, persistence, and extension of terrorism and terrorist activities in African nations, with their harrowing consequences on nature, people, economies and governments of nations, trapped in their activities. It is concluded that African nations may find it difficult to

exterminate terrorism and terrorist activities, if deliberate and concerted efforts are not made to surmount the causes, persistence and extension of terrorism and terrorist activities. Consequently, the writers suggest that African nations should address the causative agents while making efforts to de-radicalize the radicalized.

Javier Sacristan de Alva
National Autonomus University of Mexico

THE CONFLICT IN THE DELTA OF THE TANA RIVER

In the first years of the XXI century, Africa has witnessed the pollution of water and how the impact of climate change made Access to the blue gold harder day by day. In the last months of 2012, in the East of Africa, the Pokomo and Oma people start a Little war for the control of the land.

It was clear that those months of the war was because the two communities wanted to control the water of the Delta of the Tana River because the land in this region is very arid. The objective of this investigation is to explain the role of Kenyan politics in this conflict and how, nowadays, the problem of Access to water had started very violent conflicts. The scarcity provoked by many factor sis waiting for a specific situation to evolve in violence. It is essential to make a reflection about how the control of land and water will become an elemental issue in countries like Kenya, where the economy depends on agriculture.

Well known phenomenon as El Nino and La Nina, aggravated with the climate changes and multiple political elements, provoked that groups as the Orma and Pokomo that had some conflicts that never were solved with violence enter in a dynamic of extermination.

Another objective is to understand the dynamics and elements in Kenya that provoked this conflict and demonstrate measures that can be taken to avoid these situations in the future. It is essential to analyze the conflicts for land and water in the XXIst century because they are the symptoms of a massive problem in the future.

Artemiy R. Kurbanov
Lomonosov Moscow State University, Russia

**“SNAKEBITE CRISIS” AS A CHALLENGE FOR SUB-SAHARAN AFRICA:
PATHS TO OVERCOME**

The problem of prevention and treatment of the consequences of venomous snake bites is today considered one of the global public health problems, venomous snake bites are included in the list of “neglected tropical diseases” of the World Health Organization. In May 2019, WHO adopted a strategy for the prevention and treatment of venomous snake bites, designed for the period up to 2030. A key objective of this strategy is to reduce the number of dead and disabled due to the effects of snake by 50 per cent compared to today’s figures.

Sub-Saharan Africa is in the group of countries whose inhabitants are at the highest risk of being bitten by a snake. This region is characterized by a high level of biodiversity, including poisonous snakes of two main systematic groups – vipers and elapids. Economic activity, in which a large part of the population is involved, is inextricably linked with agriculture, which is characterized by seasonal activity. Periods of intensive work in the field intersect in time with activity cycles of poisonous snakes, which makes meeting with them inevitable.

The situation in sub-Saharan Africa is assessed by experts from WHO and international organizations as critical due to the fact that the main medicaments used in the treatment of snakebites – antivenoms (anti-snake serums) are not produced in any of the countries in the region. The “Snakebite crisis” was triggered by decision of French company Sanofi Pateur to discontinue production of the Fav Afrique antivenom, effective against venom of the main types of snakes with medical importance. This decision was made in 2014, by 2017, serum reserves were exhausted.

Ways to overcome the crisis are associated with the efforts of international organizations, the expert community, manufacturers of antivenoms, which are located outside the region and the World Health Organization. The joint interaction of these actors allowed us to bring the problem to the level of world agenda and led

to the emergence of new pharmaceutical products that are economically available for health systems of the region's countries, and program documents that contribute to redirecting resources of the world community to reduce the severity of this problem.

**Anne Louise Bartlett,
James Tonny Dhizaala**

School of Humanities and Languages, Sydney, Australia

**BUILDING SUSTAINABILITY? CHARCOALSCAPE
IN A NORTHERN UGANDA TOWN**

This paper analyses the dynamics of charcoal production and rampant deforestation in Agago, Northern Uganda. This level of deforestation, which is currently one of the highest in the world today, now threatens the ecosystem and sustainable livelihoods for the population. There are four critical issues affecting this trade which makes the effort to build sustainable futures challenging. First, there are equity issues in the charcoal commodity value chain which mean that charcoal traders from outside Agago receive most of the profits. This negatively affects a post-conflict population who are already highly impoverished from decades of war. Second is the relationship between centre and periphery in Uganda which produces histories, alliances and structures of extractivism around charcoal that enable certain forms of political power to be consolidated. Third, is the issue of urbanization and cross-border trade. With Uganda urbanizing at an exponential rate; the demand for charcoal is constantly increasing. This situation, made significantly worse by a charcoal ban in neighbouring Kenya, has driven the search for charcoal directly into Uganda's forest reserves. Finally, land dispossession and people movements now also contribute to the charcoal trade with refugee encampments from the South Sudan conflict on Ugandan borders and close to one million people in need of cooking fuel. All of these factors have led to an alarming decrease in forest cover and threats to the long-term sustainability of the environment. Using fieldwork from Agago District, while

working on the building of sustainable kilns with the local community, we analyse these trends.

Jean Paulin Mengue Me Ndongo
University of Yaounde 1, Yaounde – Cameroon

PARADOX AND MISERY IN CENTRAL AFRICA

Some historians and social scientists confirm the fact that Africa has a past glory: the glory of an Africa made up of great conquerors and builders, notably the Soundiata Keitas, the Pharoahs and a host of others. This paper emphasizes on the fact that Africa has enormous potentialities which are in contradiction with the level of poverty in this continent.

How can the exponential poverty growth in Central Africa be explained? What accounts for the increasing number of men, women and children caught in misery, hunger and despair in that sub-region? What can we say about the inefficiency of humanitarian activities, the programmed failure of international or sub-regional coalitions which claim they want to put an end to the phenomenon? How can it be explained that the cradle of humankind, with enormous potential in agriculture, forestry, tourism, human resources, mining and energy, has become a vast theatre of desolation for so many men and women, to the extent that escape now seems the only solution to the youngest?

Today, we are witnessing with consternation the negative effects of the development policies formulated and directed from the West and approved by Central African governments, in disregard of the socio-cultural and economic realities specific to each country (Cameroon, Central African Republic, Congo, Equatorial Guinea, Gabon and Chad).

The paper clearly identifies the paradox, the misery worsened by Central Africans and solutions to that phenomenon. This study applies qualitative method research, literature review, document analysis and practical observation.

John M. Luiz

University of Sussex, UK; University of Cape Town, South Africa

Takudzwa Magada,

Regis Mukumbuzi

University of Cape Town, South Africa

THE NEXUS BETWEEN BUSINESS, GOVERNMENT AND SOCIETY
UNDER EXTREME INSTITUTIONAL TURBULENCE: INTEGRATING
MARKET AND NONMARKET STRATEGIES IN THE DEMOCRATIC
REPUBLIC OF THE CONGO AND ZIMBABWE

Research in international management increasingly recognizes the significance of institutional conditions in both home and host countries and that this may affect locational decisions, entry strategies, and firm performance. But we need to better understand how this work is affected by more extreme institutional environments which are often characteristic of the next generation of frontier / emerging markets in Africa. We demonstrate the interplay between home and host country institutions and its significant influence on company strategies in institutionally turbulent environments within Africa and how this creates particular capabilities. We adopt a qualitative methods approach in two African countries which have been beset by extreme institutional instability for over two decades, namely the Democratic Republic of the Congo (DRC) and Zimbabwe. We focus on the mining sector in the DRC and financial services within Zimbabwe. We highlight the dynamics and the interplay between market and nonmarket strategies in these environments and show that these are not dichotomous but can be integrated to create unique capabilities. The complexities associated with these institutional environments may make it difficult impossible to manage the situation alone and hence cross-sector alliances between business, government, and civil society can become crucial to success to fill in missing gaps in the institutional architecture.

The research will contribute to the limited work on management studies within African markets and responds directly to the theme of this panel by examining the nexus between business, government, and society during processes

of institutional change and the challenges that provides for development. By exploring the relationships and tensions between macro, meso and micro-level institutions, we make a noteworthy theoretical contribution to the thin body of work on potential institutional misalignment that is visible in many African countries. As such it also contributes to our understanding of conflict in these institutional settings.

Hamdy A. Hassan
Zayed University, Dubai

**TRANSFORMATIONS OF FORCED MIGRATION IN AFRICA:
ISSUES AND GENERAL PROBLEMS**

Migration in Africa has been rising continuously over the past two decades in all sub-regions. There is a variety of migration flows, including a rise of migrant workers, female migrants, an increase in irregular migration as well as a large number of refugees and internally displaced persons. It is not secret that the current literature, especially that which is adopted by the concerned international organizations, was unable to understand the various dimensions of the phenomenon of migration and displacement in the context of Africa. This may require the “Africanization” of all related concepts to serve as a tool for analysis in accordance with a cultural pan-African perspective. This study seeks to explore the most important transformations witnessed by the phenomenon of international migration in Africa, the most important factors driving it, and what policies and future challenges it faces? The paper uses a mixed-method qualitative research design involving literature review and document analysis.

**Anna V. Liadova,
Inna A. Vershinina**
Lomonosov Moscow State University, Russia

URBANIZATION AND MENTAL HEALTH: CHALLENGES FOR AFRICA

Urbanization is an increase in the number of cities and urban population, which involves not only demographic changes, but also includes social, economic and psychological changes. This is a process that leads to urban growth through industrialization and economic development. According to forecasts by the United Nations Population Division, by 2050, two-thirds of the total population will live in cities.

Africa is a continent with the greatest potential for urbanization in the 21st century due to the high birth rate and low urban population in some countries. However, sometimes the growth of cities as a result of internal migration is so rapid that some cities face with the lack of the necessary infrastructure and sustainable urban environment. The growth of population is faster than the urban development. Therefore, the intensive development of cities does not always lead to the construction of an urban space comfortable for humans. The poor quality of the urban environment often causes depression. Moreover, crowded living and an increase in the number of urban residents are often accompanied by a decrease in social support, and a change in social ties. This may contribute to the deterioration of the population's mental health. Thus, according to the World Health Organization, about 800,000 people commit suicide every year. 79 percent of these are in low-income and middle-income countries where the health systems pay less attention to mental health than in high-income countries. These and other facts make it necessary to analyze possible risks and threats that may pose a danger to the sustainable nature of urbanization in Africa, due to the importance of mental health as a major source of human capital and social well-being.

Otumala Simon Jonah
Federal College of Education Ogun State, Nigeria

ELITIST ECONOMY AND THE INHERITED CULTURE OF CLASS
STRATIFICATION AMONGST AFRICAN MASSES

Across the continent of Africa, there exists a culture of imbalance which is product of the legacies of colonial inequality between the colonial masters on the one hand and their subjects on the other. These subjects were the recipients of the colonial legacies which was meant to further the capitalist tendencies and in the end meet the economic needs of the colonial lords. This policy has however remained with the continent of Africa decades after political and economic independence. Given the above position, this paper is posed to examine the nature of inequality amongst the people of Africa which is evident in the economic gap and the disparity that also exists between the continent's largely poor citizens, which is in sharp contrast with the pleasurable lives of political and economic elites who dictates the run of events in the various countries of the continent at the expense of the apologetic masses. Data for this paper is drawn from journals, articles and documents to illustrate the degree of inequality between economic advantaged elites and the economic disadvantaged masses. The paper employs the Marxist Class Theory to substantiate the obvious problem that has divided the continent of Africa along distant lines of haves and haves-not. It further argues that the colonial policy of inequality which is geared towards capitalist accumulation of wealth bequeathed to the continent of Africa has become a culture meant to perpetuate the elite in power at the expense of the masses whose continuous existence and satisfaction is dependent on the whims and caprices of the elites who controls the machinery of the State for personal benefits. It recommends that to salvage the masses from the grip of the elites there is need for questioning amongst the masses through the employment of mass-power which is inherent in the various prepositions of Pan-Africanism.

Martynenko T.S.

Lomonosov Moscow State University, Russia

**ENVIRONMENTAL CHALLENGES OF AFRICA:
SOCIAL CONSEQUENCES AND RISKS**

At the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, most countries of the world realized the scale of environmental problems of our time. These problems are global in nature, as they affect all of humanity, and also require joint efforts to solve them. The consequences of environmental problems are the spread of diseases and other threats to human life and health, economic costs and limited economic growth and political conflicts due to limited resources.

Africa is no exception: environmental concerns will become major challenges for the continent in the coming years. Despite the global nature of environmental risks, they have regional characteristics. Environmental risks for Africa are associated primarily with climate change and environmental pollution, the spread of disease and the extinction of animal species. Environmental pollution (including hazardous to humans) substances due to global social inequality. Some cities in Africa (for example, Agbogbloshi) are becoming a place for the disposal of equipment brought from Western countries. Global warming will also impact many countries, especially south of the Sahara. The consequences of these processes will be not only desertification of territories, but also an increase in the frequency of extreme events. As in many African countries there is an increase in population, extreme weather conditions can negatively affect the population, as it will make agriculture more risky. This can be detrimental to food production and lead to the spread of poverty and social inequality.

Thus, the social consequences of environmental risks will be a serious challenge for most African countries. These risks will be associated primarily with the quality of life and the health of the population, but also negatively affect social, economic and political processes. In this regard, a more detailed analysis of these risks and the development of ways to minimize them are required.

Panel II-5. The Modern World in Africa
Секция II-5. «Современный мир» в Африке

Convenor / Руководитель: *Etienne Lock*, Open University of Catalonia (Spain)

Etienne Lock
Open University of Catalonia, Spain

IS THE CONCEPT “MODERN WORLD” RELEVANT FOR AFRICA?

Since the end of the Second World War and especially the independence of African countries in 1960s, Africa is presented like a modern reality, as being part of the modern world. However, the relevance of the concept “modern world” applied to Africa ever since has not yet been questioned or even criticized whether in academia, in politics and in the social life. This might suggest that there is an agreement on the understanding of what the modern world means, and therefore that it is not necessary to raise issues regarding the concept itself. Notwithstanding, one can note that the modern world or modernity whether as a period of time in history or as a particular moment in the encounter between different peoples and civilizations, is related to the western experience. That experience has as landmarks, situations, personalities and events presented as references. Therefore, to what extent the concept of “Modern World” can be applied to Africa? What make Africa a modern reality? How modernity in Africa can be characterized? This paper intends to address properly these questions, by bringing out the features of Africa in its relation with the west and with what is commonly called the “Modern World”.

Nompumelelo Zodwa Radebe
University of South Africa

**DEFINING AN AFRICAN ECONOMY: IMAGINING THE FUTURE
OF THE ECONOMY OUTSIDE THE MODERN WORLD**

The mainstream economy of this modern world is founded on Adam Smith’s conception of prosperity derived from the individuals’ accumulation. As such, the

economic logic is rooted on the Western worldview that privileges individual's material needs. Economic anthropologists have argued that different societies have different conception of the economy. However, many economic scholars have presented Western economic system as inescapable and so powerful that it converts all other economies into its logic of profits. This is despite the fact that economic anthropologists argued that economic systems of the natives were founded on the different economic logic from the Western logic. This paper brings the case of stokvels— a South African version of rotating credit and savings associations (ROSCAs), accumulating savings and credit associations (ACSAs), and burial societies (Mulaudzi 2017) – to show how traditional values are appropriated to a capitalist logic. This is revealed by discussing an African economy that is centred on ethics which emphasises obligations over accumulation. The case of the stokvel observed proves that there are other ways of understanding the economy that are outside of the capitalist system, that are centred on obligation to appease the ancestors who are the giver of life. I conclude by arguing that 1) an African economy is outside of the modern world and exposes its limits thereof, 2) the modern world is fundamentally unethical. As such, the modern world is not universal, and it is unable to teach the rest of the world how to be.

Ernest Cece Peguita
Rudn University, Russia

EXPANSIONISM, COLONIALISM OR OPPORTUNITY? THE AMBIVALENT READING OF CHINA-AFRICA RELATIONS

One of the major geopolitical-economic facts of the last two decades is without a shadow of a doubt the emergence of China and its assertion as a superpower on the international scene. While the European powers are experiencing a constant slowdown of their influence throughout the world and especially in Africa, China motivated by the growing resource needs of its booming economy, and the need for new markets to address its industrial overcapacity has embarked on an unprecedented commercial and diplomatic

offensive on the continent. It is undeniable that the growing presence of China in Africa has been lucrative and timely, in a period of dwindling Western capital, which now come with increasingly stringent economic, political and environmental conditions; making them less accessible to African countries. Despite its very lucrative nature, the China-Africa relations are not rosy, they in fact raise concerns that are obviously not fortuitous. China is far from being in a hegemonic posture in Africa. However, the economic, financial and diplomatic activism of China restructures the balance of forces on the continent, it calls into question the political and ideological framework promoted by the traditional western powers, and is perceived by many Africans as source of opportunity, an alternative and a counterweight to western influence on the continent. The opportunity presented by China, however, should not overshadow the risks, and the only way to benefit from the economic spinoffs of this partnership and engage in the path of development is that African countries undertake structural reforms that will allow them to transform their economies and create added value in their territory. They must as well carry out institutional reforms that can guarantee political and social stability and the rule of law.

Nuah Makungu Masudi
University of Ottawa, Canada

THE LIFE STORIES OF CONGOLESE WHO SHAPED MODERN WORLD
IN AFRICAN CONTEXT: PSYCHOLOGICAL AND SOCIOECONOMICS'
ANALYSIS OF THEIR IMPACTS

Some works and accomplishments of Congolese engineers, pharmacists, academics and writers, politicians on contemporary issues are striking in terms of contribution to modernity in the Congo, across Africa and around the world: ten engineers build cruise ships; another engineer play a key role in the industry which fabricate aeroplane in Montreal at bombardier company in Canada and seven academics write literature novels and books which are giving a place as part of modern life. Finally, I will talk about two icons in political sphere of Congo and

how their ideas inspired people. My presentation will focus principally on individuals (two engineers, seven academics and three politicians Congolese born). I will present their lives stories in the context of their individual fields and their contribution to the modern world. I will show how these individuals had and have a significant impact on modernity in Africa and emerging Africa. Life today is not similar to decades ago. Cruise ships are being constructed in Kivu's lake. African elites are working in African, western, oriental Universities and companies. They are successful and are example to follow by other young people in the continent. Despite new conflicts which are holding back the Democratic Republic of Congo, work in all spheres has progressively stirred a hundred rural and urbans together; it has brought them new ambitions, new knowledge, new interests, new faith and new problems. Congolese elites studied in this work exhibit resilience and dignity amid conditions of continuing uncertainty and change. They have been battered by economic hardship and withdrawal of government services – but have admirably revitalized their culture and livelihood.

Michael Dias

Universidade Nova de Lisboa, Portugal

MODERN LISTENINGS: MUSIC, BARBARISM AND MODERNITY

Focusing on descriptions of musical performance in Mozambique during the 1930's by Portuguese authors, this paper will explore representations of sound and body, especially their contribution in thinking modernity in Africa. Some of the documents exploited in that regard are for instance: *O Soldado Africano de Moçambique* (The African Soldier of Mozambique) published by E. A. Azambuja Martins (1936); *Álbuns Fotográficos e Descritivos da Colónia de Moçambique* (The foreword of Photographic and Descriptive Albums of the Colony of Mozambique) authored by Mário Costa (1929); and *Terras Negras* (Black Lands) of Álvaro Rosas (1935).

Drawn from postcolonial studies as well as sound studies, a critical approach of these descriptions of music abridged by the Portuguese colonial archive, shed

some light on the act of listening as a localized event in need of provincializing (Chakrabarty 2000).

These descriptions constituted discursive mechanisms of racial segregation by disseminating a particular way of representing the world based on aural cues. The Eurocentric perspectives which underlay the difference between what was considered music and was "their music" or "their noise", was aligned with the difference between what was "civilized", "moral" and "modern" and what was "barbaric", "immoral" and "primitive".

However no matter how generalized the western modes of listening were, given the propagation of western tonalities through catholic and protestant missions during colonial time (Agawu 2016), they were not universal. And the same can be said over the concept of "modern".

Mbekezeli Comfort Mkhize & Audrey Lawrence
Stellenbosch University, South Africa
Victoria Street, Stellenbosch

CHINA' S INVOLVEMENT IN AFRICA: A SOLUTION OR A PROBLEM?

China-Africa relations have been described as an outstanding relationship characterized by a plethora of partnerships in many sectors. With China speedily gaining more momentum as a super power, Africa continues to be a key strategic partner. While there is a renewed interest from the scientific community to explore and appraise China-Africa relations, the relationship has not been without challenges. Despite China's expanding footprint in the African continent, critics argue that China continues to take advantage of the fragile states through self-serving trade regimes and other self-serving diplomatic relations. Using burgeoning scholarly literature, this paper seeks to lay bare the current realities and the future prospects for China-Africa relations.

III. History and Anthropology История и антропология

Panel III-1. Africa and Her Diasporas: Historical and Contemporary Секция III-1. Африка и ее диаспоры – старые и новые

Convenors / Руководители: *Tunde Adeleke* (Iowa State University, Ames, USA), *Arno Sonderegger* (University of Vienna, Austria)

In 2006 the Africa Union designated the Diaspora the “Sixth region” of Africa. This region consists of “people of African origins ... outside the continent, irrespective of their citizenship and nationality ... willing to contribute to the development of the continent ...” This designation within the frame of official politics, as the AU is the Pan-African representative body of African state governments, gives pronounced credentials to a phenomenon with a long and startling history. Though the declaration marked the official incorporation of the Diaspora into Africa, “the ties that bind” (Magubane) the two date in origin to the Atlantic Slave Trade, to transcontinental commerce, to the rise of capitalist economies, seaborne empires and colonies in different parts of the world. Since enslavement in the New World Africans and Diasporans have felt compelled to forge and strengthen a relationship for mutual uplift. A century ago this imperative birthed the Pan-African movement that advanced the course of decolonization in Africa as well as the struggles for civil, political rights and freedoms in the Diaspora. If there are such “ties that bind” Africa and her Diasporas, it will be equally crucial to look out for what Anthony Appiah recently called “the lies that bind”. How do questions of creed (religion), country (nation and nationalism), color (race and racism), class and culture intersect with Pan-African understandings and practices? Where, when and how do they either enforce or contradict them? Furthermore, despite shared history and challenges, there are distinct and diverse experiences in Africa (with her rich and varied historical experiences, social and cultural traditions, political understandings and economical practices) and among Diasporans which complicate any attempts to superimpose homogeneous cultural and experiential paradigm. Today, the very complexity of the Diaspora itself is evident – and more and more acknowledged as the phenomenon, through increasing mobility and patterns of migration around the globe, expands and multiplies. Given this reality, some now question the utility of maintaining a close relationship between Africans and Diasporans who are becoming much more differentiated from Africa, and challenged to balance

between the demands of their new nationalities and hybridized identities and the pull of original homeland loyalties. This panel seeks to bring together scholars of different disciplines to interrogate the historical and contemporary dimensions of this complex and, some would argue, problematic Africa-Diasporas relationships. What are some of the challenges to a strong Africa-Diaspora nexus? How best can Africa continue to help advance Diaspora causes and vice versa? How has the relationship of Africa and her Diasporas addressed shared political, economic and cultural challenges in the modern period? How have Africans and Diasporans responded to each other's challenges and predicaments in the colonial and post-colonial eras? How best can Diasporans continue to assist Africa in navigating the complex challenges of post-colonialism? How effectively can both mobilize resources (material and intellectual) for developing stronger ties and relationship? What strategies, if any, exists for redefining and reshaping Africa-Diasporas relationship which, while accounting for growing differentiation and complexities, identifies areas of productive collaboration? How can the African Union and the Diasporas be truly transformative and effective in advancing each other's interests today? The panel welcomes proposals on these and other related themes (including policy oriented) that probe the historical and contemporary relationship between Africa and her growing and expanding Diasporas.

Tunde Adeleke
Iowa State University, USA

DIASPORA: ON THE CALL FOR PARADIGMATIC CHANGE

Scholars of Black Nationalism have long theorized the “Diaspora” and “Pan-Africanism” as theoretical frameworks for study and analysis of the relationship of Africa, and her expanding and increasingly complex African diaspora world. Even as diaspora Africans in their distant and disparate locations encounter and are transformed by experiences and challenges that fundamentally complicate and problematize the traditional “Pan-African” and “Diaspora” paradigms, some scholars insist on prioritizing homogenizing and conflating ethos while ignoring or downplaying the complexities and divergences. For much of the twentieth century, the appeal of the “Pan-African” and “Diaspora” paradigms remained strong, even as the “Black Internationalist” world grew complex and complicated; and blacks in different locations encountered experiences that fundamentally transformed them

culturally while also complicating their identities. By the dawn of the twenty-first century, however, there emerged dissenting voices raising concerns about the potency and continuing relevance of homogenizing and unifying essentialist constructs. Increasingly, many scholars are calling for re-conceptualizing, perhaps even jettisoning, such conflating paradigms as “diaspora” and “Pan-Africanism”. Have these concepts become truly obsolete and anachronistic, as some scholars suggest? What are the alternative paradigms or approaches to studying this phenomenon that would embody shared heritage and experiences as well as differences and divergences? This paper is an attempt to answer these questions by foregrounding the complementary and yet conflicting viewpoints of two twentieth century individuals whose ideas and struggles helped shape the “Diaspora” and “Pan-Africanism” as paradigms of struggle (Stokely Carmichael and Walter Rodney).

Marva McClean

Brevard County School District Florida, USA

Marcus Waters

Griffith University, Australia

TRANS-CONTINENTAL COLLABORATION: INTERROGATING EPISTEMOLOGIES OF FREEDOM WITHIN THE AFRICAN DIASPORA

This paper presents the decolonizing methodology undertaken by two Indigenous scholars from the continents of Australia and North America who utilize digital technology as qualitative tools to interrogate how the legacies of language, culture, politics and spirituality of the Black Diaspora offer a pathway to heal the trauma that engulfs Indigenous and non-Indigenous people globally; those caught within the throes of neo-colonization. The authors assert that empirical research and methodologies have traditionally discounted the efficacy of their Indigenous knowledge, rendering as inconsequential both the pain that engulfs them as a result of neo-colonialism and the spiritual resources of their lineage from which they succor strength.

The authors deconstruct their engaged research process as experiential pedagogy necessary to decolonize Western methodology and honor the cultural capital of their heritage which has withstood centuries to maintain the historical empowerment of Indigenous people worldwide. In emphasizing the global reach of Africa, the authors link places, times, and histories that are not usually connected to demonstrate the non-linearity of the co-mingling of their professional and personal stories entangled by a history of colonization across continents and rooted in the ongoing oppression of Black people in the United States and the Aboriginals of Australia, for example. The findings and recommendations emphasize the direct connection between Black Lives Matter, SOSBlakAustralia and the Maroons of Jamaica as examples of contemporary Indigenous people disrupting hegemony through agentive action that inspires global awareness and pushes for systemic change. The researchers conclude that the journey inward into the liminal space of their heritage empowers the research process with the tools to disrupt, challenge and renegotiate the hegemonic construction of the *other* with the legitimacy to create a borderless world that is inclusive and healing.

Ismail Rashid

Vassar College, USA

A SOLDIER OF THE AFRICAN REVOLUTIONARY:
ISAAC THEOPHILUS WALLACE-JOHNSON AND THE POLITICS
OF DECOLONIZATION IN WEST AFRICA

Isaac Theophilus Wallace-Johnson lived a remarkably long, active and multifaceted life. As a journalist, trade unionist, and politician, he had significant influence in the development of trade unionism, Pan-Africanism and anti-colonial nationalism between the 1930s and 1950s in British-colonized West Africa and in the African Diaspora. In addition to establishing the popular anticolonial movement, the West African Youth League, and editing the anti-imperialist *The African Standard*, Johnson also contributed wrote for newspapers and worked with nationalist organizations in Ghana, Nigeria and the United Kingdom. Scholarship

about Wallace-Johnson life, politics, and activities has focused mainly on the 1920s and 1930s, which are usually regarded as the highwater of his influence and popularity. This is virtually no scholarly scholarship about his life and politics in exists in the last three decades of his life, when the tide of decolonization turned and many African countries became independent.

Existing historical evidence, however, demonstrates that Wallace-Johnson continued to be a significant figure in the politics of decolonization in Sierra Leone, Pan-Africanism in West Africa, and the Afro-Asian solidarity and non-aligned movement. He remained a staunch ally and supporter of Nkrumah's Pan-African vision and program. He continued to serve as a member of the Sierra Leone Legislative Council and parliament, frequently putting forward until his death. This presentation highlights the ideological continuities in Wallace-Johnson's life and politics between the 1930s up to his untimely death in 1965. This presentation is part of an ongoing project that will result in the first full biography written of a man usually commemorated as one of the leading national figures of Sierra Leone and the prominent Pan-Africanists from West Africa. The project will draw on published sources as well as *archival documents*, newspapers, and interviews with people who were acquainted with Wallace-Johnson.

Dominik Frühwirth

University of Vienna, Austria

“AFRICA UNITE!” RASTAFARIAN PAN-AFRICANISM
FROM MOSCOW TO ETHIOPIA

When in summer of 1935 an Italian propaganda piece published in an Austrian newspaper alleged that an ominous anti-colonial conference held in Moscow in 1930 (probably inspired by the Fifth World Congress of the Red International of Labour Unions at which George Padmore took part with a small delegation from the recently established International Trade Union Committee of Negro Workers) had elected Ethiopian Emperor Haile Selassie I as the head of the anti-colonial Nyahbinghi movement in East-Africa, this was of course nothing

more than a desperate attempt to scare European powers into supporting Italy's looming invasion of Ethiopia in October of 1935. But when a condensed English translation via a Canadian journal was published in the Jamaica Times in December of 1935, after the Italian invasion of Ethiopia had already begun, Rastafarians in Jamaica began to rally around the notion of Nyahbinghi as a pan-African, anti-colonial force whose members hailed, the article alleged, "from all parts of the African Continent and from countries where coloured people live" as the "Nya-Binghi espionage net-work spreads over the whole world". From then on, the notion of Nyahbinghi has reinforced the older pan-African influences of Ethiopianism and Garveyism on the Rastafari movement, where it has become its central institution ever since. Bob Marley's pan-African "anthem" *Africa Unite* still echoes these Rastafarian aspirations towards the African continent that have recently yielded, ironically in contrast to the fictitious 1930 Moscow conference, real *All-Africa Rastafari Gathering* (AARG) conferences that bring together diasporan and continental activists, of which I have attended the second edition in Shashemene, Ethiopia, in November 2018. My proposed paper will therefore contribute to the assessment of "How do questions of creed (religion), country (nation and nationalism), color (race and racism), class and culture intersect with Pan-African understandings and practices?"

Maurice Jackson

Georgetown University, Washington, USA

W.E.B. DU BOIS AND AFRICA—A NEW CONCEPTUALIZATION

I am a Professor at Georgetown University in Washington, DC. This year I was asked to teach at its Doha, Qatar campus. I teach a course on W.E. B. Du Bois and his study of Africa. This gives me the unique opportunity to work with students from the Sudan, Somalia, Ethiopia, The Gambia, the Ukraine, Azerbaijan, Georgia, Uzbekistan, India, and countries in the Middle East. Beginning with *The Suppression of the African Slave Trade* (1896) he began his exploration. In *The Negro* (1915) he outlined the importance of Africa to the development of

civilization. Du Bois issued his “Report of the Pan African Conference of 1900” and his “To The Nations of the World” in 1900 but it was his “The African Roots of War” published in the *Atlantic Monthly* in 1915 where he forcefully challenged European colonialism and American acceptance. He published “African, Colonialism, and Zionism” and the “Manifesto of the Second Pan African Conference” in 1921. He continued his work as the key organizer of the Pan African Congresses and wrote “The Pan African Congresses: The Story of a Growing Movement” in 1927. After the Congress of 1945 he wrote articles on the struggles against colonization and for African independence. In 1946 he published *The World and Africa*. In the midst of “the cold war” he wrote “The Future of Africa” (1958) and “Whites in Africa after Negro Autonomy,” in 1962. He left the United States for Ghana to work on his dream to produce the *Encyclopedia Africana* in 1961, the same year his *Autobiography* was published in Moscow. In 1963 he became a citizen of Ghana and died there at age ninety-five. In my paper I will present how my students and I have taken a new look at Du Bois and Africa.

Emma Christopher

University of New South Wales, Sydney, Australia

A DIVIDED DIASPORA: FROM GALLINAS TO CUBA AND PUERTO RICO

The diaspora of southern Sierra Leone and northern Liberia—people whose ancestors departed from the infamous slaving barracoons at Gallinas—reveals how ancestral ties are both cleaved by, yet also used to overcome, present-day political divisions. Equally, understandably there is confusion within Africa as to why the diaspora is so divided regarding what it can offer to the ‘home’ region.

Gallinas, home to the infamous slave dealer Pedro Blanco, was an important illegal slave trading port from the 1820s-1840s. Most sold there were shipped to Cuba, and my work has shown how one group in Matanzas province, Cuba, still sing songs from the Upper Banta Chiefdom of Sierra Leone. Others from Gallinas, however, arrived in Puerto Rico, where they led a rebellion in 1843. Those aboard the *Amistad* famously freed themselves and helped bring about a change in US

slavery. Descendants in Puerto Rico and mainland USA both joyfully embrace their Cuban diaspora ‘brothers’, but are faced with the reality that all can more easily visit Sierra Leone than each other, despite their geographic closeness. Their meetings also inevitably raise questions of who is now free and what freedom means, and how their connection to each other might overcome the US/Cuba divide.

What they have to offer to their brethren in Sierra Leone is equally bifurcated. The Cubans’ ‘reunion’ with their ancestor’s chiefdom was termed ‘a victory over slavery’ by then UN Secretary-General Ban Ki-moon, after the Upper Banta chief asked them to return to ‘reinvigorate the culture’ of their homelands by returning songs that had been forgotten. The Puerto Ricans/Americans offer something quite different: financial help. How all sides negotiate and build upon these ties is the subject of this paper.

Kyrah Malika Daniels
Boston College, USA

HAITI'S PAN-AFRICANIST PANTHEON: SPIRITS, DIASPORA, AND NATIONHOOD IN HAITIAN VODOU

This paper investigates the complex African cultural lineage of Haitian Vodou spirits and Black Catholic saints, as devotees explain that their gods hail from a diverse set of nations and religious histories. I first explore how the Haitian lwa (spirits) comprise 21 distinct ritual “nations” (nanchon), which Leslie Desmangles (1990) explains as a method of historicizing the variety of African ethnic religious traditions that existed in eighteenth century St. Domingue/Haiti. The Rada nation signals the gods’ ritual descent from the Arada or Dahomeans (Herskovits 1937); the Petwò and Simbi spirits allude to the ancient Kongo Kingdom’s spirits (de Heusch 1989, MacGaffey 1986); and the Gede nation emerged from the Gedeve, ritual gravediggers from the Dahomey Kingdom (Blier 1995).

Second, I examine the Catholic Church’s “Africanizing” experience in Kongolese and Haitian history. In ancient Kongo, the rise of the Antonians

(Thornton 1998) reveals how Africans envisioned and embraced Black saints, a practice which continued during enslavement in Haiti. Indeed, the Vodou spirit Ezili Dantò is often depicted as the Black Madonna of Częstochowa, who came with the Polish troops of Napoleon's army (Rypson 2008). In reflecting on the multi-ethnic spirits of Vodou, I argue that we might consider the Catholic saints to be yet another ethno-religious nation, another branch of Vodou's spiritual family tree.

This paper contends that Haitian Vodou's pantheon of spirits—with its 21 multi-ethnic African nations/nanchon—demonstrate how Pan-Africanism manifests in African Diasporic religions today. Even without an intimate, empirical knowledge of Africa, Vodou's devotees proudly assert their African heritage by claiming descent from the spiritual nations of Sinigal (Senegal), Wangòl (Angola), and Kongo (Congo). Ultimately, I argue that Vodou's nationalist tendencies and pride in Haitian identity closely aligns with a Pan-Africanist orientation, one that is religiously and culturally rooted in the devotion of African spirits.

Boltaevskiy A.A.

Russian University of Cooperation, Moscow, Russia

MAROONS IN MODERN SURINAME

The following Surinamese proverb is known: "if you know how to run away, you should also know how to hide." This phrase is quite suitable for characterizing the socio-ethnic community of the Surinamese Maroons (they themselves prefer to call them "Bosch Negroes", "forest Negroes," which is more consistent with their geographical area of settlement). The descendants of the African slaves who fled from the plantations, they not only managed to survive in the jungle pursued by the planters, but also preserved the African culture and enriched it, taking into account local characteristics. Modern researchers (R. Price) believe that, unlike the descendants of the maroons in Jamaica or Brazil, it was the Surinamese maroons who retained their identity by creating unique systems of kinship, law, and religion. If at the end of the XVIII century. the number of maroons did not exceed

7 thousand, then today, in conditions of a population explosion, they, pushing out the Javanese, took third place among the ethnic groups of Suriname.

After the conclusion of peace treaties with the authorities in the 1760s. For a long time, maroons were isolated from other ethnic groups. Today, the contradictions are largely due to both the historical distrust of each other that has developed over hundreds of years, and various confessional and cultural features. The ethnic contradictions between the Maroons and the national army, which consisted of other ethnic groups, primarily Creoles and Indians, became an important cause of the Internal War. Until recently, the Maroons did not celebrate the abolition of slavery in 1863, believing that they themselves had achieved emancipation in the struggle against the authorities.

The end of the Internal War led to the gradual migration of maroons to cities (especially Paramaribo) and, at the same time, to the penetration of large corporations (logging) and individuals (especially gold miners from Brazil) into their historical habitat. Despite the fact that the Inter-American Court of Human Rights in 2007 confirmed the collective right of the Maron communities to the lands of their ancestors, including natural resources, Suriname did not comply with this decision, which leads to protests by the Maroons and is characterized by researchers as an ethnocide. At the same time, these phenomena contribute to the political consolidation of the Maron community.

Istvan Tarrosy
University of Pecs, Hungary

**EXTENDING GLOBAL AFRICAN DIASPORA RESEARCH:
THE CASE OF THE 'NEGLECTED AFRICAN COMMUNITIES'
OF POST-COMMUNIST CENTRAL EUROPE**

This paper seeks to extend the academic discussion and research of the global African diaspora by drawing attention to Africans living in post-Soviet spaces, in particular, in post-Communist Central European countries. So far, both literature and foreign policies of countries of the former Eastern Bloc hardly ever

made mention of this ‘neglected diaspora’. First, the paper underscores the relevance of specific research connected with African communities across Central and Eastern Europe, as well as present-day Russia. Second, it introduces the history, motivations, background and contemporary situation of the marginal but growing African populations in countries of the Visegrad Four (V4), i.e. Hungary, Slovakia, the Czech Republic and Poland.

It will present a detailed case study on how finally the Hungarian government implements a pragmatic foreign policy (partly) on Africa and African development co-operation. In this effort, it considers Africans who either had obtained a university degree before 1989 – the year of regime change – at a Hungarian university, or came to the country during the democratic rule, as true bridges: they can foster newly defined relations. At the same time, these African communities are also part of the pan-African framework of understanding transnational interactions and connections with the motherland. The place, role and potentials of the African diasporas in the V4 countries will be part of the discussion. All these questions have recently become even more relevant, as increased irregular migration flows towards the European Union via the Serbian–Hungarian border region of the Schengen Zone were taking place in the first half of 2015 and the policies the V4 governments introduced in the wake of this unprecedented push made Hungarian, Slovakian, Czech and Polish societies more skeptical and intolerant about the ‘other’, including Africans.

Based on substantial field research and an ongoing project supported by the Hungarian Academy of Sciences’ Bolyai Fellowship, the complexity of reopening diplomatic representations, organizing high-level state visits, revitalizing scholarship programs, fostering technology transfers, investment schemes and development aid as part of governmental ‘Africa Strategies’ will be looked at in detail. The major angle of the paper, however, will stay focused: to raise awareness about the need to extend the horizon of global African diaspora research including the ‘Central and Eastern Europe experience’, which, so far, has been scarcely dealt with in academic debate.

Stephen Kwaku Asare
University of Florida, USA

**GHANA'S YEAR OF RETURN:
CITIZENSHIP WITHOUT POLITICAL RIGHTS**

Ghana has declared 2019 as the "year of return" for Africans in the diaspora, as part of its commemoration of the 400th year since the first slave ship from Africa landed in Virginia. The declaration and related events are aimed at reviving the movement to unite Africans on the continent with their diaspora brethren. To this end, the government plans to confer Ghanaian citizenship on 200 African-Americans. The "year of return" also targets natural born Ghanaians who, for a variety of reasons, have relocated to the diaspora in recent times. Because Ghana is a net sending (emigration exceeds immigration) country, this population is significant and is estimated at 235,000 in the United States alone. Quiet apart from rekindling the socio-cultural tissues that bind the country and the African diaspora, the government understands, appreciates and is keenly aware of the economic impact that a returning African Diaspora can have on the country's economy. In fact, to be eligible for the "Right of Abode," the government must be satisfied that the applicant is capable of making substantial contribution to the development of Ghana. In 2018, remittances from Ghanaians in the diaspora to the country reached \$3.8 billion (approximately 8% of GDP). Ghanaians in the diaspora also represent a source of entrepreneurial capital and have become an important lobby group for Ghana in their new countries. Many of these targets hold citizenships of countries other than Ghana and thus are plural citizens. While the government welcomes plural citizens because of their calculated impact on the economy, it is also very deliberate in excluding them from the political space. Using an archaic constitutional allegiance clause, inherited from the British in 1957, and a series of laws passed by Parliament, plural citizens are automatically disqualified from holding about 30 public offices, ranging from serving in the legislature, executive or the country's Supreme Court to forming or leading a political party, serving on the country's election management board, serving on the Lands Commission or

even serving as the country's chief fire officer. I argue that valuing the Diasporas economic contribution while actively excluding them from the political space is local imperialism. If Ghana is serious about the "year of the return," it should take immediate steps to repeal the laws that exclude plural citizens from its political space. Creating a category of Ghanaian citizens who are valued for their economic potential but whose potential to contribute to the political space is devalued and questioned is antithetical to the principle of equal citizenship, which not only animates the country's Constitution but was the basis for the state created in 1957, after independence from the United Kingdom. Further, at best, it undermines the country's commitment to the African Diaspora and, at worst, suggests a country that is forging a new exploitative economic relationship with the African Diaspora.

Alma Jean Billingslea

Spelman College Atlanta, Georgia, USA

**NEW DIMENSIONS OF DIASPORA:
AFRICA, HERITAGE TOURISM AND LIQUID MODERNITY**

Beginning with a description of the Global Diaspora Forum organized by the U.S Department of State in 2011, this paper examines the appropriation and mutation of concepts and ideas linked to African Diaspora studies for global economic purposes by countries like China, India, Australia, New Zealand and the United Kingdom. With attention to how historic transnational linkages between African Americans and West Africans, Ghanaians in particular, helped to foster a new kind of heritage or "roots" tourism, this discussion then examines the effects of postmodern conditions or "liquid modernity" on Africa and its diasporas as tourist landscapes. Foregrounding issues of identity, communication and solidarity building, the concluding remarks in this presentation will explore the cultural and economic dimensions of mass tourism and traveling mobilities on 21st century African and African diasporic interactions.

Funlayo E. Wood-Menzies
University of California, USA

TYING THE GRAND GELE:
HEAD WRAPS ACTIVISM, AND DIASPORIC AFRICAN IDENTITY

In her book, *Yoruba Traditions and African American Religious Nationalism*, Tracey Hucks presents a historical analysis of Orisa practice in the North America and builds on the work of Charles Long as she examines Africa as a religious symbol. Hucks argues that African American orisa practitioners—and practitioners of other African diasporic religions (ADR) more broadly—chose to revitalize and deploy the symbol of Africa as an effective strategy for the mobilization of what she terms a religio-nationalist movement in the Americas. She further notes that rather than a literal entity and geographical locale, these practitioners relate to Africa as a "originary space" that substantiates human value, and provides restorative ontological, historical, and spiritual integrity.

In this presentation, I build on Hucks' and Long's work exploring the concept of Africa as a religious symbol and positing clothing and beads—and most especially the headwrap—as a means through which women practitioners of ADR adorn themselves with this symbol or "wear Africa." I argue that, for many women who practice African Diasporic Religions, wearing African clothing, beads, and headwraps is a conduit through which they shape and perform religious nationalism and African identity. These adornments constitute communicative technologies that inscribe meaning onto practitioners' bodies and aid them in projecting their beliefs and understandings of self and community out into the world—a world that, as Hucks and others have noted, is often hostile toward them racially *and* culturally as it is often specifically anti-African in addition to being generally anti-black. Drawing on recent ethnographic research and utilizing a trans disciplinary array of theories and methods, I will explore the modes and meanings of "wearing Africa" and consider how these aesthetics and practices of bodily adornment and presentation is, itself, a form of activism.

Panel III-2. African Memoirs as a Narrative of the Era **Секция III-2. Африканские мемуары как нарратив эпохи**

Convenor / Руководитель: *Татьяна Михайловна Гавристова* (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Россия)

Рубеж XX–XXI веков в странах Африки, прежде всего Тропической, ознаменовался выходом в свет огромного количества мемуарной литературы – прежде всего автобиографий, как правило, претендующих на объективность, достоверность и историзм. С одной стороны, это связано с тем, что профессиональные историки, дефицит которых наблюдается во многих странах, не справляются со своей задачей и миссию написания истории Африки возлагают на себя политические и государственные деятели, но более всего – писатели и публицисты, а в настоящее время – блогеры и фрилансеры. С другой – с тем, что вековое развитие жанра устных историй в условиях массовой грамотности повлекло за собой актуализацию создания их письменных фиксаций, обновленных и соответствующих времени, адаптированных к условиям медиатизации и дигитализации.

В масштабах глобализации мемуарная литература Африки была востребована читательской аудиторией и профессионалами. В настоящее время в ряде университетов Европы и Америки созданы центры по ее изучению. Немало произведений переведено на иностранные языки.

Мемуары, принадлежащие перу интеллектуалов (в их числе Кваме Нкрума и Леопольд Сенгор, Нельсон Мандела и Вангари Маатаи, Ннамди Азикве и Обафемиде Аволово, Чинуа Ачебе и Воле Шойинка, Нгути Ва Тхионго и Грейс Огот, Тойин Фалола и многие другие), будучи примером постколониального дискурса, являются уникальным, нередко эксклюзивным и совершенно незаменимым источником по истории Африки XX–XXI веков. В поле зрения их авторов попали все ключевые события этого периода – от борьбы за независимость до обретения суверенитета и становления государственности, а также история апартеида, Биафры, гражданской войны в Нигерии, геноцида в Руанде и т.д.

Гавристова Т.М.
ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, РФ

АФРИКАНСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ: МЕТА- ИЛИ МЕГАЖАНР?

Эпоха постмодернизма и прежде всего рубеж XX–XXI века ознаменовались развитием постколониального дискурса. В его границах произошло оформление мета- и мегажанров. Они определили основные тренды в области гуманитарных исследований: филологии, философии, истории.

Актуализация африканских исследований в Африке проявилась в выходе в свет большого числа эго-историй, чему способствовали глобализация, медиатизация, дигитализация и конвергенция информационного пространства. Африканцы: мужчины и женщины, живущие на континенте и за его пределами – писатели, публицисты, блогеры, фрилансеры, политические и государственные деятели и даже люди, не обладающие вербальными способностями и интеллектом (музыканты, спортсмены), в ходе самоидентификации и самопрезентации совершенно осознанно встали на путь развенчания веками существовавших стереотипов в отношении истории и культуры континента, подключившись таким образом к процессу реконструкции его прошлого и настоящего.

Эволюция африканской автобиографии сделала очевидным обновление самой ее формы и содержания и способствовала трансформации самого жанра. Эго-истории африканцев вместили в себя совокупность жанров. Как мегажанр («большой жанр») они синтезировали элементы исповеди и проповеди, жизнеописания и научного трактата, литературы наставлений и травелога; как метажанр – способствовали расширению границ хронотопа за счет «уплотнения» пространства и времени: личного, социального, культурного, исторического, реконструируя, таким образом, картину мира и эпохи с присущими ей символами, знаками, кодами.

Прежде всего это касается литературной и политической автобиографии Нигерии и Кении.

«Африка – это не страна» – подобного рода хештеги в последние десятилетия завоевали киберпространство, акцентировав внимание на важности дифференцированного подхода к проблемам контекста: регионального, континентального, глобального. Особенно преуспели в его репрезентации нигерийцы, обладающие особым влиянием в мире гуманитарных знаний и создающие свою исключительность. В их числе такие влиятельные персоны как Воле Шойинка и Чинуа Ачебе, Чимаманда Нгози Адичи, Теджу Коул и Тойин Фалола, Нгути Ва Тхионго и Биньяванга Вайнайна – основоположники современной жанровой традиции.

Денисова Т.С.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

МЕМУАРЫ ОЛУСЕГУНА ОБАСАНДЖО КАК ПАМЯТНИК СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ НИГЕРИИ

Особый жанр политического эго-текста представляет собой своеобразный творческий акт, которому автор придает форму нарратива. Автобиографии политических лидеров позволяют лучше понять современную им эпоху, логику происходивших событий, их предпосылки и следствия и, что не менее важно, характер взаимоотношений между людьми, ответственными за принятие – в тот период – политических решений. В 2014 г. была издана – в 3-х томах – автобиография президента Нигерии в 1976–1979 и 1999–2007 гг. Олусегуна Обасанджо «My Watch». В огромных мемуарах, написанных отчасти с целью оправдания автором собственных ошибок и провалов в политической и социально-экономической сферах, предстает масштабная картина политической жизни страны с 1930-х – 1940-х годов, то есть со времени, на которое пришлось детские и юношеские годы будущего главы государства, вплоть до конца 2000-х – борьбы за очередной срок президентства.

Воспоминания охватывают практически все сферы политического и экономического развития страны: межпартийную борьбу в колониальный и постколониальный периоды, становление национальной армии и деятель-

ность военных режимов, «нефтяной бум» и реформы в сельском хозяйстве, образовании, здравоохранении, формирование внешней политики, создание Экономического сообщества стран Западной Африки, участие нигерийских воинских контингентов в миротворчестве. Сам О. Обасанджо предстает в мемуарах как последовательный сторонник демократизации и борец с коррупцией, что, безусловно, является преувеличением, так как его правление можно было лишь с большой натяжкой назвать демократическим, а коррупция при его президентстве достигла небывалого уровня. В чем он действительно преуспел – прежде всего благодаря осуществлявшейся им челночной дипломатии, – это в повышении роли страны в мировой политике. Однако, несмотря на некоторую необъективность суждений и самовосприятия автора, книга Обасанджо является одним из самых информативных и потому чрезвычайно полезных для исследователей памятников эпохи.

Мокрушина З.В.

АУК Вологодской области «Вологодареставрация», Россия

«Я СВЯЗАН С ЭТОЙ ЗЕМЛЕЙ КРОВЬЮ...»:

ОЛУ ОГУЙБЕ О СОБЫТИЙНОСТИ, ПАМЯТИ И РЕСУРСАХ ПРОШЛОГО

Олу Огуйбе (1964 г.) – нигерийский художник, поэт, историк, искусствовед, литературный и художественный критик. Его жизнь подобна перипатетическому путешествию по «территориям трудностей», а творчество многогранно и неизменно автобиографично. Обладатель всевозможных академических и литературных премий, О. Огуйбе является ученым с мировым именем, автором множества эссе по постколониальному африканскому и африкано-американскому искусству, преподавателем университетов Нигерии, Великобритании и США, учредителем и редактором нескольких журналов по современному африканскому искусству, включая «Nka» и «Laundry», инициатором премии по литературе на языке игбо.

С 1986 года О. Огуйбе живет преимущественно в Нью-Йорке и Лондоне. Вместе с тем всё его творчество – поэзия, эссе и художественные по-

лотна – стали выражением эмоционального опыта, накопленного в период гражданской войны в Нигерии (1967–1970 гг.), военных переворотов и перипетий эмиграции. Образы, символы, знаки, звуки и чувства в них пропущены через временную призму настоящего, прошлого и будущего, трансформированы в мироощущение и мировоззрение. Отсутствие ментальных границ, способность тонко воспринимать и оценивать различные явления и процессы наполнили работы О. Огуйбе событийностью, объединили их звеньями памяти и забвения, пространства и время.

Стихи и эссе О. Огуйбе помимо мощного сосредоточения боли, скорби, отчаяния и гнева, содержат запрос о будущем Нигерии и нигерийцев, протест против «культурных игр» и «изгнания», «страха» и «несвободы», всего того, что «затуманивает зрение». Это инструмент преодоления и самоизлечения, фильтр того, что важно транслировать сквозь поколения о войне, эмиграции, геноциде и диссидентстве. Современность описана через личный опыт «дитя войны», «бродяги», оглушенного сценами насилия, бомбежек, потерь и скитаний, истерзанного, но не сломленного, того, кто тщетно ищет свое место вдали от Нигерии, не в силах сбросить накопленное «бремя» и разорвать «пуповину».

Мемуары О.Огуйбе – аккумуляция визуальных образов через искусство, фотографию, поэзию и публицистику как памяти о событиях Современности, приобретенных или утраченных ценностях.

Сиим (Москвитина) А.Ю.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, РФ

**ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ
XIX В. В АВТОБИОГРАФИЯХ ПРИНЦЕССЫ ЗАНЗИБАРА
И СУАХИЛИЙСКОГО ТОРГОВЦА**

Принцесса Занзибара и Омана Салме бинт Саид, в крещении – Эмили Рюте (1844–1924), и занзибарский торговец, политик и впоследствии губернатор провинции в Свободном государстве Конго Хамед бин Мухаммед эль-

Мурджеби по прозвищу Типпу Тип (1837–1905) являлись современниками и авторами оставшихся уникальными в своем роде литературных произведений – первых в истории мемуаров арабской женщины (“Memoiren einer Arabischer Prinzessin”), изданных по-немецки языке в 1886 г., и жизнеописания знатного занзибарца на языке суахили в арабской графике (Maisha ya Hamed bin Muhammed el Murjebi: yaani Tippu Tip, kwa maneno yake mwenyewe” («Жизнь Хамеда б. Мухаммада эль-Мурджеби, известного как Типпу Тип, рассказанная им самим»), опубликованного с параллельным переводом на немецкий язык в 1902 г. Типпу Тип был подданным нескольких султанов Занзибара, одному из которых Салме бинт Саид приходилась дочерью, а остальным, соответственно, единокровной сестрой, таким образом, их сочинения подводят итог одной и той же эпохи. В обеих книгах содержатся подробные сведения о жизни этносоциальных групп Занзибара и народов подчиненных Занзибару внутренних частей Восточной Африки; специфика местных институтов власти, общественные иерархии, брачные обычаи, бытовая культура интерпретируются в обоих случаях с точки зрения представителей мусульманских арабо-суахилийских элит. Имея личный опыт общения с европейцами, каждый из авторов приводит оценочные суждения в отношении взаимодействия «Востока» и «Запада» и дает «антиориенталистические» ответы на вызовы колониализма традиционным культурам и социально-правовым нормам.

Мильто А.В.

Финансовый университет при правительстве РФ

СОМАЛИЙСКИЕ ЖЕНСКИЕ АВТОБИОГРАФИИ: ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ

В Сомали в силу различных исторических факторов, таких как относительно недавнее принятие формализованного письменного языка и культурная дезинтеграция, вызванная распадом государства в 1991 г., редко можно встретить действительно значимые работы по истории страны. На фоне малочисленности таких произведений важным источником информации об исто-

рии и культуре сомалийцев, их быте и нравах, интеллектуальной и духовной жизни оказались женские автобиографии. Их авторами стали сомалийки, покинувшие Африканский Рог в силу разных причин и стремящиеся поведать о себе, своей жизни на родине и в диаспоре, о мировоззренческих и нравственно-ценностных установках, впитанных с детства, поделиться историями о пережитых событиях, очевидцами которых они являлись.

Сложные обстоятельства, вынудившие сомалиек покинуть родину, необходимость приспособляться к новым условиям в эмиграции способствовали их раскрепощению, эмансипации и обретению равноправия с мужчинами. Под воздействием изменившейся окружающей действительности они оказались вовлечены в социальную жизнь, получили возможность свободно высказываться и делиться с читателями своими знаниями.

Автобиографии таких сомалиек, как Айаан Хирси, Варис Дирие и других, – не просто фиксация жизненных этапов, выстроенных в хронологическом порядке, но осмысление эпохи, ее идеологических, социально-политических характеристик и отражение собственного мироощущения и мировосприятия. В своих автобиографиях они поведали о важных вехах на жизненном пути. В их произведениях подняты такие вопросы, как гендерное неравенство, бытовое насилие, отсутствие религиозной терпимости и конституционных прав и свобод. В стремлении преодолеть стереотипы и оказать посильную помощь женщинам – беженцам из Сомали они делились своим опытом: рассказывали о пережитом насилии (сексуальном, бытовом, политическом) и лишениях, мотивируя читательниц на борьбу за свои права.

Женские сомалийские автобиографии представили собой не просто рассказы авторов о себе, они выразили потребность запечатлеть правдивый образ эпохи, особенности идеологии, нравственных ориентиров, политических приоритетов и религиозных концепций общества. Перед читателем, помимо репрезентации многогранных личностей, предстала персонификация эпохи, в которую жили авторы, со свойственной только ей социокультурной и исторической судьбой.

ЖЕНСКИЙ СТОРИТЕЛЛИНГ В НИГЕРИИ КАК АКТИВИЗМ

Ж.-Ф. Лиотар определял эпоху постмодерна как состояние распада метанарративов, «великих проектов». Катастрофические события XX в. подорвали веру в легитимирующую силу универсальных идей абсолютной свободы, прогресса и других «великих повествований». Задаваясь вопросом о возможности сохранения в условиях постмодерна этических суждений, философ обращался к идее возврата к самооценности индивидуального опыта. Распад основного нарратива давал возможность говорить различным маргинальным группам, опыт которых ранее не учитывался. Х. Арндт определяла значение личных историй как связующее звено между сферами публичного и частного, местом, где оспариваются и объединяются индивидуальное душевное волнение и общественные взгляды.

В западной культуре поворот к индивидуальному опыту человека и возвращение к линейным формам повествования сформировали явление «сторителлинга», рассказывания персональных историй. Сторителлинг, долгое время активно использовавшийся в сфере коммерции и PR, постепенно входил в сферу деятельности не только маркетологов, но и политиков, «продававших» свои персональные истории в борьбе за поддержку электората. Начиная с 1970-х гг. вместе с созданием «Национальной ассоциации по сохранению и увековечиванию историй» сторителлинг превратился в массовое явление в США, а затем и в других странах, где создавались подобные организации. Основная задача этих обществ первоначально состояла в объединении непрофессиональных рассказчиков, готовых делиться своими персональными историями с широкой публикой. Популярность формата сторителлинга объяснялась высокой степенью эмоционального отклика людей и эмпатией по отношению к герою.

Стремительное развитие интернета, и в особенности социальных сетей, стало новым этапом в развитии сторителлинга. Постоянный рост интернет-

аудитории, образование линейных, а не иерархических связей через социальные сети, где каждый имеет возможность стать и рассказчиком, и чтецом, способствовали росту популярности формата сторителлинга. Отличительной чертой диджитал-сторителлинга является его направленность на решение различных социальных проблем путем создания интернет-сообществ, проведения флешмобов посредством социальных сетей, с помощью видео-контента и т.д. Рассказывание персональных историй стало способом избежать укоренившихся в сознании стереотипов – того, что нигерийская писательница Ч.Н. Адичи в 2009 г. назвала «опасностью одной единственной истории».

В 2014 г. нигерийская журналистка Лола Омолола создала в социальной сети Facebook группу «Женщина в Нигерии» (FIN), которая не сегодняшний день имеет аудиторию 1,7 миллиона подписчиков. Первоначально группа должна была стать виртуальным пространством для взаимной поддержки нигерийцев после событий массового похищения в Чибоке боевиками «Боко харам». Однако группа быстро разрасталась, и вскоре превратилась в виртуальный центр помощи женщинам, испытывающим различные проблемы, о которых в обществе не принято открыто говорить в публичном пространстве. Сообщество выступает безопасной площадкой, где женщины анонимно могут поделиться персональными историями, получить поддержку от других участников сообщества. На сегодняшний день Лола Омолола занимается вопросом о создании оффлайн центров взаимной помощи женщинам в Нигерии.

В 2018 г. три нигерийские интернет-активистки Ч. Нагараджан, А. Мохамед и Р. Алийу выпустили книгу «Она назвала меня женщиной», состоящей из 25 персональных историй нигерийских женщин, которые не могут публично говорить о своей сексуальной ориентации. Социальная роль подобного издания с точки зрения редакторов состоит в том, чтобы обратить внимание аудитории на проблемы квир-сообщества и изменить уголовное законодательство Нигерии, запрещающее гомосексуальные связи.

Хохолькова Н.Е.

Институт Африки РАН; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

**«ИСТОРИЯ КАЖДОГО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ»: АФРИКАНСКИЕ
МЕМУАРНЫЕ НАРРАТИВЫ В ЭПОХУ ДИГИТАЛИЗАЦИИ¹**

«Когда ты изучаешь историю, ты всегда должен задаваться вопросом: «Чью историю я упустил?» – вопросом, вложенным в уста персонажа книги «Восхождение на небеса» ганско-американской писательницы Яаа Джаси (2016 г.)², на протяжении последних четырех десятилетий задавались многие африканцы. Добившись права говорить от своего имени, собственным голосом, политические и общественные деятели, ученые и писатели, начали публиковать эго-истории, восполняя таким образом лакуны в биографиях отдельных африканских народов и стран.

Нигерийский писатель, лауреат Нобелевской премии в области литературы (1986 г.) Воле Шойинка, президент ЮАР (1994–1999 гг.), лауреат Нобелевской премии мира (1993 г.) Нельсон Мандела, историк нигерийского происхождения Тойин Фалола, кенийский эколог, лауреат Нобелевской премии мира (2004 г.) Вангари Маатаи, президент Либерии (2006–2018 гг.), лауреат Нобелевской премии мира (2011 г.) Элен Джонсон-Серлиф, кенийский писатель Биньяванга Вайнайна – все они, а также многие другие африканцы и представители диаспоры, рассказывая в мемуарах о личном опыте, способствовали зарождению и развитию масштабного движения, ориентированного на создание и распространение новых мемуарных нарративов.

Одним из самых известных идеологов данного движения стала нигерийско-американская писательница Чимаманда Нгози Адичи, заявляющая о важности истории каждого человека почти во всех своих интервью. Благодаря ее усилиям фраза «история каждого имеет значение» превратилась сначала

---

¹ Исследование выполняется при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00454 «Историческая память как фактор эволюции социально-политических систем (субсахарская Африка и Мезоамерика)».

² Gyasi Y. Homegoing. N.Y.: Knopf, 2016. P. 226.

ла в популярный лозунг, а затем в девиз поколения миллениалов, представители которого тяготеют к нарративной авторефлексии в режиме онлайн.

Харькина Е.С.
ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, РФ

НИГЕРИЯ В ФЕЙСБУКЕ: АВТОБИОГРАФИЯ ПОКОЛЕНИЯ

Распространение социальных сетей стало одним из трендов XXI века, подарив пользователям Интернета возможность глобального общения, продвижения идей и взглядов, товаров и услуг. Самой популярной и крупнейшей платформой является Фейсбук (Facebook). Он входит в пятёрку наиболее востребованных веб-сайтов мира, в Нигерии – третий по посещаемости.

Нигерия стала крупнейшим рынком Фейсбука на континенте: более 26 миллиона человек ежемесячно посещают платформу. Для нигерийцев это среда, где люди могут делиться информацией, знаниями и профессиональными навыками, предпочтительная для предпринимателей, интеллектуалов, представителей творческих профессий и создателей тематических сообществ.

Очевиден приток молодых женщин-предпринимателей в социальную сеть. Согласно исследованию Global Entrepreneurship Monitor 41% стартапов управляются женщинами. В Нигерии специально для женщин было создано онлайн-пространство «SheMeansBusiness» как площадка для общения и получения доступа к обучению в области финансов и маркетинга.

Фейсбук способствует продвижению идей молодого поколения нигерийцев, в том числе миллениалов, в его границах создаются сообщества для освещения гендерных проблем, экологической ситуации, развития урбанистики, проблем самореализации и перспективности.

В 2014 году Лола Омолола открыла в социальной сети группу “Female In Nigeria” (FIN) для изучения проблем, с которыми сталкиваются женщины. Сообщество насчитывает более 1,5 миллиона подписчиков, являясь «голосом» не только нигерийских, но и многих других женщин.

Генеральный директор Фейсбука Марк Цукерберг назвал «одним из лучших ресурсов в мире для производства контента» Нолливуд, нигерийский кинематограф. На платформе Фейсбука представлены крупнейшие компании, выпускающие фильмы и шоу нигерийского производства.

Писатели и публицисты, фотографы и художники представляют свои проекты в Фейсбуке, анонсируя актуальные события, выставки, новости. По сути, Фейсбук стал не просто социальной сетью, а способом самовыражения и консолидации нигерийцев, одним из двигателей прогресса в Нигерии.

Крылова Н.Л.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ТАКАЯ РАЗНАЯ АНАСТАСИЯ МАНШТЕЙН-ШИРИНСКАЯ

Исследователям хорошо известна Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская – старшая дочь Александра Манштейна, потомственного русского дворянина, командира эсминца «Жаркий», пришедшего в Тунис в 1920 году в составе эскадры Русского Императорского Черноморской флота из Крыма – последнего оплота белого движения в России. Еще до недавнего времени А.А. Манштейн-Ширинская оставалась единственной представительницей русских эмигрантов первого поколения в Бизерте. Всенародное – российское, тунисское, французское – признание заслуг и достоинств этой женщины, собственные сочинения, выступления в прессе, а также фильмы и книги, посвященные А.А. Ширинской в контексте русского эмигрантского присутствия в Тунисе, площадь, носящая имя Анастасии Ширинской в Бизерте, – все это превратило ее в своего рода культовую фигуру.

В неоднократно опубликованных на русском и французском языках мемуарах легендарная А.А. Манштейн-Ширинская, предстает перед читателем искусственным серьезным летописцем. Ее воспоминания отражают не только автобиографию личности, но биографию культурной эпохи.

В то же время существует еще один пласт ее воспоминаний, зафиксированных с помощью интервью. Итогом нескольких встреч с А.А. Ман-

штейн-Ширинской стал огромный – свыше полутысячи страниц – расшифрованный аудиоархив ее воспоминаний, где она, не нарушая уже известной автобиографической канвы, предстает «другой», «непубличной Ширинской»; где ее «культовость» как бы вторична, где на первый план выступает женщина, пытающаяся оценить итоги и отголоски Революции и Второй мировой войны; особенности бытия, связанные со спецификой вынужденного пребывания в инокультурной и иноконфессиональной средах.

При этом оба автотекста – написанный и произнесенный – демонстрируют умение их автора превзойти в себе родовое начало, и объединены принципом построения своей идентичности через других. Последнее типично для автопочерка А.А. Манштейн-Ширинской, воспевающего не столько романтику патриархальной старины с ее установлениями и укладами и правилами жизни, сколько ее изначальную культурно-нравственную твердыню, вычленив из нее те устои, которые остаются неизменными для любой эпохи человеческого бытия; почерка, особо чувствительного к проблемам духовно-нравственным, в том числе к вопросам толерантности к иной историко-культурной традиции во всем многообразии и широте этого понятия. Такой подход обеспечивает нам право рассматривать полученные устные свидетельства как некое обширное автодокументальное продолжение проведенной ранее огромной творческой работы самой А.А. Манштейн-Ширинской, посвященной своей эпохе.

Блинова Е.В.

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, РФ

**ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЛОНДОНСКИХ АФРИКАНЦЕВ XVIII в.
В КОНТЕКСТЕ АВТОАГЕОГРАФИИ**

В силу соматических признаков на протяжении многих веков лондонским африканцам приходилось доказывать окружающим, что они такие же люди, как белые. В результате в их среде были выработаны характерные особенности поведения, направленные на то, чтобы выжить и приспособиться к

новым условиям. Одним из механизмов адаптации стало образование. Оно добавляло африканцам ангажемента, повышало статус, влияло на их перцепцию, способствовало росту их материального положения, вовлекало их в социальную и даже политическую жизнь среднего белого класса.

Желание быть замеченными требовало решительных и неординарных действий, что повлекло всплеск литературной деятельности, посредством которой африканцы предприняли попытку самореализации и самопрезентации. К числу наиболее успешных авторов можно отнести О. Кугуано, О. Эквиано, У. Гронниосо. Большой демонстрационный эффект имели письма И. Санчо и поэмы Ф. Уитли, а также автобиографии Иова, сына Соломона, Дж. Маррэн-та, Б. Хэммона, Дж. Джи.

Формирование и становление личностных качеств африканцев, духовно-нравственного мировоззрения происходило согласно Божественному проведению: авторы повествований – христиане – использовали текст Библии как эмоциональную апелляцию к происходящему. Ужасы работорговли, которым подверглись африканцы, нередко воспринимались ими в одном контексте с истязаниями и мучениями Мессии; наличие добродетельного хозяина рассматривалось как воздаяние за благочестивую жизнь; элементарные способности объяснялись проведением свыше. Излагаемые факты и события тесно переплетались с основами христианского верования, приобретали сакральный характер – это касается и биографий, написанных не просто от своего имени. Авторы текстов почти всегда ощущали себя, если не святыми, то, по крайней мере, Мессиями, что повлекло за собой превращение их жизнеописаний в подобие автоагеографий.

Такая подача своего нарратива способствовала ангажированности африканцев, сделала их заметными не только в силу соматических признаков, но и в силу достижений (заслуг), способствовала их «проникновению» в белое сообщество, примиряла их с белыми, широко ретранслируя изначально ошибочное утверждение, что «черная нация может стать белой по крови благодаря искупительной жертве Господа». Однако именно таким образом шел

процесс пробуждения африканского самосознания, формируя генный субстрат и культурные коды Лондона XXI века.

Sophia Ogwude
University of Abuja, Nigeria

IMAGINATIVE AUTOBIOGRAPHY AS POLITICAL AND ETHNIC
HISTORY: AN EXAMINATION OF EZEKIEL MPHAHLELE'S *DOWN
SECOND AVENUE* AND WOLE SOYINKA'S *AKE* AND *THE MAN DIED*

The imaginative autobiography, and by extension aspects of the memoir, which is the concern of this paper, deals with the original interpretation of personal experience and differs from the fictional autobiography, where “the dominating feeling is of an existence where everything is intentional”. The African literary scene is replete with biographical forms and the autobiographical text in our context is a postcolonial script, presenting to the world a more authentic picture of the devastating effects of colonialism on the African peoples especially with respect to individual psyche as well as to community life in the continent. These autobiographies, to use the words of Jacques S Alexis “sing the *beauties* of the ...motherland, its *greatness* as well as its *wretchedness*”; in other words, they tell a balanced story of the colonial encounter. Literary works each has a historical context and this fact has often been captured in the stated observation that a writer does not write in a vacuum. Thus, it is generally believed that the line between history and literature is indeed a thin one; and evidently that between history and the autobiography is much thinner and even less visible. Indeed John Dryden summarizes the genre aptly in his conclusion that it is “the history of men’s lives”. Using Mphahlele’s *Down Second Avenue* and Soyinka’s texts: *Ake* and *The Man Died*, this paper espouses the postcolonial and historical significance of African autobiographies south of the Sahara; and then attempts to use this position as a springboard for interrogating the destinies of Africa now and beyond.

Louise Hyland
University of California, Los Angeles, USA

WOMEN WRITING WHITE: FEMALE, WHITE, SOUTH AFRICAN
AND ZIMBABWEAN MEMOIR WRITERS

The core idea of “white identity” as a social construct is being explored throughout the world but never more so than in Africa, and particularly South Africa and Zimbabwe. Post apartheid women, South African writers are having to explore their external and self inflicted “white privilege guilt” in ways that demand their acknowledgement of white hegemony in general, but also white patriarchy, specifically. In her book, *White Women Writing White*, Mary West explores “identity and representations in (post) apartheid literatures of South Africa”.

Numerous writers including Alexandra Fuller, Pamela Jooste, Susan Mann, Antjie Krog, Nadine Gordimer and Marlene van Niekerk, to name a few, accept, head on, the challenge of writing about important issues regarding racism, discrimination, hegemony, and patriarchy within the social constructs of post apartheid while also understanding the challenges of “white identity”.

Memoir writing, by its very nature, is an emotional and personally challenging endeavor. While the author is at the center of the work, various other actors play a pivotal role in adequately and appropriately conveying the existential crisis, inevitable climax and the ultimately, hopeful, resolution. The very egocentric nature of memoir writing demands that the other actors such as characters, location, society and culture be offered in a way that either validate or negate the journey of the author. The challenge for a memoir author is to afford these actors the authenticity and expansion that contributes to the writing and intended ‘story’. An additional challenge arises as the author attempts to adequately bring these actors into play as either friend or foe. Neutrality is hardly ever conducive to the very poignant nature of memoir.

South African white women memoir writers often find themselves in the role of an actor, considered either a friend or a foe, and more often than not, the latter. In this presentation, I consider the challenges of attempting to lovingly portray

South Africa, its people, politics and cultural diversity through the lens it will inevitably be perceived: white privilege. My exploration covers various white women authors in addition to my own working title, “How I Accidentally Married a Racist, and Other Apartheid Love Stories.”

While the continuation of colonial and post colonial studies remains an integral part of African studies, “white identity” as a social construct deserves to be considered and either debunked or acknowledged.

Panel III-3. Coping with the Difficult Past: Remembering and Forgetting the Slave Trade and Slavery in Africa, Europe, and the Americas
Секция III-3. Справляясь с трудным прошлым: память и забвение работорговли и рабства в Африке, Европе и Америке

Convenors / Руководители: *Дмитрий Михайлович Бондаренко* (Институт Африки РАН, Москва), *Harold D. Weaver* (Harvard University, Cambridge, USA)

Nowadays, the transatlantic slave trade and the enslavement of Africans in the New World remain much more than mere historical events. Their consequences are clearly felt in the economic, social, and political lives of many countries on both sides of the Atlantic, as well as in international relations. The controversies these events generated centuries ago still influence powerfully the way separate people, ethnic groups, and whole nations perceive themselves and each other. Today, it is equally difficult to cope with such a painful past as that of the slave trade and slavery for the descendants of both victims and victimizers, of those sold as slaves and of slave sellers and owners. This results in different forms of memorializing and forgetting the slave trade and slavery in the countries of Africa, Europe, and the Americas. This way differences in historical memory and attempts to use and abuse it by different actors manifest themselves; not infrequently even in one country. In Benin, for example, the memory of the slave trade and capitalization on it (or its forgetting) vary from changing the name of the country from Dahomey, which reminded of not only French colonialism but also the pre-colonial slave-trading kingdom, to opening of the *Route des esclaves* memorial and several state and private museums. In the USA, since the 1990s, one can witness a boom of opening new memorials dedicated to ‘black heritage’ with unveiling of the Smithsonian National Museum of African American History and Culture by President Obama in September 2016 as its apotheosis. Yet, the history of slavery and anti-slavery struggle still has differences in the ways they are represented in museums of the Northern and Southern states. And so on, and so forth. This panel welcomes papers describing and discussing the ways the historic memory of transatlantic slave trade and slavery influences the contemporary societies on the continents once involved in them, i.e. Africa, Europe, and the Americas, being kept, transformed, used, abused, or erased.

Anastasia A. Banshchikova,

Institute for African Studies; National Research University Higher School of Economics; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Oxana V. Ivanchenko

Institute for African Studies; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

**BETWEEN HUMANISM AND BUSINESS: END OF SLAVE TRADE
IN THE VIEW OF TANZANIAN CHRISTIANS AND MUSLIMS¹**

19th century Arab slave trade in East Africa and Indian Ocean left scars and cultural trauma for affected communities, which lasts up to nowadays. In Tanzania people, whose ancestors were enslaved, and bearers of oral tradition still tell stories about sufferings and irreparable loss. The paper highlights the results of field research conducted by the authors and their colleagues in Dar es Salaam, Bagamoyo, Kaole, Tanga, Pangani, and Zanzibar in 2018–2019. Both historical memory about slave trade and nowadays relations between Tanzanians and Arabs were under consideration. The main aim of the second field season was to determine what do Tanzanians think about the end of slave trade and circumstances which had led to it. Respondents mainly expressed two attitudes, which in the large proportion of cases were aligned with their religious affiliation. Christians believe, that the main reason of abolition was humanitarian and emphasized the role of missionaries in the process, including, according to their opinions, Dr. Livingstone. Muslims say, that slave trade ended, because slaves "lost their value" and the trade itself was no longer profitable. Both groups may also refer to industrial revolution as a reason for abolition or the competition between Britain and France over the sugar cane (Britain started the process of abolition to undermine export of slaves to the Mascarenes, because their forced labor guaranteed lower prices of French sugar). Thus, this is the second example of difference of opinions among followers of two main religions in Tanzania, revealed during field research. The first discovered trend is that Christians tend to

---

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation, project # 21-18-28038 "Historical Memory as a Factor of the Evolution of Social-Political Systems (Sub-Saharan Africa and Mesoamerica)".

be less tolerant towards Arabs living in the country. Both cases are supposed to be interconnected, showing wider perception and civilizational diversity and prejudice of Christians and Muslims.

Rogaia Mustafa Abusharaf
Georgetown University – Qatar Campus

AlJawhara Hassan Al-Thani
New York University

OMANI-ZANZIBARIS: A SWAHILI “COMMUNITY OF MEMORY”

Over the centuries, Omani people had established significant maritime links across the Indian Ocean littoral, in movements dedicated by history, geography and climate. Powered by the annual monsoons and mastery of seafaring and dhow building, Omanis managed to defeat the Portuguese and subsequently build one of the most powerful maritime trading empires, and slave markets on the rim. They also formed the biggest vanguard of the struggle against British Protectionism (1890–1963) to gain the Island’s independence. Although commonly associated with the transfer of the capital from Muscat to Zanzibar by Sayyid Sultan in 1832, migratory waves preceded the event. These Oceanic circularities were the subject of an impressive array of travelogues, ethnographies, and personal narratives. From a variety of patterns of micro-economies of exchange, trade networks, and miscegenation, the Omani Arab population acquired a Swahili identity in language, culture, and outlook. Life for Omani-Zanzibaris was brought to a halt with the mainland African-led revolution that took place on January 12, 1964. The revolution, expressing the collective grievances of slavery, was carried out by a Ugandan migrant, John Okello, who was later maligned by Abeid Karume, the first African president of Zanzibar (1964–72), after its annexation by Julius Nyerere to Tanganyika to form the Republic of Tanzania. Deportation and forced migration primarily to Oman ensued. Based on preliminary ethnographic and archival research in Oman and Zanzibar—a collection of personal accounts, memoirs, archival research, and participant observations—In this paper, while cognizant of

the discrepant narratives about the nature of the revolution, which Omani-Zanzibari deem genocidal, hopes to highlight some of their perspectives given their deep attachments to Swahili identities in their ancestral Arab Oman. In comparison to the language of genocide, Zanzibaris of African descent remember the event as revolution against the legacy of Omani slavery. This paper will focus on Omani Zanzibaris whose memories as a diaspora in their ancestral Sultanate of Oman and their subsequent incorporation in it is our primary focus. We ask how Omani-Zanzibaris think of themselves as a diasporic “community of memory.”

James Tonny Dhizaala

University of New South Wales, Sydney, Australia

Eva Ntege-Dhizaala

HR (RRT) CARE, Ottawa, Canada

MODERN SLAVERY AND GREEN PASTURE NEXUS:
ANALYSIS OF UGANDA YOUTH TEMPORARILY MIGRATION
TO PERSIAN GULF STATES

More than 200 years ago on the 25th March 1807, the slave trade act was enacted into law banning the trans-Atlantic slave trade and abolished slave trade in the British colonies. While slave trade was abolished decades ago, modern forms of slavery continue to exist in the shadows and beyond the reach of the law putting thousands of people at risk. The link between employers looking for the cheapest possible labour and the sky-high rate of youth unemployment in Uganda has seen an increase in youth seeking work in the Persian Gulf States particularly in the sectors of construction, domestic work and hospitality. The banality of evil of a lack of strong labour agreements between Uganda and Persian Gulf governments, and corruption in government departments allows unscrupulous recruiter agencies to target vulnerable youth, prioritizing those willing to pay large sums of money for a chance to work abroad, and without monitoring their working conditions is a form of modern slavery. These migrant workers are subjected to terrible working conditions; where young women are lured into the Persian Gulf States under false promises of employment only to be forced into prostitution; they are overworked,

underpaid and abused behind closed doors. Some migrants work six to seven days a week and live isolated from fellow nationals, while others are either locked inside their employers' homes or in labour camps for construction workers. These conditions have forced some vulnerable victims of forced labour and human trafficking to commit suicide. This paper examines why Uganda youths seek to temporarily migrate to the Persian Gulf States. It examines the forces shaping aspirations and decisions to migrate. In particular, the paper shows that while the decision may be reasonably based on anticipated financial rewards, the legal provisions for foreign workers, religious and cultural details are least considered by the migrant and the recruiters. The paper examines the effort by Uganda governments to stop this new trend of slavery, before further examining the International Labour obligation of the Uganda government and her compliance with the minimum standards for the elimination of trafficking/slavery.

Mariano Pavanello

Sapienza University of Rome, Italy

“SLAVERY IS STILL AMONG US”.

MEMORY AND DISCOURSE ON SLAVERY AND PAWNSHIP
IN CONTEMPORARY CHIEFTAINCY DISPUTES (GHANA)

Ghana (former Gold Coast) was an important source for slaves in the transatlantic slave trade from the seventeenth to the nineteenth century. The pre-colonial Asante state (1701–1874) was widely based on a slave mode of production, and the slave trade was very active throughout the entire Akan area (from the Comoë to the Volta rivers), hegemonized by the Asante, and the northern Gonja and Dagomba kingdoms. Within such a wide context, the Nzema (an Akan matrilineal society of South-western Ghana linked to the Asante by an institutional joking-relationship) were well known slave merchants – according to C.-H. Perrot (1982) and to my own ethnographic evidence. Stool and land disputes are important issues in the life of Ghanaian chieftaincies, and the written records of the arbitrations carried out by the customary institutions offer rich material about

Traditional Areas and the local ruling families and their internal structure of ‘royal’ and ‘plebeian’ matriline. Ruling lineages in rural as well as urban contexts are composed by a cluster of matriline many of which do not belong to the self-presuming original stock. Litigation between and within families competing for a stool have been going on for generations, and the records show that former slave or pawn matriline are often involved in family conflicts for the possession of stools, proving that the memory of slavery is still playing an important role in the contemporary wider social, economic and political struggle. Through the analysis of some stool disputes in the Western Nzema Traditional Area (Jomoro District, Western Region, Ghana), the author aims to show how the internal structure of families may be revealed during litigation through the narration of historical tradition, and what this source can disclose about broader social and political dynamics.

Karina Simonson

Vilnius University, Lithuania

UNEXPECTED CONNECTIONS?
THE REPRESENTATIONS OF THE TRANS-ATLANTIC SLAVE TRADE
IN THE LITHUANIAN CULTURAL HISTORY

My research explores the question of representation of trans-Atlantic slave trade and African slaves in Lithuanian culture. When we consider the history of Africans in Europe, it is mostly the Western regions of the continent that receive the most attention in the scholarly literature. People of African descent were never enslaved by people in Eastern Europe during “Slavery Times”. But to have said this, by no ways it means that Baltic countries, or specifically Lithuania were not taking part in the common European processes, such as trafficking “exotic” servants, traveling “human zoos” etc. In Lithuania black people start to appear in the written sources from the 16th century. It is a first research on this topic in the Lithuanian Humanities, therefore the following questions should be raised: Who produced the knowledge about the African slaves in Lithuania in the 16th–19th centuries? If/how this knowledge was reflected/interconnected in representation of

Africans in Lithuanian visual art from 17th–21st centuries? How the concept of “slave” changed during those centuries and into the Soviet era? I will finally discuss the categories, where the contacts and flow of information could have happen. Among those the most important will be: 1) City dwellers enjoyed the traveling African shows that have visited Lithuania as part of their European tour. Such performances could have provided a lump of imagination and talks to Lithuanian town dwellers, but without constant support from the state racial propaganda, racist sentiment quickly drowned, leaving room for never-ending domestic anti-Semitism. 2) Lithuanian noblemen, who starting from 16th century quite often had one or two black servants in their mansions. 3) Lithuanian and Jewish travelers and immigrants to the USA and African countries, who brought back different stories and artifacts.

Elena Filippova

Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, Russia

Vassily Filippov

Institute for African Studies, Moscow, Russia

**FROM ATTEMPTED OBLIVION TO "AFFLICTION BY THE PAST":
CONTEMPORARY ANTILLEANS' COLLECTIVE MEMORY OF SLAVERY**

The memory of slavery in French society, though long relegated to the periphery of the social conscious, has, in recent decades, become the object of a politics of memory and a bargaining tool between the government and its overseas departments. After the abolition of slavery, metropolitan France continued to uphold in its former colonies a politico-economic system founded on inequality between, on one hand, the white descendants of plantation owners, entrepreneurs, and bureaucrats and, on the other, the black majority of the population. It is practically inevitable that any given social conflict take on a racial tone, opposing the white elite against the black masses. France's overseas territories, separated from the metropolis by many thousands of kilometers and being formally French, are still often considered as something separate, requiring special treatment. As

writer and philosopher Aimé Césaire aptly remarked, only on paper is the population of these territories "full citizens"; in reality they remains "fully isolated citizens". (Fr.: *citoyens à part entière / citoyens entièrement à part*). Today, some activists, acting on behalf of descendants of slaves, demand that the metropole not only repent and apologize for crimes committed during the era of, but also give reparations. They claim the right to write their own history independently of the official history of France and to immortalize the memory of their heroes. Persisting collective trauma, triggered by a present-day experience of inequality and discrimination, produces a victim complex in descendants of slaves, as well as post-traumatic stress syndrome, symptoms of which include an insufficiency or even total lack of self-respect, a feeling of hopelessness, an expressed inclination towards aggression and violence, and internalized racism. The very latter of these manifests itself in relation to black immigrants from Africa or India who replaced slaves on the plantations after 1848, and today in relation to labor migrants from Haiti. Creole Black Antilleans no longer occupy the very lowest rung of the social ladder: reproducing a racializing mechanism developed by whites, they were able to ascend over immigrants, towards whom they express hatred and prejudice. Attempts to overcome stigma and build a positive identity founded on impassivity and resistance, as well as the opposition of "victims" and "perpetrators," disrupts the feeling of national unity from within. The process of overcoming the past and building a common, harmonious future is hindered by remaining stereotypes, conscious or not, about the connection between social status and skin color.

Javier Sacristán de Alva

Universidad Nacional Autónoma de México, Mexico City

MEMORIES OF THE SLAVE RESISTANCE IN MEXICO

In Mexico, the history and construction of actual identity have forgotten the role of the African communities in the country. Some towns had denied their African heritage, even though it is evident in the music and dance that they have some of this culture. In recent years some academics had started some research

works to rescue the history of the so-called third root in Mexico. The problem of those works is that academics center their studies in the cultural heritage in music and dance as the Son Jarocho or the Dance of the Devils. These studies of the African heritage reinforce the idea of the slaves as people that never fought against their condition. So, it becomes essential to rescue the memories of the slave resistance in Mexico. The concept of cimarron slave that the colonizers used for referring to the fugitive slave or the slaves in opposition are important because this kind of slave was compared with animals. The Mexican Academy should start the reconstruction of the resistance in Mexico. This investigation has the objective of making a recreation of organization of slaves during the XVI century, intending to change the idea of afro communities in this nation. To achieve it, I will use archives, histories of indigenous resistance, and from the Cimarron's towns.

Dmitri M. Bondarenko

Institute for African Studies; National Research University Higher School of Economics; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

THE PAST MATTERS:
MEMORY OF THE SLAVE TRADE AND RELATIONSHIP BETWEEN
AFRICAN AMERICANS AND AFRICAN MIGRANTS IN THE USA¹

The paper is based on the field evidence of different sorts (structured interviews and informal talks, analysis of museum and historical memorial expositions, etc.) collected by the author and his associates in more than fifteen towns and cities in ten states. This extensive evidence was analyzed upon the background of the author's vast experience of doing fieldwork in many African countries in which the memory of slave trade is alive and heated by the post-colonial state. The paper shows how differences in the historical memory of African Americans and African migrants influence their mutual perceptions and relationship. The reflection in the both groups' collective memory and mass

---

¹ The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant # 20-09-00075 "Black Heritage": The Historical Role of Africans and Their Descendants in Cultural Memory of the USA".

consciousness of the transatlantic slave trade is most important in this respect. The slave trade is the event that gave rise to the very phenomenon of black Americans and to the problem of the “Black world” and its history’s unity. It is argued in the paper that the historical memory of the slave trade, slavery, and fight against it is of key importance for the African Americans’ consciousness. As for the Africans, this memory is also important but, firstly, not to that degree and, secondly, they see slave trade differently: as history not of one blacks’ betrayal by other blacks (as the former were sold into slavery to the whites by the latter), but of exploitation of the blacks by the whites. Significant differences in the perception, estimation, and attaching importance to the slave trade, slavery and anti-slavery struggle separate the groups of black population, rather than unite them in the face of “white” America. The lack of the sense of historical unity alienates African Americans and African migrants from each other spiritually and mentally, thus contributing to the establishment of ambiguous and complicated relationship between them.

Nadezhda E. Khokholkova

Institute for African Studies; Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

“THE TIME OF THE CHAOS”: THE HISTORY OF THE SLAVE TRADE
FROM AN AFROCENTRIC PERSPECTIVE¹

Afrocentrism is a complex system of intellectual constructions. The formation of the Afrocentric model of the world began in the second half of the 19th century and continued in the 20th century. The term “Afrocentrism” is ambiguous. It contains a whole range of trends and teachings based on the idea of centeredness of Africa and Africans in history and culture. The Afrocentric theory (Afrocentricity) propounded by Molefi Kete Asante in 1980 was intended to create a new pattern of African American identity and to consolidate all people of African descent on the grounds of race. Also, it has provided the basis for several sub-theories and

---

¹ The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant # 20-09-00075 “‘Black Heritage’: The Historical Role of Africans and Their Descendants in Cultural Memory of the USA”.

researching approaches. Of particular interest are Afrocentric visions of history and strategies of historical memory. In this paper, we will examine an Afrocentric version of the history of the slave trade in Africa, the representations of the enslaved and slave traders in the context of the formation of historical memory.

Harold D. Weaver
Harvard University, Cambridge, USA

SETTING THE RECORD STRAIGHT:
PIONEERING BLACK FILMMAKERS ON CHATTEL SLAVERY
IN THE AMERICAS

During much of the 20th century, the tendency of Hollywood and other dominant media was to demean enslaved African men, women, and children through persistently negative stereotypes. Film historian Donald Bogle categorized the following types: Black adult males—never men, only animal-like and child-like – were Uncle Toms (loyal, subservient), Coons (buffoons), and Bucks (big-muscled, over-sexed vultures, rapists). Black adult women were Mulattoes (tragic) or Mammies (loyal, over-sized). Only after the impact of the freedom movements in the 1950's and 1960's in Africa, in the USA, and in the Caribbean did African-descendent filmmakers emerge to use their new decision-making positions as directors and producers to reverse the cinematic images by beginning to set the cinematic record straight. Ousmane Sembene, Melvin Van Peebles, Euzhan Palcy, Spike Lee, Sarah Maldoror, Gordon Parks, and Raoul Peck were among those pioneering filmmakers leading the precarious way in demonstrating that liberation and other human aspirations of Black folks around the world could become legitimate cinematic concerns and subjects. In our presentation, we will discuss clips from the films of several pioneering filmmakers from Africa and the African Diaspora who led the way in confronting, head-on, the negative Plantation-Genre film: (1) the penetratingly analytical compilation of the genius African American documentary filmmaker Marlon Riggs (“Ethnic notions”), (2) the creative, innovative Cuban Sergio Giral (“El Otro Francisco”/”The Other Francisco”, (3) the

pioneering “Life” magazine photographer, composer, film director-producer-scenarist African American Gordon Parks (“Solomon Northup’s Odyssey: 12 Years a Slave”), and (4) the Ethiopian-born/USA-migrated professor-filmmaker-pan-Africanist Haile Gerima (“Sankofa”).

Valentina N. Bryndina

Institute for African Studies; Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

EVOLUTION OF REPRESENTATION OF SLAVERY
IN THE 20th – 21st CENTURIES AMERICAN MOVIES:
HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT¹

The paper focuses on historical and culture background of evolution of slavery’s representation in XX–XXI c. American movies. Two main questions were considered through the compression movie’s storylines such as “The birth of a nation” (1915, 2016), “Roots” (1977, 2016), “A woman called Moses” (1978) and its sequel “Harriet” (2019). Firstly, which changes took place in assessment and interpretation of events related to history of slavery and what stay unchangeable and why? The second question is how images of “Planter” and “Slave” were transformed. Much attention was paid to intellectual atmosphere of American society because it affected movies. Much attention was paid to the intellectual atmosphere of American society because it affected on movies. These factors influenced on choice of historical episodes and its interpretations and on characteristics of main and secondary heroes. The phenomenon of sequels has shown importance of these storylines for society. Moreover, sequels rethink it in the spirit of modern time. All that presents a wide field for researchers because through an analysis of the cinematographic industry production we can better understand social transformations in any society.

---

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation, project # 21-18-28038 "Historical Memory as a Factor of the Evolution of Social-Political Systems (Sub-Saharan Africa and Mesoamerica)".

Elena A. Ivanova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

**STEREOTYPICAL IMAGE OF A SLAVE IN HOLLYWOOD FILMS:
FORMATION OF AFRICAN-AMERICAN IDENTITY**

There is no exact statistics of the number of Hollywood films on slavery; many of them have received international publicity and recognition from the Academy Awards, international film festivals, etc. For example, “12 Years a Slave” (2013) earned nine nominations of Oscars, had the box office of \$187.7 million (with its budget of \$20–22 million) and became word-wide popular. It means that fiction (not historical records) form the global public opinion: What ordinary people know and think about slavery. Some stereotypical images from Hollywood films on slavery deserve a consideration in their connection with such questions as: 1) Why and how exactly the slavery was ended in the U.S.A.? 2) Why do slaves always sing in movies? 3) Why movies on slavery are so popular? The answers are important because of their interdisciplinary dimension: history, culture, anthropology, political science, mass communication, etc. Referring to many films (such as “Mandingo”, 1975; “A House Divided”, 2002; “The Birth of a Nation”, 2016, etc.), this presentation is the analysis of a collective stereotypical image of a slave depicted in Hollywood films (“The Hero with a Thousand Faces”, the book by Joseph Campbell, is a basis for generalization)

**Panel III-4. Historical Roots of Contemporary Problems
of Tropical and Southern Africa**
**Секция III-4. Исторические корни современных проблем
Тропической и Южной Африки**

Convenors / Руководители: *Аполлон Борисович Давидсон* (НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия); *Александр Степанович Балезин* (Институт всеобщей истории РАН, Москва)

Most of the problems of modern Africa are rooted in its past, not only during colonialism, but also in the pre-colonial era. At the session of the section it is planned to discuss a number of such problems – ethnic, social, socio – cultural, political – in historical retrospect. It is also expected to touch upon the source issues, in particular – new opportunities for work in Russian archives, the difficulties and the results obtained.

Большинство проблем современной Африки уходят корнями в ее прошлое, причем не только во времена колониализма, но и в доколониальную эпоху. На заседании секции планируется рассмотреть ряд таких проблем – этнических, социальных, социокультурных, политических – в исторической ретроспективе. Предполагается также затронуть источниковедческие вопросы, в частности – новые возможности работы в отечественных архивах, возникающие при этом сложности и полученные результаты.

Давидсон А.Б.

НИУ Высшая школа экономики, Институт всеобщей истории РАН,
Москва, РФ

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА АФРИКИ. ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Первопричина создания Института Африки: решение XX съезда КПСС (начало 1956 г.) об усилении внимания к Востоку и Африке в государственной политике СССР. В октябре 1956 г. создан большой Отдел Африки (около 20 сотрудников) в Институте востоковедения. Поскольку африканистов в Москве было мало, набирали в основном тех, кто Африку еще не изучал.

Желание советского руководства усилить внимание к Африке привело 18 мая 1969 г. к решению о создании в ИМЭМО Центра изучения Африки во

главе с Г.Е. Скоровым. Но 29 июня оно было заменено решением о создании Института Африки. 2 февраля 1960 г. сотрудников Отдела Африки Института востоковедения направили в этот институт.

Институт Африки создали в Отделении истории Академии Наук, но в 1962 г. перевели в Отделение экономики и первоначальный его профиль вскоре изменился: был ликвидирован отдел культуры, прекращено изучение африканских языков. Важным направлением работы Института на четверть века стало изучение возможностей социалистической ориентации государств Африки.

Мазов С.В.

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О СОЗДАНИИ ИНСТИТУТА АФРИКИ АН СССР, 1959 г.

В июле 2019 г. исполнилось 60 лет Институту Африки РАН. Становление Института и его работа становились предметом специальных исследований¹, в том числе и на основе архивных материалов². Автор обнаружил в фондах РГАНИ дело «Институт Африки АН СССР», где хранятся документы, которые помогают восполнить ряд пробелов в истории создания Института, и самоценны как уникальные источники о внешней политике СССР.

Первый документ – запись беседы Н.С. Хрущева с афроамериканским историком, писателем, общественным деятелем Уильмом Дюбуа и его женой Ширли Грэхэм 20 января 1959 г.³ Второй документ – предложения Дюбуа по изучению Африки в СССР, которые он передал Хрущеву. Они предусматривали создание в Академии наук института для комплексного изучения Африки: «панафриканской истории, социологии, этнографии, антропологии и дру-

---

¹ Токарева З.И. Институт Африки Академии наук СССР. 1959–1969 гг. М., 1969; Ильин Ю.М. Институт Африки. М., 2005; Солодовников В.Г. Дом Африки в Москве: Староконюшенный, 16. Взгляд на историю Института Африки из директорского кабинета: 1959–1976 годы. М., 2011.

² Мазов С.В. Неизвестная история создания Института Африки АН СССР // Восток. 1998. № 1.

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 149. Л. 2–13.

гих смежных наук»¹. Третий документ – постановление Секретариата ЦК КПСС от 21 января 1959 г., где давалось поручение подготовить предложения об организации в Москве «Института по негритянским проблемам»². Четвертый документ – письмо адмирала И.С. Исакова Н.С. Хрущеву «Об абхазских неграх» от 16 июня 1959 г. с планом вовлечения в орбиту советского влияния афро-американского населения США и африканцев Южно-Африканского Союза³. Письмо послужило формальным основанием для создания Института Африки АН СССР. О чем свидетельствует пятый документ – выписка из протокола заседания Президиума ЦК КПСС от 22 июня 1959 г. «Письмо т. Исакова от 16 июня 1959 г. о подготовке негритянских кадров»⁴.

Lyubanova Nedyalkova Eliza
DR Congo

AFRICAN PAST FUTURES FROM GLOBAL HISTORY AND GLOBAL CAPITALISM PRISM

The paper on the African Past Futures from Global History and Global Capitalism Prism will provide an in-depth analysis and exploration of the historical puzzle of the interrelation between the European historical colonial designs and influence, the American political-cultural and economic dynamics, Cold War Era global designs and the African past, present and futures accordingly.

In this optic, the work will trace how differences in political economies, the European colonial domination and the formation of the “American” first identity can be used as analytical points for interpretation of global historical and transatlantic processes and their correlation to the intelligibility of the global designs’ prime concerns in the Cold War ideological confrontation in the twentieth century and the post-colonial, post-Cold War modernity and contemporary spheres of influence, marginalisation, armed conflicts and power relations in an extended and intensified world-system and coloniality of power.

---

¹ Там же. Л. 14–15.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 19-26.

⁴ Там же. Л. 17.

Thus, through the interdisciplinary prism of African Studies, Global History and Global Capitalism, the analytical strategy will start chronologically with the past and move to the present and past-futures of subalternity and conflicts with a particular emphasis on the concepts of black reason, necropolitics, coloniality of power, world system, dependency theory and the myths and realities of independence, human rights, humanitarianism, peace and development

Emmanuel Oladipo Ojo
Ekiti State University, Nigeria

THE PAST IN THE PRESENT: REFLECTIONS ON THE CHALLENGES
CONFRONTING TROPICAL AFRICA – THE NIGERIAN EXAMPLE

This study examines the indigenous, exogamous and endogamous causes of the challenges confronting contemporary Africa with particular reference to Nigeria. In the comity of continents, Africa is clearly the most problematic – it is not only the most economically unviable, politically unstable and technologically backward; it is assailed by pervasive armed conflicts, intractable poverty and infrastructural deficit. From factual to fantasy and from various standpoints and perspectives, the causes of the problems confronting contemporary Africa have been analysed. On the one hand, Africa's problems have been traced to exogamous factors, particularly the slave trade and colonialism, which supposedly *disarticulated* Africa and prevented it from going beyond stage one of Rostow's five stages of growth. On the other, the role of endogamous factors particularly systemic corruption, poor leadership, vampirism, disregard for the rule of law and *militocracy* (as in Nigeria), the 'sit-tight syndrome' and political instability have been stressed. However, whatever might be the strength of these perspectives and standpoints, neither can solely and correctly capture the African trajectory. With particular reference to Nigeria, this study contends that the historical roots of the problems confronting tropical Africa are traceable to the three eras of African history: pre-colonial, colonial and post-colonial. The paper argues further that while the seeds of the problems that today confront Africa might have been sowed

during the pre-imperial and imperial period; they were nurtured to maturity by African leaders in the post-independence period. We conclude that until Nigerian and other African leaders provide purposeful and selfless leadership, Africa will continue to occupy its current footnote position in the world. The descriptive and analytical method was adopted in the analysis of the documentary data obtained for the study.

Курбак М.С.

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

СССР 1950–1960-х ГЛАЗАМИ ЮЖНОАФРИКАНСКОГО ГЕОХИМИКА

Южноафриканский геохимик Луис Аренс был в числе первых южноафриканцев, приглашенных в Советский Союз в послевоенное время. Первый визит в Москву состоялся в 1958 г., второй раз он приехал в 1965 г. Его впечатления о научной и общественной жизни СССР стали основой для ряда статей, опубликованных в южноафриканских газетах того времени. Аренс побывал не только в Москве, ему удалось также посетить другие страны Восточного блока. Особый интерес представляют его воспоминания о событиях в Праге в 1968 г., свидетелем которых он стал. Доклад основан на материалах семейного архива Луиса Аренса.

Сидоров В.А.

Vasily Sidorov

Институт Африки РАН, Москва, Россия

Institute for African Studies of RAS, Moscow, Russia

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ЮАС/ЮАР И СССР: ОТ РАЗРЫВА ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ECONOMIC TIES BETWEEN SOUTH AFRICA AND USSR: FROM BREAK UP TO REVIVAL

Despite the opening of Soviet consulate in South Africa in 1942 economic relations between the two countries remained very limited. Trade volume with South Africa peaked actually just after the break up of diplomatic relations in

1956. In 1956 Soviet goods exported to South Africa were worth 2 million roubles, and in 1957 South Africa's exports to USSR were valued at 107 million roubles.

In 1960 South African Communist Party (SACP) delegation visited USSR. It was concerned about reports of USSR buying South African wool. The delegates were told that though it is correct and South African wool was bought in London it was thought to be Australian wool. They were also informed that Soviet organizations stopped signing contracts with South African companies. These actions allowed SACP to claim in 1964 that USSR "imposed a full trade embargo under request from the South African liberation movement".

Harry Oppenheimer, head of "De Beers", stated in 1963 in his annual statement that "due to Russia's support for boycott of trade with South Africa our contract for the purchase of Russian diamonds hasn't been renewed".

Key role in resumption of economic relations was also played by "De Beers". In June 1990 De Beers signed a \$5 billion five-year controversial contract with USSR to market Soviet rough diamonds.

Also in August 1990 South African Minister of Trade, Industry and Tourism Kent Durr visited USSR. Finally, after establishment of diplomatic relations between South Africa and Russia in February 1992, a trade agreement was signed between South Africa and Russia during the official visit of President De Klerk to Moscow in June 1992. These developments contradicted the official position of USSR and in practise had little effect on development of economic relations.

Балезин А.С.

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-ЗАНЗИБАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМИ)

Еще до провозглашения независимости Занзибара различные политические силы острова пытались установить отношения с Советским Союзом, в частности, по линии Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки. Их устремления были встречены в Москве с осторожностью, свя-

занной с желанием дождаться исхода политической борьбы. После провозглашения независимости Занзибара СССР немедленно установил дипломатические отношения в островной республикой, открыв там свое посольство. Объединение Занзибара, в котором видели «африканскую Кубу», с Танганьикой было призвано изменить просоветский курс его руководства. Это удалось лишь в небольшой степени. После объединения Занзибара с Танганьикой статус посольства был естественным образом понижен до консульства, но отношения с островной частью Объединенной республики развивались более активно, чем с материковой. Однако к 1967 г. обстановка на Занзибаре резко изменилась вследствие жестких действий центрального правительства, уничтожавших лидеров революции. Советско-занзибарские отношения были свернуты, а затем, спустя много лет, само консульство на Занзибаре было закрыто.

Balezin Alexander

Institute of world history, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE ESTABLISHMENT OF THE SOVIET–ZANZIBARI RELATIONS
(BASED ON ARCHIVAL SOURCES)

Even before the proclamation of independence of Zanzibar, various political forces of the island tried to establish relations with the Soviet Union, in particular, through the Soviet Committee of solidarity with Asian and African countries. Their aspirations were met in Moscow with caution, connected with the desire to wait for the outcome of the political struggle. After the independence of Zanzibar was proclaimed, the USSR immediately established diplomatic relations in the island country, opening its Embassy there. The unification of Zanzibar, which was seen as an "African Cuba", with Tanganyika was intended to change the Pro-Soviet course of its leadership. It was possible only to a small extent. After the unification of Zanzibar with Tanganyika, the status of the Embassy was naturally lowered to the Consulate, but relations with the island part of the United Republic developed more actively than with the mainland. However, by 1967, the situation in Zanzibar

had changed dramatically due to the harsh actions of the Central government, arresting and killing the leaders of the revolution. Soviet-Zanzibar relations were curtailed, and then, many years later, the Consulate itself in Zanzibar was closed.

Кривушин И.В.

НИУ Высшая школа экономики, Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУАНДЕ (СТРАТЕГИИ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОБЫТИЙ КОНЦА 1950-х – НАЧАЛА 1960 ГОДОВ
В РУАНДИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ)**

Рассматриваются особенности трактовки в руандийских школьных и университетских учебниках истории и в пособиях для учителей ключевого периода национальной истории – подготовки и обретения независимости и создания суверенного государства. В фокусе внимания – модели интерпретации колониальной политики Бельгии в 1950-х годах, идеологические и политическое противостояние тутси и хуту, роль католической церкви, личность Грегуара Кайибанды, Социальная революция 1959 г., приход к власти партии Пармехуту, получение политической независимости, первый исход тутси и их сопротивление. Эти модели анализируются как элементы образа национальной истории, конструируемого главным мнемоническим актором – правящей элитой, и их анализ позволяет определить основные параметры политики памяти в современной Руанде. Рассматривается также влияние на трактовку событий конца 1950-х – начала 1960-х годов в руандийских школьных учебниках доминантных нарративов современной западной историографии истории Руанды.

**POLITICS OF MEMORY IN CONTEMPORARY RWANDA
(STRATEGIES OF REPRESENTING THE EVENTS OF THE LATE 1950S
AND EARLY 1960S IN RWANDAN HISTORY TEXTBOOK)**

The author consider ways of representing the key period of national history – the struggle for political independence, the achievement of independence and early

national state-building – in Rwandan school and university history textbooks and teacher manuals. The focus is on models of interpretation of Belgian colonial policy in the 1950s, ideological and political confrontation between Tutsis and Hutus, the role of the Catholic Church, Gregoire Kayibanda's activities and his personality, the 1959 Social revolution, the Parmehutu party's rise to power, the process of gaining independence, first Tutsi exodus and resistance. These models are analyzed as elements of the image of national history, constructed by the main mnemonic actor – the ruling Rwandan elite, and this analysis allows to identify the main parameters of memory politics in contemporary Rwanda. The author also tries to determine how the dominant Western narratives of Rwanda's history influenced on the representation of the pre-independence period in Rwandan school literature.

Иванова Л.В.

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

**СОВЕТСКИЕ ПРОЕКТЫ В СОМАЛИ: УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГА РФ И АВП РФ)**

Сотрудничество между Сомалийской Республикой и Советским Союзом складывалось из несколько этапов – знакомства обеих сторон (в частности, с двумя сомалийскими правительствами – прозападным А. Шермарка и просоциалистическим С. Барре), анализа перспектив, последующего активного сотрудничества и затем – этапа взаимных упреков и обоюдного разочарования. Недостаток знаний в СССР о сомалийцах и Сомали в целом, равно как и слишком быстрый скачок развития в различных сферах в самом Сомали, во многом стал причиной недопонимания и последующего разрыва отношений между обеими странами. Немалое значение имело также и противостояние между США и СССР на Африканском Роге, которое пытались использовать оба сомалийских правительства в собственных целях.

В докладе анализируются эффективность и значение проектов, разработанных и осуществляемых советской стороной для Сомали. Приводятся планы и отчеты по строительству советских объектов в Сомалийской республи-

ке, главным образом, отчеты советских организаций, выдержки из западной прессы и местных печатных органов, а также воспоминания советских граждан-участников событий – работников посольств, военных, строителей, врачей и преподавателей. Автор рассуждает о том, какие уроки можно извлечь из данного опыта для формирования новых отношений между двумя странами в новых экономических и политических условиях.

Lyubov Ivanova

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**SOVIET PROJECTS IN SOMALIA: SUCCESS AND FAILURE
(BASED ON THE DOCUMENTS OF STATES ARCHIVES
OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

The cooperation between the Republic of Somalia and the Soviet Union went through several stages – acquaintance of both sides (with both Somali governments – A. Shermark’s “western” government and socialist government of S. Barre), analysis of mutual benefits and perspectives, followed by active cooperation and then the period of mutual accusations and disappointment.

The lack of knowledge about Somalis and Somalia in general became the reason of tension and then disruption of relations between the both countries. The Cold war confrontation between the USA and the Soviet Union in the Horn of Africa also made a great contribution, while both Somali governments tried to benefit from it.

The author analyses the effectiveness and importance of the Soviet projects in Somalia, sponsored or realized by the USSR. The report is based on official documents, reports, plans and official correspondence from the Russian State Archives as well as articles from local newspapers of that time and memoirs of Soviet doctors, teachers, military advisors, politicians and diplomatic representatives. This helps us find the real causes of Soviet failures in Somalia and take them into consideration while building new relations between the Russian Federation and Somali Democratic Republic.

Воеводский А.В.

Институт всеобщей истории РАН, НИУ Высшая школа экономики,
Москва, Россия

СССР, КИТАЙ И АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ СТРАН ЮГА
АФРИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РГАНИ)

В начале 1960-х гг. в социалистическом лагере наметился крупнейший за его историю кризис – нарастающий конфликт между СССР и коммунистическим Китаем. Не вдаваясь в детали идеологического противостояния, следует отметить, что конфликт двух этих государств оказал заметное влияние на деятельность антиколониальных движений на Юге Африки. Во-первых, это привело к некоторой растерянности их лидеров, так как суть идеологических разногласий между двумя коммунистическими странами представлялась им несущественной.

Во-вторых, сессии и съезды Организации солидарности стран Азии и Африки превращались в то время полем ожесточенных споров между советскими и китайскими представителями, что, по мнению африканских представителей, лишь ослабляло антиколониальное движение в целом.

В-третьих, расхождения Китая с СССР предоставили африканским антиколониальным движениям новую альтернативу в выборе внешнеполитических покровителей в условиях, когда СССР по тем или иным причинам отказывал в оказании помощи. Это, прежде всего, справедливо для таких организаций, как ЗАНУ и южноафриканский ПАК. Изначально они не отвергали возможности сотрудничества с Советским Союзом. На различных международных форумах и встречах с советскими представителями обращались с просьбами оказать помощь, принять на обучение в советские учебные заведения студентов. Однако каждый раз наталкивались на глухую стену. СССР, сделав ставку на другие движения (АНК, ЗАПУ), не мог пойти на сотрудничество с соперничавшими с ними группировками. В этих условиях Китай становился для них единственно возможным вариантом выбора внешнего покровительства. В свою очередь китайской опыт вооруженной крестьянской

войны представлялся достаточно привлекательным и реалистичным вариантам для многих африканских лидеров. Советская риторика о мирном существовании двух систем казалась слишком «схоластической» и непригодной для африканской действительности. Однако, в пользу СССР играли его большие внешнеполитические, экономические и военные возможности.

Полунин Е.С.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия», Воронеж, Россия

ИДЕЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ГЕРМАНИИ БЫВШИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ

С самого момента фактической утраты африканских колоний в годы Первой мировой войны идея их возвращения получила широкое распространение среди немцев как в Германии, так и на территории бывших колониальных владений, а пик ее популярности пришелся на годы пребывания у власти нацистов. Претензии на колонии обосновывались необходимостью размещения там эмигрантов, сбыта немецких товаров, потребностями в сырье; еще важнее были стратегические интересы Германии в Африке.

Возможными предпосылками реализации идеи было немецкое присутствие на территории бывших колоний (восстановление и укрепление здесь позиций германского капитала, сохранение немецкой диаспоры в Юго-Западной Африке, прибытие новых немецких переселенцев) и усиление Германии на международной арене. В своей политике по возвращению колоний Берлин мог опереться на поддержку многих представителей немецкого населения (прежде всего, в ЮЗА), сохранявшего тесные связи с Германией и заинтересованного в ее покровительстве. Поэтому германские правительства пытались удержать немецких колонистов от реэмиграции, приветствовали новые переселения, поддерживали сохранение немецкой идентичности, стремились использовать организационную и финансовую зависимость немецких общин от Германии и сыграть на ностальгических настроениях не-

мецких диаспор и их недовольстве некоторыми условиями жизни при администрации ЮАС.

Это было лишь одним из направлений германской политики по возвращению колониальных владений. Так, она включала в себя соответствующую активность на международной арене, пропаганду идей возвращения колоний, создание колониальных союзов и обществ, подготовку колониальных кадров, вынашивание планов совместной с прочими державами эксплуатации колоний и их захвата силовыми путями.

Все это имело свои последствия для истории ЮЗА. Свою агрессивную внешнюю политику в Европе гитлеровская Германия нередко выстраивала, в том числе, вокруг вопроса немецких меньшинств, что сказалось и на отношении к немецким диаспорам в других точках земного шара, в частности, в ЮЗА, где проживали зачастую прогермански настроенные и влиятельные немецкие колонисты. В этих условиях прошло интернирование немцев в ЮЗА, что повлияло на их политическое поведение после войны, а значит и на послевоенную историю ЮЗА в целом.

Шипилов А.Ю.

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

РОЛЬ АМЕРИКАНО-ЛИБЕРИЙЦЕВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ЛИБЕРИИ ПОСЛЕ ОТСТРАНЕНИЯ ОТ ВЛАСТИ ПАРТИИ НАСТОЯЩИХ ВИГОВ

Потомки освобожденных рабов, переселившихся из США в Либерию, сохраняли привилегированное положение в либерийском обществе в течение 1847–1980 гг., когда у власти находилась Партия настоящих вигов. В последние десятилетия перед переворотом 1980 г., завершившим период господства этой партии, права коренного населения постепенно расширялись, и его отдельные представители входили в число наиболее высокопоставленных чиновников прежнего режима (например, Элен Джонсон-Сирлиф, бывшая министром экономики при последнем американо-либерийском президенте Уильяме

Толберте), однако в целом привилегии американо-либерийцев сохранялись. При этом активное участие молодого поколения этой группы в оппозиционных движениях 1970-х гг. способствовало их сохранению в либерийской политике после прихода к власти в 1980 г. Сэмюэля Доу, прибегшего к силовой зачистке прежнего руководства страны.

Так, в 1981 г. комиссию по подготовке новой конституции возглавил Амос Соьер, американо-либериец, участвовавший в 1970-е гг. в Движении за справедливость для Африки против президента Толберта, а в 1979 г. ставший первым независимым кандидатом, избранным мэром Монровии. В оппозиционных кругах, находящихся в диаспоре и выступавших против режима С. Доу в конце 1980-х гг., одним из лидеров стал Уинстон Табмэн, племянник предпоследнего американо-либерийского президента страны Уильяма Табмена (1944–1971 гг.). Однако наиболее влиятельным американо-либерийцем в политике страны после 1980 г. стал Чарльз Тейлор, начавший вооруженное восстание против С. Доу в 1989 г., перетекшее в гражданскую войну, а затем бывший президентом Либерии в 1997–2003 гг. (свою должность он оставил под международным давлением и ввиду военных поражений своих сторонников). Выстраивая свою пропаганду, Тейлор делал упор на происхождении своей матери из этнической группы гола, а основными его сторонниками стали представители гиа и мано, этнических групп, подвергшихся репрессиям со стороны режима Доу.

Таким образом, Тейлор дистанцировался от американо-либерийских корней для получения политической поддержки широких слоев населения. После окончания же гражданской войны в 2003 г. американо-либерийцы сохранили за собой часть государственных постов, однако более никогда не занимали пост президента.

Филатова И.И.

**БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ... ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ
УМКОНТО ВЕ СИЗВЕ, КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Вряд ли можно найти «типичного» бойца Умконтто ве сизве, военного крыла АНК. У них был разный уровень образования, разные способности, разные взгляды. Когда молодежь бежала из Южной Африки, чтобы с оружием в руках бороться против апартеида, ее объединяло только страстное желание покончить с этой системой и готовность пожертвовать ради этой цели всем, даже жизнью. Но лагеря стирали различия. Накапливались общие впечатления и воспоминания, общий коллективный опыт, усваивалась общая идеология. И в то же время появлялись новые противоречия и размежевания. В докладе прослеживаются основные темы, затрагиваемые в воспоминаниях ветеранов, и рассматривается трансформация их видения ситуации в стране и отношения к борьбе в зависимости от того, когда они приходили в нее, и от того, когда писались воспоминания. Обсуждается и вопрос о том, что дают эти воспоминания историку, пытающемуся понять мир Умконтто. А мир этот важен уже потому, что после 1994 г. его носители стали важнейшим отрядом строителей новой Южной Африки.

Irina Filatova

**SOLDIERS REMEMBER... MEMOIRS BY UMKHONTO WE SIZWE
VETERANS AS A HISTORICAL SOURCE**

There is no such a thing as a “typical” Umkhonto we Sizwe fighter. They had different levels of education, different abilities and different views. When young people left South Africa in order to fight against apartheid arms in hand, they were united only by a passionate wish to rid their country of this system, and by their readiness to sacrifice everything for this this goal, even their own lives.

But their training camps levelled the differences. Common impressions and memories accumulated, collective experience emerged, common ideology internalised. But new contradictions and new fractures appeared. The paper identifies the main topics raised in veterans' memoirs and analyses the transformation of their vision of the situation in the country and their attitude to the struggle, depending on the time when they joined and when the memoirs were written. It also discusses what information a historian who tries to understand the world of Umkhonto can get out of this source. And the understanding of this world is important because after 1994 people who were formed by it became a very important element among the builders of the new South Africa.

Panel III-5. Judaism in Africa: An Unexpected Destination?
Секция III-5. Иудаизм в Африке: неожиданный пункт назначения?

Convenors / Руководители: *Karina Simonson* (Vilna Gaon State Jewish Museum, Lithuania); *Janice R. Levi* (University of California, Los Angeles, USA)

Over the last several decades, an astonishing phenomenon has developed: a Jewish (re)birth of sorts occurring throughout Africa. Different ethnic groups proclaim that they are returning to long forgotten Jewish roots and with some African clans tracing their lineage to the Lost Tribes of Israel. For some, this is destiny: an inevitable return to ancestral religions that were interrupted, hidden, and/or buried due to the onslaught of Islamic and Christian forces, as well as the colonial enterprise. Now, decades into the independence era and embracing pan-Africanist ideologies that celebrate and encourage a “return” to the indigenous cultural traditions, many communities have felt that they were destined to embrace their ancestral past, which for some include practices that have a Jewish semblance. For other African communities emerging, there is no claim to a Jewish past, but rather a desire for a Jewish future. Kabbalah Centers in Côte d’Ivoire, internet forums on Judaism in Cameroon, and an affinity for the Old Testament in Uganda—the range of initial interest in Judaism is diverse across the continent. Thus, scholars who attempt to create a homogenized definition for the rise of Judaism, elide the diverse motivations. Lastly, is to acknowledge the role of diaspora, both the Jewish and African Diaspora. African-Americans who ascribe to being Hebrew-Israelites have flirted with Hebraic, and for some Jewish, beginnings. Acknowledging a lost religious heritage through the migration out of Israel and through Africa. Also, Africans living in Israel, including some who identify as Jewish (namely Ethiopians) who have historically struggled to be recognized as legitimate Jews. The Jewish Diaspora has also been active in Africa, especially in the colonial period where some Jews were colonial agents while others were merchants of empire establishing homes in African ports. Israel, too, has since its statehood been tethered to Africa, only to cut ties around 1973 after Israel’s continual expansion onto the Sinai Peninsula, and re-established relations in the 1980s. Jewish expat communities have populated African capital cities, and continue to engage in cultural exchange. This panel asks “Is it destiny for Judaism to be in Africa?” A global Abrahamic religion that has found communities in most other parts of the world, Africa has been a blindspot. The panelists are encouraged to ask, broadly, why? And, why now is the presence of Judaism more visible than in previous decades and centuries?

– Representations of the African/black Jew;

- African Jewish communities;
- “Othering” of black Jews (i.e. normative Judaism versus “African” Judaism);
- Jewish Diaspora in Africa;
- Hebrew Israelites in Africa;
- Question of Jewish status and privileges (tethered to race);
- Jews in the local media;
- Relationship with Zionism and Israel (pre and post-independence);
- Jews and other ethnical non-indigenous minorities, such as Indians and Chinese;
- Influences and exchanges between Jewish and African cultures.

Edith Bruder

University of London, French National Centre for Scientific Research, France,
University of South Africa

FROM PHILO-SEMITISM TO CONVERSION TO JUDAISM
IN TWENTY-FIRST CENTURY AFRICA

Ever since the colonial era, many African Christians have expressed a general feeling of sympathy towards the Jewish people as well as the idea of having a spiritual relationship with them. Some have taken this idea of a relationship with the Jews a stage further than simply a spiritual brotherhood and in the course of the twentieth century more than a dozen disparate ethno-religious groups throughout Africa have begun to identify themselves as descendants of the Jewish people and to claim Hebrew or Israelite ancestry. The members of these various ethno-religious communities may number in the hundreds of thousands. In claiming a contemporary Jewish identity, African Jews heralded the phenomenon of African philo-Semitism. In this paper I will briefly attempt to explore the rise and development of contemporary African philo-Semitism by examining variegated mechanisms that led, in some African societies, from an admiration of the Hebrew culture and people to a contemporary symbiosis with Judaism and Jews and to conversion. I will look – chronologically and thematically – at the roots of the movement, its theology, and its messianic vision and will propose a theoretical framework through which one can characterize the phases of

their affiliation with Jews. The first theme revolves around the metaphorical associations that have influenced the adaptation of Judaism within African religion, within the context of a Christian background. The second concerns the salient role of Western projections on African identity and the legitimization of African traditions of Hebrew origin. The third addresses the salient aspects of the cultural transactions between the biblical model and the African traditions that favored the rationale of a common historical and theological provenance.

Yochanan Bwejeri
Havila Institute, Bujumbura, Burundi

THE ZIONIST PARADIGM AND ITS IMPACT ON THE REVIVAL
OF THE TUTSIM JEWISH EMPIRE OF JUDAH IN EAST AFRICA

One of the most controversial dilemmas in the history of the Zionist movement happened in 1903. That year Dr. Theodor Herzl disclosed his dearest plan to settle the Jews of Europe in East Africa. Herzl was unaware of the historical Jewish Empires of Africa. For lack of education in biblical geography and anthropology, Herzl's proposal was rejected by the Sixth Congress. Resettling the Jewish people in the "jungle" of East Africa wasn't acceptable. Nevertheless, a Commission (the "Warburg Commission") was appointed to explore the Herzl's prospective "Promised Land". The commission was composed of veteran Major A. St Hill Gibbon from South Africa, Professor Alfred Kaiser from Switzerland, and Nahum Wilbusch, a young Russian engineer and the only Jew of the team. On the ground, the non-Jews saw a dangerous "jungle", while the young Jew was magnetized by the biblical "Gan Eden" ("Havila"). Because of these non-resolved contradictions, the report was dismissed by the 7th Zionist Congress. In fact, the so-called "Jungle" was owned by a powerful Jewish constituency since the very biblical times, and it was ran under the Jewish Law, as a huge biblical Empire. Numerous sources of established authority from both biblical records and post-biblical archives testified about the ownership. Today, the Tutsim Jews are claiming their legacy over the Biblical Empire of East-Africa. With their

unshakeable Jewish Laws, their unbroken traditions, institutions, and minhagim, the Tutsim Jews are rebuilding the land of Moshe Rabenou, the biblical Tsadikim, and the Tutsim Royalties of the House of Judah, as proclaimed at Mount Sinai: "from the Nile to the Euphrates"(Breshis, Chap.15, verse 18).

Janice R. Levi

The University of California, Los Angeles, USA

THERE ONCE WAS A TIME: CONSIDERATIONS OF THE HISTORICAL
PRECEDENTS OF JUDAISM IN WEST AFRICA

The House of Israel in Ghana tethers their faith identity to a narrative of migration that stretches north to the Sahara and east to Israel where Jews once lived as well as a variety of ritual practices maintained by their ancestors with a Jewish semblance. By examining oral and ritual archives, alongside the textual archive, this paper maps out scholarship from the medieval periods, which provide evidence of a Jewish presence in West Africa from the 11th century to 21st. It then considers the circumstances in which these Jews lived— conditions echoed in the oral histories of both the House of Israel and other ethnic groups who were not indigenous to Ghana. Questioning the historical implications of these, often hostile, environments and investigating the transmission of how these oral histories now manifest, guides the charting of the physical and geographical continuities of Judaism in Africa while also acknowledging dialectic continuities (local and imported) impacting the narratives. In other words, this paper considers the emergence of some Jewish communities across the continent as epiphenomenal, rather than a phenomenon, by underscoring the historical precedent (real and imagined) of a past Jewish presence, specifically, in West Africa.

Yitzchak Kerem
The Hebrew University of Jerusalem

RHODIAN AND OTHER SEPHARDIC SETTLEMENT IN CENTRAL
AND SOUTHERN AFRICA; 120 YEARS OF PROSPERITY,
AND DECLINE IN LIGHT OF COLONIALISM

Rhodian Jews were pioneers in settlement in the Belgian Congo and British Rhodesia beginning at the end of the 19th century. They prospered from colonialism in attaining personal wealth and establishing vibrant Judeo-Spanish Sephardic Jewish communities, and with its demise, they suffered in their daily lives, lost most of their fortunes, were compelled to migrate to Brussels, South Africa, North America, Israel, Australia, and elsewhere, and most of their Jewish communities and enclaves disbanded or decayed.

In Rhodesia, at first Jews had farms or general stores in the northern part of the country, but most moved to the capital Salisbury, where they established a Sephardi synagogue. The Rhodian Jews were part of the establishment of a synagogue in Bulawayo. The Rhodian John Menashe was mayor, and B.S. Leon attained great wealth there, which he donated to Jewish and general philanthropic causes. When the white racist Eon Smith regime fell, many Jews migrated to Israel, South Africa, or Atlanta, Georgia, USA. Under the corrupt regime of Mughabe, most of the remaining Jews have suffered economically, and the Sephardic community dwindled. In recent years, due to small numbers, it merged with the Ashkenazi community. In recent years, the synagogue in Bulawayo burned down, but was rebuilt.

Sephardic Jews from Tetuan and Tangiers in Spanish Morocco migrated to Cape Verde and Angola after the 1859–1860 Spanish-Moroccan war in hope of economic betterment. The Jewish Sephardic settlers eventually assimilated, intermarried, or migrated. Cape Verde prime minister Carlos Wahnou de Carvalho Veiga is a descendant of the above Sephardic Jews. Angola suffered a violent period of revolt against cruel Portuguese colonial rule, attained independence after more than a decade of violence, and then in 1975 endured a violent civil war. Like

in Zaire, this made it impossible for Jews to continue communal life, have economic stability, or live in safety.

Aurélien Mokoko Gampiot
GSRL-CNRS (Sorbonne), Paris, France

**BLACK JEWS, AN UNEXPECTED PRESENCE
WITHIN THE FRENCH JEWRY**

The current emergence of Black Jews in Africa has triggered the attention of scholars from a variety of disciplines, as is proven by the title of this panel, “Unexpected Destinations.” Even more unexpected is the emergence of Jews of African or West Indian descent within the French Jewry. For several decades, a group of Black Jews have become visible in France, made up of converts but also recent migrants from Africa, Israel or the United States. The aim of my paper is to describe the specific profiles of African and West Indian believers through an analysis of their conversion experiences and other modes of insertion in the French Jewry. I will address their reasons for embracing Judaism, their negotiations of their multiple identities and their relations with Jewish institutions in France in comparison with Israeli ones. How do they perceive themselves as Jews and how are they perceived by their fellow White Jews? In this talk I will share fieldwork that I began ten years ago in France.

**Panel III-6. Socio-Anthropological Dimension of Destinies of Africa
in the Modern World**

**Секция III-6. Судьбы Африки в современном мире.
Социально-антропологическое измерение**

Convenors / Руководители: *Oleg I. Kavykin* (The Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Clara Saraiva* (Center for Comparative Studies – FLUL-University of Lisbon); *Chiara Pussetti* (Institute of Social Sciences of the University of Lisbon, Portugal)

In recent decades, Africa has seen a number of significant changes: economic development, changes in social stratification, urbanization, transformation of traditional institutions, migration, the increase of African diasporas outside the continent, integration into global communication processes and the development of African media, etc. The above mentioned changes exist in a vast field of interactions with the processes of self-presentation, formation and maintenance of identity of various groups of Africans. In this regard, there is a need in researches on new forms of social organization and cultural phenomena in the current historical context. Some development of new approaches to the anthropological study of the continent is also needed because a search for new subject areas, objects and methods is conditioned by the development of anthropological knowledge itself, which changes in the historical context. Anthropologists involved in the study of socio-cultural processes in Africa of the XXI century are invited to participate in the work of the section. Materials on the role of anthropology in studying the fate of Africa in the modern world are also welcome.

Butovskaya M.L.,

Dronova D. A.

Institute of ethnology and anthropology, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia

Karelin D.V.

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

SHARING, FAIRNESS AND PAROCHIAL ALTRUISM IN CHILDREN AND
ADOLESCENTS FROM TWO SMALL-SCALE TANZANIAN SOCIETIES:
THE HADZA AND THE IRAQW

Altruism is a key-stone of human societies, but it is a matter of debates, to what extend the differences (if any) between groups may be due to in-group individual variations, ecological, economic or cultural factors. In this paper we present the data about three sets of sharing games in children and adolescents from two small-scale societies of Tanzania: the Hadza and the Iraqw. Particularly, we examined the readiness of rural children from hunter-gatherer's and agro-pastoralist's communities to take prosocial, sharing and fairness decisions, to reveal to what extend these decisions were congruent in direction of friends and anonymous peers, and to test the gender differences in the decision-making. Our results provide another confirmation of the parochial altruism hypothesis. Besides, it is suggested, that the differences obtained, were due to differences in life histories and cultural-specific education, as well as different demands in economic needs under specific environmental pressure¹.

Буркова В. Н.,

Бутовская М.Л.

Институт этнологии и антропологии РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, РФ

КООПЕРАЦИЯ В МАСАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Гипотеза «мужчин воинов» (van Vugt et al. 2007; McDonald 2012) поясняет причины устойчивых гендерных различий в социальном поведении,

---

¹ This study was supported by RSF grant № 18-18-00075.

включая различия во внутригрупповой кооперации и практике физической агрессии, направленной на представителей другой группы (межгрупповые военные действия). Участие в военных действиях – исключительно мужское занятие практически во всех обществах, современных или доиндустриальных (Bowles 2009; McDonald 2012; Micheletti et al. 2018; van Vugt 2009). Гипотеза «мужчин воинов» предполагает, что в условиях взаимодействий в однополых группах мужчины будут демонстрировать более высокий уровень кооперации по сравнению с женщинами (Balliet et al. 2011), поскольку групповое участие в военных конфликтах предполагает высокий уровень сотрудничества и скоординированности совместных действий. Наряду с этим, вторым аргументом в пользу большей эволюционной предрасположенности кооперации в мужских коллективах выступает патрилокальность (Micheletti et al. 2017).

Цель нашего исследования – анализ взаимосвязи между показателями социального поведения (агрессия и взаимопомощь) у масаев – традиционных скотоводов Танзании. Общая выборка составила 311 человек. Особое внимание уделено вопросу о половых/гендерных различиях по агрессии, оказании помощи и поддержки другим членам масайского сообщества (родственникам, друзьям, соседям). Указанные показатели представлены самооценками респондентов с использованием опросников по агрессии Басса-Перри, по взаимопомощи, разработанного Бутовской М.Л. Самооценки масаев отражают как общие для этой культуры нормативные представления о правилах мужского и женского поведения в социуме, так и индивидуальные черты личности каждого респондента¹.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект №18-18-00075).

**Дронова Д.А.,
Бутовская М.Л.**

Институт этнологии и антропологии РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, РФ

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБРЯД У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТАНЗАНИИ

В докладе пойдет речь о похоронно-поминальном комплексе индуистов, проживающих диаспорой в иноэтничной среде Танзании. Известно, что похоронные традиции наиболее устойчивы к изменениям в сравнении с другими обрядами жизненного цикла.

Индуисты продолжают исполнять переходные обряды жизненного цикла согласно установленным традицией санскарам (комплекс ритуальных действий, связанный с определенной идеологией, и направленный на переход на следующую стадию жизненного цикла). В настоящее время принято говорить о 16 санскарах, последняя из которых, именуемая Антьешти, связана с похоронным обрядом. Представители индийской диаспоры в Танзании также сохраняют основополагающие черты похоронного ритуала. Индуистский похоронный обряд включает в себя ряд обязательных ритуалов: первые совершаются в доме усопшего и служат подготовкой к кремации; вторые выполняются перед зажжением огня, когда тело умершего уже находится на погребальном костре и последние – после окончания сожжения.

Мы опишем современный похоронный обряд и связанные с ним коммуникативные практики между живыми и умершими, особое внимание уделим сакральным смыслам тех или иных действий, претерпевших изменения ввиду смены повседневного ландшафта (Индия – Танзания). Примером может послужить один из этапов похорон: развеивание праха над священной рекой Ганг. Как представители индийской диаспоры поступают в отсутствие священной реки: устраивают погребальный костер на берегах доступной реки и там же развеивают прах; доставляют прах до вод священной реки в Индии?

Также проиллюстрируем региональную специфику сохранности/изменения главного и завершающего этапа похоронной церемонии индуиста на территории Танзании¹.

Gerelene Jagganath
University of KwaZulu-Natal

THE STEP-WISE MIGRATION OF WEST AFRICAN IMMIGRANTS IN DURBAN, KZN

This paper examines two West African communities in the city of Durban, namely Nigerian and Ghanaian immigrants who live in South Africa as a transit destination, before embarking to other preferred international destinations. In an increasing global panorama of complex migration flows and routes, particularly towards Europe and more recently towards USA and Canada, *step-by-step migrations* have progressively emerged as a migration strategy (Castagnone, 2011) among African migrants as part of the transit migration process of moving onwards towards a desired destination. The study explores how increasing border restrictions in Europe (a previously preferred destination) and the political turmoil in African (transit) countries, far from halting migratory flows, have reshaped such flows among Nigerian and Ghanaian migrants, in their composition (students and skilled migrants) and their trajectories (which include returning to Nigeria and Ghana) to arrive at their preferred destinations. Nigerian and Ghanaian migrants are exemplifiers of the South-South migration dynamic. What is missing in recent discourse however, is the discussion of the uncertainty experienced by student and professional migrants in pursuing further mobility to other parts of the world. The study attempts to gauge the destination choices, the decision-making and future aspirations of the sample against a background of changing international migration trends and, the factors relating to South Africa as a favourable transit destination choice.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФ № 18-18-00082 «Умершие в мире живых: кросс-культурное исследование коммуникативных аспектов танатологических практик и верований».

Alexander Panov
Institute for African Studies of Russian Academy of Science,
Moscow, Russia

“SENSITIVE AND DIVISIVE TOPIC THAT IS NOT OPEN FOR HUMOROUS EXPLOITATION”: SOUTH AFRICAN CASE OF THE OFFICIAL BAN OF TV COMMERCIAL ABOUT “BIG JOHN’S” VICE VERSA COLONIALISM

In November 2018 South African fast food restaurant company “Chicken Licken” has produced TV commercial for its top burger “Big John”, ironically turning around the usual colonisation story. Its main character – a fictional young African adventurer Big Mjohanna after the long and risky journey through the ocean in 1651, i.e. one year before Jan Van Ribbeck arrival to the future Cape Town, reaches the Holland, where he meets surprised Dutches, and gives the Europe its name. Finally, the “legend of the Big John” is appeared to be told to excited people in queue in one of the company’s restaurant by a grey-haired storyteller.

Commercial was appreciated by South African audience for its sense of humor, striking ironic symbolism and adventures-movie-like directing. However soon after release it was banned by Advertising Regulatory Board (ARB) arguing that it is offensive for the African people and makes a mockery on its struggle and suffering during colonial and slave trade era.

It is interesting that while in the video itself there were no mentions of slavery or any other forms of brutality, the government body here entirely equates colonialism with the slave trade and even insists that this historical phenomenon “cannot be glamourized or satirized under any circumstances” putting it in one row with such atrocities as the sexual violations, human trafficking or murders.

What is more confusing, the company in return claimed that its commercial was patriotic attempt to uplift the South African spirit to motivate the people to “conquer the World and rewrite history from African perspective”.

Presentation deals with analysis of the logic of both critics and creators of the disputed video.

Oleg I. Kavykin

The Institute for African Studies (IAS), Moscow, Russia

CULTURAL ASPECTS OF CHRISTIAN CHURCHES' ECONOMIES IN SUB-SAHARAN AFRICA

The paper is on the direct economical activities of Churches in Africa and their connection with their adherents' worldview.

Traditionally Christian missionaries in Africa not just preach but also tried to help people to satisfy their physical needs. And such important phenomena as modern medicine, formal and professional education brought by Church were accompanied by introduction of new crops and new agrarian techniques.

This heritage motivates Churches in Sub-Saharan Africa to function as entrepreneurs and to be founders and owners of some businesses to be popular, and, therefore, have possibility to preach.

But, there is also autochthonous reason that is not connected with the solving of material problems directly. There is no doubt in spiritual quests that lead many Africans to change confession and the 'success' becomes the indicator of the right decision. It could be an attractant to join a Church, but also in some cases it could initiate a transfer to another confession. And, besides, it could be appreciated as a correctness indicator for choice of the Church practicing the most correct ritual that incorporates an individual into Divine Order best.

The author focuses on the economical activities and their connections with worldview of AIC in West Africa (e.g. Celestial etc.) and in East Africa both (e.g. Orthodox Old Believers in Uganda).

The interpretation of Orthodox Old Believers' worldview in Uganda is based on the questionnaires and structured interviews collected in 2017 and 2018 by participants of the scientific project "Orthodox Christians and Old Believers in Uganda: Socio-cultural Processes in African Christian Communities" (grant RFBR (Russian Foundation for Basic Research) 17-01-00148).

Валиева Е.Г.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЛИДЕРОВ АФРИКИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ В РАМКАХ АНТРОПОЛОГИИ ПРОФЕССИЙ

Согласно данным 2016 г., в 61 стране мира существуют формы «традиционной» власти или сохранилось обычное право. Безусловно, на первом месте здесь стоит африканский континент, что и задало рамки исследованию. Согласно принятому множеством зарубежных исследователей определению, традиционные лидеры – «это правители, которые обладают властью в силу своей связи с традиционным способом управления локальным сообществом». Выбор в пользу фокусировки только на самих «традиционных лидерах» был сделан с целью исследовать разработанность подхода к изучению этого рода занятий с позиций антропологии профессий.

Для решения поставленной задачи при разработке стратегии исследовательского поиска отбирались термины (поисковые запросы), касающиеся исключительно самих лидеров (*traditional: leader, chief, ruler*) и их власти (*chieftaincy, chieftainship, traditional: power, rulership*). Автор использовал именно «GoogleScholar», выделяющийся наибольшим охватом и, следовательно, наибольшим количеством выдаваемых результатов. Всего было отобрано 244 работы, посвящённые Африке и соответствующие следующим требованиям: дата публикации не ранее 2014 г., описываемые события не ранее XXI в., тематика соответствует задаче данного исследования. Произведённый анализ популярных направлений исследований продемонстрировал, что несмотря на растущий интерес в сфере изучения профессиональных сообществ, работы, написанные в русле антропологии профессий (*occupational anthropology*) единичны – среди отобранных работ именно в данном ключе написаны только шесть. Посвящены они легитимации власти через внешние атрибуты традиционного лидера и его окружения, через смену им языка во время интервью и стратегиям управления в цифровом пространстве (*digital chieftaincy*). Непопулярность рассматриваемого подхода, однако, не является

тенденцией последнего времени. Напротив, антропология профессий здесь в последнее время привлекает всё больше внимания исследователей, и, в связи с продолжающимся с 1990-х гг. «возрождением» традиционного лидерства на африканском континенте, с высокой долей вероятности это позволит в будущем ответить на следующие требующие изучения вопросы: «какие формы принимают сетевые отношения традиционных лидеров?»; «как влияют на эти сети глобализация, цифровая среда и административно-территориальное деление?»; «каковы профессиональный сленг и культурные практики сообщества традиционных лидеров?»; «как осуществляется коммуникация внутри их сообщества?»¹.

Elena Valieva

St. Petersburg State University, Russia

TRADITIONAL AFRICAN LEADERS: PROSPECTS FOR STUDYING IN THE FRAMEWORK OF OCCUPATIONAL ANTHROPOLOGY

According to 2016 data, in 61 countries of the world there are forms of “traditional” power or customary law has been preserved. The choice in favor of focusing only on the “traditional leaders” themselves was made with the aim of exploring the development of the approach to the study of this occupation from the position of occupational anthropology. When developing a research search strategy, terms (search queries) were selected that refer exclusively to the leaders themselves (traditional: leader, chief, ruler) and their power (chieftaincy, chieftainship, traditional: power, rulership). In total, 244 works dedicated to Africa and meeting the following requirements were selected: publication date no earlier than 2014, the events described not earlier than the 21st century, the subject corresponds to the objective of this study. The popularity of research areas analysis showed that the works written in line with occupational anthropology are single – only six of the selected works are written in this vein. They are dedicated to the legitimation of power through the chieftaincy, through code-switching on talk

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00644).

shows, and digital chieftaincy. The unpopularity of this approach, however, is not a recent trend. On the contrary, the anthropology of professions has recently attracted more and more attention of researchers, and, in connection with the ongoing since the 1990s the “revival” of traditional leadership on the African continent, with a high degree of probability, will allow in the future to answer the following questions that need to be studied: “What forms do the network relations of traditional leaders take?”; “How do globalization, the digital environment and the administrative division influence these networks?”; “What are the professional slang and cultural practices of the community of traditional leaders?”; “How do they communicate within the community?”¹.

Sabine Klocke-Daffa
University of Tuebingen, Germany

**“OUR CHILDREN ARE MODERN NOW – THEY GET DEATH BENEFITS”.
SOCIAL SECURITY AND MODERNITY IN POST-APARTHEID NAMIBIA**

Among the many challenges Namibia had to face after independence in 1990 was the legacy of South Africa’s system of apartheid. Decades of ethnic segregation and unequal development were deeply inscribed into social and economic institutions, interethnic relations and the political consciousness of the population. The majority was virtually excluded from large parts of the market, be it businesses, estates or financial products. With independence, it all seemed to become achievable: property, bank accounts, and even social insurances. The opening of the “black mass market” turned out to be particularly profitable to many of the South African and British based financial institutions in Namibia. Since there were few social benefits offered by the state besides the long established old age pensions, individuals had to make their own provisions for times of crisis. Rather than relying any longer on informal ways of support as in the old days it became increasingly attractive to conclude a private social security contract. Among the first financial

---

¹ This research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project № 18-011-00644).

products thus introduced were funeral insurances which became immediately popular due to their low price and the many options they allow for combining familial obligations, traditional norms connected to the social person and individual economic achievement. “Death benefits” as part of salary agreements became almost a symbol of modernity. Today, almost every Namibian citizen has a funeral cover if not more than one despite the overall poverty. Insurance providers are since faced with accusations of exploiting the poor. However, this is only one side of the coin. The paper demonstrates how modern institutions are creatively appropriated according to prevailing values. In emic perspective, social insurances may well appear as part of a win-win-situation allowing providers for huge profits but also enabling customers to be integrated into the modern economy while preserving their cultural traditions and self-identity.

Clara Saraiva

University of Lisbon, Portugal

RELIGION, BODY ENHANCEMENT AND HEALTH AS CHALLENGES IN AFRICA

The equation of beauty with light complexions is present across Africa and diaspora communities. It stems from a wider historical context where generations of Africans and afro-descendants have been relentlessly bludgeoned with notions of inferiority, and the markers of African identities labeled as primitive, ugly and undesirable, especially with regards to beauty. Such ideas relate to issues of social inequality, as Black people are continuously downplayed as inferior and given lower status and work positions. The diaspora contributed to mutate colonial representations and standardized ideals of beauty across time and distance.

Due to the influence of such European aesthetic standards, for centuries African people have been using body enhancement techniques to achieve the looks that conform to Eurocentric standards. Many people in Africa develop serious medical problems and many have died due to abuses in the utilization of products to whiten the skin.

How do European centric ideals conform/ dispute/confront the claims to African purity and rights and to well positioned Black activist movements that defend the proud in being African and having African looks – dark skin, curly hair?

As this panel suggests, such themes relate to current challenges in Africa and the diaspora, handlingsituations of social economic inequalities, ethnic and religious rivalries. How do multiple religious and cultural groups in Africa and in the diaspora relate to such issues? How do religious traditionalisms dialogue with or confront cultural modernism and the willingness of individuals to be “modern”?

This paper will draw on data collected under the scope of the FCT funded project *EXCEL The Pursuit of Excellence. Biotechnologies, enhancement and body capital in Portugal*, and will present both theoretical findings and ethnographic material from ethnographic field work with African religions and their followers both in West Africa (Guinea-Bissau) and in the diaspora in the Great Lisbon area.

Chiara Pussetti

University of Lisbon, Portugal

THE BEAUTY DIASPORA. THE DECOLONIZATION OF BEAUTY
AMONG BLACK WOMEN IN PORTUGAL

Inspired by the anthropology of the body, critical medical anthropology, gender and colonial/post-colonial studies, in this presentation I will reflect on the relationship between normative notions of beauty in Portugal, new paradigms of body (re)shaping, and aspirations of social integration among Afro-European and Afro-descendant women in Portugal.

Combining quantitative and qualitative methods, in the first place I will investigate contemporary cultural representations of Black women in Portugal, concepts of beauty, and aspirations and cosmetic practices designed to shape an ‘ideal body’, as a specific form of bio-investment aimed at producing socially valued bodies in order to climb the social ladder or to boost chances of success. Secondly, considering beauty as a project contested and steadily ‘under

construction’, something that is done – through creativity and performativity, I explore specifically the aesthetic labour of ‘non-white’ Portuguese women as a way of adaptation to local and global circuits of representation. As beauty is about creating difference through artifice, I will seek to complicate our understandings of aesthetic choices of Black women in Portugal, focusing on their voices, narratives, and experiences and reconsidering their choices through the lens of style, aesthetics, and agency.

While I assume that beauty standards and procedures are deeply ‘gendered’, ‘classed’, ‘racialized’ and ‘racializing’, we cannot however consider the women as passive subjects within a larger racist, sexist and classist system. Likewise, we cannot consider the women’s aesthetic and bodily choices within dichotomic systems (exclusion vs. assimilation, Western vs. African, White vs. Black).

The final purpose of this paper is to reflect on how ‘decolonize’ and ‘depsychologize’ beauty, questioning the assumption that African women beauty practices in the diaspora just ‘performs’ or ‘aspires to’ whiteness, recovering the agency, narratives, and the creativity inscribed in Black women’s uses and experiences of their bodies.

Doris Kakuru

Carleton University, Ottawa, Canada

TO STRIP OR TO DIE:

A REVIEW OF EVIDENCE ON NUDE PROTESTS BY AFRICAN WOMEN

In the wake of political and social injustices facing African women including gender and sexual violence and murder, nude protests have become a key subject of debate although nudity as a form of protest has a long history. There is a growing body of literature that recognizes how in recent times nudity has been used by women to protest various kinds of injustices faced by women in different African countries including Kenya, South Africa, Uganda and Nigeria. On the African continent, public nudity is both lauded and condemned. This paper is a review of the existing literature on nude protests in a context characterised by

religious views which associate nudity with ‘impurity’ and western conceptions of nudity as primitive. I argue against the ethnocentric views of nudity as a form of protest and critique the western model of women’s bodies as ‘apolitical’ and the naked protestors as ‘uncivilized’. The paper contributes to the current debates on the future of African feminism by asking the question ‘to strip or to die?’

Amina Mire

Carleton University, Ottawa, Canada

RESTORING STABILITY AND SECURITY ARE KEY ELEMENTS TO ACHIEVING GENDER EQUITY IN AFRICA

In the Post-Cold War era, promoting gender equity became a key ideological imperative to Western geo-political agendas in the African continent. However, the Post-Cold War Western geo-political agendas in Africa have resulted in instigating failed or weak states and that widespread insecurity and violence against women and girls became rampant. In the last two and half decades, millions of African women and girls became internally displaced or refugees which made them vulnerable to physical and psychological traumas and sexual exploitation. The Western neo-liberal economic model and neo-colonial illegal military interventions have also given rise to a widespread political radicalization and religious extremism in different regions in Africa. While non-governmental agencies (NGO's), which are primarily financed by Western states and or Western based private foundations, continue to promulgate the discourse of gender equity and women's self-autonomy, in reality, Western illegal military interventions and neo-liberal economic policies have undermined African women’s ability to engage in social, political and economic transformations in their societies. In this presentation, I propose that restoring stability and sovereignty of the state in Africa is the necessary condition to achieving gender equity for the following reasons. First, failed and weak states in Africa must be resisted because there are overwhelming evidence that weak and failed states have produced political radicalization and widespread violence against women and girls. Second, social

justice and anti-colonial based perspectives must be used to promote African women's ability to successfully participate in progressive transformations of the social, economic and legal systems in their societies. Third, restoring and reinforcing state stability in Africa must become a key eliminate of the struggle for achieving broader social, economic and political sovereignty in Africa.

**Panel III-7. Studying the Exile Experiences of South Africans
in the Liberation Struggle**

**Секция III-7. Изучение пребывания в ссылке участников
освободительной борьбы в Южной Африке**

Convenor / Руководитель: *Hilary Lynd* (University of California, Berkeley, USA)

**Arianna Lissoni,
Roshan Dadoo**

University of the Witwatersrand, South Africa

**THE SACP AND SOCIALIST INTERNATIONALISM
THROUGH THE EXILE EXPERIENCE OF DR YUSUF DADOO**

The paper will look at the exile experience of South African Communist Party and Indian Congress leader Dr Yusuf Mohamed Dadoo. Although based in London, where he headed the party's office from the time he left South Africa in 1960 until his death in 1983, he regularly traversed the so called iron curtain and inhabited a transnational political landscape gravitating towards the Soviet Union. Dadoo's life reflects a cosmopolitan political imagination of a different period, when the struggle for national liberation in South Africa and other countries in what was then known as the Third World intersected with the internationalist politics of the world communist movement. While these political experiences have been marginalised in the historiography and pensee unique of mainstream post-Cold War politics, the paper seeks to make visible alternative geographies and histories of solidarity through the life of one of its protagonists.

Irina Filatova

Higher School of Economics, Moscow, Russia

LETTERS FROM AFAR: JACK SIMONS' LUSAKA WORLD

Harold Jack Simons (1907-1995), a South African communist intellectual and one of the most prominent and influential figures in South Africa's liberation struggle, had a powerful and lasting influence on the ideology and political profile

of the African National Congress (ANC) – a fact stressed by both Oliver Tambo and Kgalema Motlanthe, the then ANC Secretary General, in their respective forewords to the publication of Simons' political lectures.

Jack Simons' life was an inseparable part of the history of the Communist Party of South Africa (CPSA) in the late 1930s and 1940s and of the ANC and the South African Communist Party (SACP) in exile in England and Zambia in the 1960s – 1990s. He played an important role in the training of Umkhonto we Sizwe (MK) in Angola. He also lived long enough to contribute to shaping the profile of South Africa's first black majority government.

This paper presents Jack Simons' life and his world in exile, most of it in Zambia, which emerges from his letters to his daughter, Mary. Exile experiences are not easy to catch. Memoirs are not a reliable source, as memories are influenced by later events and often give a distorted picture. Diaries are rare and letters, this invaluable disappearing source, are seldom detailed and usually simply instrumental. Jack Simons' letters to his daughter are different. He discusses politics and life situations with her, advises her what to read, tells her how to prepare for exams and how to communicate with people. Yet the letters are at the same time about him – about his understanding of the world, his concerns and hopes, his joys, sorrows and vulnerabilities. Simons was not a “typical” exile: he had a British passport and he had been an acclaimed professor long before he left South Africa. And yet he experienced many of the same problems as those who left with nothing.

Christopher J. Lee
Lafayette College, USA

THE SOVIET PARADIGM AND THE EXILIC IMAGINATION:
ALEX LA GUMA AND THE NATIONAL QUESTION
IN SOUTH AFRICAN POLITICS

This paper examines how the Soviet Union was not only a benefactor of the anti-apartheid struggle, but served as a model for a future South Africa. Drawing

upon the travel memoir *A Soviet Journey* (1978) by the South African writer and activist Alex La Guma (1925–1985), this paper argues that South African leftists looked toward the USSR for financial and technical support, but also viewed it as political paradigm – a federation of states that had resolved the national question. La Guma's account of the USSR explains this position during the course of his travel descriptions. Both the USSR and South Africa faced the challenge of nationalism – that is, each country faced the issue of possessing multiple “national” communities that differed on the basis of culture, language, religion, and race, which posed the question of a common identity. In La Guma's view, the Soviet Union had solved this problem of national difference through socialism, thereby supplying a tentative model for South Africa. Socialism as understood by him and other members of the South African Communist Party and the African National Congress provided not only economic justice, as commonly understood, but provided a system that respected national differences. In sum, these activists point to the importance of national self-determination as articulated through Leninism, in contrast to the more widely addressed Wilsonianism of US President Woodrow Wilson and the League of Nations. Though La Guma and other activists ultimately held an idealistic view of the USSR, it is nonetheless important to grasp how the USSR fostered a particular imagination of the future among activists during the anti-apartheid years.

Hilary Lynd

University of California, USA

MAKING FRIENDS AMONG RIVALS: HOW DID SOUTH AFRICAN EXILES NAVIGATE THE SINO-SOVIET SPLIT?

Constricted by the tightening grasp of repression at home, South Africans in the ANC began to shift their organizational structures and their lives into exile at a particularly fraught moment in the history of the global Left: the beginning of the Sino-Soviet split. Based on close reading of Soviet archival documents alongside the memories of that first generation of exiles, this paper explores dynamics that

emerged from this conjuncture. The ANC and MK went looking for friends in a geopolitical landscape that was polarizing on the basis of different conceptions of race and revolution. As Jeremy Friedman has shown, while the Soviet Union emphasized nonracialism and advocated 'peaceful coexistence' alongside economic competition in the global South, the People's Republic of China emphasized the problem of the global color bar and advocated militant anti-imperialism. In an environment infused with ideological competition, the alliances forged by South Africans were more than merely strategic. Despite initial efforts to avoid choosing sides, the ANC ended up developing deeper links with the Soviet Union than with the PRC. Why? This paper offers some preliminary thoughts on the convergence in Soviet and ANC thinking about race and the 'national question.'

Toivo Asheeke
Vassar College, USA

**ARMED EXILES: BLACK CONSCIOUSNESS, GUERRILLA STRUGGLE,
AND ARMED SELF-DEFENCE, 1973–1990**

This presentation seeks to trace three attempts by Black Consciousness exiles to form armed wings in exile in the 1970s and 1980s. By the early 1970s, BCM's growing influence invited increased repression and surveillance by the apartheid state. In 1973 – prompted by student/worker rebellions, tense internal discussions, and the flailing ANC-SA and PAC struggles – four activists set out for Botswana to form an armed wing of BCM. By opening a new armed effort, BCM's exiles hoped to support the growing pressures on the apartheid regime by the internal movement. When looked at over time, this was a successful effort despite some initial failures. Nevertheless, while unable to become hegemonic, their radical Black Nationalist praxis uniquely blended local and global conceptions of defensive violence which if given time, better fortunes, and smoother organization, had the potential to better prepare Black South Africa for the brutal violence the apartheid state was to release on the population post-Soweto. Exploring this hidden

history offers alternatives to an ANC-SA centric metanarrative on the history of the struggle against apartheid. It offers new ways to imagine what the African Liberation Struggle looked like through the lens of a radical Black Nationalist formation that while opposed to apartheid, found itself competing with the ANC-SA for influence inside South Africa and in the global community.

K.L. Makau

University of Stellenbosch, South Africa

REMEMBERING “UNCLE POKS”, JOHN NYATI POKELA'S EXILE
LEADERSHIP OF THE PAC, 1981–1985

This paper seeks to examine the leadership of John Nyati Pokela during the years 1981-1985 when he was the chairman of the Pan Africanist Congress of Azania in exile. Since its banishment in April 1960, the PAC had to experience its infancy and fragile stage in exile. The PAC's life in exile became turbulent, not from the threat from its enemy, but because of the problems of leadership and internal factional squabbles in the organization at the time that it needed unity more than ever before to be able survive the harsh and real exile conditions, function and deliver on its reason for its existence – quest to liberate the country and its oppressed Africans and return of the land to the dispossessed masses. The ousting of Potlako Kitchener Leballo as its leader in 1979 did not bring the desired results and the organisation fragmented further and became volatile and deadly thus curtailing its ability to fight for liberation and provide leadership to the struggle for liberation. The ascendancy of JN Pokela breathed a new sigh of relief in the organisation and for 4 years the PAC was able to focus on its purpose and laid a foundation for a stable PAC in exile. Unfortunately, this prospect of uniting the PAC in exile was cut short with his untimely death on 30 June 1985 while on a visit to Zimbabwe.

Natalia Telepneva
University of Strathclyde, Scotland

**AFRICAN SOLDIERS IN THE USSR:
NEW RESEARCH FINDINGS AND METHODS**

The arrival of soldiers from Africa in the USSR occurred at the confluence of decolonization and post-Stalinist openings which allowed Soviet Eastern European allies a measure of independence in its foreign policy in the Third World. Although the military and security exchange with African countries was fundamental to exchange with the socialist countries since the second half of the 1960s, few scholars have addressed this important topic, especially from the point of view of the trainees. Based on extensive oral history research conducted in Guinea-Bissau, this paper examines the experiences of African soldiers who went for training in the Soviet Union. In particular, the paper looks at the soldiers' everyday realities, experiences of racism, but also their understanding of what the Soviet Union and the socialist project represented. The paper investigates the soldiers' experiences of 'lived socialism' and how it related to anti-colonial and revolutionary struggles in post-colonial Africa. The paper also highlights the opportunities and challenges of oral history, as we explore how the socialist countries interacted with a variety of actors from the Global South.

Vladimir Shubin
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

MOSCOW AND THE ARMED STRUGGLE IN SOUTH AFRICA

The paper, taking the case of South Africa, will examine Moscow's attitude to the armed form of the national liberation struggle, its fundamental difference from terrorism.

Using documents, including recently declassified in the Russian State Archive of Recent History, and testimonies of participants in the events, specific fields of cooperation between the Soviet Union and the African National Congress

and its armed wing, Umkonto ve siswe, will be analyzed: training personnel in the USSR, and then in Angola, arms and equipment supplies, advisory assistance.

It will be shown how cooperation with Moscow and its allies contributed to the fact that, during military operations, ANC fighters did not slid to terrorist methods, and it will be suggested that the most important feature of Soviet assistance was not only its volume, but, above all, that it was rendered at that time and in those areas where others could not or did not want to do this.

**Gregory F. Houston,
James Ngculu**

Human Sciences Research Council of South Africa

SOUTH AFRICAN FREEDOM FIGHTERS IN EXILE, 1960–1990

The South African liberation struggle entered a new phase after the banning of the liberation movement in 1960 and the turn to armed struggle in 1961. In response to successive waves of mass detention in the period that followed the Sharpeville Massacre, hundreds of young South Africans left the country to join the African National Congress (ANC) and Pan Africanist Congress (PAC) Missions-in-exile. They would be joined by thousand more during the next thirty years. By the mid-1960s, internal opposition had been crushed, and the leadership of the struggle moved to the exile missions. Increasing numbers of young South Africans over the years would spend long periods of time in military camps in African countries, undergo military training in African and other countries in other regions, be educated in other countries, and obtain employment and live with their families in several countries abroad. This paper explores a myriad of experiences of South Africans who went into exile during the course of the liberation struggle, including:

- The politics of refugee status in neighbouring countries;
- Education in exile;

- Significant unique experiences that illustrate a difference between apartheid South Africa and life in a select number of countries abroad, for example, of treatment of black cadres by white people.

Use is made of interviews conducted with hundreds of people who went into exile collected during the course of the Presidential project conducted by the South African Democracy Education Trust (SADET) between 2000 and 2009. The paper will draw on these interviews in such a manner that the voices of those who experienced exile are given prominence.

Paul S. Landau

University of Maryland, USA
University of Johannesburg, South Africa

THE ANTI-APARTHEID MOVEMENT
AS A TRANS-NATIONAL SECULARITY

The project is at its initial stages. It is to survey the landscape of connected, mutually-supporting moments constituting the worldwide anti-racist, anti-*apartheid* movement. Exchewing the possibility of a purely secular epistemology of this sacred and secular phenomenon, the project adopts instead the model of an intellectual tradition of interpretation to analyze this phenomenon. Over the non-Christian, secular, morally based, international platform informed by Marx and post-Marxists, a penumbra of Christianity and worldwide anti-racism and anti-colonialism and post-'68 student radicalism combined to open an unlikely space. Over the barriers of the Cold War, bringing together Jacques Derrida and Randall Robinson, the Black American businessman; Rep. Ron Dellums, the Rev. Jesse Jackson, and Erich Honecker (to whose widow Nelson Mandela bequeathed an income), the Anti-Apartheid Movement (AAM) maintained its integrity. Its absolutely righteous and correct thrust, that *nonetheless* was seen as unlikely to succeed in our lifetime, created a quasi-secular political and international space.

In writing of a *tradition*, I intend a combination of Phil Gorski's notion of American founding traditions neither purely religious nor precisely secular, with

the African notion of a Bantu language tradition, shaping knowledge as it is gleaned. From within the tradition of pluralistic, international progressivism spawned ultimately in part by the AAM, I also write my analysis of the movement as it grew.

Panel III-8. The Creole World of Africa
Серия III-8. Креольский мир Африки

Руководитель: *Владимир Александрович Попов* (Санкт-Петербургский научный центр РАН, Россия)

Convener: *Vladimir A. Popov*, St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Creoles, or Crioles, Crioulo, Kriolu, Krio – the ethnic (often ethnoracial) communities of the mixed origin formed during the colonial period, mainly in America and Africa. They differ in the origin from the population of mother countries, indigenous people and later immigrants of 19–20 centuries. Now problems of Creole communities, Creole cultures and Creole languages – in the center of attention of anthropologists, ethnographers, demographers, specialists in folklore, linguists and even political strategists. It occurs not only in those countries where Creole communities and their cultures play a significant role in social processes. In a number of countries of Western Europe and the USA these researches have both a theoretical and practical orientation, in connection with finding solutions to the internal problems connected with modeling and regulation of social processes in multinational societies and serious problems of the relations with diasporas.

Being a specific form and result of cultural interaction, the Creole perspective is extremely important within development of dialogue of cultures during a globalization / glocalization era. Over the past 50 years, creolization has become a global synthesis of ethnic cultures and largely ensures the dynamics of the ethnocultural development of humanity due to the possibilities of varying different ethnic (including ethnoracial) components. In the 21st century, ethnogenetic processes associated with the formation of Creole communities continue (so-called «Creole syndrome»), but in parallel disintegration processes are developing with the release of special ethnic groups that redefine their origin and identity (for example, the Yoruba of Brazil).

The panel session will be devoted to discussion of results of researches of the most urgent problems of the Creole world of Sub-Saharan Africa and other regions (in particular North and Latin America), first of all identification of ethnocultural, ethnosocial and ethnolinguistic factors of genesis and regularities of historical development of Creole communities. An overview of the current state of research in the field of creolistics will also be presented.

Креолы, или криолы, криулу, крио – этнические (часто этнорасовые) общности смешанного происхождения, образовавшиеся в колониальный период, главным образом в Америке и Африке. Они отличаются своим происхождением от населения метрополий, коренного населения и более поздних иммигрантов 19–20 вв. В настоящее время проблемы креольских общностей, креольских культур и креольских языков – в центре внимания антропологов, этнографов, демографов, фольклористов, лингвистов и даже политтехнологов. Это происходит не только в тех странах, где креольские общности и их культуры играют значительную роль в социальных процессах. В ряде стран Западной Европы и США эти исследования имеют как теоретическую, так и практическую направленность, в связи с поиском решений внутренних проблем, связанных с моделированием и регулированием социальных процессов в многонациональных обществах и серьезными проблемами отношений с диаспорами.

Будучи специфичной формой и результатом культурного взаимодействия, креольская проблематика исключительно важна в рамках развития диалога культур в эпоху глобализации и глокализации, тем более что за последние 50 лет креолизация превратилась в глобальный процесс синтеза этнических культур и в значительной степени обеспечивает динамику этнокультурного развития человечества ввиду возможностей варьирования разных этнических (включая этнорасовые и конфессиональные) компонентов. В 21 в. этногенетические процессы, связанные с образованием креольских общностей, продолжают (так называемый «креольский синдром»), но параллельно развиваются и дезинтеграционные процессы с выделением особых этнических групп, по-новому определяющих свое происхождение и идентичность (например, йоруба Бразилии).

На заседаниях секции будут обсуждены результаты исследований самых актуальных проблем креольского мира Тропической Африки и других регионов (в частности Северной и Латинской Америки), прежде всего таких как выявление этнокультурных, этносоциальных и этнолингвистических факторов генезиса и закономерностей исторического развития креольских общностей, а также будет представлен обзор современного состояния исследований в области креолистики.

Schalk D. Van der Merwe
Stellenbosch University, Republic of South Africa

Скалк Д. Ван дер Мерве
Стелленбосский университет, ЮАР

«АФРИКААНССКАЯ МУЗЫКА – НЕ АФРИКААНСКАЯ»:
РАСА, ЯЗЫК И КРЕОЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В АЛЬБОМЕ ЧЕЧИЛА НОДЕ «KROESIFAAID»

“AFRIKAANS MUSIC IS NOT AFRIKAANS”: RACE, LANGUAGE, AND
CREOLE IDENTITY IN CHUCHIL NAUDÉ’S ALBUM “KROESIFAAID”

This paper seeks to investigate the presentation of Creole linguistics, politics, identity, race, history, mythology and religion in the music of Churchil Naudé, a ‘coloured’ rapper from Mitchell’s Plain on the fringes of Cape Town in his latest album «Kroesifaaid» (2018). The title is an obvious play on the word ‘Crucified’, but also employs the word ‘Kroes’ – a loaded term that, in its most basic form refers to the curly hair of people from African descent. Historically, the apartheid government used the infamous ‘pencil test’ to determine a person’s race, thus if your hair was too ‘kroes’ – too Creole, you’d be classified as ‘non-white’. «Kroesifaaid» directly challenges the historic ownership claimed by white Afrikaans speakers over the language, an ownership which was closely linked to the ideology of Afrikaner nationalism. By taking the language away (literally and figuratively) from the creolized space and Creole people where it originated, Naudé argues in a recent interview («*Die Burger*», 25 January 2018) ideologues ‘whitewashed’ Afrikaans. He further argues that Afrikaans music produced by mainstream white Afrikaans artists is not ‘Afrikaans’, but rather, ‘European music sung in Afrikaans’. His sentiments are not unfounded. Afrikaans language politics in postapartheid South Africa is still dominated by whites, although the majority of its speakers are coloured and black. But this hegemony is (slowly) unraveling as the power dynamics of the Afrikaans language are affected by the claims of its African speakers.

**Зайцева Ю.Ю.,
Жукова А.Н.**
Тульский государственный университет

**Yulia Yu. Zaitseva,
Anna N. Zhukova**
Tula State University, Russia

**EXTRACURRICULAR WORK WITH AFRICAN LUSOPHONES
AS A FACTOR IN THE FORMATION OF INTERCULTURAL
COMMUNICATION**

**ВНЕАУДИТОРНАЯ РАБОТА С ЛУЗОФОНАМИ АФРИКИ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Португалоговорящие страны Африканского континента – важная составляющая лузофонного мира. Саммит «Россия-Африка 2019» задал вектор отношений в различных сферах взаимодействия России с Африкой, в том числе с португалоязычной.

Доклад посвящен истории формирования межкультурной коммуникации в условиях современной образовательной среды на базе Института международного образования Тульского государственного университета (ТулГУ).

Многонациональная среда обучающихся в ТулГУ способствует межкультурной коммуникации, а внеаудиторная работа с лузофонами открывает перспективы для межкультурного диалога и взаимообогащения культур. Особый интерес представляет история внеучебной работы с представителями креольских общностей лузофонной Африки. Опыт формирования и развития межкультурной коммуникации на занятиях «Клуба португальского языка» позволяет сформулировать основные приемы снятия коммуникативных барьеров, которые возникают у лузофонов при обучении в поликультурной среде.

Соболева Е.С.

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

Elena S. Soboleva

Museum of Anthropology and Ethnography of Peter the Great (Kunstkamera)
of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

ГОАНЦЫ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ
GOANS IN EAST AFRICA

The Goans trickled into Africa when it had been a part of the Estado Português da Índia. The construction of the Uganda Railway from Mombasa to Lake Victoria (1896-1901) caused a massive relocation of Indians to East Africa (modern Uganda, Kenya, Tanzania). The British perceived the “Goanese” as Portuguese and distinguished them from the Asian population. In the East African census until the 1960s the Goans were regarded as a “special race”. The Africans called the brown skinned Goans Muindi or WaGoa, not Wahindi (Indians – Gujaratis, Sikhs, Punjabis). Goans were literate Catholics familiar with the Portuguese culture. They had a reputation of careful, loyal and hardworking clerks, civil servants, railway employees, served on ocean vessels. They settled compactly in large cities (Nairobi, Mombasa, Nakuru, Kisumu).

In the tradition of British racial segregation and the caste system model, the Goans formed a closed endogamous community, formed their own cultural institutions (in Kenya – Goan Institute, Railway Goan Institute, Goan Gymkhana, in Uganda – Entebbe Goan Institute, etc.). Club members shared a social, sporting and outdoor life. Goans of the lowly castes – tailors, shoe-makers, caterers and mechanics – in Africa were considered middle class. Tailors came mostly from Salcete, with a limited English; they created the St. Francis Xavier Tailor Society. Cooks, butlers and bartenders were mostly from Bardez, fluent in English, they formed the Santa Cruz Club.

Goans employed the African servants and supported their “domestics” financially after emigration. In the 1950s Goans replaced the Europeans who had started to leave Africa. In the 1960s waves of Africaner Goans mainly traveled

from East Africa to the Commonwealth (Canada, Australia, Great Britain). Fitzval Remedios Santana Neville de Souza, Pio Gama Pinto, John Lawrence Nazareth and others Goans fought for the independence of Kenya. 07/22/2017 President Uhuru Kenyatta announced the recognition of Kenyan Indians as the 44th tribe in Kenya and invited them to participate in the political, economic, cultural and social development of the country.

Сиим (Москвитина) А.Ю.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

Anna Yu. Siim (Moskvitina)

Museum of Anthropology and Ethnography of Peter the Great (Kunstkamera)
of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

**AFRO-BRAZILIAN HISTORY AND SPIRITUALITY:
CREOLE IDENTITIES, SYNCRETISM, AFRICANISATION**

**КРЕОЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, СИНКРЕТИЗМ И АФРИКАНИЗАЦИЯ
В ИСТОРИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ
АФРОБРАЗИЛЬЦЕВ**

Роль традиций африканских народов и самих афробразильцев в культуре Бразилии на протяжении всей ее истории трудно переоценить. Тема афробразильской креольской идентичности и обращения к ее африканским корням постоянно переосмысливается в актуальных социополитических контекстах. Постепенная легализация афробразильских культов и превращение их лидеров в важных представителей духовного истеблишмента стали переломными моментами в становлении политики расовой демократии. Материальная и духовная культура афробразильцев, история их освободительной борьбы в эпоху рабовладения и ряда протестных движений, начиная с создания «республик» беглых рабов *киломбу* и продолжая мусульманскими восстаниями на северо-востоке страны и формирования общин последователей новых религиозных концепций на основе африканских традиционных верований складывались в поле контактов выходцев из разных частей африканского континента,

Европы и местного индейского населения. Афробразильские религиозные течения – кандомбле, умбанда, кимбанда – создавались прежде всего носителями смешанной – креольской – идентичности. Идеология кандомбле и образная система этого комплекса культов изначально сформировалась на основе синкретического дуализма африканских божеств (преимущественно из пантеона йоруба) и католических святых, но после реабилитации и общественного признания этих течений во второй половине 20го в. и на пике общественного интереса к ним, наиболее почитаемые представители афробразильского жречества объявили об отказе от синкретизма и сформулировали реформаторские мировоззренческие афроцентричные теории.

Добронравин Н.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург

Nikolay A. Dobronravin
St. Petersburg State University, Russia

**ЯЗЫКИ КРЕОЛЬСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ:
ЦАР И КАРИБСКИЙ РЕГИОН**

**LANGUAGES OF CREOLE INDEPENDENCE:
CENTRAL AFRICAN AND CARIBBEAN CASE STUDIES**

In the process of decolonization, many Creole communities faced linguo-political problems. In those countries where the Creoles were a minority, their languages were usually not taken into account during the anti-colonial struggle. In the countries with a Creole majority, Creole languages competed with the metropolitan languages. As a result, some of the Creole languages received official status. However, with rare exceptions, the linguo-political dominance of the former metropolies has remained intact. The paper focuses on the development of the linguo-political situation in the Caribbean countries and Central African Republic.

Попов Н.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург

Nikita A. Popov
St. Petersburg State University, Russia

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КРЕОЛЬСКИХ ОБЩНОСТЕЙ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

KEY ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE CREOLES
OF NORTHERN AMERICA

The histories of the development of Creoles inside the boundaries of Northern America in the colonial period demonstrate many singular features. It provides the opportunity to compare the data gathered by Russian and American researchers in the course of their studies of the Creole societies from diverse colonies. The authors of research papers examine various aspects of the ethnic policy of the colonial authorities, the socio-economic and official status of the Creoles, their culture and identity.

The general issue of many researches works represents the role of the colonial administration. In many cases it was established by private trade companies, such as Hudson Bay Company, Russian-American Company, North West Company. Specific attention is given to their strict administration style and the desire to preserve the boundary between the Creoles and other ethnic groups. This and the formation of culture with syncretic nature stimulated people of mixed origin to consolidate in one society.

The results of different studies shows not only that the Creoles were exposed to the consolidative forces alone but also that it is impossible to label every society as ethnic. During the particular periods of the 18th and 19th centuries the official status of the Creole group described them mostly as a social group, a kind of estate. Its members had some degree of free access to social mobility. Also the scant evidences of the peculiarity of the Creoles' culture made it difficult to separate them from colonists or the Native Americans.

As a result the comparison of the numerous Creole groups of Northern America can compensate the lack of works dedicated to the issues concerning particular colonies. Eventually it will expand our understanding of the creolization process.

Бурькин А.А.

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Alexey A. Burykin

Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg, Russia

CREOLE LANGUAGES: TO THE CHARACTERISTIC OF THE OBJECT
AMONG THE MIXED LANGUAGE FORMATIONS

КРЕОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБЪЕКТА СРЕДИ
СМЕШАННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМАЦИЙ

Для смешанных языковых формаций, классификация которых до сих пор неоднозначна, самой важной является не их структурная характеристика и не исторический состав – то, из чего складываются такие формации, а их функциональная характеристика: какие языковые коллективы обслуживает та или иная формация, на какие среды распространяется ее применение, каков круг функций такой формации в культуре этнической общности или полиэтнического сообщества.

Пиджин как языковая формация складывается в качестве средства, обслуживающего первичные контакты и использующегося прежде всего при торговле: «торговые языки» приобретают устойчивость тогда, когда языковые контакты не эволюционируют и не формируется двуязычие. Решающим для формирования пиджина является отсутствие сухопутной границы между языками и дискретность контактов во времени с непредсказуемыми по длительности интервалами, не дающими контактной языковой формации времени и шансов на стабилизацию, а в социуме пользование пиджином почти профессионально увязывается с избранными представителями этноса, задействованными в контактах с визитерами/соседями.

У креольского языка совершенно иной базис контактов: креольский язык возникает при наличии постоянных пользователей языка гостей, становящегося языком соседей, а также при двуязычии (родной язык + пиджин) в среде аборигенного населения. Превращение пиджина в креоль ожидаемо связывается с приобретением языковой формацией культуроиницирующей функции, расширением функций пиджина до средства обслуживания каких-то культурных сфер и/или сложения культуры субэтнуса – носителя или пользователя креоля. Пиджин ориентирован на обслуживание двух языковых коллективов говорящих, креоль же может выполнять функции неспециализированного (неторгового) средства межэтнического общения.

Русский язык в Сибири никогда не породил пиджинов (классификация продуктов русско-китайских контактов как пиджинов ошибочна), но языковые формы на его основе в контактных зонах имели шансы сформировать основы для креолов. Однако культурное давление со стороны метрополии, обусловленное целостностью сухопутной территории контактирования этносов (не случайно отсутствие сухопутных границ ставит вопрос о статусе контактных языковых формаций на русской основе или с русским компонентом) удерживало и удерживает территориальные варианты русского языка в Сибири и на Дальнем Востоке в статусе диалектов позднего образования, сохраняющих севернорусскую основу.

Попов В.А.

СПбНЦ РАН, Санкт-Петербург

Vladimir A. Popov

SPbSC RAS, Russia

CREOLISTICS: CURRENT STATE OF RESEARCH
КРЕОЛИСТИКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Большинство существующих публикаций, имеющих отношение к креолам и креолизации, носят описательный характер и посвящены характеристике конкретных креольских этносов или же отдельных компонентов их культуры, как, например, работы отечественных этнографов и историков о крео-

лах Аляски (А.В.Гринёв, Е.С.Питерская, и др.) или же креолы рассматриваются в социальных, политических или социолингвистических контекстах (работы Е.И.Филипповой о креольской идентичности населения Французских Антиль и статьи М.А.Членова о креольском идиоме Командорских о-вов). Коллективные тематические работы, как правило, содержат дискретные тексты, написанные в русле соответствующей дисциплины (расоведения, культурной антропологии, языкознания и др.), причем их составители и отв. редакторы даже не пытаются делать какие-либо обобщения или комплексно подойти к представленным материалам (см., например: Donald J., Rattansi A. (eds). «Race», Culture and Difference. L., 1992; Burton R.D.E., Reno R. (eds). French and West Indian: Martinique, Guadeloupe and French Guiana today. L., 1995; Stewart Ch. (ed.). Creolization: History, Ethnography, Theory. Walnut Creek (CA), 2007).

Работы теоретического плана, претендующие на фундаментальность и комплексность, также не удовлетворяют возрастающие потребности в понимании особенностей этногенеза креолов и специфики их культур, поскольку только декларируют междисциплинарный подход (ср.: Jolivet M.-J. La question créole. P., 1982; Hannerz U. Cultural Complexity. N.Y., 1992; Bernabé J., etc. Eloge de la créolité. P., 1989; Ali S. Mixed-Race, Post-Race. Oxford, 2003; Song M. Choosing Ethnic Identity. Cambridge, 2003; Nederveen P.J. Ethnicities and Global Multiculture.L., 2007).

Следует также отметить, что в зарубежной науке креольскость часто исследуется под другими названиями. Так, П. Берк использует понятие культурной гибридности. В рамках расоведения, а также в социальной и политической антропологии фигурируют такие области исследования, как *multiracial studies*, *mixed race studies*, *identity fusion studies* (Zack N. Race and Mixed-Race. Phil., 1993; Ifekwuningwe J.O. (ed.). «Mixed race» studies. L., 2004). Значительное число работ, в том числе и фундаментального характера, посвящено своего рода креолизации в области религиозной культуры, что, как правило, определяется концептом «синкретизм». Религиозный синкре-

тизм также способствует формированию креольских общностей. А такие религиозные движения и культы, как сантерия, покомания, кандомбле, вудуизм, разного рода ревайвализм, растафарианство – неременный компонент духовной культуры креолов Америки и Африки.

Panel III-9. The Past and Present of Land Access in Africa
Секция III-9. Поземельные права в Африке в прошлом и настоящем

Convenors / Руководители: *Jill E. Kelly* (Southern Methodist University, Dallas, USA); *Tara Weinberg* (University of Michigan, Ann Arbor, USA)

It has become more-or-less conventional wisdom that access and rights to land in Africa is dependent on social agreements between institutions or figures of authority and their followers (Berry; Delius; Feierman; Hunter; Lonsdale; Lund; Moyo). Scholarship on the “wealth-in-people” concept suggests that since African societies valued people more than land, property ownership was a colonial and modern imposition. In considerations of the future of development in Africa, questions about land and property remain central—whether it is land reform and expropriation, land sales to foreign interests for agricultural security, the sale of mineral rights that benefit the elite rather than communities, or ensuring the rights of women and the poor to land access. These conversations must engage with the cultural and social worth of land on the continent and the diverse ways that humans historically accessed land (Sarr; Shipton; Kelly). Scholars have shown the significance of history—particularly firstcomer stories and oral land registries—to performing claims on land (Berry; Lentz; Sackeyfio-Lenoch). This panel adds nuance to these considerations of land and the ways in which people accessed it, with case studies from across the continent. The papers consider the historical and contemporary ways that Africans imagine, claim, and reclaim land—from the formation of Communal Property Associations to the creation of origin stories that tie colonially-appointed chiefs to land—and how changing access shaped relations between genders, between community members and activists under late apartheid, and between chiefs and or states and subjects in the colonial, apartheid, and post-colonial/apartheid eras.

Jill E. Kelly
Southern Methodist University, USA

**LAND REFORM FOR LANDLESS CHIEFS AND “GOVERNMENT TRIBES”
IN SOUTH AFRICA**

In 2010, Inkosi Siphwe Majozi of the amaQamu was awarded land under South Africa’s land restitution program. A contest quickly ensued, as others claiming the land argued the amaQamu never had a chieftaincy in the region and a

non-profit legal unit alleged improprieties marked the decision to allocate Majozi land. Much of the literature on post-apartheid land reform reveals the limits of the current program and highlights issues of communal land, agricultural productivity, rural class divides, and failed business models. This paper turns to ask questions about history as evidence for land restitution. Siphwe Majozi is the descendant of a colonially-appointed chief, who from his appointment in 1882 moved from settler farm to settler farm with his followers in search of land. At a time when settler rule promoted territorial authority for chiefs, the Majozi chiefs maintained followers despite their landless status. This paper, based in oral and archival history, traces their quest for territory to the post-apartheid present. In doing so, it highlights how colonially-appointed chiefs and their descendants—without pre-colonial claims to the land or hereditary status—imagined and used history to claim land for themselves and their subjects.

Admire Mseba

University of Missouri-Columbia

LITIGATING LAND: CONFLICTS OVER LAND IN ZIMBABWE'S COURTS OF LAW SINCE 2000

In 2000, Zimbabwe's government embarked on its Fast Track Land Reform Program. Framing it as the third in a series of struggles for independence, architects of this policy forcibly acquired large-scale farms mostly owned by the country's minority white population and parceled it to the country's black population. For their part, the farm owners whose land was appropriated approached the country's courts, seeking to contest what they saw as an obvious illegality and a disregard of their rights to own property by the seating government. The court cases pitting former white-commercial farmers and the state have drawn significant public attention, raising key questions about property rights and the rule of law in postcolonial Zimbabwe. However, these were not the only cases involving land that ended in Zimbabwe's courts after 2000. In fact, most of the cases that have been heard at the High Court of Zimbabwe involve other players.

What do these cases tell us about Zimbabwe's land questions? This paper addresses this question by tracing the many cases of litigation over land at the High Court of Zimbabwe. It particularly focuses on the nature of these cases rather than the outcomes of the litigation. By paying attention to the nature of these cases and the identities of the litigants, the paper argues, we get a glimpse into the numerous unresolved questions about land in Zimbabwe. These questions transcend the issues of race, colonialism, state-making and the rule of law that dominate explanations of conflicts over land in Zimbabwe since 2000.

Constance Mudondo
Makerere University, Kampala, Uganda

SECURING INSECURE LIVELIHOODS THROUGH GROUP(S)
SYNERGY(S): THE CASE OF VIOLENT NAMATALA TRANSBOUNDARY
WETLAND IN RURAL EASTERN UGANDA

Land conflicts over transboundary wetlands have increasingly become common globally because of the livelihood opportunities they offer to adjacent communities. Limited or weak formal response procedures to transboundary wetland based conflicts often result into heightened insecurity over access and use that eventually compromise livelihoods. Informal community response mechanisms including group(s) synergies are sometimes a strong coping mechanisms to secure associated insecurities over access and use of such transboundary wetland resources. Using evidence from Namatala wetland in eastern Uganda, this paper analyses the tenure and livelihood insecurity associated with wetland conflict and highlights the implications of group synergy(ies) in securing the related insecurities affecting access and use of the violent wetland and livelihoods. Adopting a mixed approach, data was generated using a survey of 275 households, 8 focus group discussion and 12 key informant interviews in Namatala conflict area, in Eastern Uganda. The findings reveal that access and use of the wetland is insecure due to blockage of access roads and the unpredictable brutal physical attacks. However, people use their group(s) synergies to navigate the

insecure environment and sustain their livelihoods. The groups act as a pool of family and hired labour, they provide buffers as people access and cultivate their farms and they are used to share information about the security situation on their farms. This helps them undertake their livelihood activities in the wetland, earn some income and sustain their livelihoods. Invoking the theory of practice, the paper demonstrates that people experiencing conflicts make sense of their violent environments and devise means and ways of sustaining livelihoods. This study demonstrates that group synergies can be potential coping mechanisms and can build the agency of people facing livelihood stressors.

Vuyolwethu Seti-Sonamzi
University of South Africa

IN AFRIKA WE BELONG: AN ANALYSIS
OF THE SOUTH AFRICAN LAND QUESTION

This paper analyses the recent debates around South Africa's "Land Question" using an African epistemological understanding of ownership and belonging. The paper centres the cries of Afrikan peoples as narrated by the struggle song "*Thina Sizwe*" as a cry that reaches far beyond ownership of land as a commodity. The argument herein advances the notion that the resolution of the land question in South Africa is necessary for the restoration of the dislocated, dismembered and dispossessed native. This paper historicizes the current land debate as one that has been raging since the arrival of the coloniser using cautionary messages left in language by those who came before us. Using the traditional Imbadu as a method, the paper argues for a complete restoration of the land to its rightful owners, Africans; to avert further widening gaps in equality, prosperity and peace. Biko (2004) teaches us that if the cries of the oppressed are not heard, they will reach a point of absolute exhaustion where they will declare war as they 'have nothing to lose'. Africa has seen this already in Zimbabwe. The paper therefore advocates for a speedy resolution to South Africa's Land Question, so as to not undo the perceived political and social gains of 1994.

Alexander Shipilov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

LAND CONFLICTS IN COTE D'IVOIRE IN 1990'S
AS A PREMISE FOR THE CIVIL WAR

In the post-independence years Ivory Coast emerged as a relatively affluent West African country with quickly growing economy and incoming investment and labor migration flows. This was due to the development of the cash crop industry aimed at supplying the global market with cocoa which became the nation's specialization and contributed 40% of the global production. This growth depended on utilizing new arable land cleared from tropical rainforest to aid cocoa industry. A large-scale influx of migrants from neighboring West African countries contributed to their settlement in the south of Ivory Coast where cocoa was grown and provided sufficient labor resources to the industry. Newcomers were offered same land use rights as the autochthons.

Nevertheless, in 1980's and 1990's the global cocoa prices dropped, putting the Ivorian population in a deteriorating economic position. Now more cocoa and hence more arable land was required to sustain the livelihood of autochthons and migrants alike while the potential to acquire new arable land was nearly exhausted, therefore the matter of land use rights became more important. For the lack of formal private land ownership, arable lands were communally distributed by frequently overlapping authorities with multiple disputes consequently arising. Cash crop production decline contributed to intensified clashes over land claims, mainly between the autochthons and the migrants whose discrimination in turn deteriorated on all levels.

In 1998 a new Land Law encouraged by the World Bank was adopted but never put to practice before September 2002 when a civil war erupted over the aforementioned ethnic rivalries. Its implementation failed because it lacked mechanisms of recognizing the communal ownership rights and successfully resolving inter- and intracommunal disputes. Thus the land rights problem largely

ignited the Ivorian civil war, and although the conflict is over, it remains unsolved, undermining economic and political stability of the state.

Tara Weinberg
University of Michigan, USA

IMAGININGS OF COLLECTIVE PROPERTY OWNERSHIP IN SOUTH
AFRICA: COMPARING 1910S LAND-BUYING SYNDICATES
WITH 1990S LAND REFORM

This seminar addresses how ideas of collective forms of property ownership, in the form of 'Community Trusts' and 'Communal Property Associations' (CPAs) came about legally, politically and socially in South Africa. These forms were posited as key alternatives to private property and to chiefs' control of land. The seminar discusses how Trusts and CPAs have their roots in the rural political activism of the late-apartheid period *and* longer traditions of political thought around buying and managing land as a group. I draw upon the example of ANC Founder Pixley ka Seme's Native Farmers Association of South Africa (NFA), one of several collectively run land-buying syndicates which black farmers set up to acquire title deeds in the early 20th century. Seme presented the NFA as a model for an ideal, prosperous, self-sufficient black community, built on a foundation of individual land rights and, somewhat ironically, also respect for traditional leaders. Yet many black farmers who bought into Seme's scheme contested the vision of community he put forward. My seminar explores how South African land claimants' attempts to 'make' collective property is strongly intertwined with questions of belonging and identity, during the time of the NFA, and much later in the context of South Africa's 1990s land reform program.

Luvuyo Wotshela
University of Fort Hare, South Africa

LAND STRUGGLES, SHIFTING AUTHORITY AND HUMAN
SETTLEMENTS: SOUTH AFRICA' EASTERN CAPE AND FATED
HOMELANDS IN DECADE OF THE 1990S

Mahmood Mamdani' seminal work, *Citizen and Subject*, highlights South Africa's dilemma of tenuous African landownership and administration, beset by entrenched 'tribally' organised rural authority – a relic of conquest to apartheid epochs. Until recently, within the country's former homelands, control of land underpinned forms of undemocratic and overbearing power.

Nevertheless, many such areas in the political change of the 1990s epitomised groundswell land struggles, driven mostly by nascent popular formations. Local authority and land administration within the Eastern Cape's former homelands of Transkei, and the Ciskei were vanguards of rural and urban patronage network. Yet, they faced challenges even in the course of consolidation of these homelands from the mid-1970s to the early 1990s. That process exposed land to manipulation and contests, which played out in various levels of authorities. At the base were synthetic 'tribal authorities', serving routine administration for beneficiaries within reorganised villages, propped by departmental services. At the latter level, some bureaucrats, who were influential in planning homelands, co-operated with aspiring politicians. Outside of those setups, marginalised groups had by the early 1990s appealed to mobilisation work of popular movements – in the shape of non-government, and civic organisations. Operating as dissidents, members of such groups had also launched themselves into critical power positions by the time homeland states collapsed in the early mid-1990s. They targeted and occupied different kinds of open land within, and adjoining these homelands. What forms of authority then did these dissident groups engender, and what nature of new human settlements did their land invasions yield? To what extent did those sprawling human settlements signal changing land uses in this region of South Africa? Were these land occupations

indicative of variety of demands directed to the country's early democratic government? This paper offers contexts to these questions and partly the meaning of what South African homelands provided at the dawn of the country's democracy.

Panel III-10. Tradition and Modernity
Секция III-10. Традиция и современность

Convenor / Руководитель: *Ольга Юрьевна Завьялова* (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

The role of tradition is still important in Africa, as it often allows us to solve modern problems. Africans themselves understand the need to maintain a tradition that not only plays an important role in the transmission of history, but is the basis for the preservation of African culture, the specifics that are so necessary to it today. In many countries, special attention is paid to folklore as an instrument of transmission of history and self-identity. Traditional education still plays a major role in the socialization of the peoples of Africa. Today, the problem of history, its perception and interpretation is particularly important for Africa. It is no secret that Africans do not perceive history as Europeans, paying special attention to origin, people, and not dates. The problem of memory transfer is also relevant and interesting for almost all African societies. Africa is looking for its own way and in that way it is trying to combine tradition and progress.

Today, however, many traditions run counter to the logic of the development of modern economy and politics. What are the solutions to these problems? What are the possible consequences?

The section aims to consider how the tradition continues in modern society from different African Nations: how it helps development, and what is it it inhibits. The most interesting, in our opinion, seems to be an attempt to consider the consequences of the abolition of certain customs, traditional worldview in the long term, as well as to note the options for the transformation of customs and rituals in modern Africa.

Роль традиции до сих пор важна в Африке, так как именно она часто позволяет решать современные проблемы. Сами африканцы понимают необходимость поддержания традиции, которая не только играет важную роль в передаче истории, но является базой для сохранения африканской культуры, специфики, которые сегодня так ей необходимы. Во многих странах особое внимание уделяется фольклору, как инструменту передачи истории и самоидентичности. Традиционное воспитание до сих пор играет основную роль в социализации народов Африки. Сегодня для Африки особо важна проблема истории, ее восприятия, ее трактовки. Не секрет, что африканцы не так воспринимают историю как европейцы, особое внимание уделяя, происхождению, людям, а не датам. Проблема передачи памяти также актуальна и инте-

ресна практически для всех африканских социумов. Африка ищет свой путь и на этом пути она пытается совместить традицию и прогресс.

Однако сегодня многие традиции идут вразрез с логикой развития современной экономики и политики. Каковы же варианты решения данной проблем? Каковы возможные последствия?

Секция нацелена на рассмотрение вопроса того, каким образом традиция сохраняется в современном обществе у разных африканских народов: в чем она помогает развитию, а в чем она его тормозит. Наиболее интересным, на наш взгляд, кажется попытка рассмотрения последствий отмены тех или иных обычаев, традиционного мировосприятия в долгосрочной перспективе, а также отметить варианты трансформации обычаев и ритуалов в современной Африке

Geoffrey Nwaka

Abia State University, Nigeria

LOCAL KNOWLEDGE FOR ENVIRONMENTAL PROTECTION
AND CLIMATE CHANGE ADAPTATION IN AFRICA:
TOWARDS DECOLONIZING CLIMATE SCIENCE

Global inequalities today derive in part from the unequal power relations in the way knowledge for development has historically been developed and applied. Africa contributes least to but suffers the most from the disastrous consequences of climate change. How can the continent cope better with the worsening threats of flooding, droughts and other emergencies that result from extreme weather conditions.

We argue that Africa should search within their own knowledge systems for appropriate ideas and approaches to many of its development challenges, and that indigenous knowledge may prove to be “the single largest knowledge resource not yet mobilized in the development enterprise.” Although poverty may sometimes force people to use resources unsustainably, most traditional African societies have deeply entrenched ideas about environmental protection and sustainability because their livelihood depends largely on the land and on the stability of the ecosystem. They believe that land and other forms of nature are sacred, and are held in trust by the present day users on behalf of dead ancestors and future generations.

Chief Nana Ofori Attah of Ghana once told a colonial official that ‘land belongs to a large family of which many are dead, a few are living, and countless hosts are yet unborn’. These local communities have over the years developed intricate systems of forecasting weather systems in order to prevent and mitigate natural disasters; traditional techniques of soil management, pest and disease control, adopting suitable crop and animal varieties, and other coping strategies that have ensured traditional resilience. The paper recognizes that the unprecedented scale of climate change today may have undermined the reliability of many traditional indicators for predicting the pattern of climate variability, and techniques for preventing and adapting to climate induced natural disasters.

There is a need for those who hold and use traditional knowledge to partner more actively with scientists and practitioners in order to co-produce updated knowledge for better climate risk management. This way, the traditional and modern knowledge systems will be made to complement and enrich each other. While Africa stands to gain from global science and international best practices, the paper maintains that indigenous knowledge offers a model for rethinking and redirecting the development process, and a way to adapt more effectively to climate change. Development agents, researchers and donors, who often assume a knowledge or capacity vacuum in Africa, should instead try to tap into the vital resource of indigenous knowledge for locally appropriate ways to protect the environment, and ensure climate resilience and sustainable development.

Falaju John Olubunmi,
Abass Ganiyat Motunrayo
University of Lagos, Nigeria

**YORUBA PROVERBS ON ELDERS AND THE YOUTHS:
A PANACEA TO A SUSTAINABLE DEVELOPMENT
AND GROWTH OF AFRICAN CULTURE**

Proverbs are insightful and short maxims. They are considered the repository of a people’s sociocultural and political wisdom as passed from generation to

generations particularly among the Africans. Since culture refers to the cumulative deposit of knowledge, experience, beliefs, values, attitudes, meanings, hierarchies, religion, notions of time, roles, spatial relations, concepts of the universe, material objects or possessions acquired by a group of people in the course of generations through individual and group striving ; elements of culture are therefore imbedded in proverbs and sayings.

This paper examines Yoruba proverbs on elders and the youth. It focuses attention on the socio-cultural and economic significance of the role of the elders and the youth in Yoruba proverbs as a panacea to the development and growth of the Yoruba culture and society. The semantic analysis of these selected Yoruba proverbs in relation to their socio-cultural and economic implications lead to the conclusion that: for sustainable development and growth to be achieved in African culture, the effective communicative usage of proverbs should be encouraged among Yoruba and non-Yoruba speakers.

Abimbola A. Adelokun
The University of Texas at Austin, USA

RECASTING THE SUPERNATURAL: RELIGION AND NARRATION
OF AFRICAN FOLKTALES IN THE 21ST CENTURY

Following the conference theme of “Tradition and Modernity in Africa,” this presentation proposes to explore modern folklore in Pentecostalism. This work is an outcome of my research on church printing and publishing industries, especially the ones that publish books/pamphlets on demonology. The Pentecostal publishing enterprise is one site that scholars contend as nurturing Pentecostal power to entrench the African social imaginary with their mythopoeia. The most famous of these presses is one run by Dr. Daniel Olukoya, a scientist and the senior pastor of Mountain of Fire and Miracles Ministries who also has a gift of discerning and expelling demonic spirits. In this study, I will be looking at his repertoire of writings on the diabolical operation as a creative site fueled from the Yoruba/African indigenous imagination of the spectres of the supernatural. I put

Dr. Olukoya in a long line of male modernist writers such as D.O. Fagunwa, Amos Tutuola, and Wole Soyinka who are famous for streaming Yoruba mythology into colorful productions to make a broader historical and aesthetic case for his works on demonology to be seen as archiving indigenous tales rather than destroying them.

Dr. Olukoya has produced more than 350 books and pamphlets on demons and warfare against them, and he lends a cultural authority to his art through his image as a scientist that was trained in the United Kingdom with a Ph.D. to show for it. While his writings on demonic spectres have been critiqued as creating and nurturing a fear economy, his prodigious production and commodification of these myths are also as an ironical process of demystification of the same demons that haunt the social imagination. Olukoya's inventive recreation of urban legends, folklore, and mythical thoughts are an archive of African fantastical imaginations now wrapped within Christian narrative paradigms. This presentation charts the evolutionary pattern of the African mythic imagination through a critical study of the presentation of demonic spectres. While the continuous production and circulation of these beliefs are an invaluable means of archiving African fantastic tales, how do the presentation of these materials help or hinder the process of generation of ideas that are germane to development and growth?

Hui Niu Wilcox

St. Catherine University, USA

Melaku Belay Emeru

Ethiopian Dance Art Association, Fendika Cultural Center
Addis Ababa, Ethiopia

**TRADITIONAL AND CONTEMPORARY DANCE IN ETHIOPIA:
HISTORICAL CONSTRUCTS AND CURRENT DEVELOPMENT**

Ethiopia's dance heritage has remained vibrant as its political system changed from feudalism to socialism (1974) to neoliberal capitalism (1991). For centuries, diverse movement traditions have been essential to religious and communal rituals in Ethiopia. Today, "traditional Ethiopian dance" is most visible in tourist

restaurants or YouTube videos. This trajectory from ritualized practices to commercialized performances presents a paradox: “*traditional* Ethiopian dance” as we know today is, in fact, a *modernized* performance genre serving multiple functions: memory transmission, ideological dissemination, and profit generation, among others. In the 1980s, the socialist state harvested dances from around the country to produce “modernized” performances on stages of government theaters, propagating the ideology of national unity amidst border wars and internal oppression. In the 1990s, as Ethiopia opened up to the West, these dances continue to be performed on restaurant stages, not so much to propagate for the state, as to generate profit for the industry. Modernization of traditional dance continues in Ethiopia, under the auspices of neoliberal privatization, which has also led to westernization of culture. Since the late 1990s, some Ethiopian artists have devoted themselves to “contemporary dance” by adopting Western aesthetics, distinguishing their practice from traditional dance. Recently, they grapple with the imperative to infuse Ethiopian dance traditions in their work in order to be recognized in the global dance field. What does it mean to “go back to the roots” when “traditional Ethiopian dance” is already a product of modernity?

Through dance ethnography, oral history, and dance video analysis, this paper untangles the complex web of practices and ideas to shed light on that question, and more: How were “traditional” and “contemporary” historically constructed? What differential power and roles do these categories have in producing the current dance field in Ethiopia, an important aspect of the nation’s cultural development?

Marco António Roque De Freitas

Institute for Ethnomusicology, NOVA FCSH, Portugal

“CULTURAL NATIONALISM” AND “TRADITIONAL MUSIC”
IN MOZAMBIQUE’S NATION-BUILDING PROCESS (1975–1986)

On June 25th 1975 Mozambique’s independence was proclaimed, ending a five-century period of Portuguese colonial rule after a liberation war that lasted from 1964 until 1974. The independence of Mozambique brought a new context of

collective euphoria and ideological tension between what was “new” and “old”, what should be integrated, embraced and appropriate; and what should be abandoned, rejected and considered “old fashioned”; concepts such as “foreign” and “national” were thus redefined. After all, according to Mozambique’s Liberation Front, it was necessary to promote a sort of “mental decolonisation” in order to create the “new Mozambican man”, a new “Mozambican identity”. It is within this conjuncture, entangled by values of tension and change, of rupture and continuity, that the cultural program of the People’s Republic of Mozambique was defined. This paper aims to analyse the cultural policy of the People’s Republic of Mozambique between 1975 and 1986, focusing mainly on music and dance. Particularly, I aim to answer the following questions: What was the role of cultural policy in the context of the People's Republic of Mozambique? Who defined it? How was it promoted? What official policies were applied for music and dance? What musical practices have been accredited and which one’s rejected? How were these policies implemented? Building on fieldwork data gathered through several interviews with politicians, radiobroadcasters, radio producers, musicians, and archival work, I seek to explain the role of traditional music in a nation-building context, where concepts such as “tradition” and “modernity” were at the center of intense public debates regarding the “sonorous construction of a new Mozambique”.

Ляхович А.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

СПОСОБЫ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ СЕВЕРОНИГЕРИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Северонигерийская литература на языке хауса на сегодняшний день является динамично развивающейся формой массовой культуры и коммуникации, которая играет значимую роль в обсуждении актуальных социальных проблем. Современные северонигерийские писатели стремятся затрагивать в своем творчестве серьезные темы, их авторская интерпретация при этом мо-

жет быть как консервативной, так и довольно радикальной. Учитывая высокую степень влияния, которое литература на хауса оказывает на подрастающее поколение, творчество северонигерийских писателей, безусловно, способствует процессу модернизации, переосмыслению традиционных представлений, стереотипов, поведенческих установок, норм и ценностей с точки зрения актуальной действительности и потребностей современного общества.

В докладе проводится анализ творчества ряда современных писателей Северной Нигерии (Рахма А. Маджид, Билкису Фунтува, И. Шеме и пр.), а также интервью с писателями с целью выяснения того, как осуществляется переосмысление традиции, ее отрицание или включение в контекст современности. В этой связи также заслуживает внимания вопрос о том, насколько деятельность Управления по Цензуре ограничивает современных северонигерийских писателей в их стремлении бросить вызов традиции, а также о том, какие факторы оказывают, наоборот, стимулирующее воздействие, вдохновляют на то, чтобы открыто выразить свое отношение к традиции.

Завьялова О.Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

РОЛЬ ЮМОРА В ОБЩЕСТВЕ МАНДЕН

Культура Манден как и любая другая африканская культура включает в себя большое количество использование юмористических аспектов. Значительное место в общении занимает ритуальное подшучивание, включенное в так называемое шуточное родство. Кроме этого в устной традиции Манден юмор также весьма популярен как в сказках, в текстах анекдотического характера, так и в народном театре Котеба.

Шуточное родство распространено в отношениях различных групп: в первую очередь это сенанкуя – подшучивание между представителями различных джаму, но также и между представителями одного возрастного класса, внуками и бабушками-дедушками, братьями мужа и женой, и сестрами

жены и мужем, а также между кросс-кузенами. Данная система подшучиваний позволяет людям повысить интенсивность в общении и одновременно сглаживать противоречия. Система стандартизированных шуток распространяется сегодня и на другие сферы, однако, сенанкуя самая известная из них.

Что касается фольклора, то даже в таком жанре, как эпические сказания, можно найти достаточное количество юмористических эпизодов. Значительная роль юмора в фольклоре указывает на большую степень формализованности общения, а также весьма значимую роль норм и правил, чью нарушения и может вызывать смех. Смех в социумах Манден всегда играет положительную роль.

В современности из традиционного высмеивания появляется более жесткий вариант подшучивания: высмеивание политических мотивов и действий, социальных изменений и так далее. Кроме этого идет и распространение сенанкуя на другие сферы общения, например, межконфессиональное общение.

Olga Yu. Zavyalova
St. Petersburg State University, Russia

THE ROLE OF HUMOR IN MANDEN SOCIETY

The Manden culture, like any other African culture, includes a large number of different humorous aspects. A significant place in communication is occupied by ritual banter included in the so-called joking relationship. Humor is also very popular in Manden oral tradition: in fairy tales, in anecdotal texts, and in the Koteba folk theater.

The joking relationship is common in the relations of various groups: first of all, it is senankuya – banter between representatives of different dyamu; also between representatives of the same age class; grandchildren and grandparents; between husband's brothers and the wife, and wife's sisters and the husband, as well as between cross cousins. This system of banter allows people to increase the intensity of communication and at the same time narrowing differences. The system of standardized jokes extends to other areas today.

As for the folklore, even in such a genre as epic tales, one can find a sufficient number of humorous episodes. The significant role of humor in the folklore indicates a greater degree of formalization of communication, as well as a very significant role of norms and rules, which violations can cause laughter.

In modern times, more and more banter versions appear from traditional forms of jokes. In addition, *senankuya* is spreading to other areas of communication, for example, to interfaith communication.

Ермакова А.О.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

АНАЛИЗ ВЕРСИЙ ЭПОСА О СУНДЬЯТЕ КАК ИСТОЧНИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ МАНДЕН

Эпос о Сундьяте является самым известным примером богатой устной традиции народов манден. Он представляет собой важную часть исторического наследия средневековой империи Мали, которая, по свидетельствам большинства историков, располагалась на значительной части территорий современных Мали, Гвинеи, Гамбии и Сенегала. Все эти страны связывают своё историческое прошлое с великой империей, поэтому Сундьята, как её основатель, занимает важное место в западноафриканской истории и является источником национальной гордости.

Фольклор – это символически авторитетный источник, имеющий идеологическую и национальную ценность. Та память, которая хранится в фольклоре, считается для его носителей правильной и престижной. Эпос о Сундьяте рассматривается в качестве инструмента поддержания стабильности взаимоотношений, единства среди разных социальных групп и этносов. Воспроизведение эпических преданий в обрядовых и бытовых ситуациях позволяет передавать народную мудрость и коллективную историческую память из поколения в поколение. Преемственность достигается с помощью отражения в текстах историй групп, объединённых одним джаму и убеждённых в том, что их родословная восходит к одному из героев эпоса.

Проанализировано пять избранных версий эпоса о Сундьяте. В результате описаны линии повествования, затрагивающие истории происхождения основных имён джаму. Выявлены факторы, влияющие на логику построения каждой отдельной версии, на расстановку акцентов в тексте предания.

Особое внимание уделяется фигуре гриота, традиционного сказителя, его роли в деле воспроизведения эпоса и мастерству вносить определенные изменения в ход повествования в соответствии с конкретным окружением и социально-культурным контекстом.

Куценков П.А.

Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

**ЭКСПЕДИЦИИ В СТРАНУ ДОГОНОВ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН 2015–2020 гг.**

В 2015–2020 гг. Институт востоковедения РАН предпринял пять экспедиций на Нагорье Бандиагара (Плато Догон) в Республике Мали. Этнографические и культурологические исследования проводились на юге Нагорья в деревнях Энде, Кани-Бонзон (Кани На), Сонингхе, Багуру, Джигибамбо, Дьундуру, Йабателу и Бенемату, в Долине Сено в деревне Йаджанга, и на севере Нагорья Бандиагара в деревнях Тинтан и Семари.

В результате экспедиций были получены следующие результаты:

1. Собраны этнографические коллекции предметов материальной культуры и традиционного изобразительного искусства догонов для МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург) и Государственного музея Востока; один из приобретённых экспедицией подголовников теллем уже датирован по AMS¹⁴ с 1437–1489 гг. н.э. с вероятностью 0.988.

2. Отснято примерно 30000 фотографий и ок. 60 часов видеозаписей, в том числе, полученных при помощи дрона снимков заброшенных деревень теллем на скальном уступе Бандиагара ок. д. Энде. Именно эти съёмки заставили участников экспедиции предположить, что теллем не были первыми поселенцами на скальном уступе Бандиагара. Такое предположение было обу-

словлено тем, что архитектура верхних ярусов заброшенных поселений заметно отличается от поселений собственно теллем своими масштабами и плотностью «застройки».

3. Установление факта существования до-теллемских поселений в окрестностях д. Энде можно считать важнейшим результатом работы экспедиции. О том, что теллем предшествовали некие «толой», было известно уже давно. Их поселения толой были открыты и исследованы именно в окрестностях д. Сангха, и термин «толой» употребляется только носителями языка то-ро-со. В Энде и окрестных деревнях их называют «ногом» (nəgɔm, язык тенкан).

4. Были получены новые сведения о религиозной ситуации и межконфессиональных отношениях в Стране догонов. Они подтверждают ранее сделанные предположения относительно отхода части догонов от ислама и их возврата к традиционной религии.

5. Получены сведения о системе родства догонов, которые могут быть использованы для реконструкции истории сложения системы джаму, характерной для народов Западной Африки.

6. Уточнены данные по устным традициям догонов в сравнении с устными традициями манден, для чего был проведён опрос гриотов д. Энде.

Семенова В.Н.

МАЭ РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, РФ

ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДА ХАРАРИ ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИЙ Н. ГУМИЛЕВА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Письменная традиция народа наиболее часто страдает от влияния глобализации. Основанная на традиционных методах получения красок, изготовления и иллюминирования рукописей данная культура часто остается в прошлом и просто забывается.

В докладе представлен музейный анализ предметов письменной культуры народа харари из коллекций поэта Н. Гумилева, в записях которого уже

говорится о ремесле книгоизготовления как об уходящем в забвение. Гумилев, зафиксировав для себя процесс забвения данной традиции, пришел к выводу о необходимости покупки целого ряда вещей, отражающих комплексно письменную традицию харари. В его коллекции есть как письменные принадлежности и инструменты изготовления кожаных переплетов, так и сами традиционные кожаные переплеты. Переплеты представляют собой музейную редкость. Как правило, это те предметы, которые вывезли европейцы.

Однако современный Харар возвращается к забытому ремеслу, сохраняя его в музейных коллекциях. Харарские рукописные книги начал собирать Абдулла Шериф, хараритянин и знаток местной культуры. В том числе он уделил внимание и возрождению самой традиции изготовления таких книг. При этом серьезный акцент делается на позиционировании последней как специфического культурного достояния. Скорее всего, такие процессы объясняются влиянием глобализации, которая часто активизирует процессы возрождения традиционных навыков.

Semenova V.

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), St. Petersburg, Russia

**WRITING TRADITION OF HARARI PEOPLE IN THE COLLECTION
OF NIKOLAI GUMILEV: TRADITION AND NOVATION**

Writing tradition of a people often suffers from the globalization's process. Based on the traditional paint's making, hand-writing and illuminating of manuscripts such skill goes beyond the modernity to risk being forgotten. In the report, the museum analysis of the writing objects from the Harari collection of Russian poet N. Gumilev is presented. In the modern period of Harar it seems to be grown activities of preserving the tradition of handbook making as well as of the articulating this as specific cultural heritage.

Власенкова Е.С.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, РФ

СИМВОЛЫ ВЛАСТИ ТРАДИЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЯ ЙОРУБА: ОТ ВЕКА XIX В ВЕК XXI

Доклад посвящен традиционным атрибутам власти правителей йоруба. Повсеместно символы власти – это достаточно строгая и упорядоченная система знаков, помогающая определению положения в иерархии общества всех вовлеченных в процесс управления участников.

Автор разбивает атрибуты по группам – принадлежность к высшему или низшему классу управленцев. Особое внимание уделяется символике цвета в одежде лидеров народа йоруба.

Источники, которые автор анализирует в своем докладе, включают обширные дневниковые записи европейских путешественников и исследователей, данные современных этнографических и лингвистических экспедиций, а также фотографии из личных архивов и устные сообщения бывших сотрудников посольства Российской Федерации в Федеративной Республике Нигерия.

Помимо "местных", в современной Нигерии уживаются стилизованные европейские символы власти, являя собой великолепный образчик синтеза или симбиоза различных культур. Характерно, что само общество вполне приемлет новый вариант, как правило, он не вызывает никакого отчуждения или отрицательной реакции. Так, становится возможным нахождение на подобии европейского трона современного лидера йорубской общины одного из южных штатов Нигерии в традиционной шапочке, с не менее традиционной ниткой бус на шее.

Герасимов И.Г.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, РФ

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СУДАНА И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Культурные связи Судана и Западной Африки прослеживались на протяжении многих столетий, но после утверждения ислама в Северной Африке, они приобрели систематический характер.

Исполнение ритуала хаджа и связанное с этим путешествие на восток, стало причиной активного знакомства выходцев из Западной Африки с культурой, сложившейся в Судане. Это относится и к материальной культуре, и к религиозной исламской доктрине.

Наряду с этим, западноафриканские проповедники сами нередко выступали носителями и распространителями, прежде всего, мусульманских знаний и им, как считается, принадлежит заслуга частичной исламизации Дарфура и отдельных районов Кордофана.

В XIX в. отдельные выходцы из Западной Африки обрели духовного наставника в лице лидера махдистского восстания Мухаммеда Абдаллаха Махди. Они влились в ряды его войска, и стремились поощрять распространение его идей и принципов среди единомышленников – африканцев.

В период и после поражения восстания на территорию Судана активно перемещались переселенцы из Западной Африки, перенимая, в основном, обычаи и культуру местных жителей. Они имеют общее название феллата, и многие вплоть до настоящего времени сохраняют знание своих родных языков и поддерживают родственные связи.

В настоящее время культурные связи между Суданом и странами Западной Африки переживают период подъема, чему в немалой степени способствует продолжающаяся миграция западноафриканцев в Судан.

IV. International Relations Международные отношения

Panel IV-1. Africa and the Main Trends in the Development of Modern International Law Секция IV-1. Африка и тенденции развития современного международного права

Convenors / Руководители: *Александр Борисович Мезяев* (Университет управления ТИСБИ, Казань, Россия); *Hennie Strydom* (University of Johannesburg, South Africa), *Аду Яо Никез* (Российский университет дружбы народов, Москва)

Juma L.

Rhodes University, Republic of South Africa

GLOBAL CONSTITUTIONALISM AND INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE IN AFRICA: REGIONAL CHALLENGES TO UNIVERSALIZATION OF CRIMINAL NORMS

The paper takes on a theoretical question regarding the global constitutionality of international criminal law, particularly the Rome Statute of the International Criminal Court. Its context is the current tension between the International Criminal Court (ICC) and the African Union (AU), the umbrella political organisation of the African states. As a point of departure, the AU's challenge to the authority of the ICC, an international tribunal which arguably enforces universally accepted norms, raises two interrelated questions. The first is whether the norms that are codified in the Rome Statute and the procedures set forth for enforcing them, have fallen short of acquiring what one might describe as global "constitutional" standards, and second, whether there is indeed anything like global "constitutional" standards in international criminal justice framework established under this treaty or other instruments of the same pedigree. As we recall, the development of legal institutions in this field was propelled by the overarching concerns for eliminating impunity and restoring human dignity. Thus,

the characterisation of these laws as responding to human conscience against conduct that violates “fundamental norms”, may be suited. However in the recent past the African block of countries have challenged their legitimacy

The analysis begins by exploring the fundamental issues regarding constitutionality of global norms. The aim will be to present international legal rules in a logical and coherent structure that allows for the ascertainment of their constitutional context. The question, “how does international legal rules become global constitutions”, will be investigated through the examination of primary and secondary materials referencing the international legal rules, institutions and frameworks that claim such status. The focus here will be the Rome Statute for the International Criminal Court, and the various constitutive treaties of the *ad hoc* tribunals. As far as treaties are concerned the study will interrogate whether there is enough in its content that intimate constitutionality. Admittedly, such an enquiry will not be possible without looking at the other tribunals, emerging jurisprudence and most importantly the effect that these international normative standards are having on domestic systems.

Iyi J.-M.

University of the Western Cape, Cape Town, South Africa

**AFRICA AND THE EMERGING EXTRA-CHARTER PARADIGM
ON MILITARY INTERVENTION BY INVITATION**

There is growing research activity in the law of military intervention by invitation. This is due in part, to recent cases of military intervention in which the intervening State’s legal justification is the invitation by the territorial State. This has spurred commentaries by international law scholars and some leading journals have dedicated issues to a re-examination of recent developments in the law and practice of intervention by invitation. However, there has been no significant attention to the developments in Africa in this regard and what lessons could be learnt therefrom. In this paper, I argue that international law discounts these normative developments in Africa and the contributions they make to a

rule-based international legal order, and in some cases, subtly undermines it. The resulting tension is then manifested at three levels: subsidiarity/ institutional hierarchy, contested authority, and normative ambiguity. How should Africa respond to these developments in a rapidly changing world? I argue that at the global level, international regulation of military intervention by invitation will continue to weaken in the foreseeable future as multilateralism come under more stress. In response, rather than role back its own regional international law on military intervention by invitation, Africa should fortify this rule-based regional system.

Mezyaev A.B.

University of Management TISBI, Russia

SITUATION IN BURUNDI AND THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT

26 October 2016 Republic of Burundi notified the United Nations Secretary General on its decision to withdraw from the Statute of the International Criminal Court. According to the article 127 of the Statute the decision to withdraw take an effect a year after. Thus on 27 October 2017 the Republic of Burundi officially ceased to be a member of this treaty and the ICC lost its jurisdiction over the situation in the country.

Nevertheless, contrary to the provisions of the Statute, the Pre-Trial Chamber III announced on 9 November 2017 its decision authorizing the ICC Prosecutor to open an investigation regarding crimes within the jurisdiction of the Court allegedly committed in Burundi or by nationals of Burundi outside Burundi since 26 April 2015 until 26 October 2017. The Prosecutor is authorized to extend her investigation to crimes which were committed before 26 April 2015 or continue after 26 October 2017 if certain legal requirements are met.

The clear violation of the provisions of the ICC Statute limiting jurisdiction of the court to only, member states was explained by claiming that the decision was in actually issued under seal on 25 October 2017. In the same time this

explanation raises very serious doubts in its truthfulness as well as poses serious legal matters.

International Criminal Court claims to be the court of highest standards of justice and procedure, though its practice proves the opposite. The strict application of the rules of international law dictates the conclusion that after 27 October 2017 the ICC acted *ultra vires* and its decisions should not be considered as having any legal effect towards Republic of Burundi as well as all other states, including members states of the ICC Statute.

Adou Y.N.

Law Institute of RUDN University, Russia

THE CONCEPT OF INTERNATIONAL CRIMES AND CRIMES OF AN INTERNATIONAL CHARACTER IN AFRICA

The international criminal law got its origin from the Nazis trial during the Nuremberg process after The Second world war. Ended the international crimes comprises crime against humanity, war crime, crime of genocide and the crime of aggression. Later The International Criminal Law has been realized through different tribunals and specials courts that were created in these purposes to try peoples suspected for committing international crimes all over the world. More later appeared other international crimes classified by scholars such as crimes of an international character: money laundering, piracy, terrorism, trafficking in drugs, trafficking in persons, etc., despite some of crimes of an international character such the piracy, terrorism, trafficking in person, etc. existed many centuries ago.

By these last decades the African countries are trying to chart their own path in realizing International Law taking into account the traditional, the cultural, the economic and other realities of the African continent. For instance, the concept of human and peoples' rights, right to development, right to self-determination, rights to interfere in national affairs of the African states etc. are typically African realities.

Today African countries are developing their own international system of International Criminal Law due to the will of the African countries to withdraw from The International Criminal Court by drafting and adopting of international instruments and mechanisms. Concrete successful examples in this ground are the creation of The African extraordinary chambers to try H.Habre in Senegal and the adoption of The Protocol on amendments to the Protocol on The Statute of The African Court of Justice and Human rights.

According to The Protocol on amendments to the Protocol on The Statute of The African Court of Justice and Human rights the Section of international criminal law of the future Court should be competent for following 14 crimes: crime of genocide, crime against humanity, war crime, the crime of unconstitutional change of government, piracy, terrorism, mercenarism, corruption, money laundering, trafficking in persons, trafficking in drugs, trafficking in hazardous wastes, illicit exploitation of natural resources and the crime of aggression . The list of crimes may be extended to reflect the development of international law as it seems necessary by the Head of states and Governments of The African Union. This situation makes the African concept of The international criminal law more evaluative than it is at universal level. International crimes in Africa should be put at the same foot as developing by the new African international criminal law system.

Mushoriwa L.

University of Johannesburg, South Africa

THE FUTURE REGIONAL PROSECUTION OF INTERNATIONAL CRIMES BEFORE THE PROPOSED AFRICAN COURT

The paper traces the origins of the Malabo Protocol which was adopted by the African Union (AU) Assembly in June 2014; and signalled a turn to regional justice mechanisms by AU member states. The Malabo Protocol expanded the jurisdiction of the proposed African Court of Justice and Human Rights (the African Court) through the establishment of a criminal chamber with jurisdiction

to try international crimes. It is asserted that the Protocol ought to be considered as emancipatory in light of the factors which motivated its adoption. The regionalisation of international criminal law in Africa takes place against the backdrop of AU member states' misgivings with the indictment of sitting Heads of State by the International Criminal Court (ICC) and the distinct but closely related; exercise of universal jurisdiction against African state officials by European courts.

The paper highlights the innovations in the Malabo Protocol including that it provides for the first time for civil and criminal jurisdiction to be exercised by a single regional court. It also provides for jurisdiction over transnational crimes which are distinctly relevant to African problems; including unconstitutional change of government and trafficking in hazardous waste. The Protocol is widely perceived by commentators as an attempt by African leaders to evade accountability due to the contentious immunity provision in article 46A bis; and concerns have been raised regarding the lack of clear scope of the criminal jurisdiction of the court and lack of financial resources to fund the proposed court. The paper concludes however that the regionalisation of international criminal law in Africa ought not to be dismissed as mere political rhetoric; but it should be considered holistically in light of the contribution that the African Court is likely to make to the development of international law.

Krukov I.S.

Supreme Court of the Russian Federation

**IMPROVEMENT OF COUNTRYWISE ARBITRATION
IN AFRICAN COUNTRIES**

To investigate the methods and sources of reforming the judicial systems of African countries in order to identify their post-reform impact on the country's economy . To determine the General features and features of the functioning of national arbitration systems of individual African countries, their relationship with the state structure, the level of economic development and historical circumstances prevailing at the turn of the XX century. To define an effective arbitration court

system taking into account its inherent features. In particular, show the application of the 1985 UNCITRAL Model law on international commercial arbitration, which is the basis for arbitration legislation of a large group of countries. This group includes ten countries on the continent: Egypt, Kenya, Mauritius, Nigeria, Madagascar, Rwanda, Uganda, Tunisia, Zambia and Zimbabwe. To consider various aspects of the functioning of the organization for the harmonization of corporate law in Africa (OHADA). OHADA is composed of the following members: Benin, Burkina Faso, Cameroon, the Central African Republic, Chad, the Comoros, Equatorial Guinea, Gabon, Guinea-Bissau, Guinea-Bissau, Niger, Senegal and Togo. The organization forms a single integration law between the countries of Central (Equatorial) Africa, West and South – East Africa, the former French colonies, where the French law was in force. OHADA develops and adopts "uniform acts" of business legislation that have a direct impact, are predominantly complied with by the national legislation of the participating countries and enter into force without ratification of the necessary documents the study shows the significant success of African countries in creating a favorable environment for foreign entrepreneurs by increasing the degree of commercial arbitration in the judicial systems, as evidenced by the steady growth of foreign investment in the economies of countries that follow this path.

Sanka M.

Belgorod State University, Russia

Velikotirnovsky University "St. St. Cyril and Methodius ", Bulgaria

**THE "AFRICAN PHILOSOPHY" OF HUMAN RIGHTS
(A QUESTION OF TERMINOLOGY AND IMPLEMENTATION)**

A striking difference between the African regional human rights system and its peers is that it not only recognizes individual human rights but also rights of "peoples." This was a deliberate incorporation of the "African Philosophy" of human rights into the African Charter by its drafters. One of these guiding philosophies is the predominance of group rights over individual ones. The words

of John Mbiti best describe this thought: “I am because we are. And since we are, then I am.” Despite the inclusion of “rights of peoples,” the drafters failed to define the “peoples” to which these rights are guaranteed. This omission has left a big lacuna in efforts towards the implementation of collective rights in the continent with some skeptics arguing that peoples’ rights have little significance outside the context of colonization and alien domination. Not even interpretations of the term “peoples” by the African Commission have had a desirable boost. Particularly, African states have favored a state-centered approach to group rights. They have often placed the territorial integrity and other state (national) interests first in the face of competing interests of sub-state groups. It is not surprising, therefore, that many conflicts have arisen on the continent ironically as a result of systematic discrimination and other violations of collective rights of sub-state groups. This work calls into question the African philosophy on prominence of group rights. It is argued that, despite a relatively solid normative base, the concept of “peoples’ rights” in reality is interpreted to favor territorial sovereignty. The African philosophy consequently needs to undergo further adaptation to accommodate such an interpretation that will prevent the sacrifice of rights of groups in favor of national interests.

Ngatheyo Akony Chany Pavel

Belgorod State National Research University, Russia

**LANDMARK DECISION BY THE AFRICAN COURT OF HUMAN
AND PEOPLES ' RIGHTS ON THE MAPUTO PROTOCOL**

In 2018 the African Court on Human and Peoples’ Rights issued a landmark judgment in the case of *APDF and IHRDA v. the Republic of Mali*. For the first time in its history, the Court found a violation of the Protocol on the Rights of Women in Africa (Maputo Protocol) and held that the Malian family code violated women's rights recognized under international law. The African court also condemned the State of Mali to modify its legislation, as well as to take measures to inform, teach, educate and sensitize the population on the rights of women, and

to report to the Court on the implementation of the judgement within a period of two years.

In the case, two civil society organizations had lodged a complaint before the African Court in September 2016 alleging that the Malian Family code adopted in 2011 is not compatible with the State's obligations under international law. In this regard, In this regard, the Court has begun to consider whether the family code adopted by the Republic of Mali complies with human rights treaties and found inconsistency with several of its provisions. For example, the Malian family code allows girls from the age of 16 to marry. Under certain circumstances, the minimum age of marriage for girls may be reduced to 15 years. Consent is not always a requirement for a marriage to be valid. The African court of justice ruled that the relevant provisions of the family code were flagrant violations of the Protocol on the rights of women in Africa, according to which the minimum age of marriage was 18 for both women and men. The Court also held that the relevant provisions of the Malian Family Code are discriminatory and perpetuate practices or traditions harmful towards women and children, in violation of the Maputo Protocol, the African Charter on the Rights and Welfare of the Child and the UN Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women.

Nasandrata L.

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS CONCERNING TERRITORIAL DISPUTE BETWEEN MADAGASCAR AND FRANCE

In addition to the island of Madagascar, four uninhabited Islands in the Indian ocean, the Scattered Islands (Europa, Juan de Nova, Bassas da India and the Glorioso Islands) were part of the French Empire. The independence of Madagascar was proclaimed on June 26, 1960. Before the official Declaration of independence of Madagascar France had earlier declared in decree No. 60-555 of April 1, 1960, that the Scattered Islands were under French jurisdiction and were part of the overseas special administrative and territorial unit of France (the French

Southern and Antarctic Territories). The demand for the return of the Scattered Islands under the jurisdiction of the Republic of Madagascar was first made in 1972. The UN General Assembly recognized Madagascar's demands from France as justified. Having considered "The Question of the Malagasy Islands of Glorioso, Juan de Nova, Europa and Bassas da India", as well as the report of the Secretary-General on this issue, on December 12, 1979, the 34th session of the UN General Assembly adopted Resolution No. 34/91. The United Nations returned to the issue the following year. At the 35th regular session on 11 December 1980, The UN General Assembly adopted another document on the matter, Resolution No. 35/123. The resolution noted with regret "that the negotiations envisaged in Resolution 34/91 of 12 December 1979 have not begun." Given this fact, the UN General Assembly urged "the government of France to start negotiations with the government of Madagascar as a matter of urgency". However, France did not react to this resolution either.

In March 2019, the newly elected President of the Republic of Madagascar, Andry Rajoelina, announced that "the triumph of the Mauritius struggle for the return of the Chagos archipelago serves as an example of courage and reinforces our will for the same struggle for the return of the Scattered Islands to Madagascar". He added that "he will fight tooth and nail to regain the Scattered Islands."

In May 2019, French President Emmanuel Macron welcomed his Malagasy counterpart, Andry Rajoelina on an official visit. At this meeting both states discussed the possibility of a joint management of the Scattered Islands. Recently, on October 23, 2019, French President Emmanuel Macron visited the Glorioso islands in the Indian ocean, and announced that " this is France, our pride, our wealth. [...].

Bukuru J.-B.

Law Institute of RUDN University, Russia

AFRICA AND THE FUTURE OF INTERNATIONAL CRIMIAL JUSTICE

Although African states didn't take part in the establishment of the first international criminal tribunals (Nuremberg and Tokyo military tribunals) to try those who were responsible for waging Second World War, Africa played an important role in the development of international criminal justice system. Various international and hybrid criminal bodies were created in Africa to bring to justice those who committed serious international crimes and other gross violations of human rights (International Criminal Tribunal for Rwanda, Special Court for Sierra Leone, Extraordinary African Chambers, the Central African Republic's Special Criminal Court, etc.). Moreover, African states actively took part in creating International criminal court (ICC), but nowadays there is a tension between African states and ICC which can affect the future and development of the international criminal law and some African states announced their intention to leave the ICC because of the perceived political prosecutions by ICC and alleged bias against Africans. One of the most interesting contributions of Africa to the development of international criminal justice system is the creation of the African court of justice and human rights proposed by the Malabo Protocol adopted by the African Union in 2014. The relationship between ICC and African states and African initiatives to prosecute international crimes will undoubtedly influence the future development of international criminal justice.

Vladykina A.Yu.

University of Management “TISBI”, Kazan, Russia

**SUBSIDIARITY AND JUDICIAL DISCRETION IN THE JURISDICTION
OF THE COURTS OF SUBREGIONAL ECONOMIC ORGANIZATIONS
IN AFRICA ON HUMAN RIGHTS**

(With Special Reference to ECOWAS, EAC and SADC)

Whether the limits of judicial discretion or comparable doctrines of judicial respect have found access to human rights jurisdictions of three sub-regional courts established in the context of regional economic communities: the Community Court of the Economic Community of West African States (ECOWAS Court); East African Court of Justice (EAC Court), established within the framework of the East African Community; and the Community Development Tribunal of South Africa (SADC Tribunal). In addition, the relevance of the rules of exhaustion of domestic remedies as a separate manifestation of subsidiarity in their judicial practice is considered. The main institutional parameters for each court are examined, followed by an analysis of the role of procedural subsidiarity in the form of exhaustion of the norm on domestic remedies, and then on the presence or absence of substantial subsidiarity by formulating the margins of judicial discretion. The main methods used in the study are the concrete historical, comparative legal, and systemic methods. The existence of subsidiarity in the form of judicial discretion is an important condition for the further work of the courts of sub-regional economic communities in Africa to protect human rights, since the presence of “judicial respect” in relation to decisions of national courts and political and legal decisions of the participating states themselves is the key to recognition and the likelihood of enforcement of court decisions of sub-regional economic communities outside the territory of the member states of the respective communities.

Esther E. Njieassam
University of Johannesburg, South Africa

THE CONTRIBUTION OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL TRIBUNAL
FOR RWANDA IN THE DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL
CRIMINAL LAW

The political instability affecting most African countries since after independence have claimed millions of lives and resulted in gross human rights violations. In an attempt to hold perpetrators accountable for their actions, most African states instituted a traditional system of dispute resolution as a means to restore peace in the country. In Rwanda, the government created the Gacaca court to strengthen reconciliation and reveal the truth about those who orchestrated the genocide Rwanda that led to the meticulous killings of more than three quarters of Rwandan Tusti population by the Hutu extremist. The inefficiency of the gacaca lawyers and judges caused the UN Security council to create the International Criminal Tribunal for Rwanda. The ICTR set an important precedent for the development of international criminal law paved the way for international justice and peace as it set a precedent as it dealt with the first-ever prosecution of rape as a genocide case of a former *bourgmestre* (mayor), Jean-Paul Akayesuas. This paper argues that although African countries embrace the alternative system of justice they have also retain the traditional system of reconciliation as it was participative nature as well as enabled some genocide survivors to live peacefully alongside perpetrators.

Panel IV-2. Africa: Glance to the East and Russia's Interests
Секция IV-2. Африка: взгляд на Восток и интересы России

Convenors / Руководители: *Евгений Николаевич Корендясов, Татьяна Лазаревна Дейч* (Институт Африки РАН, Москва)

Contemporary international relations are characterized by the shift of the center of global development from the West to the East and by the increased influence of non-traditional players. So-called “emerging powers” became a driver of the global economy. The African continent found itself in the focus of special attention for the international actors. In the new millennium most African countries experienced the longest sustainable growth. According to the World's Bank 2018 projections for Sub-Saharan Africa, regional GDP growth of 3.2% (compared to 2,4% last year) was expected this year and ever greater increase of 3,5 is forecasted for 2019. Economic recovery was stimulated by the demand for raw materials, which contributed to a dynamic increase in FDI inflows.

“Emerging powers” become a real alternative to the traditional partners of African countries, opening the access to the new financial and investment resources and to the latest technologies for African countries. Africa's interaction with new players gives impetus to the process of transition to a new world order based on the principles of multipolarity, balanced and sustainable development.

However, the increase of international weight of the "emerging" countries and their strengthening positions in Africa are of growing concern for the traditional actors in the African scene. Western countries see the activities of these states as harmful for their economic interests in Africa, as an obstacle to the realization of liberal democratic and market reforms in the countries of the continent, and predict a new "scramble for Africa". The struggle not only for African resources, but for political influence ft the continent, intensifies.

Russia experiences a growing pressure from the West, first of all. From the USA, is also turning gradually to the East and pays increasing attention to the building mutually beneficial ties with African countries.

In recent years the areas of Russian-African economic partnership are expanding. Russia considers the development of relations with Africa as one of the priorities of its foreign policy.

Changes in the global power balance in the new millennium make more urgent to explore the issue of international relations in general and the growing role of Africa in the world affairs, in particular. Relations between African countries and the US, UK, France are noteworthy, because Western countries are still their major donors. African countries relations with the "emerging powers”, in the first

place, with China and India, which persistently force the "old players" out of the continent, also deserve special attention.

During the panel it is planned to discuss the new trends in the foreign policies of the African countries, the role of these countries in international organizations and on the global stage, policies of the leading countries of the "North" and "South" on the continent and in individual African countries, the problem of inter-African relations. Special attention will be given to the various aspects of Russia-Africa relations and the prospects of Russian policy in Africa.

Современные международные отношения характеризуется перемещением центра мирового развития с Запада на Восток. В роли двигателя глобальной экономики выступают сегодня «восходящие» страны. В центре внимания международных акторов – и Африканский континент. В новом тысячелетии в большинстве стран Африки наблюдается длительный устойчивый рост. По данным Всемирного Банка, в 2018 г. средний рост Африки должен был составить 3,2% против 2,4% в 2017 г., а в 2019 г. вырасти до 3,5%. Экономический подъем стимулировался спросом на сырье, что способствовало динамичному увеличению притока ПИИ.

«Восходящие» державы становятся реальной альтернативой традиционным партнерам африканских стран, предоставляя им доступ к новым источникам финансовых и инвестиционных ресурсов, к новейшим технологиям. Взаимодействие Африки с «восходящими» игроками придает импульс процессу перехода к новому миропорядку, основанному на принципах полицентричности, сбалансированного и устойчивого развития. Рассматривая деятельность этих государств как наносящую ущерб их экономическим интересам в Африке и как препятствие реализации либеральных реформ, Запад прогнозирует новую «схватку за Африку». Обостряется борьба не только за африканские ресурсы, но и за политическое влияние на континенте.

Россия, испытывая растущее давление со стороны развитых стран, в первую очередь, США, также разворачивается на Восток, уделяя все большее внимание налаживанию взаимовыгодных отношений с африканскими странами. В последние годы расширяются сферы российско-африканского партнерства. Россия рассматривает развитие отношений с Африкой как один из приоритетов своей внешнеполитической стратегии.

Изменения в соотношении сил на мировой арене актуализируют исследование проблемы международных отношений в целом и растущей роли в мировых делах стран Африки, в частности. Заслуживает внимания анализ взаимоотношений африканских стран, как с США, Великобританией, Францией, являющимися и поныне их ведущими донорами, так и с упорно вытес-

няющими с континента традиционных игроков «восходящими» державами, в первую очередь, с Китаем и Индией. В ходе заседания секции предполагается обсудить новые тенденции во внешней политике стран Африки, роль этих стран в международных организациях, политику ведущих государств «Севера» и «Юга» на континенте и в отдельных его странах, проблему межафриканских отношений. Особое внимание будет уделено анализу состояния российско-африканских отношений и перспективам политики России в Африке.

Борзова А.Ю.
РУДН, Москва, РФ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БРАЗИЛИИ СО СТРАНАМИ АФРИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бразилия развивает сотрудничество со странами Африки в нескольких направлениях: по линии Юг-Юг в рамках межконтинентальных саммитов «Южная Америка – Африка» (ASA), в русле ИБСА (Индия, Бразилия, Южная Африка – *IBSA*), а также через Сообщество португалоязычных государств (*CPLP*). Бразилия взаимодействует с Африканским Союзом (АС), который является основным форумом для обсуждения и продвижения инициатив в различных областях. В 2007 г. Бразилия подписала Договор о техническом сотрудничестве с АС, а в 2009 г. – дополнительные соглашения в рамках Совместной двусторонней комиссии по сельскому хозяйству и продовольственной безопасности. В 2003 г. в Бразилии прошел первый форум Бразилия-Африка, а появление в 2012 г. Бразильско-африканского института поставило работу форумов на постоянную основу. Бразильское агентство по сотрудничеству (АВС), структура которого была пересмотрена в 2017 г., координирует научно-техническую помощь странам Африки при реализации проектов, связанных с совершенствованием системы здравоохранения и образования, развитием сельского хозяйства, системы правосудия, защитой окружающей среды и устойчивым развитием, созданием инфраструктуры. В АВС в 2013 г. было создано руководство по подготовке и реализации проектов научно-технического сотрудничества, где выделяются: аналитический этап; этап планирования; разработка документации проекта. За тридцать лет (1987–2017)

ABC осуществила более 7000 проектов в 108 странах мира, с участием 124 бразильских учреждений (отраслевые министерства, банки, университеты и т.д.). В 2017 г. ABC руководила реализацией 610 проектов стоимостью 7,3 млн долл.

В странах Африки Бразилия реализует многочисленные проекты научно-технического сотрудничества, как на двусторонней основе, так и в рамках трехстороннего сотрудничества, где объединяет усилия с развитыми странами, либо взаимодействует с международными организациями. В Африке наибольшее внимание Бразилия уделяет сотрудничеству с португалоязычными странами, где в 1998–2017 гг. был реализован 471 проект на сумму 45 млн долл. Предпочтение отдается тем программам, которые доказали свою эффективность в Бразилии и носят инновационный характер с большим потенциалом, соответствующим национальным приоритетам развития, расширяющим торгово-экономические связи Бразилии.

Borzova A.U.
PFUR, Moscow, Russia

SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION BETWEEN BRAZIL AND AFRICAN COUNTRIES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Brazil is developing cooperation with African countries in several directions: along the South-South line within the framework of the South America – Africa Intercontinental Summits (ASA), in line with IBSA (India, Brazil, South Africa), as well as through the Community of Portuguese-Speaking States (CPLP). Brazil collaborates with the African Union (AU), which is the main forum for discussing and promoting initiatives in different fields. In 2007, Brazil signed a Technical Cooperation Agreement with the AU, and in 2009 – additional agreements within the framework of the Joint Bilateral Commission on Agriculture and Food Security.

In 2003, Brazil hosted the first Brazil-Africa forum, and the appearance in 2012 of the Brazilian-African Institute put the work of the forums on an ongoing

basis. The Brazilian Cooperation Agency (ABC), whose structure was revised in 2017, coordinates scientific and technical assistance to African countries in implementing projects in order to improve the health and education system, agricultural development, the justice system, environmental protection and sustainable development, the creation of infrastructure. In 2013 ABC prepared a guide on the preparation and implementation of scientific and technical cooperation projects. During 30 years (1987–2017) ABC implemented more than 7,000 projects in 108 countries, with the participation of 124 Brazilian institutions (line ministries, banks, universities, etc.). In 2017 ABC led 610 projects with the of worth \$ 7.3 million. In Africa, Brazil implements numerous projects of scientific and technical cooperation both at the bilateral level and in the frame work of triangular cooperation, where it joins forces with developed countries or interacts with international organizations. In Africa, Brazil pays attention to the cooperation with Portuguese-speaking countries, wherein 1998–2017 there were implemented 471 projects worth \$ 45 million. Preference is given to those programs that have proven their effectiveness in Brazil and are innovative in nature with great potential corresponding to national development priorities, expanding trade and economic relations of Brazil.

Волков С.Н.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

**РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ В АФРИКУ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

В настоящее время Африка является достаточно емким рынком сбыта: ее совокупный ВВП в 2020 г. прогнозируется в \$2,6 трлн, а потребительские расходы в \$1,4 трлн. Самые высокие в мире темпы прироста населения, усиление урбанизации (к 2030 г. половина африканцев будет жить в городах) и увеличение доходов населения превратит ее в наиболее динамично развивающийся сегмент мирового рынка.

В 2018 г. гражданский экспорт из России в Африку возрос до \$17,5 млрд (против \$9,5 млрд в 2017 г.), в результате в списке основных экспортеров в страны континента она поднялась с 14 на 11 позицию. Однако фактически Россия занимает более высокое место в этом списке, поскольку эти цифры не включают поставки вооружений и военной техники, составившие в 2017–2018 гг. более \$2,1 трлн. Кроме того, существенная часть российских товаров попадает в Африку в качестве реэкспортных, в основном, через европейские страны – наши конкуренты в этом списке.

Успехи в продвижении российской продукции на африканские рынки объясняются высокой комплементарностью поставок, в значительной мере, соответствующих товарной структуре несырьевого импорта государств континента. В 2018 г. четыре африканские страны вошли по этому показателю в первую десятку импортеров российской продукции: Египет занял 1 место, Алжир – 2, Марокко – 6 и Эфиопия – 7.

В числе факторов, сдерживающих рост российского экспорта в Африку, – отсутствие единой государственной стратегии развития внешней торговли, в т. ч. и с этой группой государств, низкий экспортный потенциал, невысокая транспортная доступность (за исключением стран Северной Африки), санкции против России, негативно влияющие на экспорт вооружений и военной техники. Перспективы развития российского экспорта в Африку связаны с наращиванием поставок сельскохозяйственных товаров, продукции лесной промышленности и машиностроения.

Volkov Sergey N.

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia

RUSSIAN EXPORTS TO AFRICA: STATE, PROBLEMS, PROSPECTS

Currently, Africa is a capacious market: its total GDP in 2020 is projected at \$2.6 trillion, and consumer spending at \$1.4 trillion. The world's highest population growth rates, increasing urbanization (by 2030, half of Africans will

live in the cities) and increasing incomes will turn it into the most dynamically developing segment of the world market.

In 2018, civilian exports from Russia to Africa increased to \$17.5 billion (compared to \$9.5 billion in 2017). As a result, Russia lifted from 14 to 11 position in the list of major exporters to the continent, However, in fact, Russia ranks higher in this list, because the figures do not include the supply of weapons and military equipment, which amounted more than \$2.1 billion in 2017–2018. In addition, a significant part of Russian goods comes to Africa as re-exports, mainly through European countries – our competitors in this list.

The success in promoting Russian products to African markets is explained by the high complementarity of supplies, which largely correspond to the goods structure of non-primary imports of the continent. In 2018, four African countries entered the top ten importers of Russian products by this indicator: Egypt took 1st place, Algeria – 2, Morocco – 6 and Ethiopia – 7.

Among the factors constraining the growth of Russian exports to Africa are the lack of a unified state strategy for the development of foreign trade, including trade with this group of states, low export potential, low transport accessibility (except for the countries of North Africa), sanctions against Russia, which had negative influence on the export of weapons and military equipment. Prospects for the development of Russian exports to Africa are associated with the increase in supplies of agricultural goods, forest products and machinery.

Дейч Т.Л.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

КИТАЙ В АФРИКЕ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

В XXI в.в странах Африки наблюдается длительный устойчивый рост, стимулируемый растущим спросом на сырье и соответствующим динамичным увеличением притока ПИИ. Эксперты связывают беспрецедентный рост ВВП многих африканских стран с участием в их развитии Китая. Последнее десятилетие стало свидетелем активизации политики Китая в Африке. По мнению

экспертов, Китай превращается из относительно небольшого инвестора на континент в одного из ведущих экономических партнеров Африки.

Стимул для роста китайских инвестиций в Африку создает и ее участие в китайском проекте OBOR (Один пояс – Один путь). Проект предусматривает сокращение барьеров в торговле стран Африки с помощью строительства высокоскоростных железных дорог, улучшения шоссейной инфраструктуры, обустройства старых и строительства новых морских портов, создания зон свободной торговли. Воплощение в жизнь китайской инициативы создает возможность для сотрудничества международных и африканских компаний работать совместно с китайскими компаниями в осуществлении проектов развития континента.

В документах саммита Форума китайско-африканского сотрудничества, состоявшегося в сентябре 2018 г в Пекине, был озвучен пакет новых мер, включающий «восемь больших инициатив». Поставлена задача: решить к 2030 г. проблему продовольственной безопасности континента, в частности, с помощью осуществления 50 проектов модернизации африканского сельского хозяйства.

Новая тенденция – упор на индустриализацию стран континента. Китай переводит в Африку некоторые свои предприятия интенсивного труда: действуют китайские текстильные предприятия в Нигерии, 500 мануфактурных производств в Эфиопии. На китайские инвестиции и с помощью китайских специалистов, а также основываясь на опыте Китая в создании Свободных экономических зон (СЭЗ), в африканских странах (Нигерия, Эфиопия, Уганда и др.) создано более 20 экономических зон и промышленных парков, где широко применяются новые технологии.

Пекин уделяет особое внимание развитию человеческого капитала, в частности, подготовке специалистов в различных отраслях экономики, а также решению экологических проблем, созданию «зеленой экономики».

CHINA IN AFRICA IN THE SECOND DECADE OF XXI CENTURY

In the twenty-first century, Africa is experiencing sustained growth, driven by increasing demand for raw materials and by a corresponding dynamic increase in FDI inflows. Experts attribute the unprecedented GDP growth of many African countries to China's participation in their development. The last decade has become the witness of China's policies in Africa intensification. According to experts, China is turning from a relatively small investor in the continent into one of Africa's leading economic partners.

Africa's participation in the Chinese initiative OBOR (One belt – One road) also creates an incentive for the growth of Chinese investments in Africa. The project foresees to reduce barriers for trade in Africa through the construction of high-speed railways, improvement of road infrastructure, arrangement of old and construction of new seaports, creation of free trade zones. The implementation of the Chinese initiative creates an opportunity for African companies to work together with Chinese companies in realization of the development projects at the continent.

At the summit of China-Africa cooperation Forum in September 2018 in Beijing, a package of new measures was announced, including "eight big initiatives". The goal is to solve the problem of food security of the continent by 2030, in particular, through the implementation of 50 projects on African agriculture modernization.

A new trend in China's policy is the creation of Africa's industrial base. China is moving some of its intensive labor enterprises to Africa: there are Chinese textile enterprises in Nigeria, manufactories in Ethiopia. Some African countries (Nigeria, Ethiopia, Uganda, etc.) have been actively building industrial parks and special economic zones with the aid of Chinese experts to create new drives for economic and social development.

Beijing pays special attention to the development of human capital, in particular, the training of specialists in various sectors of the economy, as well as to the solving environmental problems, to creating a "green economics".

Корендясов Е.Н.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

НОВЫЕ КОНТУРЫ РОССИЙСКО-АФРИКАНСКОГО ПАРТНЕРСТВА

1. Африка становится центром влияния глобальной значимости на мировом политическом и экономическом пространстве. Необходимость расширения позиций России на этом континенте подтверждают итоги первого саммита Россия – Африка, состоявшегося 23–24 октября 2019 г. в Сочи.

Ключевую роль в сближении играет поворот Африки в сторону Юга, создание и деятельность БРИКС (на восходящие и развивающиеся страны приходится более 50% внешней торговли континента). Россия сделала выбор в пользу евразийской стратегии, активизации партнерства с развивающимся миром.

2. Саммит Россия – Африка в Сочи открывает новую эру в развитии российско-африканского партнерства. Его итоги дают основания говорить о «сочинской модели», «сочинского консенсуса». Четко сформулирована платформа взаимодействия в реализации целей формирования многополярного миропорядка на основе принципов и целей Устава ООН, расширения представительства африканских стран в институтах глобального управления.

Подчеркнуто намерение фокусировать инвестиции на тех направлениях и объектах партнерства, которые оптимально содействуют ускорению экономического развития на основе современных технологий, повышения качественных показателей уровня жизни.

3. Расширение позиций России вызывает ревность, (а порой и открытую агрессию) со стороны западных держав. При этом возрождаются тезисы из «колониальной библиотеки». Между тем конкуренция имманентно присуща рыночной экономике. Однако в Африке конкурентные баталии имеют

границы. Их составляют глобальные вызовы и угрозы, которые Африка может преодолеть только в рамках широкого международного сотрудничества.

4. Реализация объявленных намерений будет зависеть от достижения затухания турбулентности на международной арене и на мировых рынках, а также от политической воли правящих элит, укреплять политический и экономический суверенитет своих государств.

Evgeniy N. Korendyasov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE NEW CONTOURS OF RUSSIA-AFRICA PARTNERSHIP

1. Africa is becoming the center of influence of global importance in the world political and economic space. The need to expand Russia's position on this continent is confirmed by the results of the first Russia – Africa summit, held on 23-24 October 2019 in Sochi.

A key role in the rapprochement is played by Africa turn to the towards the South, the BRICS creation and activity (the emerging and developing countries account for more than 50% of the continent's foreign trade). Russia made a choice of a Eurasian strategy, of strategic partnership with the developing world.

2. The Russia – Africa summit in Sochi is opening a new era in the development of the Russian-African partnership. Its results give grounds to speak about the "Sochi model", "Sochi consensus". A clearly formulated platform for cooperation in the implementation of the goals of forming a multipolar world order based on the principles and objectives of the UN Charter, expanding the representation of African countries in the institutions of global governance. The intention is emphasized to focus investments on the areas and objects of partnership that optimally contribute to the acceleration of economic development on the basis of modern technologies, improving quality indicators of living standards.

3. Expansion of Russian positions causes jealousy (and at times open aggression) from the Western powers. At the same time, theses from the "colonial

library" are revived. Meanwhile, competition is inherent in the market economy. In Africa, however, competitive battles have boundaries. There are global challenges and threats that Africa can overcome only with the help of broad international cooperation.

4. The implementation of the announced intentions will depend on the achievement of damping turbulence in the international arena and world markets, as well as on the political will of the ruling elites to strengthen the political and economic sovereignty of their states.

Н.Б. Лебедева
ИВ РАН, Москва, РФ

**МОРСКОЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ-21 (MSR-21) КИТАЯ VS МОРСКОЙ
КОРИДОР РОСТА (AAGC) ИНДИИ И ЯПОНИИ
(АНАЛИЗ УЧАСТИЯ СТРАН АФРИКИ)**

В докладе рассматриваются мотивы, особенности и проблемы реализации двух крупных интеграционных инициатив: Китая МШП-21 и Индии-Японии МКР (AAGC). В качестве поля их социально-экономического воздействия, районов инвестиций, торгового, культурного и делового обмена, осуществления инфраструктурных проектов (строительство портов в Момбасе, Ламу, Багамойо, Джибути и др., сети железных и иных дорог, 6 коридоров экономического роста, нефтепроводов и т.п.) избраны ряд государств Северной Африки (например, Египет), Африканского Рога и восточного побережья Черного континента (Джибути, Кения, Эфиопия, Мозамбик и др.).

Морской коридор роста в тандеме Индии и Японии – это инициатива, вытекающая из консультативного процесса сторон, который был бы прибыльным и приемлемым для банковского сектора, в отличие от «модели, финансируемой правительством» – проекта МШП в рамках ОПОП. Этот проект (AAGC) заключается в том, чтобы дать возможность странам Азии и Африки интегрироваться и коллективно выступать в качестве глобального конкурентоспособного экономического блока. Вклад Японии в проект будет состоять из самых современных технологий и возможностей для создания каче-

ственной инфраструктуры, в то время как Индия будет использовать свой опыт работы в Африке, а также обустраивать морские порты в рамках программы Сагар Мала.

Акцент будет сделан на анализе потенциальных выгод и рисков для всех сторон, а также попыток повышения инновационности мер инициаторов с целью установить более тесные взаимодействия и сделать партнерство между странами более эффективным на основе принципа «win-win».

Lebedeva N.B.

Institute of Oriental studies RAS, Moscow, Russia

MARITIME SILK ROAD-21 OF CHINA VS MARITIME CORRIDOR
OF GROWTH OF INDIA AND JAPAN
(ANALYSIS OF AFRICAN STATES PARTICIPATION)

The Report shows motives, peculiarities and problems of realization of two great integration initiatives – Chinese MSR-21 and India-Japan AAGC in the region of The Northern Africa (Egypt), the African Horn and the eastern littoral of the Black continent (Djibouti, Kenya, Mozambique, Ethiopia). It analyses socio-economic influence, regions of investment, trade, business and cultural exchange, realization of infrastructure projects (building of ports in Mombasa, Lamu, Bagamoyo, Djibouti; railroads, 6 corridors of economic cooperation etc.) in African participants under MSR and AAGC. AAGC in tandem of India and Japan is presented as an initiative, stemming from a consultative process of all sides. It would be profitable and acceptable for the banking sector, as opposed to the “government-funded model” of the MSR as an element of OBOR project. The idea of the AAGC is to allow the countries of Asia and Africa to further integrate and collectively act as a global competitive economic bloc. Japan’s contribution consists of project financing the most up-to-date technologies and opportunities for creating high-quality infrastructure, while India uses its experience in Africa, as well as develop ports within the framework of the Sagar Mala program. The report makes accents on

potential benefits and risks for all sides, as well as on efforts to make partnership between all participants more effective on a principle on “win-win”.

Viktor Marsai

National University of Public Service, Budapest

NOSTALGIA OR REALITY? – THE PERSPECTIVES
OF CEEC–SUB-SAHARAN AFRICAN RELATIONS IN THE CONTEXT
OF THE HUNGARIAN SOUTHERN OPENING POLICY

After vibrant connections during the Socialist era the regimes changes brought a sharp decline in the African policies of the Central-eastern European countries. The priority of Euro-Atlantic integration overshadowed the previous relations and significantly reduced the assets and resources, which could be mobilized to maintain Sub-Saharan relations. The thinking of the revitalization of the southern connections emerged only after the successful integration process to EU and NATO. In this aspect two major issues played crucial role: economic and security considerations.

After its first EU Presidency, the Hungarian government declared its Global Opening Strategy in 2011. The aim of the new policy was to revitalize political and economic relations of Hungary with these parts of the Globe (Middle East, East-Asia, Africa, Latin-America) which were neglected between 1991–2011. Four years later the Ministry of Foreign Affairs announced the Southern Opening policy, which served as the Sub-Saharan Africa branch of Global Opening. In the last years (re)-opening embassies, new scholarships and increasing economic investments signed the efforts which were made by the governmental and private sector. Nevertheless, the period of 2015-2019 also demonstrated the challenges and obstacles, which could jeopardize the success of the policy.

In my presentation I will shortly examine the historical connections of the CEEC, especially Hungary with the Sub-Saharan Africa. After it I will demonstrate the build-up of the new policy and its main tools. Last, but not least, my presentation will show the successes and the challenges of the new policy.

My research based on first and secondary literatures, interviews with stakeholders both in Hungary and in Africa, and field researches in Ethiopia, Kenya and Somalia.

Ненашев С.В.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

АЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ АНГОЛА

В современных международных связях Анголы азиатское направление представляет собой значительный и весьма важный сегмент.

Основы этого направления были заложены в середине прошлого века в духе решений Бандунгской конференции 1955 г., выступившей, в том числе, за ликвидацию колониализма, за право народов на самоопределение. Ее проведение совпало по времени с нарастанием борьбы ангольских патриотов, в том числе и с оружием в руках, за независимость своей страны. В тот период правительства ряда азиатских государств оказали национально-освободительному движению Анголы существенную моральную и политическую поддержку. При этом следует выделить Китай, который на протяжении ряда лет предоставлял ангольским борцам разностороннюю, включая военную, помощь.

Четверть века, последовавшая за провозглашением в 1975 г. независимости Анголы, не была отмечена каким-либо заметным развитием азиатского направления ее внешней политики. Во многом оно сдерживалось вспыхнувшей в стране накануне обретения независимости гражданской войной, продолжавшейся в течение последовавших 27 лет.

Подъем ангольско-азиатских отношений пришелся на начало текущего столетия после установления мира в Анголе в 2002 г. Основу этого подъема составили, прежде всего, взаимные экономические интересы.

После обретения мира правительство Анголы остро нуждалось в получении иностранных кредитов для финансирования работ по восстановлению разрушенной в годы гражданской войны инфраструктуры страны. В силу

этого оно было заинтересовано в притоке в национальную экономику инвестиций и современных технологий для осуществления ее диверсификации и обеспечения устойчивого развития, а также в расширении географии надежных и долгосрочных рынков для своей экспортной продукции (нефть, газ, алмазы и другое минеральное сырье).

Разворот Анголы на “восток” совпал с возросшим интересом ведущих азиатских государств к Африканскому континенту, в том числе и к Анголе, учитывая ее значительный экономический потенциал. Притягательность Анголы для партнеров из Азии состояла, прежде всего, в возможности доступа к ее углеводородным ресурсам, освоения ее разнообразного и богатого природного потенциала, экспорта своих товаров на динамично развивающийся ангольский рынок.

Особое место на азиатском направлении внешней политики Анголы в настоящее время занимает Китай, который с большим отрывом опережает другие государства Азии по уровню, объему и широте связей. Набирает обороты взаимодействие Анголы с Индией, Южной Кореей, Японией, Израилем. В последние годы заметно активизировалось сотрудничество Анголы с Турцией, что во многом связано с африканским “наступлением” Анкары, предпринятым в текущем столетии. Налаживается сотрудничество официальной Луанды с такими странами Арабского востока, как Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ.

Stephen Paduano

London School of Economics, UK

CHINA STANDS UP: THE AIMS AND AMBITIONS OF CHINA’S RETURN TO AFRICA

As the Communist revolution was coming to a close, Mao Zedong famously declared: “We have stood up.” It was a triumphant tagline, though it was not quite right. With the young country languishing in poverty and instability through much of the next three decades, its ability to face—let alone lead—the world was never likely. Haphazard interventions in and overtures to Africa during this period

ultimately came to naught when Mao's successor, Deng Xiaoping, confessed that his country's weaknesses would not allow further engagement with the continent. "We are still a relatively poor nation...However, once we have accomplished the four modernisations and the national economy has expanded, our contributions to mankind and especially to the Third World will be greater."

Much has changed since the days of Deng and Mao. Today there is little doubting that China has accomplished its modernisations, expanded its economy, and has indeed "stood up." With its new capacity to make "contributions to mankind and especially to the Third World," it is important to investigate what these contributions might be and what goals they might serve. In this paper, I will survey contemporary Chinese thought, rhetoric, and policy to understand the ambitions of China's return to Africa. The picture will be mixed. Although China speaks of non-intervention, it has increasingly approved Western interventions (Libya), joined peacekeeping missions (Sudan), and established a military foothold (Djibouti). Although China claims to oppose conditional aid, it has pushed all but one country (Eswatini) to strip Taiwan of recognition. And although it abjures geopolitical competition, it has made clear its hopes that Africa will help it reshape the world order. From all this, I hope to synthesise what China really wants for and from Africa.

Santos Johnatan

RUDN University, Moscow, Russia

BRAZIL IN AFRICA: GOING BEYOND COMMERCIAL INTERESTS

The world is changing and so is its perception on how international policies are made. Brazil, a regional leader and the only Portuguese speaking country in Latin America has in the past few years expanded its engagement with the African continent. Over the last decade Brazil's diplomatic representatives more than doubled and new economic partnership has been developed in the region ever since.

Without much attention from the international media Brazil has silently followed the footsteps of its BRICS partners, China and India and has been actively strengthening its presence in Africa by implementing a stronger political

and innovative asset focused on economic, social, humanitarian and egalitarian development. Since then new partnerships have been created which boosted new agreements between the Mercosur Economic Bloc (Mercado Comun delSur) with the Southern African Customs Union (SACU) and the Southern African Development Community (SADC) as well as the Economic Community of West African States (ECOWAS), the New Partnership for Africa's Development (NEPAD) and the African Union (AU) thus, taking Brazil's new engagement with Africa to a new level.

The African continent is of great interest to Brazil who mainly focuses on its Lusophone-partners and in the development of the South-South cooperation. Despite the economic and trade interests that represents today's globalized world, Brazil's foreign policy towards Africa is seen as solidary. Investments in cultural and educational cooperation as well as the creation of the African-Brazilian Lusophony Integration University (UNILAB) is an example of how the new approach to the relations of solidarity between Brazil and the African countries is being reached. The aim of this study is to identify and analyze the key factors being implemented to develop the relations of both regions.

Усов В.А.

Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, РФ

ИНТЕРЕСЫ ИНДИИ В АФРИКЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ИНДИЙСКИХ ПОЗИЦИЙ НА КОНТИНЕНТЕ

Индийская политика в отношении стран Африки определяется несколькими факторами, в первую очередь возрастающей ролью Африки в качестве поставщика природных ресурсов, особенно энергоресурсов и стремлением освоить африканские рынки. Перспективными областями индийско-африканского сотрудничества также являются образование, медицина, сельское хозяйство, ИТ-технологии. Вместе с тем озабоченность Индии вызывает продвижение Китаем своих интересов в Африке и подключение ряда африканских стран к китайской инициативе «Один пояс Один путь». В целях закреп-

ления своих позиций в Африке Индией предпринимаются усилия как на государственном уровне, так и путем поддержки индийского бизнеса. Переизбрание на новый срок в Индии правительства во главе с Нарендрой Моди и его первые шаги в отношении стран Африки и Индийского океана демонстрируют готовность Индии сохранить и усилить здесь свои позиции, что в целом приветствуется африканскими государствами.

Vyacheslav Usov

Russian Institute for Strategic Studies (RISS), Moscow, Russia

INDIA'S INTERESTS IN AFRICA AND OPPORTUNITIES TO STRENGTHEN INDIAN POSITIONS ON THE CONTINENT

India's policy towards Africa is driven by several factors, notably Africa's increasing role as a supplier of natural resources, especially energy, and its desire to tap its markets. Education, medicine, agriculture, IT-technologies are also priorities for India in strengthening its position in Africa. However, India is concerned about active China's promotion of its interests in Africa and the involvement of a number of African countries in China's "One belt One Road" initiative. In order to consolidate its position in Africa, India is making efforts both at the state level and by supporting Indian business. The re-election of the Indian government headed by Narendra Modi for a new term and its first steps towards Africa and the Indian Ocean region have demonstrated India's willingness to maintain its position in the area, which is generally welcomed by African States.

Цветкова Н.Н.

Институт востоковедения РАН, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, РФ

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СТРАНАХ АФРИКИ С УЧАСТИЕМ АЗИАТСКИХ ТНК И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Многие страны Тропической Африки приняли стратегии развития цифровой экономики, «экономики знаний», делая, таким образом, ставку на преодоле-

ние экономической отсталости с помощью новых технологий. Можно утверждать, что ТНК по производству цифрового оборудования из стран Востока во многом обеспечивают цифровую трансформацию африканских стран, поставляя в них компьютерное и прежде всего телекоммуникационное оборудование – более доступное по цене, чем оборудование из развитых стран. В Африке в 2010-х гг. имела место настоящая революция в развитии мобильной телефонии, и во многом это произошло благодаря дешевому импорту из азиатских стран. В 2015 гг. доля развивающихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии в мировом экспорте компьютерного оборудования составляла 65%, телекоммуникационного оборудования – 72%. Среди ведущих поставщиков мобильных телефонов в Африку фигурируют и широко известные компании – южнокорейская «Самсунг электроникс» и китайская «Хуавей», и менее известная, специализирующаяся именно на экспорте в Африку китайская компания Transsion. ТНК из стран Востока участвуют в развитии аутсорсинга ИТ-услуг и БПО в странах Африки, на который последние возлагают немалые надежды, чтобы обеспечить не только экономический рост, но и создать рабочие места для образованной молодежи. Страны Африки развивают сервисы цифровой экономики: электронные платежи, электронную торговлю, онлайн-образование, телемедицину. Однако развитие цифровых сервисов и ИТ-услуг ставят на повестку дня острый вопрос об информационной безопасности. Если в поставках цифрового оборудования шансы российских компаний невелики, то в сфере кибербезопасности в России есть признанные мировые лидеры, например, «Лаборатория Касперского», которая уже действует в странах Африки (облачные услуги в Гане), для них в этом плане в Африке открывается широкое поле действия. Могли бы расширить свои позиции в сфере ИТ-услуг, облачных услуг и другие российские компании, например «Софтлайн», особенностью бизнес-модели которой является то, что создавая за рубежом предприятия, она использует в основном только местные кадры.

Nina N. Tsvetkova

Institute of Oriental studies, RAS, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

ASIAN TNCs' INVOLVEMENT IN DEVELOPMENT OF DIGITAL
ECONOMY IN ASIAN COUNTRIES AND PROSPECTS
FOR RUSSIAN COMPANIES

A number of countries of Tropical Africa have adopted strategies of digital economy development, “knowledge economy” development, striving to overcome economic backwardness by using new technologies.

It can be stated that TNCs from Asian countries, to a great extent, provide for digital transformation of African countries as they supply to them computer and telecommunications equipment that is more affordable than that from developed countries. A real revolution in development of mobile telecommunications took place in Africa in the 2010 and it was enabled by affordable imports of mobile phones from Asian countries. In 2015 the countries of East and South-East Asia accounted for 65 per cent of world exports of computer equipment and 72 per cent of exports of telecommunications equipment. Leading exporters of feature phones and smartphones to Africa include Asian companies with brands popular all over the world such as Samsung Electronics (Republic of Korea) and Huawei (China) and less known companies such as Chinese company Transsion that is specializing on exports to African countries.

TNCs from Asia are involved in development of outsourcing of IT services and business processes to African countries that consider the development of this sector as a possibility not only to foster economic growth but also to provide jobs for educated youth.

African countries develop digital economy services such as electronic commerce, electronic payments online education, online medicine. But the proliferation of digital services makes vital the problem of information security.

If the chances of Russian companies to export digital equipment to Africa are minimal, there are world acknowledged leaders of cyber-security sphere in Russia, such as Kaspersky Laboratory. It has investments in African countries

already (cloud services in Ghana). There are other companies in IT sphere providing cloud services in Russia that could increase their presence in African countries; their business models often presume hiring mostly local professionals.

Yahia H. Zoubir

KEDGE Business School, Marseille, France

**RUSSIA AND THE MAGHREB STATES:
RENEWING OLD RELATIONSHIPS**

Academic and journalistic reports have argued that in recent years Russia has been on a big offensive in Africa in general and in Northwest Africa (Maghreb) in particular. Some pundits have suggested that the Kremlin is quietly making inroads and that it has been expanding this power through arms and energy deals, tourism promotion, and diplomatic proposals to gradually dislodge U.S. influence in this region. The underlying assumption is that Russia's moves in the region represent not only a threat to US and European interests, but that they are also done allegedly to the detriment of U.S. interests. Undoubtedly, Russia's activities in the Maghreb (Algeria, Morocco, and Tunisia) have been noticeable recently. However, it is quite uncertain whether Moscow has some grand design for the region. While Russia is a relatively important player in the Maghreb, the region itself is not vital for its interests. Neither did this region represent a strategic importance for the Soviet Union during the Cold War. However, although, like the United States, Russia did not view the Maghreb as a regional entity, it nonetheless succeeded in building good relations with the Maghreb states, particularly with Algeria. Like China today, Moscow seeks to revive the traditional relations to reassert its great power status on the world stage. To do that, Moscow has expressed more clearly its intent on defending its political, trade, security, and cultural interests. In doing so, one can argue that there are many parallels with the Soviet type of engagement in the region, without the ideological overtone that had characterized Moscow's policy during that the Cold War. Today, Moscow's policy in the Maghreb is more pragmatic and more appealing to the incumbent Maghreb

governments seeking to balance out or even perhaps distance themselves from Western powers perceived as too intrusive in their domestic affairs. Indeed, the Maghreb governments have shown increasing attraction for the Russian and Chinese models of governance. This is especially true since the so-called Arab Spring, which Moscow, Beijing, and most Arab states have interpreted as an attempt by Western powers to induce regime change in the region.

This paper will first provide a review of Soviet Russia's relations with the Maghreb states to help understand the restoration of the close relations with Algeria, its main partner in the region, on the one hand, and the transformation of relations with Morocco and Tunisia, two close Western allies, on the other hand. Because of the close partnership with Algeria, the paper will provide a deep review of the bilateral ties that Moscow has established with Algiers since the cold war; the focus, however, will be on the relationship during Vladimir Putin's leadership. Relations with Morocco and Tunisia have also developed favorably. The paper will show that this is part of Moscow's strategy in the Mediterranean. In reviewing the bilateral relations that have been developing with the three Maghreb states, the paper will identify the major areas of cooperation that Moscow has engaged in and what their objectives are. This will provide a more realistic assessment of Moscow's policy toward these states and help draw a realistic perspective on Russia-Maghreb ties. Finally, the paper will discuss the limitations of Russia's policy toward the Maghreb states and what factors can strengthen these relations.

Panel IV-3. Economic Competition of the BRICS States in Africa
Секция IV-3. Экономическая конкуренция стран БРИКС в Африке

Convenor / Руководитель: *Алексей Владимирович Кузнецов* (ИНИОН РАН, Москва)

Fundamental changes are taking place in world development. There is a struggle for the resources and spheres of influence between the two most populous countries – China and India. The African continent plays a key role in this fight due to growing economies, a huge market and rich mineral resources. Russia has not yet developed a clear policy regarding its presence in Africa – many of the decisions taken by the USSR were political. Russia's economic policy is just beginning to take into account the specifics of ethno-cultural, ethno-tribal and inter-country relations in Africa. Russia looks attentively at the growing Chinese expansion in Africa, does not forget about the assessment of the former colonial powers and US interests, but almost completely lose sight of the growing interest of Brazil and other countries of the Global South in Africa. The purpose of the section is to explore the economic role of BRICS countries in Africa. It is interesting to investigate specific areas where the BRICS countries are ready to invest, mechanisms for attracting investment and opportunities for joint projects of different countries. The comprehensive modernization of African countries requires not only large-scale infrastructure projects, but also well-established links between African countries themselves. In this regard, joint cross-country projects involving foreign capital are relevant, while regional cooperation is being intensified.

Points for discussion:

– What is the role of BRICS in the implementation of investment programs in Africa? Is the BRICS a kind of conductor facilitating foreign investment in Africa? Does the BRICS presence help to reduce bureaucratic and administrative barriers?

– What are Russia's sectoral priorities in Africa? What makes it difficult and what encourages Russian companies to invest in African countries? What is the role of Russia's political strategy in building long-term foreign economic relations with African countries?

– What is the attitude of Africans to the growing Chinese presence? Who is China's real competitor in the struggle for African resources?

– What are India's priorities in Africa? How important is the role of the Indian Diaspora in increasing India's investment in Africa?

- What are the specifics of the Brazilian presence? How active are companies from other Latin American countries in Africa?
- How significant is foreign activity in Africa by African TNCs, primarily from South Africa?

Arina Muresan,
Sanusha Naidu
Institute for Global Dialogue, South Africa

NATION BRANDING AND ECONOMIC COMPETITION IN AFRICA, THE CASE FOR NATION BRANDING AND THE BRICS

Nation branding, also known as place branding, is fast becoming an effective way to communicate public diplomacy and other related soft power messaging. One of which, is the promotion of economic diplomacy and attracting investment and further cooperation. In an era where geostrategy is influenced by perceptions, nation branding communicates through the use of media and communication strategies as well as a synthesised message about the intentions of the country, which reaches policy makers as well as the general public. Thus contributing to a country's credibility and legitimacy as a product which allows recipients to form an emotional attachment to the messaging associated with a country. In a world where it is fast becoming increasingly difficult to manage perceptions, nation branding is a unique and strategic tool to build economic partnerships. African reactions to the nation brands of the BRICS countries, as well as the joint messaging of BRICS in Africa are in general positive noting opportunities; immediate impressions of Brazil's nation brand communicating a sensational experiences of Sport and Lusophone traditions have particular success with Lusophone African countries. India's diverse brand brings in culture through film and tourism, as well as manufacturing and technical incredible potential. And China's nation brand is strongest at communicating Chinese civilization while inspiring possible engagement. South Africa's image depicting a Rainbow Nation is remarkable in the reinvention of a national narrative but is waning across Africa. And while Russia's mass communication with foreign audiences may come at a

disadvantage, it is faced with a task of active re-branding. This paper furthers the discussion on soft and hard impacts of the BRICS countries' branding shapes the way African countries perceives each BRICS nation. Which may inform a pecking order or hierarchical approach in the way the BRICS defines its engagement with African countries and in turn highlight whether African countries place emphasis in the deliberations with the BRICS in an overall manner.

Kuznetsov Alexey V.

Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia

COMPETITION OF BRICS IN AFRICA IN THE FIELD OF FDI

According to WIR data of UNCTAD, China is the 3rd largest exporter of direct investments in terms of outward FDI stock at the end of 2018, while Russia, South Africa, Brazil and India take the 20th, 24th, 25th and 30th places in the world correspondingly. However, Africa has received less than 3% of global FDI. Moreover, roles of BRICS in Africa in the field of FDI vary significantly, especially in different regions and countries. For example, main recipients of FDI in Africa are South Africa, Egypt, Nigeria, Morocco and Mozambique. Due to IMF CDIS, at the end of 2017 Chinese FDI stock in South Africa was \$7.3 billion while FDI stock from other BRICS was only \$0.4 billion (without data on Russian and Indian trans-shipping FDI via offshore zones). On the contrary, Chinese FDI stock in Mozambique was only \$0.1 billion while South African FDI stock was \$2.6 billion, Indian FDI stock was \$1.8 billion and Brazilian FDI stock was \$0.3 billion.

Main reasons of contrasts in FDI of MNEs from different BRICS countries are specifics of industrial structure of various African economies as well as the level of historical, language and geographical closeness between BRICS and African countries. Our study has shown that there is a slight correlation between investment attractiveness and the level of corruption (as well as some other factors which are very popular in analysis of Western scholars) in Africa.

The main stress in our report is made on actual and possible competition between Russian and other MNEs from BRICS. Oil & gas, mining of metal ores and uranium, infrastructure construction, telecommunications and other services are among case studies of our research. Unfortunately, urgent problems of competitiveness of Russian MNEs are mainly specifics of Russian business models, the lack of knowledge in African realities in companies and weak Russian state policy. Indeed, there are too many niches (sometimes narrow) which are not connected with strong competition between MNEs of various BRICS (as well as Western MNEs) but Russian companies do not have enough expertise and willingness to conquer such markets.

CA Georghiou

University of Johannesburg, Johannesburg, R.S.A.

**SOUTH AFRICA AND BRICS:
DOES MEMBERSHIP BENEFIT ITS NATIONAL INTEREST?**

The BRICS concept of diplomacy is described by some scholars as constituting a new innovation in global governance. Yet, BRICS is located within a variant of multilateral diplomacy known as club diplomacy which has a long lineage going back to the 19th Century. The state-centric aspects of BRICS help explain why South Africa, in particular, applied for BRICS membership. However, club diplomacy also has drawbacks as it lacks the rules and protection provided by formal multilateral and inter-governmental organisations to smaller and middle powers, particularly when they choose to associate themselves closely with major powers. This places South Africa in a dilemma: is its membership of BRICS serving the state's national interest? South Africa views the implications of its membership quite differently from the approaches indicated for instance by Brazil and India, the two other democracies belonging to the forum. It views its membership as part and parcel of its commitment to multilateral diplomacy in a multipolar world and perceives BRICS as a counterweight to the developed Western powers – a useful mechanism for undermining the existing Western

liberal international order. This presentation also deals with economic capability which, as a component of hard power, is one of the most important elements of a state's power. However, soft power could be used more effectively by South Africa and other BRICS states. Scholarly analyses have focused on the growing economic muscle of these states *vis a vis* the US' economic decline. The sources of the BRICS states' soft power and the implications for the balance of power in the international system are explored. It thus employs soft balancing as its theoretical framework. The BRICS states, and especially South Africa, could rely more on their soft power potential to counter the global influence of the US and other Western states.

Разумовский Д.В.

Институт Латинской Америки РАН, Москва, РФ

**БРАЗИЛИЯ И ПАРТНЕРЫ ПО БРИКС В БОРЬБЕ
ЗА АФРИКАНСКИЕ РЫНКИ (ТОРГОВЛЯ, КОНКУРЕНЦИЯ)**

Конкуренция за Африку крупнейших развивающихся стран стала усиливаться в связи с подъемом крупнейших стран-гигантов, африканский континент стал для них оптимальной площадкой для первоначальной экспансии национального капитала.

Бразильские компании (прежде всего в горнорудном секторе) воспринимали африканские проекты как возможность поучаствовать в освоении ресурсной базы (разведка + разработка) или как элемент оптимизации глобальных цепочек поставок необходимого сырья. Отдельная категория компаний (строительные, инжиниринговые) в рамках своих глобальных стратегий стремились выйти на рынки африканских стран, где реализовывались крупные инфраструктурные проекты, и где уровень требований к подрядчикам был ниже, чем в развитых странах. Деятельность крупнейших бразильских компаний довольно сильно транснационализирована, однако общий объем бразильских ПИИ в Африку остается относительно небольшим. Активизации инвестиционного сотрудничества Африки с Бразилией способствовало развитие

договорной базы, что, в свою очередь, стало следствием интенсивного политического диалога.

Левые правительства Бразилии воспринимали Африку как важнейший элемент в выстраивании своего лидерства в рамках Глобального Юга, между сторонами действовало несколько многосторонних форматов, например АСА (Африка – Южная Америка). Активно заключались и двусторонние соглашения в сфере инвестиционного и торгового сотрудничества. Известные изменения во внешнеполитических приоритетах, вызванные приходом Ж. Болсонару, безусловно вызовут изменения в балансе политических и экономических интересов страны в Африке. Болсонару, являющийся сторонником модели сотрудничества «Север-Юг», не будем продвигать дальнейшее развитие двусторонних отношений, что будет сдерживать торговлю и поток бразильских капиталов. В целом у Болсонару сейчас нет повестки или проекта для Африки, что показал Саммит БРИКС в г. Бразилиа в 2019 году.

Одновременно Бразилия сталкивается с серьезной конкуренцией за африканские проекты с другими лидерами развивающегося мира. Помимо традиционно сильного присутствия Китая в последние годы растут инвестиции Индии, а также России. Россия продвигала идею сотрудничества в рамках «БРИКС+Африка» для дальнейшего укрепления механизма БРИКС+, продвигая в то же время региональную интеграцию и экономическое сотрудничество между странами БРИКС и африканскими странами. Однако российские инициативы частично конкурируют с китайской идеей воспроизвести инициативу «Один пояс, один путь» на африканском континенте.

Яковлев П.П.

Институт Латинской Америки РАН, Москва, РФ

СТРАНЫ АФРИКИ В ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ БРАЗИЛИИ (ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС)

В основе политики Бразилии на африканском континенте лежат многие факторы исторического, культурного, торгово-экономического и междуна-

родно-дипломатического характера, создающие широкую основу бразильско-африканского взаимодействия как на двусторонней основе (Бразилия – отдельные государства Африки), так и в многосторонних форматах. Бразильские правящие круги, местное деловое сообщество и различные общественные организации рассматривают африканские страны в качестве важного партнера, способного содействовать достижению Бразилией ключевых геополитических целей и ее превращению в одну из ведущих держав складывающегося многополярного миропорядка.

Современный этап бразильской политики в Африке берет начало в 50–60-х годах XX века, когда многие страны континента обрели государственную самостоятельность. С этого момента происходило постепенное формирование стратегического курса Бразилии, нацеленного на укрепление ее позиций на африканском континенте и выстраивание партнерских отношений со странами этого района мира. В плане укрепления бразильско-африканского сотрудничества особенно много было сделано в период президентства Лулы да Силвы (2003–2010 годы), который рассматривал отношения с Африкой в качестве одного из внешнеполитических приоритетов и естественных геополитических союзников Бразилии. За восемь лет пребывания у власти президент Лула да Силва посетил африканский континент 28 раз, побывал в 23 странах (в ряде стран – неоднократно), открыл 16 новых посольств, доведя их число до 37. В первый же год своего президентства он побывал в Анголе, Сан-Томе и Принсипи, Мозамбике, Намибии и ЮАР. Как правило, в поездках президента сопровождали видные дипломаты и крупные бизнесмены, что свидетельствовало об усилении внимания бразильской внешней политики к африканскому континенту. Не случайно курс президента Лулы получил название «Преференциальная политика Бразилии в отношении Африки». свою очередь главы африканских государств за период с 2003 по 2010 год посетили Бразилию 48 раз, а министры иностранных дел – 67 раз. Столь высокая дипломатическая активность ясно демонстрировала наличие взаимного стратегического интереса Бразилии и африканских стран.

Геополитические интересы Бразилии в Африке находят свое отражение в интенсивном взаимодействии бразильской дипломатии с африканскими коллегами в международных организациях и на многосторонних переговорных площадках. Особенно активно бразильцы и африканцы сотрудничают в учреждениях системы Организации Объединенных Наций в Сообществе португалоязычных государств, в форумах «Южная Америка – Африка», по линии «Юг – Юг». Тесное переплетение двусторонних и многосторонних форматов бразильско-африканских отношений, их взаимовыгодный и уважительный характер обусловили рождение тезиса, авторство которого принадлежит кенийскому ученому К. Джуме: «У каждой африканской проблемы есть бразильское решение».

Yakovlev P.P.

Institute of Latin America RAS, Moscow, Russia

AFRICAN COUNTRIES IN THE GLOBAL STRATEGY OF BRAZIL (GEOPOLITICAL CONTEXT)

At the heart of Brazil's policy on the African continent there are many factors of historical, cultural, trade, economic and international-diplomatic nature creating a broad foundation for Brazilian-African cooperation, both bilaterally (Brazil and separate States of Africa) and in multilateral formats. Brazilian ruling circles, the local business community and various public organizations see African countries as an important partner capable of helping Brazil to achieve key geopolitical goals and turn it into a one of the leading powers of the emerging multipolar world order.

The modern phase of Brazilian politics in Africa dates back to the 1950s and 1960s, when many countries on the continent gained state autonomy. Since then, Brazil's strategic course has been gradually developed to strengthen its position on the African continent and to build partnerships with countries in that region of the world. In terms of strengthening Brazilian-African cooperation, much has been done during the presidency of Lula da Silva (2003–2010), which saw relations

with Africa as one of their foreign policy priorities and natural Brazil's geopolitical allies. During his eight years in power, President Lula da Silva has traveled to the African continent 28 times, visited 23 countries (some countries on several occasions), and opened 16 new embassies, bringing the number to 37. In the first year of his presidency, he visited Angola, San Tome and Principe, Mozambique, Namibia and South Africa. As a rule, the President's trips were accompanied by prominent diplomats and big businessmen, which indicated an increase in the attention of Brazilian foreign policy to the African continent. It is no coincidence that President Lula's course has been named "Brazil's Preferential Policy on Africa". By their side, African heads of state visited Brazil 48 times between 2003 and 2010, and foreign ministers visited Brazil 67 times. Such high diplomatic activity clearly demonstrated the mutual strategic interest of Brazil and African countries.

Brazil's geopolitical interests in Africa are reflected in the intensive interaction of Brazilian diplomacy with its African counterparts in international organizations and on multilateral negotiating platforms. Brazilians and Africans are particularly active in the United Nations institutions, in the Portuguese-speaking Community of States, South America-Africa forums, South-South dialogue. The close interweaving of bilateral and multilateral formats of Brazilian-African relations, their mutually beneficial and respectful nature, led to the birth of the thesis, authored by the Kenyan scientist K. Juma: "Every African problem has a Brazilian solution."

Брагина Е.А.
ИМЭМО РАН, Москва, РФ

**КОНКУРЕНЦИЯ ИНДИИ И КИТАЯ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ
В СТРАНАХ АФРИКИ – МАСШТАБЫ, ФОРМЫ,
СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ**

Индия – традиционный участник экономической и в определенной мере политической жизни ряда стран Африки ещё с XIX века. Индийская диаспора, численно крупная и влиятельная в местном бизнесе, занимает важные

позиции в странах Африки южнее Сахары. Правительство Индии традиционно поддерживает экономические и политические контакты, прежде всего, с этой группой стран, значительно усилив это направление в XXI веке. По мере возрастания роли африканских стран в мировой политике и растущих экономических возможностей Индии контакты расширились и обрели новое содержание. Особенно интенсивными они стали с началом первой каденции Нарендры Моди.

В позициях Китая и Индии на Африканском континенте, несмотря на существенные различия, есть общая черта – обе страны начали проводить активную экономическую и определенную политическую линию в связях с государствами континента, в которых, несмотря на обретенную независимость, традиционно сохранились позиции бывших колониальных держав. Это сразу обострило конкуренцию за влияние в странах континента.

Тактика Индии и Китая, двух крупнейших в мировом хозяйстве стран, на Африканском континенте отражает различия, продиктованные, прежде всего, их собственными экономическими возможностями. Индия не располагает валютными резервами в масштабах, доступных Китаю.

Индия стремится расширить, прежде всего, сложившиеся торговые связи и укрепить свои позиции, предоставляя ряду наименее развитых стран Африки торговые преференции. Некоторую положительную роль выполняют гуманитарные связи.

КНР проводит более выигрышную для неё государственную политику – отвечая интересам принимающей африканской страны, одновременно повышает собственную экономическую выгоду. Китайские инвестиции направлены, в основном, на создание сложной и дорогостоящей инфраструктуры – строительство шоссе, мостов, морских портов. При этом лишь ограниченно повышается занятость местного населения, т.к. Китай ввозит собственную рабочую силу. Решается его долгосрочная задача – увеличивается долг стран Африки, неспособных оплатить это затратное строительство.

В счёт долга Китай получает долю в управлении строящимися инфраструктурными объектами. Растут также массовые поставки дешёвых китайских товаров, доступных местному населению, ослабляя позиции местной промышленности.

Финансовые возможности Индии и Китая в конкуренции за страны Африки не равны. Видимо, Индии придется искать новые пути укрепления своих позиций на Африканском континенте.

Andrey G. Volodin

Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

INDIA'S AFRICA STRATEGY

India's engagement with Africa has involved peace-keeping, humanitarian relief, student scholarships, and private as well as public sector investments. This has been the practice for over sixty years and dates back to the watershed Bandung Conference in 1955 which had laid the foundation of South-South cooperation paradigm.

The first India-Africa Forum summit was launched in 2008 in New Delhi. The subsequent summits took place in Addis Ababa (2011) and New Delhi (2015). A fourth summit is expected to be convened in 2020.

The summits explored areas of mutual collaboration and engagement. The pivotal spheres of common interest were agriculture and food security, health, education, information technologies, climate change and economy.

The summits allowed African countries and India to agree on fundamentals. For example, African countries have benefited from India's investments in capacity building, transfer of affordable technologies, investment in infrastructure, namely roads, dams, solar energy and rural electrification.

Africa-India ties have been reinvigorated under Narendra Modi's premiership. 10 guiding principles of cooperation were introduced. India's policy comprises a diverse set of actors with different agendas. This includes the

government, public corporations, private companies, non-government agencies and the Indian diaspora.

In 2017–2018, India's bilateral trade with African countries was 63 billion dollars, up from 7.2 billion dollars in 2001.

The ruling Bharatiya Janata Party has tried to broaden the scope of cooperation, i.e. to forge closer relations with countries and regions that have a large Indian diaspora, East and South Africa in particular. India aims to revive the Indian Ocean's historical maritime routes and expand India's soft power in the region through cultural initiatives and programs. Also, India goes on to highlight Mahatma Gandhi's role in developing India-Africa relations.

Finally, India is not in a position to take a one-size-fits-all approach to Africa. The essence of India's approach is to understand the political and cultural contexts of each country with which it is engaged.

Усачева В.В.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

**УВЛЕЧЕНИЕ АФРИКОЙ: ТОРГОВАЯ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ
ПОЛИТИКА ИНДИИ**

**PASSIONATE ABOUT AFRICA: EXPLORING TRADE AND INVESTMENT
OPPORTUNITIES BETWEEN INDIA AND AFRICAN ECONOMIES**

В последние годы Индия стала пятым крупным инвестором в экономику африканских стран, с общим объемом инвестиций в 54 млрд. долларов США. Нынешний премьер-министр Индии Н.Моди озвучил 10 принципов, которыми руководствуется правительство Индии в усилении взаимодействия с Африканскими странами.

Последние годы власти Индии подчеркивают, что Африка занимает высшие строчки в их листе приоритетов. Тот факт, что за последние пять лет состоялось около 30 официальных визитов высших лиц государства в Африканские страны, ярко иллюстрирует заинтересованность Индии в развитии партнерства с Африкой.

По официальным данным в течение двух лет (2017–2018 гг) торговый оборот с африканскими странами вырос до 62,16 млрд долларов, что в процентном отношении составляет 22% по сравнению с предыдущими годами. Страны Африки для Индии на данный момент стали вторым крупным реципиентом помощи зарубежным странам после стран юго-восточной Азии. Индия открыла 181 кредитную линию для 41 страны континента, что составляет почти половину всех выделяемых Индией кредитов зарубежным странам.

Вместе с тем индийское руководство и крупные корпорации понимают, что возможности торговли и инвестиций между Индией и Африкой далеко не исчерпаны и представляются огромными.

Индийские компании в качестве приоритетов развития экономических отношений с африканскими странами называют: сельскохозяйственные проекты, развитие транспортной инфраструктуры, производство электроэнергии, строительство жилья, здравоохранение, технологии сбережения воды, строительство газопроводов, информационные технологии, консультативные услуги и поддержку.

Одним из приоритетов и средств в конкурентной борьбе за рынки африканских стран стало развитие сотрудничества с наименее развитыми странами в Африке (Least Developed Countries (LDCs)).

Индия анонсировала введение схемы беспошлинных тарифных преференций для этих стран, и, согласно официальным данным, 38 африканских стран получили эти привилегии. Индия же в свою очередь наблюдает устойчивый рост торговых показателей за счет расширения беспошлинного доступа до 98.2% от общего числа тарифных позиций.

В докладе будут проанализированы осуществляемые проекты, возможности экономического сотрудничества между Индией и странами Африки, а также препятствия и ограничения на пути к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству.

Anita Spring

University of Florida, Gainesville Florida, USA

**CHINA'S BELT AND ROAD INITIATIVE IN EAST AFRICA'S
INFRASTRUCTURE AND INTERCONNECTIVITY:
"IF YOU WANT TO PROSPER, FIRST BUILD ROADS"**

China's Belt and Road Initiative (BRI), begun in 2013, is considered in terms of China's political goals, infrastructure loans offered to Africa countries, and African responses to project execution. China has taken a leading position in building infrastructure (the paper focuses on roads, railways, and ports, but notes airports, utilities, mining, factories, export zones) that facilitate linkages and connectivity for its State-owned Enterprises (SOEs) and Private-owned Enterprises (POEs) in recipient countries. China constituted the Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) in 2000 and by 2019 almost all African countries were members; most have/will have BRI loans. The paper addresses the following questions: (1) How does BRI relate to China's outreach philosophy, financial deals, and world leadership? (2) What are the effects of Chinese loans on African countries' needs for infrastructure projects and worries about debt? (3) What are Chinese SOEs and POEs profits from infrastructure projects in Africa? (4) How do African countries vary in terms of priorities and goals for infrastructure loans and projects? (5) What negotiating styles do African countries need to garner beneficial deals for Chinese loans? Examples from four East African countries are given. Findings show that outcomes differ due to the needs and politics of each country. Djibouti has assumed high debt for port and rails to become Africa's gateway to the Indian Ocean (now resembling a Chinese seaport). Ethiopia has Africa's longest railway (Chinese built) and expanded export markets to Chinese-driven factories and export zones it helped pay for, thereby reducing Chinese loans. Kenya, first appreciative and then disappointed with the Chinese-built Standard Gauge Railway, is taking control by strategizing with neighboring countries to limit Chinese project funding and control. Tanzania signed loan agreements for the largest port in Africa with concomitant railways and export zones but nixed

agreements due to costs. The paper details the lessons learned from these African responses to China's BRI.

Володина М.А.
ИМЭМО РАН, Москва, РФ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ СТРАН БРИКС
В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

ECONOMIC COMPETITION OF THE BRICS COUNTRIES
IN NORTH AFRICA

Reasons for attractiveness for both sides:

1) North Africa is rich in natural resources and is a fast growing, emerging consumer markets. However, regrouping nearly 170 million inhabitants with a significantly shared culture and language and accounting for more than a 1/3rd of Africa's GDP, North Africa has much higher income levels and thus more potential as a consumer market. The region has relatively advanced infrastructure networks and is much better connected to the global market place than the rest of the continent. *North Africa's proximity to the European Union and the Middle East* makes it a beachhead for the BRICS to the biggest consumer market in the World.

2) North Africa is particularly well placed to provide the BRICS with access to the *resources*. They are among the world's leading producers and reserve holders of oil, gas, phosphates and iron ore. In particular, Algeria and Libya are the biggest producers of oil in the region, both ranking among the top-twenty oil producers in the world (and combined, the two countries would be the 5th biggest oil producer in the world, right behind Iran). Similarly, Algeria and Egypt are among the top-twenty producers of gas in the world. Meanwhile, Morocco and Tunisia are the 2nd and 5th largest producers of phosphates and have proven reserves counted among the largest in the world. With 400 million tons of iron reserves, Mauritania is positioned as the 11th producer of iron in the world. Importantly, in addition to being rich in these natural reserves, North African

countries also have ample room to export these commodities as their supply far exceeds national demand.

3) Food security and water availability for agricultural use are fundamental stress-points in North Africa, and imports from the BRICS have been able to help overcome these deficiencies. The BRICS have thus been long-standing suppliers of water-intensive foodstuffs to North African countries.

4) *Production costs* tend to be lower in North Africa (especially, in Egypt) than in the BRICS.

5) It is *faster to ship products* from Egypt to European Union countries and the USA than from most of the BRICS to these destinations.

6) North African countries enjoy *preferential trade agreements* with the European Union which are more advantageous than those enjoyed by the BRICS themselves.

After the Arab Spring, the spread of the Libyan crisis, many investment projects were curtailed. The Libyan economy needs a systematic restoration of infrastructure, huge financial injections to rebuild the country. Residents and leaders of countries in this region are less and less trusting their Western partners (after bombing operations by forces of NATO in Libyan territory). In this regard, the BRICS countries can effectively integrate into various projects to restore Libya.

Deepak K. Bhaskar

University of Delhi, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India

CHINESE POLITICS OF SCIENCE, INNOVATION AND TECHNOLOGY: AN ENQUIRY TO IMITATED AFRICA

Chinese interest in Africa often visualize as the colonial aspirations. The Western media makes the headline of 'New colonial power in Africa' by seeing the flooded market of Africa with 'Made in China' products. The hegemonic actors in Africa feel threatened by aggressive engagement of China in Africa. It is well known fact that China is mushrooming in Africa and African countries are also

seeing China as the most important emerging partner. But Chinese claim is different from the western question. China's extraordinary development in terms of science, innovation and technology has not only imitated Africa rather Africa looks towards Chinese for their technological future. There are several bilateral or multilateral agreement has taken place between the two but these agreements regarding innovation, science and technology cannot be looked with simple lens rather there is need to unfold the politics of China in Africa. This basically letting china to emerge as core country in relation to Africa and Africa is becoming periphery in theoretical formulation of A G Frank and Immanuel Wallenstein's world system theory. China is during the untapped natural resources of the continent by imitating Africa with innovation, science and technology. Nevertheless, it makes Africa nothing but a raw material supplier to the Chinese industry. Consequently, Africa is becoming dependent on Chinese innovation rather developing its own skill in these areas.

In this context my paper tries to identify the politics of innovation, science and technology of China in Africa. Furthermore, it tries to understand, whether innovation, science and technology for China is a crustal dig to enter the core of resources of African resources. My paper also tries to understand that whether Chinese intervention in African resources will fetter the politics of China in Africa. My paper is looking into the interventions of China in politics of Africa and their effect on the other Mainland States of Africa. This paper tries to investigate that the China is imitating Africa by its development but may lose Africa in coming years.

**Гемуева К.А.,
Луконин С.А.,
Никулин К.А.**
ИМЭМО РАН, Москва, РФ

**SOFT POWER OF RUSSIA AND CHINA IN AFRICA:
GOALS AND WAYS OF IMPLEMENTATION¹**

In the new century, one can observe the growing role of “soft power” as a factor influencing the promotion of economic and foreign policy interests of global players. The projection of "soft power" in Africa by Russia and China is aimed at creating a common information and communication space, creating a positive image of the state, which in turn will increase the attractiveness of multifaceted cooperation for the peoples and elites of African countries. It is worth considering that the efforts of Russia and China are faced with a negative attitude and active opposition from the West.

The widespread understanding of the term “soft power” in Russia is very different from the concept introduced by Joseph Nye and used in Western countries. Besides the ability to achieve the desired results on the basis of voluntary participation, sympathy and attractiveness it also includes propaganda, economic incentive or coercion. In turn, in Chinese political vocabulary culture is recognized as core of Chinese soft power strategy, so the concept of “soft power” has been redefined as “cultural soft power”.

In recent years, China has expanded its use of “soft power” in Africa in many areas, including scientific and educational exchanges and leadership training. Russia uses a wide range of “soft power” on the continent, but with much less intensity and effectiveness. To unleash the existing potential of Russia, it is necessary to increase its economic and political presence simultaneously with the use of soft power tools; concentrate efforts and resources in areas where there are competitive advantages; to develop a comprehensive long-term strategy in Africa, within the framework of which the use of “soft power” will be coordinated.

---

¹ Проект РНФ №17-78-20216 «Обострение конкуренции российских и китайских компаний на Африканском континенте: предпосылки, современное состояние и перспективы».

Panel IV-4. Geo-Economic and Geopolitical Rivalry of the Leading Powers on the African Continent

Секция IV-4. Геоэкономическое и геополитическое столкновение ведущих держав на Африканском континенте

Convener / Руководитель: *Кирилл Андреевич Алешин* (Институт Африки РАН, Москва)

The African continent is gradually becoming the main area of confrontation between the leading developed and developing countries. The battle is fought for mineral and human resources, capacious market, high rate of return on investment. Some countries are practicing various methods of struggle in Africa, using different instruments of pressure (for example, restrictive measures), manipulating political and business elites, using the so-called "soft power". The result of such actions is the "absorption" of national economies, and therefore – the loss of sovereignty of these states.

Evidence of the growing confrontation is the adjustment of the priorities of the major countries. So, if until recently, African countries were far from the first place in the US foreign policy agenda, then at the end of 2018 the situation changed – Washington developed and began to implement a new program of action, providing for enhanced political and economic expansion in Africa. However, unlike other countries, the United States` aim is not the development of trade, investment and other ties in order to realize the potential of its economy, but the containment of China and the Russian Federation on the African track. Not only the leading powers, but also developing countries, including Brazil, India, Iran, UAE, Turkey, South Korea, are reviewing their African policies.

The panel consists of two time slots. The first will address the economic and political priorities and aspects of the activities of the leading countries, in particular China, the United States, India, as well as political and economic unions in African countries. Particular attention will be paid to both the activities of the Russian Federation in Africa and the state of relations of other members of the EAEU with African partners; the prospects of combining the interests and opportunities of unification, development and implementation of a common policy in Africa. In addition, the participants are expected to discuss the increasing role of Iran, Turkey, South Korea on the continent.

During the second time slot, the participants will be able to discuss the current state and prospects of development of certain sectors of the African economy, outline the interests and characterize the activities of governments, in particular, of China, the US in Africa, as well as TNCs as agents of these countries.

As a result of the work of the section, a comprehensive assessment of the current state of the struggle of the main actors in Africa will be provided, as well as a forecast of the situation.

Африканский континент постепенно становится основной территорией столкновения ведущих развитых и развивающихся стран. Сражение ведется за минеральные и человеческие ресурсы, емкий рынок сбыта, высокую норму отдачи на вложенный капитал. Государства обрабатывают в странах Африки различные методы борьбы, задействуя всевозможные инструменты давления (например, рестриктивные меры), манипулируя политическими и деловыми элитами, используя т.н. «мягкую силу». Результатом таких действий становится «поглощение» национальных хозяйств, а как следствие – потеря суверенитета отдельных стран.

Свидетельством усиливающегося противостояния является корректировка приоритетов крупных стран. Так, если до недавнего времени африканские страны занимали далеко не первое место во внешнеполитической повестке США, то в конце 2018 г. ситуация изменилась – Вашингтон разработал и начал реализовывать новую программу действий, предусматривающую усиленную политико-экономическую экспансию в страны Африки. Однако в отличие от других стран США нацелены не столько на развитие торговых, инвестиционных и иных связей в целях реализации потенциала своей экономики, сколько в сдерживании КНР и Российской Федерации на африканском треке. Пересматривают свою политику не только ведущие державы, но и развивающиеся страны, в их числе: Бразилия, Индия, Иран, ОАЭ, Турция, Южная Корея.

Запланированная секция предполагает два заседания. В рамках первого будут рассмотрены экономические и политические приоритеты и аспекты деятельности ведущих государств, в частности КНР, США, Индии, а также интеграционных объединений в африканских странах. Особое внимание будет уделено как деятельности Российской Федерации в Африке, так и состоянию отношений других членов ЕАЭС с африканскими партнерами; оценены перспективы сопряжения интересов и возможностей объединения, разработки и проведения единой политики в государствах Африки. Кроме того, в ходе заседания предполагается дискуссия о возрастающей роли Ирана, Турции, Южной Кореи на африканском направлении.

На втором заседании участники смогут обсудить вопросы текущего состояния и перспективы развития отдельных секторов экономики африканских стран, очертить интересы и дать характеристику деятельности правительств,

в частности, КНР, США в Африке, а также транснациональных корпораций как проводников интересов этих государств.

По результатам проведения секции будет дана комплексная оценка текущему состоянию борьбы основных акторов за Африку, а также сделан прогноз развития ситуации.

Iwata Takuo

Ritsumeikan University, Japan

NEW ASIAN APPROACHES TO AFRICA – RIVALRIES AND COLLABORATIONS

This paper aims to reflect on the ideas/analyzes related to the new phases of Asian Approaches to Africa happened in recent decades by tracing the history between four major Asian countries (China, India, Japan, and South Korea) and African countries. The paper deliberately focuses on the approaches “from Asia to Africa” to elaborate this collection in the consistent style. This paper does not only focus on the official development assistance (ODA) but also on other crucial issues and actors, such as business, civil society, media, and its combination to comprehensively grasp the new Asian approaches to Africa. This paper is composed of three parts. First, this paper examines the experiences of the “Forums” (or Conference, Summit) for Africa’s development hosted by four major Asian countries. Second, it reflects on Asian cultural influence in Africa. Third, it highlights new phases of Asian approaches to Africa. This paper looks to the future collaboration among Asian actors/partners working in/with Africa rather than exaggerating their rivalries and disputes in order to grasp the potentialities and challenges in the relationship between two regions. It is an emerging and ongoing agenda which we will meet more in the coming years.

Seifudein Adem

Doshisha University, Japan, Binghamton University

**CHINA AND JAPAN IN AFRICA'S EXPERIENCE:
COMPARATIVE DIPLOMACY**

In January 2014 Japan's Prime Minister Shinzo Abe visited Ivory Coast, Mozambique and Ethiopia. In May 2014 Premier Li Keqiang of China visited Ethiopia, Nigeria, Angola and Kenya. In December 2015 President Xi Jinping was in Johannesburg, South Africa, for the 6th Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) meeting. In August 2016 Prime Minister Abe was in Nairobi, Kenya, for the 6th Tokyo International Conference on African Development (TICAD) meeting. Only four-month Africa's leaders arrived in Yokohama, Japan, for another round of TICAD meeting, African leaders converged on Beijing in April 2019 for their FOCAC meeting. Apart from the above overlapping visits and events, it was clear from the pronouncements made at the time and subsequently by Chinese and Japanese leaders and diplomats that there was indeed a contest between the two countries for influence in Africa. More recent events also suggest Sino-Japanese rivalry in Africa is well underway. The paper will address the following questions. What are the causes, manifestations and, more importantly, potential consequences of Sino-Japanese rivalry in Africa? And what are the wider implications for Africa?

Сапунцов А.Л.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

**КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ БРАЗИЛИЕЙ И КИТАЕМ
НА ИНВЕСТИЦИОННОМ РЫНКЕ СТРАН АФРИКИ**

На протяжении последних двух десятилетий наблюдается активизация деятельности китайских многонациональных предприятий (МНП) на инвестиционном рынке стран Африки, что особенно характерно для отраслей добывающей промышленности и первичного передела минерального сырья. Другие страны БРИКС – в особенности Бразилия – разрабатывают и имплементируют

планы по активизации деятельности собственных МНП на территории Африки, для чего ведут поиск путей по повышению конкурентоспособности своих предприятий и оказания им геополитической поддержки при реализации крупных инвестиционных проектов. Китайские предприятия «потеснили» бразильских конкурентов в обрабатывающей промышленности мира. Бразилия не хочет сдавать свои позиции на африканском инвестиционном рынке и ищет новые возможности для повышения конкурентоспособности своих предприятий по отношению к китайским компаниям. Бразильцы разрабатывают программы по снижению издержек производства, улучшению эффективности работы предприятий и повышению качества выпускаемой продукции.

География китайских инвестиций в Африку достаточно обширна, что стало следствием целенаправленно проводимой правительственной политики. Бразилия обладает уникальным конкурентным преимуществом языковой и культурной близости с бывшими колониями Португалии в Африки. Перспективным направлением инвестиционной деятельности МНП в мире является сфера услуг, что также характерно для внутреннего рынка Африки, где повышается уровень благосостояния населения. Исходя из этого, МНП Бразилии успешно используют общность с Анголой и Мозамбиком при инвестировании в их сферу услуг, в том числе в цифровую экономику. Природно-климатические условия Бразилии и вышеуказанных двух стран Африки во многом схожи, что открывает возможности для выгодной деятельности рассматриваемых МНП в аграрном секторе, например, при культивировании риса. В странах Африки бразильские МНП занимаются бизнесом в горнорудном деле и строительстве (уделяя многое качеству выполненных работ), а также проявляют интерес к авиастроению. В отличие от китайских предприятий, бразильские МНП представлены частными организациями и рассматривают Африку как площадку для дальнейшей внешнеэкономической экспансии на мировой рынок, нанимают на работу большее количество африканцев, стремятся повышать их квалификацию, а также наладить более тесные хозяйственные связи с местными предприятиями.

Leslie Michael
University of Florida, USA

‘HELPING’ AFRICA: COMPARING DEVELOPMENT DISCOURSE
ON AFRICA IN THE INTERNATIONAL RUSSIAN, CHINESE
AND AMERICAN PRESS

The official press of any nation provides insight into what that nation considers to be of importance regarding its current allies and how those allies fit into its geopolitical and even ethical vision of the world, not to mention its national security objectives and plans.

The importance of Africa to China’s development, especially in terms of access to raw materials and markets for finished goods has been widely documented and discussed. In a similar way, the strategic, national security and propaganda interests of the United States in its engagement with Africa are well documented. Much less is known about how effectively Russia is presenting itself to the world in terms of its goals in Africa and its development goals related to African states and to the African people, especially in comparative context.

In general, official discourse about Africa treats the continent as a stepchild, painting the global economic giants as ‘saviors’ and ignoring the role of African agency, especially when describing Africa’s peoples and nation states.

This paper proposes a comparative content analysis of China Daily, The New York Times and Moscow Daily News, examining their discourses on African development. Of particular interest is the discourse these media deploy in describing their own governments; in describing Africa nations and peoples; and in describing how their governments’ plans to engage or ‘assist’ Africa.

Such knowledge will enlarge our understanding of what is at stake economically and geopolitically for the more economically developed world and for Africa, as our planet’s economic giants sharpen their competition for essential resources and markets on the resource-rich African continent, and around the world.

Paduano Stephen
London School of Economics, UK

**WHY THE WEST WORRIES:
THE FACTS AND FICTIONS OF CHINA IN AFRICA**

Since China overtook the United States as Africa's largest trading partner in 2009, the West – and the United States in particular–have grown increasingly worried. A new age of anxiety has introduced a new vocabulary of “neo-imperialism,” “debt traps” and more, while breathing life into old tropes of “Yellow Peril.” So great is this concern that when the United States unrolled a new Africa policy in 2018, many of its stated objectives were explicitly to counter Chinese influence; few were actually to work with Africa. In order for the United States and the international community to move past this unhelpful and unwanted geopolitical gridlock, it is important to investigate the consequences of Chinese activity in Africa and separate the fact from the fiction. In this paper, I will first demonstrate the empirical illegitimacy of the US's principal concerns: China's alleged quest for control over the continent and China's strategic use of “debt trap” lending. After noting this, however, I will turn to one valid, if less visible, concern for the United States: how Chinese political and financial support undermines Western democratization efforts throughout the region. To do so, I will consider how China's investment initiatives have edged out the IMF, the World Bank, and their political conditions; how China has shielded countries from Western backlash by giving them continued access to foreign capital; and how China has used its position on the United Nations Security Council to protect regimes in the face of foreign intervention. In closing, I will consider whether this worry matters–or, in light of the West's failures in the region and Africa's acceptance of Chinese outreach, this marks a positive development for the continent.

Урнов А.Ю.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ В «БИТВЕ ЗА АФРИКУ»

Уделять внимание и энергично работать в Африке Вашингтон побуждают ряд факторов. Геополитические и стратегические – в контексте провозглашенного курса США на сохранение и закрепление своего глобального лидерства. Экономические – заинтересованность в минеральных ресурсах и рынках континента. Специфически африканские – повышение роли и значения континента в мировой политике и экономике, с одной стороны, и сохраняющаяся нестабильность, конфликты, активность международных террористических группировок и транснациональной преступности, с другой. Последние обстоятельства препятствуют достижению Соединенными Штатами искомых на континенте целей, подчас создают угрозу их собственной безопасности. Это стимулирует участие Вашингтона в разрешении африканских проблем, нередко в форме грубого вмешательства в дела государств континента.

Важнейший фактор – обостряющаяся «битва за Африку», в которой позиции США слабеют под натиском других мировых игроков, прежде всего – Китая.

В выступлении будет прослежена эволюция африканского курса США от Б. Обамы до Д. Трампа, отмечено, что политика Д. Трампа в свою очередь претерпела заметные изменения, что нашло свое выражение в выдвижении «новой африканской стратегии» Соединенных Штатов в декабре 2018 г. Главная причина – признание неэффективности прежней политики, оказавшейся неспособной преодолеть препятствия, с которыми столкнулся в Африке курс США на мировую гегемонию. Многомиллиардные затраты США не помешали «другим государствам» усилить свою собственную мощь и влияние на континенте заявил, излагая содержание новой стратегии, тогдашний советник президента по национальной безопасности Дж. Болтон.

Во главу списка «других государств» Дж. Болтон поставил Китай и Россию. Это принципиальное новшество. В разделе о приоритетах Вашинг-

тона в африканском регионе «Стратегии национальной безопасности США» (декабрь 2017 г.) главными противниками Америки были названы международный терроризм и Китай. О России не сказано ни слова. И вот, год спустя, Россия «пошла на повышение». Отныне она и в Африке объявлена «главным конкурентом» Соединенных Штатов, тогда как в американском понимании попытки получить конкурентные преимущества перед США являются в принципе недопустимым и универсальным злом. Сегодня, как и в годы «холодной войны», «необходимо противостоять острым вызовам конкуренции великих держав», провозгласил Дж. Болтон. Новая «холодная война», в том числе и в Африке!

В выступлении рассматриваются политические, экономические, военные, пропагандистские и другие аспекты новой стратегии.

Golman Ludmila

National University of Lanús; Institute of International Relations

Benítez Ricardo Agustín

Consejo Argentino para las Relaciones Internacionales (CARI) –
Argentinean Council for International Relations, Argentina

**A CONDITIONAL SCRAMBLE FOR AFRICA? HOW AFRICAN INTEREST
REACT TO GLOBAL POWERS FOREIGN POLICY ON AFRICA**

The struggle for a new world division has as consequence an advance of state's geopolitical influence on peripheral regions in order to gain control of strategical objectives for their foreign policy goals.

Africa is one of the most important geostrategic continents in the modern world because demographic, resources, global trade connections, markets and investment, attracting foreign interest from global and middle power actors.

The idea of a “third world reduction” explains this process as a constant of a globalized capitalist system where all states should face the increasing pressure of foreign interest and deal throw it in order to achieve their goals, however considering the global power disparity of capacities some states will be more vulnerable on this context.

Africa's states are between them, and this situation requires improvements in cooperation, regional institution and an independent Africa's agenda in order to reduce vulnerabilities, achieve common goals and assure gains at dealing against more powerful interest.

Currently, Africa is facing an increase of foreign interest that some academics has named the new scramble for Africa, although, African states are active agents on this scenario and are able to create capacities that enlighten their intentions to face these new challenges.

At this work, we will focus on 4 areas where African states are creating new regional capacities and where foreign influence should face a more institutionalized local power. A special focus on how these achievements interact with Russian foreign policy in Africa will be made. These key areas are: Blue Africa policy for enhance state capacity at the sea, the Coordination of United Nations Africa Policy at the Security Council as non-permanent member, the initiative of Africa free trade zone, and the Africa Union reform.

Birendra K. Pandey

Jawaharlal Nehru University, India

ROLE OF INDIA AS EMERGING POWER IN AFRICA AMIDST LEADING POWER RIVALRY

A new wave of great-power competition in Africa is now a reality in a multi-polar world, particularly "scramble" over its resources. The reason for this geopolitical and geo-economic competition among the leading power lies among other things in the weakening of US predominance, globalization, and the rise of new powers and scramble for natural and maritime resources. Africa is not only a strategic source of minerals, land and labour resources, it also provides strategic access to many different oceans, seas and areas.

While the current rivalry and focus is more on China and USA, the other significant powers such as Russia, India, Japan among others are also serious about gaining a strategic foothold on the continent. The interests of these powers range

from hegemonic dominance to geo-economic interests. The new scramble for Africa is not limited to the economic sphere only but also involves competing models of political systems and development.

In the above context, the objective of this paper is to analyze the role of India in the context of geo political and geo-economic competition in Africa among the leading powers and highlight the emerging trend and pattern. It will analyze and outlines the key political and economic drivers of India's engagement with Africa and how does India's policy towards Africa differ from other leading powers. The paper will further explore areas for mutual cooperation and how both India and Russia can work trilaterally in Africa.

Годованюк К.А.

Институт Европы РАН, Москва, РФ

ПРИОРИТЕТЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В АФРИКЕ В УСЛОВИЯХ «БРЕКЗИТА»

Внимание Соединенного Королевства к Африке в условиях выхода из Евросоюза обусловлено торгово-экономическими интересами и стратегическим расчетом диверсифицировать собственную внешнюю политику в рамках курса на «Глобальную Британию». Брекзит добавляет аргументы в пользу развития новых рынков, среди которых страны Черного континента – одно из наиболее перспективных направлений.

По итогам африканского турне премьер-министра Великобритании (август 2018 г.) правительство объявило амбициозный курс на инновационное партнерство с африканскими странами. Отмечено, что международная помощь и содействие развитию должны способствовать достижению торговых договоров со странами Черного континента. Дополнительные инвестиции в этот регион позволят укрепить позиции Соединенного Королевства в Африке в условиях возросшей геоэкономической конкуренции между странами ЕС, США, Китаем, РФ и пр.

Кроме того, Лондон придает значение сотрудничеству со странами Африки в области безопасности, что обусловлено стремлением пресечь нелегальную миграцию, внести вклад в национальную и общеевропейскую безопасность и содействовать международным усилиям в борьбе с терроризмом. Особый вклад Британия намерена вносить в противодействие радикализации в Африке к югу от Сахары, куда проникают идеи насильственного экстремизма и терроризма (растет число группировок, аффилированных с такими террористическими организациями как «Аль-Каида», «ИГИЛ/ДАИШ»).

Великобритания оказывает финансовую помощь нигерийскому правительству в борьбе с «Боко Харам», оказывает техническое содействие антитеррористической операции в Мали. В августе 2018 г. Соединенное Королевство и Кения подписали Договор о партнерстве в сфере обороны и безопасности.

В интересах Британии обеспечить безопасность торгового коридора Африка-Азия и укрепить стратегические позиции в Индо-Тихоокеанском регионе после брекзита. С этой целью Лондон обращает особое внимание на содействие миру в Сомали. Британское правительство, вероятно, продолжит линию на укрепление не только торгово-экономического, но и военного сотрудничества с африканскими странами, что позволит ему стать стратегически важным игроком на Черном континенте, обеспечить собственную безопасность и выступить в качестве особого партнера для ЕС.

Шарова А.Ю.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ НА ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЫНКАХ АФРИКИ

– Обеспечение всеобщего доступа к энергии является одним из мировых вызовов современности и входит в число 17-ти целей ООН в области устойчивого развития (ЦУР) и преобразования нашего мира к лучшему. В настоящее время энергия, наряду с землей, трудом и капиталом, признает-

ся мировыми экспертами фактором производства, а развитие энергетики – базовой предпосылкой устойчивого и поступательного экономического роста. Указанная взаимосвязь между экономическим ростом и развитием энергетики оказывается сильнее в случае электрической энергии – наиболее современной и относительно легкой для преобразования формы первичной энергии.

– Страны Африки, и в особенности страны Африки южнее Сахары (АЮС), страдают как в экономическом, так и в социальном плане от неразвитости своих электроэнергетических хозяйств, а именно: нехватки генерирующих мощностей, ненадежности электроснабжения, слабого развития инфраструктуры по передаче и распределению электроэнергии.

– В среднесрочной перспективе проблема нехватки электроэнергии на Африканском континенте полностью не разрешится, а возможно, будет иметь тенденцию к усугублению при существующих подходах. Это обусловлено тем, что два важнейших фактора, влияющих на увеличение спроса на электроэнергию, – рост населения и развитие экономики – продолжатся в ближайшем будущем.

– Для достижения ЦУР ООН в Африке должно существенно увеличиться финансирование и расширяться международное сотрудничество в указанном направлении за счет частных инвестиций и внедрения инноваций. В свою очередь, это потребует от стран региона реформирования электроэнергетических секторов, снижения рисков, возникающих в связи с макроэкономической, политической нестабильностью, а также слабой защитой договорных и имущественных прав, разработки четких нормативно-правовых баз в области электроэнергетики, реформирования искажающих рыночные сигналы энергетических субсидий.

– В современных условиях электроэнергетические рынки представляют интерес для иностранных энергетических компаний. Ожидается, что в ближайшем будущем геоэкономическое и геополитическое столкновение мировых держав на указанных рынках будет только усиливаться. Это справедливо

как для традиционных игроков (ЕС, Китай, США), так и для вновь прибывающих (Индия, Южная Корея и др.).

– Участие России пока незначительно, тем не менее компании из РФ обладают заметным потенциалом для расширения своего присутствия на электроэнергетических рынках африканских стран.

Сугаков Г.К.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АФРИКИ С НОВЫМИ МИРОВЫМИ ДЕРЖАВАМИ (EMERGING POWERS)

Сегодня страны Африки заинтересованы в диверсификации своих внешних связей. Привлечение иностранных инвестиций в человеческий капитал, электроэнергетику, транспортную инфраструктуру является неотъемлемым условием их дальнейшего развития.

Российская Федерация заинтересована в существенном наращивании сотрудничества с африканскими странами. На прошедшем 23-24 октября 2019 г. первом Саммите и Экономическом форуме Россия-Африка был сформулирован общий подход к взаимодействию между сторонами. Российско-африканские отношения должны строиться на равноправной, взаимовыгодной основе с ориентиром на долгосрочную перспективу. При этом в настоящее время Россию нельзя отнести к числу основных партнеров африканских стран в торгово-инвестиционной сфере. Таким образом, необходим учет того, что могут предложить Африке другие геоэкономические акторы, в частности новые мировые державы (emerging powers).

В исследовании приводится сравнительная характеристика двустороннего сотрудничества и взаимных интересов стран Африки с рядом новых мировых держав (emerging powers), а именно с Россией, Китаем, Бразилией, Индией, Южной Кореей, Японией, Турцией, Саудовской Аравией, Ираном и ОАЭ. Сделан вывод о факторах, определяющих взаимный интерес каждой из сторон друг к другу. Помимо экономических факторов, важную роль в выбо-

ре приоритетов может играть этнический (например, индийские диаспоры в Африке) и религиозный фактор.

Алешин К.А.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

**THE FIRST RUSSIA-AFRICA SUMMIT AND ECONOMIC FORUM –
THE START OF A NEW STAGE OF COMPETITION OF WORLD POWERS
FOR THE AFRICAN CONTINENT?**

In October 2019, the first full-scale Summit and the Russia-Africa Economic Forum took place in Sochi, Russian Federation. Within the framework of the events, a wide range of issues was considered, mechanisms for solving the most acute problems of the African continent and deepening of Russian-African cooperation were proposed. It is obvious that the Summit and Forum that took place will become a starting point for the development of cooperation between Russia and African partners in various fields – from economic ties in different sectors of the economy to humanitarian cooperation. In the report, the speaker, who took part in the preparation of the Economic Forum, will evaluate its outcome, in particular the results obtained during the business program.

At the same time, an assessment will be offered: did the past Russia-Africa Summit and Economic Forum create only the prerequisites for expanding multifaceted Russian-African cooperation or will they mark the beginning of a new stage of competition for the African continent from the leading world powers – old and new actors.

Михайлов А.Ю.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

**СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ АФРИКИ
НА ФОНЕ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ США И КИТАЯ**

По результатам проведенного исследования можно выделить оптимистический, нейтральный и пессимистический сценарии развития стран Афри-

ки. Оптимистический сценарий: Африка может извлечь выгоду из торговой войны и любого рода конфликта между Соединенными Штатами и Китаем. Нейтральный сценарий: какие-либо реальные долгосрочные последствия для стран Африки проявятся лишь через несколько лет. Пессимисты считают, что Африка так или иначе понесет ущерб, прямо или косвенно в результате торговой войны.

Африканские страны являются поставщиками сырья для производителей, которые затем продают готовую продукцию в более развитые регионы мира. Страны Африки должны научиться быть более самодостаточными и должны начать инвестировать в местные экономики, а также сосредоточиться на том, чтобы больше торговать друг с другом.

Африканский континент должен готовиться к худшему и надеяться на лучшее. Пессимизм в отношении будущего стран Африки исходит из веры в то, что африканцы живут надеждами, но им не хватает подготовки и долгосрочного планирования. Если бы Китай отказался от финансирования проектов в Африке, африканские экономики почувствовали бы нехватку финансов. В этом скрыты возможности для расширения влияния со стороны России и стран БРИКС.

Африканские страны и Китай, возможно, просто должны подождать до следующих президентских выборов в США и надеяться, что дружественное правительство получит бразды правления в США. Тем временем Китай может стремиться быть более агрессивным со своей внешней политикой. Африканская экономика может пострадать, потому что торговый протекционизм не является надежной защитой для африканцев так же, как для американцев.

В течение последних лет США и Китай усиливают свою риторику и действия по отношению друг к другу. Ни США, ни Китай не могут запугивать друг друга, так как в конечном итоге они могут создать беспорядок для третьих стран. Это может даже привести к эксплуатации Африки, напоминая то, что происходило во времена холодной войны.

Birendra K. Pandey
Jawaharlal Nehru University, New Delhi; National Institute
of Financial Management, Faridabad, India

**ROLE OF INDIA AS EMERGING POWER IN AFRICA
AMIDST LEADING POWER RIVALRY**

A new wave of great-power competition in Africa is now a reality in a multi-polar world, particularly “scramble” over its resources. The reason for this geopolitical and geo-economic competition among the leading power lies among other things in the weakening of US predominance, globalization, and the rise of new powers and scramble for natural and maritime resources. Africa is not only a strategic source of minerals, land and labour resources, it also provides strategic access to many different oceans, seas and areas.

While the current rivalry and focus is more on China and USA, the other significant powers such as Russia, India, Japan among others are also serious about gaining a strategic foothold on the continent. The interests of these powers range from hegemonic dominance to geo-economic interests. The new scramble for Africa is not limited to the economic sphere only but also involves competing models of political systems and development.

In the above context, the objective of this paper is to analyze the role of India in the context of geo political and geo-economic competition in Africa among the leading powers and highlight the emerging trend and pattern. It will analyze and outlines the key political and economic drivers of India’s engagement with Africa and how does India’s policy towards Africa differ from other leading powers. The paper will further explore areas for mutual cooperation and how both India and Russia can work trilaterally in Africa.

Panel IV-5. Israel and Africa: New Opportunities and Challenges
Секция IV-5. Израиль и Африка: новые возможности и вызовы

Convenor / Руководитель: *Луиза Романовна Хлебникова* (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия)

In recent years, Israeli-African relations have been experiencing a “new dawn”: “Israel is coming back to Africa, Africa is coming back to Israel.” Meetings and contacts of governments, ministries and non-governmental organizations of Israel and African states have become more frequent. There has been started a process of restoring long-lost diplomatic ties, for example, in 2019, Israel and Chad signed agreements on the restoration of relations. Israeli embassies began to open: in early 2019, Ron Adam became the first Ambassador of the State of Israel to Rwanda. The intensity of the development of Israeli-African cooperation is beyond doubt.

It was a long road for Israel and Africa: from the “honeymoon” of the 1960s, the break up in relations in the 1970s. and the new chapter of the Israeli-African cooperation in the first decade of the 2000s. In the XXI century, the main spheres of Israeli-African cooperation are the security and development domains. As part of countering terrorism, Israel sells military weapons and equipment to African partners, and also provides its military advisers in crisis situations. In the development domain, Israel, an OECD member, provides African countries with bilateral and multilateral assistance. The main instrument in its implementation remains MASHAV – the Agency for International Development Cooperation of the Israeli Ministry of Foreign Affairs, founded in the late 1950s. The priority countries for MASHAV in the region are: Ethiopia, Ghana, Kenya, Rwanda, Senegal, South Sudan and Uganda.

In strengthening relations with African states, the Israeli government is guided by geostrategic, political, economic, and humanitarian interests. In the beginning of the XXI century, the Iranian-Israeli confrontation also began to play a significant role in Israel’s activity in Africa. Israeli government began to deter the spread of the influence of the Islamic Republic of Iran not only in the Middle East, but also on the African continent. In their cooperation with Israel, African states are looking for an access to Israeli innovations in medicine, agriculture, sustainable development, cybersecurity etc. Some African governments, for example Kenyan, found in Israel a partner in the fight against terror, using Israeli experience in the counterterrorism and military technologies. Moreover, some states in the African region see the increasing contacts with Israel as an opportunity for rapprochement with the United States, the Israeli main strategic partner.

The section participants are invited to discuss the key factors affecting the convergence of African states and Israel, as well as address the limitations of Israeli-African cooperation. It is also planned to have a discussion about the effectiveness of the Israeli military and development assistance to African states and its positive / negative consequences for the people and countries of the African continent.

В последние годы израильско-африканские отношения переживают «новый рассвет»: «Израиль возвращается в Африку, Африка возвращается в Израиль». Участились контакты и встречи правительств, министерств и неправительственных организаций Израиля и африканских государств. Прошел процесс восстановления давно потерянных дипломатических связей, например, в 2019 г. Израиль и Чад подписали соглашения о восстановлении отношений. Израильские посольства стали открываться: в начале 2019 г. Рон Адам стал первым послом государства Израиль в Руанду. Интенсивность развития израильско-африканского сотрудничества не поддается никакому сомнению.

От «медового месяца» 1960-х гг., разрыва отношений в 1970-х гг. и до открытия новой главы израильско-африканского сотрудничества в первом десятилетии 2000-х гг. Израиль и страны Африки прошли долгий путь. В XXI веке ключевыми сферами, в которых активно развивается взаимодействие африканских государств с Израилем, являются борьба с терроризмом и содействие развитию. В рамках противодействию террору, Израиль продает африканским партнерам военное вооружение и технику, а также предоставляет своих военных советников в условиях кризиса. В сфере развития Израиль, член ОЭСР, предоставляет африканским государствам внешнюю помощь на двусторонней и многосторонней основе. Главным инструментом в ее проведении остается МАШАВ – Агентство по развитию международного сотрудничества при Министерстве Иностранных Дел Государств Израиль, основанное еще в конце 1950-х гг. Приоритетными странами для МАШАВ в регионе являются: Эфиопия, Гана, Кения, Руанда, Сенегал, Южный Судан и Уганда.

Предоставляя помощь государствам Африки, израильское правительство руководствуется геостратегическими, политическими, экономическими и гуманитарными интересами. В начале XXI века существенную роль стал играть и фактор ирано-израильского противостояния. Израиль стал противодействовать распространению влияния Исламской республики Иран не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и на африканском континенте. В свою очередь, африканские государства ищут в сотрудничестве с Израилем доступ

к израильским инновациям в медицине, сельском хозяйстве, устойчивом развитии, кибербезопасности и мн. др. Африканские правительства, например Кения, нашли в Израиле партнера в борьбе с террором, используя его опыт и технологии. Более того, через сотрудничество с Израилем, некоторые правительства африканского региона видят возможность сближения с США, израильским основным стратегическим партнером.

Участникам секции предлагается поразмышлять о факторах, влияющих на сближение африканских государств и Израиля, а также и об ограничениях израильско-африканского сотрудничества на современном этапе. В рамках секции планируется также обсудить, как эффективность предоставления израильской военной и невоенной помощи африканским государствам, так и ее положительные/негативные последствия для народов и стран африканского континента.

Лупандин Н.Г.

телеканал «Россия-Культура», Москва, РФ

ИЗРАИЛЬ В АФРИКЕ: ПАРТНЕР, ПОСРЕДНИК, СОПЕРНИК

На политику Израиля в Африке, которая проходила через различные этапы от интенсивного развития до отчуждения и нового начала в 2010-х гг., оказывали влияние разные внутренние и внешние факторы. Во-первых, уникальное территориальное расположение Израиля в мире между Африкой, Азией и Европой привлекало африканских партнеров. На африканском континенте для израильского правительства особый интерес всегда представляла Восточная Африка, в особенности Эфиопия, Кения, Руанда и Уганда.

Во-вторых, еще с конца 1950-х гг. Израиль, указывая на то, что это его моральный долг, предложил африканским государствам новейшие способы решения сельскохозяйственных и экологических проблем континента благодаря собственным успехам в техническом и научном развитии. Агентство по развитию международного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Государства Израиль (МАШАВ) и сегодня реализует в Африке ряд программ технической помощи, в том числе и по продовольственной и водной безопасности, расширению прав и возможностей женщин и образованию и мн. др. Кроме помощи в развитии, Израиль остается важным экспортером

вооружения африканским государствам. Сегодня африканские страны имеют возможность не попадать в зависимость от мощного и набирающего мощь в Африке глобального игрока в лице Китая, работая с менее амбициозным Израилем в областях ИТ, сельского хозяйства, здравоохранения.

В-третьих, не малую роль в израильско-африканских отношениях сыграло и то, что Израиль не навязывал государствам африканского континента никакую политическую идеологию. Он умел работать с различными партнёрами и мог найти взаимовыгодный подход в возникающих конфликтных ситуациях. И на сегодняшний день Израиль – отличный партнёр для тех стран, которые по разным причинам не хотят вступать в официальные союзные отношения между собой, но готовы к неофициальным контактам. Например, в последние годы разворачиваются отношения с Суданом, несмотря на отсутствие дипломатических отношений. В отношениях африканских государств с Израилем стоит выделить и американский фактор. МАШАВ и Агентство по международному развитию США реализуют в Африке различные совместные проекты. Более того, особые отношения еврейского государства с Вашингтоном позволяют ему играть роль посредника в отношениях США с рядом африканских государств.

Основная цель данного доклада – проанализировать все основные факторы, которые влияют на характер израильско-африканского партнерства сегодня.

Бартенев В.И.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ

МЕСТО ИЗРАИЛЯ В СТРУКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ СТРАНАМ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ В XXI ВЕКЕ

Сегодня Африка уверенно занимает первое место среди регионов мира по объемам получаемой экономической и гуманитарной помощи. При этом здесь происходит зримое укрепление позиций «нетрадиционных» доноров – государств, которые не входят в Комитет содействия развитию ОЭСР, объединяющий почти все развитые страны.

Термин «нетрадиционные доноры» условен, поскольку многие государства, причисляемые к данной категории, начали предоставлять помощь еще до учреждения КСР ОЭСР. Это в полной мере относится и к Израилю, чья история как донора насчитывает уже более 60 лет и при этом неразрывно связана с Африкой: Агентство по международному сотрудничеству в целях развития при МИД Израиля (MASHAV) было учреждено в 1958 г. после первого визита Г. Меир на континент. Африка остается важным направлением для Израиля и сегодня, о чем не устают говорить израильские дипломаты.

Однако оценка роли и места Израиля в структуре международной помощи странам Африки южнее Сахары (АЮС) на основе анализа данных, аккумулируемых КСР ОЭСР (перед которым отчитывается и Израиль) рисует куда менее радужную картину. В 2010-е гг. объемы израильской официальной помощи развитию (ОПР) Африке находятся на самом низком уровне и исчисляются несколькими миллионами долларов.

Радикальное сокращение израильской помощи АЮС на рубеже десятилетий может объясняться несколькими факторами. С одной стороны, могло иметь место перераспределение средств на фоне «Арабского пробуждения» в пользу стран Ближнего Востока – в первую очередь, Иордании и Сирии, а также Палестинских территорий, за помощь которым Израиль отчитывается отдельно. С другой стороны, сказалось резкое сокращение помощи Эфиопии, на которую последние 20 лет приходилась подавляющая часть выделяемых Израилем средств, – возможно, на фоне сокращения потоков эмиграции эфиопских евреев в Израиль при Б. Нетаньяху.

Вместе с тем, использование данных только по ОПР может исказить представление о масштабах израильского присутствия в АЮС. Во-первых, Израиль активно вступает в альянсы с другими «традиционными» донорами, в первую очередь, странами ЕС, в рамках трехстороннего сотрудничества, делая акцент на предоставлении не финансовых средств, а технической помощи (в соответствии с логикой сотрудничества по линии Юг-Юг). Во-вторых, Израиль направляет в регион значительные потоки средств, которые не соответствуют

критериям ОПР либо по целевому назначению, либо по субъектности провайде-ра. Так, Израиль активно помогает странам АЮС в укреплении потенциала ВС и сил правопорядка, предоставляет экспортные кредиты. С другой стороны, значимую роль играют инвестиции частных израильских компаний.

Таким образом, осмысление масштабов сотрудничества Израиля со странами АЮС возможно только посредством комплексного анализа всех видов трансграничных финансовых потоков с привлечением экспертизы как израилюведов, так и специалистов по международной помощи.

Усова Е.Ю.

Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

ИЗРАИЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗВИТИЯ: АФРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Сотрудничество в области развития (*Development Cooperation*) с самого начала было одним из основных направлений израильской политики в Африке. После создания в 1958 г. специального подразделения МИД Израиля, отвечающего за сотрудничество в области развития (МАШАВ), африканские страны стали его ключевым партнёром. В своих отношениях с африканскими странами Израиль активно использовал в качестве главного ресурса достигнутые им к концу 50-х гг. впечатляющие успехи в области сельского хозяйства, здравоохранения, образования, социальной и молодёжной политики, профсоюзного движения и др. Все эти достижения вызывали активный интерес у большинства африканских лидеров того времени. В значительной степени именно благодаря сотрудничеству в области развития 60-е гг. XX в. вошли в историю внешней политики Израиля как «израильско-африканский мёдовый месяц». После арабо-израильской войны 1973 г. большинство африканских государств разорвали отношения с Израилем. К концу столетия отношения со странами африканского континента были не только полностью восстановлены, но и заметно расширились за счёт стран, ранее придерживавшихся просоветской ориентации.

В настоящее время Африка занимает первое место по количеству стран-партнёров МАШАВ и второе место по числу стажёров, обучающихся на курсах МАШАВ. Программы сотрудничества в области развития, осуществляемые Израилем вместе с африканскими странами, с одной стороны, вносят заметный вклад в решение многих проблем этих стран в сфере сельского хозяйства, здравоохранения, образования, охраны окружающей среды, внедрения современных технологий, малого и среднего предпринимательства, гендерного равенства, комплексного развития сельских и городских районов, разработки программ развития на местном уровне. С другой стороны, сотрудничество в области развития с африканскими странами способствует укреплению и углублению экономических и торговых отношений Израиля с африканскими странами, продвижению израильских товаров и технологий на африканский рынок, а также взаимопонимания между Израилем и африканскими странами в политической сфере. Кроме того, оно вносит свой вклад в развитие науки и образования в Израиле за счёт привлечения международного финансирования и приобретения израильскими специалистами новых знаний и опыта на примере стран, различающимся по своим условиям и характеру проблем.

Махмутова М.И.

Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ ИЗРАИЛЯ И МАРОККО В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Дипломатические отношения между Израилем и Марокко были установлены в 1994 г. после подписания соглашений Осло между палестинской и израильской сторонами. Однако в 2000 г. Рабат принял решение о разрыве отношений, возложив ответственность за провал урегулирования палестинской проблемы на Западный Иерусалим. Несмотря на это, контакты между двумя государствами сохранились.

Во-первых, Израиль стремится наращивать экономические отношения, по объему торгового оборота Рабат занимает третье место среди арабских стран (37, 2 млн долл. на 2017 г.). Также отмечается активность в инвестиционной сфере: например, израильская компания Netafim, специализирующаяся на капельном орошении, в 2016 г. открыла дочернюю компанию в Касабланке (2,9 млн долл.).

Во-вторых, обе страны нацелены на динамичное развитие военно-технического сотрудничества, которое публично не разглашается. Через страны ЕС Израиль поставляет в Марокко аппараты радиоэлектронной борьбы, военной связи, военные системы управления, беспилотные разведывательные летательные аппараты и др.

В-третьих, Западный Иерусалим и Рабат объединяет общий вызов на Ближнем Востоке и в Северной Африке – распространение влияния Ирана. Тегеран постоянно угрожает безопасности Израиля и подпитывает враждебные ему группировки, а также поддерживает независимость Западной Сахары, что ставит под удар безопасность Марокко.

По мнению израильских специалистов, в последние годы естественным подспорьем для развития мароккано-израильских отношений может стать еврейская диаспора в королевстве, одна из самых крупных в арабских странах (250 тыс. человек). Марокко является страной, где в конституции (2011 г.) прописана важность национального единства всех граждан, включая евреев. При этом королевская власть относится с уважением к их культуре и вероисповеданию; доказательством тому было собрание 50 раввинов из разных стран мира из движения Хабад в Марокко по приглашению Мухаммеда VI. В ближайшее время Западный Иерусалим нацелен использовать культурный аспект (СМИ, фестивали, кино) для сглаживания отношения марокканцев к Израилю, однако Рабат по-прежнему относится к этому с опаской в связи с неурегулированной палестинской проблемой.

Хлебникова Л.Р.
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ

НОВЫЙ ЭТАП В ОТНОШЕНИЯХ ИЗРАИЛЯ И РУАНДЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На африканском континенте для Израиля всегда особую роль играли взаимоотношения со странами Восточной Африки. В рамках развития новой африканской политики, которую объявил израильский премьер-министр Б. Нетаньяху в 2016 г., Израиль и Руанда стали интенсивно развивать двусторонние отношения. Одним из последних подтверждений этого стало открытие первого израильского посольства в Кигали в 2019 г.

Сближению Израиля и Руанды способствует ряд ключевых факторов. Обе страны объединяет память о трагедии геноцида, который евреи пережили во время Холокоста, а народ тутси во время событий 1994 года. Для Кигали Израиль представляет собой важного партнера для экономического и технологического развития страны. Агентство по международному сотрудничеству при МИД Израиля (МАШАВ) определяет Руанду как приоритетное государство для предоставления технической помощи. В 2019 г. представители обеих стран подписали Меморандум о взаимопонимании, который закрепил дальнейшее взаимодействие в сельском хозяйстве. При этом, если в вопросах невоенного сотрудничества стороны уже реализуют совместные проекты, то в военной сфере отношения развиты слабо на данный момент.

Нельзя забывать, что для обоих государств важна поддержка на международном уровне, в особенности в ООН. В израильско-руандийских отношениях играет роль и фактор США. С середины 1990-х гг. правительство Руанды сделало ставку на сближение с Вашингтоном, и Израиль пытался играть роль посредника в усилении их контактов. В последние годы израильское правительство использовало отношения с руандийским правительством для урегулирования своей внутривосточной проблемы, связанной с африканскими мигрантами из Эритреи и Судана. Израиль, предположительно, имел

договоренности с правительством Руанды для депортации туда части африканцев из Израиля.

Цель данного исследования – раскрыть возможности и перспективы израильско-руандийских отношений на современном этапе, а также выявить их проблемные направления.

Якимова Е.А.

Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

ГЕРМАНО-ИЗРАИЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АФРИКЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ФРГ и Израиль сходятся во мнении относительно необходимости оказывать содействие развивающимся странам, среди которых особая роль отводится Африканскому континенту. Основываясь на международных принципах сотрудничества в целях устойчивого развития на региональном и глобальном уровне, а также собственных наработках в деле оказания содействия странам Африки, Иерусалим и Берлин разработали и приступили к осуществлению совместной германо-израильской Африканской инициативы, которую можно считать к настоящему моменту главным практическим достижением сторон в названной сфере.

Проект начал обсуждаться в 2012 г. в ходе встречи федерального канцлера Германии А. Меркель и главы правительства Израиля Б. Нетаньяху, на начальном этапе охватив Кению, Эфиопию и Гану, с перспективой в будущем подключить к нему Буркина-Фасо, Камерун и Бурунди. Оформление Африканской инициативы завершилось в 2016 г., когда по итогам 6-го раунда межправительственных консультаций представители Агентства по международному сотрудничеству в целях развития при МИД Израиля (МАШАВ) и Федерального министерства экономического сотрудничества и развития Германии подписали декларацию о намерениях, в которой отражались текущие направления содействия 6 африканским странам, а также закреплялись общие руководящие принципы взаимодействия на континенте.

Отличительной особенностью германо-израильского партнерства в Африке является то, что программы направлены не на краткосрочное урегулирование узкой проблемы, а рассматривают ситуацию комплексно, охватывая такие отрасли как сельское хозяйство, водные ресурсы, борьбу с изменением климата. Африканские страны-участницы нередко имеют возможность привлекать собственные экономические ресурсы, что повышает степень вовлеченности и ответственности за реализацию проектов. В будущем такая модель может быть использована на палестинском направлении, где прозрачность расходования средств и добросовестность исполнения обязательств вызывает вопросы.

Для Израиля сотрудничество в таком формате имеет и важное политическое значение, а также позволяет сократить объем финансирования за счет привлечения Берлина в качестве ко-спонсора, при этом сохраняя потенциал для продвижения инноваций. Серьезную роль Joint Africa Initiative играет и в укреплении германо-израильских отношений, давая ФРГ доступ к передовым технологиям, с которыми страна не может ознакомиться при других обстоятельствах, поскольку программы МАШАВ ориентированы на развивающиеся страны.

Panel IV-6. Russia and the Rising Africa in the New World Environment
Секция IV-6. Россия и поднимающаяся Африка
в новом мировом окружении

Convenor / Руководитель: *Rachid Tlemçani* (University of Algeria)

Africa is made up of 54 different nation-states with economically, historically and politically significant varieties. Its superficies is around 200,000 sq km. It encompasses the areas of all Europe, the USA and China totaling 29,365,000 sq km. It is the second largest continent with a population 1.2 bn of habitants in 2018 and 2.5 bn by 2050. It has 30% of mineral resources reserves, 45% of gold reserves, 65% of cobalt reserves, and 90% of platinum reserves. Africa's proved oil reserves increased by approximately 70 percent, from 75.3 billion barrels in the 1997 to over 300 billion barrels 2017. About 600 million hectares of arable land are still under economic development. At the same time, 70% of the African population lives with \$2 or less a day. Between 70% and 80% of the African population lives in rural areas. This poverty is deep and institutionalized. What has been wrong? Experts believe a new "scramble for Africa" is unfolding around raw materials, energy resources and land grabbing. The main players are China and the USA. India, Turkey, Iran, and the Gulf countries are also interested in increasing their market shares in Africa. China and the USA are fighting each other without state of mind in this huge market in the century. Africa's growing middle class is creating a huge new consumer market. This dispute that has increased political and economic stability and violence, as well is shaping a new geopolitical setting. Russia's volume of trade and economic interaction with Africa still is low to almost all of the above mentioned players. Currently, Russia's trade with Africa is less than \$12bn. This volume, although its presence has expanded over the past year, still is low despite the fact that URSS has played a crucial role in the process of decolonization in this continent. This panel will thoroughly examine the main factors that have led to the African domination by the USA and China at the detriment of the win-win relationship as developed by Russia. How Russia can find its legitimate place in Africa as to help the rising Africa to gain a leadership in world peace, as a great power.

This panel will thoroughly examine 4 crucial issues:

- The Soviet Union and Africa Decolonization
- The Rising Africa, Globalization and the New Geopolitical Environment
- The new dispute in post-cold world in Africa
- Russia and the Future of Africa.

Stanislav A. Agureev

Diplomatic Academy of the Russian foreign Ministry, Moscow, Russia

**ETHIOPIA IN THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY**

At the end of the XIX century Ethiopia remained the only independent country in North-East Africa. The appeal of Russian political and business circles to the Red Sea region was dictated by the desire of the authorities to ensure reliable Maritime communications passing through the Suez canal and linking Asia with Europe, to find the shortest and most convenient transit routes necessary for the development of Maritime trade with India and China, and was explained by the increasing importance of the South-Eastern direction in Russia's foreign policy.

The geopolitical factor played a major role in the rapprochement between Russia and Ethiopia. A milestone in the deepening of relations between the two countries was the period when Russia sided with the Ethiopians in their selection of Italian aggression (1895-1896). Official Russia has provided her with military and humanitarian assistance in the form of opening first in the province of Ethiopia Harare, and then in Addis Ababa Russian field hospitals. At the same time, young Ethiopians began to be accepted for training in the military schools of Russia. At the same time, Ethiopia's geographical remoteness from Russia, the weak nature of Russian economic interests in the country, increasing competition from European colonial powers in North-East Africa, as well as the lack of political stability in Ethiopia gave rise to the unwillingness of Russian capital to participate in the economic development of Ethiopia, gradually contributing to the decline of Russian political influence in the region.

The lack of allocations from Russia led to the closure of the Russian hospital in Addis Ababa in early 1906. The reduction of attention to Ethiopia can be explained by the fact of Russia's accession to the military-political bloc Entente. According to the new allied relations with England and France, Russia could no longer hinder the progress of the colonial aspirations of the latter in Africa.

**ЭФИОПИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

В конце XIX в. Эфиопия оставалась единственной независимой страной Северо-Восточной Африки. Обращение российских политических и деловых кругов к региону Красного моря диктовалось стремлением властей к обеспечению надежных морских коммуникаций, проходящих через Суэцкий канал и связывающих Азию с Европой, обретению кратчайших и наиболее удобных транзитных путей, необходимых для развития морской торговли с Индией и Китаем, и объяснялось усилением значения юго-восточного направления во внешней политике России.

Геополитический фактор сыграл главную роль в сближении России и Эфиопии. Рубежным в углублении взаимоотношений двух стран был период, когда Россия встала на сторону эфиопов в их отпоре итальянской агрессии (1895–1896 гг.). Официальная Россия оказала ей и военную и гуманитарную помощь в виде открытия сначала в провинции Эфиопии Харэре, а затем и в Аддис-Абебе русских полевых госпиталей. Тогда же в военные школы России стали приниматься на обучение молодые эфиопы. В то же время географическая удаленность Эфиопии от России, слабый характер российских экономических интересов в стране, все возрастающая конкуренция со стороны европейских колониальных держав в Северо-Восточной Африке, а также отсутствие политической стабильности в Эфиопии порождали неготовность российского капитала к участию в экономическом освоении Эфиопии, постепенно способствуя снижению российского политического влияния в регионе. Отсутствие ассигнований со стороны России привело и к закрытию в начале 1906 г. русского госпиталя в Аддис-Абебе. Сокращение внимания к Эфиопии можно объяснить и фактом присоединения России к военно-политическому блоку Антанта. Согласно новым союзническим отношениям с Англией и

Францией, Россия уже не могла препятствовать продвижению колониальных устремлений последних в Африке.

Антошин А.В.

Уральский федеральный Университет, Екатеринбург, РФ

ДВЕ СУДЬБЫ: УРАЛЬСКИЕ ОФИЦЕРЫ В ЭФИОПИИ В 1970-е гг.
TWO FORTUNES: OFFICERS FROM THE URAL REGION IN ETHIOPIA
IN THE 1970S

Проблематика истории советско-эфиопских отношений давно привлекает внимание исследователей. Как известно, Советский Союз оказывал разнообразную помощь режиму Менгисту Хайле Мариама, в том числе и в период сомалийско-эфиопского военного конфликта 1977–1978 гг. Среди тех советских военных специалистов, которые служили в Эфиопии в те годы, были и уральские офицеры. В региональной прессе были опубликованы воспоминания некоторых офицеров, которые содержат ценный фактический материал. Вместе с тем, именно эти мемуарные источники показывают, что судьбы тех военнослужащих, которые оказались в Эфиопии, складывались по-разному.

В данном сообщении представлены судьбы двух уральских офицеров: капитана Леонида Берсенева и подполковника Николая Удалова. Развернутые мемуары Л. Берсенева были опубликованы в екатеринбургском альманахе «Военком» в 2002 г. Они ценны, прежде всего, тем, что показывают образ Эфиопии 1970-х гг., сложившийся у советского офицера. Обычай и традиции жителей восточноафриканской страны, необычная культура питания, отношения советских военнослужащих с местным населением, уровень боеспособности эфиопской армии – все эти сюжеты отражены в данном произведении. Мемуары Л. Берсенева содержат многочисленные иллюстрации, которые позволяют сформировать визуальный образ пребывания советских военнослужащих в Эфиопии в 1970-е гг. Судьба автора этого произведения сложилась вполне благополучно: после эфиопской командировки он вернулся на Урал, служил в воинских частях региона.

Однако, к сожалению, не всем офицерам довелось вернуться домой и оставить воспоминания о пребывании в Эфиопии. Совершенно иначе закончилась служба в этой стране подполковника Н. Удалова. Внимание уральской общественности к судьбе этого человека впервые привлек военный журналист В. Амиров, очерк которого под названием «Шестой» был опубликован в екатеринбургской газете «Ветеран Афганистана» в 1995 г. Как свидетельствуют материалы данной статьи, Н. Удалов пропал без вести при выполнении боевого задания летом 1978 г. (по основной версии, был захвачен в плен бойцами Фронта освобождения Западного Сомали). В целом, следует отметить, что региональная пресса (в том числе газета «Ветеран Афганистана») является ценным источником по данной проблематике. Эти материалы важны для сохранения исторической памяти о событиях, связанных с пребыванием уральских офицеров в странах Африки в советский период.

Eldar Salakhedinov

University of South Africa

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

CHALLENGES OF NUCLEAR TECHNOLOGIES DEVELOPMENT IN AFRICA: WILL THE RUSSIANS COME?

Africa has rich energy resources but continue to remain an energy poor continent. The potential of industrialisation in Africa and the rapidly growing population cause a sharp increase in demand for electricity in the continent. One of the most effective solutions to the energy deficit may be the construction of nuclear power plants (NPPs). Today, four major companies in the world have the technological capability to construct NPPs. These are Russian “Rosatom”, American-Japanese “Toshiba-Westinghouse”, French “Orano” (formerly known as “Areva”) and Korean “Kepco”. Apart from Rosatom, the last three mentioned companies face multitudes of problems. The Toshiba-Westinghouse filed for bankruptcy in March 2017, while Orano is mired in debt and is carrying out a large-scale restructuring process – having received funds from the government to

change the capital structure. The Korean energy corporation Kepco faces a big challenge of nuclear technology development because Moon Jae-in, the current president of South Korea, continues to phase out nuclear-generated electricity, following public opinion.

The Russian state corporation Rosatom is in a better situation. To date, Rosatom is the only manufacturer in the world that offers a full cycle of nuclear energy production. Other nuclear energy companies do not control many components of the nuclear chain and depend on contractors and subcontractors. It is also of importance that Rosatom is viable because it has global orders for NPPs construction and maintenance secured for the next 15 years. Russia using that advantage seeks to promote nuclear technologies in Africa. Nuclear power in the future can not only overcome the electricity deficit, but also contribute to a soft transition from environmentally polluting hydrocarbon power plants to carbon free technologies in Africa.

However, there are strong opposition to the Rosatom expansion in Africa. For instance, most of media are against NPP construction, frequently describing such projects as potentially corrupt and from positions of nuclear alarmism. Is the construction of NPPs benefit or pose a grave risk to the African continent?

Tatiana Evgenyeva

Institute for African Studies RAS; Lomonosov State University, Moscow, Russia

Natalia Smulkina

Lomonosov State University, Moscow, Russia

AFRICA'S PLACE IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS: A VIEW OF RUSSIAN CITIZENS

Analyzing the prospects for the development of relations between Russia and the rising Africa in the new world environment, it is worth paying attention to how ordinary citizens of Russia perceive these prospects, representations of which to one degree or another may influence their assessment of political decisions.

Two studies were conducted to study the substantial characteristics of the image of Africa, its place in the system of international relations and the prospects

for interaction between Russia and the African countries in the public mind. The methodology included focused interviews with ordinary Russian citizens. The projective test method (figure) and the map modeling were also used. These methods were aimed at identifying not only rational, but also unconscious, symbolic aspects of images. In the interpretation of the obtained data, qualitative analysis methods were used with elements of the use of quantitative methods, in particular, coding and scaling of answers to open questions, as well as a statistical analysis of the results using the SPSS Statistics program.

The study allows us to draw several conclusions:

1. Russians' perceptions of Africa are extremely blurred. The stereotype of the “unknown land” dominates, often not specified through the existence of individual states, and especially specific political actors. The image is dominated by stereotypic plots associated with natural and cultural cliché symbols. The peoples of African countries are credited with the traditional way of life, a primitive culture without cultural and ethnic differences. Political images are not personified and tend to two extremes: dictatorial, tyrannical regimes, or weak, not controlling the situation elites.

2. The influence of African countries on Russia is assessed as weak, and according to the criterion of an emotional sign – as neutral-positive. Assessing the positive potential of cooperation between African countries and Russia, respondents pay attention only to the tourism sector.

3. Africa's influence on the rest of the world seems rather negative (migration). Africa is perceived as a region threatening the world community with its instability. The instability of political regimes and the rule of law are associated with the intensification of terrorism and drug trafficking. In the image of Africa, social and economic problems stand out as threats to both the countries of the continent and to the entire world community. In some cases, there is a separation of Muslim Africa, the main characteristic of which is the confrontation with the generalized West (primarily the United States).

In general, the perception of Africa can be described as detached, anxious or sympathetic. Africa's place in the system of international relations does not appear as a subject, but as an object of influence on the part of “real” subjects – world leaders.

Gleb K. Sugakov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**CHINA'S TRADE AND INVESTMENT PRESENCE IN AFRICA
AND RUSSIA'S INTERESTS**

This paper aims to identify the impact of China’s ties with African countries on the prospects of trade and investment cooperation between Africa and Russia. Attention to Africa in Russia has increased greatly in recent years. In 2019 was held the first Russia-Africa Summit and Economic forum. However, Russia cannot ignore the ties of other countries with African countries. China has established strong trade and investment ties with most African countries. It should be noted that the first Forum on China–Africa Cooperation (FOCAC) was held in 2000 and since then it has been held 7 times. The scale of the current Russian-African cooperation is much inferior to the Chinese. Despite the cooperation within BRICS, Russia and China compete in Africa. Russia cannot provide multibillion-dollar loans to African countries like China. The large-scale of the Chinese presence in the region is a cause of concern for Africans. Cooperation with Russia will help African countries to find a balance in the foreign economic relations. Russia uses more transparent instruments of cooperation. With competencies in such important areas for Africa as education, health, ICT, exploration, etc., Russia can increase equal cooperation without huge financial injections.

Kassaye Nigusie W. Michael
RUDN University, Moscow, Russia

RUSSIAN ETHIOPIAN RELATIONS IN THE FIELD OF EDUCATION AND CULTURE

Ethiopia is one of the first countries in Africa with which Russia has established diplomatic relations. However, these relations did not begin as official interstate. The foundation of future diplomatic relations between the two countries was laid by Russian monks who established contacts with Ethiopians in Jerusalem, and the expedition of Russian "volunteers" to Ethiopia, which began in 1885. Thus, Ethiopia was not only the first African country with which Russia established official diplomatic connection, but also her "window" to Africa.

Due to the long-standing bilateral official and unofficial contacts between Russia and Ethiopia, the formation and development of diverse ties, including the field of education and culture, has taken place for a long time. The first Ethiopian students came to Russia at the end of the 19th century. By the beginning of the twentieth century there were several dozens of them. Therefore, an important area in relations between the two countries is the training of educated personnel in Russian educational institutions for Ethiopia.

Ethiopian youths continued to arrive in Russia until 1917. After the Russian Revolution, on the initiative of the Ethiopian side, bilateral relations, including the field of education, were suspended. Among the Ethiopians who were educated in the Russian Empire, the best known is Tekla Khawariyat (Peter Sergeyeovich Molchanov – his name in Russia) – the author of the first Ethiopian constitution of 1931, a diplomat and representative of Ethiopia in Geneva in the League of Nations.

Official bilateral relations between the USSR and Ethiopia were restored in 1943. Since then, educational and cultural ties between the two countries have begun and expanded.

In 1959, Haile Selassie I made a friendly visit to the USSR, as a result of which relations between the two countries acquired a new quality. The visit was

attended by the signing of an agreement between the leaders of two countries. By that agreement, the Soviet government pledged to give Ethiopia economic and technical aid. As a gift to the Ethiopian people and government, the Soviet government also decided to build a special technical school for 1000 peoples. In 1961, an agreement on cultural cooperation between the two countries was concluded. The agreement provided the admission of Ethiopian students to study in the Soviet higher educational institutions.

Thus, we can conclude that the Russian Empire and the USSR stood at the origins of the formation of the modern Ethiopian intelligentsia. It is important to note that, providing Ethiopia with assistance in training personnel and in creating a technical school, the Russian state did not seek for itself any commercial or political benefits.

Кассае Ныгусие В. Микаэль
РУДН, Москва, РФ

РОССИЙСКО-ЭФИОПСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Эфиопия является одной из первых стран Африки, с которой Россия установила дипломатических отношения. При этом они начались не как официальные межгосударственные. Фундамент будущих дипломатических отношений между двумя странами был заложен русскими монахами, установившими контакты с эфиопскими монахами в Иерусалиме, и экспедицией «добровольцев» в Эфиопию, начавшейся в 1885 г. Таким образом, Эфиопия стала не только первой страной Африки, с которой Россия установила официальные дипломатические связи, но и «окном» в Африку.

В силу давних двусторонних официальных и неофициальных контактов России и Эфиопии в течение долгого времени происходило формирование и развитие разносторонних связей, в том числе в сфере образования и культуры. Первые эфиопские студенты приехали в Россию еще в конце XIX в. К началу XX в. их насчитывалось несколько десятков человек. Поэтому важным

направлением в отношениях двух стран является подготовка в российских учебных заведениях национальных кадров для Эфиопии.

Эфиопские юноши продолжали прибывать в Россию до 1917 г. После русской революции по инициативе эфиопской стороны двусторонние связи, в том числе в области образования, были приостановлены. Среди получивших в Российской империи образование эфиопов, больше всего известно о Текле Хаварияте (Петер Сергеевич Молчанов – так его звали в России) – авторе первой эфиопской конституции 1931 г., дипломате и представителе Эфиопии в Женеве при Лиге Наций.

Официальные двусторонние отношения между СССР и Эфиопией были восстановлены в 1943 г. С этого времени начинаются и расширяются образовательно-культурные связи между двумя странами.

В 1959 году император Хайле Селассие I совершил дружественный визит в СССР, в результате чего отношения между двумя странами приобрели новое качество. В ходе визита состоялось подписание соглашения между двумя лидерами двух государств. В соответствии с этим соглашением советское правительство обязалось предоставить Эфиопии экономическую и техническую помощь. В качестве подарка эфиопскому народу и правительству советское правительство также решило построить специальную техническую школу для 1000 человек. В 1961 году было заключено соглашение о культурном сотрудничестве между двумя странами. Соглашение предусматривало допуск эфиопских студентов для обучения в советских вузах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Российская империя и СССР стояли у истоков становления современной эфиопской интеллигенции. Важно отметить, что, оказывая Эфиопии помощь в подготовке кадров и в создании технической школы, российское государство не искало для себя каких-либо выгод коммерческих или политических.

Punsara Amarasinghe

Institute of law and politics, Scuola Superiore Sant Anna, Pisa, Italy

USAGE OF SOVIET SOFT POWER IN AFRICA THROUGH EDUCATION

The exact meaning carved by Joseph Nye in coining his notable concept “Soft Power” referred to a strong influence over states whereas governments cannot totally get rid of its influence. Because, unlike the hard power which pushes states to the edge, the influence of soft power brings more sentimental effects to targeted states as their national consciousness is solidly smitten by its approach. The higher education assistance was another feature of Soviet soft power over third world countries. In African and Asian contexts, most of the ruling elites were products of either British or French higher educational institutes. Yet, most of the masses in rural areas with many economic deprivations had no access to privileged western universities, that went on to hinder their aspirations of pursuing higher studies beyond their states. Since the dawn of Cold War the factor regarding higher education as a strategic tool was considered by both Soviets and Americans with greater importance. When the necessity of higher education was emphasized by African leaders at Addis Ababa Conference of African States on the Development of Education in Africa in 1961, Soviet leader Khrushchev declared the foundation of the People’s Friendship University in Moscow, especially for students from Asia, Africa, and Latin America. Addressing 3,000 students at Jogjakarta University, Khrushchev affirmed that the Soviet government ‘wished to help the [developing] countries to train their national workforce, engineers, agronomists, doctors, teachers, economists’ and at the same time give a chance to ‘many talented young people coming from poor families’, who otherwise were ‘deprived of the possibility of realizing their wish to study in the Soviet Union. This paper seeks to examine the influence extended by Soviet Union to newly independent states in Africa through education and how it became a pivotal factor in Soviet international relations with African states. The results begetting from this paper will demonstrate how Soviet Union was ahead of the curve in expanding their ideology and influence to Africa in time of Cold War.

Василий Сидоров (Vasily Sidorov)
Институт Африки РАН (Institute for African Studies of RAS)
Москва, РФ (Moscow, Russia)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЮАР
В XXI ВЕКЕ
ECONOMIC RELATIONS BETWEEN SOUTH AFRICA AND RUSSIA
IN THE XXI CENTURY

Various agreements have been signed in the economic sphere between Russia and South Africa – but their practical implementation is limited.

Trade volume is generally modest and tends to be unstable. Trade turnover between the two countries is just around \$1 billion.

On the other hand there are substantial Russian investments in South Africa and vice versa. Key Russian investor working in South Africa is the “Renova Group” that together with South African partners operates “United Manganese of Kalahari” (UMK) mining project and “Transalloys” silicomanganese plant. Other Russian companies that invested in South Africa are “Severstal” and “Renaissance Capital”. The main South African investor in Russia is “Naspers” that owns a large stake in internet-company “Mail.ru Group” and fully owns a classified advertisements website “Avito”. Among other South African companies present in Russia there are “Mondi” and “Barloworld”.

Overall the most interesting opportunity for extending economic ties between South Africa and Russia in the past years has been the proposed nuclear agreement by “Rosatom” to build nuclear power plants. But due to the current political climate in South Africa chances of such project being implemented in the near future are slim. Also South Africa’s position as a gateway to Africa is certainly important for Russian companies that are interested in Africa.

Main problem for bilateral economic cooperation is insufficient knowledge of Russian and South African partners of each other.

Юртаев В.И.
РУДН, Москва, РФ

ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЯ – АФРИКА В XXI ВЕКЕ

1-й сценарий (интегративный с Россией): встречное движение России и Африки; эффективное взаимодействие по основным линиям (наука, образование, бизнес, цифровизация экономики, медицина); значительные объемы финансирования совместных проектов, новая дипломатия взаимовыгодного многостороннего сотрудничества на основе консенсуса интересов.

Результаты: улучшение качества жизни африканских стран, интеграция с международными объединениями с участием России (например, посредством формата БРИКС плюс), достаточно быстрое преодоление таких социальных проблем, как бедность, неравенство, в том числе гендерное.

Но: усиливающееся давление ряда стран-лидеров на Африку, подкуп элит, специальные «растлевающие/отвлекающие» программы для молодежи, рост финансирования терроризма и повышенная социальная конфликтность.

2-й сценарий (традиционный, ориентированный на страны-лидеры, прежде всего бывшие метрополии, и США): ожидания результатов догоняющего развития, консервация языковой обособленности (англоязычная, франкоязычная и португалоязычная Африка) с соответствующим развитием экономик стран, усиливающаяся регионализация с расширением функций Африканского союза (идеология создания региональных комплексов, глобализация по-африкански на уровне континента и субрегионов), политика займов у бывших метрополий и США на наиболее значимые цели устойчивого развития (Повестка дня 2030 и Повестка дня 2063).

Результаты: консервация периферийного положения Африки в системе мирового хозяйства, резкое усиление долговой зависимости африканских стран от бывших метрополий и США.

3-й сценарий (соперничество Китая и США в Африке): неопределенность политических устремлений и целей экономического развития, исполь-

зование традиции биполярной ориентированности политических и бизнес-элит Африки, реализация инфраструктурных проектов двух типов (по американскому и китайскому сценариям),

Результаты: рост нестабильности экономического развития, сохранение высокого уровня конфликтности, милитаризация континента.

Оганян О.А.

МГИМО (У) МИД РФ, Москва, РФ

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ В ЦАР: БОРЬБА ЗА ВЛИЯНИЕ?

Центральноафриканская Республика (ЦАР) входит в число бывших французских колоний, в которых после обретения независимости влияние бывшей метрополии было наиболее значительным. Франция является привилегированным политическим партнером ЦАР и неоднократно совершала военные интервенции в эту страну (последний раз – в 2013–2016 гг.). Занимая выгодное географическое положение в центре Африканского континента, ЦАР продолжает оставаться одним из основных столпов французского влияния в Африке. В то же время начиная с 2017 г. активно развивается сотрудничество России и ЦАР прежде всего в политической и военной сферах. Сотрудничество в политической сфере проявляется в российском содействии процессу мирного урегулирования в ЦАР. Сотрудничество в военной сфере выражается в поставках вооружения и направлении российских инструкторов для подготовки военнослужащих ВС ЦАР. Активизация сотрудничества России и ЦАР вызывает неприятие Франции. В Париже рассматривают развитие российско-центральноафриканского сотрудничества как расширение влияния России в ЦАР и в Африке в целом в ущерб позициям Франции. В этой связи в докладе рассматриваются основные направления сотрудничества России и ЦАР, а также те меры, которые предпринимает Франция для сдерживания роста влияния России в этой стране. Делается вывод о том, что Франция стремится ограничить влияние России и укрепить собственные позиции прежде всего путем принятия симметричных шагов: поддержания вы-

годных Парижу форматов внутривластического урегулирования, поставок в страну французского оружия и расширения программ подготовки военнослужащих ЦАР.

Сулейманян А.Г.

Журнал «Всемирный путешественник», Москва, РФ

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

Одно из условий реализации концепции внешней политики Российской Федерации: «...работать над созданием положительного образа России, соответствующего авторитету ее культуры, образования, науки... формировать инструменты воздействия на ее восприятие в мире, совершенствовать систему применения «мягкой силы», искать оптимальные формы деятельности на этом направлении». Поэтому необходимо разработать стратегию «мягкой силы». Стержнем России в Африке должна быть концепция «культурного героя».

Понятие заимствовано нами из этнографии, но трактуется расширительно. Мы предлагаем в образе «культурного героя» рассматривать три лица: Рыцаря (справедливого воина), Учителя (Просветителя и проводника в современный непонятный мир) и Строителя (школ, больниц, дорог и т.п.). Это предполагает принцип персонализации. Поэтому «Лицом» России должны быть великие поэты, например, Н.С. Гумилев, выдающиеся ученые – Н.И. Вавилов и основатель экологической паразитологии В.А. Догель; путешественники, например, Юнкер, Ковалевский; писатели, например, Гончаров, деятельность которых была связана с Африкой. Практическая реализация должна основываться на базовых принципах Форума «Россия-Африка» 2019 г. В частности:

- Каковы цели и перспективы Российско-Африканского культурного сотрудничества?
- Какие методы «народной дипломатии» могут быть использованы для расширения этих связей? Какова роль государства и предпринимательских кругов в данных программах?

- В эпоху глобализации остро встает вопрос сохранения национальных ценностей и приоритетов. Главный программный документ Африканского союза – «Повестка дня – 2063» – подчеркивает важность сохранения африканских ценностей и идеалов panaфриканизма. Как может Россия помочь странам Африки сохранить свою цивилизационную и этническую идентичность? Каковы наиболее актуальные проблемы, определяющие будущее Африканского континента, и пути их решения?

- Как может Россия помочь странам Африки сохранить «конкурентоспособность национальных юрисдикций»?

Необходимо также идеологическое, а не только экономическое, обоснование присутствия России в Африке. При этом необходимо принимать во внимание, что разработка стратегии осложняется продолжающимся с «перестройки» кризисом идентичности.

**Panel IV-7. Same, Same, but Different: Africa, China,
and the Rhetoric of Brotherhood**

**Секция IV-7. Такие же, такие же, но разные:
Африка, Китай и риторика братства**

Convenor / Руководитель: *Tara Mock* (Bowdoin College, Brunswick, USA)

Notions of sameness and difference continue to reflect, reinforce and sometimes disrupt historical power dynamics between nations. These identity constructions reflect not only what is but what could or should be reality; and discourses, as imaginaries participate in the creation of new, and cultivate and nurture existing images of the state and its inhabitants. This panel explores questions of selfhood and other within Africa-China relations paying particular attention to historical and contemporary narratives of attachment, belonging, and community underpinning these new identity formations.

Tara Mock

Bowdoin College, USA

**BROTHERS FROM OTHER MOTHERS:
CULTURAL SELF-CONGRUITY AND NATION BRANDING AS DRIVERS
OF ATTITUDE FORMATION IN AFRICA-CHINA RELATIONS**

Similar to the cinematic and literary projection of empire accompanying the imperial project of the late 19th and early 20th centuries, the current political mandate for nations seeking increased access to African resources and markets is to reconstitute images of self against that of a political 'other'. The 21st century march into the 'last frontier', however, in contrast to the 'Scramble for Africa' finds the continent's spaces and people being redefined as points of inclusion rather than difference. The implications of these discursive changes to the projection of nationhood on concepts of selfhood and other in Africa have been relatively understudied. This paper focuses on identity and communal practices and formations within Afro-Chinese relations. Drawing principally upon fieldwork, it examines whether and how notions of *sameness* enmeshed within Chinese nation branding practices influence attitudes toward *brand-China*.

C. Jama Adams
City University of New York, USA

INBETWEENNESS:
PSYCHOLOGICAL PERSPECTIVES ON AFRICANA WORKERS IN CHINA

Transnational movements of workers are increasingly driven by the demand for labor generated by aging populations in developed countries and an increased search for creative workers capable of meeting that demand. Within the last thirty years China, in particular, has attracted a sizable, albeit transient body of Africana workers to its shores: traders to southern China and its sizable manufacturing hubs; technocrats with their formal credentials to Shanghai and Beijing; and teachers and students to points across the width and breadth of the People's Republic. Despite the oftentimes semi-permanent to permanent duration of this movement, these individuals cannot be characterized as migrants given China's reluctance to issue permanent visas or citizenship to foreigners. Africana persons, among a growing body of foreign workers find themselves living in a state of 'inbetweenness'. They do not fit in either in their home countries or in China. Jama Adams works to disentangle the experiences of these transnational populations of skilled and unskilled Africana individuals working in mainland China using the concept of adaptive ambivalence to explain the psychological mechanisms these individuals develop to manage the pervasive sense of not quite belonging wherever they are.

Agness Lesley
University of Florida, USA

BEYOND THE RHETORIC OF BROTHERHOOD:
AFRICAN AGENCY IN THE CHINA-AFRICA RELATIONSHIP

The notion of African and Chinese brotherhood has been well crafted by both Chinese and African leaders to promote Chinese engagement with Africa states. China emphasizes the spirit of brotherhood with African states, but how is this brotherhood manifested? Most analyses of China's relationship with Africa

treat China as the driving force, and ignore the role of African agency, especially at the level of state elites. This depiction of the African state has cast it as being in a compromised and weak position in dealing with China. However, recent studies illustrate growing African agency in its engagement with China, and argue that African states can use their economic value and strategic position to shape the outcome of their engagements with China. In fact, some African ruling elites are already exercising their agency to promote both their country's interests and retain their legitimacy as state leaders.

This paper extends the notion of African state agency, focusing on Zambia and its engagement with China. Zambia is a copper-rich country and has maintained a strong relationship with China over many decades. However, the issue of workers' rights, including accidents and even deaths in Chinese-operated industries in Zambia, have at times strained the relationship. How is the notion of brotherhood manifested beyond state to state relations? Does the notion of 'China-Africa brotherhood' include advocating for and protecting the rights of African workers?

**Kong Lingyuan,
Kong Deli,
Li Yujie,
Chang Yunping**
Chongqing Normal University, China

EXCAVATION AND RESEARCH ON VOHEMAR ANCIENT CEMETERY OF MADAGASCAR

At the ancient cemetery of Vohemar, Madagascar nearly 600 tombs were excavated. The tombs were obviously different from those of contemporaneous Arab-Muslim ones in East Africa, with some displaying significant similarities with the funerary practices of Chinese Muslims. Abundant porcelains of Chinese Yuan and Ming dynasties were collected, among some of the excavated tombs, suggesting that the occupants may have been Semu and Hui businessmen of Yuan and Ming Dynasties from China's Southeast Coast or Southeast Asia, as well as

some affiliated groups such as Han Chinese, Malaysians or Voheemar natives, who may be their wives, children, and companions. It could be argued that some occupants of these tombs may have been Han Chinese hired by Muslim businessmen or influenced by Muslim culture, since some traditional Chinese burial ceremonies could be identified from the tombs, such as everyday objects used as funeral objects. On the other hand, some signs indicated that these Han Chinese were willing to assimilate and accept some Muslim burial customs such as facing northwards Mekka of the dead.

Kamahra Ewing
University of Kentucky, USA

FAIFAI GOES NOLLYWOOD: AUDIENCE RECEPTION TO SOUTH-SOUTH
CONNECTIONS INCORPORATED WITHIN NIGERIAN & CHINESE
CINEMA

Nigerian cinema or *Nollywood* is renowned for producing more films a year than any other industry, diversifying Black representation within the English and French-speaking African diaspora. Globally, Nollywood creates more movies a year than either Bollywood or Hollywood and scholars outside of film studies are beginning to examine Nollywood as an overlooked “Afropolis” industry creating vibrant modes of African cultural production in a global setting (Matthias & Krings 2013). Chinese cinema, though less pervasive on the Africa continent, is increasing its footprint in step with its increasing significance in other areas. This paper explores the following questions: 1) how do audiences identify with the constructions of China embedded within Nollywood films and Africa within Chinese film? 2) DO Nollywood and Chinese films serve as a vehicle positively or negatively impacting audience perceptions of the Chinese and of Africans?

Ignatius Suglo G.D.
University of Hong Kong

THE IMAGE OF AFRICA IN CHINA 1961 TO 1979

This paper discusses the representations of Africa in Chinese propaganda posters from 1961 to 1979. There has been significant increase in research on representations of Africans in Chinese media in the past decade. However, research on African representations in Chinese popular media still leaves a lot unanswered. This paper contributes to this discussion by exploring the role of Chinese posters in shaping the image of Africa in China and its role in Africa-China relations at large. Art was largely used as a means of communication to disseminate values and ideals of the Communist Party of China, A development that was promoted by Mao Zedong during the Yan'an forum on literature and art, which stipulates among other things that the value of literature and art lay not only in the aesthetic, but as a tool for serving the revolutionary work . Hence there was a shift from producing art for its intrinsic value to producing art to achieve specific purposes. This paper attempts to explore the goal or purpose which the presence of Africans in Chinese propaganda posters was meant to achieve, how these imaginations of Africa deal with sameness and difference and its implications for Africa-China relations. Relying on archival data and interviews with propaganda poster collectors, this paper sets the representations of Africans within the broader historical narrative at the time of production and examines the role and goal of Africa in Chinese propaganda posters during the Mao Era.

Panel IV-8. The “African Vector” in the Policy of the Community of Portuguese-Speaking Countries (CPLP)
Секция IV-8. «Африканский вектор» в политике Сообщества португалоязычных стран (СПЛП)

Convener / Руководитель: *Андрей Александрович Токарев* (Институт Африки РАН, Москва)

The workshop is expected to cover the cooperative experience of the Portuguese-speaking countries within the Community (CPLP), which has been accumulated during the twenty-four-year history of this organization, as well as the “African vector” and the language policy of CPLP. The matters of interest include bilateral and multilateral relations of the Portuguese-speaking countries of Africa inside the regional group PALOP, the leading role of Angola in it; the manifestations of paternalism and partnership regarding the members of the group; new trends in domestic and foreign policy of the CPLP countries after the General elections. The cooperation of CPLP and PALOP with other regional organizations. The CPLP experience for Russia.

На секции предполагается обсудить опыт сотрудничества португалоязычных стран в рамках Сообщества (СПЛП), накопленный за 24 года этой организации, «африканский вектор» и языковая политика СПЛП. Представляют интерес двусторонние и многосторонние отношения португалоязычных стран Африки внутри регионального объединения ПАЛОП, лидирующая роль в нем Анголы; проявления патернализма и партнерства в отношениях членов объединения; новые тенденции во внутренней и внешней политике стран СПЛП после всеобщих выборов. Сотрудничество СПЛП, ПАЛОП с другими региональными организациями. Опыт СПЛП для России.

Andrei A. Tokarev
Institute for African Studies, Moscow, Russia

**A COMBINATION OF MULTILATERAL AND BILATERAL RELATIONS
IN THE COMMUNITY OF PORTUGUESE-SPEAKING COUNTRIES:
A THREAT TO UNITY OR A COMPROMISE?**

The question of the strength of the Community of Portuguese-speaking Countries (CPLP) depends on the interests, policies and contributions of each of its members to the work of the organization. The presentation discusses the priorities

of the policies of the SPLP participants, contemporary balance of power within the organization, trends in cooperation, centrifugal and centripetal processes.

Токарев А.А.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

**СОЧЕТАНИЕ МНОГОСТОРОННИХ И ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ
В СООБЩЕСТВЕ ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН:
УГРОЗА ЕДИНСТВУ ИЛИ КОМПРОМИСС?**

Вопрос прочности Сообщества португалоязычных стран (СПЛП) зависит от интересов, политики и вклада каждого из его членов в деятельность организации. В выступлении рассматриваются приоритеты политики участников СПЛП, современная расстановка сил в организации, тенденции в сотрудничестве, центробежные и центростремительные процессы.

Andrei A. Smirnov

Institute for African Studies of RAS, Moscow, Russia

**BEGINING OF A NEW CHAPTER IN RELATIONS BETWEEN
RUSSIA AND MOZAMBIQUE**

Despite the fact that collaboration between Russia and Mozambique lasts less than 100 years, our country has made a significant contribution to the development of that African state. In 1962 first contacts between Communist party of the Soviet Union and public organizations of Mozambique were established. As a result, USSR and Mozambique actively developed relations in various areas such as military and technical cooperation and collaboration in the sphere of education and medicine . In 1990-ies USSR lost its positions in Mozambique. Nevertheless, nowadays, Russia's interests are again focused on Africa. And Mozambique is not an exception. In August 2019, President of Mozambique F.Nyusi made official visit to Russia, which became a significant event in the history of relations between the two countries. Today, we can say definitely that we are seeing a new round in Russian-Mozambique cooperation.

Смирнов А.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

НАЧАЛО НОВОГО ЭТАПА В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И МОЗАМБИКОМ

В 2020 г. межгосударственному сотрудничеству России и Мозамбика исполнилось 45 лет. Однако еще в 1962 г. начались первые, межпартийные контакты КПСС с ФРЕЛИМО и другими общественными организациями Мозамбика. СССР внес весомый вклад в развитие этого африканского государства. В 1970-е – 1980-е годы СССР и Мозамбик активно развивали отношения в различных сферах, от военно-технической до сотрудничества в сфере образования и медицины. В 1990-е годы интерес к Мозамбику ослабел, и позиции Москвы в стране были почти утеряны. В настоящее время сфера интересов России снова смещается в сторону Африки, вновь возрос интерес к Мозамбику. Сотрудничество развивается на взаимовыгодной, прагматической основе. Среди приоритетов – взаимные интересы сторон в области поиска и добычи полезных ископаемых, в области безопасности обоих государств и военно-технического сотрудничества. В 2018–2019 гг. состоялись встречи руководителей, министров, предпринимателей двух стран, что позволяет говорить о новом этапе в российско-мозамбикском сотрудничестве.

Mikhail Yu. Tochigin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

INTERACTION OF STATE INSTITUTIONS OF GUINEA-BISSAU AND UNIOGBIS (UN MISSION IN GUINEA-BISSAU) IN IMPROVING THE WORK OF PUBLIC AUTHORITIES AND PROTECTING HUMAN RIGHTS

Guinea-Bissau is a postcolonial country and found itself in difficult situation. Lack of managerial staff led to serious crisis. The international community and United Nations agreed to help Guinea-Bissau and established their field mission – UNIOGBIS. The UN mission is providing support in formation of government's institutions as well as the humanitarian component, education,

childhood protection, human rights and protection of cultural heritage of Guinea-Bissau people, and rational use of natural resources.

Точигин М.Ю.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, РФ

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
РЕСПУБЛИКИ ГВИНЕЯ-БИСАУ (РГБ) И МИССИИ ООН
ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ ГВИНЕЯ-БИСАУ (ЮНИОГБИС)
ПО ФОРМИРОВАНИЮ ОРГАНОВ НАЦИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ**

Дефицит специалистов в разных областях национально экономики Гвинеи-Бисау привел страну в начале 2000-х годов к управленческому и хозяйственному кризису. Стало очевидно, что без внешней помощи преодолеть кризис будет невозможно.

Мировое сообщество в лице ООН согласилось оказать помощь в укреплении государственных органов власти и в обучении управленческих кадров.

С этой целью была создана миссия ООН для РГБ (ЮНИОГБИС). Ее задачи – формирование органов правопорядка и управления, оказание помощи в рациональном использовании природных ресурсов страны, в образовании, в защите культуры народов РГБ, женских прав, детства.

Julia Yu. Zaitseva

Tula State University, Russia

**EXCERPTS ON THE HISTORY OF FORMATION OF A PORTUGUESE-
SPEAKING STUDENTS COHORT FROM AFRICA FOR UNIVERSITIES
OF THE USSR AND RUSSIA**

In the 1960s, a batch of citizens from the Portuguese-speaking colonies of Africa appeared in universities of the USSR. With declaration of independence of Portuguese-speaking countries, this flow became systemic. Given the multinational environment of students in the USSR and Russia, their diverse social, ethnic, confessional portrait, very different level of education (or lack thereof) – over the

past 60 years Soviet/Russian educational institutions have studied an objective and subjective approach to the formation of a batch of Portuguese-speaking African students.

The article considers the issue of the history of the policy of formation of Portuguese-speaking students' cohort from Africa for universities of the USSR and Russia.

Given the multinational learning environment in Russia, it is necessary to pay attention to the issues of objective and subjective approach to the formation of the stream of Portuguese-speaking African students over the past 60 years (it was in the fifties of the 20th century that the flow of foreign students to universities of the USSR became systemic).

The article's author can say what needs to be done in the near future to correct this situation and what positive and negative experience should be taken into account in order to raise the prestige of Russian higher education only after studying the experience of the history of formation of the students' cohort from Portuguese-speaking African countries in the USSR and Russian Federation over the last 60 years.

Зайцева Ю.Ю.

Тульский государственный университет, РФ

**ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНТИНГЕНТА
ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНТОВ ИЗ АФРИКИ
ДЛЯ ВУЗОВ СССР И РОССИИ**

В статье рассматривается вопрос истории политики формирования контингента португалоязычных учащихся и студентов из Африки для вузов СССР и России.

Учитывая многонациональную среду обучения в России, возникает необходимость обращения внимания на вопросы объективного и субъективного подхода к формированию потока португалоговорящих африканских учащихся и студентов на протяжении последних 60 лет (именно в пятидесятые годы

XX века поток иностранных учащихся и студентов в вузы СССР принял системный характер).

Что необходимо предпринять в ближайшее время для исправления данной ситуации и какой положительный и отрицательный опыт следует учесть, чтобы поднять престиж российского высшего образования автору статьи представляется возможным только после изучения опыта истории формирования контингента учащихся и студентов из португалоговорящих стран Африки в СССР и РФ за последние 60 лет.

Ключевые слова: иностранные студенты и учащиеся, формирование контингента учащихся и студентов, португалоязычные учащиеся и студенты, Африка, многонациональная среда, национальные системы образования, подготовительный факультет, иностранные граждане.

В 1960-е годы возник поток граждан из португалоязычных колоний Африки в вузы СССР. С провозглашением независимости португалоязычных стран этот поток принял системный характер. Учитывая многонациональную среду обучавшихся в СССР и России, их пестрый социальный, этнический, конфессиональный портрет, очень разный уровень образования (или отсутствие его), – на протяжении последних 60 лет в советских/российских учебных заведениях изучаются вопросы объективного и субъективного подхода к формированию потока португалоговорящих африканских учащихся и студентов.

Olga A. Dzhenchakova

Institute for African Studies of RAS, Moscow, Russia

NEW FEATURES OF THE CONTEMPORARY PORTRAIT OF THE FRONT FOR THE LIBERATION OF THE STATE OF CABINDA (FLEC)

Since the 1960s separatist organization Front for the Liberation of the Enclave of Cabinda (FLEC) has waged a campaign, including an armed one, against Portuguese colonialism, for the secession of the province of Cabinda from Angola and proclamation of an independent state. At present, the organization,

having changed its name to the Front for the Liberation of the State of Cabinda (FLEC), is no longer as unified as before: in fact, a split took place and several factions have emerged – from a moderate wing to an irreconcilable one. The features of each of them are considered in the article.

Дженчакова О.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

НОВЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ПОРТРЕТА ОРГАНИЗАЦИИ ФРОНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА КАБИНДА (ФЛЕК)

Сепаратистская организации Фронт освобождения анклава Кабинда (ФЛЕК) с 1960-х годов вела борьбу, включая вооруженную, против португальского колониализма, за отделение провинции Кабинда от Анголы и провозглашение независимого государства. В настоящее время организация, сменив название на Фронт освобождения государства Кабинда (ФЛЕК), уже не является такой же единой, как прежде: в ней фактически произошел раскол и возникло несколько фракций – от умеренного крыла до непримиримого. Особенности каждого из них рассматриваются в докладе.

Panel IV-9. The European Union and African Union: Challenges and Prospects for Partnership in the 21st Century
Секция IV-9. Европейский Союз и Африканский союз – вызовы и перспективы партнерства в XXI веке

Convenor / Руководитель: *Olga S. Kulkova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Ольга Сергеевна Кулькова (Институт Африки РАН, Москва)*

The cooperation between the European Union and the continental association of African countries – the African Union – at the present stage is not without challenges. On the one hand, the course was taken to strengthen the strategic partnership of the two organizations. It is quite successfully implemented in a number of areas and has great prospects. In 2018, the African Continental Free Trade Area (AfCFTA) was launched. The EU welcomed this initiative, and its leadership expressed its desire to conclude in the future a free trade agreement between the two continents.

The European Union is assisting the African Union in socio-economic transformations on the continent in accordance with the priorities of the «Agenda-2063» adopted by the African Union. Organizations cooperate in a number of areas (education and science, infrastructure projects, and many others). The African Union takes into account the experience of political and economic integration accumulated by the European Union.

The EU also supports the initiatives of the AU to resolve conflicts on the continent. Thus, in May 2018, a memorandum of understanding on peace and security questions was signed between the European Commission and the Commission of the African Union. This document, in fact, aimed to formalize the partnership that has existed for many years.

At the same time, the interaction of the EU and the AU at the background of the the changing global balance of power is not without problems and challenges. In September 2018, the European Court of Auditors (ECA) published the report assessing the support of the African Peace and Security Architecture of the African Union by the EU. The report concluded that this assistance was relatively ineffective due to the lack of clear priorities and long-term vision. It also outlined the need to reorient EU assistance to build the capacity of African forces, not to fund basic operating expenses.

It should be mentioned that the AU leadership does not always endorse the EU's recent migration plans. There are also problems with economic partnership agreements (EPAs) that the EU has concluded or is seeking to conclude with

individual regional groups of African countries – for example, in 2018 Nigerian President M. Buhari stated that his country would not sign such an agreement between the EU and ECOWAS countries.

Section participants will be invited to reflect on the nuances of relations between the European Union and the African Union in various spheres in the XXI century, to analyse both the potential of this interaction and the challenges facing partners and ways to overcome them.

На современном этапе сотрудничество Европейского Союза и континентального объединения африканских стран – Африканского союза – является весьма непростым.

С одной стороны, взят курс на укрепление стратегического партнерства двух организаций. Оно достаточно успешно реализуется по ряду направлений и имеет большие перспективы. Так, в 2018 г. состоялся запуск в марте Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA). ЕС приветствовал эту инициативу, и его руководство заявило о стремлении заключить в будущем соглашение о свободной торговле между двумя континентами.

Евросоюз оказывает Африканскому союзу содействие в социально-экономических преобразованиях на континенте в соответствии с приоритетами «Повестки дня-2063», принятой Африканским союзом. Организации сотрудничают по целому ряду направлений (образование и наука, инфраструктурные проекты и мн.др.). Африканский союз учитывает накопленный Евросоюзом опыт политической и экономической интеграции.

Также ЕС поддерживает инициативы АС по урегулированию конфликтов на континенте. Так, в мае 2018 г. был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросам мира и безопасности между Еврокомиссией и Комиссией Африканского союза. Этот документ, по сути, направлен на формализацию партнёрства, существовавшего на протяжении многих лет.

Вместе с тем, взаимодействие ЕС и АС в меняющейся глобальной расстановке сил отнюдь не лишено проблем и вызовов.

Так, в сентябре 2018 г. Европейская счетная палата (ЕСА) опубликовала отчет о поддержке Архитектуры мира и безопасности Африканского союза со стороны ЕС. В докладе был сделан вывод об относительной неэффективности этой помощи из-за отсутствия четких приоритетов, долгосрочного видения. Также в нем обрисована необходимость переориентации помощи ЕС на наращивание потенциала африканских сил, отказ от финансирования основных оперативных расходов.

Руководство АС не всегда одобряет планы ЕС по урегулированию миграции, выдвигаемые в последнее время. Немало проблем и с соглашениями об экономическом партнерстве, которые ЕС заключил или стремится заключить с отдельными региональными группами африканских стран – так, весной 2018 г. президент Нигерии М. Бухари заявил, что его страна не подпишет подобное соглашение между ЕС и странами ЭКОВАС.

Участникам секции предстоит поразмышлять о нюансах отношений Евросоюза и Афросоюза в различных сферах в XXI веке, осветить как потенциал этого взаимодействия, так и вызовы, стоящие перед партнерами, и пути их преодоления.

Биссон Л.С.

Институт Европы РАН, Москва, РФ

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕС-АФРИКА

Отношения ЕС-Африка развиваются по самым различным направлениям. Одним из приоритетных для Евросоюза после миграционного кризиса 2015 года и саммита в Валетте стало сотрудничество в сфере управления миграционными процессами с третьими странами.

В ходе доклада будут выделены три формата отношений Европейского союза и африканских государств в области миграции. Во-первых, взаимодействие отдельных государств-членов со странами-партнёрами на двусторонней основе. Во-вторых, отношения ЕС и отдельных государств континента. В этом формате действуют Соглашения о Партнёрстве для мобильности с Тунисом (2014), Марокко (2013) и Кабо-Верде (2008) и Рамочная программа ЕС для нового партнёрства с пятью государствами Африки: Эфиопией, Мали, Нигером, Нигерией, Сенегалом, а также соглашения о реадмиссии. И, наконец, сотрудничество на уровне региональных группировок. Примерами служат диалог по миграции и развитию между Европейским союзом и странами Восточной и Центральной Африки («Рабатский процесс»), а также Партнёрство по миграции, мобильности и занятости 2007 г. между ЕС и Африканским союзом.

В ходе доклада будет дана оценка сотрудничества ЕС и Африки по данным трём направлениям и сделан вывод о том, какой формат наибольшим об-

разом отвечает интересам сторон. Кроме того, будут выявлены главные противоречия в подходе Евросоюза к сотрудничеству с африканскими странами в области миграции и мобильности (сдерживание нелегальной миграции vs заинтересованность в экономическом развитии; упор на реадмиссии без предоставления визовой либерализации и т.д.) и определено, какую роль в связи с этим сможет сыграть инициатива 2018 года по созданию Альянса ЕС-Африки за устойчивые инвестиции и рабочие места.

В заключении будет очерчена траектория дальнейшего развития отношений ЕС и стран Африки, наметившаяся с формированием нового состава Европейской комиссии и нового бюджета ЕС на 2021–2027 гг., а также будут представлены варианты дальнейшего развития отношений сторон в вопросах миграционного регулирования.

Liubov Bisson

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

EU – AFRICA COOPERATION

EU-Africa relations are developing on various issues. One of the priorities for the European Union after the 2015 migration crisis and the Valletta summit has become the cooperation with third countries in the field of migration management.

The report will highlight three formats for EU-African migration relations. First, the cooperation of individual EU member states with partner African countries on bilateral basis. Secondly, the relations between the EU and different countries of the continent. This format includes the Mobility Partnerships with Tunisia (2014), Morocco (2013) and Cape Verde (2008) and the EU New Migration Partnership Framework with five African states: Ethiopia, Mali, Niger, Nigeria and Senegal, as well as readmission agreements. Finally, cooperation at the regional level including the The Euro-African Dialogue on Migration and Development (the "Rabat Process") and the 2007 Africa-EU Partnership on Migration, Mobility and Employment.

The paper will analyse these three formats of the EU-Africa cooperation on migration in order to highlight which format is in the best interest of the parties. It will also specify the main contradictions in the EU's approach to cooperation with African countries in the field of migration and mobility (reducing irregular migration vs development aid; readmission without visa liberalization, etc.) and identify the role that the 2018 Africa-Europe Alliance for Sustainable Investment and Jobs could play in this regard.

Finally, the trajectory of the further development of EU-Africa relations will be outlined with the view on the new European Commission and the new EU budget for 2021–2027. The paper will also present options for the further developments in Africa-EU relations in the field of migration regulation.

Nina-Mari Taylor
University of Stellenbosch, South Africa

THE EUROPEAN UNION AND THE AFRICAN UNION:
AN ECONOMETRIC ANALYSIS OF EFFECTIVENESS OF PEACE
AND SECURITY AGREEMENTS

Regional integration is regarded as a way in which African countries could improve their trade performance and economic growth. During the mid-1950s and 1970s, regional integration in Africa was fuelled by the post-independence of African countries. Regional integration initiatives were pursued by African leaders as a means of attaining similar success to that of the European Union (Danka and Kennes, 2007). Furthermore, African leaders advocated regional integration in order to avoid the marginalisation of African economies. Hence, regional integration was perceived as a means of enabling African countries to become more developed, improve co-operation amongst themselves and become both competitive and included in the world market (Gbetnkom and Aviom, 2005). African leaders pursued regional integration as a means of overcoming the developmental constraints attributed to African economies (Khoran et al, 2007: 6). By collaborating in regional integration agreements, groups of countries are sought

to increase their collective bargaining power and co-operation between and amongst the member countries.

This study endeavours to examine the recent collaborations and cooperations between the European Union and the African Union. Focus will be placed on policies relating to peace and security between and within the European Union and the African Union. The study will utilise a dynamic panel estimation techniques to analyse the effectiveness of the security and peace agreements between the African Union and the European Union and whether these cooperations have resulted in positive environment for growth and development within Africa and the European Unions. In addition, econometric techniques will be utilised to examine the potential benefits and costs from the African Union and the European collaborations with respect to peace and security. In addition, challenges and the progression towards achieving specific regional and economic integration goals, will be highlighted.

Ивкина Н.В.

РУДН, Москва, РФ

**ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ
(НА ПРИМЕРЕ НАТО И АФРИКАНСКОГО СОЮЗА)**

Сотрудничество международных организаций представляет собой сложный процесс выработки общих подходов в многостороннем формате. Он существенно отличается от взаимодействия на уровне государственных акторов в силу того, что решения должны быть согласованы сначала внутри отдельных институциональных объединений и только потом вынесены на межорганизационный уровень. Данный тезис происходит из понимания того, что международные организации – это институциональные соглашения между членами международной системы, созданные для достижения целей в соответствии с системными условиями, отражающими атрибуты, стремления и заботы членов.

В контексте постоянного усиления глобализационных процессов, а также появления новых межрегиональных противоречий актуальность сотрудничества международных организаций увеличивается. Наиболее перспективной сферой для взаимодействия является экономическая. Потребности в динамичном экономическом и финансовом развитии сближает позиции стран и нивелирует ряд двусторонних и многосторонних проблем. В свою очередь, политическое и военно-техническое сотрудничество между региональными международными организациями, напротив, представляет собой сложный процесс согласования позиций, потенциально опасный для внутри-организационной системы.

Целью данного исследования является анализ основных принципов взаимодействия региональных международных организаций в политической и военно-технической сферах на примере сотрудничества Организации Североатлантического Договора (НАТО) с Африканским Союзом (АС). Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд задач, а именно: а) выявить интересы НАТО и АС в процессе взаимодействия, б) выделить основные направления сотрудничества, в) оценить проблемы и перспективы отношений НАТО и АС на современном этапе. Стоит отметить, что полноценных исследований по изучению сотрудничества НАТО с Африканским Союзом пока нет, однако существуют материалы по изучению отдельных аспектов деятельности обеих организаций.

Ivkina N.V.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

**BASIC PRINCIPLES, PROBLEMS AND PROSPECTS OF COOPERATION
BETWEEN REGIONAL INTERNATIONAL ORGANIZATIONS
(ON THE EXAMPLE OF NATO AND THE AFRICAN UNION)**

The cooperation of international organizations is a complex process of developing common approaches in a multilateral format. It differs significantly from interaction at the level of state actors, due to the fact that decisions must be

agreed first within individual institutional associations and only then submitted to the inter-organizational level. This thesis comes from the understanding that international organizations are institutional agreements between members of the international system, created to achieve goals in accordance with systemic conditions that reflect the attributes, aspirations and concerns of members.

In the context of the constant strengthening of globalization processes, as well as the emergence of new interregional contradictions, the relevance of cooperation between international organizations increases. The most promising area for cooperation is economic. The need for dynamic economic and financial development brings countries closer together and eliminates a number of bilateral and multilateral problems. In turn, political and military-technical cooperation between regional international organizations, on the contrary, is a complex process of harmonization of positions, potentially dangerous for the internal organizational system.

The purpose of this study is to analyze the basic principles of interaction of regional international organizations in the political and military-technical spheres on the example of cooperation of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) with the African Union (AU). To achieve this goal, it is necessary to solve a number of tasks: a) to identify the interests of NATO and the AU in the process of interaction, b) to identify the main areas of cooperation, c) to assess the problems and prospects of relations between NATO and the AU at the present stage. It is worth noting that there are no full-fledged studies on NATO's cooperation with the African Union, but there are materials on the study of certain aspects of the activities of both organizations.

Кулькова О.С.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕС И АФРИКАНСКОГО СОЮЗА В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ЕС стремится поддерживать цифровую повестку дня в Африке. На последнем совместном саммите ЕС-Африка, состоявшемся в 2017 г. в г. Абиджане (Кот-д'Ивуар), руководство Евросоюза предложило новый План внешнего инвестирования ЕС. Он был нацелен, в том числе, на привлечение европейских инвестиций во имя максимальной «цифровизации» африканских экономик и сокращения «цифрового разрыва» между Африкой и остальным миром.

За последние десять лет в Африке был зафиксирован самый высокий в мире рост доступа к Интернету – с 2,1% в 2005 году до 24,4% в 2018 г. Следует отметить, что регион Африки к югу от Сахары является мировым лидером в области инноваций, внедрения и использования мобильных денег.

В будущем ожидается значительное повышение производительности труда в Африке, связанное с применением цифровых технологий, в сфере финансовых услуг, образования, здравоохранения, розничной торговли, сельского хозяйства и деятельности правительства. В 2018 г. Африканский союз (АС) ратифицировал решение о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли. Наряду с этим АС и его страны-члены стремятся создать и африканский единый цифровой рынок. Уже есть созданная в 2015 г. инициатива «Smart Africa Alliance», участниками которой на данный момент являются 24 африканские страны, и которая предлагает собственно африканские решения для стимулирования цифровой экономики на континенте. Каждая страна альянса продвигает в этой сфере свой флагманский проект. Ожидается, что в будущем в данную организацию вступят все страны-члены АС.

С целью содействия Африке в развитии цифровой повестки в декабре 2018 г. в рамках Форума высокого уровня «Африка-Европа» в Вене Еврокомиссия и Комиссия Африканского союза (АС) создали Рабочую группу ЕС-

АС по цифровой экономике. В состав данной группы входят 20 политических деятелей из Африки и ЕС, а также представители частного сектора, международного финансового сектора и гражданского общества.

С развитием евро-африканского сотрудничества в сфере цифровой экономики и технологий в перспективе речь может идти даже о том, чтобы уменьшать барьеры между европейским и африканским цифровым рынками и таким образом стимулировать экономический рост на обоих континентах.

Olga S. Kulkova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

EU-AFRICAN UNION INTERACTION IN THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY AT THE PRESENT STAGE

The EU is committed to supporting the digital agenda in Africa. At the last joint EU-Africa summit held in 2017 in Abidjan (Côte d’Ivoire), the EU leadership proposed a new EU External Investment Plan. It was aimed, inter alia, at attracting European investment for the sake of maximizing the “digitalization” of African economies and narrowing the “digital divide” between Africa and the rest of the world.

Over the past ten years, Africa has recorded the highest increase in Internet access in the world – from 2.1% in 2005 to 24.4% in 2018. It should be noted that the sub-Saharan Africa region is a world leader in innovation, implementation and use of mobile money.

Significant productivity gains in Africa are expected in the future, associated with the use of digital technologies in financial services, education, healthcare, retail, agriculture and government. In 2018, the African Union (AU) ratified the decision to create an African continental free trade area. Along with this, the AU and its member countries are striving to create an African single digital market. The Smart Africa Alliance initiative, launched in 2015, is already in place, with 24 African countries currently participating and offering African-wide solutions to

stimulate the digital economy on the continent. Each country of the alliance is promoting its flagship project in this area. It is expected that in the future all AU member countries will join this organization.

To assist Africa in developing the digital agenda, in December 2018, the European Commission and the African Union (AU) Commission established the EU-AU Working Group on the Digital Economy as part of the Africa-Europe High-Level Forum in Vienna. This group consists of 20 politicians from Africa and the EU, as well as representatives from the private sector, the international financial sector and civil society.

With the development of Euro-African cooperation in the field of the digital economy and technology, in the long term, it can even go to reduce the barriers between the European and African digital markets and thus stimulate economic growth on both continents.

Ломова А.А.

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва

ДИСКУРС ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И АФРИКАНСКОГО СОЮЗА

Достижение гуманитарной безопасности африканского региона невозможно без более широкого спектра международного сотрудничества под эгидой различных организаций и значимых акторов мировой политики, среди которых особое место занимают Африканский союз (АС) и Европейский союз (ЕС).

Необходимость проведения политики обеспечения гуманитарной безопасности как одного из ключевых компонентов стратегии ЕС в области безопасности и обороны, особенно актуальна в то время, когда Евросоюз столкнулся с рядом внутренних и внешних вызовов и угроз в свете быстро меняющейся глобальной обстановки и вынужден пересматривать параметры своих действий.

Ключевой вопрос: сможет ли потенциал сотрудничества превысить нарастающие проблемы во взаимодействии ЕС и АС, а два «союза» эффек-

тивно справиться с задачей обеспечения безопасности африканского населения.

Anastasia A. Lomova

Diplomatic Academy of Russian Ministry for Foreign Affairs, Moscow, Russia

HUMAN SECURITY DISCOURSE IN EUROPEAN UNION'S AND AFRICAN UNION'S POLITICS

The achievement of human security of the African region is impossible without a wider international cooperation of various organizations and significant actors of the world politics including the African Union (AU) and the European Union (EU).

The need to pursue a human security policy as one of the key components of the EU's security and defense strategy is especially relevant when the EU has faced a number of internal and external challenges and threats in the light of the rapidly changing global environment and is forced to revise the features of its actions.

The key question is whether the potential of cooperation can exceed the growing problems in the interaction between the EU and the AU, and the two "unions" can effectively cope with the task of ensuring the security of the African people.

Aleksandra Listkiewicz

University of Warsaw

PERIPHERY COUNTRIES AND NEW PROSPECTS FOR EU-AU PARTNERSHIP IN 21ST CENTURY

Challenges facing the EU-AU partnership are numerous. While the new joint Africa-EU strategy is undergoing discussions, beginning of 2021 is frequently cited as a pivotal period of time during which EU-AU relations, found at crossroads, are meant to be reshaped. European Partnership Agreements are often judged destructive to African economies, discriminatory and violating the World

Trade Organisation rules. While EU is the greatest donor in Africa, the Agreements as well as conditional aid are frequently believed to be a part of the strategy facilitating European powers' neocolonial ambitions.

Poland, a member of the Visegrad Group, joined the European Union structures in 2004 when this political and economic union already had its Cotonou Agreement signed for the period of 20 years. Cotonou Agreement, signed in 2000, dictates the pillars of EU's partnership with African, Caribbean and Pacific countries.

Not being able to and not aspiring to participate in shaping the strategy that EU had at that time towards Africa, Poland's policy towards Africa has ever since been to a significant extent dictated by EU's major powers' interests. As a more partnership-based cooperation between EU and AU is being discussed, Visegrad countries should be encouraged to voice their individual interests in strengthening their relationship with African countries.

Not having colonial experience in Africa and having formed close political ties with some of the African nations during decolonization period in XX century, Poland is a periphery country with an increasing potential in the African continent. Can interests of an ex-socialist periphery country be voiced in the new strategy of EU towards AU? How would that change the cooperation of EU with Africa? It is argued that if all EU members' interests in Africa are equally voiced, the EU-AU cooperation could adopt a more positive dimension.

Szabolcs Pasztor

National University of Public Service, Budapest, Hungary

**AFRICA AND THE AFRICAN CONTINENTAL FREE TRADE
AGREEMENT – PROSPECTS AND CHALLENGES**

On May 30th 2019, the African Union adopted the African Continental Free Trade Agreement (AfCFTA) following the attainment of the legally required 22 ratifications by African states. This happened seven years after the African heads of state and government endorsed and adopted a decision to establish a Free Trade

Area during the 18th Ordinary Session of the Assembly of Heads of State and Government of the African Union held in Addis Ababa, Ethiopia in January 2012. Bringing together a population of 1.2 billion people with a combined Gross Domestic Product (GDP) of at least UD\$ 2.5 trillion, the AfCFTA has been hailed as a game changer and a timely intervention for the developing African economies. While the future looks positive and full of hope under the agreement, it is full of uncertainties and dangers that could spoil the world's biggest free trade area.

The paper is going to highlight the existence of the AfCFTA and the expectations surrounding it. With the help of case studies on other regional trade agreements (EU, NAFTA and ASEAN), the research is focused on comparing the room for manoeuvre for development of the AfCFTA. At this stage, it is already obvious that like in other cases, some big economies with better infrastructure and trade links (Nigeria, South Africa) are going to benefit from the single market, while other countries with small market potential, poor infrastructure and limited international trade potential are likely to be marginalised.

Оганисян Л.Д.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ

САММИТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЛИГИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ: ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ

Африка занимает важное место во внешней политике Европейского союза. Евросоюз активно взаимодействует с государствами континента, как североафриканскими, так и со странами АЮС. На фоне усилившегося взаимодействия ЕС и Африканского союза (АС), а также прошедшего в ноябре 2017 г. в столице Кот-д'Ивуара первого саммита уже в феврале 2019 г. в египетском курортном городке Шарм-эль-Шейх прошел первый саммит ЕС и Лиги арабских государств (ЛАГ). В саммите приняли участие представители ЕС, ЛАГ, главы государств и правительств, министры иностранных дел 49 европейских и арабских стран.

Накануне СМИ выражали немало сомнений относительно успешности предстоящего саммита в условиях продолжающегося роста напряженности в отношениях между отдельными странами и во всем регионе. Однако как заявил помощник генерального секретаря ЛАГ Х. Заки, «сам факт того, что саммит состоялся, уже можно считать успехом». Как отметил один из представителей ЕС, «у нас разные взгляды по многим политическим вопросам, однако необходимо поддерживать общение друг с другом, потому как именно это является единственным способом наладить связи».

Целью саммита являлось укрепление евро-арабского партнерства и углубление сотрудничества для преодоления общих вызовов. На встрече был намечен широкий спектр вопросов для обсуждения, включая региональные конфликты, проблемы терроризма, миграция, соблюдение прав человека, развитие торговых отношений, изменения климата и т.д. В итоговом совместном заявлении с заголовком «Инвестиции в стабильность» указывалось, что стороны «вступают в новую эру сотрудничества и координации» и выражают свою «решимость двигаться вперед с целью углубить существующее стратегическое партнерство».

Несмотря на отсутствие серьезных достижений, остающиеся разногласия между сторонами, в частности, по вопросам прав человека и т.д., важен тот факт, что саммит положил начало диалогу по линии ЕС-ЛАГ, стороны договорились регулярно проводить подобные встречи, в частности, следующая состоится в Брюсселе в 2022 г.

Lida D. Oganisyan

Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow, Russia

EU-LAS SUMMIT: RESULTS AND SIGNIFICANCE

Africa ranks high among European Union foreign policy priorities. The European Union actively interacts with the states of the continent, both North African and Sub-Saharan. In the context of increased interaction between the EU

and the African Union (AU) and the first EU-AU summit held in November 2017 in Abidjan, Côte d'Ivoire, the first EU and League Arab States (LAS) summit was held in Sharm el Sheikh, Egypt. The summit brought together representatives of the EU, LAS, heads of state and government, foreign ministers of 49 European and Arab countries.

On the eve of the summit the media expressed a lot of doubts about the success of the upcoming event in the context of the continued growth of tension between individual countries and throughout the region. However, as the Assistant Secretary General of the Arab League H. Zaki said, “the very fact that the summit took place can already be considered a success.” As one of the EU representatives noted, “we have different views on many political issues, however, it is necessary to keep up communication with each other, because this is the only way to establish contacts.”

The objective of the summit is to strengthen the ties between the EU and the Arab League and enhance the Euro-Arab partnership to address global challenges together. The summit covered a wide range of topics, such as economic relations, investment, trade, climate change, security and migration, regional conflicts, terrorism, etc. In the joint statement entitled “Investing in Stability” the leaders said that “we are embarking on a new era of cooperation and coordination” and expressed their “determination to move forward with the deepening of the existing strategic partnership”.

Despite the absence of significant achievements and the remaining disagreements between the parties, particularly, on human rights issues, it is important that the summit took place and marked the beginning of the EU-LAS dialogue. The parties agreed to hold such meetings regularly. The next summit will be held in Brussels in 2022.

Aleshin A.A.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**BREXIT FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE MILITARY
AND POLITICAL COOPERATION BETWEEN AFRICA
AND THE EUROPEAN UNION**

One of the European Union common foreign policy goals is the creation of a belt of stable, economically successful states with sustainable institutions and long-term interests around the EU borders – including in Africa. EU position according to which conflict resolution, development and human rights are critical for countering terrorism, solving demographic and migration problems, climate change as well as for mutual prosperity lies at the core of the European strategy for military and political cooperation with Africa. Today the EU conducts 8 stabilization and conflict resolution operations in Africa. The half of them are military. The main instruments of financial aid are the Pan-African Programme and the African Peace Facility.

The United Kingdom has the strongest military potential in the EU. In economic terms it contributes more than 13% of the EU budget. It has a quarter of the key EU capabilities necessary for independent security and defence policy, including 1/5 of military facilities. In the last years, the UK has taken part in the EU African operations at Mali and Somali. Besides, London has special positions and interests in Africa. It has agreements on the military personnel deployments in Nigeria, Niger, Chad and Cameroon. One else British advantage is a significant financial aid for Africa administrated by the Department for international development.

The UK withdrawal will noticeably cut the foreign policy potential and capabilities of the EU. It will also affect its actorness on the world stage. Wherein the Brexit factor will differently influence various aspects of the military and political ties between the EU and Africa. The EU financial aid programmes for African countries and organizations will most likely be continued without great changes until the end of the present EU Multiannual Financial Framework over the

period of 2014–2020. Later there could be a reduction of spending. The EU operational capabilities will objectively decrease. But new defence initiatives will allow using hard power effectively in case of a common approach in the Union. Brexit influence at the geography of the cooperation is unlikely.

Wherein a degree and a depth of the aforementioned changes depend on future EU-UK cooperation. To date, the parties seek an unprecedentedly deep military and political cooperation. But in case of hard Brexit a significant reduction of both sides' African potential is likely.

Попова О.П.

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, РФ

ФРГ И АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ: СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕЛЯХ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ

Африканский союз (АС) является одной из важнейшей межправительственных организаций на континенте, в состав которой входят 55 стран региона. Со своей стороны ФРГ также поддерживает региональную интеграцию и сотрудничестве в Африке, полагая, что экономический и политический диалог необходим для повышения стабильности, предотвращения конфликтов, стимулирования торгово-финансовых контактов между странами региона и повышения уровня жизни в них.

Между тем, в Африке находится большая часть развивающихся стран, поэтому особого внимания заслуживает сотрудничество ФРГ с Африкой в целях содействия международному развитию.

Германское общество по международному сотрудничеству (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit – GIZ), действующее от имени Министерства экономического сотрудничества и развития, реализует комплекс весьма активных и разноплановых мер в отношении АС. В основном деятельность GIZ по этому направлению сконцентрирована на следующих вопросах: содействие миру и безопасности; эффективное управление; сель-

ское хозяйство, управление земельными ресурсами и устойчивость; вопросы молодежи, образования и трудоустройства.

В целом Германия уже добилась определенного прогресса по целому ряду вопросов. Так, в отчете GIZ за 2018 г., посвященном сотрудничеству с АС отмечалось, что при поддержке данного объединения с 2004 г. были приняты 18 региональных соглашений по вопросам эффективного управления, более высокого уровня взаимодействия, а также свободы передвижения; построено свыше 16 тыс. км автомобильных и свыше 4 тыс. км железных дорог и многое другое.

Несмотря на заметные результаты сотрудничества, остается еще немало нерешенных вопросов. К числу важнейших относится деятельность в сфере предотвращения и урегулирования конфликтов, весьма амбициозная программа по построению Африканской континентальной зоны свободной торговли.

Эти и другие задачи требуют как особого внимания со стороны ФРГ и других развитых стран, так и финансовых вложений. Статистические данные ОЭСР не позволяют детально отследить потоки официальной помощи развитию от ФРГ на реализацию проектов совместно с АС, тем не менее, объемы немецкой помощи для Африки ощутимо возросли с 2 млрд долларов США в 2010 г. до 4,2 млрд в 2017 г.

Имеются основания полагать, что с опорой на внешних акторов страны АС смогут достичь значимого прогресса в ближайшие десятилетия.

Oxana P. Popova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

GERMANY AND AFRICAN UNION:
ASPECTS OF DEVELOPMENT COOPERATION

The African Union (AU) is one of the most important intergovernmental organizations on the continent, which includes 55 countries of the region. Germany also supports regional integration and cooperation in Africa, believing that

economic and political dialogue is necessary to increase stability, prevent conflicts, stimulate trade and financial contacts between the countries of the region and improve living standards in them.

Most countries in Africa are developing and developing assistance is one of the most important themes in the dialogue between Germany and Africa.

German Corporation for International Cooperation (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit – GIZ) acting on behalf of the Ministry for Economic Cooperation and Development, implements a set of very active and diverse measures regarding AU.

The main activities of GIZ in this area are concentrated on the following issues: promoting peace and security; effective management; agriculture, land management and sustainability; issues of youth, education and employment.

Germany has already made some progress on a number of issues. In the GIZ report for 2018 on cooperation with the AU was noted that since 2004 were adopted 18 regional agreements on issues of effective management, a higher level of interaction, as well as freedom of movement; were built over 16 thousand km of highways and over 4 thousand km of railways.

Despite the noticeable results of cooperation, there are still many unresolved issues. Among the most important are conflict prevention and resolution and a very ambitious program of African continental free trade zone.

These and other tasks require both special attention from Germany and other developed countries, as well as financial investments. OECD statistics does not show a detailed tracking of the flow of official development assistance from the Germany for the implementation of projects in conjunction with the AU, however, the volume of German aid for Africa significantly increased from 2 billion US dollars in 2010 to 4.2 billion in 2017.

There is reason to believe that with the help of external actors, the AU countries will be able to achieve significant progress in the coming decades.

Лилеев И.Л.
ИМО СПН МГЛУ, Москва, РФ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНЯЮЩЕЙСЯ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В АФРИКЕ

Современный, транзитный, по сути, глобальный политико-экономический контекст наложил, безусловно, свои отпечатки и на приоритеты Европейского Союза в Африке. Не отказываясь по-прежнему от политики поддержки Африки, объединяющаяся Европа формулирует сегодня некоторые новые приоритеты этого взаимодействия. Речь идет в первую очередь о выделении в «особое делопроизводство» отношений на межсоюзном уровне. А с другой – акцент, на все более равноправное партнерство с наиболее продвинутыми в экономическом плане партнерами из числа африканских стран. Как известно, часть из них достигла довольно значительных подвижек на пути экономического развития в последние годы. Разработка, а затем и реализация амбициозного экономического плана НЕПАД позволила этой группе стран выйти на впечатляющие показатели темпов экономического роста в последнее десятилетие.

Реализация данной программы соотносится и с приоритетами афро-европейского партнерства, сформулированными еще в 2005 году в рамках программы «Европейского консенсуса по проблемам развития». Европейские эксперты сошлись тогда в определении приоритетов этого сотрудничества. Стратегическая цель здесь остается неизменной, а именно борьба с бедностью и искоренение этого явления на африканском континенте. Примерно также формулируют сегодня здесь свои приоритеты и международные финансовые институты, и в первую очередь Всемирный банк.

На состоявшейся 18 декабря 2018 года в Вене пятой встрече Африка – Европа было подтверждено приоритетное внимание именно к этой теме, на практике означающей особое внимание и поддержку африканского сельского хозяйства как в известной степени «ключу» к решению проблем беднейших слоев населения Африки. Именно им, а не африканскому «истэблишменту» и

должны быть адресованы многочисленные программы помощи, реализуемые Европой. Эта мысль не раз звучала в ходе двусторонних встреч.

Сюда же стоит отнести и договоренности об интенсификации внутренних рынков межафриканской торговли сельскохозяйственной продукцией и конечно повышение объемов экспорта африканской сельскохозяйственной продукции в том числе и в Европу.

Другой аспект сотрудничества – создание новых рабочих мест и достойного заработка для молодежи как в сельской местности, так и в городских условиях. Проблема эта имеет прямое касательство и к состоянию дел в современной Европе. Предотвращение глобального «африканского исхода» в Европу видится здесь в первую очередь в контексте создания достойных условия жизни, оплачиваемых должным образом рабочих мест для молодежи, способных, по замыслу авторов проекта, удержать ее в традиционных местах проживания.

Уже разработан ряд конкретных мер, способных активизировать взаимодействие между двумя континентами на трех уровнях – отдельных граждан, отдельных бизнес проектов и на межгосударственном уровне.

21 июня 2019 года в Риме состоялась третья встреча министров сельского хозяйства европейских и африканских стран на уровне министров, разработавших специальную «Африкано-европейскую повестку дня для коренной трансформации африканской сельскохозяйственной среды». Для этого разработана конкретная стратегия действий, предварительно одобренная еще в 2017 году в Абиджане, включающая конкретные меры помощи африканским странам в интенсификации их сельского хозяйства, а также поддержки биологического разнообразия.

И конечно, как и все последние годы, неослабевающее внимание должно быть уделено развитию сотрудничества в сфере миротворчества. Сегодня в центре внимания здесь – тактика превентивной дипломатии по предотвращению вооруженных ситуаций в конфликтных регионах, организация и дальнейшая поддержка эффективной работы миссий наблюдателей.

Особая тема – борьба с терроризмом. На базе созданного при участии ЕС тренировочного лагеря ведется отработка оперативно-тактических действий по реализации боевой задачи борьбы с террористическими группировками разнообразной направленности.

Петрович-Белкин О.К.

Российский университет дружбы народов (РУДН)
Москва, РФ

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕС И ГОСУДАРСТВ АФРИКИ В СФЕРЕ ПОДДЕРЖКИ И ПРОДВИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО АФРИКАНСКОГО ИСКУССТВА

В настоящее время многие государства Африки переживают период бурных политических и социально-экономических трансформаций, которые, в свою очередь, находят свое отражение в культурном и общественном дискурсе самых разных стран Черного континента. В данном контексте феномен «нового», или современного африканского искусства, которое, с одной стороны, основано на вековых традициях автохтонной культуры, а с другой – формируется под несомненным влиянием глобализационных процессов, можно рассматривать как одну из граней новой социальной реальности, характерной для сегодняшней Африки. В частности, одним из важнейших культурных событий последних лет, а также наглядным подтверждением интеграции Африки в мировое художественное и арт-пространство стало открытие в 2017 г. Музея современного африканского искусства Цайца в г. Кейптаун (ЮАР).

Одним из ключевых выводов доклада является тезис о бесспорной социальной направленности и глубокой вовлеченности африканского искусства в политическую и экономическую жизнь континента. В качестве наглядных примеров подобного рода можно привести произведения таких африканских художников, акционистов и инсталляторов, как Ромуальд Хазуме (лауреат выставки «Documenta 12» в г. Кассель, Германия, 2007 г.), Эль Анацуи (победитель Венецианской арт-биеннале 2015 г.), Клемент Нвафор и др.

В этой связи изучение особенностей взаимодействия государств ЕС и стран Африки в сфере поддержки и продвижения современного африканского искусства представляется исключительно интересным и актуальным как с позиций культурологии и этнологии, так и с точки зрения науки о международных отношениях.

Oleg Petrovitch-Belkin

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

EU-AFRICA COOPERATION IN SUPPORTING AND PROMOTING CONTEMPORARY AFRICAN ART

Many African countries are currently undergoing a period of turbulent political, social and economic transformation, which, in turn, is reflected in the cultural and social discourse of its societies. In this context, the phenomenon of "new", or contemporary African art, which, on the one hand, is based on centuries-old traditions of autochthonous culture and, on the other hand, is formed under the undoubted influence of globalization processes, can be considered as one of the facets of the new social reality characteristic of today's Africa. In particular, one of the most important cultural events of recent years, as well as a clear confirmation of Africa's integration into the world culture and art space, was the opening of the "Zeitz Museum of Contemporary Art Africa" in Cape Town (South Africa) in 2017.

One of the key conclusions of the report is the thesis about the undeniable social orientation and deep involvement of African art in the political and economic life of the continent. The works of such African artists, actionists and installers as Romuald Hazoumé (winner of the Documenta 12 exhibition in Kassel, Germany, 2007), El Anatsui (winner of the Venice Art Biennale 2015), Clement Mmaduako Nwafor, etc., can be cited as illustrative examples of this kind.

In this regard, the study of the peculiarities of interaction between the EU and African countries in the field of support and promotion of contemporary African art is extremely interesting and relevant from the standpoint of culturology and ethnology, as well as from the perspective of political science.

Isaac Olumayowa Oni
Higher School of Economics, Russia, Moscow

A SOCIO-ECONOMIC RE-EXAMINATION OF NIGERIA
AND HER CONTRIBUTIONS TO THE AFRICAN UNION

At the 12th Extraordinary Session of the Assembly of the African Union, Nigeria eventually agreed to sign the African Continental Free Trade Area (AfCFTA) since it was launched in 2018. Based on the reports by the African Development Bank, the Only 16% of international trade by African countries takes place between African countries which leaves the continent to depend on trade beyond it. Among other factors responsible for this include low manufacturing and processing capacity of many African countries on their products. One of such products is the Nigerian crude oil which is exported out the continent and later re-imported to get petroleum products. Between the periods of 2010 and 2015, petroleum export from Africa is US \$85 billion while the importation of similar products into the continent ranged between US \$63 billion and US\$84 billion. However, the signing of the African Continental Free Trade Area (AfCFTA) will no doubt if will implemented would make the African continent the largest trade center in the world. Nigeria has the largest economy in Africa, which calls for a re-examination of her socio-economic environments vis-à-vis the role she plays in the African Union. Nigeria having a lot to gain from the signing of the African Continental Free Trade Area, however, without a proper assessment of manufacturing industries in the country, this could increase job loss and crime rates. With Nigeria's enormous market, it has put her further in a position to strengthen her position within the African Union.

**Panel IV-10. The Study of International Relations in African Countries
and African Concepts of World Order**

**Секция IV-10. Исследование международных отношений
в странах Африки и африканские концепции мироустройства**

Convener / Руководитель: *Денис Андреевич Дегтерев* (Российский университет дружбы народов, Москва)

Tinashe Jakwa

The University of Western Australia

RETHINKING STATE THEORY THROUGH AN AFRICAN LENS

This paper seeks to answer the following question: (1) how does the concept of ‘the state’ obfuscate our understandings of the causes of socio-political crises? The paper critically engages existing literature on ‘the state’ in order to shed light on existing definitions of the concept. It argues that while the concept of ‘the state’ is nebulous and without an actual referent object, *statism* as a logic socio-political organisation is not only tangible, but the structuration it underwent through colonial encounter saw it become rooted in an untenable notion of legitimacy as exclusive territoriality and sovereignty, which has negative ramifications for socio-political stability. Thus, the paper examines the constitutive norms of statism as a logic of social organisation, highlighting the contradictions therein and the ways in which these reveal contemporary statism’s unsuitability for the building of stable social orders.

The paper argues that in sustaining the *illusion* of building an organisational ‘form’ (ideal-typical or otherwise) called ‘the state’, practices of ‘state-building’ simply entrench a logic of socio-political organisation that is prone to crisis. In doing so, the paper develops a *processual-relational account of statism*. This account, which presents a processual rather than structuralist understanding of statism, also provides a means of understanding the *strategic functions* that *the deployment* of structuralist conceptualisations of statism performs in configuring relations between different sets of actors on the African continent.

India Angelique Simmons
Southern Methodist University, USA

SEARCHING FOR SOLIDARITY: THE FAILURE OF HUMANITY
IN POST-COLONIAL CONTEXT

The right to exist as a human being is a concept few have chosen to acknowledge as a foundational human right. The long existing world order that can be considered as the Western world has – by means of contentious methods of systematic and outright oppression on multiple scales – claimed that some lives are valuable and others are not. The millions of lives which have been lost to such colonial violence and subjugated to decades of post-colonial exploitation and brutality have been and continued to be denied their right to exist as a human being with dignity. In order to shake and change such an order, there must be a call on a global scale for unification of the oppressed across various ethnic/racial divisions. To take a stand against a world order which claims some lives are valuable and some are expendable requires the unification of the Global South based on notions of solidarity and radical change.

This critical analysis research project seeks to examine several profound situations of disenfranchisement in order to determine the failure of humanity in the Global South. By building a theory of international liberation, I argue for the need for solidarity amongst different racial/ethnic minorities as it pertains to international liberation from post-colonial oppression. Focusing on the case studies of African Americans in the United States, Palestine, and South Africa allows for the imaginative visualization of the main objective: coming together on the model of the Bandung Conference in order to initiate a shift in the geopolitical balance between the West and Global South. With this I contend that Bandung can be viewed as a historical moment demonstrating Afro-conception of world order and can be used as an alternative step in moving towards global justice.

Циватый В.Г.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина

АФРИКА В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ XXI ВЕКА И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ АФРИКАНСКОЙ ШКОЛЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОУСТРОЙСТВА (К ВОПРОСУ О «НЕ-ЗАПАДНЫХ» ТЕОРИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ)

В XXI веке актуализировался вопрос о возникновении и институциональном развитии такого историко-политического явления, как «не-западные» подходы и школы в анализе международных отношений. В связи с этим, автор акцентирует внимание на вопросе исследования исторических традиций и общего генезиса африканской школы теории международных отношений и изучении её современной специфики, в частности – институционального развития теории международных отношений в отдельных странах Африки (ЮАР, Египет, Эфиопия, Мозамбик, Тунис, Марокко и др.). Также рассматривается становление, исторические этапы и особенности изучения теории международных отношений в рамках образовательного, научно-исследовательского и академического сообщества стран Африки, в частности – преподавание теории международных отношений в высших учебных заведениях стран Африки. Выводы по теме позволяют отметить, что африканская школа современной теории международных отношений зародилась относительно недавно и пока не оформилась в привычные для Запада парадигмы, что не мешает ей быстро развиваться и переживать свой подъём. Обобщены достижения африканских исследователей международных отношений, внешней политики и дипломатии в контексте выявления ими основных тенденций будущего развития африканской школы международных отношений и формирования институциональной модели африканской теории международных отношений и институциональной модели дипломатии стран Африки XXI века (Египет, Эфиопия, Кения, Нигерия, ЮАР и др.).

В полицентричном мире XXI века становится все более очевидным изменение международно-политической конфигурации и конфигурации миро-

вой политико-экономической структуры. Эти международные вызовы, связанные с необходимостью поддержания мира, развитием мировой торговли и требованиями консолидированной международной реакции на изменения климата, требуют все большей интеграции на глобальном уровне. В этих условиях понимание институциональных особенностей полицентричного мира становится не только задачей научных поисков, но и приобретает необходимое практическое значение. Полицентричность, в данном контексте, понимается как постоянная представленность в мировом масштабе двух или нескольких стран/групп стран, отличающихся своим институциональным устройством, что фиксируется общим термином «западные и не-западные модели». Исследование посвящено анализу исторических типов, содержания, факторов становления и хронологии сосуществования государств, для которых характерны эти модели мироустройства, институциональные модели, на примере теории и практики международных отношений, внешней политики и дипломатии государств Африки.

Кассае Ныгусие В. Микаэль
РУДН, Москва, РФ

ПАНАФРИКАНИЗМ И ИДЕЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ АФРИКИ

Начиная с конца XVII в. в мире стали появляться так называемые «панидеи»: «панславизм», «панисламизм», «пантюркизм», «панарабизм» и т.д. В основе вышеперечисленных «панидей» – идеи о необходимости политического объединения народов (или даже государств, как например в «панславизме»), на основе этноконфессиональной, культурной, языковой общности и территориальной близости. Эти «панидеи» как идейные течения начались среди национальной интеллигенции и охватили народы, проживающие в одном государстве или живущие в одном географическом пространстве.

Панафриканизм в отличие от вышеперечисленных «панидей» зародился в конце XIX – начале XX вв. среди «негритянской интеллигенции» США, позже в Вест-Индии, выступавшей за объединение проживавших там негров

в борьбе против расовой дискриминации. Т.е. первоначальная цель panaфриканизма состояла в том, чтобы добиться равноправия негров с белым и цветным населением США и Вест-Индии. Движение, которое началось как борьба за равноправие афроамериканцев с белым и цветным населением США и Вест-Индии, пересекая границы «Нового света» становится объединяющей идеологией людей африканского происхождения.

Возникают вопросы: как «панидея», которая зародилась далеко за пределами Африки, становится идеологией некоторых лидеров национально-освободительного движения в Африке? По какой причине родоначальники «панафриканизма» стали ориентироваться на Африку, из которой начиная с XVI века вывозились их предки, спустя почти три века? Для того чтобы ответить на эти вопросы необходимо разделить панафриканизм на 3 этапа: американский, европейский и африканский.

Mugabi Brian

RUDN University, Moscow, Russia

INTERNATIONAL RELATIONS AS A FIELD OF STUDY IN UGANDA AND THEORY OF PAN-AFRICANISM

Uganda in its pursuit to become an international actor like most African countries has rallied behind the theory of Pan-Africanism. Pan-Africanism largely represented the African People against colonialism, it was then regarded as an ideology that would lead to a prosperous African continent as opposed to the colonial agenda of economic exploitation and domination. Consequently the 5th Congress that was held in Manchester in 1945 which attracted several participants from the academia and political fields who were critical of colonial influence in Africa and therefore resolved to fight and support independence movements in the continent. As a result most African countries including Uganda became independent. Like most Commonwealth States Uganda's Foreign policy was largely influenced by its former colonial power Britain, which was later defined as a practice of Neocolonialism.

This paper will look at the Post independence era of Uganda which was characterized by political tensions where a lot of efforts were put on domestic affairs as opposed to International Affairs. The author will then illustrate on how Uganda guided by the Pan African theory remains a key regional player. The author will further analyse the period from 1986 as a result of a shift in Uganda's leadership which brought up political stability. It will be worth noting that with a Stable Government Uganda came up with a new foreign policy document which prioritized Pan Africanism ideology, Regional security, and regional integration.

It concludes by mentioning how Pan-Africanism has guided Uganda's role and participation in regional and international Affairs. Uganda being a land locked country in a hostile neighborhood that is characterized by conflict understands that brotherly relations with her fellow African countries are a guarantor of economic and security stability both internally and externally.

Claire A Amuhaya
RUDN University, Moscow, Russia

INTERNATIONAL RELATIONS AS A FIELD OF STUDY IN KENYA

In the recent past Africa has taken a new centre stage on global issues as such debates about Africa's place in international relations is being questioned. This has led to current researchers to try and address the gap about Africa's place and its role especially on its history and its contribution to world politics that is mainly addressed through International Relations. This is so as most was written by past scholars who had a Eurocentric conception and invention of Africa and also because the study of international relations in most African countries was through the eyes of the colonizers. Just like most African Nations, Kenya derived its education curriculum from its colonizing nation which in this case was Britain.

It is against this backdrop that this presentation will analyze international relations course in Kenya and fill the gaps in the understanding the course as a current field of study in the country based on its historical changes. Through this the author will show that Africa and indeed a country like Kenya is deeply

embedded in the Western education system and it's in need of a complete overhaul in order for it to create its own imprint in International Relations.

It concludes by acknowledging that the current African International relations theorists are already trying to address some of the issues by coming up with new theories that have African names like Ubuntu and also challenging the current history that tried to erase Africans in history by giving examples of African's contribution to international relations. Through then International relations as a discipline in Africa and indeed in Kenya will take a new place in current discourse.

Dju Orlando

RUDN University, Moscow, Russia

INTERNATIONAL RELATIONS STUDIES IN GUINEA-BISSAU

In each country, the study of issues of international relations presents a particular characteristic due to the peculiarities of its development, its foreign policy, and national traditions in the field of humanitarian knowledge. Taking this into account, three main periods can be distinguished in the history of studies of IR in Guinea-Bissau (G.B.): The period of the rise of the national liberation movement of Portuguese in G.B. At this time, the first negotiations with the Moscow government on assistance in the fight against the Portuguese; the cooperation between the USSR and the young Republic of G.B. in various industries; the period of the existence of Guinea-Bissau and Russia as a sovereign state.

Due to the fact that the USSR assisted G.B. in its liberation from Portugal, as well as the Guinea-Bissau was given support in education by USSR, the dogmatic concepts of Marxism were an important stage in the development of the science of IR in G.B. – Leninism, prevailing in the social sciences. These concepts, which regarded the world as an arena of constant confrontation of socialism and capitalism with the prospect of the inevitable latter collapse, programmed a negative attitude towards the theoretical and methodological experience of "non-

Marxist" science, and closed the possibilities for fruitful cooperation with its representatives.

After the collapse of the USSR, dogmatic concepts and concepts were debunked in the country, in particular, such as the theory of peaceful coexistence – a “special form of class struggle” in IR, which for many decades dominated domestic political theory and practice, stimulated the creative activity of scientists. The former concepts and concepts were replaced by "new political thinking", which emphasized the priority of universal values, the interdependence of states, the freedom of choice and the balance of interests in the conduct of international affairs. This expressed the main content of the follow-up period in studies of international relations in G.B.

The sphere of studying international security problems, especially its military-political aspects, experienced the most sensitive modernization. The influence of the Soviet Union on the political and military development of G.B. remained very significant, It is worth noting that after the collapse of the USSR, G.B., lost stability in the economy and military conflicts began (1998, 2003 2012). Currently, there is no scientific base studying international relations in the country. Studies of economics, politics, international relations are mainly carried out in Russia, Portugal, Brazil and China.

Заноскина Е.Н.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

НИГЕРИЯ И ЮАР: СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

Региональный лидер – это страна, обладающая большими экономическими, политическими и военными возможностями, которые она использует в своем региональном пространстве. Концепция «региональной державы» была первоначально предложена учеными из института *German Institute of Global and Area Studies (GIGA)*. Разные авторы –М. Шуман, С. Ширм, Д. Нольте, Д. Флемес, Р. Каппель и другие – внесли свой вклад в разработку проблемы регионального лидерства в международной системе.

На данный момент не существует однозначного ответа на вопрос о региональном лидере в Африке. Это связано с тем фактом, что ни одно государство не имеет достаточной силы для получения статуса неоспоримого лидера на континенте, хотя на эту роль претендуют несколько государств, такие как Нигерия, ЮАР, Египет и в меньшей степени Ангола, Эфиопия и Танзания. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что Нигерия и Южно-Африканская республика в силу своего экономического, политического, демографического веса могут претендовать на звание лидера в Африке. Обе страны стремятся более активно влиять на свой регион путем региональной торговли и инвестиций, а также формирования блоков политических союзников.

Исследование вопросов регионального лидерства представляется в современных условиях развития Африки особенно важным, так как регион постепенно превращается во влиятельного участника международных экономических отношений, что привлекает к нему внимание крупных международных игроков, как традиционных (США, Великобритании, Франции, Германия), так и новых (Китай, Индия, Бразилия, Япония, Турция). Страна, которая победит в соперничестве за региональное лидерство, впоследствии будет играть важную роль на глобальной арене, как представитель динамично растущего рынка инвестиций, современных технологий, товаров, в том числе наукоемкой продукции, услуг и рабочей силы. В контексте же региональной системы она будет выступать влиятельной силой, с которой мировые державы вынуждены считаться в построении стратегий взаимодействия с Африканским континентом.

Oluwakayode Olumide Emmanuel,
Adebayo Kafilat
RUDN University, Moscow, Russia

THE STUDY OF INTERNATIONAL RELATIONS IN NIGERIA

The need for African own theory in international relations is a contemporary issue in the international system, especially as it affects Nigeria's relations with

other countries and institutions around the globe. International politics foreign policy, diplomacy, strategic studies, international economic relations are few out of the many connections to international relations. The aims and objectives of the International Relations Program/Study in Nigeria are to stimulate the appreciation of International Relations and Diplomacy theories and other tools of analysis, and application in different contexts at the national and international levels; provide a broad and balanced knowledge and practical skills in International Relations and foreign policy; To develop the ability to apply their International Relations theories, analytical tools, knowledge and skills to the solution of international problems; To develop a range of skills that are relevant to both governmental and non-governmental agencies at home and abroad; To provide students with relevant knowledge and skills for further studies in International Relations as a multi-disciplinary field of study; To generate an appreciation of the importance of International Relations in a national-political, economic, and social development on the one hand and in the maintenance of global peace and security on the other. In conclusion, the abstract is an interactive approach from international relations, political science, and history with a method of systematic analysis, which allows identifying international relations as a field of study in Nigeria with the history and dynamic of Nigerian foreign policy as a practical factor, having in mind African theory of international relations.

Celia Dyduck

RUDN University, Moscow, Russia

INTERNATIONAL RELATIONS AS A FIELD OF STUDY IN SENEGAL

Africa occupies a new focal point in global issues, causing debate on the place of Africa in international relations. This new interest prompted scientists to fill a gap in the scientific contribution between the role of Africa in contemporary world affairs and its history. Thus, the following study wishes to highlight how international relations are studied and presented in the universities of Senegal to show how Senegalese researchers have created their own style in analyzing this

area. The current research provides an overview of the current situation of international relations research in Senegal and how its history has influenced it. In addition, the author will show that Africa, and indeed a country like Senegal, is still deeply rooted in the Western education system and needs to be completely revised in order to create its own and unique imprint in international relations.

Oumar Sidibe

RUDN University, Moscow, Russia

STUDIES OF INTERNATIONAL RELATIONS IN MALI

Unlike Senegal, Ghana, South Africa, Kenya or Morocco, which have educational institutions in international relations, in Mali there are no university institutions specializing in this field. The employees of the Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation do not receive training in international relations after graduating from the National School of Management or after studying law and political science. In addition, most of these managers are recruited based on higher competition in the public service and can be appointed to any government department. This framework is more focused on administrative issues than international ones. In addition, the University of Political Science and Law of Bamako does not have a special orientation to international relations. Private international law and public international law are the only disciplines that he considers in relation to this discipline.

In Mali, there are two main groups of universities: private and public. However, only two private universities consider international relations in their graduate programs. These are Ahmed Baba University and the Institute of Political Sciences ISPRIC.

In addition, more recently, on April 19, 2011, the Institute of International Studies and Communications of the Institute of Political Sciences ISPRIC officially opened the Higher School of Master II in International Relations and Diplomacy.

Mali lacks training in international affairs. This situation forces Malian students who want to prove themselves in the field of international relations to continue their studies in other neighboring states or abroad. This situation is not without consequences, because Mali is undergoing a serious political and security crisis, and Malian diplomacy can and should play a leading role. Malian diplomats are involved in very important missions. And the need for better structures and competent people is inevitable in order to rectify and improve Mali's foreign policy. Diplomacy is one of the cornerstones of the state for various reasons.

Jean Martial Ndong Nlate
RUDN University, Moscow, Russia

INTERNATIONAL RELATIONS STUDIES IN CAMEROON

Hans Morgenthau once wrote that: “International relations is something not to be taken for granted, but something to be understood and to be changed and, more particularly, to be changed beyond the present limits of its political structure and organization. Here lies indeed the ultimate theoretical and practical justification for our interest in a theory of international relations.” Education is, undoubtedly, a significant determinant of the economic situation of a country; critical to growth prospects, productivity and the competitiveness of its labor force in the international arena. This implies the need for adaptability to meet growing international labor demands in terms of developing modules that respond to the ever-increasing economic, business, governance and leadership needs to the ability of being able to foresee and preempt upcoming global challenges. In recent decades, many African countries have come to realize the crucial role that the educational sector plays in the economy, and are responding with significant investment. Other countries have been lagging behind.

This study has been an attempt to portray The Institute of International Relations of Cameroon (IRIC), bilingual institute of the University of Yaounde that contributes to the construction of an African diplomacy of development and also constitute a high place of reflection on the problems of international

cooperation. Moreover, IRIC takes pride on its status as the oldest school of diplomacy south of Sahara, and brings the perceptions and the experiences of countries of the southern hemisphere to the world community. The article concludes that the principal aim of the Institute is to provide higher studies and advance research in the field of International Relations in general and diplomacy in particular.

V. Linguistics **Языкознание**

V-1. Languages of Africa from Cultural and Historic Perspective

Языки Африки в культурно-исторической перспективе

Convener / Руководитель: *Виктор Яковлевич Порхомовский* (Институт языкознания РАН, Москва)

V-1-a. History, Areal Linguistics, Ethnolinguistics

История, ареальная лингвистика, этнолингвистика

Ba Alpha Oumarou

Assane Seck University in Ziguinchor, Senegal
alpha.ba@univ-zig.sn / balphaoumarou@yahoo.fr

SOME DIALECTOLOGICAL ASPECTS OF THE FULANI LANGUAGE

Fulani language is spoken in many subsaharan countries. This fact justifies the diversity of the Fulani dialects on the continent. Hence, The Fulani dialectology remains a scientific preoccupation and arises an interest. The talk presents a lexical and grammatical study of some aspects which vary from the Fuuta Tooro Fulani dialect (Senegal and Mauritania) to the Fuuta Jaloo dialect (Republic of Guinea) based on oral and written stories. At this level, it is for instance the case of consonantal change which on the one hand is present in the number change and on the other in the inversion of the subject and the verb which specifies the Fuuta Tooro Fulani dialect. Such feature is not used in Fuuta Jaloo Fulani dialect to a certain extent.

Koile Ezequiel

National Research University Higher School of Economics
Max Planck Institute for the Science of Human History, ekoile@hse.ru

PHYLOGEOGRAPHY OF THE BANTU EXPANSION

Bantu expansion is among the most important and least understood human migrations. Bantu-speaking populations (240 million people, 500 languages, spanning 9 million km² [1]) are the result of a huge migration originating in a homeland near the border of Nigeria and Cameroon between 4,000BP and 5,000BP [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Although the homeland and the time depth are well established, the migration route is still unclear.

Recent phylogenetic studies [1, 9, 6, 7, 8] support the late-split [10, 11, 12, 13, 14], which claims that East-Bantu and West-Bantu languages' common ancestor crossed the African Rainforest, splitting after this. It is thought that this crossing was made through the Sangha River Interval (SRI), a N-S savanna opening into the rainforest. However, in dated phylogenies [7], dates don't match consistently: They should have crossed this corridor around 4,000BP, while it was completely open only 2,500BP.

We propose two different hypotheses for competing with the traditional SRI late-split. The first one, a coastal savanna corridor [15]. The second one, an earlier path through the rainforest. We test all three hypotheses with a Bayesian phylogeographic approach based on linguistic trees. We use lexical and geographical data for 400+ Bantu and Bantoid languages, inferring the linguistic and geographic history in parallel, by implementing the break-away model [16] in BEAST2 [17]. We conclude that the way through the rainforest happened around 4,000BP.

References

- [1] Cesare de Filippo, Koen Bostoen, Mark Stoneking, Brigitte Pakendorf. Bringing together linguistic and genetic evidence to test the Bantu expansion. *Proc. R. Soc. B* 2012 279 3256-3263; DOI: 10.1098/rspb.2012.0318.
- [2] Diamond J., Bellwood P. 2003 Farmers and their languages: the first expansions. *Science* 300, 597–603. doi:10.1126/science.1078208 (doi:10.1126/science.1078208).
- [3] Blench, Roger. 2006. *Archaeology, Language and the African Past*. Lanham: Altamira Press.

- [4] Vansina, Jan. 1995. New linguistic evidence and the Bantu expansion. *Journal of African History* 36: 173–195.
- [5] Pakendorf, Brigitte, Koen Bostoen, and Cesare de Filippo. 2011. Molecular perspectives on the Bantu expansion: a synthesis. *Language Dynamics and Change* 1:50–88.
- [6] Koen Bostoen, Bernard Clist, Charles Doumenge, Rebecca Grollemund, Jean-Marie Hombert, Joseph Koni Muluwa, and Jean Maley, Middle to Late Holocene Paleoclimatic Change and the Early Bantu Expansion in the Rain Forests of Western Central Africa, *Current Anthropology* 2015 56:3, 354-384.
- [7] Grollemund, R., Branford, B., Bostoen, K., Meade, A., Venditti, C. & Pagel, M., 2015. Bantu expansion shows habitat alters the route and pace of human dispersals. *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*, 112:43, pp. 13296-13301.
- [8] Patin E., Lopez M, Grollemund R., Verdu P., Harmant C., Quach H., Laval G., Perry GH, Barreiro LB, Froment A., Evelyne H., Massougbodji A., Fortes-Lima C., Migot-Nabias F., Bellis G., Dugoujon JM, Pereira JB, Fernandes V., Pereira L., Van der Veen L., Mouguiama-Daouda P., Bustamante CD., Hombert JM., Quintana-Murci L., Dispersals and genetic adaptation of Bantu-speaking populations in Africa and North America, *Science*. 2017 May; 356(6337); 543-546.
- [9] Currie TE, Meade A, Guillon M, Mace R. Cultural phylogeography of the Bantu Languages of sub-Saharan Africa. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2013; 280(1762):20130695. doi:10.1098/rspb.2013.0695.
- [10] Rexová K., Bastin Y., Frynta D. 2006. Cladistic analysis of Bantu languages: a new tree based on combined lexical and grammatical data. *Naturwissenschaften* 93, 189–194. doi:10.1007/s00114-006-0088-z (doi:10.1007/s00114-006-0088-z).
- [11] Henrici A. 1973. Numerical classification of Bantu languages. *Afr. Lang. Stud.* 14, 82–104.
- [12] Heine B., Hoff H., Vossen R. 1977. Neuere Ergebnisse zur Territorialgeschichte der Bantu. In *Zur Sprachgeschichte und Ethnohistorie in Afrika* (eds Möhlig W. J., Rottland F., Heine B.), pp. 52–72. Berlin, Germany: Dietrich Reimer.
- [13] Ehret C. 2001. Bantu expansions: re-envisioning a central problem of early African history. *Int. J. Afr. Hist. Stud.* 34, 5–27. doi:10.2307/3097285 (doi:10.2307/3097285).
- [14] Schwartz, Dominique. 1992. Assèchement climatique vers 3000 B.P. et expansion Bantu en Afrique centrale atlantique: quelques réflexion. *Bulletin de la Société Géologique de France* 163(3):353–361.
- [15] Ngomanda, A., Chepstow-Lusty, A., Makaya, M., et al. 2009. *Climate of the Past*, 5, 647.
- [16] Bouckaert R., Bower C., Atkinson Q. The origin and expansion of Pama-Nyungan languages across Australia *Nature Ecology & Evolution*, 2018.
- [17] Bouckaert R, Heled J, Kühnert D, Vaughan T, Wu CH, Xie D, Suchard MA, Rambaut A, Drummond AJ. BEAST 2: a software platform for Bayesian evolutionary analysis. *PLoS computational biology*. 2014 Apr 10;10(4):e1003537.

Pawlak Nina

University of Warsaw, n.pawlak@uw.edu.pl

HAUSA PHRASEOLOGISMS AS A PART OF CULTURAL HERITAGE

The conference presentation deals with various types of multiword expressions (Cowie 1998; Bushnaq 2015) and refers to the recognized types of Hausa phraseological units which include structural patterns and distributional varieties (Newman 2000; Piłaszewicz 1990; Galadanci 1972). The distinguished

types of structural phraseologisms, identified at the level of phrase, clause or sentence (Pawlak, in print), are interpreted in terms of culture phenomenon. The role of the distinguished key-words in understanding culture (Wierzbicka 1997) and their culturally motivated functions of creating phrasal (idiomatic) expressions is shown in the examples of lexical components which have a recurrent meaning adapted to the semantics of the referent. They include nouns (*da* 'son', 'ya' 'daughter', *sarki* 'ruler') and verbs (*ci* 'eat', *sha* 'drink'). In phrasal expressions, they undergo semantic derivation and manifest language-specific ways of conceptualization.

Regarding the semantics of phraseological units, special attention is paid to cultural motivation of the connotative meaning which is derived from allusion to cultural reality. Hausa phraseologisms are deeply settled in common experience relating to historical events, customs, beliefs, occupations, they are also founded on shared views of the community concerning the neighbors, foreigners and the way people behave. The expressed meaning is referred to a very specific conceptualization, not reflected in the literal translation. The example to illustrate it are: *ga dama* 'to die' (lit. see right side), *gane gizo* 'understand' (lit. to see the spider), *ina ruwanka* 'what concern is it of yours?' (li. where is your water?).

The presentation of the Hausa examples raises the question of equivalents in geographically and culturally distant languages (Chi & Hao 2013; Pawlak 2018) in which lexical equivalents are not noted and the cultural code is hardly recognizable.

References

- Bushnaq, Tatiana. 2015. A retrospective analysis of the term phraseological unit, *The Proceedings of the International Conference 'Globalization, Intercultural Dialogue and National Identity* (ed. by Iulian Boldea). Section: Language and Discourse, 2, 167-176.
- Chi, Ren & Hao, Yu. 2013. "Translation of English Idioms From the Perspective of Cultural Context", *Cross-Cultural Communication* 9 (5), 2013, 78-81.
- Cowie, A.P. (ed.). 1998. *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*. Oxford: Oxford University Press.
- Galadanci, M.K.M. 1972. "The structure and syntactic function of compound nouns in Hausa". *Anthropological Linguistics* 14(4), 147-154.
- Newman, Paul. 2000. *The Hausa Encyclopedic Reference Grammar*, New Haven: Yale University Press.

- Pawlak, Nina (ed.). 2018. *Linguistic evidence of cultural distance. Hausa in cross-cultural communication*. Warszawa: Elipsa, 253 pp.
- Pawlak, Nina. (in print). "Hausa phraseologisms as a structural property of language and cultural value".
- Piłaszewicz, Stanisław. 1990. "Phraseologisms in Hausa. New development or an old tradition", *Studies in of the Department of African Languages and Cultures, Hausa Studies III*, 5-21.
- Wierzbicka, Anna. 1997. *Understanding Cultures through Their Key Words*. New York–Oxford: Oxford University Press.

Starostin George

Russian State University for the Humanities; Higher School of Economics
gstarst1@gmail.com

ON THE GENETIC AFFILIATION
OF THE FUR-AMDANG LANGUAGE GROUP

One of the main problem zones of language classification on a global scale is the issue of "language isolates". Since the immediate prehistory of these isolates cannot be reconstructed by means of the regular comparative-historical method, this makes the task of proving their genetic links almost impossible, especially if there is also some internal evidence that the isolates in question may have undergone significant phonetic and/or lexical change under the influence of neighboring unrelated languages or unknown substrates.

When it comes to Africa, "isolates" are often understood as languages that have not been allocated to any of his four macrofamilies (e.g. Bangime or Shabo), but even if these macrofamilies themselves were to be accepted uncritically, some of them contain a number of languages or small dialect clusters that seem to be so remote from everything else that even Joseph Greenberg had difficulties in determining their exact position on the genealogical tree. This is a particularly acute problem for the highly dubious "Nilo-Saharan" macrofamily, several of the members of which should actually count as full-fledged "isolates" if the very existence of "Nilo-Saharan" is denied.

One such language is Fur, spoken by more than 700,000 people in Darfur and until recently regarded as lacking any close relatives, though today it has been firmly established that it has at least one very close relative in eastern Chad (Amdang). In my talk, I will outline the main problems that have so far prevented

Fur from being properly classified; list the various hypotheses (Greenberg, Bender, Ehret) on its position within the hypothetical “Nilo-Saharan” stock; and, finally, present the newest results of a lexicostatistical survey on Fur-Amdang which may point the way to determining their nearest genetic relatives with a reliable degree of probability.

Громова Нелли Владимировна

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, gromova@iaas.msu.ru

Суетина Юлия Георгиевна

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, kaduna2007@mail.ru

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ С. БАЛДИ: 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Работа С. Балди “A first ethnolinguistic comparison of Arabic loanwords common to Hausa and Swahili” (Napoli, 1988) построена на сопоставлении арабской лексемы и вариантов ее вхождения в языки суахили и хауса. Оба эти языка, типологически и географически далекие, развивались в тесном взаимодействии с арабской и африканскими культурами, адаптировав при этом значительное количество арабской заимствованной лексики. Язык-рецептор не пассивно воспринимает чужое слово, а в той или иной мере подчиняет его своим внутренним закономерностям и включает его в свои внутренние системные отношения.

Последние 30 лет суахили и хауса, являющиеся крупнейшими языками Тропической Африки, стремительно развиваются. Целью нашей работы является выявление изменений, которые произошли за прошедший отрезок времени с заимствованиями из арабского языка, зафиксированными в словаре С. Балди. В докладе будут рассмотрены отношения между прототипом и коррелятивным заимствованием в современных языках суахили и хауса, изменения исконной семантической структуры слова в заимствующем языке или ее консервация с сохранением мотивировочного признака.

Прежде всего, следует отметить, что ряд лексем, приведенных в словаре С. Балди, уже не употребляются в современных языках. Так, слово *ra'asu*

< *rais* ‘лидер, президент’ в суахили сохранило лишь второе значение ‘президент’, а в хауса оно уже давно вышло из употребления, и его заменил семантический неологизм *jagora* с производными от него дериватами *jagoranci* ‘руководство, лидерство’, *jagoranta* ‘руководить, возглавлять’.

Некоторые лексемы сузили сферу своего употребления и встречаются в языке лишь в особых стилистических контекстах. Так, *rabba* > *rabi* ‘господь’ в суахили используется только в поэтических текстах в значении ‘владыка’, а в хауса его стилистическая оценка проявляется в составе устойчивых словосочетаний, преимущественно фразеологического характера: ‘*yan rabbana ka wadata mi* досл. ‘дети отец мой ты обеспечь нас’ = ‘беднейшие страны’.

Другие слова полностью изменили свое значение. Так, слово *siyasa* по С. Балди обозначает ‘милосердие’, тогда как в суахили и хауса оно уже давно употребляется в значении ‘политика’. Слово *shari’a*, согласно словарю С. Балди, обозначает ‘закон’, в суахили произошло расширение семантического объема этого заимствования за счет добавления близких синонимов типа ‘догма, право, норма, юриспруденция, юстиция’. В современном хауса оно используется для обозначения суда как процесса в противоположность заимствованию из английского *kotu* ‘суд как учреждение’.

Ляхович Анастасия Викторовна
СПбГУ, anastasia_07007@mail.ru

ФЕНОМЕН ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОДОВ В АФРИКАНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

Переключение и смешение языковых кодов (code-switching / mixing) отличает технику письма многих африканских авторов [Bandia 1996]. Феномен переключения языковых кодов в авторском тексте в некоторой степени изучен на материале отдельных литератур народов Африки ([Bandia 1996], [Larsson 2007] и др.), данная проблематика практически не изучена на материале литературы на языке хауса или амхарской литературы.

Подробно описан феномен кодового переключения в творчестве нигерийского писателя Ч. Ачебе. В англоязычных произведениях нигерийского писателя присутствуют пословицы и поговорки народа игбо, пиджин, лексика языка игбо, выражающая специфические для этого народа представления и явления [Larsson 2007]. Хаусанские писатели используют переключение языковых кодов в качестве способа сделать художественный язык более выразительным, повысить его эстетическую ценность с целью сделать произведение более привлекательным, занимательным, тем самым привлечь внимание читательской аудитории.

Цель настоящего исследования – показать переключение языковых кодов как специфическое литературный и социолингвистический прием, используемый африканскими авторами. В докладе рассматриваются функции кодового переключения в литературном тексте, демонстрируется, как авторы, использующие переключение языковых кодов, находят новые стратегии письма.

Литература

1. Bandia P. Code-switching and code-mixing in African creative writing: some insights for translation studies. TTR: traduction, terminologie, rédaction. Vol. 9 (1), 1996, p. 139-153.
2. Larsson H. Code-switching in Chinua Achebe's novels. English C-Course, 2007. 37 p.

Порхомовский Виктор Яковлевич

Институт языкознания РАН, vporkhom@yahoo.com

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ В АФРИКАНСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Африканское языкознание представляет исключительное поле для научных исследований, особенно в области типологии и ареальной лингвистики, в первую очередь благодаря чисто формальному аспекту – количеству африканских языков и площади ареалов их распространения. К этому следует добавить еще один важный аспект. По объективным причинам африканские языки достаточно поздно стали объектами описания и научного анализа, при этом подавляющее большинство этих языков были бесписьменными или

младописьменными. К тому же языковые ситуации в Африке отличаются высоким уровнем многоязычия и этнического разнообразия, на что накладываются функциональные характеристики, а именно роль импортированных языков на разных уровнях (особенно языков мировых религий христианства и ислама и колониальных администраций), а также процессы формирования собственной устной и письменной языковой нормы в различных условиях.

В условиях сравнительно краткого периода самого существования африканского языкознания наглядно проявляются изменения в методах научного анализа на разных этапах. В частности, большой интерес представляет эволюция удельного веса типологических факторов в рамках сравнительно-исторического языкознания, а именно в области генетической классификации африканских языков. Типология и компаративистика по сути представляют самостоятельные дисциплины в диахроническом языкознании. Однако отсутствие или недостаточный уровень разработки в области установления регулярных фонетических соответствий вынуждает исследователей на начальных этапах опираться на очевидные типологические факторы, ср. определяющую роль категории грамматического рода в ранний период классификации семито-хамитских языков (в хамитской теории К. Майнхофа) и отказ от нее в дальнейшем (в классификации Дж. Гринберга) в семито-хамитской компаративистике. При этом на более позднем этапе следует признать эвристическую ценность типологического подхода (а также метода «массового сравнения» Дж. Гринберга) вопреки их отклонениям от парадигмы стандартной теории сравнительного языкознания, основанной на младограмматической модели с учетом последующей эволюции теории языкознания. Здесь представляется уместным обратиться к многолетней традиции научного проекта «Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки» [LESEWA], где в фокусе внимания исследователей находится типологический аспект, однако, по нашему мнению, здесь следует предполагать и возможные генетические связи между этими языками. Эта гипотеза будет рассматриваться в докладе.

Шатохина Виктория Сергеевна

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, viktorija_mamaafrika@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ К ВЕРЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПАРЕМИЙ СУАХИЛИ

Религиозный фактор в жизни народов настолько важен, что без учета знаний его особенностей сложно представить картину развития и становления культуры. Религиозные ценности, без сомнения, находят яркий отклик в языке каждого народа. Синтез языка и религии возможно обозначить термином «стихия культуры»: «стихия» – от той глубины человеческого, в которую уходят корни языка и религии. «Культура» – потому что в религии и языке коренятся все начала человеческой культуры» [Мечковская 1998: 5]. Тесная взаимосвязь языка и религии отчетливо проявилась и в суахилийской паремиологии.

В отличие от русского языка, в котором значение лексемы «Бог/бог» представлены пятью оттенками значений [Кузнецов 2000: 86], в суахили имеют место два основных лексико-семантических варианта: 1) *Mungu* = *Muumba, Mola, Allah, Rabii, Bwana* этворец всего сущего, вездесущий высший разум, управляющий миром', 2) *tungu* 'материальный образ такого существа' [Kamusi ya karne ya 21 2015: 364]. Отметим при этом, что, хотя имена Бога в коранической традиции представлены целым списком вариаций [Давыдов 2012: 179], в паремиях суахили обнаруживаем лишь единичные упоминания. *Mungu* – единая лексема для наименования божественной сущности в обеих религиях, будь то ислам или христианство.

Во всех контекстах лексема «Бог» сопровождается сакрализованным отношением к обозначаемому: от Бога зависит человеческая жизнь (*Mtu tataye ni Mungu*. 'Матерью человека является Бог'), он управляет поступками человека (*Aliyeongolewa na Mungu hapoteki*. 'Ведомый Господом не заблудится'), дает ему жизненные блага (*Pato kuu ni la Mungu araye wawi na wema*. 'Главный доход у человека от Бога, дающего и плохим и хорошим'), человек в любых обстоятельствах испытывает благодарность Богу (*Kipata kuna Mungu, ukikosa shukuru*. 'Если получаешь что-либо, это от Бога, а если нет,

[все равно] благодари'). Вера в Бога – это духовная потребность, а не формальный ритуал (*Kumcha Mungu si kilemba*. 'Почитать Бога не значит носить белый тюрбан').

В целом все паремии суахили, которые имеют отношение к религии, можно формально разделить на две большие группы: те, в которых упоминается имя Бога (*Anayeshitaki Mungu kawesha mahakimu*. 'Жалуется Богу тот, кто закончил [плохо свое дело] в суде') и те, где присутствует лишь косвенный отсыл к Творцу (*Ibada ina nguvu kuliko silaha*. 'Вера сильнее оружия').

Анализ суахилийских паремий с разнообразными коннотативным содержанием позволит сделать выводы о религиозной и аксиологической картине мира народа суахили, стать на шаг ближе к познанию его национально-го характера.

Литература

Давыдов А.В. Имена Бога в переводах Корана на манинка и бамана // Африканский сборник-2011 // Отв. ред. А.Ю. Желтов; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), СПбГУ. 2012. – С. 179–196.

Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. - СПб.: Норинт, 1998.

Kamusi ya karne ya 21. – Nairobi: LonghornPublishers, 2015. – p. 364.

Kamusi ya methali za Kiswahili / Kitula King`ei, Ahmed Ndal. – Nairobi: Prints Arts Limited, 2008. – 372 p.

Юзмухаметов Рамиль Тагирович

Казанский федеральный университет, ramil.yuzmukhametov@mail.ru

ПЕРСИДСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ

Изучение лексического состава языка позволяет прояснить вопросы его происхождения и развития. Общеизвестно, что в языке суахили содержится значительное количество арабского компонента, главным образом лексики. На основании этого зачастую делается вывод, что арабские мореплаватели привезли на восточное побережье Африки свою религию и язык. В нашей статье речь идёт о персидских заимствованиях в языке суахили. Вопрос этот практически не освещается в научной литературе, за исключением упомина-

ния о наличии персидских слов в суахили. Вероятно, это обусловлено отсутствием специалистов со знанием фарси, которые бы могли пролить свет на этот вопрос. Между тем, персидских слов в суахили достаточно, чтобы говорить о возможном иранском влиянии на жителей Восточной Африки в XVIII–XIX вв., когда возможно ираноязычные гребцы европейских торговых судов привозили сюда Коран и всю сопутствующую исламскую атрибутику и учение.

В нашей работе уделяется внимание как чисто персидской лексике, так и арабской лексике, которая на наш взгляд имеет черты усвоения не арабами, а иранцами (отличия фонетики, семантики). Рассмотрев персидскую лексику, можно сделать предварительный вывод, большинство относится к бытовой тематике: *maidani* ‘базарная площадь’; *bandari* ‘порт’; *bandi* ‘стежок’; *gulabi* – очевидно здесь ‘розовый цвет’; *badani* ‘тело’ и т.д. Что же касается усвоенной иранцами и привезенной в Африку арабской лексики, то заметно упрощение произношения арабских эмфатических согласных, например: *maisha* ‘жизнь’ (приближено к персидскому *maishe*); *masalan* ‘например’ (то же у иранцев); *faida* ‘польза’ (у иранцев *faide*) и т.д. С точки зрения стилистики, некоторые арабские слова не используются активно самими арабами, а зато часто встречаются в иранских и тюркских языках, куда также эти слова проникали, например: *mahususi* ‘особый, специальный’, в то время как сами арабы чаще используют другую однокоренную форму *ḥaṣṣ*; или слово *takusud(i)* ‘цель; намерение’ явно имеет источником вхождение в суахили именно персидский язык, только персы используют это страдательное причастие в качестве существительного, а у арабов используется другое слово *hadaf* ‘цель’ и т.д. Таким образом, открывается перспектива углубленного изучения вопроса иранского влияния на восточноафриканские народы, в частности банту.

PERSIAN LEXICAL BORROWINGS IN SWAHILI

The study of the lexical composition of the language allows us to clarify the issues of the origin and development of a particular language. It is well known that Swahili contains a significant amount of the Arabic vocabulary. Based on this, it is often concluded that Arab sailors brought their religion and language to the East Coast of Africa. In this article, we are talking about Persian loanwords in Swahili. This issue is practically not covered in the literature, with the exception of mentioning the mere fact of presence of Persian words in Swahili. This is probably due to the lack of specialists with knowledge of Farsi who could shed light on this issue. Meanwhile, there are enough Persian words in Swahili to talk about a possible Persian influence on the inhabitants of East Africa in the 18th–19th centuries, when it was possible that the Persian-speaking rowers of European merchant ships brought here the Holy Quran and all the accompanying Islamic paraphernalia and teachings.

In our work, attention is paid to both purely Persian vocabulary and Arabic vocabulary, which, in our opinion, has the traits of assimilation by non-Arabs, that is, by Iranians (differences between phonetics and semantics). Having examined the Persian vocabulary, we can draw a preliminary conclusion, most of them relate to everyday life topics: *maidani* ‘a market square’; *bandari* ‘port’; *bandi* ‘stitch’; *gulabi* – obviously here is the ‘pink color’; *badani* ‘body’, etc. As for the Arabic vocabulary learned by the Iranians and brought to Africa, the simplification of the pronunciation of Arab emphatic consonants is noticeable, for example: *maisha* ‘life’ (close to the Persian *maishe*); *masalan* ‘for example’ (the same for the Iranians); *faida* ‘benefit’ (for Iranians *faide*), etc. In terms of stylistics, some Arabic words are not actively used by the Arabs themselves, but they are often found in the Iranian and Turkic languages, where these words also penetrated, for example: *mahususi* ‘special’, while Arabs themselves use more often its root form *ḥaṣṣ*; or the word *makusud(i)* ‘goal’; “intention” clearly penetrated through the

Persian language to Swahili, only the Persians use this passive participle as a noun, while the Arabs use another word *hadaf* ‘goal’, etc.

Thus, a remarkable prospect opens up for an in-depth study of the issue of Persian influence on East African peoples, in particular the Bantu, by connecting here both linguists and historians.

V-1-b. Sociolinguistics

Социолингвистика

Beyer Klaus

Goethe-University Frankfurt, Germany, k.beyer@em.uni-frankfurt.de

MOTORCYCLE TAXI DRIVERS IN NGAOUNDÉRÉ, CAMEROON: MARGINAL ACTORS AS SOURCE OF LINGUISTIC INNOVATION?

The talk presents empirical data from a research project on language use in the multilingual urban context of Ngaoundéré, the capital of the Adamawa province in Northern Cameroon. The focus lies on the town’s ubiquitous motorcycle taxi drivers whose multilingual repertoires mirror the whole range of language resources present in the city.

From the perspective of Social Network Analysis, the group of motorcycle taxi drivers is particularly interesting as they regularly interact with a wide range of speakers of different languages and are themselves a highly heterogeneous group. Moreover, their subsumed membership in large and loose-knit open networks lends themselves to an evaluation of ‘strong-’ versus ‘weak-tie’ theories discussed in current modellings of language change (Swarup et al. 2011) and linguistic innovation studies (Del Tredici & Fernandez 2018).

In the presentation I analyze structural features of individual motorcycle taxi drivers’ positions in their social networks and correlate them with linguistic variables from their usage of the local vehicular language Fulfulde. I contribute to the discussion on the influence of social networks on linguistic behavior and the

question of ‘typical’ characteristics of a linguistic innovator based on empirical data from hitherto widely under-described contexts (Beyer & Schreiber 2017).

References

- Beyer, Klaus and Henning Schreiber 2017. *The social network approach in African Sociolinguistics*. In *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. Oxford University Press (<http://linguistics.oxfordre.com/28/09/2017>).
- Del Tredici, Marco and Raquel Fernández. 2018. *The Road to Success: Assessing the Fate of Linguistic Innovations in Online Communities*, *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics, Association for Computational Linguistics, Santa Fe, 1591-1603*.
- Samarth Swarup, Andrea Apolloni, and Zsuzsanna Fagyal. 2011. *A model of norm emergence and innovation in language change*. In *The 10th International Conference on Autonomous Agents and Multiagent Systems*. Vol. 2; 693-700.

Legère Karsten

Institut für Afrikawissenschaften, Universität Wien, karsten.legere@univie.ac.at

LANGUAGE ENDANGERMENT: FOCUS ON SOUTHERN NILOTIC AKIE

The process of language endangerment, erosion and ultimately disappearance has been reported in many countries of the Global South. It is well known that social mobility not only in the cities but also in the countryside contributes to a significant change in the ethno-linguistic situation. In both cases, this situation is characterized by increasing ethno-linguistic heterogeneity. As a consequence, especially languages of small ethnic communities hardly have a chance of survival, since they can't be used outside the family. Even family members, mainly the young ones, are reluctant or not competent anymore to speak an ancestral language on top of the language that dominates in public, where supra-ethnic means of communication, represented by languages with significant social prestige are used. In sub-Saharan Africa, these are both African and, increasingly, non-African languages, which have been upgraded by their official status, although linguistic competence of the majority leaves much to be desired. The importance of languages such as Swahili in East and Central Africa or Portuguese in countries such as Angola, Mozambique and other ex-Portuguese countries as a common means of communication is known to be an undeniable fact against the background

of ethnic-linguistic heterogeneity. In view of the linguistic situation which has been just sketched the future of small communities and their languages is bleak.

The author has long been engaged in the study of particularly threatened languages. Between 2009 and 2019, as part of a project sponsored by the Volkswagen Foundation and together with colleagues, he compiled a comprehensive description of the situation among the Akie (a group of hunters and gatherers in Central Tanzania). Simultaneously the Akie language documentation presents a comprehensive collection of multi-faceted communicative event.

Akie endangerment problems will be discussed based on the attached map. Thus, there are some settlements with an Akie speech community worthy of note in terms of numbers. However, in most settlements the number of speakers of this language is insignificant. There, Akie does no longer play a role in communication with other people. In total, the number of speakers is about 300, but only 50 people can use the Akie in a comprehensive sense with a nuanced grammar and sophisticated vocabulary. In addition, there is the small number of children (limited to about 20 children) to whom the Akie language can be passed on. Only some of the children are still learning their mother tongue, but this kind of inter-generational language transfer is not enough to keep the Akie language alive. In view of this situation, the language is extremely threatened, and the future is questionable.

Micheli Ilaria

University of Trieste, imicheli@units.it

ENDANGERED LANGUAGES, COMMUNITY EMPOWERMENT
AND INTERNATIONAL COOPERATION:
THE CASE OF THE OGIEK OF MARIASHONI

With the establishment of the first millennium development goals agenda, N-S international cooperation has switched its attention from economic growth to ecology and to the promotion of better living conditions for everybody. The main focus has moved from the market to the people. Thanks to this change, many international agencies (UNESCO), research centers (e.g. the Max Plank Institute,

the Volkswagen Foundation...) and Universities all around the world have devoted greater funding to researches on minority peoples, menaced cultures and endangered languages with the aim of preserving and, sometimes, even revitalizing them.

This paper presents a specific project, carried on in the years 2013–2014 among the Ogiek (Nilo-Saharan < Southern < Kalenjin) people of Mariashoni, funded by the Province of Bolzano, the Italian Ministry of University and Research (University of Trieste) and the NGO Ethnôrema, based in Bolzano, in cooperation with NECOFAKenya (The Network of Ecofarming in Africa). The Ogiek of Mariashoni are semi-nomadic Hunter-gatherers, who live in the region of the Eastern Escarpment of the Mau forest in Kenya. Recently, they have won a juridical controversy against the Kenyan government, which now recognizes them their right to live in their ancestral lands. However, this fact has led to violent riots with neighboring people, which culminated with the death of some members of the community in 2017. The linguistic research carried on in Mariashoni led to the production of the first grammatical sketch and short vocabulary of the language and to the collection of a series of traditional tales, riddles and songs for documentation. The aim of this presentation is to facilitate a debate on the methodologies and approaches to be adopted in this kind of interventions.

V-2. Languages of Africa from Typological and Diachronic Perspective

Языки Африки: типология и диахрония

Convenor / Руководитель: *А.Б. Шлуинский* (Институт языкознания РАН, Москва)

V-2-a. Phonetics, Morphology, Pronouns

Фонетика, морфология, местоимения

Stanislav Beletskiy

University of Dodoma / Siberian Federal University, stas.beletskiy@gmail.com

IHANZU DEMONSTRATIVE PRONOUNS: MORPHOLOGY AND SEMANTICS

The aim of the study is to analyse morphology and semantics of Ihanzu demonstrative pronouns. Ihanzu is a Bantu language spoken in North-Central Tanzania (Singida and Manyara regions) by 26 000 speakers. The data for this study comes from 10 fairy tales collected in Haydom town (Manyara region). The analysis involved transcription and annotation of narratives as well as interviews and elicitation sessions with Ihanzu native speakers. Ihanzu possesses four types of demonstrative pronouns: proximal, medial, distal 1, and distal 2. They all are used as dependent components of a noun phrase. Proximal demonstrative pronouns are used to refer to something that is close to both speaker and hearer. They are formed by noun class prefix reduplication (*imaje yaya* ‘these eggs’). Medial demonstrative pronouns are used to refer to something that is not far away from both speaker and hearer. They are formed by noun class prefix reduplication attached to the root *o* (*imaje ayo* ‘these eggs’). Distal demonstrative pronouns of subtype 1 are used to refer to something that is far away from both speaker and hearer. They are formed in the same way as medial but are pronounced with the high tone on the root *o* (*imaje ayóó* ‘those eggs’). Distal demonstrative pronouns of subtype 2 are used to refer to something that is not visible to both speaker and hearer. They are formed

by the root *ng'wanso* and noun class prefix attached to it (*mʉng'wanso mʉgunda* 'on that field'). Besides these special functions medial and distal demonstrative pronouns play metarepresentational and anaphoric functions (to refer to something that was previously said or to introduce something that is about to be mentioned and is supposed to be familiar to the hearer). Moreover, demonstrative pronouns exhibit morphological reduction: omission of the first consonant or glide in the first prefix (*imaje aya* 'these eggs'). This reduction is pragmatically conditioned.

Liliane Hodieb

PLIDAM, INALCO, liliane.hodieb@yahoo.fr

NOUN CLASSES IN RING GRASSFIELDS BANTU LANGUAGES:
A MORPHOSYNTACTIC ANALYSIS

Grassfields Bantu languages have been a major topic in linguistic research especially because of their great diversity. Spoken in the western region of Cameroon, they nevertheless constitute an undeniable linguistic unit, with 60% of lexical similarity (Stallcup 1980). The shortage of data in these languages constitutes a hindrance particularly in the classification of these languages. Although a growing number of descriptions have been provided for the past decades, some of these languages are still undocumented, especially Western Grassfields Bantu languages (henceforth WGB). This subgroup of languages is opposed the Eastern Grassfields group (henceforth EGB), and the main criterion for this subclassification concerns the noun classification (Hyman 1980). For instance, while EGB have only noun class prefixes, suffixes are attested in WGB. However, within the Western Grassfields Bantu group the noun classification is not perfectly consistent. The Ring languages, which are about ten, belong to this group. A few of them have a comprehensive description, and for others there are studies on particular aspects of the language. I have compared the noun classification of four of the Ring languages: Babanki, Babungo, Aghem and Wushi. Interestingly, while Wushi has only suffixes except one class (class 2), the others have mostly prefixes. Also, when examining the genitive phrase or

“associative construction”, the four languages behave in a quite irregular way. For example, in Aghem and Wushi, the affix often falls from the head noun but appears on the modifier. In Wushi the two nouns in the genitive phrase may even exchange their suffix. By contrast, in Babanki and Babungo the agreement system is more consistent: the head noun keeps its affix and the modifier receives an agreement marker related to the head noun. In this presentation I will first of all present the noun classification of each of the four languages. Then, we will see how these affixes behave in the genitive phrase. I will conclude by showing that the very mobility of the suffixes in Wushi provides evidence that in this language they are actually clitics in the process of change to affixes, while they are genuine affixes in the sister languages. If this is proven, then Wushi must be in an earlier stage of development compared to the rest.

References

- Akumbu, P.W. & Fogwe, C.A. 2012. *A pedagogical Grammar of Babanki – a Grassfields Language of Northwest Cameroon*, Rüdiger Köppe Verlag Köln.
- Hyman, L. M. (ed.). 1980. *Noun classes in the Grassfields Bantu borderland*, Southern California Occasional Papers in linguistics, n°8, University of Southern California.
- Hyman, L. (ed) 1979. *Aghem Grammatical Structure*, Southern California Occasional Papers in Linguistics n°7, University of Southern California.
- Schaub, W. 1985. *Babungo*, Croom Helm Descriptive Grammars.
- Stallcup, K. “La géographie linguistique des Grassfields”, In Hyman. L. M. & Voorhoeve. J. (eds) 1980. *L’expansion bantoue*. Actes du Colloque International du CNRS, Viviers (France) – 4 – 16 avril 1977, vol 1 « Les classes nominales dans le bantou des Grassfields », Paris, Peeters.

Maria Konoshenko

Institute of Linguistics RAS, eleiteria@gmail.com

THE GRAMMATICALIZATION OF CONSECUTIVE AND QUOTATIVE MARKERS IN MANDE: EVIDENCE FROM PARALLEL BIBLE TRANSLATIONS¹

Southwestern and Southern Mande languages have various instances of fusion between subject pronominals and predicative markers resulting in multiple synchronic series of person-predicative markers (Vydrin 2012, Konoshenko in

---

¹ This study was supported by the Russian Science Foundation, project 17-78-20071 “Languages of West Africa: description and comparative analysis”.

prep.). This paper investigates the diachronic development of quotative and consecutive person-predicative markers in Guinean and Liberian Kpelle (henceforth GK and LK), the two closely related Southwestern Mande languages. The study is based on parallel Bible translations from English into LK and from French into GK. We also considered certain excerpts from the Bible translated from GK into Mano (Southern Mande), providing further insights into the grammaticalization of these particular markers.

Apparently, in Kpelle, both quotative and consecutive markers appear as a result of the fusion between basic subject markers and a highly polyfunctional verb *ké* ‘be, do, say’. Quotative markers are widely used in both GK and LK to introduce direct speech although their distribution in GK is wider. First, in many contexts, where a quotative marker is used in GK, a full predication with the verb *bo* ‘say’ is used in LK, but not vice versa. Moreover, quotative markers have developed the function of complementizers after mental predicates in GK, but not in LK.

Consecutive markers are widely used for non-initial predications in GK, but they occur only occasionally in LK texts, presumably with non-coreferential subjects. A formal difference has been attested as well: while in GK 3SG consecutive markers show a complete fusion between subject markers and the verb, in LK the degree of fusion is less advanced.

In Mano, there is no quotative series, but consecutive markers with the verb *gèè* ‘say’ are used both before direct speech as well as in complementizer function, wherever quotative series is used in GK. This overlapping distribution suggests that quotative and consecutive functions are related to each other in Mande.

References

- Выдрин В. Ф. Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе // *Труды Ин-та лингвистических исследований РАН. Т. VIII, ч. 2. Исследования по теории грамматики*. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. 2012. С. 566–643.
- Konoshenko, Maria. in prep. Phonetics pushing syntax: S/Aux fusion and the rise of subject cross-reference in Mande. Submitted to: *Language in Africa*.

CENTRAL VOWELS IN THE VOWEL SYSTEM OF AKEBU (KWA)¹

The vowel system of Akebu consists of eleven vowels / *i, e, ɪ, ε, ɨ, ə, a, u, o, ɔ, ʊ* /, which are opposed in height, backness and $\pm$ ATR (advanced/retracted tongue root). The third feature divides the front and back vowels into two sets: +ATR (*i, e, u, o*) and -ATR (*ɪ, ε, ɔ, ʊ*). The survey of the vocalic features underlying the phonemic contrast between two non-low central vowels *ɨ* and *ə* poses a number of difficulties and constitutes the main issue of the report.

Akebu has a rather unusual harmony system based on two features – backness and ATR – and includes two rules:

- (a) $v \rightarrow e / \_e, i$
       $o / \_o, u$
       $ə / \_ə, ɨ$
       $a / \_a, \varepsilon, \varepsilon, \varepsilon, \varepsilon, \varepsilon$
- (b) $v \rightarrow i / e, i$
       $u / o, u$
       $ɨ / a, ə, ɨ$
       $ʊ / ɔ, ʊ$
       $\varepsilon / \varepsilon, \varepsilon$

According to the rule (a), *a* is grouped with all the vowels of -ATR set, whereas both non-low central vowels are grouped together basing on the feature of backness exactly like the front and back vowels of +ATR set. According to the rule (b), the front and back vowels form four groups based on the both harmony features, whereas all the central vowels are grouped together. Since *a* seems to be neutral with respect to ATR harmony within a word-form, the rule (b) does not shed light on the nature of the contrast between two non-low central vowels.

---

¹ This study was supported by the Russian Science Foundation, project 17-78-20071 “Languages of West Africa: description and comparative analysis”.

In contrast, the acoustic survey that will be presented in the paper reveals that the non-low central vowels form a mid-vowel [ATR] pair: *i* (+ATR) vs. *ə* (-ATR). These results are obtained from the following acoustic characteristics proposed in the literature on acoustic correlates associated with [ATR] differences [Hess 1992; Fulop et al. 1998; Guion et al. 2004; Starwalt 2008]:

- (a) the magnitude of the first formant;
- (b) the first formant bandwidth;
- (c) spectral flatness (the normalized relative intensity of the first to the second formant);
- (d) the spectral center of gravity (the measure of the mean of the frequencies of the sound's spectrum over a specific domain).

Data for this paper were collected in the field from six male Akebu speakers, each of whom provided 30 productions (10 words * 3 repetitions) of each vowel that yielded a total of 1980 vowel tokens (30 productions * 11 vowels * 6 speakers).

Irina S. Ryabova

Institute of Linguistics RAS, irinaryabova2007@rambler.ru

THE ADVERB IN DABIDA (BANTU)

Dabida (*kidabida*) is a minority Bantu language (E 74a) spoken in the South East of Kenya by about 300 000 people. The data come from author's work with two Kenyan students in Moscow who are native speakers of Dabida.

The primary adverbs are few but their semantics is extremely varied: *hao* 'where', *toe* 'always', *idana* 'now', *tu* 'only'.

Secondary adverbs are the following: 1. Denominal adverbs with the prefix *ki-*, added to the noun: *king'ondi* 'like a sheep' < *ng'ondi* 'sheep'. 2. Composite adverbs originated in word combinations: *andwamweri* 'together' < *andu* + *amweri* 'place one' (the modern form: *andu kumweri*). 3. Reduplicated adverbs formed from fully reduplicated nouns, adjectives or primary adverbs: *loli* 'truth' > *loliloli* 'really', *mboa* 'quiet' > *mboamboa* 'slowly'. 4. Converted adverbs derived

from various class of words; they constitute the most numerous and semantically varied group: *imbiri* ‘front’ > *imbiri* ‘at first’, *kutua* ‘an end’ > *kutua* ‘at last’, *kima* ‘silence’ > *kima* ‘silently’.

The most productive pattern of the converted adverb derivation is the demonstrative and possessive pronouns in class 16 (locative) that turn into adverbial modifiers: *andu kwapo* ‘place mine’ > *kwapo* ‘at my place, at my home’, *andu aja* ‘place that’ > *aja* ‘there’.

Combinations of nouns with the conjunction/ preposition *na* ‘and, with’ can also serve as adverbial modifiers: *iseghe* ‘speed’ > *na iseghe* ‘quickly’, *ndighi* ‘force’ > *na ndighi* ‘very, strongly’.

As a rule, the adverb functions in the sentence as a modifier: *Shimba ikafwa ahoeni* ‘Lion died there’. It also can be part of a nominal predicate: *neko aha* ‘I-am here’.

Neige Rochant

Sorbonne Nouvelle University; CNRS LaCiTO; LLACAN
neige.rochant@icloud.com

THE NOUN INFLECTION CLASS SYSTEM OF BAGA PUKUR, AN ATLANTIC LANGUAGE OF GUINEA

Baga Pukur is an undescribed language belonging to the Nalu group of the Northern Atlantic branch (Pozdniakov & Segerer 2017), spoken by a few hundred adults in Guinea and no longer passed on to young generations. Baga Pukur is one of the rare Atlantic languages which feature no agreement in class (Pozdniakov & Creissels 2015), so its noun inflection affixes are not correlated to any agreement patterns. Consequently, we cannot speak of a noun class system. However, the existence of relatable noun classes and nominal affixes in other Atlantic languages suggests that the Baga Pukur noun inflection system results from the erosion of an original noun class system. As a consequence of being disconnected from any agreement patterns, the noun inflection affixes system of Baga Pukur seems to have complicated to become one of the most complex of the Atlantic family. This

system, which is made of affixes marking singular and plural in all contexts, is hybrid in many ways, e.g.:

- It is composed of prefixes as well as suffixes, very often combined together. Resulting circumfixal class marking is very rare typologically, within the Atlantic family (Creissels 2015) and the Niger-Congo phylum (Creissels 2001). Some classes are also marked by internal vowel alternations.

- Classes are marked by affixes, initial consonant alternations characteristic of the Northern Atlantic branch (Pozdniakov 2015), or combinations thereof.

- There are various prefixes, but practically only one suffixal morpheme, which is suffixed up to three times in a row in some classes and seems to have lexicalized as part of the root of an extensive number of nouns.

- Classes vary in degree of semantic motivation, productivity and number of lexemes and combinations with other classes.

The peculiarities of this system will be described in detail based on first-hand collected data.

References

- Creissels, D. (2001) “Les systèmes de classes nominales des langues Niger-Congo: prototype et variations”. In: *Linx. Revue des linguistes de l’université Paris X Nanterre* 45, p. 157–166.
- Creissels, D. (2015) “Typologie des classes nominales dans les langues atlantiques”. In Pozdniakov & Creissels 2015, p. 6–57.
- Pozdniakov, K. & D. Creissels, eds. (2015) *Les classes nominales dans les langues atlantiques*. Köln: Rüdiger Köppe.
- Pozdniakov, K. (2015) “Diachronie des classes nominales atlantiques: morphophonologie, morphologie, sémantique”. In Pozdniakov & Creissels 2015.
- Pozdniakov, K. & G. Segerer. (2017) “A Genealogical classification of Atlantic languages”. In: *The Oxford Guide to the Atlantic languages of West Africa*. F. Lüpke (ed). Oxford: Oxford University Press.

Sara Pacchiarotti

Ghent University, sara.pacchiarotti@ugent.be

Koen Bostoen

Ghent University, koen.bostoen@ugent.be

THE WEST-COASTAL BANTU VELAR MERGER AND ITS EVOLUTIONS:
GENEALOGICAL DIAGNOSTICITY AND LEXICAL DIFFUSION

In this paper we examine the evolution of the Proto-Bantu velar stops *g and *k in C(onsonant) 1) and C(onsonant) 2) position in one major clade of the Bantu family, i.e. West-Coastal Bantu (WCB) aka West-Western Bantu (Vansina 1995; Bastin et al. 1999; Grollemund et al. 2015; Pacchiarotti et al. 2019). We claim that these Proto-Bantu (PB) stops had already undergone a partial phonemic merger in the most recent common ancestor of WCB through the intervocalic devoicing of *g. Furthermore, we show that: (i) the merged reflex of PB *g and *k underwent subsequent innovations that are diagnostic for the internal classification of WCB; (ii) these later innovations rarely targeted all relevant words in the lexicon of WCB daughter languages; and (iii) the innovation of uvular/velar fricatives could be a contact-induced areal feature, possibly through substrate interference of extinct hunter-gatherers' languages. This research sheds new light on a longstanding problem within Bantu/Niger-Congo historical linguistics, i.e. the so-called “double (consonantal) reflexes”. In several northwestern Bantu languages, certain PB consonants have two or more distinct reflexes without any clear phonological conditioning. This problem has been accounted for by two mutually exclusive diachronic explanations: phonemic merger, i.e. Proto-Bantu had more consonantal series than those reconstructed but these merged in most daughter languages, vs. phonemic split, i.e. there was a phonological conditioning for the occurrence of two different consonantal series in PB which was lost in all daughter languages (Janssens 1993). In this paper we argue for the first time for lexical diffusion, i.e. some sound changes are phonetically abrupt but lexically gradual (Wang 1969; Labov 1981; Labov 1994: 421-543; Campbell 1998: 198-200, inter alia), as the

most plausible explanation for the multiple unconditioned reflexes of Proto-WCB *k in C2.

References

- Bastin, Yvonne, André Coupez & Michael Mann. 1999. *Continuity and Divergence in the Bantu Languages: Perspectives from a Lexicostatistic Study*. Tervuren: Royal Museum for Central Africa.
- Campbell, Lyle. 1998. *Historical Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Grollemund, Rebecca, Simon Branford, Koen Bostoen, Andrew Meade, Chris Venditti & Mark Pagel. 2015. "Bantu Expansion Shows That Habitat Alters the Route and Pace of Human Dispersals". *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 112.13296-13301.
- Labov, William. 1981. Resolving the Neogrammarian controversy. *Language* 57.2.267-308.
- Labov, William. 1994. *Principles of Linguistic Change, Internal Factors* (Language in society 20). Oxford; Cambridge: Wiley-Blackwell.
- Pacchiarotti, Sara, Natalia Chousou-Polydouri & Koen Bostoen. 2019. "Untangling the West-Coastal Bantu Mess: Identification, Geography and Phylogeny of the Bantu B50-80 Languages". *Africana Linguistica* 25.t.b.a.
- Vansina, Jan. 1995. "New Linguistic Evidence and the Bantu Expansion". *Journal of African History* 36.173-195.
- Wang, William. 1969. "Competing sound changes as a cause of residue". *Language* 45.9-25.

Выдрин Валентин Феодосьевич

INALCO – LLACAN (CNRS UMR-8135) – СПбГУ, vydrine@gmail.com

УСКОЛЬЗАЮЩЕ-ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ: О ДОЛГОТНЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯХ В БАМАНА

Давно известно, что в языке бамана (< группа манден < семья манде < нигер-конго) вокалические долготные противопоставления существуют только в неконечных слогах. Специальное исследование этого вопроса позволило внести существенные уточнения и дополнения.

Во-первых, позиция релевантности долготных противопоставлений – это первый слог двусложной стопы (т.е. значимыми оказываются не словесные границы, а к стопным – хотя во многих случаях те и другие совпадают).

Во-вторых, вокалическая долгота оказывается возможной в бамана и в других позициях, однако там она оказывается обусловленной позиционно и, таким образом, фонологически незначимой.

В-третьих, в позиции релевантности (т.е. в неконечном слоге двусложной стопы) вокалическая долгота оказывается не всегда устойчивой. Инстру-

ментальное исследование речи пяти носителей бамана (выходцев из разных областей баманаязычного ареала) показало существенные различия:

а) по составу слов, в которых обнаруживается фонологически релевантная долгота;

б) по соотношению долготных характеристик первого и второго слогов в таких стопах, первый слог которых может быть признан долгим (т.е. в «тяжёлых стопах»).

Углублённое инструментальное исследование имеет целью провести более систематическую проверку устойчивости (или неустойчивости) долгих гласных первого слога стопы. Для этого был составлен близкий к исчерпывающему список слов с такими гласными в бамана (всего около 200). Эти слова были записаны в произношении трёх носителей языка бамана; в ближайшее время планируется сделать запись ещё нескольких человек. После этого будет проведён инструментальный анализ, с использованием программы Praat; результаты этого анализа будут представлены в докладе.

Дубнова Елена Зиновьевна

Berlitz School Jerusalem, lenadubnova@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СЛОВ В ЛЕКСИКЕ АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ ЯЗЫКОВ КИНЬЯРУАНДА И СОМАЛИ)

1. Переразложение, т.е. часть корня становится служебной морфемой, или наоборот, артикль становится частью корня при заимствовании, например: в языке руанда (киньяруанда) слово *igi-tabo* ‘книга’, происходит от арабского *kitab*, в языке руанда *igi-* является префиксом класса, и множественное число этого слова образуется по правилам данного класса: *ibi-tabo*. (и весь согласовательный ряд по правилам данного класса). В языке сомали при заимствовании из арабского языка артикль стал частью корня: араб. *al-bab* ‘дверь’, *al-*, определенный артикль в арабском, в сомали стал частью корня, и слово получило сомалийский артикль *-ka*: *albaab-ka* ‘дверь’.

2. Образование нового корня путем соединения двух корней и семантического сдвига, например: в языке сомали слова арабского происхождения были вытеснены сомалийскими неологизмами с соответствующими значениями, например: *magaalamadaх* ‘столица’ (букв. Город + голова), *madaхweyne* ‘президент’ (букв. ‘голова + большая’),

Magaalajoogхimo ‘хулиганство’ (букв. ‘город + находиться’, ‘стоять + плохо’), *wargeys* ‘газета’ (букв. ‘новость + несущий’),

В языке руанда : *amajyambere* ‘прогресс’ (букв. ‘хождения + впереди’, префикс данного класса всегда указывает на значение множественности).

В последние годы наблюдаются изменения в языковой политике в Руанде, в связи с чем также меняется отношение к модернизации лексики.

Желтов Александр Юрьевич
СПбГУ; МАЭ РАН, ajujeltov@mail.ru

ОБ ИМЕННОЙ МОРФОЛОГИИ ЯЗЫКОВ ГРУПП ЛЕКО И ЙЕНДАНГ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ АДАМАУА

Языки адамауа представляют собой одну из наиболее дискуссионных семей в составе макросемьи нигер-конго, и, в этом контексте, начинают привлекать все больше внимания со стороны лингвистов. Причем, как свидетельствуют материалы первой международной конференции по языкам адамауа, некоторые группы языков адамауа обнаруживают параллели не только между собой, но и с языками гур и бенуэ-конго. В этой связи, именная морфология, играющая важную роль в сравнительно-историческом изучении языков нигер-конго, оказывается важным элементом анализа. Группы леко и йенданг, которые автор изучал в составе петербургской лингвистической экспедиции в провинцию Адамауа в Нигерии, демонстрируют существенно более бедный инвентарь именной морфологии, чем классические системы нигеро-конголезских именных классов, кумулятивно выражающих категории именной классификации и числа. Именно эти категории находятся в центре вни-

мания данного доклада. В докладе представлен материал языков леко и ньонг (группа леко), майя, вака, кугама (вам), крашам (сам), йенданг (группа йенданг), а также ставится вопрос о возможном разграничении рудиментарных и инновационных элементов именной морфологии этих языков. Собраны также сведения о наличии согласовательных парадигм именных категорий. Представленный материал анализируется в контексте типологических особенностей категории числа и класса (рода). Автор попытался собрать все доступные сведения об именной морфологии данных групп, как представленные в литературе и открытых интернет источниках, так и собранные в ходе полевой работы.

Позднякова Виктория Андреевна

Институт языкознания РАН, victoria_poz@hotmail.com

СИСТЕМА ИМЕННЫХ КЛАССОВ И СЕРИИ МЕСТОИМЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ГИНЬАНГА¹

В докладе предлагается описание местоименных серий языка гиньянга (< тано-гуанг < ква, Того). Поскольку язык практически не изучен, все выводы сделаны на основе данных экспедиции в деревню Агбанди (Того, префектура Блитта) в январе-феврале 2019 года и имеют предварительный характер.

В гиньянга представлена система из 7 именных классов, из которых 2 сингулярные, а 5 – плюральные. В одном из сингулярных классов также выделяется два морфологических подкласса, по-видимому, не различающихся согласовательной парадигмой. Классы маркируются именными префиксами. По именовому классу различается базовая серия местоимений, выполняющая посессивные и эмфатические функции, а также объектное местоимения 3 лица.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Языки Западной Африки: описание и сопоставительный анализ» по гранту РФФИ № 17-78-20071.

Таблица 1. Серии местоимений гиньянга¹

	Число	Префикс сущ.	Базовая серия	Объектн. мест. (Агбанди)	Объектн. мест. (Дигина)
I	Sg	ɔ-/o-, e-, Ø-	ma/me	a (wa/ma) / e (we/me)	a (wa/ma) / e (we/me)
II	Pl	a-	mɔ	mɔ	mɔ
III	Pl	e-	mɔ	mɔ	mɔ / eya
IVa	Sg	ga-	gɔ	gɔ	gɔ / eya
IVб	Sg	gə-			
V	Pl	n-	ɲma	ɲma	eya
VI	Pl	a-	awa	awa	awa / eya
VII	Pl	e-	ma	eya	awa / eya

В посессивном контексте местоимения располагаются слева от вершинной именной группы. Эмфатические (самостоятельные) местоимения используются при топикализации и сочинении. Примеры (1а-б) иллюстрируют использование базовой серии в посессивном, 2 (а-б) – в эмфатическом контексте. Поскольку субъект выражается глагольным префиксом, субъектные местоимения в гиньянга отсутствуют.

- (1) а) *ɔ-ci-a ga-tə-ma, ma ga-tə-ma*
 I-женщина-DEF IV-дом-DEF, I.POSS IV-дом-DEF²
 ‘Дом женщины, ее дом.’
- б) *a-wul ga-tə-ma, mɔ ga-tə-ma*
 II-шеф-DEF IV-дом-DEF, II.POSS IV-дом-DEF
 ‘Дом шефов, их дом.’
- (2) а) *ɔ-ci-a ni, ma ni*
 I-женщина-DEF COP, I.EMPH COP
 ‘Это женщина, это она.’

¹ Поскольку тонология гиньянга на данный момент изучена в недостаточной степени, здесь и далее языковой материал приводится без тональной маркировки.

² Сокращения: 1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; I, II, III, IV, V, VI, VII – показатели именных классов; DEF – артикль; IPFV – имперфектив; OBJ – объектное местоимение; POSS – показатель посессивности; PFV – перфектив; PL – мн. число; SG – ед. число.

- б) *a-wul ni, тэ ni*
 II-шеф COP, II.EMPH COP
 ‘Это шефы, это они.’

Объектные местоимения выступают в синтаксической позиции прямого дополнения.

- (3) а) *n-wi э-ci, n-wi e*
 1SG.IPFV-видеть I-женщина, 1SG.IPFV-видеть I.OBJ
 ‘Я вижу женщину, я ее вижу.’
- б) *n-wi а-ηап, n-wi тэ*
 1SG.IPFV-видеть II-человек, 1SG.IPFV-видеть II.OBJ
 ‘Я вижу людей, я их вижу.’

Объектное местоимение первого сингулярного класса может принимать вид *a/wa/ta* или *e/we/me* в соответствии с правилами гармонии и чередований.

При работе с носителями из двух соседних деревень, Агбанди и Дигина, была обнаружена предположительно диалектная вариативность в выборе местоимений, отраженная в Таблице 1.

Предположительно, информанты из Дигина опираются при выборе местоимения не на формальные критерии (классный префикс существительного), а на семантические (например, одушевленность антецедента).

- (4) а) *n-wi е-уэwэl, n-wi тэ*
 1SG.IPFV-видеть VII-тело, 1SG.IPFV-видеть II/III.OBJ
 ‘Я вижу тела (живые), я их вижу.’
- б) *n-wi е-уэwэl, n-wi аwа*
 1SG.IPFV-видеть VII-тело, 1SG.IPFV-видеть VII.OBJ
 ‘Я вижу тела (трупы), я их вижу.’

V-2-b. Verbal Systems, Typology, Syntax
Глагольные системы, типология, Синтаксис

Mengistu Amberber

University of New South Wales Sydney, Australia, m.amberber@unsw.edu.au

MODALS AND THE IMPERSONAL CONSTRUCTION IN AMHARIC

The paper examines modals of possibility and necessity (Palmer 2001) in Amharic. In particular, it will investigate the Amharic verb *tʃalə*. This verb corresponds to the English modal ‘can’ in its many uses expressing ‘ability’, ‘possibility’, and ‘permission’ (Leslau 1995). Thus, the construction in (1) can be ambiguous expressing possibility or (physical) ability. However, when the verb occurs in the impersonal construction (Malchukov & Siewierska 2011) where the agent argument is cross-referenced by an object/oblique agreement marker, it expresses the meaning of ‘possibility’ only. Thus, the verb *jiʃaləwal* in (2), while marked for the 3rd person masculine subject agreement, the subject of the clause is a pleonastic ‘it’. Compared to (3), it would seem that (2) is a rather odd way of saying ‘Lemma can drive a car on this road.’ However, there is a subtle but important difference in interpretation. In (3) it is simply asserted that the agent (‘Lemma’) has the capacity to carry out the event. In fact, (3) can have a ‘permissive’ interpretation, i.e., ‘Lemma is permitted to drive a car on this road’. In (2), on the other hand, the focus of the sentence is the extent to which it is possible to drive on that particular road. The paper shows how the availability of this interpretation of the verb may explain the discrepancy between the Amharic and Italian versions of an important treaty (Rubenson 1964).

Examples

(1) *ləmma məwəŋŋət yi-tʃil-al*

Lemma INF.swim 3MS.IMP-can-AUX.3M

‘Lemma can swim.’

(2) *ləmma bə-zih məngəd məkina ji-tʃal-əw-al*

Lemma on-this road car IMP.3M-can-3MO-AUX.IMP

‘It is possible for Lemma to drive a car on this road.’

(3) *lamma bə-zih mængəd məkina ji-tfil-al*

Lemma on-this road car IMP.3M-can-AUX.IMP

‘Lemma can drive a car on this road.’

References

Leslau, W. 1995. Reference Grammar of Amharic. Harrassowitz, Wiesbaden.

Malchukov, A. and Siewierska, A. (eds.). 2011 Impersonal Constructions: A Cross-Linguistic Perspective. John Benjamins: Amsterdam.

Palmer, F. R. 2001, Mood and Modality, Cambridge Textbooks in Linguistics, 2nd ed, Cambridge University Press.

Rubenson, S. 1964 The Protectorate Paragraph of the Wichale Treaty. Journal of African History, 2:243-283.

Vadim Dyachkov

Institute of Linguistics RAS, hyppocentaurus@mail.ru

LOGOPHORIC PRONOUNS, QUOTATIVES AND CLAUSAL ARCHITECTURE IN TOMO KAN DOGON¹

The talk considers logophoric pronouns and quotative markers in Tomo Kan (< Dogon < Niger Congo). When used in narrative texts, quotatives mark the direct speech. Unlike in many other Dogon languages, cf. [Culy, Kodio & Togo 1995; Heath 2008; McPherson 2013], Tomo Kan quotative marker is prepositive and not postpositive.

(1) *ká*   *lá*   *l-è:*   *gál-lèⁿ*
put.PFV-CH   QUOTLOGO   spend.night.PFV-CH   pass-NMLZ

[He said]: ‘I am to spend the night here’.

ká   *hàyá*   *kwé*
QUOT   well   OK

[The other man said]: ‘OK, good’.

---

¹ This study was supported by the Russian Science Foundation, project 17-78-20071 “Languages of West Africa: description and comparative analysis”.

The singular logophoric pronoun is *lá* and the plural is *lé*. They are used if the subject of the clause containing reported speech is co-indexed with the participant whose speech is reported. They can occupy the position of clausal subject and bind reflexives like ordinary subjects (2). Subject can be also a constituent marked by the Locative postposition (3).

(2) *ká*   [*là_i*   *há_i*   *nùmɛⁿ-ì.ⁿ*   *cwèlè*]   *húlí*
 QUOT   LOGO REFL   hand-DIM   cut.PFV   tell.PFV
 ‘He_i told that he_i cut his finger’.

(3) *á:màdù*   *ká*   [*sè:dù_i*   *wá*   *hà_i*   *nàʔà*   *jù:-má*]
 Am.   QUOT   S.L   LOC REFL   cow   eat-MOD
 ‘Amadou told Seydou_i to feed his_i cow.’

My talk is aimed primarily at the description of the phenomenon in question and its most important structural features. First, I will try to define the syntactic status of logophors and Locative subjects and show that they can be generated in positions higher than the subject of the reported speech clause. Second, I will discuss the problem of whether Locative subjects are indeed Locatives or they can be treated as separate entities, as proposed in [Léger 1971].

The data were collected during my fieldwork in Mali and Burkina Faso in 2011–2018.

References

- Culy, C., Koungarma K., Togo P. Dogon pronominal systems: their nature and evolution. *Studies in African linguistics* 23.3 (1995): 315-344.
 Heath, J. A grammar of Jamsay. Vol. 45. Walter de Gruyter, 2008.
 Léger, J. Grammaire dogon: Tomo-kan. Bandiagara, 1971.
 McPherson, L. A grammar of Tommo So. Vol. 62. Walter de Gruyter, 2013.

ADNOMINAL REASON CONSTRUCTIONS IN GBAN¹

Gban, a South Mande language of Côte d’Ivoire, has several grammatical means to encode reason/cause semantics (‘because of’) adnominally. I am going to present a description of these means, including their morphosyntactic, semantic, and pragmatic features. The study is based on my own field data collected in 2011–2019.

The following means has been attested:

1) The principal marker: the specialized postposition *lě* ‘because of’ (cognate with the noun *lě* ‘business, story, talk’), cf. (1)–(2) (seemingly cannot be used to express an inanimate participant of an immediate causal situation; in such cases *kɔ̃* is used instead, cf. (4));

2) Less frequent: comitative-instrumental postposition *yě* ‘with’, cf. (3);

3) Less frequent: locative-possessive postposition *kɔ̃* ‘at’ (cognate with the noun *kɔ̃* ‘palm, hand’), cf. (4);

4) Construction “**X-á gá lě**” (lit. “(because) let X not die”) expresses positive evaluation of the consequent situation (‘**thanks to X, ...**’), cf. (5).

(1) *Gwlé lě, ù gɔ̃ sɔ̃ɔ̃.*
rain because 1PL² IPFV\stay yard:in
‘We’re staying at home **because of** the rain’.

(2) *Ǻ yǎkǎ lě, é yä gwĩ gwĩ-ò.*
him shame because 3SG\PST go\PFV.PREH flee[INF] hole-in
‘**Out of** shame, he [Spider] left to hide in a hole’.

---

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant # 18-18-00472 “Causal Constructions in World Languages (Semantics and Typology)”.

² Abbreviations: 1/2/3 – first/second/third person, FOC – subject focus marker, FOC_OBJ – object focus particle, HEST – hesternal (past), HOD – hodiernal (past), INF – infinitive, IPFV – imperfective, NEG – negation, PFV – perfective, PL – plural, PREH – pre-hesternal (past), PST – past, SBJV – subjunctive, SG – singular.

- (3) ^{OK} *é* *gbèǎ* *lě̀lì* *yě́*.
 3SG\PST fall[PFV.HOD] stupid with
 ‘He fell down **by** foolishness’ (French «par sottise»).
- (4) *é* *gà* *dú* *kǒ* /# *lě́*.
 3SG\PST die[PFV.HOD] spear palm because¹
 ‘He died **of** a spear [during war] [an enemy’s spear hit him and he died]’.
- (5) *Sòkù* *Ø-lè-ǎ* *gǎ́*, **(lě́)* *wì=è* *yí=ě́* *yè!*
 Soku 3SG-FOC-SBJV.NEG IPFV\die because 1PL=IPFV\be water=with here
 / *Wì=è* *yí=ě́* *yè*, *Sòkù* *Ø-lè-ǎ* *gǎ́* **(lě́)!*
 1PL=IPFV\be water=with here Soku 3SG-FOC-SBJV.NEG IPFV\die because
 ‘We’re alive **thanks to** Soku! [He saved us from grave danger]’.

Maria A. Kosogorova

IAAS MSU / Institute of Linguistics RAS, maria.kosogorova@gmail.com

NON-VERBAL CLAUSE STRUCTURE IN PULAR²

Non-verbal clauses in Pular, a Guinean variety of Fula language, are a common (Dryer 2007: 224) set of three types of predicates. One is nominal, the other two are locative and adjectival. The presentation aims to demonstrate the difference and similarities in the structure of these three types. As there is no verb, a copula is used instead, however, there is a different copula for a clause with a nominal predicate. Also there is a special pronoun series, which incorporates a copula and can be used in non-verbal clauses. And thirdly, the word order for a non-verbal clause is somewhat different from the usual SVO order. All of these circumstances are discussed in the first part of the presentation, which aims to separate the three types of non-verbal predicates. And the second part of the presentation deals with a so-called *durative* analytical verb aspect, which contains the same type of copula and a stative verb. This aspect shares some other

¹ *lě́* would be felicitous if the cause were **indirect** – e.g. if he wanted to lean on his spear, but it broke, so an enemy’s shot hit him and he died, *because of* his spear that broke.

² This study was supported by the Russian Science Foundation, project 17-78-20071 “Languages of West Africa: description and comparative analysis”.

properties with the non-verbal clause, which makes me suggest it to be very closely related to the latter, although containing a verb.

References

Dryer, Matthew S. Clause types. In: Shopen, Timothy (ed.). *Language typology and syntactic description*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 224-276.

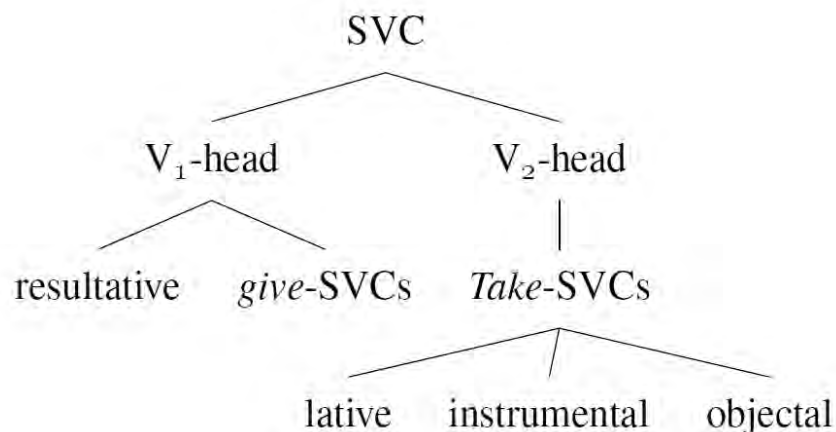
Jakob Maché

Universidade de Lisboa, Jakob.Mache@letras.ulisboa.pt

SERIAL VERB CONSTRUCTIONS IN WEST BENUE-CONGO

In this presentation, it will be demonstrated how the taxonomy for serial verb constructions (SVCs) in Kwa proposed by Shluinsky (2017) can be extended to the neighbouring West Benue Congo languages. The most frequent SVCs can be considered either as *take*-SVCs such as Yorùbá *fì, dá* and *mú* (cf. Awóbùlúyì 1967, Stahlke 1970, Bamgbos.e 1974: 19–21), Èdó *yá, lòó* and *rhié* (cf. Agheyisi 1986: 270, Ogie 2009: 231–234), Ìgbò *jì* and *wè* (cf. Déchaine 1993: 809–812), Nupe *lá* cf. (Madugu 1985: 314–316), Ọkọ *fò*. (Atoyebi 2009: 267–260) and Yatye. *awá* (Idomoid, Stahlke 1970: 61); or they can be considered as *give*-SVCs such as Yorùbá *fún, bún* and *ta*, Ìgbò *nyè* (cf. Déchaine 1993: 809–812), Nupe *yà* (Madugu 1985: 304) or Ọkọ *né*. (Atoyebi 2009: 269,275).

Integrating Shluinsky’s (2017) taxonomy in Déchaine’s (1993) classification into SVCs which are headed by the first verb (V_1) and into SVC headed by the second verb (V_2), I yield the scheme illustrated below.

This integrated taxonomy would also account for the behaviour of resultative SVCs, which are another frequent type and which have not yet been considered in Shluinsky's investigation (Collins 1997, Ogie 2009: 235–239).

Following Lefebvre (1991), I assume that SVCs are already formed in the lexicon as complex predicates. In his HPSG analysis for resultatives and particle verbs, Müller (2002: 240–247, 340–354) assumes that there is a lexicon rule that transform simple unergative, unaccusative and transitive verbs into that select predicates with a subject. Likewise, I will show that V_1 headed SVCs are analysed most efficiently in terms of lexical rules that transform the V_1 into predicates that select an additional verb V_2 whose arguments will be shared. This will reflect the fact that all the SVCs discussed are asymmetric and that they even have restrictions for slot designated to the more lexical verbs.

References

- Agheyisi, Rebecca N. (1986). "Verb serialization and lexical reanalysis: the case of compound verbs in Edo". In: *Studies in African Linguistics* 17.3, pp. 269–282.
- Atoyebi, Joseph Dele (2009). "A reference grammar of Ọ̀kọ". PhD thesis. Universität Leipzig.
- Awóbùlúyì, Oladélé (1967). "Studies in the syntax of Standard Yoruba". PhD thesis. New York: Columbia University.
- Bamgboṣe, Ayo. (1974). "On serial verbs and verbal status". In: *The Journal of West African Languages* 9.1, pp. 17–48.
- Collins, Chris Thad (1997). "Argument Sharing in Serial Verb Constructions". In: *Linguistic Inquiry* 28.3, pp. 461–497.
- Déchaine, Rose-Marie A. (1993). "Predicates across categories". PhD thesis. Amherst: University of Massachusetts.
- Lefebvre, Claire (1991). "'Take' serial verb constructions in Fon". In: *Serial verbs: Grammatical, comparative and cognitive approaches*. Ed. by Claire Lefebvre. Amsterdam: John Benjamins, pp. 37–78.
- Madugu, Isaac S. George (1985). "Complex verbs in Nupe and Yorùbá". In: *Studies in African Linguistics* 16.5, pp. 295–321.
- Müller, Stefan (2002). *Complex predicates: verbal complexes, resultative constructions and particle verbs in German*. Stanford, CA: CSLI.
- Ogie, Ota (2009). "Multi-verb constructions in Èdó". PhD thesis. Trondheim: Norwegian University of Science and Technology.
- Shluinsky, Andrey. (2017). "An intragenetic typology of Kwa serial verb constructions". In: *Linguistic Typology* 21.2, pp. 333–385.
- Stahlke, Herbert F. W. (1970). "Serial verbs". In: *Studies in African Linguistics*

Daria Mishchenko

Institute for Linguistic Studies RAS / Museum of Anthropology and Ethnography
RAS, zenitchiki@yandex.ru

**LOOMA REASON/CAUSE MARKERS
BETWEEN MONO- AND POLYPREDICATIVITY**

This talk proposes an overview of the means of expressing causal relations in Looma, a South-Western Mande language spoken in Guinea and Liberia. The study draws upon the data of a central Guinean dialect Woi-Bhalaga collected by the author, as well as on the scarce evidence from the grammars of other Guinean [Prost 1967; Wilhoit 1999] and Liberian dialects [Sadler 1949/2006].

One of the most interesting facts about causal constructions in Looma is that there is no clear delineation between the means introducing predicative and nominal reasons. First, postpositions used to introduce a nominal reason can be used as well to introduce a reason expressed by a clause, cf. (1) and (2):

- (1) *Àkóy ké-vè [gòò-y mà vélé mà].*
Akoí 3SG.PI\do-RES 1SG.PI\voice-DEF because.of
'Akoí did it because of my saying.'
- (2) *É zébé-yá [é kálí wòlá mì mà vélé mà].*
3SG.BASE be.ill-PRF 3SG.BASE REF\fish.DEF be.bigeat_{TR} because.of
'He got sick, since he had eaten too much fish.'

Second, some postpositions of cause, including *mà vélé mà* mentioned above, combined with a causal conjunction *tózéy*, form complex causal markers. These markers can introduce both a clause and an NP, too:

- (3) *É zébé-yá [tózéy é kálí wòlá mì mà vélé mà].*
3SG.BASE be.ill-PRF because 3SG.BASE REF\fish.DEF
be.bigeat_{TR} because.of
'He got sick, since he had eaten too much fish.'

- (4) [Tóžéy díé-gí mà vélé mà] gí yè-gè kóyzú.
 because REF\heat-DEF because.of 1PL.BASE stay-RES home
 ‘Because of the heat, we stayed home.’

The talk will address such issues as etymology of different reason/cause markers in Looma, probable grammaticalization paths that could lead to the observed situation, the range of the verbal forms which can be used in causal clause, as well as the status – dependent or independent – of such a clause itself.

References

- Prost 1967 – Prost A. La langue Lóghôma. Esquisse grammaticale suivie de textes et d'un glossaire. Université de Dakar, Documents linguistiques, 13, 1967.
 Sadler 1949/2006 – Sadler W. A complete analysis of the Looma language // Mandenkan 42, 2006. P. 5–109.
 Wilhoit 1999 – Wilhoit L. K. A Principles and Parameters Approach to Loma Grammar. Ph.D. Dissertation. The University of Texas at Arlington, 1999.

Aurore Montébran

LLACAN-INALCO (Paris), UNIOR (Naples), aurore.montebran@gmail.com

IMPERATIVE AND NEGATION: PROHIBITIVE CLAUSES IN ATLANTIC LANGUAGES

This paper investigates into the field of negation of imperative clauses in Atlantic languages (Niger-Congo), and is a contribution to the actual typological trend in linguistics exploring negation cross-linguistically.

Atlantic languages are an under-described group, whose verbal morphology has already been pointed out for its complexity indeed, TAM-systems and negation often combine to propose a large diversity of negative strategies. This talk will focus on the interactions between the imperative mood and negation with the double purpose: the description of the prohibitive structures and their classification from a typological perspective.

Typological studies on negation already established the specificity of prohibitive structures, and the need for further research on it. This study is the first exploring the synchronic variation of imperative and prohibitive structures in

details in the Atlantic group. For this purpose, data were collected in the field, but examples also come from previously published grammar.

The structure of the talk is based on a comparative perspective on the prohibitive strategies. The analysis will consider the differences between prohibitive and standard verbal negation in each language, and will also tend to establish the general features of prohibitive clauses in the Atlantic languages.

In the first part of the talk, the prohibitive structures can be analyzed on the basis of the nature of their negative marker, and/or on the basis of their properties as an entire structure.

In the following parts, the structural properties of prohibitive clauses will be defined by confronting their similarities and differences with imperatives clauses on the one hand, and with the standard negation on the other hand.

Following Miestamo's terminology, this study tends to provide a comprehensive synthesis of the different negative strategies involved by prohibitive clauses in Atlantic languages, and make them comparable to further typological studies.

References

- Auwers van der, J. 2010. Vers une typologie du prohibitif. In Floric, F. & Lambert-Bretiere, R. (eds.), *La négation et les énoncés non susceptibles d'être niés*, 155–172. Paris: CNRS Éditions.
- Miestamo, M. 2005. *Standard negation: the negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective* (Empirical Approaches to Language Typology 31). Berlin, Allemagne: Mouton de Gruyter.
- Miestamo, M. 2010. Negatives without negators. In Wohlgemuth, J. & Cysouw, M. (eds.), *Rethinking universals: How rarities affect linguistic theory*, 169–194. Berlin: Mouton de Gruyter.

PRONOUNS WITH SÉ: LOROPHORIC STRATEGY IN SAN-MAKA

San Maka (< Eastern Mande < Mande < Niger-Congo) uses a peculiar strategy of coding other person's (reportative) speech, which "deviate from the traditional ideals of 'direct' and 'indirect' speech" (Evans 2012: 66). This strategy deals with the specific use of pronouns combined with the emphatic particle *sé*. The presentation shows that reportative speech constructions which use this particle are, in fact, close to logophoric constructions.

Pronouns in San have no gender distinctions, so the reference of the participants may be unclear. For example, in (1), the particle *sé* definitely points to the speaker (the wife), as an object of a supposed fun on the part of her husband.

yáā Sěě̀ t̀nt̀rà k̀è n̄ ān t̀óá:
then Sien youth this IPF REFL exclaim.IPF
m̀ ān bā k̄n̄ bóé ān dà à-sé lī wā-ā?
that 2SG IPF.NEG marry become-IPF 2SG put-PRF 3SG-EMPH near NEG-Q

'Then the youth from Sien exclaimed: "Won't you marry me and live with me?"' (Platiel 1974: 11)

The reportative speech in San-Maka is characterized by the following type of reference: the reported listener is coded by 2Sg personal pronoun *ān* (*ñ*), according to internal communicative situation (similar to "direct speech constructions" in European languages); the reported speaker is marked by *à-sé* (3Sg + *sé*) according to external communicative situation (like in "indirect speech constructions").

If *à-sé* were analysed as a combination of the 3Sg pronoun with the emphatic particle *sé*, this coding strategy would have to be regarded as mixed "external-internal".

I argue that pronouns of the 3 person *àsé* (3Sg + *sé*) and *ñséh* (3Pl + *sé* + PL) behave as logophoric in reportative contexts and therefore the reportative speech

coding in San-Maka should be considered a variant of the logophoric strategy. The pronouns *àsé*, *ɲséɲ* are in the process of grammaticalization, displaying in different contexts features of either a) emphatic pronouns or b) specialized logophoric pronouns.

Kirill Prokhorov

Institute of Linguistics RAS, prokhorov.k@iling-ran.ru

TONOSYNTAX AND RIGHTWARD MOVEMENT
IN MOMBO RELATIVE CLAUSE¹

Mombo, a Dogon language of Eastern Mali, has two types of relative constructions. In one of them, the head noun accompanied by a number of modifiers occurs to left of the relative clause, which follows the general SXOV word-order pattern. The constituent inside the relative clause coreferential to the external head either remains unexpressed or is expressed by a pronominal. In the second type, the head occurs inside the relative clause. The head of the relative construction, whether it appears inside or outside the relative clause, is marked by a lowtoned melody opposed to its lexical all-high, falling or rising tone melody (depending on the lexical form of the noun). This so-called “tone-dropping” process is common to relative constructions and constructions with modifying adjectives and used extensively in other Dogon languages. In the analysis first presented by (Heath & McPherson 2013) relative clauses and adjectives are treated as tone-dropping controllers targeting the head noun to its left. From this point of view, the occurrence of the head inside the relative with all-low melody is captured as an instance of rightward/downward movement, which happens after the tone-dropping in the upper/left position applies. It is assumed that the head is base-generated outside the relative clause in a position to its left, takes the tone dropping and then moves inside the relative clause.

---

¹ This study was supported by the Russian Foundation for Basic research, project 19-312-90051 “Mombo morphosyntax in a typological prospective”.

The paper explores Mombo relative constructions providing arguments against the base-generation of the head outside the relative clause and proposes an alternative analysis where the head is first merged inside the relative clause and then copied to an upper/left position to receive the tone-dropping. The occurrence of the head inside the relative clause is understood as an outcome of the higher copy deletion, which is only possible under limited conditions.

Andrey Shluinsky

Institute of Linguistics RAS, ash1@iling-ran.ru

NON-VERBAL AND COPULAR CLAUSES IN AKEBU¹

The paper deals with non-verbal and copular clauses in Akebu, a Kwa language spoken in Togo. The research is based on our field data of recent years.

Akebu has a variety of strategies non-verbal clause formation. First, there is a number of copular verbs that introduce non-verbal predicates. The copula *l̩* is used to introduce adjectives, numerals and demonstratives as predicates.

(1) *nì-yā s̩ l̩ níni*
 person-CL this COP1 unquiet
 ‘This person is unquiet.’

(2) *má kà-kpá-ká kà-l̩ wé*
 1SG CL-shirt-CL CL-COP1 DEM
 ‘Here is my shirt.’

The copula *t̩* (*t̩í*) is used for introducing nominal predicates.

(3) *kòfí t̩í tùkàńtá-yá*
 Kofi COP2teacher-CL
 ‘Kofi is a teacher.’

---

¹ This study was supported by the Russian Science Foundation, project 17-78-20071 “Languages of West Africa: description and comparative analysis”.

The copula *kpí* (*kpíí*) is used in existential (4) and locational (5a) clauses. Locational clauses can also take verbs of posture (5b).

(4) *wōtōkòh̄-yā kpíí*
 God-CL COP3
 ‘God exists.’

(5) a. *h̄-kpíí t̄ā gú-kpá*
 1SG-COP3 in room-CL

b. *h̄-tīnī t̄ā gú-kpá*
 1SG-sit in room-CL
 ‘I am in the room.’

Second, a non-verbal copular functional word *àyá ~ á* is used in identificational clauses.

(6) *má k̄éè-yā kòjó àyá*
 1SG friend-CL Kodjo DEM.COP
 ‘Here is my friend Kodjo.’

Third, in a number of constructions non-verbal predicates can be used with no non-zero copular word. This is the case of wh-questions and clauses with a negative focal marker.

(7) *kòjó pà?*
 Kodjo where
 ‘Where is Kodjo?’

(8) *h̄k̄ā kòjó*
 ‘This is not Kodjo.’

Details on all the three strategies will be presented in the paper, and special attention will be paid on the contexts where different strategies can be used.

Alexandra Vydrina
Higher School of Economics, alexandra.vydrina@gmail.com

INFERENCEAL USE OF MORPHOLOGICALLY
EXPRESSED SENTENCE FOCUS

This talk will be dedicated to the investigation of a particular type of discourse use of utterances with the Sentence Focus (SF) pragmatic articulation in a number of African languages. SF utterances are characterized by the fact that, semantically, a whole proposition is in focus and syntactically the focus feature includes a finite clause. It is often ignored in the literature that SF utterances can play multiple roles in discourse. The presentational, ‘out-of-the blue’ utterances, answering the questions ‘What happened?’, ‘What’s new?’ are often considered as the main or even the only type of use of SF utterances. Yet, the analysis of natural texts shows that SF utterances are at least as frequently used with the so-called explicative (Sasse 1987; 1996) and the even less known inferential function, studied by (Delahunty 1995; 2001; Bearth 1997; 1999). When a SF utterance is used inferentially, the proposition is focused because it serves as an explanation or to some other state of affairs or as a justification for the preceding utterance. Crucially, it is common for these the inferential-explicative utterances to contain discourse-old information. Inferential SF are therefore important for the study of focus because their existence points out the necessity to make a clear distinction between discourse-new and focused content.

Inferentials and explicative seems to occupy a central role as a type of use of SF in various African languages that mark focus morphologically, but so far little attention has been paid to it in the literature. According to Robert (1993), in Wolof (Atlantic < Niger-Congo), the subject-focus particle *moo*, apart from subject-focus context, is used ‘out-of the blue’ SF utterances and in the explicative inferentials SF. In Swahili (Bantu < Niger-Congo), the particles *ndiyo* and *sio* are “sentential markers which still show traces of their origin in the constituent focus marking system but function independently of it as operators having in their scope the state-of affairs expressed by the sentence” (Bearth 1999: 264). In Akan (Kwa < Niger-

Congo), the focus particle *na* appears in subject focus contexts as well as in the inferential SF context (Bearth 1999: 255). In Tura (Southern Mande < Niger-Congo) the same construction is used in the context of Subject focus and various types of Sentence focus contexts including inferential (Bearth 1992). See also Vanhove (2010) on the “explanatory use” of the focus marker *raz* in Yafi’ Arabic. Finally, in Kakabe, a Western Mande language, formally the same construction with the focus particle *lè* is use in the ‘out-of-the blue’ and in explicative-inferential contexts with the focus on a finite clause as a whole. Based on the available grammaticle discriptions and on the corpus, where possible, I will compare the inferential SF uses across these languages and argue for the necessity to take into account this type of discourse use in the description of the morphologically expressed focus.

References

- Bearth, Thomas. 1992. “Constituent Structure, Natural Focus Hierarchy and Focus Types in Tura.” *Folia Linguistica* 26: 75–94.
- Bearth, Thomas. “Inferential and Counter-Inferential Markers in Swahili Dialogue.” *Afrikanistische Arbeitspapiere* 51.
- Bearth, Thomas. 1999. “The Inferential Gap Condition.” *Pragmatics* 9 (2).
- Delahunty, Gerald P. 1995. “The Inferential Construction.” *Pragmatics* 5 (3): 341–64.
- Delahunty, Gerald P. 2001. “Discourse Functions of Inferential Sentences.” *Linguistics* 39 (3).
- Robert, Stéphane. 1993. *Approche Énonciative Du Système Verbal. Le Cas Du Wolof*. Science Du Langage. Paris: Edition du CNRS.
1987. “The Thetic/Categorical Distinction Revisited.” *Linsuistics* 25: 511–80.
- Sasse, Hans-Jürgen. 1996. *Theticity*. Vol. 27. Arbeitspapiere, Neue Folge. Köln: Institut für Sprachwissenschaft, Universität zu Köln.
- Vanhove, Martine. 2010. “Deixis, Information Structure and Clause Linkage in Yafi^s Arabic.” In *Clause Linking and Clause Hierarchy: Syntax and Pragmatics*, ed. by Isabelle Bril. Studies in Language Companion Series, v. 121. Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Pub. Company.

Кузнецова Ольга Васильевна

Институт лингвистических исследований РАН, siilille@yandex.ru

ПЕРЕДАЧА ЧУЖОЙ РЕЧИ В ГУРО

В докладе будут рассмотрены особенности передачи чужой речи в языке гуру (< южные манде): кватативные маркеры, структурные особенности чужой речи использование местоимений и других дейктических элементов.

Конструкция, вводящая чужую речь, в гуру состоит из следующих элементов, каждый из которых, кроме собственно чужой речи, может быть опущен: глагол речи – адресат + *le* ‘для’ – кватативный маркер *le(e)* – чужая речь:

<i>Gàlàú</i>	<i>à</i>	<i>fí</i>	<i>Jíkíní</i>	<i>Bhòè'né</i>	<i>le</i>	<i>lee</i>
гиена	3SG.NSBJ	говорить\PFV	умный	заяц	для	QUOT

<i>í</i>	<i>biè</i>	<i>ye</i>	<i>í</i>	<i>wí</i>	<i>an</i>	<i>và.</i>
2SG.OPT	двигаться	и	2SG.OPT	звучать\PFV	1SG	у

‘Гиена сказала Заяцу: “Подойди ко мне и поздоровайся со мной!”’

В большинстве случаев в роли глагола речи выступает не глагол, обладающий полной парадигмой, а неизменяемая морфема *le*, которую, по всей видимости, следует считать омонимичным кватативному маркеру неизменяемым глаголом, прошедшим в гуру путь грамматикализации от ‘говорить’ к комплементаризеру и показателю причины и цели.

Структурные особенности передачи чужой речи в гуру состоят в неравномерном относительно прочих фрагментов текстов распределении некоторых классов слов и конструкций. Например, в устных нарративах междометия встречаются преимущественно в начале чужой речи и могут рассматриваться как дополнительное средство разграничения повествования и речи персонажей.

В гуро, как и в других языках манде, наблюдается относительно редкое грамматическое явление – логофорические местоимения, т.е. местоимения, используемые при глаголах говорения, и обозначающие лицо, чья речь пересказывается. В зависимости от комбинации используемых местоимений, в гу-ро можно выделить три способа передачи чужой речи: прямой, косвенный и смешанный.

	Говорящий	Адресат
Косвенный	логофорические	3 лицо
Прямой	1 лицо	2 лицо
Смешанный	логофорические	2 лицо

Прямой и смешанный способы передачи чужой речи, в которых используются логофорические местоимения, противопоставлены использованию местоимения 1 лица. В частности, смена типа повествования с логофорического дискурса на 1 лицо часто используется как стилистический приём в поворотных точках сюжета.

VI. Social and Political Issues Социальные и политические проблемы

Panel VI-1. Africa: State Reform Comes First

Секция VI-1. Африка: реформа государства – первоочередная задача

Convenor / Руководитель: *Nayla Mohamed Elhassan* (Sudan Academy for Administrative Studies, Khartoum)

Africa needs more so as to be an active continent in modern world. There are so difficulties now preventing Africa from playing such roles, like conflicts and wars, lack of development and economic growth etc. These issues will be solved by STATE REFORM .Public administration, as the interface between the government, civil society, the private sector and the citizens, has a key role to play. Strengthening its capacity to fulfill this role helps to ensure that public policies better satisfy people’s needs and that those who implement them take real ownership of them. This also improves social cohesion and confidence between the State and its citizens. Projects of state reform can include:

- definition and implementation of national training strategies (support for the creation of public administration schools and the development of training tools);
- revision of civil service statutes and development of human resources management tools;
- results-based management and career management;
- government coordination work;
- improvement of relations between administrations and users (information and communication technologies, online administration).

This is not far away from governance issues which mean: Establishment of policies, and continuous monitoring of their proper implementation, by the members of the governing body of an organization. It includes the mechanisms required to balance the powers of the members (with the associated accountability), and their primary duty of enhancing the prosperity and viability of the organization. There is a distinction between the concepts of governance and politics. Politics involves processes by which a group of people (perhaps with divergent opinions or interests) reach collective decisions generally regarded as binding on the group, and enforced as common policy. Governance, on the other hand, conveys the administrative and process-oriented elements of governing rather than its antagonistic ones. Such an argument continues to assume the possibility of the traditional separation between “politics” and “administration”.

Contemporary governance practice and theory sometimes questions this distinction, premising that both “governance” and “politics” involve aspects of power and accountability. In general terms, public governance occurs in three broad ways:

- through networks involving public-private partnerships (PPP) or with the collaboration of community organizations;
- through the use of market mechanisms whereby market principles of competition serve to allocate resources while operating under government regulation;
- through top-down methods that primarily involve governments and the state bureaucracy.

Chahrazed Khier

University of Batna 1, Algeria

GOVERNANCE BEYOND STATE-CENTRISM:
GLOBAL CONTEXT(S) AND LOCAL IMPLICATIONS

After being the buzzword in African policies discourse for at least three decades, *good governance* seems to be losing its discursive momentum; ostensibly not only because of its interventionist connotations as part of the international economic institutions’ imperative programmes, but also because it became more than a concept or even a way of (re)forming policies, it became a parameter through which countries are judged. This paper suggests that Africa should not abandon (*good*) *governance*, neither as a concept nor as a policy. However, the paper argues that *governance* in Africa should be reconsidered on two levels: first, as a policy/practice, it should go beyond state-centrism. With the increasing roles played by private and social sectors, greater and deeper Public-Private-Social Partnerships in order to make governance, as an alternative to government, more relevant; Second, as a concept, African(ist)s should develop a more locally-embedded African perspective on how governance is to be done in a highly diversified Africa. The paper argues that de-contextualizing the concept from its external interventionist connotations would be crucial for making (*good*)

governance-based reforms more legitimate on the discursive level, and more effective on the operational level.

Kamal Eldin Ahmed

Sudan

AFRICA AND GOOD GOVERNANCE

Good Governance is an approach to government that is committed to creating a system founded in justice and peace that protects individual's human rights and civil liberties. According to the United Nations, Good Governance is measured by the eight factors of Participation, Rule of Law, Transparency, Responsiveness, Consensus Oriented, Equity and Inclusiveness, Effectiveness and Efficiency, and Accountability. Despite the rise of multiparty democracy, many African governments still struggle to control corruption and to improve the legitimacy of the state. To promote better governance, international development assistance supports ambitious reform agendas and idealistic models of governance. However, these programmes and interventions frequently misunderstand the realities of governance in weak and fragile states. Corruption and patronage are usually not clandestine, but highly visible. It is not a lack of information or awareness that keeps citizens from holding their governments accountable, but a lack of effective and legitimate channels for public dissent. In many countries, elite networks continue to protect their members as they violate laws – and also expect them to bend formal rules to advance the interests of their group. Public participation can only contribute to government legitimacy if it has a genuine impact on political decisions. However this is often not the case, because elites have little to gain from building political consensus or aggregating competing interests into collectively rational decisions. Decentralisation reforms result in the proliferation of local-level institutions, but fail to bring the state closer to the people. Most African states have never had strong control over peripheral territories, and have relied on informal gatekeepers and traditional authorities to

access local populations. Neither central governments nor local gatekeepers have strong incentives to cede real authority to local-level political institutions.

Крюков И.С.

Верховный Суд Российской Федерации, Москва

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АРБИТРАЖНОЙ СИСТЕМЫ
В СТРАНАХ АФРИКИ**

Схожесть проблем африканских и российских предпринимателей в своих странах и странах партнерах по бизнесу. Одним из ключевых способов помощи государства предпринимателям в ведении бизнеса является совершенствование судебной системы страны. Страны Африки показывают серьезные достижения в построении оптимальной арбитражной системы своего континента. Иностранные инвестиции в страны Африканского континента неуклонно растут.

Fardosa Loyan

Crown-Indigenous Relations and Northern Affairs Canada (CIRNA),
Ottawa, Canada

**A GENDER AND YOUTH PERSPECTIVE ON SOMALIA'S NEW
CONSTITUTION: ENHANCING WOMEN AND YOUTH PARTICIPATION
IN POLITICAL DECISION-MAKING, CONSTITUTION BUILDING
AND ELECTORAL STRATEGIES**

Somalia is functioning under a Provisional Constitution adopted in August 2012 by an 825-member National Constituent Assembly. Despite political commitments and constitutional requirements, plans to approve the final text of the constitution have not been organized yet. To agree on a final draft and ensure one-person one-vote elections in 2020-21, the Provisional Constitution provided for a comprehensive constitutional review process which formally started in early 2018 with a Constitution Review and Implementation Commission is missing the voices of women and youth. It is critical to organize women's groups, youth, and students to ensure greater participation and representation in the review process over the

next two years. At the moment, the ten-member technical committee of experts is a men's only group and it is not inclusive due to the exclusion of women and young people. Despite repeated pledges, Somalia has not been able to organize an election with universal franchise and the process has been dominated mainly composed of politicians by male elders representing their clans and politicians. This paper argues how it is of utmost importance to increase the level of participation of women from different segments of society in political decision-making, especially in the ongoing constitutional review, as part of gender strategies and transformation in modern Africa today. African women and youth are being left behind in political and economic decisions. African women and youth need to co-develop with African men the political and economic solutions for their countries. As an African and a Somali woman, I have first-hand familiarity with strategies used to exclude women from political decision-making. Our voices are not heard, our minds are under-utilized. We need all voice/all minds gender strategies and transformation in Modern Africa.

Panel VI-2. Anti-Corruption Policies and Sustainable Development Goals
Секция VI-2. Антикоррупционная политика
и Цели устойчивого развития

Convener / Руководитель: *Jason Nkyabonaki* (Mwalimu Nyerere Memorial Academy, Zanzibar, Tanzania)

The embezzlement and leakages of meagre resources tend to stagnate development and affect more negatively the weak economies. Corruption is the humanitarian crisis as has caused misery to development in highly ranked graft countries. The global sustainable development goals and regional development goals have a nexus with the state of graft and corruption levels. To achieve sustainable human development in societies, corruption syndrome must be addressed. The anti-corruption efforts in the public sector seem to be potentially inadequate to address the challenge. The efforts to leverage poverty face concrete stumbling blocks of corruption. Therefore, the realization of global, regional sustainable development goals requires the premises of good governance of the meagre resources. The elite statesmen and women have developed a parasitic excrescent and prebendal character towards public resources entrusted to them. The anti-corruption policies are in place but seem to be inadequate to vent out the malaise of corruption in the public sector. The puzzle is on how sustainable development agenda can be achieved amidst the corruption practices in the public sector. The papers are invited to the panel key focus areas such as corruption, politics and development, poverty and underdevelopment, public service, education and development etc.

Benedicta Daudu,
Daniel P. Saredau,
Walmak Gupar

Taraba State University, Jalingo, Nigeria

GOOD GOVERNANCE AND FIGHT AGAINST CORRUPTION
AS BEDROCK FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS IN NIGERIA

Nigeria is at the top of global rankings with respect to both natural and human resources. However, for quality of life or human development, the country takes a back seat. Widespread poverty, steep income inequality as well as employment, food, housing, and health crisis, among others, have combined to make life miserable for majority of the citizens. This paper seeks to explicate why,

despite the country's enormous resources, the quality of life for Nigerians is bad. Incidentally, the Sustainable Development Goals (SDGs) seek to improve quality of life for people all over the world. Hence, in a manner of speaking, the human development needs of Nigeria align with the aims of the SDGs. To what extent has the aims of the SDGs been achieved in Nigeria, what are the limiting factors and how can these factors be eliminated? These are the issues interrogated in this work. In this paper, we argue that Nigeria's inability to meet its development targets is not due to lack of theoretical planning or policy, but mainly due to corruption and bad governance. Thus, adopting a largely doctrinal approach, the paper explicates how corruption and bad governance combine to militate against the attainment of SDGs and human development in Nigeria. Prescriptively, the paper discusses pathways to resolve the corruption and mal-governance conundrum in Nigeria. The ultimate aim is to identify and clarify the means and measures with which to facilitate the attainment of SDGs and human development in the country.

Jason Nkyabonaki
The Mwalimu Nyerere Memorial Academy
Dar Es Salaam, Tanzania

**PUBLIC EXPENDITURE TRACKING TOOL AND CORRUPTION:
A CASE OF TANZANIA PUBLIC SERVICE**

Public Expenditure Tracking Surveys (PETS) is one of the proactive and postmortem tool in social accountability to fight corruption in the public service. The tool's objective is to promote the culture of civil responsibility to follow up for their taxes expenditure by the government in order to realize the value for money. This objective realization requires the culture of political and bureaucratic accountability, freedom of mass media to promote civic voice and above all the participative political culture. The study was conducted to assess the effectiveness of PETS tool in Tanzania from 2015–2018 following the 5th phase government limiting the freedom of media and the impact of the government law on statistical data sharing from researches not approved by the National Bureau of Statistics on

PETS. The study has found out that the two variables have an impact on the effectiveness of PETS. The civil society organizations in frontiers of anti-corruption have been under reversal due to the new statistical law and reduced space of civilian action on the public governance affairs. Also, the majority of respondents were skeptical on the political will to fight corruption amidst limited freedom of the media and the law of statistics of 2018. Hence, the civic power to fight corruption under the current regime is limited and this creates a potential for corruption to be an order of the day in the public service. Therefore, the freedom of mass media, the promotion of a culture of civic responsibility and limiting constitutional powers of power wielders would be a panacea for the PETS tool to be adequately effective and make Tanzania`s public service a corruption free zone.

Bongs Lainjo

Cybermatic International, Montreal, Canada

**PROGRAM INDICATOR SCREENING MATRIX (PRISM):
A COMPOSITE SCORE MODEL**

Introduction: Over the last six decades since many low and middle-income countries (LMICs) achieved independence, attempts by donor agencies to provide effective foreign assistance have been met with mixed results. There continues to be a need to strengthen the understanding of program dynamics, its synergies and results. It is in light ongoing challenges that the framework: Program Indicator Screening Matrix (PRISM) was designed. It is defined by six criteria – Specificity, Reliability, Sensitivity, Simplicity, Utility and Affordability. *Context:* In an attempt to improve results based management (RBM) in general and intervention data specifically; making foreign aid more focused and strategic with compelling evidence-based results; donors have increasingly teamed up and progressively introduced ubiquitous evaluation processes as an integral component of any program. In course of streamlining program implementation, funding agencies in collaboration with recipient governments and other stakeholders have also promoted the availability and utilization of strategic frameworks (SFs). A critical

component that continues to confront many development aid Stakeholders, is the ability to establish equitable, standard and inclusive strategies that include, donors, national governments, implementing agencies, program managers, beneficiaries and oversight systems. *Objective:* The general objective of this model is to strengthen the knowledge of Implementing Agencies, Program Managers and other key and relevant stakeholders in LMICs; emphasizing sustainable engagement by mitigating indicator redundancies and optimizing results in program management. *Framework & Methodology:* The model comprises a set of deterministic criteria simultaneously applied in an attempt to identify the most effective set of indicators in any thematic program area. At the same time it mitigates many program management nuisances by making indicators and data more trust worthy. The model criteria include: specificity, reliability, sensitivity, simplicity, utility and affordability. Experts are required to conduct the assessment. The working groups of experts use an analytical approach synonymous with the Delphi methodology. Each indicator during the assessment process is assigned binary outcome (0,1) based on its performance with the relevant criterion. The resulting composite scores are evaluated against a “gold-standard” or target established by these experts a priori. As a quality control measure, all the teams’ outcomes are finally evaluated based on the degree of intra-team and inter-team concordance. And it is only after this level of concordance is established that the final indicators are selected. The model is thematically generic with an inclusive target audience.

Marwa Mamdouh Salem
Cairo University, Egypt

EGYPT VERSUS THE AFRICAN UNION:
A MUTUAL RESPONSIBILITY FOR THE OUTCOMES

This paper aims to examine the internal dynamics of the African Union from the angle of Egypt's policy towards African collective action, given the fact that the regional organization is the forum with which member states seek to influence the region's political and economic situations. It is usually utilized by the most powerful

member states as an instrument to justify, and mobilize support, for their foreign policies. In fact, Egypt was a founding member of the Organization of African Unity (OAU) in the early 1960s. Through active foreign policy and continuous engagement in the organization's activities, Egypt was, by all means, a 'powerhouse' member state, whereas the OAU was also an ideal vehicle for Egypt's foreign policies. Nevertheless, a dramatic change took place, as Egypt's role in the OAU has significantly declined since the mid-1990s. This coincided with another dramatic change, but a change on the institutional level, as a number of newly emerging powers other than the OAU's founders took the lead and pushed for the OAU's transformation into the African Union (AU) in late 1990s. Countries like Libya, South Africa, and Algeria played a significant role in the transformation process, formulating the Constitutive Act of the Union, and later constructing its legal frameworks and engaging intensively in the AU's activities. Meanwhile, Egypt's political leadership seemed reluctant to participate in the emerging Union meetings, despite the fact that the AU is a leader-centric organization that requires active 'presidential diplomacy'. Indeed, such an absence gave the other member states the opportunity to strengthen their positions in the AU and to prevail upon the Union to adopt their views. In light of this situation, the question arises as to whether it is possible to assess the position of a member state, let alone a 'big' one, without examining the institutional dynamics of the organization. This chapter endorses the view that the initial study of Egypt's role in the AU should consider the successes and failures of the AU. According to this assessment, the discussion will proceed to test Egypt's contribution in the AU's activities in light of the evaluation of the organization's performance. The concluding section, on the implications of Egypt's suspension from participating in the AU's activities, exemplifies the arguments endorsed in this paper. Overall, the analysis will reflect the deficiencies of Egypt's Africa policies and the unfavourable organizational environment that acted against them. The question remains: What are the opportunities of establishing successful partnerships between the AU and other external actors within such operational environment deficiencies?

Alemayehu Kumsa
Charles University, Prague, Czech Republic

**CORRUPTION, ENVIRONMENTAL CRISIS, WATER SHORTAGE
AND PROBLEM OF INEQUALITY IN AFRICA**

Different parts of the world has its own particular problem which contributes to global ecological Crisis.

Due to its equatorial position, 77 percent of the land area of Africa lies between the tropic of Cancer and Capricorn. Because of its position in tropical region, Africa has high solar radiation and temperature. That means, Africa is actually more vulnerable to human activity than other continents in terms of deforestation, desertification, and soil erosion. In this paper we discuss the key problems, particularly land ownership of many states, this means, in any time the government can move the people from their ancestral land and lease it for foreign commercial agricultural investors.

Many governments particularly after economic crisis of 2008, leased millions of hectares to the land grabbers, who are running only after their profit and have no sensitivity for its negative ecological consequences. This new activity is one of the problems which deteriorating the environment of Africa.

Another causes of environmental devastation in Sub-Saharan Africa is commercial logging as one of the factors to rapid loss of rain forests, which is the source of water (e.g.) Gabon, Democratic Republic Congo (DRC), Liberia and Angola.

Water, particularly the question of sharing of Nile river water is gradually becoming the point of conflict between Ethiopia and Egypt, one of our discussion is on this issue.

Compared to other continents, majority of African elites are the most corrupted one. We will take some countries as an example on corruption such as Angola, Nigeria, Ethiopia, Gabon and DRC.

Africa is endowed by natural resources, industrious people but why it has the highest inequality? The final part of the paper summarises the causes of these inequalities in Africa.

Zacharie Tsala Dimbuene

University of Kinshasa, Democratic Republic of the Congo

Tilahun Haregu

African Population and Health Research Center, Nairobi, Kenya

Dickson Amugsi

International Center for Research on Women, USA

**Jacques Emina,
Cimaraoke Izugbara**

DEMOGRAPHIC DIVIDEND IN SUB-SAHARAN AFRICA:
WHAT IS THE GRADIENT AMONG ALL FACTORS
IN THE ENABLING ENVIRONMENT?

To reap the demographic dividend, a country should take major decisions, including those influencing change in the population structure. Previous research showed that change in population structure is the prerequisite to reap demographic dividend. The proximal factors mediating its effects built upon an enabling environment, encompassing health, education, economic policies, and governance. Assuming that all enablers are important, this viewpoint answers the following question: *What should be the expected gradient among all factors in the enabling environment?* We argue that governance, referred to as a strong leadership and a clear vision is the most important factor in the enabling environment. Without a significant shift in leadership in sub-Saharan Africa, countries should not expect miracles to achieve demographic dividend in SSA countries.

Panel VI-3. Beyond the Global North: Educational Mobilities of African Students and Professionals in the 20th and 21st Centuries

Секция VI-3. За пределами глобального Севера: образовательная мобильность африканских студентов и специалистов в XX–XXI веках

Convenors / Руководители: *Eric Burton* (University of Vienna, Austria); *Sarah Hanisch* (University of Cologne, Germany)

Already during imperial times, Africans travelled within the Global South for educational purposes. With the intensification of the decolonisation process after World War II and the rise of Afro-Asian and other Third Worldist projects, new opportunities emerged. During the Cold War era, African students and professionals studied in Moscow, Beijing and East Berlin. These exchanges had lasting implications for the post-Cold War era. Nowadays, while France remains the leading destination for African students, the People's Republic of China has overtaken the United States and the United Kingdom to become the second most important host country. Other countries such as Russia (again), Turkey, Malaysia or Taiwan are also becoming more significant in these exchanges. In other words, Europe and North America are no longer, and perhaps have never been, the only popular destinations of African students and professionals.

Educational mobilities of Africans are an important aspect of former East-South and current South-South connections. In this panel we discuss different forms of African mobilities and educational opportunities. In many ways, these new mobilities challenge established pathways to the (former) colonial metropolises and Western domination of the education. Education refers here to university studies through official scholarship channels as well as other forms, including military training, trade unionist education, vocational training, or teaching mobilities. We are interested in testing how these mobilities can be used to understand larger shifts of global power relations (in cultural, economic, political terms), to highlight different geographies of cooperation and exchanges and to understand how these impacted “Destinies of Africa in the Modern World”.

Our panel aims to contribute to the growing body of literature on the role of such exchanges between the socialist countries and Africa during the Cold War period, and new educational South-South exchanges and mobilities emerging in the post-Cold War era. We welcome empirical and theoretical contributions from Africanists, Anthropologists, Historians, Sociologists and other related disciplines. We particularly welcome contributions from PhD students and early post-docs from Russia and the Global South. Contributions should address one of the following themes: 1. Motives and trajectories of African students and

professionals, 2. Role of official channels and non-official networks in facilitating or hindering mobility, 3. Everyday lives of Africans in the destination country.

Oliver Coates

Cambridge University, United Kingdom

NIGERIANS IN EGYPT, 1950 TO 1966

This paper will examine the role of Nigerian students in Cairo and Alexandria during the 1950s and 1960s. West Africans constituted a significant body of students, particularly at institutions such as Al-Azhar University. For Nasser's government, and its security services, Nigeria represented a potentially lucrative sphere of influence in West Africa. This paper will focus on the religious and secular activities of the students; it will examine the significance of religious and linguistic training, before analysing the political links between Nigerian students, the Egyptian government, and other Nigerian ex-patriates in the region. In doing so, it will demonstrate the importance of West African youth within the wider Islamic world of the 1950s and 1960s, while delineating the tensions between the competing ideologies of pan-Arabism, pan-Africanism, and trans-Islamic unity.

Simona Corlan Ioan,

Elena-Irina Macovei

University of Bucharest, Romania

Mihai Dinu Gheorghiu,

Adrian Netedu,

Carmen Olaru

University Alexandru Ioan Cuza of Iași, Romania

BACK AND FORTH:

ACADEMIC CONNECTIONS AFRICA/ROMANIA AND ROMANIA/AFRICA

The circulation of students between the postcolonial South and the socialist East, particularly intense between 1960 and the end of the 1980s, became a subject of research only after the fall of the Berlin Wall and the announced end of the cold

war. The researches we have conducted under the ELITAF program (« Elites africaines formées dans les pays de l'ex-bloc soviétique » / “African elites trained in the countries of the former Soviet bloc”, Paris, Maison des Sciences de l'Homme, 2011–2016) focus mainly on African students in Romania during this period, adding several elements of comparison with the GDR (East Germany) and the other countries studied in this program. The results of our research have contributed to a better understanding regarding the evolution of numbers of African students in the entire student population and that of foreign students, as well as their administrative and political framing and their police surveillance, and their life experiences during the years of study. The number of African students steadily increased until the early 1980s, becoming the largest group of foreign students in Romania since the late 1970s (40% of the more than 13.000 foreign students and 10% of the entire student population in Romania). We have also examined the relationships between the way of framing the foreign students and the creation of links between different other categories of students, Romanian or foreign students, the manner the Romanian authorities deal with their learning results during studies, and their living conditions, especially in a period of deterioration of these conditions in general. Finally, a last part of our interview survey has aimed to reveal the conditions for maintaining the relationships between former African students in Romania after the fall of the communist regime, particularly in the case of mixed families.

Malwina Bakalarska

Institute of Mediterranean and Oriental Cultures,
Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

**NIGERIAN STUDENTS IN MALAYSIA AND CHINA –
A COMPARATIVE ANALYSIS OF MOTIVATIONS TO STUDY
IN ASIA AND CHALLENGES IN ADAPTATION**

There are two types of Nigerian students' migration to South-East Asia. One type can be defined as independent in economic terms – the presence of Africans in Asia is based on their own financial resources. The second type of migration is

associated with scholarships provided by local Nigerian governments as well as by the Chinese government to less wealthy Nigerians. There are also different motivations and consequences for Nigerians to migrate to Malaysia and different to China, but similar way of adaptation process. In the presentation I would like to deal with the following research questions: Which cultural elements are familiar to Nigerians and which are difficult to them to deal with Asian culture? What do Nigerians consider as an attractive in Asian universities' offer? How do Nigerian students perceive the relationship between the opening of the Chinese market to African education and the effectiveness of China's interests in Africa? What changes may occur within the African migration to Europe in the face of closer African – Asian cooperation? The paper will present the results of the field research conducted in Malaysia and China on the Nigerian Diaspora as a part of Research Grant sponsored by Polish National Science Center.

Sunday Timothy Afangideh,
Alubabari Desmond Nbeta
University of Port Harcourt, Nigeria

SOCIAL-POLITICAL INHIBITIONS TO NIGERIAN UNIVERSITIES' PROFESSIONAL MOBILITIES TO SOUTH-EAST ASIAN COUNTRIES

This study examines the social-political inhibitions to mobilities of Nigerian universities' professionals to South-East Asian Countries. Two research questions and two hypotheses were answered and tested in the study, respectively. The design of the study was the analytic descriptive survey with the population as the 92 state and Federal universities in the 6 geo-political zones of Nigeria. These universities have a corresponding number of 92 Directors of Exchange and Linkage Programmes Units from which 72 (80%) were selected as sample using the proportionate stratified random sampling technique. The results of the study show that social factors, among them language and fear of discrimination, and political factors, including differing political orientation to the state's approach and education, inhibit the mobilities of Nigerian universities' professionals to South-East Asian countries. The study also found significant differences between the

mean ratings of Directors of Exchange and Linkage Programmes Units in State and Federal Universities on the social and political issues inhibiting the mobilities of Nigerian Universities professionals to South-East Asian countries. It was therefore concluded that the mobilities of Nigerian universities professionals to South-East Asian countries is largely hindered by social and political forces. Consequently, it is recommended that appropriate social and political education and enlightenment on South-East Asian countries be provided for Nigerian universities professionals.

Panel VI-4. Current Issues in Libyan Studies

Секция VI-4. Актуальные вопросы ливийских исследований

Convenors / Руководители: *Aref Ali Nayed* (Libyan Institute for Advanced Studies, Tripoli), *Александр Алексеевич Ткаченко* (Институт Африки РАН, Москва)

The section proposes to discuss a wide range of issues related to the recent history and current situation in the North African state of Libya.

Libyan studies are not only of theoretical, but of obvious practical importance, because in the conditions of a long-term military-political and socio-economic crisis, which the country entered into in the second decade of the 21st century, the social demand inside the country and the political one beyond the boundaries seems to be obvious the study of Libyan history and modernity in the interests of a political settlement and post-conflict reconstruction.

The main directions of the section:

- The key events of the Libyan history in the historical memory of modern Libya;
- The actual features of the Libyan nation and state genesis and evolution;
- The political system, political culture and political process in modern Libya;
- The key splits in modern Libyan society and the prospects for overcoming them;
- Challenges and prospects for the development of the Libyan economy;
- Modern Libyan literature and culture;
- Islam and political Islam in Libya;
- Libya in the system of international relations;
- Actual problems of Libyan studies.

Historians, political scientists, economists, religious scholars, as well as researchers of international relations are invited to participate and discuss.

В рамках секции предлагается обсудить широкий круг вопросов, связанных с новейшей историей и современным состоянием североафриканского государства Ливия.

Ливийские исследования имеют не только теоретическое, но явное прикладное значение, поскольку в условиях долговременного военно-политического и социально-экономического кризиса, в который страна вступила во втором десятилетии XXI в., очевидным видится социальный запрос внутри страны и политический – за ее пределами на обстоятельное изучение ливий-

ской истории и современности в интересах политического урегулирования и постконфликтного восстановления.

Основные направления работы секции:

- ключевые события ливийской истории в исторической памяти современной Ливии;
- особенности генезиса и эволюции ливийской нации и государства;
- политическая система, политическая культура и политический процесс в современной Ливии;
- ключевые расколы в современном ливийском обществе и перспективы их преодоления;
- вызовы и перспективы развития ливийской экономики;
- современная ливийская литература и культура;
- ислам и политический ислам в Ливии;
- Ливия в системе международных отношений;
- актуальные проблемы ливийских исследований.

К участию и дискуссии приглашены историки, политологи, экономисты, религиоведы, а также исследователи международных отношений.

**Коротаев А.В.,
Мещерина К.В.,
Малков С.Ю.**
НИУ ВШЭ, Москва, РФ

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СТРАНАХ РЕГИОНА БВСА
(НА ПРИМЕРЕ АРЕ, 2010–2019)

В настоящее время при проведении межстранового анализа и прогноза социально-политической нестабильности широко используются различные индексы, как например, Political Instability Index, Global Peace Index, State Fragility Index и т.д.). Однако при этом индексы отражают только текущую или прошлую ситуацию и для прогноза могут быть использованы только косвенным образом (в качестве дополнительной информации для анализа). При этом, как правило, не ясно, насколько полон (или не полон) список параметров, входящих в индекс, насколько адекватно они отражают уровень социально-политической устойчивости (или неустойчивости) конкретного общества.

Еще одной проблемой использования индексов при исследовании социально-политической устойчивости/дестабилизации в различных странах мира является то, что эти индексы стремятся сделать универсальными, чтобы был возможен межстрановой анализ. Но здесь возникает определенная методологическая ловушка в силу того, что естественное стремление к универсальности снижает качество индекса, так как для разных стран и набор факторов, и их значимость будут разные, поскольку они определяются конкретными условиями.

При таких обстоятельствах, конкретику здесь может дать, на наш взгляд, моделирование процессов дестабилизации, адаптированное к конкретной стране и конкретной ситуации. В силу принципиальной динамичности процессов дестабилизации для их анализа целесообразно использовать специализированные логико-математические модели, позволяющие: анализировать и моделировать процессы социально-политической дестабилизации, рассматривать различные сценарии развития событий, оценивать эффективность мер, направленных на перевод ситуации с одного сценария на другой. При этом прикладные модели должны быть согласованы друг с другом и строиться на единой методологической базе. Основой для разработки прикладных моделей должна служить единая базовая модель социально-политической устойчивости/дестабилизации функционирования социально-экономических систем, позволяющая симитировать процессы дестабилизации и оценивать их влияние на социально-политическую устойчивость общества.

В докладе будет изложен методический подход к анализу социально-политической дестабилизации на основе логико-математического моделирования, а также предпринята попытка применения изложенного подхода для анализа событий в Египте в период с 2010 г. (накануне событий Арабской весны) по настоящее время.

Hassanein Ali
Zayed University, United Arab Emirates

INTERNATIONALIZATION OF THE POST-ARAB SPRING CIVIL WARS:
EXTERNAL ACTORS IN LIBYA'S CIVIL

External actors have played influential roles in the Arab civil wars since the 1950s, but the roles of these actors have escalated dramatically in the post Arab Spring civil wars. The civil wars of Syria, Libya and Yemen have been internationalized because many external states and non-state actors intervened heavily in these wars. The impacts of these wars have extended beyond national borders. In addition, the United Nations has tried to settle them, with little success. As a result, the paths and future prospects of concerned civil wars has become dominated primarily by the competing roles and strategies of external actors. For forty years, Gaddafi has failed to build a modern nation-state in Libya, based on a national identity, effective institutions, and stable legitimacy. As soon as the regime was overthrown, the state's institutions collapsed, and its territory fell prey to the control of dozens of local and global violent non-state actors. Libya's protracted civil war deepened the state's failure and opened the door to external actors (regional and international) to interfere in its affairs. The external interventions fueled the civil war and made the process of settling it more difficult. Libya's civil war became an ideal example of a proxy war; its future prospects depend primarily on the extent of consensus or disagreement among external actors. This paper aims to analyze, evaluate and compare the roles of external actors in Libya's civil war across three dimensions; the objectives of external intervention in Libya, the forms of the intervention, and its main consequences. Further, the paper seeks to evaluate the role of the UN in dealing with the Libyan crisis and why it has failed to settle it peacefully. Also, it will explore the future prospects of the Libyan civil war in light of external actors' influence. The paper is divided into five sections. The **first section** provides an overview of Libya's civil war in terms of its background, causes and dynamics. The **second section** discuss the roles of regional actors such as Egypt, Turkey, Qatar and UAE in Libya's civil

war. The **third section** address the roles of foreign actors like the EU, France, Italy, USA and Russia. The **fourth section** highlights the roles of regional and international organizations like the United Nations, African Union and Arab League. The **conclusion** explores the future prospects of Libya's civil war in light of current developments at the Libyan arena and the influence of external actors .

Ткаченко А.А.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВНУТРИЛИВИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Со времени образования двух центров власти в Ливии (лето 2014 года) посреднические усилия различного формата не привели к прекращению вооруженного противостояния в стране.

Создалась ситуация (устойчивого) двоевластия. Ассиметричного, с географической точки зрения. Х. Хафтар контролирует большую часть территории Ливии, и это провоцирует стремление овладеть силой Триполи и, таким образом, положить конец конфликту и двоевластию. Иными словами, «военный центр силы» (Х. Хафтар) намерен реализовать свое некоторое военное превосходство и взять «политический центр силы» – Триполи, где находится Правительство национального единства, возглавляемое Ф.Сарраджем, пользовавшееся в последние годы признанием и международной поддержкой, включая ООН.

Однако в течение полугода после начала наступления на Триполи, военные подразделения под командованием Х. Хафтара не смогли взять столицу Ливии и ситуация двоевластия характеризуется еще одним, новым качеством – патовым состоянием.

Элементы анархии, растущее число жертв, огромный материальный ущерб, вкупе с гуманитарной катастрофой и проблемой массовой нелегальной миграции из обширных районов Африки в Европу не требуют отлагательства в их решении.

Хотя и сложилось в этих условиях консолидированное мнение международной общественности относительно необходимости скорейшего достижения политического урегулирования проблемы, преодоления ливийской драмы, наблюдаются различия в подходах к ее решению.

Ключи к решению находятся в руках наиболее активных международных и местных, ливийских акторов, имеющих на сегодняшний день разное понимание по данному вопросу/отдельным аспектам решения проблемы. И все-таки, многое зависит в преодолении «ливийской драмы» от позиции внешних акторов, в том числе крупных европейских стран.

Таким образом, важное значение имеет, с одной стороны, инициатива каждой из ведущих стран/международных акторов, направленных на поиск эффективного механизма преодоления гражданской войны в Ливии, с другой, достижение межплеменного консенсуса относительно мирного урегулирования. Представляется, что решение лежит между закреплением (реальной) автономии за историческими провинциями ливийского государства – Киренаикой, Феззаном и Триполитанией, и сохранением той формы государственности, которая существовала до падения режима М.Каддафи, и покоилась на договоренностях властных структур с главами племен.

Tkachenko Alexandre A.

Institute for African Studies, Moscow, Russia

REVISITING THE ROLE OF FRAMEWORK FOR SETTLEMENT OF THE INTERNAL CONFLICT IN LIBYA

Since the formation of two power centers in Libya (summer 2014), mediation attempts of various formats have not put an end to the armed confrontation in the country.

A situation of (stable) dual power has emerged. Asymmetric, from a geographical point of view. Khalifa Haftar controls most of the Libyan territory, which provokes the desire to seize the power of Tripoli and thus put an end to the conflict and dual power. In other words the “military power center ” (Kh. Haftar)

intends to evince his relative military preponderance and suppress the "political power center", which enjoys acclaim and international support, including the UN, (Fayez al-Sarraj).

However for the past six months, Haftar has been unable to take Tripoli and the dual power situation is now marked by yet another, new condition – stalemate. Elements of anarchy, the growing number of victims, enormous property damage, together with the humanitarian catastrophe and the problem of mass illegal migration from large parts of Africa to Europe, permit of delay in their resolution. Although in these circumstances there is a consensus in the international community on the necessity to reach a settlement of the problem and overcome the Libyan drama as soon as possible, there are differences in approaches to its solution. The keys to the solution are in the hands of international and local, Libyan actors who as of today, have differing understandings of the issue. And yet, these keys are mainly in the hands of the major European powers – Germany, France, Italy.

Thus, it is important to analyze the initiatives of each of the leading EU member States aimed at finding an effective mechanism to end the civil war in Libya and reach intertribal consensus on a peaceful settlement. It seems that the solution lies in between the consolidation of (real) autonomy for the historical provinces of the Libyan state – Cyrenaica, Fezzan and Tripolitania, and the preservation of the form of state structure that had existed before the fall of Gaddafi's regime.

**Коротаев А.В.,
Исаев Л.М.**
НИУ ВШЭ, Москва, РФ

ВТОРАЯ ВОЛНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИВИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА

Первая волна гражданской войны в Ливии, закончившаяся после убийства Муаммара Каддафи осенью 2011 года, не положила конец гражданскому кон-

фликту в стране. К 2014 году стало ясно, что ливийский кризис не может решиться исключительно за счет смены политического режима. Революционные процессы в случае с Ливией оказались фатальными для всей политической системы, ознаменовав собой почти полный демонтаж государственных институтов. Таким образом, свержение диктатора в Ливии не решило в конечном счете ничего, а воевавшие в первую волну гражданского конфликта против Муаммара Каддафи военно-политические силы в мае 2014 года начали открытую полномасштабную вооруженную борьбу друг с другом, ознаменовав тем самым начало второй волны гражданской войны. В настоящей статье анализируется логика и ход второй волны гражданской войны в Ливии, а также исследуется генезис ключевых военно-политических сил в Ливии после 2011 года. Авторы приходят к выводу о том, что в настоящее время в стране сформировалась патовая ситуация. А невозможность военной победы ни одной из сторон ливийского конфликта позволяет надеяться на новое соглашение между всеми его сторонам.

Hamitouche Youcef

Algiers 03 University, Algeria

THE RIVALRY BETWEEN FRANCE, ITALY AND THE UNITED STATES
OF AMERICA OVER OIL AND NATURAL RESOURCES OF ALGERIA
AND LIBYA AND ITS POLITICAL CONSEQUENCES

This contribution deals with the topic of rivalry between France, Italy and United States of America over oil and natural resources of Algeria and Libya.

Algeria and Libya are considered as Arab countries which are well endowed with oil and natural resources. Algeria has large reserves of oil, gas, coal bauxite, gold, vanadium (this metal is traded at 1200 euro/a kilo) , chrome, thorium, uranium, helium(the third deposit in the world), lithium which is used as a major element in the new energies for batteries and as a fuel in nuclear fusion, manganese which is considered as strategic metal in the USA. Algeria has also the largest reserves of iron in the world.

Libya was the fourth largest oil producer in the world before the 2011 tragic events, the fourth country in Africa in terms of gas reserves, and the fifth country in the world in terms of reserves of shale gas.

France and Italy have historical roots, economic interests in Algeria and Italy since the colonialism era, when the French ELF company then TOTAL and the Italian ENI company operated in these two countries for the benefit of the two metropolises.

Except France and Italy as traditional partners of Algeria and Libya, the United States and China are the newcomers and competitors in the domain of raw materials and energy in North Africa.

After the independence of both Algeria and Libya, the situation changed with the arrival of American companies and Chinese company Sinopec. Indeed, since the oil shock of 1973, the United States has sought to diversify its oil resources in order to reduce their dependence on the Gulf countries, while the booming commercial power of China needed more increasing energy supplies.

Therefore, France and the United States have engaged into a fierce battle for the control of oil in Algeria through their giants companies: Total, Chevron and Anadarko for the United States of America.

The interest of the Americans for the Algerian oil was accentuated with the arrival of the Algerian President Abdelaziz Bouteflika in power in 1999, who adopted a policy of rapprochement with the team of the American President George W. Bush.

Лукьянов Г.В.
НИУ ВШЭ, Москва, РФ

**ЛИВИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ КАК АКТОР
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ЛИВИИ:
ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ИЗУЧЕНИЯ**

В 2014 г. долгосрочный военно-политический кризис в Ливии в очередной раз трансформировался и перешел на новую стадию своего развития. Этот этап характеризовался, в первую очередь, возникновением двух конку-

рирующих центров юрисдикций на Западе и Востоке страны. В Триполи обновленный состав Всеобщего национального конгресса (ВНК), опираясь на военную силу альянса вооруженной милиции «Рассвет Ливии» и «Щит Ливии», отказался передать власть новоизбранной Палате представителей (ПП), нашедшей поддержку у руководства министерства обороны и созданных после 2011 г. формирований регулярной армии. Вынужденное отступление сторонников ПП из столицы на северо-восток в Тобрук привело к складыванию двоевластия в стране, которое так и не было устранено даже после самороспуска ВНК и создания под эгидой ООН в рамках реализации Схиратских соглашений нового Правительства национального единства (ПНЕ). Попытки наладить конструктивный диалог и воссоединение ПНЕ и ПП, предпринятые после прибытия ПНЕ в Триполи в 2016 г., успеха не имели. В последующие три года оба центра, несмотря на стремление специальной Миссии ООН по поддержке Ливии обеспечить их взаимодействие и сотрудничество, не смогли найти общего языка, что привело не только к блокированию конструктивного диалога между ними, но и к последовательного усилению с обеих сторон условных «ястребов», сторонников военного, а не политического разрешения дилеммы двух правительств.

На северо-востоке сформированное ПП временное правительство (ВрП) А. ат-Тани выстроило альтернативную «оставленной» в Триполи систему государственного управления. Вплоть до 2017-2018 гг. при относительно низкой эффективности в вопросе реализации социальных функций она сохраняла относительно реальную автономию и самодостаточность, создав работоспособные механизмы политического контроля и выстроив взаимодействие не только с местными племенами и сообществами, но также и с рядом иностранных государств.

Ключевой опорой ПП и ВрП в эти годы стала ливийская национальная армия (ЛНА), представляющая собой гибридное военно-политическое образование. Оно включает в себя не только регулярные и полурегулярные вооруженные формирования, претендующие на статус регулярной армии, но также

многочисленные племенные ополчения и иностранных наемников. Благодаря масштабной военной, материальной и организационной помощи со стороны Египта, ОАЭ и Франции командованию удалось наладить процесс подготовки, снабжения и управления подразделениями на достаточно высоком уровне, чтобы ЛНА превратилась в наиболее заметную военную силу на пространстве современного Ливийского государства.

В рамках доклада предлагается комплексно рассмотреть ЛНА как военную структуру и политическое образование, играющее определяющую роль в развитии военно-политического кризиса в Ливии в 2014-2019 гг. Предлагается обстоятельный обзор существующих в современной науке подходов к осмыслению и изучению ЛНА как специального объекта изучения. Также, используя теоретический и прикладной инструментарий современной политической науки и накопленный опыт изучения роли армии в политике стран Азии и Африки, предлагается осмыслить и оценить деятельность ЛНА в обозначенный исторический период.

Матросов В.А.

НИУ ВШЭ, Москва, РФ

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПЛЕМЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЛЕМЕНИ
АЛ-‘АВĀКĪР В СЕТИ FACEBOOK)**

В племенной среде даже не самых богатых арабских стран интернет в последние несколько лет становится важным рычагом социальной политики. На раннем этапе заимствования современных технологий шейхи создавали сайты, призванные ознакомить внешних читателей с основной информацией о племени (клановый состав, расселение, краткая история), однако большая часть таких сайтов отличалась крайне малой информативностью и быстро переставала функционировать.

Распространение среди молодёжи средств современной связи, в том числе – социальных сетей, превратило интернет из инструмента выхода пле-

мени вовне в механизм внутреннего регулирования и консолидации. Любое племя, расселённое несколькими кланами по разным территориям, получило общую единую базу для формирования, прежде всего, представлений о самом себе.

В данном докладе рассматривается роль сети Facebook в формировании племенной идентичности на примере ливийских *бану-л-‘Авакир*. Будут затронуты такие аспекты влияния интернет-пространства на членов племени, как:

- Унификация представления о собственной истории, а также возможности «корректирования» исторических сюжетов и характеристики основных деятелей прошлого в ходе написания и распространения постов;

- Складывание единой базы крылатых выражений на основе массива исторических сведений (обычно – высказывания прежних шейхов ал-‘Авакир, принимавших участие в значимых для страны и всего мира событиях);

- Унификация, распространение и «живая» трансформация племенного фольклора, в основном, представленного поэзией;

- Фиксирование фактологической информации, в том числе, составление кадастра всех кланов и родов, причём наличие опции комментирования постов позволяет быстро обнаруживать недочёты, решать, существенны ли они, вносить необходимые поправки;

- Формирование современных политических мифов и современных политических героев, возникновение которых на фоне подвигов и людских потерь Ливийского кризиса неизбежно, а их популяризация служит прекрасным фактором объединения племени, формирования новых рамок сферы символического в политическом самосознании племени.

Среди перспектив дальнейшего исследования – не только углубление в каждый из упомянутых аспектов, но и рассмотрение формирования представления о месте ал-‘Авакир в общей племенной структуре страны – например, вовлечённость в деятельность «интеграционных» аккаунтов племенного союза *ас-Са‘ади*, к которому исторически относятся и ал-‘Авакир, а также само-

сознание племени в отношениях с ключевыми игроками ливийской политической арены.

Подцероб А.Б.

Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ В ЛИВИИ

В докладе будут представлена характеристика современного политического и социально-экономического положения в Ливии, обозначены ключевые расколы и конфликты. Подробно освещены исторические основы и предпосылки современного военно-политического кризиса в Ливии, отличающегося нестабильностью и предсказуемой «непредсказуемостью». Автор предлагает подробное описание современного положения в стране в 2019 году. В докладе предлагается модель объяснения роста влияния исламских интеграторов и обоснование особенностей борьбы с ними и друг с другом умеренных исламистов и секулярных политических сил в Ливии после 2011 года. Особое внимание уделено позиции берберов, туарегов, тубу.

Чупрыгин А.В.

НИУ ВШЭ, Москва, РФ

«ТИХИЕ» САЛАФИТЫ МАГРИБА И ЛИВИЙСКИЙ КРИЗИС

В условиях трех правительств, действующих на территории Ливии, каждая сторона старается заполучить себе в союзники силу, которая тихо и почти незаметно набирает потенциал внутри страны, обеспечивая не только безопасность и видимую стабильность в подконтрольных районах, но и «трансграничные» контакты между противоборствующими сторонами. Эта сила – «тихие салафиты» Магриба – орден Мадахилия (или мадхалиты).

Выучив уроки предыдущих выборных кампаний, когда исламистские партии так и не смогли получить абсолютного мандата, «тишайшие» пошли по традиционному пути, проторенному еще братьями мусульманами. А именно – завоевание народной базы, показывая неотразимый пример само-

отверженной деятельности во благо народа. В ливийском варианте, естественно, это борьба против всего плохого за все хорошее с оружием в руках. При этом вне зависимости от того, на какой стороне эта борьба ведется.

В этой работе мы рассматриваем историю проникновения «тихий» салафитов в Ливию и их эволюцию в условиях непрекращающегося кризиса в стране. А еще сформулируем наши представления о том, какие цели ставит перед собой секта и чего она может добиться в условиях относительного троевластия в стране, раздираемой гражданской войной.

Наджаров А.М.
НИУ ВШЭ, Москва, РФ

ЛИВИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАРИЖА В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Доклад посвящен исследованию французской политики на ливийском направлении в контексте общей стратегии Парижа на Ближнем Востоке. В рамках теории неоклассического реализма автор анализирует внешнеполитические императивы ливийской политики Франции и определяет значимость данного направления для региональной стратегии Пятой республики. Исследуется значимость Ливии с точки зрения национальной безопасности, регионального престижа, экономических интересов, взаимоотношений с ключевыми партнерами на Ближнем Востоке, политики в Сахеле; кроме того, анализируются и внутривнутриполитические императивы французской политики. В заключении работы автор приходит к выводу, что Ливия представляет собой центральный узел французской ближневосточной политики, несмотря на относительно малую значимость страны самой по себе для Парижа. Однако Ливия представляет Франции значимые вызовы и возможности, выводящие ливийское направление на передний план ближневосточной стратегии Парижа.

Фокина А.Е.
НИУ ВШЭ, Москва, РФ

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ: ПРИМЕР СОВРЕМЕННОЙ ЛИВИИ

Падение последнего оплота «Исламского государства» (ИГ) в Сирии весной 2019 г. вызвало у мирового сообщества, помимо облегчения, массу опасений: часть иностранных боевиков способна вернуться в страны, откуда они прибыли, а часть – примкнуть к джихадистам на иных фронтах. Среди них – Ливия, дестабилизированная многолетней гражданской войной. Деятельность ИГ и ряда других террористических группировок: «Аль-Каиды Исламского Магриба» (далее – АКИМ) или, например, «Ансар аш-Шариа» (террористические организации, запрещенные в РФ) – позволяет называть Ливию идеальной почвой для расцвета радикального терроризма.

При этом, хотя бы в силу географической близости, нестабильность в Ливии должна беспокоить европейские государства. В связи с этим, интерес вызывает рассмотрение политики Европейского Союза (далее – ЕС) по борьбе с терроризмом в Ливии – как единой стратегии и как суммы частных кейсов взаимодействия.

Теоретическое обоснование настоящей работы опирается на догматы английской школы анализа международных отношений. Одним из базовых оперируемых ею концептов является «*международное сообщество*» – не мир в целом, но ограниченный «клуб государств». По Хедли Буллу, состояние международного сообщества для государств желаемо, поскольку оно приносит «*благо*». Интерпретации того, в чем оно заключается, разнятся: для одних благо состоит в наиболее эффективной реализации нормативного и институционального регулирования жизни общества, для других – это воплощение собственного понимания блага. В случае с ЕС эти интерпретации сущности блага совпадают, в соответствии с идеей самого Союза, – что позволяет гово-

речь о европоцентричности первой интерпретации блага сообществ – поэтому для данной работы безразлично конкретное трактование блага.

Что важно в контексте настоящего исследования, так это уход от использования неореалистской парадигмы. Кеннет Уолтц постулирует существование международной системы как описание фактического состояния международной арены. «*Международное сообщество*», в свою очередь, обладает «*telos*» – целью, предназначением. В таком случае, справедливо говорить о нефункциональности сообщества, если та самая цель комплексно не достигается или вовсе не стоит перед всеми членами сообщества.

Такая теоретическая модель применима к контртеррористической борьбе европейского «*сообщества*». Данный анализ ставит перед собой цель отразить уровень соответствия ЕС «*международному сообществу*» в терминологии английской школы в его контртеррористической политике в отношении Ливии. Для этого автор уточняет общность террористической угрозы, исходящей от обозначенной североафриканской страны на членов Союза, и оценивает уровень целостности контртеррористической политики ЕС в Ливии; затем – выявляет общие и национальные интересы стран Союза в противостоянии терроризму в Ливии.

Panel VI-5. Gender Strategies and Transformations in Modern Africa
Секция VI-5. Гендерные стратегии и трансформации
в современной Африке

Convenors / Руководители: *Наталья Леонидовна Крылова, Наталья Александровна Ксенофонтова* (Институт Африки РАН, Москва)

Кашина А.А.

Дипломатическая Академия МИД РФ

ЗАКОН О РАВЕНСТВЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН
В ТУНИСЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕР

Закон, который бы наделял мужчин и женщин правом наследования равных долей имущества, был одной из самых демократичных инициатив покойного президента Туниса Беджи Каида ас-Себси, скончавшегося в августе 2019 г. Выступая по случаю Женского дня 13 августа 2017 г. он отметил: «равенство мужчины и женщины, которое закреплено тунисской конституцией, должно распространяться на все сферы, в том числе на право наследования». Едва эти слова слетели с уст президента, как попали в фокус обсуждения далеко за пределами Карфагенского дворца.

Шейхи аль-Азхара в Египте тут же изложили свою позицию – закон противоречит шариату, ведь положение в пользу большей доли наследства для наследника, чем для наследницы, упомянуто непосредственно в Коране. Однако Тунис в вопросе о положении женщин ушел далеко вперед других арабских стран. Благодаря принятию здесь Закона о личном статусе в августе 1956 г., тунисские мужчины и женщины уже более полувека обладают практически равными юридическими правами. При содействии созданного в 1993 г. министерства по делам женщин происходило их непрерывное расширение.

В июне 2018 г. группа специалистов при администрации президента представила на рассмотрение парламента серию реформ, изложенных в документе на 233 листах. Вторая часть документа концентрировалась на равенстве полов, и среди прочего предлагала упразднить «махр» (выкуп при замуже-

стве), запретить осуждение деятельности сексуальных меньшинств, а также полностью уравнивать в правах на наследство мужчин и женщин.

Отношение к законопроекту стало одним из политических маркеров, который разделил тунисское общество на сторонников ориентации на западные ценности и сторонников мусульманского пути развития. На защиту исламских основ встали шейхи Соборной мечети аз-Зейтуна и Ассоциации защиты Корана. Безусловными противниками пакета светских реформ выступили представители движения «ан-Нахда». Однако им противостояли светские круги, настроенные довести до конца путь реформ, начатый первым президентом Тунисской республики Х.Бургибой. Вопрос о равенстве наследования занял важное место в агитационных программах кандидатов в президенты на выборах 2019 г.

Фахрутдинова Н.З.
Институт Африки РАН, РФ

РОЛЬ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННЫХ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЯХ НА ПРИМЕРЕ АЛЖИРА И СУДАНА

Большой успех революций в Судане и Алжире и их мирный характер во многом обусловлен участием в них женщин. По свидетельству очевидцев, они играют центральную роль в «заполнении улиц». Камель Дауд, известный алжирский писатель и журналист, полагает, что именно женщины и их участие сделали акции протеста мирными революциями и не позволили им превратиться в бунт.

Борьба женщин за свои права возрастает с каждым днем. Это результат их многолетней активности. Зарубежные политологи, анализируя ход событий в Алжире, отмечают, что с февраля 2019 г. демонстрации были удивительно мирными. Кроме того, наблюдалось беспрецедентное участие женщин.

Женщины в обеих странах стали символом защиты обездоленных, в первую очередь соотечественниц, которым государство и национальные элиты отказали в покровительстве.

В Алжире Движение протеста женщин возглавляет лидер партии «Союз за перемены и прогресс» и президент Сети арабских женщин-юристов Зубида Ассул. Ее сторонники являются представителями беспартийного движения «Муватана», созданного в 2018 г. Основной целью движения стало стремление воспрепятствовать президенту А. Бутефлике баллотироваться в президенты на пятый срок и призвать его «Le pouvoir», как называют в Алжире правящую элиту, к верховенству закона и демократии. Несколькими годами раньше, в 2014 г. врач А. Бурауи также организовала беспартийное движение «Барракат», схожее с «Муватана», против четвертого срока президента А. Бутефлики, а генеральный секретарь Рабочей партии Алжира Луиза Ханун, первая в арабском мире женщина, в 2004 г. баллотировавшаяся в президенты, подала в суд на А. Бутефлику за недееспособность.

Аналогичная ситуация сложилась и в Судане. Основным лозунгом противостояния стали: «Просто уходи!», «Башир, уходи!» А сегодня они ликуют: «Мы сделали это!»

И образы женщин помещаются повсюду: на плакатах, билбордах, в социальных сетях. Они вдохновляют протестующих. Среди них портреты Джамили Бухиред, одной из самых знаменитых героинь прошлого, которая прославилась в годы борьбы за независимость против Франции (1954–1962).

В Судане культовое изображение Алау Салах, поющей в стиле рэп песню Thawra (революция – араб.яз.), провозглашающую лозунги сопротивления властям, обошло СМИ всего мира. Ее называют местной Статуей Свободы, нубийской королевой. Алау Салах стала символом суданской революции.

Гришина Н.В.
Институт Африки РАН, РФ

БОРЬБА ЖЕНЩИН СТРАН АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА

В колониальное время в странах Африки южнее Сахары существовало множество несвязанных между собой женских ассоциаций, обществ, клубов, нередко созданных по религиозно-этническому признаку. Однако работа этих объединений различной направленности ограничивалась благотворительной или культурно-просветительской деятельностью. Объединение женских демократических организаций на региональной основе началось с 1959 г. Основными задачами на тот момент стали координация деятельности женских организаций Африки, направленной на эмансипацию женщин, повышение их роли в национально-освободительной борьбе, всестороннее участие в политической и социально-экономической жизни, в прогрессивных общественных преобразованиях своих стран.

Многочисленные и разнообразные факторы политико-экономического и культурного порядка, имеющие место на Африканском континенте, явились мощным катализатором женского движения, современная волна которого поднялась в последние десятилетия XX века. Одним из наиболее существенных завоеваний африканских женщин стало право на создание различных общественных и политических организаций, как страновых и региональных, так и межгосударственных. Во многих государствах континента эти массовые объединения сегодня заметно влияют на проводимую правительствами экономическую и социальную политику.

Во многих странах континента активизируется процесс продвижения женщин во власть, что нередко связано с грантами и премиями за достижения в области демократии, которыми Запад поощряет африканские страны.

Однако нет гарантии, что избранные в парламент женщины будут отстаивать женские интересы. Многие из самых успешных женщин-политиков не являются сторонницами феминизма. А те, кто попал на должность благо-

даря зарезервированным местам, могут побояться выражать свое мнение, будучи зависимыми от центральной или местной партии, формирующей списки кандидатов.

Стремление женщин быть «на равных» с мужчинами нередко преграждают архаичные социальные структуры. В целом, на бытовом уровне женщины не оспаривают веками сформированную статусно-ролевую иерархию и придерживаются осторожной тактики медленного продвижения своих интересов.

Anita Spring

University of Florida, Gainesville, Florida, USA

**WOMEN IN THE ENTREPRENEURIAL LANDSCAPE IN AFRICA:
GLOBALISTS TO MICRO-ENTREPRENEURS IN THE FORMAL
AND INFORMAL SECTORS**

Informal and formal are “dual economies” of African countries. Governments often concern themselves with the formal, while development agencies support the informal, especially women micro-entrepreneurs. The paper discusses the full landscape in terms of women’s entrepreneurship in Sub-Saharan Africa, considering both sectors, and the range from small-to-large within each. It delineates movement within and between sectors; presents examples of ‘rags to riches’ in terms of upward mobility; and maps the range of traditional micro-entrepreneurs to women owners of large-scale businesses. It presents a paradigm of the entrepreneurial landscape with variables that consider demographics; enterprise/firm types; product sourcing and markets; start-up capital variables; and movement within and between the sectors. Informal-sector entrepreneurs use traditional relationships and business methods as well as hiring their relatives while globalists stress financial accountability, transparency, business ethics, and hires based on credentials. Women from the top to the bottom of the entrepreneurial scale were interviewed using a variety of protocols in 12-countries: East Africa (Ethiopia, Kenya, Tanzania, and Uganda), West Africa (Ghana, Mali,

Nigeria, and Senegal), Southern Africa (Botswana, South Africa, Zambia, and Zimbabwe). Research conclusions show: (1) the informal-formal distinction is useful but limited to disentangle the landscape; (2) women's movement between sectors is constrained by lack of capital, education, businesses networks, etc.; (3) Within the formal sector of small-to-medium-to-large businesses, upward movement is mediated by access to capital, memberships in business networks, market intelligence, product innovation, management and hiring practices, etc. There is a growing cadre of women at the top who both confound researchers/donors and provide role models for success within their countries. Additionally, studies of large data sets from selected countries provide quantitative information on women's contribution to GDP. Examples given show potential GDP gains of 2–3.5% (Kenya) and 2% (Uganda), if gender inequality is eliminated.

Yolanda Sadie

University of Johannesburg, South Africa

WOMEN'S POLITICAL REPRESENTATION IN ANGLOPHONE AFRICAN COUNTRIES

Since the return to multiparty elections in most sub-Saharan African countries in the early 1990s, there has been a steady increase in the representation of women in national parliaments. However, women's representation in national parliaments in the majority of the 11 Anglo-African countries are below 25% with, for example, Botswana and Nigeria with a low of 9,5% and 3,38% respectively and Ghana with 13,09%.

To a greater or lesser extent, persistent resistance to women candidates takes many forms across all of the Anglophone countries in Africa. Several factors reinforcing each other and acting simultaneously with each other, prevent or hamper women's political participation. This paper explains the numerous political, institutional, economic and social constrictions women are subjected to. It also highlights the reasons why countries such as Botswana (the oldest African

democracy and often hailed as the region's model democracy) and Ghana (which receives a perfect score from Freedom House for political rights and the second-best possible score for civil liberties), have not introduced special measures to increase women's political representation. One would assume that women's political representation will be affected by the level of democracy in a country.

The paper concludes with women's substantive representation in countries such as South Africa, Uganda and Tanzania. Do more women represent women's interests once elected and do they indeed make an impact on the form and content of policymaking?

Гавристова Т.М.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

АФРИКА: ПОКОЛЕНИЕ X В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Согласно теории поколений, у истоков которой стояли Уильям Штраус и Нил Хау, каждая возрастная группа имеет свои устойчивые социально-культурные особенности и навыки. Их формирование завершается к началу пубертатного периода, к 12–14 годам. Со временем, будучи универсальными, эти характеристики практически не меняются, определяя «лицо» целого поколения во времени и пространстве.

Африка – не исключение. В условиях глобализации, медиатизации и дигитализации региональная специфика нивелируется, что очевидно на примере поколения миллениалов – рожденных в XXI веке.

Объектом исследования в рамках данного доклада является поколение X (1964–1984 гг. рождения). Именно внутри него в Африке впервые произошло осознание тех социальных и профессиональных ролей, которые соответствовали новой исторической эпохе – условиям независимости. Трансформация представлений об идентичности коснулась прежде всего образованного класса и – в первую очередь – женщин. Они смогли реализовать себя во многих сферах на континенте и за его пределами, в границах постколониального дискурса, используя не столько потенциал «нарративов угнетения»,

сколько преимущества политической корректности. Свидетельством тому являются «прорывы» в области литературы, науки и искусства.

Представительницы поколения X проявили себя во многих творческих специальностях. Писательница Чимаманда Нгози Адичи (родилась в Нигерии в 1977 году) и доктор экономики Дамбиза Мойо (родилась в Замбии в 1969 году), – обе неоднократные участницы престижных TED-конференций – входят в список «ста самых влиятельных людей в мире» (по версии журнала «Тайм»). Их отличает мотивация на образование, карьеру, успех, достижение гендерного равенства. Они комфортно ощущают себя в мире профессий, ранее – необоснованно – считавшихся мужскими. Их образ жизни и стиль мышления типичен для женщин поколения X, что свидетельствует о том, что в XXI веке Африка становится равноправным членом мирового сообщества на уровне интеллектуальных и творческих профессий.

Ксенофонтова Н.А.
Институт Африки РАН, РФ

ГЕНДЕР. СОЦИАЛИЗАЦИЯ. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Обозревая всю историю человечества, исследователи приходят к выводу, что все экономические, социальные, политические, культурные, идейные и религиозные противоречия и акты насилия являются *гендерно кодифицированными*. Это особенно касается африканских традиционных обществ, вся жизнь, да и загробное существование которых строго разграничены на мужскую и женскую сферы.

Во все времена представительницы слабого пола рассматривались как негатив мужчины, сталкиваясь с которыми представитель сильного пола определял свою идентичность и упрочивал свое властное положение.

Ученые характеризуют подобные отношения как *конфликтное взаимодействие*.

Эта система функционировала и регулировалась посредством определенных отношений, четко очерченных ролей, установок в обыденном сознании, правовых, морально-этических и религиозных норм, а также в жестком разделении труда на мужской, женский и детский. Традиционная культура подчеркивала, закрепляла и использовала половой диморфизм.

У африканских народов детям с младенчества прививают стереотипы, означающие, что вся их производственная и социальная деятельность строго распределена по признакам возраста и пола. Цель возрастной социализации – становление личности и сознания ребенка. Значительную роль в этом играет *ритуал*, который является универсальным средством информации. Прежде всего, это касается обрядов *инициации*. Наряду с регулированием межполовых отношений и жесткостью гендерных ролей, применялись вербальные методы психоэмоционального воздействия на чувственном уровне. Это касается мужских и женских ритуальных танцев, песнопений и пантомим. Практикуются также так называемые обряды перехода, когда мальчики и девочки продвигаются от одной возрастной группы к более высокой.

Кроме идеологической, социальной и эмоциональной составляющих в формировании гендеров, в африканском обществе существуют обычаи в области производственной деятельности

Целью всех этих ритуалов, обычаев, ролевых игр было не только становление личности, но и четкое формирование и закрепление гендерных ролей.

Мосейко А.Н.

Институт Африки РАН, РФ

АФРИКАНСКАЯ ФЕМИНИСТСКАЯ ТЕОЛОГИЯ. СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАСЛЕДИЯ КИМПА ВИТЫ (ДОНЫ БЕАТРИС)

Африканская феминистская теология существует всего около 30 лет. Однако, ее истоки просматриваются на рубеже XVII–XVIII веков в проповедях и идеях конголезской женщины-христианки Кимпа Виты, получившей при крещении имя Доны Беатрис (1682–1706).

Кимпа Вита жила в государстве Конго, в котором с XVI века обосновались португальские торговцы, занимавшиеся активной работоторговлей. Вместе с ними пришли католические миссионеры, обращавшие конголезцев в христианство. Кимпа Вита прошла обряд крещения, знаменовавший ее смерть в конголезской идентичности и возрождение с новым именем в христианской культуре и цивилизации. Ее существование стало пограничным. Став католичкой Доной Беатрис, она одновременно существовала как Кимпа Вита в своей стране, разоренной и истощенной работоторговлей.

Осознав страдания своего народа, она стала призывать людей к протесту против захватчиков и угнетателей своей страны. Она почувствовала в себе (как в католичке) дух вселившегося в нее святого Антония, который подвиг ее не только на протест против захватчиком, но и против миссионеров с их белым Иисусом и белой Мадонной. Кимпа Вита заявила, что подлинный Христос, Богоматерь и Апостолы – это чернокожие конголезцы, а миссионеры скрывают эти факты.

Как пишет женщина-теолог из Ботсваны Муза Дюбе, Кимпа Вита была основательницей новой африканской христологии – христологии протеста и освобождения. Провозглашая черноту Иисуса, Кимпа Вита выступила против власти белых, опирающейся на авторитет белого Христа. Этим она настаивала на расширении возможностей чернокожего населения и открывала перед ним широкие перспективы.

Канон «черноты» Кимпа Виты позволяет африканцам одновременно обитать в своем культурном мире и в библейском пространстве, не нарушая границ.

Проповеди Кимпа Виты были устными духовными текстами, противостоящими патриархальным письменным текстам Библии. В них утверждается сила устного африканского текста. В них также преодолеваются границы полов, культур, рас и религий.

Конголезцы до сих пор считают, что, несмотря на казнь, дух Кимпа Виты жив и неоднократно воплощался в мессианских движениях, в личности

Симона Кимбангу, а сегодня – в борьбе женщин Африки за свои права, социальную справедливость, против бедности и болезней.

Харитонов Е.В.
Институт Африки РАН, РФ

**ВСЕМИРНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ:
«ГЕНДЕРНЫЙ БАЛАНС» ИЛИ «ЖЕНСКОЕ ЛИЦО»?**

Всемирная федерация научных работников – международная неправительственная организация, основанная в 1946 в ответ на ядерную бомбардировку американцами Хиросимы и Нагасаки, для создания культуры мира и развития, для осознания учеными ответственности за судьбу мира, а правительствами – осознания ответственности за судьбу науки и ученых. Российскую сторону представляет Профсоюз работников РАН.

В Конституции Федерации подчеркивается: «Организация открыта для всех ученых, независимо от их политических, философских или религиозных убеждений, социального статуса, этнической принадлежности или пола. Научные работники, мужчины и женщины, будь то исследователи, учителя, инженеры или техники, чувствуют ответственность в связи с воздействием их знаний и исследований на будущее общества и устойчивость его развития». Созданная мужчинами, постепенно Федерация начала менять лицо, изменился ее гендерный баланс.

В Федерацию вошло много новых членов, прежде всего женщин, из стран «третьего мира», в том числе из Африки – Алжира, Марокко, Сенегала. В Федерацию вошли: Национальный совет учителей высшей школы, Национальный союз преподавателей университетов, Национальная федерация учителей высшего образования, исследований и образования Алжира; Генеральный профсоюз образования, науки и исследований Египта; Автономный союз учителей и Уникальный демократический союз учителей Сенегала, а также ряд других представителей научной и преподавательской интеллигенции африканских стран.

Помимо вопроса о поддержании мира, который стал особенно острым в последние годы, человечество столкнулось с вызовами, которые угрожают его выживанию. Женщины-африканки привносят в Федерацию проблемы своего континента – экология, здравоохранение, справедливость по отношению к учителям и ученым, финансирование науки. Особенно остро с этими проблемами в последние годы столкнулись учителя и ученые Алжира – об этом рассказала член Федерации, избранная в руководящие органы ВФНР – Фатия.

22-я Генеральная Ассамблея проходила в университете Шейх Анта Диоп в Дакаре; в центре внимания, помимо глобальных проблем, были проблемы африканского континента. Ассамблея привлекла новых членов – представителей африканского континента. Среди них много женщин – именно женщины, матери, ученые, понимают, как никто другой, свою ответственность за судьбу мира. Федерация стала меняться – приобретать женское лицо. Меня африканки – члены Федерации – звали: «сестра».

Садовская Л.М.
Институт Африки РАН, РФ

РОЛЬ ЖЕНСКИХ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Развитие организованного женского движения в Африке связано с общим подъемом антиколониальной борьбы народов континента и активизацией деятельности национальных политических партий в 40–60-х годах XX в. Наибольшая активность женских протестных движений в период независимого развития совпадает со временем структурной перестройки экономики и установления многопартийности. Первыми, кто начал протестные движения против однопартийных режимов, были женщины и молодежь. Они сыграли роль знаменосцев народных требований и авангарда политической борьбы в таких странах, как Мали, Того, Нигер. Их акции способствовали вовлечению остального населения в уличные марши протеста.

В тот исторический период новый политический класс находил в них союзников и пытался мобилизовать их в своих политических интересах. Часто играя решающую роль в протестах, женщины хотели добиться политических и экономических изменений, затрагивающих их повседневную жизнь.

Наиболее значимый этап женского участия в протестных движениях наблюдался во время «арабской весны» в 2011 г., когда женщины вышли на улицы, требуя смены репрессивных режимов, удерживавших власть в течение десятилетий.

Новой тенденцией, усиливающей роль женщин в социально-общественной сфере, стало их вхождение в сферу средств массовой информации. Следует обратить внимание на важность женских «медиа» фигур в контексте социальных движений на континенте.

Протестные движения, охватившие африканские страны после «арабской весны», продолжают оказывать определенное влияние на гендерные социальные отношения и представления, лежащие в их основе. Женщины стали играть роль векторов модернизации африканского общества, они используют разнообразные формы и методы для выражения своего протеста.

Свержение ряда режимов было бы невозможно без восстания городских масс и мобилизации женщин. Они внесли свой вклад в процессы демократизации. Но преобладание в традиционных обществах в политическом пространстве мужчин, даже если оно и не исключало некоторое присутствие женщин, по-прежнему остается наследием прошлого. И тем не менее многие исследователи отмечают, что «арабские революции» позволили демократизировать вопрос прав женщин, которые до того предназначались мужчинам.

Abdou-Wahabi Abdou

Lome University (Togo); Selguk University (Turkey)

GENDER AND URBANITY IN WEST AFRICA:
CASE STUDY OF RURAL FEMALE MIGRANTS IN LOME

Rural exodus is a reality especially in Africa. For African women, with their capacity to undertake mainly in the informal sector, departure to the city is a crucial step for a socio-economic emancipation (Abdou, 2018).

Lome, the capital of Togo, is the largest urban center to which internal migration flows are directed, especially with young girls with the hope for a better life. The arrival in the city is a kind of escape not only to overcome the weight of customs and traditions that put them under the authority of men, but also they hope to acquire economic power (Idrissou, 2010). However, these women are confronted with urban reality that imposes them different lifestyles and sociability. The solidarity, the mutual assistance, the community work in the village must give way to individual hard work, strict and rigorous organization and the struggle for survival. This urban rigor is accentuated by the development of Information and Communication Technologies, which embark the African city dweller in a more global movement. The Togolese urban environment is in constant metamorphosis. The newly arrived rural woman often perceives herself as a "victim" of the city even if the economic dynamism of Lome for example makes her an ideal environment for socio-economic mobility. Most women migrants therefore develop resilience mechanisms by practicing very little "honorable" jobs (prostitution, porter, etc.).

This presentation aims to make a transversal analysis of two crucial issues for the understanding of the current African urban phenomenon: gender and urbanity. In other words, how does the city impose new challenges on rural female migrants? Is the city a place for social emancipation or an environment for perpetuation of male domination?

The purpose of this presentation is to explain the confrontation of rural female migrants with the urban reality in the city of Lome and the mechanisms of resilience they develop.

Amanda Gouws
Stellenbosch University, South Africa

'IN MY CULTURE WOMEN SHOULD LISTEN TO THEIR HUSBANDS' –
UNDERSTANDING THE GENDER GAP IN ATTITUDES
IN SOUTH AFRICA

Very little research has been done in Sub-Saharan Africa to determine whether gender gaps in attitudes exist in relation to political participation, voting behaviour or attitudes toward women's representation in government, culture and gender equality. While data from the Afrobarometer (a survey database) have been used to determine gender gaps in participation little has been written on other types of gender gaps.

Previous qualitative research in South Africa has shown that attitudes toward gender equality are deeply traditional, contributing to gender understandings that reinforce sex role divisions and what can be considered harmful cultural practices. In this paper I will discuss the analysis and results of a survey done by Citizen Surveys in 2018 of a random stratified sample of 1300 South Africans, regarding attitudes toward gender equality, culture and tradition. This can be considered the first baseline study of gender attitudes in South Africa because it goes much wider than the type of data gathered by the World Value Survey and the Afrobarometer. Strategies for changing attitudes will be recommended.

The survey also includes data on attitudes toward gender based violence, homophobia, trust in government, women's representation in government and voting behaviour which forms part of the larger research project.

**Panel VI-6. Inadequate Access to Adult Education and Learning:
Bane of Africa's Development**

**Секция VI-6. Неравный доступ к образованию для взрослых
как препятствие на пути развития Африки**

Convenor / Руководитель: *Tajudeen Adewumi Adebisi* (Obafemi Awolowo University, Ile-Ife, Nigeria)

Africa, no less than other continents of the universe, has her own unique destinies. One aspect of Africa's destinies that is worth exploration is education. Education cannot be ignored when talking about 'Destinies of Africa in the Modern World'. Education is central to all-round development, which is a proof of a fulfilled destiny. Thus, education is key to fulfillment of Africa's destinies in the modern world. Education is multi-dimensional and multi-faceted. There are formal, informal, and adult and non-formal education. However, in the modern world, there have been many issues debilitating access to education of whichever form. Challenges such as outbreak of endemic diseases (HIV/AIDS, Ebola), insurgency and militancy (Boko Haram, Avenger, IPOB, Herdsmen, ISWAP), and poverty and corruption among other issues. As no country can rise above the quality of her education system, so also, Africa as a continent cannot rise above the growth and development engendered by the educational systems of countries that make it up. A major challenge of Africa is high rate of illiteracy coupled with exacerbating rate of unemployment resulting from poor access to basic literacy/education and continuous production of young school leavers and university graduates who lack relevant, functional, vocational and technical skills required for their possible employment in labour market. Adult and non-formal education, no doubt, provides opportunity for persons of all ages to acquire not only basic literacy/education, but also basic vocational/technical as well as advanced and upgraded skills necessary and required for individuals' functionality and productivity in the modern world. This panel welcomes abstracts on various subjects and aspects of adult and nonformal education both in principles and practice.

Azeez Babatunde Adebakin
Obafemi Awolowo University, Ile-Ife, Nigeria

EMPLOYABILITY AND SOFT SKILLS DEVELOPMENT
FOR AFRICAN YOUNG ADULTS: A PERCEIVED NARRATIVE

Globally, soft skills are crucial to employability and employment prospects of young adults. The development of the skills needs to be enhanced in students to provide pathways for lifelong learning and to make them competent enough to meet the demands of the rapidly changing job market and dynamics of the global economy. Therefore, the thrust of this study was to explore graduate students' perception of how soft skills are developed at universities and how the skills contribute to their perceived employability. Using the qualitative case study method, in-depth interviews were conducted with 30 purposively selected graduate students across six conventional universities in southwestern Nigeria. The study found that students were prepared using the conventional classroom-based practices to enhance soft skills that are perceived to contribute to employability. This includes such as skills related to independent work in form of assignment, interpersonal relationships in form of group work. It further shows that Nigerian universities are poor in engaging students within industrial and global contexts where students have little or no interactions with employers of labour/job managers and international faculties. This could have afforded students the opportunity to develop their independent skills, critical thinking, communication and intercultural competences. Consequent upon these findings, the study suggested that universities must consider curriculum relevance to soft skills development and international academic staff exchange to promote international faculties' engagement with students, particularly within specific global context.

Adeniyi Wasiu Olasunkanmi
Obafemi Awolowo University, Ile-Ife, Nigeria

ACADEMIC DISHONESTY AMONG UNDERGRADUATE STUDENTS
OF OBAFEMI AWOLOWO UNIVERSITY, ILE-IFE, NIGERIA:
THE MENACE AND THE WAY FORWARD

Academic dishonesty among undergraduate students seems to be a permeating, long-standing issue in universities across Nigeria. The phenomenon is as old as education itself. It is a major problem in educational setting which has created a source of worry to all the stakeholders in the schools. In most cases, students engage in academic dishonesty as result of their negligence to their primary responsibility in the schools, thereby receiving the undue advantages over other students and making evaluation of students to be susceptible. In the past, several efforts have been made to suppress the problem, however, as efforts are being made in resolving the problem, the situation still persists. Nowadays, students are devising new and advanced methods of perpetrating the evil called “academic dishonesty”. Arising from the above, this study seeks to investigate the perception of students on the prevalence and types of academic dishonesty among students. It will also examine the effects of academic dishonesty on the educational system. These were with a view to providing information on how to curb academic dishonesty among the undergraduate students.

Aladejana Alaba Lawrence,
Asubiojo, R.O.
College of Education, Ikere-Ekiti, Ekiti State, Nigeria

DISPARITY IN GENDER’S ENROLMENT OF PHYSICS STUDENTS
IN EKITI STATE TERTIARY INSTITUTIONS, NIGERIA

This study examined disparity in gender’s enrolment of physics students in Ekiti State Tertiary Institutions, Nigeria. The study employed descriptive research design. Two hypotheses were formulated and tested using t test and bar chart. The findings revealed that there is significant improvement in physics students’ enrolment but there is disparity between male and female physics students in

favour of male students. It is, therefore, recommended that female students should be encouraged to enroll in physics by giving them special consideration (such as reduction in unified tertiary matriculation examination cut-off marks). Also, female students should be awarded scholarship to act as a sort of encouragement. More so, Parents should also encourage their female children to put more efforts in studying physics, similarly, special seminars and orientations should be given to the female students to enlighten them to study physics.

Awe, I.T.

College of Education, Ikere – Ekiti, Nigeria

HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT, CAPABILITIES AND NATIONAL DEVELOPMENT

Human capital plays important role in national development. The level of development of a nation is not only determined by the abundant natural resources endowment but by the quality and quantity of her human capital. Economists observed that there can be no significant economic growth in any nation without adequate development and utilization of human capital. However, none inclusion of capability in the human capital and economic development relationship makes the studies in this area inconclusive.

Therefore, this research work examines the relationship among human capital, capabilities and national development using Vector Autoregressive (VAR) model with its components and Granger Causality. To analyse the relationship, school enrolment proxy for Human Capital Development (HCD), GDP serves as proxy for national development, Total Factor Productivity (TFP) proxy for innovation capability, Gross Fixed Capital Formation (GCF) proxy for investment capability, life expectancy proxy for health capability and Trade Openness (TOP) proxy for economic capability. The study confirmed that human capital development has contributed poorly to improvement in national development while capabilities found to be determinant of national development. The study recommends among others that there is need to evolve more pragmatic education

approach in ensuring knowledge based economy as this will go a long way in achieving national development in Nigeria.

C.O. Fashiku;
Olusogo Elijah Sunday;
Yusuf, Abiola Abubakar
Obafemi Awolowo University, Ile-Ife, Nigeria

PERCEIVED INFLUENCE OF GOVERNMENT EDUCATION POLICIES
ON STUDENTS' ACADEMIC PERFORMANCE IN OSUN STATE
SECONDARY SCHOOLS, NIGERIA

The study examined the influence of government education policies on students' academic performance in Osun State secondary schools. The study adopted the descriptive survey design. The population for the study consisted of 5,878 teachers and students' parents in Osun State secondary schools. The sample of this study comprised 500 teachers and 50 parents from 50 secondary schools which were selected using multistage sampling procedure of systematic random sampling, simple random sampling and volunteer sampling techniques respectively. Two research instruments: Public School Education Policies Questionnaire (PSEMQ) and Influence of Public School Education Policies Questionnaire (IPSEMQ) were used to collect information from the teachers and parents. Data collected were analysed using frequency counts, percentage scores and Chi-square statistics.

The result showed that merging of schools (58%), distribution of computer Tablets (Opon-Imo) (62%), implementation of common uniform for all students (100%), payment of WASSCE registration fees for public students (52%) and abolition of Parent's Teachers Association (PTA) (73%) were the various education policies of government in Osun State secondary schools from 2011 to 2015. Also the results showed that reclassification through merging of schools (59%), distribution of Laptop to senior secondary school students III (66%), retrieval of Opon-Imo for upgrading, repackaging and repairs were done after a session (55%) and passing of the Opon-Imo to their immediate junior students after

graduation (62%) were the processes of implementing the policies by the government in Osun State secondary schools. The results further showed that there was a significant perceived influence of government education policies on students' academic performance in Osun State secondary schools ($\chi^2= 63.8$, $p<0.05$). The study concluded that government education policies of distribution of computer Tablets (Opon-Imo), merging of schools, Payment of WASSCE registration fees positively influenced students' academic performance in Osun State public secondary schools.

Olawuni, Abiodun Olufemi;

Ambali, Taiwo Toyin

University of Ilorin, Ilorin, Kwara State, Nigeria

RETIREMENT EDUCATION AND FINANCIAL SECURITY AMONG SENIOR CITIZENS IN ILORIN METROPOLIS, KWARA STATE, NIGERIA

The study focused on retirement education and financial security among senior citizens for enhancing sustainable community development in Kwara State, Nigeria. A descriptive survey design was used for the study. The population of the study comprises all senior citizens in Ilorin Metropolis while the target population were senior citizens aged 65 and above from which 100 respondents were purposively selected and this constituted the sample for the study. The instrument for data collection was a structured questionnaire titled 'Retirement Education and Financial Security of Senior Citizens' (REFSSC). The instrument was content validated by three experts from Department of Adult and Primary Education, University of Ilorin, Nigeria. The overall reliability estimate of 0.76 was obtained using the Cronbach Alpha. Two research questions and two hypotheses were formulated to guide the study. The data collected were analyzed using mean and standard deviation to answer the research questions, while the one sample t-test statistical technique was used to test the hypotheses. The findings of the study revealed that among the senior citizens, retirement education is not well embraced which resulted to financial insecurity. The aged people's financial security was in

doubt after leaving active service due to unsuitable pension scheme and their welfare are not taking care of adequately. Based on the findings, the researcher recommended among others that there should be proper and adequate retirement education among senior citizens and that more awareness should be created to engender adequate financial security among senior citizens in Ilorin metropolis and beyond.

Oladosu, Adebisi Toyosi
College of Education, Ikere, Nigeria

ADULT INFORMAL SCIENCE EDUCATION: A PANACEA FOR BRIDGING THE DEVELOPMENTAL GAP FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Science Education has contributed greatly to the developments of nations, Nigeria inclusive. Adult Education remains sacrosanct if a nation like Nigeria must meet the ever evolving global challenges. Needless to say that, the current Adult Education programme in the country does not leverage expectedly on Science Education. Resultantly, the nation parades pools of scientifically illiterate adults with conflicting knowledge of traditional science with modern science. As an antidote to this prevailing situation, this paper proposes Adult Informal Science Education as practised world over in order to bridge the developmental gap created by the existing Adult Education programme in the country. This is also to ensure that Nigeria, does not only have literate adults but adult who are scientifically inclined to ensure sustainable development. This paper, considered the development, integration and practice of Adult Informal Science Education in some developed nations of the world so as to guide its domestication in Nigeria. It therefore, recommended some models and implementable platforms for Adult Informal Science Education if Nigeria must key into global educational developments where adults contribute meaningfully to quest for sustainable development.

Osunniyi Joseph Akin

College of Education Ikere-Ekiti, Ekiti State, Nigeria

TRADITIONAL DRUMS: A WAY TO ECONOMIC RECOVERY IN AFRICA

Prior to the advent of Christianity and Islam in Africa, especially in Nigeria, the use of drums permeated all facets of people's endeavour, vis-à-vis liturgical and social activities. Everybody in the society participated in one form of drumming activity or the other, i.e. drum tuning, drum making and drum performance techniques. These activities reinvigorated economic activities such as drum making as people engaged in drum selling, drum performance and other drumming paraphernalia. The two foreign religions made people to believe that many of these musical instruments were fetish and demon-possessed which led to the abandonment of these drums. The social and economic activities that went with these drumming activities dropped significantly, many hands that were pre-occupied with these activities became idle. The paper therefore, looks at various usage of drums in Nigerian societies and how that can contribute and revamp the economy. The paper makes use of ethnographic method of interviewing, focus group discussion and non-participant observation. It was discovered that the abandonment of many drums in Nigerian societies have contributed immensely to the economic crunch in the societies. It therefore suggests that if traditional African Musical instruments are constructed in large quantities and exported, the economy would be improved thereby.

Owolabi Ayoola Oludare

College of Education, Ikere Ekiti, Ekiti State, Nigeria

PRIVATE MEDIA AND DEMOCRATIC GOVERNANCE IN NIGERIA'S FOURTH REPUBLIC

The media represents an important institution in all nations of the international system and play fundamental role in any political system. Since the advent of democracy in Nigeria in 1999 the private media has become the locus and focus of the entire citizenry being the major watchdog on the activities and policies of government. This work discusses the prominent role of the private

media in the democratic experience of Nigeria. The work employed the use of descriptive research method with information gathered through the secondary mean. Books, journals, government publications, newspapers, magazines and periodicals were consulted and serve as source of information. All information from these sources shall be subjected to content analysis. The work looks at the expected role of the private media in democratic governance in Nigeria. The various challenges of private media are also established in this work. The work finally makes known the various ways through which the private media can advance the cause of democratic governance in Nigeria.

Asubiojo R.O.;
Aladejana Alaba Lawrence
College of Education, Ikere Ekiti, Ekiti State, Nigeria

**BRIDGING DIGITAL GAP IN SUB-SAHARA COUNTRIES:
A CASE STUDY OF NIGERIAN INFORMATION SOCIETY**

Information and Communication Technologies (ICTs) hold tremendous potential for social and economic development in the entire world. In an increasingly digitalized world economy, there exists a digital gap between sub-Saharan African countries and the rest of the world that translate into economic marginalisation world of the African sub region. This paper aims at suggesting approaches that can be applied to close the digital gap between sub-Saharan African and the rest of the world. More so discourse on the information society are associated with the digital divide and inequalities in access to the information and communication technologies (ICTs) within sub-Saharan African. Nigeria is often, regarded as one of the most information integrated societies due to widespread of mobile phone ownership among other things. However, while ICT accessibility has been emphasized, investigating from the study shows that the role of demographic, social-economic and cultural factors cannot be waived aside. Literacy skills and infrastructure development needs to be given adequate attention. Provisions of tele-centres, use of old boy network,

creation of Internet content in African language, developing African language keyboards and conduct Needs Assessment of local users are paramount. The paper concludes that implementing these approaches calls for strategic intervention by governments and other stakeholders in the Nigerian societies.

Tajudeen Adewumi Adebisi
Obafemi Awolowo University, Ile-Ife, Nigeria

VOCATIONAL AND TECHNICAL EDUCATION FOR SUSTAINABLE
DEVELOPMENT: A ROADMAP TO PEACE BUILDING
AND SOCIO-ECONOMIC RECONSTRUCTION IN AFRICA

Work is key to sustainable livelihood. There cannot be meaningful sustainable development if there is no sustainable livelihood. When God created man, he provided work for him to do by putting him in the Garden of Eden to ‘dress’ and ‘keep’ it. That was with a view to sustaining human existence and living. Doing and keeping one’s job/work is a catalyst for sustainable development. Vocational and technical education (VTE) is a sub-system of education designed to equip individuals with vocational and technical work skills. However, this sub-system of education has been regrettably neglected in many African countries. The consequences of which have been high rate of unemployment and restiveness among youths in the continent. Very large population of youths is idle. Thus, the youths are susceptible to engaging in insurgence and militancy plus the associated crimes, which are foremost evils of this generation. My study provides critical and comparative analyses of policy formulation and implementation of VTE in some African countries. The study brings to fore important factors in policy formulation and implementation such as personnel, educational structure, institutions, funding, and products of the VTE in four African countries: Nigeria, Botswana, Tanzania and Algeria. Apart from Nigeria in West Africa, three other countries were randomly selected one each from South, East and North Africa respectively. My study advocates a holistic approach to VTE in the modern society. Thus, it critically examines the relevant definitions and models of sustainable development that guide the theoretical and

practical implementation of human factors for sustainable development. National governments of each nation should give VTE due attention that makes school children and youths acquire work-related and work-based skills which will guarantee their employability after leaving schools rather than being school leavers who lack required employable skills in labor market. My study concludes that if this is done, every youth will be gainfully engaged and have no time for idleness and restiveness. Providing individuals avenues for self development will no doubt culminate in the national and international sustainable development.

Ojebiyi Olufemi Adesola;
Fasakin Lawson Sunday
Obafemi Awolowo University, Ile-Ife, Nigeria

EDUCATIONAL SYSTEM AND POLICY APPROACH TO EDUCATION IN NIGERIA

This paper under consideration highlights some major developments of educational system and policy, and examines how Nigerian education has been responding to them since independence in Nigeria. It is common nowadays to hear Nigerian educationists, and even the public at large, talking of un-functionality of our educational system and policy. In as far as Nigerian is concern, the talk on our educational system and policy is technically a contradiction in terms of expectation. The desire for continuous improvement in our educational system and policy has now captured the interest and concern of all more than before. This state of re-awakening may not be unconnected with the gradual but steady decline of the educational structure since independence. This paper attempts to provide a clarification of the terms system and policy, and show what their approach to education, especially in Nigeria, might imply. Indeed, the Nigerian educational system and policy are expected to take the country to the level of the world's developed nation in the near future. The educators and policy makers are therefore challenged to see to the actualization of the nation's aspiration. Finally, the paper concludes by recommending ways of promoting good educational system and policy to enable Nigeria achieve her educational development goals.

Panel VI-7. Political Image in the System of Political Leadership in Africa
Секция VI-7. Политический имидж в системе
политического лидерства в странах Африки

Convenor / Руководитель: *Татьяна Сергеевна Денисова* (Институт Африки РАН, Москва)

The study of political images (of presidents, party leaders, parliament members) occupies an important place in the research on the evolution of political leadership in Africa. Attention to political image is becoming a global trend. In the context of globalization, all issues related to the image of the authorities are extremely relevant. Not least, this is caused by changes in ethical standards of public administration, which are increasingly becoming similar to the standards of business management (for example, efficiency and competitiveness). As a result of the transformation of the public service, citizens are treated as consumers. In modern conditions, the image of the head of state and particular members of government and parliament not only affects the image of the government in general in the eyes of the country's citizens, but also becomes one of the strategic aspects of the state's foreign policy. It is also an important factor in the collective identification of people, as it is one of the most important aspects of political communication at the national and international levels. Outside the country, the images of its president, first lady, vice president are often perceived as the cumulative overall image of all citizens, and how their country is perceived to a large extent depends on the emotions they cause.

In many African countries, image is gradually becoming a factor in effective political communication. The formed stable positive image of a political leader or a party allows them to carry out their activities more productively, as this makes it easier to obtain permanent support from the electorate. For this reason, the images of a political leader and political organizations need to be formed / adjusted not only during election campaigns, but this should become a constant process throughout their political lives.

Тема имиджа политического лидера (президента, руководителей политических партий, депутатов парламента) занимает важное место в изучении эволюции политического лидерства в Африке. Внимание к политическому имиджу становится мировой тенденцией. В условиях глобализации вопросы имиджа власти встают чрезвычайно остро. Не в последнюю очередь это вызвано изменениями этических стандартов государственного управления, которые все больше становятся похожими на стандарты бизнес-менеджмента

(например, эффективность и соревновательность). В результате трансформации государственной службы граждане рассматриваются в качестве потребителей, а принципы равенства и представительности нивелируются. В современных условиях имидж главы государства, членов правительства и депутатов парламента не только влияет на имидж самой власти в глазах граждан страны, но и становится одним из стратегических аспектов внешней политики государства. Он также является важным фактором коллективной идентификации народа, так как представляет собой один из важнейших аспектов политической коммуникации на национальном и международном уровнях. За пределами страны образы ее президента, первой леди, вице-президента часто воспринимаются как совокупный общий образ всех граждан, и от вызванных ими эмоций зависит характер отношения к самой стране.

Во многих странах Африки имидж постепенно становится фактором эффективной политической коммуникации. Сформированный устойчивый позитивный имидж политического лидера и партии позволяет им осуществлять свою деятельность более продуктивно, так как это облегчает получение постоянной поддержки электората. По этой причине имиджи политического лидера и политических организаций необходимо формировать/корректировать не только в период предвыборных кампаний – это должно стать постоянным процессом на протяжении всей их жизни в политике.

Прокопенко Л.Я.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ КАК ФЕНОМЕН МАССОВОГО СОЗНАНИЯ (СТРАНЫ АФРИКИ)

В африканских странах с началом политической модернизации в 1990-е гг. возросла роль имиджа политического лидера и власти в целом. В современных условиях имидж главы государства, членов правительства и депутатов парламента не только влияют на имидж самой власти в глазах граждан страны, но и становятся одним из стратегических аспектов внешней политики государства. Имиджи лидера страны и первой леди также являются важным фактором коллективной идентификации народа, так как представляют собой один из важнейших аспектов политической коммуникации на национальном и международном уровнях.

Не в последнюю очередь важность формирования политического имиджа власти вызвана изменениями этических стандартов государственного управления, которые все больше становятся похожими на стандарты бизнес-менеджмента. В Африке имиджи страны и ее лидера имеют также экономическую стоимость, так как влияют на международных доноров и организации, предоставляющих внешнюю помощь, от которой по-прежнему во многом зависит социально-экономическое развитие стран континента.

Значение имиджа политических лидеров и партий резко возрастает в период избирательных кампаний. Зачастую в общественное сознание вносится нужный избирателям образ, который на самом деле может иметь лишь малое сходство с реальным человеком. Базовым понятием для построения имиджа кандидата являются социальные ожидания электората. Имидж лидера может формироваться стихийно или быть результатом усилий самого политика и его команды, а также политтехнологов.

Сформированный устойчивый позитивный имидж политического лидера и партии позволяет им вести свою деятельность более продуктивно, так как это облегчает получение постоянной поддержки электората. По этой причине имиджи политического лидера и политических организаций необходимо формировать/корректировать не только в период предвыборных кампаний, это должно стать постоянным процессом на протяжении всей их жизни в политике. Представляется важным профессиональное управление (с привлечением PR-специалистов) политическим имиджем, благодаря которому имидж постепенно должен становиться фактором эффективной политической коммуникации.

Prokopenko Liubov Ya.

The RAS Institute of African Studies, Moscow, Russia

POLITICAL IMAGE AS A PHENOMENON OF MASS CONSCIOUSNESS (AFRICAN COUNTRIES)

Since the beginning of political modernization in African countries in the 1990s the role of the political leader's and of the authorities' image keeps

increasing. Under modern conditions, the image of the head of state, of government and parliament members not only affects the image of the government itself in the eyes of the country's citizens, but it also becomes one of the strategic aspects of the state's foreign policy. The images of the country's leader and of the First Lady are also important factors in the collective identification of the people, as they represent one of the dominating aspects of political communication at the national and international levels.

Last but not least, the importance of creating a political image of the government is caused by changes in the ethical standards of public administration which are increasingly becoming similar to business management standards.

In Africa, the image of the country and of its leader has also its economic value, because it is one of the crucial issues for international donors and organizations providing external assistance, on which the socio-economic development of the continent still largely depends.

The importance of political leaders' and parties' image increases dramatically during election campaigns. A required image introduced into the public consciousness often has only slight resemblance to a real person. The basic concept for building a candidate's image is the social expectation of the electorate.

A stable positive image of a political leader/party allows them to perform better, making it easier to obtain ongoing support from their electorate. For this reason, images of political leader and of political organizations need forming/adjustment not only during the election campaign, this should be a constant process throughout their political life. Professional management (with the involvement of PR-specialists) of political image seems important in its gradual transformation into a factor in effective political communication.

Aliyu Mukhtar Katsina

Umaru Musa Yar'adua University (UMYU), Katsina, Nigeria

**ILLUSION OF MESSIANISM IN THE NIGERIAN DEMOCRATIC POLITICS:
THE BUHARI PRESIDENCY IN PERSPECTIVE (2015–2019)**

The notion of messianism is a powerful force that attracts support and adulation for populist politicians. This attraction is more pronounced in developing states where structural inequities – social, economic, political – bad governance, and corruption are endemic. Expectedly, messianism feeds on these retardatory forces to breed a false optimism and promise a better and transformed tomorrow in the hands of certain figures, normally paternalistic, whose images and personas are presented through subtle but purposeful cultivation and manipulation of the media and the minds of the people as the saviours. These images are projected as incorruptible with accomplishments of near-mythic proportions. In the late sixties through the nineties, messianism induced several armed forces to directly intervene in the governance and politics of their countries. Democratization, however, forced a shift in the conception and encounter with the notion of messianism among the public. In democratic discourse, the messiah appears as a benevolent father imbued with the wisdom of Solomon, the courage of Moses, and the mass appeal of Jesus or Muhammad. How then does this image help to create conditions that offer politicians appearing in messianic garb access to national power – the presidency; what pledges for salvation do these leaders make consistent with their appeal among voters as messiahs and; most importantly, how do they fare on these pledges while in office? Guided by these questions, I pursue two objectives in this paper. First, I examine the factors and circumstances, especially the unprecedented mass appeal and messianic fervor, that catapulted Muhammadu Buhari to the Nigeria's presidency in 2015. Second, I scrutinize his performance as president of Nigeria between 2015 and 2019 against his three cardinal campaign promises – tackling insecurity, fighting corruption, and addressing unemployment – and show that his failure in all three areas is quite apparent. Subsequently, I argue that this

failure is consistent with the illusion of messianism which lured voters into supporting his aspiration in 2015. In order to achieve these objectives, the paper relies on data obtained from multiple sources including reports and statistics from INEC, media reports, campaign speeches, party statements, and eye witness accounts. These were carefully synthesized and analysed to reveal Buhari as a president who failed to redeem his promises; a substantially tainted image of a president who was seen as ill-prepared to govern; and a realization that the messianic fervor that attended his aspiration to be a president was an illusion.

Костелянец С.В.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

МОХАММЕД ХАМДАН ДАГОЛО
И «НОВЫЙ» ИМИДЖ РЕСПУБЛИКИ СУДАН

Зимой 2018/2019 гг. по Республике Судан прокатилась очередная волна насилия. 11 апреля 2019 г. после почти 30 лет правления был свергнут президент страны Омар аль-Башир. Одним из наиболее «ярких» участников этих событий стал генерал Мохаммед Хамдан Даголо (известный как Хемети), занявший в Переходном военном совете (ПВС) пост вице-президента, а в августе ставший членом сменившего ПВС Суверенного совета Судана (ССС). Если до переворота Судан имел репутацию страны, отличавшейся перманентной нестабильностью из-за продолжительных конфликтов во многих его регионах и в пограничных районах, то после прихода к власти ПВС центром политического брожения стал Хартум, куда были привлечены дополнительные части полувоенного формирования Силы оперативной поддержки (СОП), созданного на базе известного своей жестокостью дарфурского арабского ополчения джанджавид и напрямую подчиняющегося Хемети, которого многие эксперты считают подлинным правителем страны. Именно СОП несет ответственность за жесткое подавление оппозиции новому правительству, повлекшее за собой сотни человеческих жертв.

События в Судане вызвали неоднозначную реакцию мирового сообщества. Если Запад, ранее вводивший санкции против режима аль-Башира, крайне негативно воспринял и приход к власти новой группы военных, то Восток в лице ОАЕ и Саудовской Аравии с первых дней существования ПВС начал оказывать ему финансовую и гуманитарную помощь. В мае 2019 г. ПВС подтвердил готовность продолжать развитие двусторонних контактов с Москвой в военной сфере, а Россия, поддержанная Китаем, 4 июня 2019 г. заблокировала в Совете Безопасности ООН антисуданскую резолюцию. Хотя шлейф насилия, тянущийся за СОП с момента их создания в 2013 г., а также за их командиром, который, к тому же, предал своего бывшего «патрона» – аль-Башира, не может не вызывать у международной общественности определенные сомнения по поводу перспектив сотрудничества с нынешним суданским режимом, в условиях обостряющейся геополитической и региональной конкуренции ключевые внешние акторы готовы закрывать глаза на политическое насилие и нарушения прав человека в Республике.

Виноградова Н.В.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

Д. САССУ-НГЕССО: 35 ЛЕТ У ВЛАСТИ

Д. Сассу-Нгессо – действующий президент Республики Конго, занимающий высший государственный пост более 35 лет: с февраля 1979 г. по август 1992 г. и с октября 1997 г. по настоящее время.

Его жизненный путь неразрывно связан с основными историческими этапами развития страны.

За годы его пребывания в высших эшелонах власти Республика прошла сложный путь с чередой политических кризисов, гражданских войн: от социалистической ориентации до выбора в пользу капиталистических ценностей, от однопартийной системы к многопартийности, от слабой сельскохозяйственной экономики до экономики с успешно развивающимся нефтяным сектором. Д. Сассу-Нгессо получил военное образование. Свою политиче-

скую карьеру начал в 1968 г., приняв участие в организации «Движения 31 июля», приведшего к отставке президента А. Массамба-Деба. Вступление Д. Сассу-Нгессо в Конголезскую партию труда (КПТ) в 1969 г. положило начало его партийной карьере: от члена ЦК КПТ (с 1969 г.) до члена Политбюро ЦК КПТ (с 1970 г.), секретаря ЦК КПТ (с 1972 г.), председателя ЦК КПТ (1979 г.). С 1979 г. Д. Сассу-Нгессо – глава государства, правительства, министр обороны, государственной безопасности и внутренних дел. В условиях перехода к многопартийности Д. Сассу-Нгессо уступил свое лидерство П. Лиссуба, который стал шестым президентом Республики Конго (1993–1997). Д. Сассу-Нгессо ушел с политической арены в августе 1992 г. и вернулся в большую политику в октябре 1997 г., одержав победу в гражданской войне, длившейся с июня по октябрь 1997 г. 25 октября 1997 г. Д. Сассу-Нгессо объявил себя президентом Республики Конго и приступил к обязанностям президента переходного периода в 1997–2002 гг. В дальнейшем, на президентских выборах в марте 2002 г., в июле 2009 г. и в марте 2016 г., одерживал убедительные победы, набирая уже в первом туре голосования соответственно 89,41%, 78,61% и 60,39% голосов избирателей. Все эти годы Д. Сассу-Нгессо оставался председателем КПТ.

Д. Сассу-Нгессо также активно участвовал в работе международных организаций: являлся председателем Африканского союза (1986–1987 гг., январь 2006 г. – январь 2007 г.), Экономического и валютного сообщества Центральной Африки (2010–2011 гг.).

Vinogradova Natalia V.

Institute of African Studies, Moscow, Russia

D. SASSOU N'GUESSO: 35 YEARS IN POWER

D. Sassou N'Guesso is the current President of the Republic of the Congo and has held the highest public office for more than 35 years: from February 1979 to August 1992 and from October 1997 to the present. His life path is inextricably

connected with the main historical stages of the development of the Republic of the Congo.

Over the years of his stay in the highest echelons of power, the country has come a difficult path with a series of political crises, civil wars: from a socialist orientation to a choice in favor of capitalist values, from a one-party system to a multi-party system, from a weak agricultural economy to an economy with a successfully developing oil sector.

D. Sassou N’Guesso received a military education. He began his political career in 1968 by participating in the organization of the July 31 Movement, which led to the resignation of President A. Massamba-Deba. The entry of D. Sassou N’Guesso into the Parti congolais du travail (PCT) in 1969 marked the beginning of his party career: from a member of the Central Committee of the PCT (since 1969) to a member of the Politburo of the Central Committee of the PCT (since 1970), a secretary of the Central Committee of the PCT (since 1972), Chairman of the Central Committee of the PCT (1979). Since 1979 D. Sassou N’Guesso is the head of state, government, Minister of Defense, State Security and Internal Affairs. In the transition to a multi-party system, D. Sassou N’Guesso lost his leadership, P. Lissouba became the sixth president of the Republic of the Congo (1993–1997). D. Sassou N’Guesso left the political arena (August 1992 – January 1997) and returned to power in October 1997, winning a civil war that lasted from June to October 1997. October 25, 1997 D Sassou N’Guesso declared himself President of the Republic of the Congo and served as President of the Transitional Period from 1997–2002. Later, in the presidential elections in March 2002, July 2009 and March 2016 he won a convincing victory, gaining 89.41%, 78.61% and 60.39% of the vote, respectively, in the first round. All these years, D. Sassou N’Guesso remained the chairman of the PCT.

D. Sassou N’Guesso also actively participated in the work of international organizations: he chaired the African Union (1986–1987, January 2006 – January 2007), and the Economic and Monetary Community of Central Africa (2010–2011).

МАДАГАСКАР: НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ – НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ?

В декабре 2018 г. на Мадагаскаре прошли очередные президентские выборы. Их особенностью было то, что в них участвовали все ныне здравствующие президенты страны. Основная борьба, как и ожидалось, развернулась между А. Радзуэлиной и М. Равалумананой, которые смогли реализовать значительные финансовые и людские ресурсы в борьбе за победу. Второй тур принес победу А. Радзуэлине (55,66% голосов), чему во многом способствовали его популярность среди молодежи, владение искусством общения и, конечно, его состояние.

Новый президент – не новичок в политике. А. Радзуэлина возглавил страну в марте 2009 г. после государственного переворота (при участии военной верхушки), в результате которого М. Равалуманана был смещен со своего поста и эмигрировал в ЮАР. А. Радзуэлина официально провозгласил себя главой Высокой переходной администрации Республики Мадагаскар (с функциями президента). Африканский Союз (АС), Сообщества развития Юга Африки (САДК) и основные партнеры Мадагаскара (страны ЕС и США) не признали новый режим конституционным. Это привело к четырем годам политической изоляции и экономических санкций – АС и САДК приостановили членство Мадагаскара, страны-доноры заморозили финансовую помощь. Это были годы самого продолжительного и тяжелого политического кризиса из всей череды кризисов, пережитых Мадагаскаром за годы независимости. Специальный орган САДК по политике, безопасности и обороне, четыре года занимавшийся урегулированием кризиса, создал «дорожную карту», в соответствии с которой были подготовлены и проведены президентские выборы 2013 г. К ним не были допущены бывшие президенты, победа досталась Э. Радзаунаримампианине, который возглавлял страну до выборов 2018 г.

Перед А. Радзуэлиной стоит весьма нелегкая задача – вывести Мадагаскар из нищеты (по данным ВБ, Мадагаскар является одной из пяти беднейших стран мира) и обеспечить политическую стабильность в стране, что позволило бы осуществлять экономические и другие реформы.

Shlenskaya S.M.

The RAS Institute for African Studies, Moscow, Russia

MADAGASCAR: NEW PRESIDENT – NEW PROSPECTS?

Regular presidential elections were held In December 2018 in Madagascar. Their peculiarity was that all living presidents of Madagascar were on the ballot list. The main struggle, as expected, unfolded between A. Rajoelina and M. Ravalomanana. They were the only candidates who could mobilize significant financial and human resources to win. The second round brought victory to A. Rajoelina (55,66% of votes), and that was largely contributed to his cunning communication skills, popularity amongst young voters and, of course, to his immense wealth.

The new President is no stranger to politics. A. Rajoelina headed the country in March 2009 after a coup (with the participation of the military elite), as a result of which M. Ravalomanana was forced to resign as president and emigrated to South Africa. A. Rajoelina officially declared himself the head of the High transitional administration of the Republic of Madagascar (with the functions of President). The African Union (AU), The Southern African Development Community (SADC) and Madagascar's main partners (the EU and the US) did not recognize the new regime as constitutional. This led the country to four years of political isolation and economic sanctions – the AU and SADC suspended Madagascar's membership, donor countries froze financial aid. These were the years of the longest and most severe political crisis of the entire series of crises experienced by Madagascar during the years of independence. SADC's special body for policy, security and defense, which has been dealing with the crisis for four years, created a "road map", according to which the presidential elections of

2013 were prepared and held. Former presidents were not allowed to participate. H.Rajaonarimampianina won the 2013 presidential elections and led the country until the 2018 elections.

A. Rajoelina faces a very difficult task – to lift Madagascar out of poverty (according to the World Bank, Madagascar is now ranked among the five poorest countries in the world) and to ensure political stability in the country, which would allow economic and other reforms.

Турьинская Х.М.

Институт Африки РАН; Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, РФ

**ПАТЕРНАЛИЗМ VS ЛИБЕРАЛИЗМ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ ПРЕЗИДЕНТА КИКВЕТЕ
И РЕФОРМА ТАНЗАНИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА**

Образ предка, старшего, значимого взрослого, авторитета, учителя сохраняет свое место в политической культуре африканцев, с чем связана устойчивость такой практики организации отношений в африканских обществах и государствах, как патернализм. Отцы, вожди, президенты, опекуны, финансовые доноры «лучше знают» потребности и ожидания детей, соплеменников, сограждан, народа, подопечных, реципиентов. В патерналистской модели субъект определяет, как должен действовать объект; объект принимает положенный ему в данной иерархической системе статус.

Автор доклада анализирует взаимовлияние традиционной установки на патернализм, фиксируемой в африканских социумах, и современной системы политического лидерства как одного из институтов формальной демократии. На примере Танзании периода президентских полномочий Джакайя Киквете (2005–2015) рассматривается имидж главы государства и председателя правящей партии. Выявляются механизмы принятия лидером решений по ключевым проблемам политического устройства и развития страны, в том числе в сфере союзных отношений между материковой и островной частями Объединенной Республики.

Политический имидж президента Дж. Киквете представляется относительно либеральным в сравнении с образом твердого «юниониста», которым пользовался его предшественник президент Б. Мкапа, идейный последователь и официальный преемник «отца нации» Мвалиму Ньерере. В годы правления Киквете исполнительная власть, уступая требованиям оппозиции, решилась на конкретные шаги по изменению Основного закона, в т.ч. параметров федеративного устройства ОРТ. Конституционная реформа была заявлена в качестве лейтмотива второго президентского срока Киквете. Симптоматично, что к моменту его окончания процесс подготовки реформ был остановлен, запланированный референдум не состоялся.

Подтверждая статус-кво, курс на традиционные ценности и преемственность в танзанийской политике, Джакайя Киквете в числе главных своих достижений на посту президента отметил сохранение Союза и прежней конфигурации госустройства ОРТ. Тренд на стабильность получил продолжение в деятельности следующего за Киквете, ныне действующего президента Дж. Магуфули, заслужившего репутацию консерватора и авторитарного государственника: для нового правительства изменение конституции – не приоритетная задача.

**Arina Muresan,
Jo-Ansie van Wyk,
Chidochase Nyere**

Institute for Global Dialogue, Tshwane (Pretoria), South Africa

**THE CONTRIBUTION OF AFRICAN FIRST LADIES
TO AFRICAN POLITICAL IMAGE AND LEADERSHIP
(THE CASE OF SOUTH AFRICA)**

Whereas First Ladies (i.e. the wife of the President, Prime Minister or Head of State) have been studied in westernized contexts, First Ladies of African states remain under-researched. Due to their proximity to the Executive and other decision-makers, First Ladies here and elsewhere have considerable political influence contributing to the image and leadership of an African state in direct and

indirect ways from a gendered perspective. While some former and current African First Ladies do not consider the office of the First Lady as one that should hold be seen as one that has a core responsibility to the governmental duties. However, her contributions to socio-economic and philanthropic projects, public appearances, and her own professional aspirations contribute directly to the political image and legitimacy of the Head of State. Indirectly, a first lady's personal life experiences are also thrust into the public eye and her marriage, culture, and contributions to liberation struggle of her country and the peace processes of other African countries, also have an impact softening or bolstering the image of the leader. This paper will explore the role of the First Lady in the case of South African first ladies in post-apartheid South Africa.

Прокопенко Л.Я.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

**ИМИДЖ ПЕРВОЙ ЛЕДИ В СТРУКТУРЕ
ИМИДЖА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА**

В последнее десятилетие происходит дальнейшее развитие отношений России и стран Африки, что ярко продемонстрировал первый саммит и экономический форум «Россия – Африка», состоявшийся 23–24 октября 2019 г. в г. Сочи. Все актуальнее становится понимание того, что собой представляют, как формируются правящие элиты континента, кто возглавляет его многочисленные и так не похожие одно на другое государства.

В Африке власть в большой степени воспринимается персонифицированно, в тесной связи с фигурой политического лидера. Образ главы государства становится более понятным при взгляде на него сквозь призму личности первой леди. Ее имидж значительным образом влияет на восприятие имиджа президента страны ее гражданами и мировым сообществом. Первая леди, с одной стороны, является партнером главы государства по браку, с другой – представляет женщин своей страны. Не участвуя непосредственно в принятии решений, она как жена имеет зачастую большое личное влияние на суп-

руга, от которого это решение зависит. Ее общественно-политическая деятельность все чаще вызывает интерес в обществе, становится предметом обсуждения, прежде всего со стороны оппозиции и СМИ. Многие первые леди стран Африки оставили заметный след в истории континента не только в этом своем качестве, но и как видные общественные и политические фигуры. Их возросшая в последние десятилетия общественно-политическая активность сказывается на международном имидже их стран.

В условиях политической либерализации, начавшейся в 1990-е годы, роль супруг глав африканских государств значительно возросла. В рамках региональных организаций первые леди влияют на решение важных вопросов развития континента, например борьба с голодом и СПИДом, становление гендерного равенства в обществе.

Сегодня эффективная деятельность (участие в предвыборной кампании супругов, благотворительность, работа в различных фондах и пр.) африканских первых леди, как и в странах других континентов, положительным образом влияет на формирование позитивного политического имиджа глав государств и способствует их легитимизации.

Prokopenko Liubov Ya.

The RAS Institute of African Studies, Moscow, Russia

THE IMAGE OF THE FIRST LADY IN THE IMAGE STRUCTURE OF THE HEAD OF STATE

In the last decade further development of relations between Russia and African countries has been taking place. It was clearly demonstrated by the first Russia-Africa Summit and Economic Forum held in October 23–24, 2019 in Sochi, Russia. The understanding deepens of how ruling elites of the continent are formed and who heads its numerous and so different states.

In Africa, power is to a large extent perceived as personified, closely connected to the figure of a political leader. The image of the head of state becomes clearer when looked at through the prism of the First Lady's personality.

Her image significantly affects the perception of the image of the country's president by its citizens and by the international community. The First Lady is, on the one hand, the head of state's spouse; on the other hand, she represents the women of her country. Not participating directly in decision-making, she as a wife often has a great personal influence on her spouse, of whom decisions depend. Many of the First Ladies of African countries leave noticeable traces in the history of the continent not only in this capacity but as prominent public and political figures. Their increased socio-political activity in recent decades affects the international image of their countries.

Acting within the framework of regional organizations, First Ladies play their role in the solution of important issues of the development of the African continent, fighting, for example, against hunger and AIDS, and in favor of gender equality in society.

Nowadays fruitful activities (participation in their spouses' election campaigns, charity, work in various foundations, etc.) of the First Ladies in Africa, as well as in countries of other continents, positively affect the formation of a positive political image of the heads of state and contribute to their legitimization.

Emily Riley

El Colegio de México, Mexico

MEMOIRS AS ETHNOGRAPHIC SOURCES: MOUSLY DIAKHATÉ

Madame Mously Diakhaté is a member of the Senegalese parliament and has been involved in state politics since the late 1990s. Her political career, however, began much earlier among her female peers in a neighborhood of Dakar as she founded women's associations. She has written a memoir of her life and career in politics entitled, *De Daara a l'Hemicycle* (From Coranic Schooling to Parliament), emphasizing the personal relationships that helped her ascend to the highest ranks of Senegalese politics. During my months of research with her, her memoir served as a central and comparative component to my analysis of Mously in an era of African women's greater expansion into state politics. In fact, she often told me to

“look it up in my book” in response to my questions about her career or specific elements of her life. This paper therefore considers the memoir as an important complimentary source to an ethnographic study of the memoir’s subjectivity. Her memoir is split into two major sections. The first is in Mously’s voice giving a general history of her early schooling and commentary about what her various family members taught her about politics. The second half is full of short testimonies from her family, religious community members, and colleagues. They speak to her courage, personality, and accomplishments. In this paper I then ask questions such as: How can Mously’s memoir speak to the daily performances and experiences of politics and life? What does the structure of her memoir say about her priorities and positionality? In addition, this paper considers how the presence of a memoir changes the dynamics of ethnographic research.

Adeyanju, Esther Oluwatoyin

Federal College of Education, Abeokuta, Ogun State, Nigeria

INVESTIGATION OF LANGUAGE OF THE NIGERIAN POLITICAL ELITE OF LINGUISTIC STYLISTIC

A linguistic stylistic investigation of the language of the Nigerian political elite. This study reviews and analyses the language that the Nigerian political elite use while discussing and conducting the politics with a view to finding out functional reasons for the features that characterize or permeate it. Political elite according to this study are Nigerians that are educated and who are as a results saddled with the responsibility of business of political leadership through the various political positions like the president or head of state, governors, legislators at various tiers of government, ministers, ambassadors, adviser and other political officers. It also embraces those that are involved in practical political partitioning and politicking either civil or military and those that are educate. However this study will not segregate or sectionalize the political elite whose language is being studied. The study specifically concentrate on the elite that have made significantly contributions or land marks to the building and development of Nigerian political

history across the various regimes and government, that have had so far in this country, whether military or civilians.

Гаврилова Н.Г.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

ИМИДЖ НИГЕРИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ОЛУСЕГУНА ОБАСАНДЖО (1999–2007)

С 1966 по 1999 г. Нигерия пережила долгий период правления сменявших друг друга военных режимов, что привело к ухудшению ее международного имиджа и разрыву отношений со многими странами, некоторые из которых отзывали своих послов или полностью закрывали дипломатические представительства. Традиционные нигерийские торговые партнеры и доноры прекращали финансовую поддержку и кредитование; была ограничена и гуманитарная помощь, оказывавшаяся частными фондами и международными организациями. В стране наблюдался высокий уровень бедности, безработицы и инфляции. Крупные государства вводили против Нигерии санкции, почти полностью блокировавшие инвестирование в экономику страны. Из-за незначительного притока иностранных инвестиций, сокращавшегося при военных режимах из-за экономической нестабильности и масштабной коррупции, хозяйство Нигерии периодически переживало глубокие спады.

Избрание в 1999 г. Олусегуна Обасанджо президентом Нигерии стало переломным моментом в истории государства. С самого начала его правления Обасанджо приступил к формированию т.н. челночной дипломатии, регулярно посещая с официальными и неофициальными визитами зарубежные страны с целью оздоровления международного имиджа Нигерии. В результате этих поездок были восстановлены и укреплены утраченные при военных режимах внешнеэкономические связи с США, Европейским Союзом (прежде всего с главным торговым партнером – Великобританией), с Японией, установлены отношения с Международным банком реконструкции и развития,

Международным валютным фондом и др. Нигерия начала играть руководящую роль в ряде международных организаций, в том числе в ЭКОВАС, Организации африканского единства / Африканском союзе и в G-77. Это позволило Нигерии получить определенные экономические дивиденды, например списание Парижским клубом внешнего долга страны на сумму в 18 млрд долл. США, что свидетельствовало о росте доверия к Нигерии со стороны мирового сообщества. Приток ПИИ при правлении Обасанджо вырос с 1 млрд долл. в 1999 г. до 6 млрд в 2007 г. Для Обасанджо и его преемников – Умару Яр-Адуа, Гудлака Джонатана и Мухаммаду Бухари – зарубежные поездки явились инструментом не только восстановления международного имиджа Нигерии, но и, что наиболее важно, создания благоприятной атмосферы для привлечения в страну иностранного капитала.

Денисова Т.С.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ ПРЕЗИДЕНТА НИГЕРИИ МУХАММАДУ БУХАРИ И ВОСПРИЯТИЕ СТРАНЫ МИРОВЫМ СООБЩЕСТВОМ

Проблема формирования политического имиджа главы государства занимает важное место в изучении эволюции политического лидерства в Африке. От характера проводимых им реформ, от его поведения на внутренней и внешней политических аренах, облика и даже состояния здоровья зависит восприятие руководимой им страны мировым сообществом. Мухаммаду Бухари во второй раз (в первый – в результате военного переворота 1983 г.) пришел к власти уже как гражданский лидер в 2015 г. По итогам военного правления Бухари в 1980-х годах сложился его образ как жестко авторитарного руководителя, борца с коррупцией и недисциплинированностью, и, несмотря на многочисленные провалы его режима в социально-экономической сфере, на президентских выборах 2015 г. за него проголосовала бóльшая часть избирателей. Прежде всего, это свидетельствовало о том, что нигерийцы в массе своей были больше озабочены достижением безопасности (ликви-

дацией террористической группировки «Боко Харам») и политической стабильности, нежели социально-экономическими проблемами. Страны Запада также приветствовали приход к власти неподкупного политика, кадрового военного, имевшего авторитет в армии и способного, как тогда казалось, «полностью избавить страну от террористов» и сократить масштабы коррупции. В результате Нигерия стала в больших объемах получать технико-экономическую помощь и военную поддержку для борьбы с «Боко Харам». В известной мере Бухари оправдал надежды своих «союзников»: террористы были оттеснены на дальний северо-восток страны, и Нигерия обрела имидж относительно стабильной территории и перспективного экономического партнера.

Denisova Tatyana S.

The RAS Institute of African Studies, Moscow, Russia

THE POLITICAL IMAGE OF NIGERIAN PRESIDENT MUHAMMADU
BUHARI AND THE PERCEPTION OF THE COUNTRY
BY THE INTERNATIONAL COMMUNITY

The problem of the formation of the political image of the head of state occupies an important place in the study of the evolution of political leadership in Africa. The perception of the country he leads by the world community depends on the nature of his reforms, on his behavior in the domestic and foreign political arenas, his appearance, and even his state of health. Muhammadu Buhari came to power for the second time in 2015 already as a civilian leader (the first time he came to power as a result of the military coup of 1983). His rule in the 1980s endowed him with the image of a tough authoritarian leader, a fighter against corruption and lack of discipline, and despite the numerous failures of his regime in the socio-economic sphere, the majority of voters voted for him in the 2015 presidential election. First of all, this testified to the fact that the majority of Nigerians were more concerned with achieving security (i.e. eliminating the terrorist group Boko Haram) and political stability than with socio-economic problems. Western

countries also welcomed the ascension to power of an incorruptible politician, a well-trained military man, who had authority in the army and was able, as it seemed then, to “completely rid the country of terrorists” and reduce corruption. As a result, Nigeria began to receive more technical and economic assistance and military support to combat Boko Haram. To a certain extent, Buhari lived up to the hopes of his “allies”: the terrorists were driven back to the far north-east of the country, and Nigeria gained the image of a relatively stable territory and a promising economic partner.

**Panel VI-8. South Africa: A New Dawn?
Секция VI-8. Южная Африка: новая заря?**

Convenor / Руководители: *Sifiso Mxolisi Ndlovu* (University of South Africa, Pretoria); *Владимир Геннадьевич Шубин* (Институт Африки РАН, Москва)

Alexandra Arkhangelskaya

Institute for African Studies; Higher School of Economics Moscow, Russia

**SOUTH AFRICA: A NEW DAWN? MUTUAL RELATIONS
IN HISTORY AND MODERNITY: SOVIET RELATIONS WITH THE ANC
IN THE EARLY 1960S–1970S**

On October 24, 2019, Sochi hosted the first ever Russia-Africa summit, which was attended by representatives of all African states and regional organizations, as well as President of South Africa – Cyril Ramaphosa. USSR played an important role in supporting the national liberation movements in the South of the continent, and the revival of interest in the development of mutual cooperation gives hope for a new dawn in relations between Russia and South Africa.

Today, there are difficulties associated with the understanding of historical knowledge and its role in modern culture and history, which cause great debate among philosophers, historians, anthropologists and all those who try to understand modernity and man in the context of time.

First of all, it is a question of whether and to what extent modern man needs knowledge about the past. Today, almost everyone agrees that humanity is at a turning point in its development, that the emerging and projected future can not be like what it was until now. It seems, therefore, that the knowledge of the past helps us to understand our present, and even more so the future.

In this context the most relevant is the knowledge and understanding of the historical heritage between Russia and South Africa

Year 1960 in historiography is called the Year of Africa. In one year, 17 independent States appeared on the continent in the process of the fall of colonial regimes. In North Africa, the national liberation war in Algeria continued.

In these circumstances ANC's struggle against racial discrimination, which had been active since the late 1950s, was peaceful: the leaders of the organization limited themselves to mass protests and avoided violent methods. The situation was changed by the tragic incident known as the "Sharpeville massacre" (March 21, 1960), when 69 people were killed and 180 wounded during the dispersal of a peaceful demonstration by the authorities. This event was a watershed that defined, on the one hand, the development of the phenomenon of dualism in South Africa's foreign policy, and on the other – influenced the unique features of the foreign policy process carried out by both the official regime and the ANC, which can be combined with the term "personal diplomacy".

The Soviet Union holds a special place in the history of international relations of South African activists. Contrasting itself with the capitalist West, the USSR in the postwar decades provided extensive economic and political support to countries that had gained independence from Western colonial regimes. Guerrillas who fought Portuguese rule in African countries, including Angola and Mozambique, received combat training in the USSR. Military and other specialists provided assistance in the construction of industrial enterprises, infrastructure, educational and medical institutions. A number of African States have at various times declared their commitment to the socialist course.

In the context of this policy, establishing contacts and seeking the support of the Soviet leadership was one of the priorities of the liberation movement in South Africa in the underground. Some of the ties with the USSR established by the Communist party and the ANC had broken off with the outbreak of World War II, and now they had to be re-established. Moreover, in 1950 in South Africa banned the Communist party at the official level, and in 1956 closed the Soviet Consulate.

As an ally, the USSR favourably differed in the eyes of the leadership of the ANC from other potential partners in that it left key decisions to the South Africans themselves and did not make reciprocal demands. While China and other countries put forward a number of conditions or imposed their own scenarios of how the anti-racist struggle should be carried out.

ЮЖНАЯ АФРИКА: НОВАЯ ЗАРЯ? ВЗАИМНЫЕ СВЯЗИ
В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ: ОТНОШЕНИЯ СССР С АНК
В НАЧАЛЕ 1960-х – 1970-х¹

24 октября 2019 года в Сочи прошел первый в истории саммит Россия – Африка, на который приехали представители всех государств и региональных организаций континента, равно как и президент ЮАР – Сирил Рамафоса. СССР играл важную роль в поддержке национально освободительных движений на юге континента, а возрождение интереса в развитии взаимного сотрудничества даёт надежду и на новую зарю в отношениях между Россией и ЮАР.

Сегодня существуют сложности, связанные с пониманием исторического знания и его роли в современной культуре и истории, которые вызывают большие дискуссии среди философов, историков, антропологов и всех тех, кто пытается понять современность и человека в контексте времени.

Прежде всего, это вопрос о том, нужно ли и в какой степени нужно знание о прошлом современному человеку. Сегодня почти все согласны с тем, что человечество стоит на переломном рубеже в своём развитии, что возникающее и проектируемое будущее не может быть похоже на то, что было до сих пор. Представляется поэтому, что знание о прошлом помогает нам понять наше настоящее, и тем более будущее.

В этом контексте наиболее актуальным становится знание и понимание исторического наследия между Россией и Южной Африкой

1960-й в историографии принято называть Годом Африки. За один год в процессе падения колониальных режимов на континенте появилось 17 независимых государств. На севере Африки продолжалась национально-освободительная война в Алжире. На этом фоне борьба АНК против расовой дискриминации, которая активно разворачивалась с конца 1950-х годов, носила мирный характер: руководители организации ограничивались массовыми протестными акциями и избегали насильственных методов. Ситуацию изме-

---

¹ При поддержке гранта РФФИ № 19-514-60002 «Международная солидарность с борьбой против апартеида: историческая память в России и Южной Африке».

нил трагический инцидент, известный как «расстрел в Шарпевиле» (21 марта 1960 г.), когда в процессе разгона мирной демонстрации властями 69 человек погибли, 180 были ранены. Это событие стало водоразделом, определившим, с одной стороны, развитие феномена дуализма во внешней политике Южной Африки, а с другой – повлиявшим на уникальные особенности внешнеполитического процесса, осуществляемого как официальным режимом, так и АНК, которые можно объединить термином «личная дипломатия».

Советский Союз занимает особое место в истории международных отношений южноафриканских активистов. Противопоставляя себя капиталистическому Западу, СССР в послевоенные десятилетия оказал обширную экономическую и политическую поддержку странам, обретшим независимость от западных колониальных режимов. Партизаны, боровшиеся с португальским владычеством в африканских странах, в том числе в Анголе и Мозамбике, проходили боевую подготовку в СССР. Военные и иные специалисты предоставляли помощь в строительстве промышленных предприятий, объектов инфраструктуры, образовательных и медицинских учреждений. Целый ряд африканских государств в разное время декларировал приверженность социалистическому курсу.

В контексте такой политики налаживание контактов и поиск поддержки советского руководства являлось одной из приоритетных задач антирасистского движения в ЮАР в условиях подполья. Некоторые связи с СССР, установленные ЮАКП и АНК, прервались с началом Второй Мировой войны, и теперь их нужно было снова налаживать. Тем более что в 1950 г. в ЮАР запретили компартию на официальном уровне, а в 1956-м закрылось и советское консульство.

Как союзник СССР выгодно отличался в глазах руководства АНК от других потенциальных партнеров тем, что принятие ключевых решений оставлял самим южноафриканцам и не предъявлял ответных требований. Тогда как Китай и другие страны выдвигали ряд условий или же навязывали свои сценарии того, как должна осуществляться антирасистская борьба.

Valentina V. Griбанова

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (IAS)
Moscow, Russia

**CHANGES IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF SOUTH AFRICA
(2018–2019): PRO & CONTRA**

In February 2018, South Africa announced the actual introduction of free higher education for students from families who receive less than 350 thousand rand each year. This step of the government was not accidental. The struggle for free higher education has been going on since 2015 and is associated with numerous student actions and protests. This movement was called "Fees must fall". Post-secondary education is funded through the National Student Financial Assistance Scheme (NSFAS) in the form of a fully state-funded scholarship. It includes not only the full cost of training, but also registration fees, transportation and food expenses, free accommodation on campuses, the ability to use textbooks and technical equipment for training. Free training is possible not only at universities, but also at TVET (Technical and Vocational Education and Training) colleges, which are actively developing in recent years. Training options range from short-term courses over several months to long-term programs for up to three years. In modern conditions, this is a good way to get a professional education. Scholarship recipients must work out to 80 hours year in the field of social assistance. In this regard the government hopes to cultivate responsibility among future professionals and partially compensates the taxpayers money. The negative side of the issue is primarily related to the economy. In order to ensure these innovations, the government was already forced to raise the value added tax from 14 to 15%. The World Bank has stated that South Africa's higher education subsidy plan is financially unsustainable and doubling the number of students by 2030 is not almost impossible. There is another aspect: the presence of a large number of people with a degree of higher education will not solve the country's socio-economic problems, in particular the elimination of unemployment, which is what young black South Africans expect.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮАР (2018–2019 гг.): ЗА И ПРОТИВ

В феврале 2018 г. в ЮАР было заявлено о фактическом введении бесплатного высшего образования для студентов из семей, которые ежегодно получают менее 350 тыс. рандов. Этот шаг правительства был сделан не случайно. Борьба за введение бесплатного высшего образования шла с 2015 г. и связана с многочисленными студенческими акциями и протестами. Это движение получило название «Fees must fall». Финансирование послешкольного обучения проводится через Национальную схему финансовой помощи студентам (NSFAS) в виде полностью субсидируемой государством стипендии. Она включает в себя не только полную стоимость обучения, но и регистрационные сборы, расходы на транспорт и питание, бесплатное проживание в кампусах, возможность пользоваться учебниками и техническими средствами для обучения. Бесплатное обучение возможно не только в университетах, но и в TVET (Technical and Vocational Education and Training) колледжах, которые предлагают курсы технического и профессионального обучения и активно развиваются в последние годы. Варианты прохождения обучения варьируются от краткосрочных курсов в течение нескольких месяцев до продолжительных программ сроком до трех лет. В современных условиях это хороший способ получения профессионального образования. Получатели стипендии должны выполнять до 80 часов общественных работ в год в сфере социального обеспечения. Правительство надеется, что это будет развивать чувство ответственности у будущих профессионалов и частично компенсирует деньги налогоплательщиков. Негативная сторона вопроса связана прежде всего с экономикой. Для того, чтобы обеспечить эти нововведения, правительство уже вынуждено было поднять налог на добавленную стоимость с 14 до 15%. Всемирный банк заявил, что план ЮАР по субсидированию высшего образования является финансово неустойчивым и удвоение числа учащихся к 2030 г. практически не осуществимо. Есть и другой аспект: наличие большого количества людей с дипломом о высшем образовании не решит стоящие

перед страной социально-экономические проблемы, в частности ликвидацию безработицы, на что так рассчитывают молодые черные южноафриканцы.

Mari Harris
Ipsos, South Africa

ARE POLITICAL PARTIES SHIFTING PUBLIC OPINION IN SOUTH AFRICA?

President Ramaphosa is aiming to recreate some of the unity and hope of the post-1994 period with his reference to a “New Dawn” in his first SONA.¹ However, South Africa is no longer the darling of the world’s media and the country’s economy is floundering. The ANC is still in power,² but numerous cracks are showing.

On the IEC³ website, 19 parties are listed as contesting the first democratic elections in 1994. Of these only three parties, the ANC,⁴ the NP⁵ and the IFP⁶ managed to draw the support of more than a million voters. A quarter of a century later,⁷ 48 parties contested the national ballot – but still only three parties (the ANC the DA⁸ and the EFF⁹) achieved more than a million votes. The proliferation of parties suggests that voters are looking for something else in a party, something they have not yet found. Younger voters, especially, want to see their government and political parties take notice of their views.

Ipsos¹⁰ has undertaken public opinion studies in South Africa for close on forty years by conducting regular, robust and representative studies. Drawing from empirical public opinion research data and analysis, this paper will look at the 2016 Local Government Elections and the 2019 National and Provincial Elections

---

¹ State of the Nation Address

² And probably will be for a long time to come.

³ Independent Electoral Commission

⁴ African National Congress

⁵ National Party

⁶ Inkatha Freedom Party

⁷ In May 2019.

⁸ Democratic Alliance

⁹ Economic Freedom Fighters

¹⁰ A well-known market and opinion research company, with headquarters in France.

to shine some light on the main political parties and the reasons for their successes and failures – during this very important period in the South African political history.

Apart from examining existing empirical data, new data on the views of the populace on current internal and foreign policy¹ will be added to the paper to enhance the relevance of the findings.

Alexander Mezyaev
TISBI Kazan, Russia

SOUTH AFRICAN COMMISSION ON THE SO-CALLED STATE CAPTURE: SOME LEGAL AND POLITICAL MATTERS

The so-called *Zondo Commission* (hereinafter *ZC*) – the Judicial Commission of Inquiry into Allegations of State Capture presided by the Judge Raymond Zondo was created by the government of President Cyril Ramaphosa in February 2018 and started its work in August of the same year. The purpose of the Commission is to investigate allegations of the “state capture” – the allegations of corruption, fraud and other crimes in the public sector in South Africa. The activity of the *ZC*, especially the statements of the witnesses is the valuable testimony of the political life in the Republic of South Africa in the last years.

Among the most important matters under the *ZC* consideration may be named the state own enterprises management, the implementation of the legislation in the financial and economic field, the regulation of the mass media. One of the matter that may have a special interest for the Russian Federation is the testimony of different former officials concerning the agreement between Russia and South Africa in the field of the nuclear energy.

In the same time the process of *ZC* raises serious questions of its fairness. Non-collegiality of the composition of the commission; the lack of the proper test of the witnesses’ testimonies (proper cross-examination); exclusion of other sectors from the focus of interest; the politicization of the work of the *ZC* may

---

¹ Study to be finalised in April 2020.

pose a danger to the effective achievement of the officially proclaimed aims and to compromise the positive outcome of this Commission of inquiry.

Benítez Ricardo Agustín

Universidad del Salvador (USAL), Argentina

Roberts Miche

University of Witwatersrand, South Africa

NEW DAWN'S POLICY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR IMPROVING RUSSIA-SA BILATERAL PARTNERSHIP

President Cyril Ramaphosa adopted a nation fraught with challenges. The general 2019 election results indicated the general sentiment around poor trust in government to turn the country's employment, crime, and low trust in state institutions around.

Having taken leadership from the controversial former president Jacob Zuma, the mighty hurdles at the onset of the incumbent's presidency was corruption, a global economic slowdown and failing state owned enterprises. These are some barriers that has jeopardized the certainty of South Africa's growth.

The cost of corruption over the past ten years has cost the country more than one third of its budget for 2019. Despite the climate of grand scale state corruption and a growing incapability to provide reliable infrastructure for trade, 'New Dawn' policies are considered suitable to restore the country's growth trajectory through an ambitious program of state institution's empowerment.

Despite these challenges, South Africa is still considered a strong contributor to the global community. The diplomatic relationship between Russia and South Africa are examples of how, despite difficulties, trade and cooperation can flow between states. There are several areas where both countries contribute. These include BRICS, G20, and UN. Together they encourage the principles of multilateralism, development and non-interference in internal affairs as basis for their bilateral relations.

The bilateral relation includes politics, trade, science, culture, security, diplomacy and humanitarian affairs. It sustains a series of documents which

enhance mutual understanding such as the Treaty of Friendship and Cooperation of 2006 and the Joint Declaration for a Comprehensive Strategic Partnership in 2013.

Both states understand their partnership beyond their own domestic political turbulences. Although, it is important to analyse how Ramaphosa's New Dawn administration will interact with Russian interests on mineral, agricultural and energy sectors, key areas where the bilateral trade and mutual comprehension could face major challenges.

Peter Limb

Michigan State University, USA; University of the Free State
South Africa

THE ICU IN FREE STATE DORPIES AND THEIR HINTERLANDS: A GRASSROOTS PERSPECTIVE

In writing the history of the ICU, or of political/labour movements akin to it, scholars chiefly give prominence to events in major urban centres, for good reason. Yet networks and interactions of these movements with rural towns ('dorpien') and their hinterlands can be important contributing factors to their development. This chapter brings out specific aspects of the neglected history of early twentieth century black politics and labour in the Free State. In doing so, we compare and contrast the political, industrial, intellectual, and cultural dimensions of the ICU in rural towns such as Harrismith, Bethlehem, Bethulie, Parys, and Winburg and their hinterlands, as well as connections to the larger towns treated separately in this book. These dimensions include ICU national and regional policies and politics, rural-urban interactions, the role of teachers, women, farm and urban workers and traders in politics, and a symbiotic if sometimes contradictory relationship between politics and labour, and between the ICU and regional ANC bodies, as well as between their national, regional and local structures and personalities. These features comprise a somewhat different mix than in other provinces yet have attracted scant attention except from Helen Bradford, whose approach we transcend by giving more attention to the above themes and to the detail of rural 'dorpie' political life as expressed in public meetings and other forms of ICU

agitation. We focus on the two decades when the ICU flourished in the Free State, the 1920s and 30s. Perceptions by historians that significant political events largely took place in larger cities and towns have influenced the marginalisation of Free State, and especially rural Free State history. When we de-centre this assumption to factor rural-urban networks and the roles of rural small towns and their hinterlands into the equation, a different story emerges that enhances the importance of early national liberation movements such as the ICU in the Free State.

Roger Southall

University of the Witwatersrand, South Africa

SOUTH AFRICAN DEMOCRACY FOLLOWING ELECTIONS 2019

Elections 2019 conveyed mixed messages. One reading was that the outcome indicated that South African democracy was maturing. This, after all, was the country's sixth democratic elections, and it passed off remarkably smoothly given the languid state of the economy and the extent of social ills, and overall, did so peacefully. Although the performance of the Electoral Commission fell below its accustomed standards, there was little substantive evidence that the elections were anything but credible, free and fair. Furthermore, in a world where political polarization is proceeding apace, South African voters opted largely for the political centre rather than for parties which preached extremes. Even so, the electorate proved adept at sending strong messages to the political parties, large and small.

The contrary interpretation of the elections' results was that they indicated that democracy in South Africa is being hollowed out. There were worrying signals that the South African electorate feels that the established political system is failing them. Voter enthusiasm and trust in the governing ANC continued to decline, the DA vote fell back rather than increasing for the first time, both losing votes to the EFF, a party whose democratic and non-racial values are questionable. Worse, the declining level of voter registration (down from 78% in 2014 to 75% of

the voting age population) shows both a decline in the capacity of the IEC to perform its basic functions and, more alarmingly, a depth of alienation from the political system amongst the electorate which is deeply rooted, especially amongst the young and poorer citizens.

It should, in theory, be deeply chastening for the ANC that it is ruling with the explicit support of only 28% of the potential electorate. It should be equally chastening for the DA in that, despite the fact that it was competing against a ruling party whose record over the previous five years had been one of rampant corruption and massive mismanagement of the economy, it regressed in the polls rather than registering a major advance. The worrying question posed by such concerns is what will happen if these trends continue? Will declining enthusiasm for South Africa's party system result in declining enthusiasm for democracy? Are South Africans spurning the democratic electoral process and becoming indifferent to formal politics? Does this imply they are moving in a direction which could see them swinging behind populist parties of doubtful democratic credentials as is happening in so many countries elsewhere?

This paper will move beyond the initial analysis co-authored in a recent book on the elections the author co-edited with Dr Collette Schulz-Herzenberg.

**Shadrack Ramokgadi,
Comfort Mkhize,
Tobie Beukes,
Audrey Lawrence,
Miranda Maswanganyi,
Ian Liebenberg**

Cemis, South African Military Academy, Stellenbosch University

NEW DAWN OR ETERNAL TWILIGHT? SOUTH AFRICA FINDING ITS WAY IN A QUAGMIRE, 2010 AND BEYOND

South Africa since becoming a unitary state in 1910 following the destructive Anglo-Boer War/South African War (1899-1902) saw many political and economic trials and tribulations during white rule including the apartheid era (1948-1990). Hailed as a new democracy saved through a negotiated transition

away from authoritarianism and tribal dominance by white Africans, the Republic of South Africa after an era of colonialism of a special type had its founding elections in 1994 and the inauguration of a constitutional state (Act 108 of 1996). As a multi-party, yet dominant party-ruled democracy, the new order demonstrated successes and failures during its return to the global arena (i.e. becoming a member of the BRICS forum and a recognised player within the African Union [AU]). Achieving victory in a liberation struggle however does not guarantee a democracy, accountability, non-racism or principled equality, nor guarantee an increased quality of life for its citizens. When the struggle for liberation is achieved the real struggle for democracy starts. Under the rule of President Zuma South Africa experienced a deepening socio-economic crises on many levels and the plundering of state assets. In addressing the question of a “new dawn”, an eternal twilight or democratic, economic and human progress, immediate challenges spring to mind. This paper will address some of these enormous contemporary challenges, namely education and educational policy (successes and failures), bureaucracy and service delivery on national and provincial levels, the declining state of (or perhaps implosion) of service delivery in the areas of electricity and water, human security and managerial challenges and the fight against pervasive corruption. One example is the national Development Plan (NDP) and its perceived outcomes. The ANC as ruling party saw a significant loss of support during the 2019 elections similar to what happened in Namibia where SWAPO lost a lot of support in the recent elections. This paper authored from a multi-disciplinary perspective will relate to various challenges under the identified themes and comment on possible future developments in South Africa and its implications for southern Africa.

Shubin V.G.

Institute for African Studies, Moscow, Russia

**A “NEW DAWN” OVER SOUTH AFRICA:
WHAT IS STOPPING IT FROM COMING?**

The report will analyze the development of the political situation in South Africa after the change of the highest power in this country and the ensuing general elections. The efforts of President Cyril Ramaphosa and his cabinet have not yet led to a significant improvement in the situation, and one of the reasons for this is the continuation (although often hidden) of the factional struggle in the leadership of the African National Congress.

At the same time, the situation in leading opposition parties is no less difficult. A deep crisis, with a racial tinge, is undergoing the Democratic Alliance, whose leader Mmusi Maimane resigned, and another prominent member, Herman Mashaba stepped down as mayor of Johannesburg, the largest city in South Africa. Besides scandals harass leaders of the third biggest party, Economic Freedom Fighters.

**«НОВЫЙ РАССВЕТ» НАД ЮЖНОЙ АФРИКОЙ:
ЧТО МЕШАЕТ ЕМУ НАСТУПИТЬ?**

В докладе будет проанализировано развитие политической ситуации в Южной Африке после смены высшей власти в этой стране и последовавшими за этим всеобщими выборами. Усилия президента Сирила Рамапосы и его кабинета не привели пока к существенному улучшению ситуации, и одной из причин этого является продолжение (хотя нередко и скрытой) фракционной борьбы в руководстве Африканского национального конгресса.

В то же время не менее сложной является ситуация в ведущих оппозиционных партиях. Глубокий кризис, причем с расовым оттенком переживает Демократический Альянс, лидер которого Ммуси Маймане подал в отставку, а другой видный член Герман Машаба ушел с поста мэра крупнейшего города страны – Йоханнесбурга. Скандалы преследуют и руководителей третьей крупнейшей партии «Борцы за экономическую свободу».

Sifiso Mxolisi Ndlovu
UNISA, South Africa

NOT A NEW DAWN: THE ROOTS OF RACISM AND RACIST DISCOURSE DURING SOUTH AFRICAN ELECTION CAMPAIGNS

In terms of elections in South Africa, racism and racist discourse played a prominent role as early as the 1924 general elections. It was then that the Pact Alliance promised to ‘solve’ the ‘native question’ or the national question in South Africa by means of territorial segregation between Africans and whites and also by removing the small number of Africans from the general voters’ role. In this way the 1924 election defined new meaning in existing views on the ‘black peril’ as both an economic and political threat.

During the 1928 to 1929 election campaigns for the second term in office the Pact Alliance used the emotive appeal to save white South Africa by again using the myth of the black peril to sway the opinion of the white voters. The intense election campaign that preceded South Africa’s first democratic elections in 1994 were also alarmed by the unprecedented ‘black peril’ propaganda pressed into service for party-political purposes by the Nationalist Party (NP) and pro-National Party press, *Die Burger*, especially in the Western Cape. Later, this racist election tactic was to influence the Democratic Party (DP) during the second democratic elections (1999) in South Africa. The DP used the ‘Fight Back’ election slogan to entice white voters who left the NP.

During the last election this tactic was again used by the Freedom Front (FF) whose election slogan ‘Slaan terug’ was an Afrikaanised version of the DP’s 1999 election slogan, ‘Fight back’. The DP which had morphed into the Democratic Alliance (DA) and led by an African leader for the first time, haemorrhaged and lost white voters in great numbers who trekked to join the FF. The DA’s strategy to appoint an African leader misfired. He subsequently resigned and accused the DA of being obsessed with its racist past by emphasising winning back the white vote from the FF.

The paper will analyse both the historical and racist roots of both the “Fight back” and “Slaan terug” election campaigns in order to understand why this ‘swaart- gevaar’ racist discourse matters to the white electorate in 21st century South Africa. This challenges the myth of a new dawn in South African electoral politics.

Daria Turianitsa

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

POLITICAL ACTIVITY OF COLOURED PEOPLE: SOUTH AFRICAN GENERAL ELECTIONS 2019

The paper will argue on how the Cape Coloured people of South Africa are demonstrating their political activity, taking into account the Coloured politics of 1950s and a mushrooming of political coloured parties in South Africa at that exact time. The Coloured community alienated ANC in 1950s and helped them to fight with the racial segregation system till 1994.

Now living 25 years in a relatively young democracy, there is still a “war” on an oppressive apartheid past and battling against elements of feeling

Unequal. According to their personal views the community now feels that the current democracy also marginalises them like in apartheid times – but this time telling them they “aren’t black enough”.

In May 2019 South Africans all races in a 6 time had a privilege of deciding which political party will get to steer the nation’s course. As it was declared, a free and fair voting process is the cornerstone of democracy that is allowing ordinary citizens like Cape Coloureds the opportunity to vote for change.

My primary interest of this paper is to realise how this sense of marginalization influences their political preferences and my secondary one – for whom have the coloured community given their support during the general elections in May 2019.

THE ROLE OF RELIGION IN THE SA 2019 PARLIAMENTARY ELECTIONS

The report analyses the role of religion in the parliamentary elections which took place in South Africa in 2019. Pending the 2019 elections, a range of parties appealed to religious sentiment of the electorate in order to gain more votes. At the same time, whereas churches and their pastors have been so engaged in election campaign, they have simply supported respective parties and candidates but they have not constituted an independent actor in this race.

However, the recent election campaign put into question a statement about churches not being independent actors. A group of AICs, which have been considered to stay aloof from politics, came to the fore. A graphic example here is a newly-born party called African Transformation Movement (ATM), which represents churches and was founded by churches.

Never before have political parties in the contemporary South Africa been so deeply affiliated with churches. True, back under apartheid a range of churches participated actively in the struggle against the regime, but it all related to a different group of churches i.e. mainstream (Anglican, Lutheran, Catholic). However, this was the first time for AICs to step in the political arena, and it will require some time to evaluate this phenomenon.

РЕЛИГИОЗНАЯ КОМПОНЕНТА В ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ ЮАР 2019 г.

Доклад посвящен анализу религиозной компоненты в парламентских выборах Южной Африке в мае 2019 г. В преддверии выборов различные партии стремились использовать религиозный ресурс, чтоб заручиться поддержкой избирателей и получить дополнительные голоса на выборах. При этом пасторы этих церквей не вовлекаются активно в политику, а просто предоставляют свою площадку.

На последних парламентских выборах 2019 г. мы столкнулись с феноменом, который требует дополнительного изучения – формирование религиозных партий и становление церквей как субъекта политической жизни. Более того, на арену выходит группа традиционно аполитичных церквей (африканских христианских церквей, мессианских) – партия движение за африканскую трансформацию.

Уникальность этой партии заключается в том, что она представляет объединение различных церквей, в то время как все ранее представленные партии в южноафриканской политической жизни носили преимущественно светский характер. До выборов 2019 г. церкви вовлекались в общественно-политическую жизнь, хоть и не боролись за места в парламенте. Тем не менее, в политическую деятельность были вовлечены только европейские церкви, то есть церкви, привнесенные с европейского континента (например, Англиканская церковь). Теперь же на арену выходят традиционно аполитичные (по крайней мере, не вмешивающие открыто в политическую борьбу) африканские независимые церкви и, в частности, мессианские. Феномен АТМ требует дальнейшего изучения и наблюдения, прежде чем давать ему окончательную оценку.

**Panel VI-9. The Middle East and the Horn of Africa in the 21st Century.
Processes of Modernization and Quality of Development in the Light
of Dynamic Relativity of Civilizational Transformations**

**Секция VI-9. Ближний Восток, Северная Африка и Африканский Рог
в XXI веке: процессы модернизации и качество развития в свете
динамической релятивности цивилизационных трансформаций**

Convenors / Руководители: *Александр Алексеевич Ткаченко, Владимир Юрьевич Кукушкин, Иван Тихонович Кофанов* (Институт Африки РАН, Москва)

More acute problems of modernization in the Middle East and North Africa and African Horn countries in the light of the key trends of the World development and the Arab Spring in the second part of the XX century, crises of the authoritarian model of power. The interconnections between political, social and economic sides of modernization/renovation in the Middle East and African Horn. Analysis an “old” and “new” models of political power in its connections with conflict between archaic elements and institutions, tradition and modernity.

Civil society and Islamic tradition in the context of the “Arab spring”. Is potential of the model of authoritarian political power exhausted or not? The stable and unstable models of political power in the region. Radicalism, extremism and moderate Islam. Its connections and ties with internal and external factors. Conflicts and wars in the Middle East and African Horn. The prospects of its settlement in the light of the “Arab Spring” and the growth of uncertainty in the region and the World.

На Секции предполагается рассмотреть актуальные проблемы модернизации в странах Ближнего Востока, Северной Африки и Африканского Рога в свете мегатрендов мирового развития, трансформационных процессов, происходящих в регионе со второй половины XX, кризиса авторитарной модели власти, пиком которой стали политические потрясения первых двух десятилетий XXI века – Арабская весна. Внутренняя связь между политическими, социальными и экономическими составляющими модернизации. Анализ «старых» и «новых» моделей политической власти в ракурсе конфликта между архаикой, традицией и современностью, модерном. Формирование элементов, основ и институтов гражданского общества в мусульманских странах, роль и место исламской традиции, негосударственных организаций (НГО) и международных неправительственных организаций (МНПО). Исчерпан ли потенциал авторитарной модели политической власти? Стабильные и нестабильные модели политической власти. Радикализм, экстремизм и уме-

ренный ислам, их связь с внутренними и внешними факторами цивилизационного развития. Межэтнические, межконфессиональные конфликты, корни сепаратизма, межгосударственные конфликты и войны в регионе Ближнего Востока, Северной Африки, Африканского Рога. Современные и традиционные инструменты, механизмы урегулирования разнообразных конфликтов в свете Арабской весны и роста неопределенности в регионе и в мире в целом. Перспективы достижения качественного развития национальной экономики и формирования региональной системы международной безопасности на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Африке.

Кофанов И.Т.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

СЕВЕРНАЯ АФРИКА: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ В СВЕТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Доклад посвящен комплексному рассмотрению современной политической и социально-экономической ситуации в Северной Африке, выявлению ключевых тенденций её развития, обозримых рисков и открывающихся возможностей для ведения бизнеса в регионе в обозримой кратко- и среднесрочной перспективе.

Арабская весна затронула по-разному, прямо или косвенно все страны региона, но исход, последствия для них были разными. Влияние Арабской весны носит долгосрочный характер. Оно сказывается и сегодня.

Ливия – почти «не существующая» страна (как единое целое), сохраняются высокая степень неопределенности, межплеменная рознь; среди влиятельных политических фигур не только Саррадж и Хафтар. Роль территориальной составляющей и населения/племен. Риски максимальные. К ситуации в стране приковано внимание многих внешних акторов, полагающих, что присутствие в Ливии необходимо: богатейшая ресурсами страна. Перспективы участия в восстановлении инфраструктуры весьма большие, сохраняются огромные финансовые ресурсы, даже если государство разделится на исторические области. Ряд акторов рассматривает военное присутствие как необходимое, возможно и не государственное.

Алжир: ситуация отличается высоким уровнем напряженности и неопределенности. Конституционный кризис. Сохраняется опасность повторения 1990-х годов. Риски высокие. Имеет традиционно разносторонние связи с внешними акторами, включая страны-члены ЕС, Китай, РФ и др. Финансово сегодня Алжир относительно благополучен, но в перспективе – неопределенность цен на нефть. Внешних акторов привлекают рост сотрудничества по линии ВТС, в металлургии, сельском/водном хозяйстве, реализации крупных социальных проектов, несмотря на высокие риски.

Тунис. В стране относительная стабильность. Но политические риски достаточно высоки. Геостратегически важная страна; один из основных союзников ЕС, США вне НАТО. Высокая внешнеэкономическая активность, т.к. страна не располагает значительными природными ресурсами, импортирует в существенных объемах нефтепродукты, зерно, продукции химической отрасли, развивает водное хозяйство. Особое значение в экономике играет международный туризм, сотрудничество по линии ИКТ. Отмеченные особенности ситуации в Алжире и Тунисе в той или иной степени характерны для Египта и Марокко.

Кукушкин В.Ю.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

АЛЖИР В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: УДАСТСЯ ЛИ ПРЕДОТВРАТИТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ПОСЛЕ 2019Г.?

Среди арабских стран, которые избегали серьезных потрясений, до начала 2019 года оставался Алжир. Он опирался на обширный природно-ресурсный потенциал, накопленные экономические резервы, жесткую политическую и административно-хозяйственную централизацию. Поддерживать относительную социально-политическую стабильность удавалось благодаря активизации государственного перераспределения ВВП через бюджет, где основа доходов – поступления от нефтегазового экспорта.

Однако этот инструментарий алжирского государства испытывал усиленное напряжение от нарастающих социальных противоречий при низких

темпах перестройки экономической, институциональной и политической структуры. Все заметнее становились отрицательные последствия «отложенной» или неэффективной/непоследовательной модернизации на большинстве направлений во второй половине 2010-х, особенно после обвала цен углеводородного сырья в 2014 году. Позже их частичное восстановление оказывалось недостаточным, чтобы удовлетворять быстро растущие финансовые потребности государства. Положение усугублялось одновременной стагнацией, иногда снижением производства и особенно экспорта нефтегазовой продукции. В результате за 2014-2018 годы валютные резервы АНДР уменьшились более чем в 2,2 раза, прогнозировалось их сокращение еще в 1,4 раза за 2019 год, нарастал бюджетный дефицит.

С 16 февраля 2019 года в Алжире развернулись и усиливались массовые политические протесты, приведшие к отставке президента А.Бутефлики. Вплоть до осени это движение носило сугубо мирный характер, не представляя угроз экономике, в том числе нефтегазовому сектору. Однако в ключевой отрасли продолжался спад производства и наблюдалось ухудшение инвестиционного климата.

Первой законодательной инициативой переходного алжирского правительства стала подготовка и представление парламенту законопроекта о новых условиях хозяйственной деятельности в нефтегазовом отраслевом комплексе. Проект содержит дополнительные льготы для активного привлечения инвесторов, прежде всего иностранных. Документ действительно включает механизмы, повышающие долю предпринимателей в суммарных отраслевых доходах за счет доли государства, изымаемой в бюджет. Однако остается неизменным принципиальное преимущество государственной нефтегазовой компании перед ее зарубежными партнерами – алжирской стороне гарантировано владение мажоритарными активами во всех совместных предприятиях.

Поскольку именно отсутствие возможностей контроля служило одним из главных препятствий для иностранных инвестиций, вряд ли предложенный закон станет для них серьезным стимулом.

Ткаченко А.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СЕВЕРНАЯ АФРИКА В XXI ВЕКЕ.
ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ: СТРАНОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ В СВЕТЕ КЛЮЧЕВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОГО
РАЗВИТИЯ И АРАБСКОЙ ВЕСНЫ**

В конце XX – начале XXI вв. рельефно обозначились мегатренды, формирующие качественно новый облик современного мира. С одной стороны, они имеют универсальный характер, с другой, в разных локациях – районах, странах, регионах – они различаются – по характеру и динамике, формам, масштабам, отдельные из них находятся в контрадикции (противоречат друг другу). Вероятно, происходящие в XXI в. трансформационные/модернизационные процессы займут длительную полосу в современной истории стран региона из-за накопившихся в течение длительного периода/десятилетий острейших и существенно усложнившихся в 2000-е социально-экономических и политических проблем.

Среди них выделяются интеграционные процессы/глобализация экономического, политического информационного, гуманитарного пространства, индустриализация в сочетании с реиндустриализацией и Четвертой промышленной революцией.

Трансформационные процессы в формирующемся «мире-XXI» частью преодолевая, частью осваивая наследие «мира-XX» во всем их страновом и региональном многообразии, протекают в различных/отдельных его частях с различной скоростью, различной степенью эффективности/неэффективности, возникающими новыми проблемами и грузом старых, накопившихся проблем, осложненных системным кризисом.

Несмотря на многочисленные особенности и территориальные отличия в новом облике возникающего мира, важнейшая общая черта его генезиса – преодоление разноликостной архаики, нередко в остроконфликтной борьбе в одних локациях/территориях, странах, регионах, или в более мягкой, более креативной и с меньшими материальными и гуманитарными потерями. При-

мерами первого варианта стали беспрецедентные политические потрясения, завершившиеся падением целого ряда авторитарных режимов Арабской весны в странах Северной Африки и Ближнего Востока, второго – рождение НИС первой и второй волны в Юго-Восточной Азии.

Особое место в этих процессах принадлежит таким мегатрендам, как (интеграционные процессы) формирование единого торгового, торгово-экономического пространства, политико-экономических и гуманитарных альянсов (региональных группировок и союзов, организаций).

Среди них выделяются качественные, в чем-то радикальные изменения в социальном облике стран и региона в целом: социальной структуры, этноконфессиональных общностей, качественных характеристик отдельных социальных слоев, появление новых социальных слоев, изменения в политической культуре «улицы» и «элит» – интеллектуальной, политической, переменны в мотивационных установках и т.д., произошедшие с середины XX века.

Экономический детерминизм в основном сохраняет свое значение и влияние на весь ход цивилизационного развития при наличии факторов, в том числе социальных, социо-культурных, локальных и других, лимитирующих его роль.

Alexandre A. Tkachenko

THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA IN THE XXI CENTURY. THE PROCESS OF MODERNIZATION OF COUNTRY AND REGIONAL SPECIFICS IN THE LIGHT OF THE KEY WORLD DEVELOPMENT TRENDS OF AND THE ARAB SPRING

At the turn of XXI century, the mega trends forming a qualitatively new look of the modern world boldly came into view. The changes are likely to carve out pride of place in the modern history of the region.

Among them are the integration processes / globalization of economic, political, information and humanitarian area.

At the same time, the processes in the emerging/transforming "world-XXI" overcoming the legacy of "world-XX" in all its country and regional diversity, are moving in different/separate parts of this world with various speed, and various degree of efficiency/inefficiency.

Despite the numerous features and differences in the new image of the emerging world, the most important common feature of its genesis is the overcoming of diverse archaism, often achieved in the acute conflict struggle in some locations/territories, countries, regions, or in softer, more subtle forms, with fewer financial and humanitarian losses. The events of the Arab spring in North Africa and the Middle East are examples of the first option, and the birth of newly-industrialized economies of the first and second wave in Southeast Asia, are examples of the first option.

A special place in these processes belongs to such mega trends as formation of united trade and economic area (integration processes), political, economic and humanitarian alliances (regional groupings and unions, organizations).

Among them are the qualitative changes in the social appearance of countries and the region as a whole: the social structure, the qualitative characteristics of individual social strata, the emergence of new social strata, changes in the political culture of the "masses" and "elites" – intellectual, political, changes in motivation attitudes, etc.), as well as ethno-confessional communities, that have occurred since the mid-twentieth century.

Economic determinism mainly retains its meaning along with the limitation of its role under the influence of a number of factors, including country, regional, cultural and civilizational peculiarities in certain key areas of civilization development.

Башиер Нижуд Хасан
РГГУ, Москва, РФ

СУДАНСКАЯ МИРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ «СУДАНСКАЯ ВЕСНА». НА ПОРОГЕ НОВОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ

Страдания суданского народа от низкого уровня жизни. Расслоение суданского общества: богатые становились с каждым днем богаче, а бедные все беднее. Первый социальный взрыв против правящего режима произошел в 2013 году, но правительство смогло его подавить. Новое повышение цен на хлеб на фоне высокой стоимости жизни и крайне низком уровне заработной платы спровоцировали начало массовых народных выступлений в различных городах Судана.

Правящий президент Башир попытался с помощью своих международных союзников провести поверхностные реформы, чтобы сохранить власть. Предложенные меры и попытки подавить оппозицию продемонстрировали полную несостоятельность действующего президента. После того, как 11 апреля 2019 года армия провозгласила переход на сторону народа, Башир и его окружение пытаются уже не сохранить власть, а просто найти возможность уйти от личной ответственности за содеянное. Для этого делались попытки привести к власти в стране лояльные себе силы, подавив оппозицию.

3 июня 2019 года в священный месяц Рамадан с особой жестокостью была разогнана сидячая забастовка, при этом было убито около 200 человек, изнасиловано множество женщин, тела бросали в Нил и часть людей до сих пор считаются пропавшими без вести. Действовавшая на тот момент власть считала, что люди будут этим напуганы и подчинятся требованиям окружения бывшего президента, позволив ему просто провести косметическую смену властей.

30 июня 2019 года миллионы людей вышли на улицы во всех городах Судана с требованиями гражданского правления и возмездия за убитых, искалеченных и пропавших без вести.

Народ не поддавался на провокации военных и не взял в руки оружие, которое ему пытались навязать около правительственные силы.

17 августа 2019 года при поддержке премьер-министра Эфиопии Абий Ахмед Али между Переходным военным советом Судана, с одной стороны, и оппозиционным Альянсом за свободу и перемены, с другой, был подписан договор о переходе власти к гражданскому правительству. В соответствии с проектом Конституционной декларации был сформирован Суверенный совет Судана – орган власти, исполняющий обязанности главы государства в течение 39 месяцев, начиная с 20 августа 2019 года. Совет состоит из пяти гражданских лиц, выбранных Альянсом за свободу и перемены (АСП), пяти военнослужащих, выбранных Переходным военным советом (ПВС), и гражданского лица, выбранного по соглашению между АСП и ПВС. Председателем в течение первых 21 месяца является военнослужащий Абдель Фаттах аль-Бурхан, а в течение оставшихся 18 месяцев председателем должен быть гражданский член Совета.

В настоящее время в Судане происходит множество преобразований в политике и экономике. Однако пока не все еще народные требования полностью выполнены.

Исмагилова Р.Н.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ЭФИОПИЯ В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН (2021)

Начавшийся в стране политический кризис после смерти премьер-министра Мелеса Зенауи в 2012 г., автократический режим привели к возникновению в ноябре 2015 г. протестных движений, продолжавшихся несколько лет. Протестующие выступали против коррупции, плохого управления, земельных грабежей и главное – засилья тиграй и партии Народный фронт освобождения тиграй (Tigray People's Liberation Front).

Результатом протестных движений стало изменение политического ландшафта в стране. По существу произошел бескровный переворот.

2 апреля 2018 г. премьер-министром стал Абий Ахмед. Впервые в истории страны этот пост заняли оромо – самый многочисленный этнос, составляющий более трети населения страны (численность населения Эфиопии в 2019 г. составляла более 113 млн. человек). Начался новый период в истории Эфиопии.

За время пребывания у власти Абийю Ахмедом сделано немало были освобождены тысячи политзаключенных, легализованы запрещенные и объявленные террористическими политические партии и группировки, объявлена решительная борьба с коррупцией, реорганизованы силы безопасности, наводившие ужас на население. Была решена гендерная проблема: впервые в истории страны президентом страны стала женщина. В правительстве половина постов, занимают женщины. Женщина – верховный судья, женщина – председатель избиркома. Во главе созданного Министерства мира также женщина. Но, несмотря на имеющиеся достижения, ситуация в стране остается крайне сложной: во всех регионах происходят межэтнические конфликты и столкновения (в Эфиопии насчитывается более 80 этнических групп). В стране, по данным международных правозащитных организаций, насчитывается около 3 млн внутренне перемещенных лиц.

Усилились центробежные тенденции. Особенно напряженная обстановка сложилась в Штате южных народов, самом этнически сложном регионе. По официальным данным, в нем насчитывается 56 только титульных национальностей, не считая огромного количества не титульных. Самый многочисленный народ штата – сидама – уже давно требовавший создания собственного штата вместо зоны (административная система страны включает : штаты – зоны – Специальные вореды – вореды – кебеле), наконец добился желаемого. В ноябре 2019 г. в результате референдума более 99 % сидама высказались за создание штата. Собственных штатов требуют еще 14 этнических общностей, в том числе уолайта (волайта), гамо, кеффа.

Сложные отношения существуют между политическими элитами штатов Амхара и Тиграй. Наличие многочисленных оппозиционных партий оромо в штате Оромия также создают трудности.

В октябре 2019 г. произошли массовые беспорядки, носившие этноконфессиональный характер. Атакам со стороны молодежи-оромо подверглись амхара, гамо и некоторые другие этнические группы.

Создание национальной Партии процветания (Prosperity Party) вместо правившего в течение тридцати лет Революционно-демократического фронта эфиопских народов значительно осложнило ситуацию в стране. Усилилось противостояние между сторонниками сохранения нынешней системы этнического федерализма и ее противниками. Страна живет в ожидании перемен.

Кочанова Т.В.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ЮЖНОМ СУДАНЕ

Африканский континент многогранен. Даже в странах Северной Африки и Африканского Рога процессы модернизации и развития проходят неодинаково, с разной степенью тяжести. Казалось бы, обретя независимость от Судана в 2011 году, Республика Южный Судан должна была встать на рельсы модернизации и прогресса, но в реальности погрязла в затяжном кровавом политическом и гуманитарном кризисе. И сегодня мы можем говорить только о необходимости модернизации власти в Республике Южный Судан.

Все мировое сообщество – и от лица Организации Объединенных Наций, и от иных, в частности региональных, институций, и от ряда крупных мировых держав – пытается применять все возможные варианты урегулирования конфликта в РЮС, включая элементы политического давления. Однако ни одно из подписанных соглашений не имело пока положительного развития. Последнее мирное соглашение, подписанное в Эфиопии 8 сентября 2018 года основными сторонами конфликта – президентом Республики Южный Судан (РЮС) Салвой Кииром и лидером вооруженных повстанцев, бывшим вице-президентом Риеком Машаром, – хотя и обеспечило большинству жите-

лей РЮС период некоторого спокойствия и в какой-то мере улучшение ситуации, но тоже не привело к желаемому результату.

Трудности с реализацией подписанного осенью прошлого года соглашения возникли почти сразу же. Ключевым пунктом и, конечно же, камнем преткновения было и остается административное деление страны. Одним из важных шагов на пути к мирному урегулированию вопроса должно было стать формирование нового правительства народного единства, в состав которого должны были войти представители оппозиции во главе с бывшим опальным вице-президентом Риеком Машаром. Кроме того, бывшие повстанцы должны были интегрироваться не только в правительство, но и в ряды национальных Вооруженных Сил. Однако, компромисс так и не был воплощен в жизнь.

В итоге первоначальный срок формирования нового правительства – 12 мая 2019 года – не был соблюден. Дополнительным соглашением срок был продлен еще на 6 месяцев, и назначена новая дата – 12 ноября 2019 года. Но после серии консультаций стороны в ходе личной встречи в Уганде опять продлили срок формирования правительства национального единства еще на 100 дней, то есть до конца февраля 2020 года.

Ведущие мировые державы продолжают оказывать на обе политические силы Южного Судана давление с тем, чтобы те выполнили взятые на себя обязательства и сформировали новое переходное правительство народного единства.

Hamdy A. Hassan
Zayed University, Dubai

THE ARABIAN GULF STATES AND THE HORN OF AFRICA: SHIFTING ALLIANCES AND STRATEGIC PARTNERSHIP

The Horn of Africa, through successive transformations since colonialism, has become a highly complex and interconnected security subsystem. It has become the most conflict-ridden region in the world, and its conflict is aggravated by a high level of international interventions.

This study tries to discuss and explain the new Gulf Cooperation Council (GCC) countries 'strategy towards the Horn of Africa since 2015. The GCC countries are not only seeking to achieve commercial goals, but are trying to achieve its political and strategic interests in the region including fighting Islamic radical groups. Can increased collaboration and cooperation between the GCC countries and the Horn increase the economic and political power and influence of each? Are there lessons to be learned from the new regional alliances in the Horn of Africa?

The study will rely on two theoretical approaches. The first is the concept of regional security complex developed by Barry Buzan. From the security point of view, the region presents a distinct and important subsystem of security relations among a group of countries whose fate is linked to their geographical proximity. The second is the concept of strategic partnership in international relations. It presents a useful tool to escape the "Friendship/Rivalry Dichotomy" in international relations.

The study will briefly introduce its historical and theoretical frameworks, then embarks on assessing the new Gulf cooperative partnerships in the Horn of Africa. Finally, concludes by assessing the implications of these rising interactions over the geostrategic reshaping of the horn of Africa.

Mohamed Ashour

Cairo University, Egypt; Zayed university – UAE

THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA IN 21ST CENTURY
CONFLICT IN THE HORN OF AFRICA AND ITS IMPACT
ON THE REGIONAL SECURITY OF THE GULF STATES

If many regions and countries of Africa suffer from major problems; politically, economically and socially, few other regions of the continent seem so complex and intricate in the Horn of Africa; The conflicts of the countries of the region, the ambitions of a regional nature, the ambitions and interests of the major powers, each of which contributed a share in this crisis and the unresolved situation in the Horn of Africa.

This paper seeks to address the reality and future of regional and international conflict in the Horn of Africa, with an indication of the impact of that conflict on the regional security of the Gulf States. Through three main points, the first presents the map of the conflicting regional and international powers in the Horn of Africa and its interests. The second point deals with the impact of conflicts on the regional security of the Gulf countries, and the third point is to show the options available to the GCC countries in dealing with the opportunities and challenges that these conflicts pose to them.

Елькина Е.А.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АФРИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОНТИНЕНТА

Экологические проблемы Африки определяются как общими для всего мира моментами, такими как глобальное потепление и загрязнение окружающей среды техническими и химическими отходами, так и специфическими моментами, которые обусловлены климатом и историей развития континента. Это, прежде всего, сырьевая ориентация экономики, отставание в научно-техническом прогрессе, низкая квалификация рабочей силы, напряжённая демографическая ситуация, связанная с высокой рождаемостью, и бедность. Все эти проблемы в той или иной степени имеют место и на других континентах, но в Африке они выражены особенно ярко.

Важнейшей проблемой Африки является дефицит пресной воды, от её недостатка страдает по крайней мере треть населения континента. Жители стран, прилегающих к пустыне Сахара, используют только 5–10 литров воды в день, при установленной экспертами ООН минимальной норме 50 литров.

Серьёзнейшей угрозой благополучию Африки являются деградация земель и опустынивание. Причины опустынивания, с одной стороны, связаны с особенностями климата континента, а с другой – с деятельностью человека.

В ряде регионов Африки, где серьёзные экологические проблемы возникают на границе нескольких государств, их правительства сами находят возможность договориться и объединить усилия для мирного решения проблем с соблюдением общих интересов.

Решением экологических проблем Африки заняты многочисленные национальные и международные организации, находящиеся как в самой Африке, так и за её пределами, в том числе Африканский Союз, ООН, Всемирный банк, *Всемирный фонд дикой природы (WWF)* и другие. Решение африканских проблем – это не просто альтруизм развитых стран, но и забота о собственном будущем, поскольку глобальной угрозе для жизни на Земле – потеплению климата – нельзя противостоять без сотрудничества жителей всей планеты.

Многие страны, в которых существует «догоняющая» экономика, уже сейчас задумываются о том, что путь развития, предполагающий высокий уровень товарного потребления, которым шел западный мир и в итоге привел к нынешним экологическим проблемам, им не подходит. Стоит вопрос, какую модель экономики и энергетики должно выбрать население Африки, Юго-восточной Азии и Южной Америки, чтобы выйти из нищеты и при этом не потревожить еще больше хрупкий экологический баланс на Земле.

Ткаченко К.А.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

АФРИКА НА ПОРОГЕ МАССОВОГО ПРИМЕНЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В УПРАВЛЕНИИ, ЭКОНОМИКЕ И РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ?

Существенный рост темпов экономического развития Африки в XXI в. вызвал необходимость перехода к новым, современным методам и инструментам управления социально-экономическими процессами, но также неизбежно затронули и политическую сферу общества.

Указанные новейшие тенденции в странах континента, учитывая низкий уровень экономического развития большинства африканских стран, в

ближайшей, среднесрочной и, вероятнее всего, для многих из них в более отдаленной перспективе будут носить в основном локальный характер.

Они усилят дифференциацию среди 54 стран Африки, причем те государства, где внутривнутриполитическая ситуация отмечена отсутствием вооруженных и иных конфликтов, имеют наибольшие возможности совершить рывок в своем экономическом «восхождении». Ему, вероятно, будут способствовать наличие существенных запасов природного сырья, приморской береговой зоны, облегчающей внешнеэкономические связи и в целом логистику, условия для развития индустрии туризма, ставшей локомотивом экономического роста во многих странах мира.

Среди отраслей, наиболее «расположенных» к адаптации инновационных составляющих цивилизационного прогресса, наряду с вышеназванными, сельское хозяйство (как мелкое и среднее крестьянское хозяйство при поддержке государства, так и агропромышленные предприятия), сфера образования и медицины. Они имеют при этом наибольшее значение с социальной и политической точки зрения, так как позволяют одновременно смягчать и решать проблему занятости, безработицы.

Konstantin A. Tkachenko

AFRICA ON THE EVE OF MASS APPLICATION OF SCI TECH INNOVATIONS IN MANAGEMENT, ECONOMY AND SOCIAL DEVELOPMENT?

The significant growth in Africa's economic development in the XXI century made the transition to new, modern methods and tools for managing socio-economic processes necessary, but also inevitably affected the political sphere of society.

These latest trends in the countries of the continent, given the low level of economic development of the most African countries, will in the near, medium and, most likely for many of them, longer term, be mostly local in nature.

They will strengthen the disparity between the 54 African countries, with the states where the internal political situation is marked by the absence of armed and other conflicts, having the greatest potential for a breakthrough in their economic "ascent". This "ascent" is likely to be facilitated by the significant backlog of raw materials, a coastal zone that eases foreign economic relations and logistics in general, openings for development of tourism, which has become the economic growth driver in many countries of the world.

Among the sectors best prone to adjusting innovative components of civilizational progress, along with the above-mentioned ones, are agriculture (both small and medium-sized peasant-based, supported by state, and agro-industry enterprises), education and medicine. At that, they are of momentous importance from the social and political point of view, since they allow simultaneous mitigation and resolution of unemployment problem.

Прождина С.В.

Институт востоковедения РАН, Москва, РФ

**ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРОАФРИКАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ
(СВИДЕТЕЛЬСТВА ПИСАТЕЛЕЙ-МАГРИБИНЦЕВ)**

1. «Первая волна» 10–50-х гг. XX в. (трудоу и «протестной» эмигранции) алжирцев, марокканцев, тунисцев в творчестве Ж. Амруша, М. Уари, Д. Шрайби, А. Мемми, М. Ферауна.

2. Трудовая эмиграция североафриканцев 50–70-х гг. в творчестве Т. Бенджеллуна как обреченность на маргинальность и «самое глубокое одиночество».

3. Политическая эмиграция эпохи Алжирской войны (1954–1962 гг.) и постколониального периода (70–90-е гг.). Несогласие «автохтонной» интеллигенции Магриба с некоторыми тенденциями независимого развития в Алжире, Марокко и Тунисе, вызванное и политикой арабизации культуры, и утратой «Новой Властью» многих идеалов «борьбы за Свободу». Творчество М. Диба, М. Маммери, Т. Бекри, А. Мемми, Р. Буджедры, Р. Мимуни и др.

4. Рост и «вызовы» исламского интегризма в 90-е гг., гражданская война в Алжире конца 80-х – начала 2000-х гг. и усиление «политической» эмиграции из стран Магриба во Францию. Темы «вечного изгнанничества» и «добровольного» выбора Запада как нового пространства «чужбины» и проблематичного возврата «к корням» в книгах М. Диба, А. Джебар, А. Мемми, Т. Бекри, Т. Бенджеллуна и др. 1990-х–2000-х гг.

5. Роман классика алжирской литературы М. Диба «Авель» (1978 г.) как метафора «обреченности» многих североафриканцев и колониальным Западом, и «независимым» Востоком и на неприятие ими как ценностей мира колонизаторов, как и «отчуждения» осевших на Западе африканцев от ценностей республиканского и демократического устройства, так и несогласие с «новыми порядками» в родных странах, когда-то воевавших за «Свободу и независимость», на вечные поиски идеальной Отчизны и даже на жестокую месть «Каину»-Западу за крушение многих надежд.

Youcef Hamitouche
Algiers 03 University, Algeria

CHINA'S POLITICAL AND ECONOMIC INTERESTS TO ALGERIA AND MOROCCO

In the last two decades, China's relations with Algeria and Morocco have grown considerably, especially in the economic sphere which resulted in China becoming a principal partner, especially with Algeria since 2013, in this highly strategic region which was perceived mostly as a sphere of influence of France since the colonial era, though this influence became more and more challenged by US involvement.

The People's Republic of China has traditionally had strong relations with North African countries (Egypt, Algeria then with Morocco); those close relations began with Algeria in 1958, and in 1959 with Morocco. The ties have witnessed sustained cooperation and partnership in recent years, at different levels, economic, military, political and cultural. From Algeria's and Morocco perspectives, a

strategic partnership with China serves to counterbalance France's traditional interests in North Africa (Algeria and Morocco).

Algeria and Morocco, which boast important natural resources (petrol and phosphates) , are considered a pivotal states in the Greater Maghreb, due to their important geographic location and geopolitical assets. In view of China's maritime silk road initiative, Algeria's and Morocco's Mediterranean situation serves China's designs.

– Algeria's and Morocco's assets and potential has incited and increased China's interest in these countries; Algeria's and Morocco's potentials as an energy and raw materials supplier to China, as well as a markets for China's exports has not escaped China's interest, which is important to sustain its economic growth, meet the ever-growing needs of its booming population and compete with other foreign powers for the control of energy supplies. These incentives were behind China's desire to be present in the supposedly oil-rich Sub-Saharan Africa, and to reach and infiltrate in African continent (due to Algeria and Morocco presence in Africa continent) through her economic involvement in Algeria and Morocco.

– Therefore, it remains to review what policy this country has conducted to reinforce its presence in this North Africa and what kind of relationship it has incepted with Algeria and Morocco, mainly. It remains also to reveal what are the concealed goals China expects to achieve trough her partnership with Algeria and Morocco.

This contribution will examine China's presence in Algeria and Morocco at the various political, energy, mines, military, economic and commercial levels and how these countries view the interests that bind them, and finally, the position of China on the conflict in Western Sahara.

The contribution will rely on relevant data and statistics drawn from official institutions in Algeria, Morocco and China.

Panel VI-10. Understanding the African City: Theoretical Challenges, Solutions and Workarounds

Секция VI-10. Размышления об африканском городе: проблемы современной теории и попытки их разрешения

Convenors / Руководители: *Дарья Александровна Зеленова* (НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия); *Владислав Владимирович Кручинский* (Московский государственный институт международных отношений МИД РФ)

According to UN-Habitat, the coming decade of 2020–2030 shall bring a historical change: more than half of Africa’s steadily growing population is expected to be living in cities. Yet, the very phenomenon of an African city remains a theoretical challenge. It is transitory and incomplete, elusive and unknowable. Perhaps such picture is dictated by the very research apparatus we currently have at our disposal? This panel suggests that tropes of ‘transition’, ‘hybridity’ and ‘informality’ dominate current scholarship because it is still preoccupied with explanatory frameworks which assume that “some cities display the futures of others”, in the words of Jennifer Robinson. Borrowing from her notion of an ‘ordinary city’, this panel invites contributions providing theoretical and ethnographic insights into manifold issues connected to the nature of Sub-Saharan urbanization and day-to-day life of a contemporary African city. Special attention will be given to the following areas:

- theoretical challenges and possible solutions or workarounds in studying African cities and their histories;
- is opposition ‘formal vs. informal’ still a valid way of theorizing the city in Africa?
- spatial heritage of colonialism and city administrations’ and residents’ ways of living it and dealing with it;
- transport networks and public transportation in the contemporary African city;
- violence and quiescence: crime, other disturbances and policing the African city;
- how the digital is changing the city in Africa?
- state interventions on the urban arena: how they are explained and what they lead to;
- changing meaning of space: “gentrification” and “ghettoization” in the African city.

Brenda Chalfin

University of Florida, Gainesville, Florida, USA

CONVERGENT LEGACIES: URBAN PLANNING AND THE POLITICS
OF INFRASTRUCTURAL HERITAGE IN GHANA

Material evidence of convergent Western and Eastern bloc interventions, the legacies of mid-century modernist urban planning run deep across the African continent. Ghana's city of Tema, established on the cusp of national independence in 1957, reflects this dual spatial heritage. Designed by a succession of British, Soviet and Greek planner-architects along with a corps of Ghanaian professionals (Stanek 2015), Tema's city plan reflects a shared desire to cultivate and contain an industrial labor force as the basis of national progress through the science of urban planning.

More than 60 years after the city's founding, in the face of waning government investment and dashed ideals across the ideological spectrum, the template of tropical modernism nevertheless remains remarkably intact. In Tema urban infrastructure provides an enduring armature for living together in the city despite frequent breakdown and calls for rehabilitation and repair. Beset by outdated designs and materials, functional faults, and unsustainable development fixes, these systems of basic urban provisioning nevertheless persist across Tema's urban landscape and the collective imagination its populace.

Focusing on the case of Tema's sewage system, cutting edge in scale and design when constructed in 1960 and for decades on the verge of collapse, this paper considers the lingering political legacies of mid-century grand scale urbanism built prior to the occlusions of the Cold War. It explores how such infrastructural remains (see Stoller 2013) constitute the fabric of contemporary urban civility not in the production of alienated modern subjects as intended but as engines of what Arendt (1958) calls political plurality. Suggesting a comparative lens to probe the politics of infrastructural heritage across urban domains, inspiring struggles and compacts over access, accountability and urban futures, Tema's

legacy infrastructures offer a surprising ground for the pursuit of individual and collective-claims in context of an otherwise truncated public sphere.

Anne L. Bartlett

African Studies Association of Australasia and the Pacific (AFSAAP)
School of Humanities and Languages, Sydney, Australia

**CIRCUITS OF DISPLACEMENT AND DIFFERENCE: CONFLICT
URBANIZATION IN GULU TOWN, UGANDA**

This paper examines the dynamics of conflict urbanization as they shape and change Gulu, town Uganda. Gulu, as a site in the long running conflict between the Lord's Resistance Army (LRA) and the Ugandan Government (NRM), and more latterly the recipient of displaced persons, aid workers and belligerent parties from the South Sudan conflict, has grown significantly as it incorporates different circuits of people involved in humanitarian crisis. This growth is however anything but transient, since it has lasted for decades and today represents a major contributor to urban change and regional economy.

Using GIS imagery and interviews with newcomers and locals, I look at the ways in which conflict is creating growth and dynamism in the town. I show how different circuits of people move within this landscape, each with their own narratives and desires. For South Sudanese refugees fleeing civil war, they are free to move and settle in land provided by the government of Uganda through its government refugee integration policy.

By contrast, locals fight to regain the ancestral land they were displaced from after forcible internment in displaced persons camps during the LRA/NRM conflict. New ways of living and modes of adaptation characterize this contemporary urban space. They raise both possibility and promise, while at the same time illustrating the challenges faced by governments and municipalities as they grapple with contemporary cross border flows and the ways in which conflict urbanization affects city morphology and everyday life.

Pedro Mendes

Institute of Ethnomusicology, New University of Lisbon, Lisboa, Portugal

BETWEEN LOURENÇO MARQUES AND MAPUTO: HOW MUSIC SHAPED
THE PERCEPTIONS AND ORGANIZATION OF URBAN SPACE
IN MOZAMBIQUE

In 1976, the city of Lourenço Marques was renamed Maputo, following the independence of Mozambique from the Portuguese colonial administration and the process of decolonization promoted by the new government of Mozambique Liberation Front (FRELIMO). The economy of Lourenço Marques was highly dependent on South Africa. The harbor activity in the city was a key element since it was connected to the Transvaal mines through the railway. Similar to other colonial cities, it was divided in two main parts: the city center, mainly occupied by European population and middle/upper classes, and the peripheral neighborhoods inhabited by lower classes, mostly African population. This structure had deep impact in the social life of the city, ensuring the power of the colonizers and the generalization of poor living conditions outside the city center.

The separation between these two worlds was not only a geographical question. It was constructed in daily life, and cultural practices had a lot of influence in it (Martin, 2002; Domingos, 2012). I argue that music became an important element in this process. With this paper, I intend to explore how music shaped the perceptions of space, considering the genres performed in different places, the mobility of musicians and the distributions of venues inside the city. The research is based on mapping musical places and events, and interviews with musicians and other agents related with these activities.

Even if this new phase of political life in Mozambique, triggered by the independence process, intended to overcome colonial policies, the city inherited the structures and spatial organization of the colonial period. By exploring these issues of cultural life in late colonial Lourenço Marques, specially music, I will develop some insights about its continuities and discontinuities with nowadays Maputo.

Trevor Ngwane
University of Johannesburg, South Africa

COMMUNITY PROTESTS AND XENOPHOBIC ATTACKS IN SOUTH
AFRICAN CITIES: EXPLORING STRUCTURAL AND POLITICAL FACTORS
FUELING URBAN TURMOIL IN POST-COLONIAL AFRICA

Rapid urbanization and economic deprivation can lead to social tensions in African cities. This paper explores the factors underlying the high rate of community protests and the sporadic but persistent outbreaks of xenophobic attacks on immigrants in South Africa.

Researchers have established that the protests are expressions of dissatisfaction with the quality and quantity of the state's provision of basic services such as housing, healthcare, education, water, electricity, roads, etc. Furthermore, there is anger and frustration at the perceived unresponsiveness and little accountability of elected public representatives. In practice, these protests sometimes overlap with or mutate into attacks on 'non-South African' immigrants, mostly from Asian and other African states, in incidents of xenophobia defined as the hatred of 'foreigners'. In 2008, 2011, 2015 and 2019 there have been major flare-ups in such violence with 62 people dying in one instance, including vandalism, looting of property and displacement of people. A debate ensued among media practitioners, researchers and public commentators on whether and to what extent the phenomena were two sides of the same coin. Fear was expressed that the association of community protests with xenophobic attacks could be used to undermine the right to protest, a constitutionally guaranteed and much exercised right in the country.

The paper revisits this debate as an entry point in its exploration of the economic, political and social factors driving the community protests and xenophobic attacks. It deploys the concepts of structure and agency in the quest to theorize the similarities and differences of the two phenomena. The paper poses questions about the theoretical and political implications of its conclusions for our understanding of social tensions experienced in urban spaces elsewhere in Africa.

Балихина А.О.

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, РФ

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСА И ПРАКТИК БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ЮЖНОАФРИКАНСКОГО ГОРОДА

В XXI веке риторика безопасности стала важнейшим инструментом государственностроения, а также фреймом, организующим социальную жизнь, в том числе и контексты, в которых живут и трудятся ученые. Антропологи, относительно недавно включившиеся в проблематику безопасности, обнаружили, что «наука о безопасности» оккупирована политологами, чьи работы сфокусированы главным образом на изучении угрозы, контроля и использования военной силы, тем самым оставляя без внимания людей, для которых вопросы безопасности являются неотделимой частью их повседневного опыта (Goldstein 2010; Maguire M., Frois C., Zurawski N. 2014).

Основываясь на собственных полевых материалах, собранных в ЮАР в сентябре-октябре 2018 года, и социо-пространственном подходе (Glück, Low 2017), автор демонстрирует, как университет – один из ключевых акторов безопасности в городе N – действует на городском, муниципальном и национальном уровнях, и как его деятельность формирует дискурс и практики безопасности жителей города.

С точки зрения производства и поддержания безопасности университет рассматривается сразу в нескольких качествах: как пространство безопасности (кампус), актор безопасности (дирекция университета) и «адвокат» африканерской культуры (языковая политика). Собранные материалы показывают, что безопасность становится для университета не только необходимым условием для нормального функционирования, но и инструментом расширения власти в городе. Автор демонстрирует противоречия во взаимодействии стратегий безопасности на различных уровнях, которые привели к исключению некоторых групп населения города из общего дискурса о безопасности.

Balikhina Alisa

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

SHAPING URBAN DISCOURSES AND PRACTICES OF SECURITY
(CASE STUDY OF ONE SOUTH AFRICAN CITY)

In the 21st century security rhetorics not only accompany state policies but frame and organize everyday life, including that of social researchers. Anthropologists, who have only recently turned to issues of security, found themselves in a research area dominated by IR and political scientists. In their studies the latter focused more on threat, control and military force, paying little or less attention to the experience of people for whom ensuring security is part of their daily life. (Goldstein 2010; Maguire M., Frois C., Zurawski N. 2014;).

Drawing on a socio-spatial approach (Glück, Low 2017) and ethnographic fieldwork in a South Africa city, the author identifies the local university as a major security agent, operating on several levels (the city, municipal and national levels) and shaping urban security discourses and practices.

In terms of security production and maintenance the university can be seen in three different modes: as a space of security (campus), agent of security (university's administration) and as a advocate of Afrikaans culture (language policy). Fieldwork revealed that security is essential not only for the university to function, but for the expansion of its authority within the city. The Author demonstrates how the university's security strategies contradict one another on different levels and how these contradictions, in turn, have resulted in the exclusion of certain groups in local security discourse.

References

- Glück, Zoltan, and Setha Low. A Sociospatial Framework for the Anthropology of Security»//*Anthropological Theory* 17 (3). 2017.
- Goldstein D. M. "Toward a Critical Anthropology of Security." *Current Anthropology* 51 (4). 2010.
- Maguire M., Frois C., Zurawski N. *The Anthropology of Security: Perspectives from the Frontline of Policing, Counter-terrorism and Border Control*. London: Pluto, 2014.

Vladialav Kruchinsky
MGIMO University, Moscow, Russia

GROUP AREAS ALL AROUND:
ON CONTEMPORARY SECLUSION OF THE AFRIKANER

From neopagans to strict Calvinists, from urban hipsters to beggars, there seems to be a persisting trope in self- and spatial organizations within contemporary Afrikaner community of South Africa: whatever Afrikaners do, they tend to do it in spatially secluded enclaves and segregated areas.

A hundred years ago, the presence on the city streets of an underclass of ‘poor whites’ living alongside their ‘Native’ peers was treated as an acute urban problem by the administration of the Union of South Africa. Later, a quest for ‘quality urbanization’ for poor Afrikaners became one of the core projects of the apartheid regime. Logically, one would expect that with its dismantling, ‘die armlastiges’, or ‘poor whites’ would be finding urban accommodation alongside their African or Coloured compatriots in mixed informal settlements and would be relying on the same survival strategies.

However, being white seems to suggest some sort of privileged status even for the poorest of the poor South Africans. In Gauteng Province, a whole network of informal settlements is to be found where residents are not simply provided with accommodation and meals, but also with employment opportunities, and spiritual and psychological guidance. These ‘rehabilitation centers’ are almost exclusively Afrikaans-speaking and cater – with rare exceptions – for homeless white Afrikaners. Some resemble utopian Calvinist projects, and some function in the fashion of an urban worker commune. Some turn out to be private medical institutions, and some are effectively criminal operations running in a disguise of ‘care centers’.

Based on field materials collected in 10 such settlements in 2013 and 2014, this paper theorizes the functioning of the ‘shelters’ building on Lipsitz’s notion of possessive investment in whiteness and with a historical consideration of urban racial upliftment projects in South Africa.

**Panel VI-11. Youth and Women in Africa’s Sustainable Development
in the 21st Century: Connect, Empower, and Engage**
**Секция VI-11. Молодежь и женщины в устойчивом развитии Африки
в XXI веке: связь, наделение властью, вовлечение**

Convenor / Руководитель: *Ellie Paris-Miranda* (University of Massachusetts Dartmouth, USA)

Despite years after the post-independence period and substantial economic growth and transformation in Africa, the last century has been characterized as a century of missed opportunities for African people, and the continent overall. A situation that is attributed first and foremost to the long lasting political and economic legacies of colonialism, which have left most of African countries at margins of the global economy. With an estimated population of 1.2 billion people, in which 51 percent are women and approximately 20 percent are youth (age 15 to 24), according to the “United Nations Population Division. World Population Prospects: 2017 Revision” (2017), Africa has been struggling to unlock its “greatest untapped resources” since women and young people have been among the most socio-economic and political underdeveloped and marginalized population and much still needs to be done to improve their living conditions and the quality of their participation in the continent’s development. Connecting, empowering, and engaging both women and youth as equal partners with adult men in Africa’s sustainable development in the 21st Century will require a collective action across sectors and from regional, national, and global perspectives. The aim of this panel is to bring together a multi-disciplinary and comparative discussion that challenges the traditional approach on how to connect, engage, and empower women and youth as critical drivers of the continent’s development. Reflecting on the past along with social systems, including patriarchy, – the sociopolitical system that insists on the supremacy of men over women –, that have been responsible for keeping women and young people economically, politically, socially, and psychologically oppressed, as a way to move towards a society based on egalitarian principles, gender equality, and economic, social, and cultural inclusion, is also the objective of this panel. Thus, addressing ways that we, scholars, educators, artists, economists, politicians, policy makers, entrepreneurs, practitioners, and citizens, can equip women and young people with tools and resources to tap into their under-utilized potential to fully participate in Africa’s political, economic, and social life is the ultimate objective of this panel.

Bongs Lainjo
Cybermatic International, Montreal, Canada

PROGRAM INDICATOR SCREENING MATRIX (PRISM):
A COMPOSITE SCORE MODEL

Over the last six decades since many low and middle-income countries (LMICs) achieved independence, attempts by donor agencies to provide effective foreign assistance have been met with mixed results. There continues to be a need to strengthen the understanding of program dynamics, its synergies and results. It is in light ongoing challenges that the framework: Program Indicator Screening Matrix (PRISM) was designed. It is defined by six criteria – Specificity, Reliability, Sensitivity, Simplicity, Utility and Affordability. Context: In an attempt to improve results based management (RBM) in general and intervention data specifically; making foreign aid more focused and strategic with compelling evidence-based results; donors have increasingly teamed up and progressively introduced ubiquitous evaluation processes as an integral component of any program. In course of streamlining program implementation, funding agencies in collaboration with recipient governments and other stakeholders have also promoted the availability and utilization of strategic frameworks (SFs). A critical component that continues to confront many development aid Stakeholders, is the ability to establish equitable, standard and inclusive strategies that include, donors, national governments, implementing agencies, program managers, beneficiaries and oversight systems. Objective: The general objective of this model is to strengthen the knowledge of Implementing Agencies, Program Managers and other key and relevant stakeholders in LMICs; emphasizing sustainable engagement by mitigating indicator redundancies and optimizing results in program management. Framework & Methodology: The model comprises a set of deterministic criteria simultaneously applied in an attempt to identify the most effective set of indicators in any thematic program area. At the same time it mitigates many program management nuisances by making indicators and data more trust worthy. The model criteria include: specificity, reliability, sensitivity, simplicity, utility and

affordability. Experts are required to conduct the assessment. The working groups of experts use an analytical approach synonymous with the Delphi methodology. Each indicator during the assessment process is assigned binary outcome (0,1) based on its performance with the relevant criterion. The resulting composite scores are evaluated against a “gold-standard” or target established by these experts a priori. As a quality control measure, all the teams’ outcomes are finally evaluated based on the degree of intra-team and inter-team concordance. And it is only after this level of concordance is established that the final indicators are selected. The model is thematically generic with an inclusive target audience.

Costanza Conticelli
University of Milan, Italy

HOW EDUCATIONAL MOBILITIES INFLUENCE AFRICA?

During the Cold War, the Soviet Union served as the ideological model for those African countries seeking for self-determination and freedom as a valid ally and supporter against colonization by Western countries. In the time of the USSR, the Kremlin supported liberation movements in South Africa, Mozambique, Angola and Zimbabwe. In the meantime, Africans moved to the USSR for the purpose of studying. It is through official scholarship channels and military training that USSR had been able to penetrate into Africa. Unfortunately, following the collapse of the USSR, the relations between the two continents became weaker but Russia intends to strengthen its position in global economic relations and prevent all forms of discrimination against Russian goods, services and investments. These mobilities help to understand shifts of global power in cultural, economic and political relations. First of all, Russia is gradually increasing its influence in Africa through strategic investment in energy and minerals such as oil, gas and nuclear sector. Another contribution could be made in the healthcare, as in Africa the public sanitary system is awful because it’s through poor sanitation that Ebola virus is rampant in countries like Congo. This would make the African states more independent. Tourism, represents another solution

that African countries should take advantage of. Nowadays, Russia's tourist companies have strong ties with Zanzibar, since they have direct flights to the island and maybe other airlines will manage to sign cooperation agreements with Moscow's firms. These images also affect the narrative that one has about Russia, changing the cultural expectations that one has once they reach the country.

Maria A. Osminina

Lobatchevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia

VIOLENCE AGAINST WOMEN: UN WOMAN AGENDA

Violence against women and girls represent a great challenge for the modern society. A woman is weaker than a man by nature physically, but not morally or spiritually. But because of her physiological particularities and vulnerability the society dominated by insanitary traditions or superstitions dictates the way of life that is totally unacceptable for the physical, moral, or spiritual flourishing of a woman. However, women represent around 50% of the population, and a big percentage of women are subject to violence. Many of them can speak about living in violence as a lifestyle, and it has lasted for centuries. Child marriage, forced marriage, domestic violence, human trafficking genital mutation etc. are problems the modern society face. Such conditions menace not only the personal life of a woman but the life of future generations and hinders the development of the society. UN Women hosts several resources to improve the supply and exchange of knowledge. The Virtual Knowledge Centre to End Violence against Women and Girls, the Global Database on Violence against Women, the Inventory of United Nations Activities to End Violence against Women, the UN Secretary-General's UNiTE to End Violence against Women campaign are the mechanisms UN Woman use to solve problems including violence against women.

**Miranda Mhloti Maswanganyi,
Shadrack Baleseng Ramokgadi**
Stellenbosch University, South Africa

**YOUTH AND WOMEN AS VULNERABLE PEOPLE IN AFRICA:
SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS IN WORKPLACE FLOURISHING**

There is a growing consensus on the importance of improving the living conditions and quality of participation across the youth and women within the broad economic, social and environmental dimensions of sustainable development in the 21st Century. Although this growing consensus advocates the engagement and empowerment of women and youth as a collective action various sectors that include national, regional and international perspectives, this paper submits that the socio-demographic factors in flourishing in the work place remains a priority in the African continent. This theoretical line of thinking is informed by the gross social inequalities that marginalises women and young people in pursuit to the agenda for sustainable development. In this study, the meaning of flourishing is operationalized as the state of where people experience positive emotions, positive psychology functioning and positive social functioning in most of their time. Given the limitation of space and time, this focuses on emotional well-being, social-well-being and psychological well-being in organisational context, workplace in particular. In this particular instance, flourishing in the workplace is viewed as an indicator of positive individual and organisational outcome such as organisational commitment, job satisfaction, organisational citizenship behaviour, work engagement, low turnover intention, and productivity and subjective well-being. Although flourishing in the workplace is still in its infancy stage in the South African context, much attention is given to measurements, antecedents and outcomes of flourishing in the workplace. Save to state that little or no study has been conducted on flourishing in the workplace – a theoretical gap that this study seeks to close. The primary question that guides this study reads as follows: What are the primary workplace flourishing factors that are influenced by the socio-demographic factors of flourishing? In addressing the foregoing primary question,

the researcher depends on an in-depth literature research on flourishing and case-based reasoning.

Рыбалкина И.Г.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ МАРОККО

На протяжении последних пяти десятилетий марокканская семья подвергалась разнообразным глубоким изменениям, как на структурном уровне, так и во внутрисемейных взаимоотношениях. Под воздействием факторов индустриализации, урбанизации, возрастания участия женщин на рынке труда, усиления процессов внутренней и внешней миграции, влияния демографического роста на потребление природных ресурсов, возрастания роли женщин в обществе, неуклонного увеличения использования средств контрацепции, стремительного прогресса в развитии мужского и женского образования, распада прежних традиционных агнатических групп родства параллельно с явлениями индивидуализации среди членов большой расширенной семьи зародились тенденции трансформации семейных отношений.

Эволюция семьи приводит к новой диверсификации семейных структур и взаимоотношений, и в ходе ее вырабатывается особо уязвимая категория семейного объединения.

Изменения, происходящие в рамках большой расширенной семьи, касаются прежде всего малых семейных групп. Они ведут к появлению динамичных форм индивидуализации и дифференциации, которые отныне не позволяют воспроизводить образ «сплоченной семьи» в прежнем традиционном понимании.

Могли бы быть приняты во внимание следующие важные особенности современных трансформаций.

– Переход от одной традиционной модели семьи к множеству семейно-брачных форм, структур и взаимоотношений (нуклеарные семьи, расширенные, с одним родителем, возглавляемые женщинами, семьи мигрантов и т.д.)

– Распространение численности особо уязвимых членов семьи, нуждающихся в помощи и поддержке. Это относится к семьям с одним родителем, семьям с детьми-инвалидами, со взрослыми работающими инвалидами, получающими зарплату, и неработающими инвалидами, к семьям с престарелыми членами, безработными, к семьям, живущим попрошайничеством, к семьям погорельцев или жертв природных/экологических катастроф, матерей-одиночек либо одиноких пожилых людей, женщин – жертв домашнего насилия, к семьям, полностью состоящим из детей, брошенных на произвол судьбы и т.п.

– Обнищание многих сельских и городских домохозяйств препятствует в настоящее время способности семьи предоставить работу своим членам; обеспечивая ею как прежде посредством семейной сети кровно-родственных отношений, частично семья продолжает это делать, но реально имеет такую возможность лишь тогда, когда находится в благоприятной социально-экономической ситуации.

– Неуклонно возрастающее присутствие женщин на рынке труда, сопровождаемое весьма ограниченной помощью мужчин в работах по дому, требует пересмотра традиций и совершенствования вопросов семейной солидарности и взаимной поддержки.

VII. Violence Reduction and Conflict Resolution Борьба с насилием и разрешение конфликтов

Panel VII-1. African Integration and Peacekeeping Секция VII-1. Африканская интеграция и миротворчество

Convenor / Руководитель: *Keith Gottschalk* (University of the Western Cape, Cape Town, South Africa)

The African Union family of organizations, including its sub-regional communities such as the EAC, ECOWAS, and SADC, have both remarkable achievements in economic integration and peacekeeping, compared to intergovernmental regional organizations on other continents, but also serious and protracted problems.

Five successes include numerous *ad hoc* peacekeeping missions; the institutional consolidation of the AU itself, its judicial and other organs, specialized agencies, and affiliates; the start of coordination between the AU and regional communities; founding free trade areas, parts of which deepened into customs unions; payment and settlement platforms; and attempts to negotiate continentally coherent bargaining stances in the forums of global governance and trade.

Five failures include: the chasm between aspirational treaties voluntarily signed, and their implementation. Second, entities founded on paper remain dormant, until in a subsequent decade another structure is founded to operationalize the function of the previous paper entity, with this process going through several iterations. Peacekeeping is a classical instance of this. Third, attempts to merge currencies in monetary unions have so far shown only serial postponements. Fourth, there remains serious lack of capacity for trade and other negotiations at both the continental and sub-regional levels. Fifth, donor dependency extends to even the consultancies used to draft mandates and proposals of the AU and RCs own institutions, programmes, and bargaining positions. One dimension of donor dependency is the growing number of foreign military bases in Africa.

Mohammed Hemchi

The Arab Centre for Research and Policy Studies, Doha, Qatar

THE MORE REGIONALIZED THE LESS GLOBALIZED: *DEVICTIMIZING*
AFRICA IN THE AGE OF GLOBALIZATION?

Since the last quarter of the twentieth century, the world – including Africa – has been witnessing a rapid and constant process of globalization. Simultaneously, many parts of the world – not including Africa – have tended to initiate processes of (economic) regionalization, processes that have been diverse in their types and their scope of ambition as well. However, the most common about those regionalization processes – known also as regionalisms – has been their self-representation as a response to globalization’s *bad* impact(s). Assuming that both types of processes, regionalization and globalization, are counter-balancing one to the other, this paper debates two main argumentations. First, it argues that regional integration, if designed to respond to local norms as well as to regional/cross-border challenges, offers efficient opportunities to globally-integrate safely. Second, it argues that postcolonial Africa is still a *region without regionalism(s)*, and one of the most dilemmatic reasons for such a historical delay is the persistent – and yet unproblematized – discourse that victimizes Africa, meaning representing the continent as a double-victim of both colonialization and globalization. The paper is divided into three sections. The first one offers a theoretical introduction to globalization and regionalization/regionalism concepts and the interconnectedness among them. The second section examines a brief state-of-affairs of regionalism(s) in Africa. Finally, the third section attempts to *self-critically* deconstruct the discourse of Africa victimization *vis-à-vis* globalization dynamics. Then, it reflects on what should be done to make the engagement among a *regionalized* Africa and a globalized world more positive for the continent.

Muraree Lal Meena
Banaras Hindu University, Varanasi, India

GEOPOLITICAL PERSPECTIVE OF WATER SHARING MANAGEMENT
IN EASTERN-NILE RIVER BASIN: CONFLICT TO COOPERATION

Water is an indispensable natural resource that the countries of the Nile river basin possess. Its efficient and optimal use would not only help countries of the Nile river basin to build a strong economy but also substantially contribute to the growing water requirements of the countries, as water is becoming an increasingly scarce resource in the contemporary period. Distribution of river water is a complicated issue especially when a river passes through a number of countries. This study has investigated the resolving (win-win situation) of water-sharing conflict among the four riparian countries of the Eastern-Nile basin: Ethiopia, South Sudan, Sudan and Egypt.

This study has been an attempt to probe the problems and prospects of cooperation between these countries over the complex issue of Nile water sharing. Thereby, paper has attempted to analyze the role of geographical determinants that influence the negotiations between the four riparian countries that have impeded implementation of *equitable* water sharing scheme, and the policy issues of the upstream and downstream riparian countries, in this case study, mainly Ethiopia, South Sudan, Sudan and Egypt dictated by their domestic compulsions. This research paper unpacks the comparative advantages of the four riparian countries: it emphasises that Sudan and South Sudan should engage in developments of irrigation, agricultural engagements and biodiversity conservation; Ethiopia in small and medium scale hydro-power generation and water conservation; while Egypt in industry and capacity building know how.

The study is based on the analytical method, evaluation of the observable trends in river water sharing principles and methods as applicable in the case of the Nile river basin in general and Eastern-Nile in particular. Governmental policy stands of riparian countries on water sharing of Nile river basin will be compared

with the countries of upstream and downstream Nile river basin through case study method. For this study, primary and secondary data is collected and processed to give them meaning and extract quality information through the statistical diagrams and cartographic techniques.

Jyoti Murmu

Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India

**RUSSIA'S ROLE IN UNITED NATIONS PEACEKEEPING MISSION:
EVOLUTION THE ROLE OF RUSSIA'S INVOLVEMENT IN AFRICAN
CONFLICTS**

Russia is a permanent member of United Nations which established in 1945 with the primary responsibility to maintain international peace and security. In African region conflicts are inevitable; most of the countries of Africa are facing internal violence and conflict. The problem of ethnic violence (Rwanda, Burundi, Darfur), authoritarianism (Congo, Cote d'Ivoire), conflict between government and its population (Sudan). Violence in Africa is not a new phenomenon. It started when these countries were under colonial rule and continued even after they got independence. To fulfil its responsibilities United Nations took initiatives to resolve the conflict in this particular region.

In 1990s the violence in Africa came into limelight when Rwanda conflict happened in 1994, which is also called Rwandan genocide where millions of people got killed before Rwanda, Kosovo conflict was also measurable. Aftermath of Kosovo and Rwanda series of conflicts took place in Africa. These conflicts created a miserable condition for the people who suffered most which is undergoing. Being a permanent member of United Nations, Russia trying to accomplish its responsibility in the African conflict regions through every possible means. Russia did many Peacekeeping Operations under the supervision of the United Nations.

This paper would analyse the role of Russia in United Nations peacekeeping Mission in African conflict. In terms of troop contribution, financial support,

technical assistance, aid/humanitarian assistance, apart from these, this paper would glance into what challenges UN along with Russia faced during the conflict resolution. And it would also analyse what are the achievements of the conflict resolution, what are the consequences, how far these involvement succeeded. Lastly this paper would look into critical perspective of relationship between the developed and developing countries, in other means, it mainly focus on the troop contribution and financial support what distinction were seen between the two (developed and developing).

Tatiana Smirnova
University of Florida, USA

MULTI-NATIONAL TASK FORCE AND BOKO HARAM INSURGENCY IN THE LAKE CHAD REGION

The Multi-National Joint Task Force of the Lake Chad (MNJTF) is an offensive and stabilization mechanism of five states (Niger, Nigeria, Cameroon, Chad and Benin) established under the auspices of the Lake Chad Basin Commission (LCBC) and mandated by the African Union Peace and Security Council to combat Boko Haram. Its establishment was confronted to numerous political, logistical, technical and financial challenges and deployment took time. The system was initiated by Nigeria in 1994 and expanded in 1998 to include Chad and Niger with a mandate to address cross-border security issues in the Lake Chad region. At that time Cameroon was not part of it because of the constrained relations with Nigeria.

In 2012 the LCBC leaders including Cameroon decided to reactivate and to expand the MNJTF mandate to fight against Boko Haram. The decision was re-endorsed in 2014 but it was not until January 2015 that the mandate was clearly defined, focusing on the creation of a secure environment in the region of the Lake Chad but also encompassing such issues as human rights, humanitarian assistance. The contribution is focusing on the institutional process of creation of the MNJTF as a peacemaking and peacekeeping force and puts it into perspective with the

analysis of its operations in the Lake Chad region conducted as a foreign military force, rather than peacekeeping.

Sergey V. Kostelyanets

Institute for African Studies of the RAS, Moscow, Russia

IGAD: THE PEACE AND SECURITY DIMENSION

The Intergovernmental Authority on Development (IGAD) was founded in 1996, when it succeeded the Intergovernmental Authority on Drought and Development. Since then the focus of the organization has firmly shifted toward the issues of conflict prevention and resolution. While IGAD has fallen behind most of the other economic communities in Africa in terms of economic integration, it has proven itself as a key mediator in the region and an important platform for political discussions in East Africa.

IGAD comprises all countries of the so-called Greater Horn of Africa – Djibouti, Kenya, Somalia, Sudan, Ethiopia, Eritrea, South Sudan – plus Uganda. Since the inception of IGAD, the region has been ridden both with inter-state conflict, including wars between Ethiopia and Eritrea (1998-2000), Eritrea and Djibouti (2008), and Sudan and South Sudan (2012), and internal conflict, particularly in Sudan, South Sudan and Somalia. The instability in the region has also been reflected in the separation of Eritrea (1993) and South Sudan (2011) from Ethiopia and Sudan respectively – the only two cases of successful (i.e. internationally recognized) establishment of new states in post-colonial Africa, as well as in the achievement of *de facto* independence by Somaliland.

In view of the above, the study will first look at conflict resolution from both a general and IGAD perspective; second, it will review IGAD's history of interaction with peace initiatives and mediation, emphasizing thus the relevance of IGAD on the regional conflict resolution arena; third, it will analyze theoretical foundations and practical implementations of IGAD's policies and evaluate its strengths and weaknesses; fourth, it will explore the prospects of IGAD's conflict resolution approaches in the region, considering both objective features of the

organization and more subjective implications of competing interests of its member states.

Бокерия С.А.
РУДН, Москва, Россия

**УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ОПЕРАЦИЯХ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ: ПРЕОДОЛЕВАЯ БАРЬЕРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВ АФРИКИ)**

Увеличение доли женщин в униформе в ОПМ признается государствами-членами ООН в качестве необходимой и желаемой цели по ряду факторов, среди которых: более сбалансированные по гендерному признаку миротворческие силы могут повысить оперативную эффективность, а также могут позволить ОПМ существенно усилить достижение задач, поставленных в Повестке дня "Женщины, мир и безопасность", кроме того, увеличение числа женщин само по себе считается важной целью, поскольку оно обеспечивает право женщин служить в полиции и вооруженных силах. Одним из парадоксальных результатов Повестки дня «Женщины, мир и безопасность», единогласно одобренной Советом Безопасности ООН резолюции 1325 СБ ООН в 2000 году, направленной на усиление роли и вклада женщин в полевые операции Организации Объединенных Наций, в частности, среди военных наблюдателей, гражданской полиции, правозащитников и гуманитарного персонала, является отсутствие прогресса в увеличении доли женщин в форме в миротворческих операциях ООН. Это отсутствие прогресса вызывает еще большее неудовлетворение, учитывая неоднократные обязательства государств-членов ООН по увеличению доли женщин-миротворцев. В 2009 году число женщин-миротворцев достигло 1%. ООН запускает программу «Глобальное усилие» с целью увеличения числа женщин-полицейских в ОПМ до 20% к 2014 году. В 2015 году резолюция 2242 СБ ООН призывает Генерального секретаря в сотрудничестве с государствами-членами инициировать пересмотр стратегии в рамках имеющихся ресурсов, предусматривающих уд-

воение числа женщин в составе военного и полицейского контингента миротворческих операций ООН к 2020 г. В связи с вышеизложенным анализ основных трендов участия женщин государств Африки в миротворчестве, проблемы увеличения их числа и выявления препятствий представляется релевантной и оригинальной задачей исследования.

Bokeriya S.A.

RUDN University, Moscow, Russia

WOMEN'S PARTICIPATION IN UNITED NATIONS PEACEKEEPING OPERATIONS: OVERCOMING BARRIERS IN AFRICA

An increase in the proportion of women in uniforms in peacekeeping operations is recognized by the UN member states as a necessary and desired goal for several factors, among which: more gender-balanced peacekeeping forces can increase operational efficiency, and can also allow peacekeepers to significantly enhance the achievement of the goals set in the Agenda. In the document “Women, Peace and Security” the increasing number of women is considered as an important goal, it ensures the right of women to serve in the police and armed forces. One of the paradoxical results of the Women, Peace and Security Agenda, unanimously approved by the UN Security Council of UNSCR 1325 in 2000, aimed at enhancing the role and contribution of women to United Nations field operations, in particular among military observers, civilian police, human rights defenders and humanitarian personnel, is the lack of progress in increasing the proportion of women in uniform in UN peacekeeping operations. This lack of progress is even more dissatisfying, given the repeated commitments of UN member states to increase the proportion of women peacekeepers. In 2009, the number of women peacekeepers reached 1%. The UN launches the “Global Effort” program to increase the number of female police officers in the PKO to 20% by 2014. In 2015, UNSCR 2242 calls on the Secretary-General, in collaboration with Member States, to initiate a review of the strategy within existing resources, which will double the number of women in the military and police contingent of UN peacekeeping

operations by 2020. In connection with the foregoing, it seems that the task of analyzing the main trends in the participation of women of African states in peacekeeping, the problems of increasing their number and identifying obstacles seems to be a relevant and original research topic.

Chris Saunders

University of Cape Town, South Africa

THE AU-SADC PEACE AND SECURITY NEXUS:
SOME HISTORICAL REFLECTIONS

The African Union (AU) has recently focused its attention on its relationship with its eight component Regional Economic Communities (RECs), of which the Southern African Development Community (SADC) is one of the most important. There is relatively little in the relevant scholarly literature on this relationship. This paper explores how SADC has dealt with peace and security issues, and to what extent it has harmonised its work in relation to peace and security issues with that of the AU. What has, for example, been the relationship between the SADC Organ and the AU's Peace and Security Council? The paper will consider a set of case-studies of peace and security issues in which SADC has been involved, such as SADC's ongoing role in Lesotho, from the crisis of 1998 to the intervention of a SADC military force two years ago, and its roles in the conflicts in the Democratic Republic of Congo, Madagascar and Zimbabwe. The paper will show that, with the exception of the SADC brigade/stand-by force, there has been little harmonisation of SADC's role with that of the AU. In most cases, the AU has allowed SADC to act on its own.

Mohamed Ashour
Cairo University – Egypt; Zayed University – UAE

REGIONAL INTEGRATION IN AFRICA NECESSITIES
AND CONSTRAINTS: ARE AFRICA READY FOR THE FUTURE?

Africa has a long history in regional integration. It can be traced back to the colonial era when some colonial powers established economic groups included their colonies to optimize its exploitation of the colonies' resources.

In post-independence era, Africa witnessed strong advocacy to regional integration. Leaders like Nkrumah viewed the balkanization of the continent as an obstacle to the development of the continent.

Since 1960s onward, African countries – with varying degree of success – tried to go into regional integration projects to enhance their social and economic capabilities. which has been considered a complement to the national liberation and independence projects. Tens of multi-purpose governmental economic cooperation organizations were founded in Africa making it the biggest in the forms of the regional integration efforts.

Despite the availability of strong reasons for regional integration, the awareness of African countries of the importance of regional integration and their efforts in this regard, the results were so modest relative to the degree of need to achieve it. it seemed clear that most of African states had weak economic performance, and Africa stayed marginalized in the global economy specially with the setback of raw material prices in the international markets and decrease of external financial aid and investment in the continent. it was proved that regional integration efforts were so fragile and too weak to be a base for permanent economic growth.

This paper aims to address the main characteristics of African regional integration experiences, the obstacles facing these efforts and the future of regional integration efforts in Africa.

Andreas Velthuisen

Institute for African Renaissance Studies, Pretoria, South Africa

**AFRICAN PEACE AND SECURITY ARCHITECTURE: THE QUEST
FOR NEW GROUNDED AND ENGAGED THEORY AND PRACTICE**

Departing from the ambitions of Agenda 2063 of the African Union, especially the quest of ‘silencing the guns’ the presentation will focus on finding solutions to violent conflict in Africa as a complex problem and will postulate that part of the solution is a renewed architecture for peace and security in Africa. Currently the African Peace and Security Architecture (APSA) as implemented by the African Union (AU) proved to be unsuccessful in bringing lasting peace to Africa. Therefore, Africa needs a renewed architecture that will ensure not only temporary peace but also long-term peace and security for all who lives in Africa, beyond just ‘silencing the guns’. The research problem that that guides this research poses the question: “How can broader participation of knowledge holders contribute to an integrated peace and security architecture that will end violent conflict in Africa?” The study interrogates not only the current and future role of China, USA, Russia and Europe, but also that of African civil society where governments do not have the political will or capacity. The main argument is that there is a need for a renewed peace and security architecture for Africa to solve violent conflict. Global knowledge holders in collaboration with civil society can play a vital role for developing such an architecture founded on new theories grounded on African Knowledge Systems (AKS) and developed in engagement with social communities and/or communities of practice in Africa. The presentation will depart from the reasons why current peace and security models do not work as well as the philosophical and theoretical and the research methodology applied. The presentation will offer tentative findings concerning knowledge as the foundation of a peace and security architecture for the prevention and ending of violent conflict, concluding recommendations on how major powers can be involved.

Everisto Benyera
University of South Africa, Pretoria, South Africa

**MAPPING AFRICA'S DESTINIES IN THE 4IR: SOME PRELIMINARY
POLITICAL PROBLEMATISATIONS**

The Fourth Industrial Revolution (4IR) is non-negotiable and Africa and all other continents and countries have to participate. Herein lies the problem, some will participate as beneficiaries while others will participate as losers. The presentation explores opportunities and challenges for violence reduction and conflict resolution in Africa in the era of the 4IR. Drawing lessons from the three past industrial revolutions, I argue that the 4IR presents Africa with opportunities to solve its perennial challenges of dependency, poverty, unemployment, lack of freedom. In this presentation, I attempt to respond to the following questions: Does the 4IR present any opportunities for Africa to end its multiple conflicts? What are the possible destinies of Africa in the 4IR? Will the 4IR result in Africa's integration or will it lead to more disintegration? Finally, how can peacekeeping in Africa benefit from the 4IR?

Faisa Loyaan
Creative Alternatives Now (CAN) International

**HOW CAN LOCAL BUSINESS BE SUPPORTED TO CREATE
THE CONDITIONS FOR PEACE IN SOMALIA?**

Business profoundly affects the conditions that shape peace & conflict. The dominant view tells revealing tales of how private companies contribute to generating, increasing & maintaining conflict by financing groups in civil wars, trading & distributing conflict-related goods, & taking advantage of regulatory gaps. Valuable though this analysis is, it discounts the positive roles private companies play in civil conflicts & unrest. Increasingly, scholars & practitioners of corporate social responsibility & sustainable peace argue that it is essential to identify & examine these roles, leading to the development of policy frameworks that encourage, strengthen & expand the positive roles of private companies in

peace-building. This paper, therefore, is to provide briefing about the positive roles local business organizations have been playing in creating the conditions for peace in Somalia, & to suggest ways of strengthening their capacity in furthering the peace & reconciliation process in Somalia.

The paper will contribute significantly in expanding & strengthening the peace & reconciliation processes in Somalia.

Focusing on the business activity of local companies, it systematically documents their role as primary providers of societal needs & therefore a key player in creating conditions for peace & reconciliation. Increasingly, the research shows that the private sector has played a critical role in sustaining Somalia's economy & in providing livelihood opportunities and services, in areas ranging from education, health, finance & telecommunications. Evidence also suggests that often companies, operating in these business sectors, act more generally to produce societal benefits that reduce the causes of political tensions.

Panel VII-2. Armed Conflicts and Their Consequences **Секция VII-2. Вооруженные конфликты и их последствия**

Convener / Руководитель: *Галина Михайловна Сидорова* (Московский государственный лингвистический университет, Россия)

At the panel session it is planned to analyze the questions related to the armed conflicts issues in Africa, their root causes and the settlement of the post conflict situation.

The raised topic of armed conflicts is high on today's international security agenda. The conflicts considered to be "old" are the ones of ethnic and religious nature. However, the ethnic and religious traits of conflicts are often hiding the root causes, which are in the fact the real trigger for local conflicts and wars. In African countries conflicts arise mainly from territory and natural resources disputes, including strategically important minerals rare earth metals. The struggle for power and resources, for the fate of one's leader ethnicity and for its identity, remain the deciding factors in the development of conflicts and their initiation. As a rule, armed conflicts are connected with the local specifics and have deep historical roots. More than one third of African countries, since 1960, have gone through cruel crises and conflicts. The consequences of armed conflicts are usually catastrophic. They cause harm to the economy, culture, education, political and welfare spheres of the society, damage the natural environment, bring up homelessness and crime rates to highs unseen before, and worsen the functioning of urban infrastructure, including urban sanitation systems.

The topics in question will be discussed in the relation with problems of refugees, humanitarian crises, women and children equal rights, as well as the issues of mass migrations to Europe and other world regions. The number of refugees in the world in 2018 has reached 68.5 million people. Refugees are the problem not only of the receiving countries, which are forced to issue funds from their own modest budget for the needs of the refugees. The camps of the latter become the centers of diseases, crime, arms and drug traffic, as well as the area for armed confrontation with oppressed local population.

Taking into account the fact that today wars and armed conflicts have changed in nature and differ from their classical definition, the suggestion is also to touch upon the topics of "hybrid" and "artificial" wars, as well as the use of "soft power". Russian and foreign experts tend to consider "soft power" as a structural element of the foreign policy of the state. Is this policy vector an independent one, or rather a part of the so-called "hard power"? The conference panel should enable to hear and discuss the points of view of researchers on this topic.

На заседании секции планируется рассмотреть вопросы, связанные с проблемами вооруженных конфликтов в Африке, причинами их возникновения, предупреждением и урегулированием постконфликтной ситуации.

Тема является актуальной, поскольку вооруженные конфликты не сходят с повестки дня международной безопасности. Одними из «старых» – считаются конфликты этнического и религиозного происхождения. За их фасадом нередко кроются другие причины, способствующие локальным конфликтам и войнам. В африканских странах конфликты чаще всего возникают на почве разногласий из-за территории или контроля над добычей полезных ископаемых, включая стратегически важные минералы и редкоземельные металлы. Борьба за власть и ресурсы, за судьбу своего этноса, за идентичность остаются решающими факторами в развитии конфликтов или в их провоцировании. Как правило, вооруженные конфликты связаны с местной спецификой и уходят корнями вглубь веков. Более трети стран Африки, начиная с 1960 года, прошли через жестокие кризисы или конфликты. Последствия вооруженных конфликтов, как правило, бывают катастрофичными. Наносятся вред экономике, культуре, образованию, политической и гуманитарной сфере, деградирует экологическая система, растет беспорядочность и преступность, ухудшается санитарная обстановка городов.

Затронутые проблемы будут обсуждаться в неразрывной связи с проблемами беженцев, гуманитарными катастрофами, положением женщин и детей, вопросами массовых миграций в Европу и на другие континенты. Число беженцев в мире в 2018 году достигло 68,5 млн человек. Беженцы – проблема не только для принимающих государств, которые вынуждены выделять средства от собственного скудного бюджета на нужды беженцев. Их лагеря становятся очагами болезней, преступности, незаконной торговли оружием и наркотиками, а также полем вооруженных столкновений с притесняемым местным населением.

Учитывая тот факт, что сейчас характер войн и вооруженных конфликтов поменял свою природу и отличается от классического понимания этих категорий, предлагается также затронуть вопросы «гибридных» и «искусственных» войн, а также использование «мягкой силы». Российские и зарубежные эксперты склонны рассматривать «мягкую силу» как структурный элемент внешнеполитической стратегии государства. Является ли этот вектор политики самостоятельным или на деле лишь частью так наз. «жесткой силы»? Именно на этот вопрос хотелось бы услышать мнения исследователей.

Жерлицына Н.А.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

**АЛЬ-КАИДА В ИСЛАМСКОМ МАГРИБЕ –
БЕНЕФИЦИАР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИВИИ¹**

В Ливии с 2011 по и настоящее время идет разрушительная гражданская война, ставящая под сомнение само существование ливийской государственности и создающей почву для распространения в регионе и в целом в Средиземноморье радикализма и преступности. Ливия стала «безопасным раем» для джихадистов, дестабилизируя весь регион Магриба. Дезинтеграция страны ускорила процесс распада слабых региональных государств Сахеля, происходящего во многом под воздействием базирующихся в регионе террористических организаций, сильнейшей из которых является «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКИМ).

АКИМ остается одной из самых опасных группировок в Северной Африке. Устойчивость группы характеризуется ее адаптацией к различным ситуациям и контекстам, с которыми она сталкивается. Когда алжирскими силами безопасности удалось изгнать эту группировку в Сахель, она активизировалась в пределах северной части Мали, которую в конечном итоге контролировала. После того, как французские военные разгромили боевиков АКИМ на севере Мали, вынудив их найти убежище в Сахеле, группа позже всплыла на поверхность, но в виде различных отколовшихся групп, придерживающихся одной и той же идеологии.

АКИМ на сегодняшний день является гибридным образованием, в котором проявляются как террористические, так и криминальные мотивы. Адаптируясь к новым условиям, террористическая организация создала свою собственную экономическую систему в пределах контролируемой ей территории, своего рода «теневую экономику». АКИМ эволюционировала из террористической группы с политическими и религиозными намерениями в

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

группу, занимающуюся преступной деятельностью с экономическими мотивами. Основные источники ее дохода: похищение людей с целью выкупа, наркоторговля, контрабанда, в том числе и ливийского оружия, незаконная переправка африканских мигрантов в Европу.

Сидорова Г.М.

Дипломатическая академия МИД РФ; МГЛУ; Институт Африки РАН,
Москва, РФ

ВЛИЯНИЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В АФРИКЕ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Вооруженные конфликты не сходят с повестки дня международной безопасности. Одними из «старых» – считаются конфликты этнического и религиозного происхождения. За их фасадом нередко кроются другие причины, способствующие локальным конфликтам и войнам. В африканских странах конфликты чаще всего возникают на почве разногласий из-за территории или контроля над добычей полезных ископаемых, включая стратегически важные минералы и редкоземельные металлы. Борьба за власть и ресурсы, за судьбу своего этноса, за идентичность остаются решающими факторами в развитии конфликтов или в их провоцировании. Как правило, вооруженные конфликты связаны с местной спецификой и уходят корнями в глубь веков. Более трети стран Африки, начиная с 1960 года, прошли через жестокие кризисы или конфликты. Последствия вооруженных конфликтов, как правило, бывают катастрофичными. Наносится вред экономике, культуре, образованию, политической и гуманитарной сфере, деградирует экологическая система, растет беспорядочность и преступность, ухудшается санитарная обстановка городов.

Затронутые проблемы находятся в неразрывной связи с проблемами беженцев, гуманитарными катастрофами, положением женщин и детей, вопросами массовых миграций в Европу и на другие континенты. Беженцы – проблема не только для принимающих государств, которые вынуждены выде-

лять средства от собственного скудного бюджета на нужды беженцев. Их лагеря становятся очагами болезней, преступности, незаконной торговли оружием и наркотиками, а также полем вооруженных столкновений с притесняемым местным населением.

Учитывая тот факт, что сейчас характер войн и вооруженных конфликтов поменял свою природу и отличается от классического понимания этих категорий, предлагается также затронуть вопросы «гибридных» и «искусственных» войн, а также использование «мягкой силы».

Guilherme de Araujo Grigoli

Brazilian Army Command and Staff College, Rio de Janeiro, Brasil

THE UNITED NATIONS AND THE REGIONAL PROTECTION FORCE (RPF)
IN SOUTH SUDAN: SAME SOLUTION DIFFERENT RESULTS,
UNDERSTANDING THE REGIONAL DYNAMICS

Following the perception of effectiveness, in 2016, UNMISS started the deployment of the Regional Protection Force (RPF) after a new breaking of violence in Juba, adapting the initial success of MONUSCO in use a military forces with a pro-active mandate. This research investigates the performance and analyse the impacts and results of the RPF in South Sudan as response of UN to the outbreak of violence in South Sudan, particularly in Juba. It is a mix (quantitate and qualitative) research with data obtained through documentary research and participant observation, after which they were analysed with the support of the content analysis technique. The period analysed comprises from 2013 to 2018, while the space prioritizes primary the effects in Juba and, secondly, reflects in the adjacent states where the normal troops were relocated. This paper present a historical overview about the situation of South Sudan after 2011 emphasizing the conditions for the adoption of a Regional Protection Force based in a model of the MONUSCO Force Intervention Brigade (FIB). The sequence provide an analysis of the violence data in Juba (capital of South Sudan) according with the variables: abductions, murders, wounded and sexual abuse and exploitation. The deployment

of Regional Protection Force were used as temporal milestone in order to compare the behaviour of the variables using quantitative methods to infer the results of the violence awareness before and after. The main objective is to provide a vision about the effectiveness of these troops out normal equation of “more troops more security”. This article focus in understand how the regional dynamic can influence in the results of a new *modus operandi* of a UN troop. Finally, some perceptions had inserted to improve the reduction of the violence index of South Sudan, improving the efficiency of the UN troops in their mission.

Eliza Lyubenova

Advocacy Advisor for DR Congo; Harvard University,
Democratic Republic of the Congo

THE SPECTRAL AND THE SILENCED VIOLENCE IN DRC IN THE ERA OF HUMAN RIGHTS' MORAL LINGUA FRANCA

Writing in *Critique of Black Reason*, eminent critic Achille Mbembe explained that “the Black Man is the one that one sees when one sees nothing, when one understands nothing, and above all, when one wishes to understand nothing. Everywhere he appears, the Black Man unleashes impassioned dynamics and provokes an irrational exuberance that always tests the limits of the very system of reason.” Throughout his signifying riff on Kant’s *Critique of Pure Reason*, Mbembe identifies Blackness and race as twin figures of a madness produced by modernity. In this he agrees with Gilles Deleuze who observed that “there is always a Black person in the midst of delirium.”

My research paper will examine *how* and *why* the ongoing and forgotten-silenced armed conflicts in the Democratic Republic of the Congo, and in particular in its eastern Kivu provinces, might be analyzed through an interdisciplinary analytical method focusing on the past and present political, economic and geopolitical dynamics in the region from Global History and Global Capitalism prism. The study will examine the structural and interrelated roots causes of the armed conflicts in spaces rich in complexities and inequalities where

the monstrous is spectral, kept in everyday life and is marking bodies and imaginations. Thus, a particular attention will be drawn to the concepts of *black reason*, *necropolitics* and the many faces of the *human rights' moral lingua franca*, *humanitarianism*, *peace* and *development*.

Diego Pereira Pedra

Brazilian Army Command and Staff College, Rio de Janeiro, Brasil

HUMAN RIGHTS CHALLENGES AND RESPONSIBILITY TO PROTECT
IN THE CENTRAL AFRICAN REPUBLIC AND THEIR IMPACTS
ON SOVEREIGNTY

The purpose of this article is to analyze whether precepts described in the Responsibility to Protect (R2P) can be applied in the defense of Human Rights (HR) in Central African Republic (CAR), what are the consequences for the sovereignty of that country and its main challenges. The selected scenario represents a recent and relevant milestone, regarding that the country has been a scenario of an internal conflict and its difficulties in solving the problem by the international community. To solve the proposed problem, the methodology employs a qualitative approach inserted in an exploratory research through participant observation. Thus, we seek to present concepts that concern HR, the obligation of the National States to defend or preserve those rights, and the monitoring and collection instruments in CAR's territory as well. The following section attempts to present conceptual premises of R2P described by the United Nations, so that dichotomy between state and international responsibility in defense of all the human being can be discussed, taking into consideration the necessary requirements to be applied in CAR. This section also discusses the aspects of legality and legitimacy around the issue, questioning the success of military action on humanitarian issues as a kind of collective self-defense. Finally, the last section will examine whether the precepts outlined in the R2P can find space or justification so that they can be applied on Central African soil in order to prevent possible HR violations in conflicts. Given this assertion, the consequences

of this intervention for sovereignty and the challenges that arise are also objects of this analysis. In this approach, the present work is based on the study of lessons learned, participant observation and authors who studied the subject. The relevance of this work is to bring a light on recent international intervention in African countries facing conflicts.

Decky Kipuka Kabongi

Carleton University, Ottawa, Ontario, Canada

A PANEL DATA ANALYSIS OF THE DEMAND FOR MILITARY SPENDING IN SUB-SAHARAN AFRICA

Military expenditures have been generally increasing in Sub-Saharan Africa (SSA) since the mid-1990s, despite numerous development challenges facing governments and populations in the region. Aside from this observed general pattern, there are substantial variations in both military spending (absolute values) and military burden (share of military expenditures to GDP) across countries, across sub-regions, and over time. This paper uses panel data to examine the demand for military spending in a sample of 30 of Sub-Sahara African countries for the period of 1988-2016, the largest sample for which data are available. Two distinct specifications are performed, a fixed effects model and a dynamic panel data model. The results of different regressions performed in this analysis show that the size of the economy, demography, changes in the level of military spending of neighbouring countries, and the lagged of military spending are the most important explanatory variables of the demand for military spending in Sub-Saharan Africa. Furthermore, the estimations of the fixed effect models show that the nature of the political regime (autocracy and democracy) and the occurrence of civil war also influence the defence budget. However, the estimations of the dynamic panel models fail to corroborate this influence. Finally, post-estimation tests show that both the fixed effect and dynamic panel data models are suitable and efficient for this analysis.

Tatiana Smirnova
University of Florida, USA

**DISPLACED POPULATION AND BOKO HARAM INSURGENCY:
WHAT KIND OF IDENTITY IS BEING FRAMED?**

Major displacements of populations have appeared and have continued to grow in recent years due to the regionalization of the insurgency led by Boko Haram in the Lake Chad Basin since the early 2010s. Hundreds of thousands of people today are divided between neighboring states of Nigeria, Cameroon, Niger and Chad. The subsequent spread of violence on the territory of these four countries has also generated significant flows of internally displaced persons.

These displacements have been all the more facilitated by at least three reasons. First, the fact that the geography of the Lake Chad basin is porous to circulations. Secondly, because there are important linguistic continuities and historical ties (Kanem-Bornou empire) between populations located on the other side of national borders. Finally, because the will of the States to exercise control on their borders was either non-existent before the Boko Haram crisis or stumbled upon the immensity of the security challenge regarding the insurgency.

For all these reasons, many questions deserve to be asked and examined. To what extent can we establish a direct link or not between population movements and the spread of this insurgency in the Lake Chad Basin? Secondly, what are the consequences of displacement control on state strategies for securing citizenship (for example, through biometric population identification projects)? What are the tensions around the making of the "new" statutes: "refugees", "displaced", "returned", "host populations"?

Федотов В.Н.
МГЛУ, Москва, РФ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1967–1970 ГОДОВ И СОВРЕМЕННАЯ НИГЕРИЯ

Гражданская война в Нигерии, продолжавшаяся с июля 1967 г. до января 1970 г. была наряду с войной во Вьетнаме самым кровопролитным воен-

ным конфликтом в мире в 60-е годы XX века. В ходе боевых действий и межэтнической резни по разным данным погибло от 1 до 3 миллионов человек, хотя общее количество жертв, учитывая плохую статистику и африканскую специфику, может и существенно превышать эти цифры.

Принято считать, что главной причиной ожесточенного вооруженного противоборства были межэтнические противоречия. Однако они появились не сами по себе, а в результате британской колониальной политики, в ходе которой на территории Африканского континента сколачивались колониальные административно-государственные образования без учета этно-исторической специфики включаемых в их состав территорий. В результате Нигерия сложилась как многонациональное и многоконфессиональное государство, населенное народами, имевшими различную историческую судьбу, различные религиозно-цивилизационные ценности и разные представления о том, в каком направлении и за счет чего страна должна развиваться.

В условиях крайне ограниченных финансово-экономических возможностей страны, лишь недавно добившейся независимости, борьба за свою долю национального бюджета и национальных природных ресурсов до предела обостряла и без того натянутые этно-конфессиональные отношения. Совокупность всех этих факторов плюс поддержка из-за рубежа сепаратистов в богатых углеводородами юго-западных провинциях привели к их отделению, провозглашению республики Биафра и, в итоге, к гражданской войне.

Военное поражение Биафры и восстановление единства страны с помощью вооруженной силы не смогло решить ни межнациональных и межрелигиозных конфликтов, ни тем более противоречий вокруг раздела доходов от эксплуатации нефтегазовых ресурсов государства. Современная Нигерия остается глубоко расколотой страной, где регулярно происходят конфликты на этнической и религиозной почве. Одновременно, по мере развития нефтегазового бизнеса и быстрого роста доходов в данной области столь же опережающими темпами нарастал и вал коррупции, охватившей все сферы государственной жизни. Острота противоречий экономического характера в на-

стоящее время уже существенно превышает традиционный конфликтный потенциал в области этно-конфессиональных отношений.

Не преодолев причин и последствий гражданской войны, Нигерия входит из одной кризисной фазы в другую, не может завоевать полную экономическую самостоятельность и вынуждена постоянно искать финансовые ресурсы и политическую поддержку извне.

В результате, под воздействием всего изложенного комплекса факторов, самая многонаселенная страна Африки, обладающая удобным выходом к океану, колоссальными запасами ценных природных ресурсов и хорошими климатическими условиями для круглогодичного интенсивного земледелия, по-прежнему остается внутренне нестабильным государством. В экономической и политической областях сохраняется заметная зависимость от внешних факторов. Кроме того, все более дестабилизирующее воздействие оказывает обостряющаяся проблема огромного разрыва уровней доходов как различных слоев населения, так и разных регионов страны.

Зданевич А.С.

СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

**МИГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В СТРАНАХ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ,
КАК СЛЕДСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ, ПРИВОДЯЩИХ
К ВОЗНИКНОВЕНИЮ И ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТОВ
НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ)**

Исследуя ход и особенности политических и социальных процессов на африканском континенте на современном этапе, невольно обращаешь внимание на то, что многое, если не всё, из широкого списка проблем, с которыми сталкиваются специалисты-африканисты, относится к категории «прогнозируемых ситуаций», то есть, их возникновение, развитие и последствия можно было предугадать и предотвратить. Проблемы внутренней и внешней миграции не являются исключением. Напротив, всё чаще и острее обсуждается тенденция к «великому переселению», охватившая целые регионы Африки

10-15 лет назад. Можно разделить спектр мнений, высказываемых в попытке определить причины этого явления, на три группы: афропозитивизм, афронегативизм и нейтралитет.

Полярность и остроту обсуждений задают две первые группы исследователей, находящиеся вверху списка. Одним будущее континента видится сквозь призму «статистической эйфории», указывающей на стремительный характер встраивания Африки в современность на всех уровнях, особняком в этом контексте стоят показатели экономического роста. Другие воспринимают настоящее континента с учётом всей совокупности деструктивных процессов, исключая континент из числа регионов, допущенных в «светлое завтра». Мнение третьей (нейтральной) стороны – даёт нам возможность вдумчиво и скрупулёзно разобраться во всех перипетиях процессов, происходящих на африканском континенте сегодня. Остановимся именно на нейтральном подходе и, опираясь на открытые источники, дающие нам возможность расширить диапазон мнений до оптимального, постараемся разобраться в причинах и следствиях дезинтеграционных процессов и явлений.

Безусловно, невозможно охватить весь континент со всем разнообразием политических и социальных взаимодействий на внешнем и внутреннем уровне. Ограничивая географию исследовательского «поля» регионом Африки южнее Сахары (АЮС), а временную ретроспективу последним десятилетием прошлого – началом нового тысячелетия, рабочей гипотезой выдвинем зависимость возникновения и эскалации конфликтов различной интенсивности, как в пределах, так и за пределами африканского континента, от политических инициатив бывших стран-метрополий (и не только), а также региональных политических элит. Следствием же, выводимым из данной гипотезы, станет миграционный процесс, принимающий глобальный характер.

Семенова В.Н.

МАЭ РАН (Кунсткамера); СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

**ФРОНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ТИГРАЯ (ЭФИОПИЯ):
ПРИМЕР ПОБЕДЫ ВООРУЖЁННОГО ДВИЖЕНИЯ**

Фронт освобождения Тиграя является редким примером удачной борьбы с превосходящим противником в лице государства на африканском континенте. Возникнув после революции 1974 года это движение носило национально-освободительный характер, основанный на понимании провинции Тиграй как отдельного специфичного культурного феномена в истории Эфиопии. Такой взгляд на Тиграй наиболее наглядно выражен в экспозиционно-выставочном пространстве Музея мучеников Тиграя, открытом в Мекеле. В этническом отношении Тиграй можно назвать монолитным, особенно по сравнению с другими землями Эфиопии, и, в целом, по сравнению с аналогичными африканскими реалиями.

Особенно ярко такая гомогенность сказалась в период после того, как власть в эфиопском государстве сосредоточилась в руках амхара, т.е. в период правления шоанских императоров Менелика и Хайле Селассе. В землях Тиграя стали преобладать националистические настроения, начались вооруженные конфликты. Важной характеристикой этого движения является его социально-экономическая ориентированность, желание привести Тиграй к процветанию. Возможно, последнее обстоятельство сыграло роль, что в 1991 г. именно тиграйцы пришли к власти в Эфиопии.

В октябре 2019 автор удалось побывать в Тиграе. Националистические взгляды до сих пор там сильны и уже являются неотъемлемой частью культурной жизни региона. Деятельность Фронта освобождения Тиграя в отечественной научной традиции недостаточно полно и подробно проанализирована, хотя представляет единственный пример победы на африканском континенте вооружённого сопротивления. В докладе рассмотрены основные этапы становления национально-освободительного движения, представлена хронология событий и результат такой деятельности. Отдельное внимание уделяется

методам сохранения памяти о сопротивлении в современном тиграйском обществе.

Ликов С.С.
МГЛУ, Москва, РФ

СРЕДНЯЯ ПОЛОСА НИГЕРИИ – ВОЗМОЖНЫЙ ПЛАЦДАРМ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Средняя полоса Нигерии является самой плодородной частью страны и занимает главенствующую роль в ее сельскохозяйственном секторе. Наиболее развиты в данном регионе скотоводство и земледелие. Как правило, христиане из южной части страны ориентированы на выращивание домашнего скота, а мусульмане с севера ведут оседлый образ жизни, выращивая сельскохозяйственные культуры. Изначально между двумя упомянутыми группами не наблюдалось столкновений на почве сельскохозяйственной деятельности. Изменения климата и опустынивание северных территорий страны уменьшили площадь плодородных земель и повлекли рост конфликтности в регионе средней полосы. Более того, ситуация усугубляется по мере нарастания интенсивности религиозных трений, жертвами которых уже стали десятки тысяч человек.

Начиная с колониальной эпохи, в Нигерии наблюдались стычки между двумя основными религиозными общностями страны – мусульманами на севере и христианами на юге. Со временем количество столкновений лишь увеличивалось, и ситуация ухудшалась. Север страны, граничащий с Чадом и Нигером, все больше подвергался нападениям террористических группировок и радикальных сект. Было убито множество учителей школ, ученых, полицейских, совершены нападения на образовательные учреждения и больницы. Подвергшаяся нападениям северная часть страны стала благоприятной почвой для усиления террористических группировок и увеличения численности их последователей. Наиболее ярким примером такой группировки может служить «Боко Харам», присягнувшая на верность запрещенному в России «Исламскому государству» в марте 2015 года.

«Боко Харам» использует любые возможности для маргинализации и радикализации нигерийского населения. Террористическая группировка заполняет образовавшийся вакуум в сферах управления и образования, что без должного противодействия со стороны Абуджи приведет к катастрофическим последствиям и может вызвать массовое кровопролитие в средней части Нигерии. Это в свою очередь может повлечь образование нового мощного потока беженцев в страны Европы и в значительной степени подорвать не только региональную, но и международную безопасность.

Каминский С.И.
СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

ВЛИЯНИЕ ОПЕРАЦИИ «ТАРНЕГОЛЬ-53» НА ИСХОД ЕГИПЕТСКО-ИЗРАИЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1967–1970 ГОДОВ

В современных условиях международной напряженности, отчетливо проявляющихся в странах Африки и на Ближнем Востоке, все более актуальными становятся исследования «технической» стороны конфликтов. Подобный интерес вызван, в первую очередь, попыткой прогнозирования конфликтов будущего. Особое внимание следует уделять арабо-израильским войнам минувшего века, которые стали своеобразным «испытательным полигоном» новейших видов вооружений, изменивших облик современных вооруженных конфликтов.

В приведенной статье будет рассмотрена военная операция «Тарнеголь-53», проведенная Армией обороны Израиля во время «Войны на истощение» 1967–1970 годов, завершившаяся ровно полвека назад. Примечательной особенностью данного вооруженного конфликта следует считать отказ от традиционных боестолкновений, осуществляемых посредством массовых пехотных атак. Война Египта и Израиля может быть охарактеризована как вооруженный конфликт, основой которого было интенсивное противостояние в воздушном пространстве.

Для достижения паритета на «небесном фронте», египетские силы ПВО получили от СССР ЗРК С-75. Для выдачи целеуказания комплексами использовались локаторы П-12 «Енисей», имевшие дистанцию обнаружения целей, равную 250 километрам. Подобный радар дальнего обнаружения был способен засекал самолеты на малых высотах, его характеристики не были известны западным военным экспертам, а средств борьбы с радиолокационной установкой ещё не существовало.

В декабре 1969 года специалисты отдела расшифровки аэрофотоснимков предложили идею захвата и последующей транспортировки РЛС в Израиль. Операция была проведена успешно благодаря выявлению ошибки египетского командования, в целях секретности, решившего расположить станцию в удалении от основных войсковых соединений, призванных защищать египетский комплекс советского производства.

В 1970 году, президент Египта – Гамаль Абдель Насер был вынужден обратиться к СССР с прошением о создании более «эффективного ракетного щита» против новой «невидимой» израильской авиации, обратиться по причине фактического уничтожения старой сети ПВО. Превосходство в воздухе над Египтом стало последствием внедрения израильянами системы «внезапных налетов», ставших возможными благодаря модификации воздушной техники, способной дезинформировать РЛС советского производства, находившихся в эксплуатации египетскими вооруженными силами, захваченных во время легендарной операции.

**Panel VII-3. Foreign Interventions in West Africa and the Sahel
(1975–2019)**
**Секция VII-3. Иностранные интервенции в Западной Африке
и Сахеле (1975–2019)**

Convenor / Руководители: *Maciel Santos* (University of Porto, Portugal); *Mario Gonçalves* (University of Coimbra, Portugal); *Mourad Aty* (University of Guelma, Algeria)

Maciel Santos
Porto University, Portugal

**THE WESTERN SAHARA CONFLICT SEEN FROM PORTUGUESE
AND SPANISH DIPLOMACY (1976–1983)**

Since 1975, the year of Spanish regime transition, the conflict of West Sahara remains as of the last African decolonisations processes still to be solved. Portuguese diplomacy, which had been responsible for a similar problem in another corner of the world in the same year (East Timor) closely monitorised the issue while balancing its African post colonial policy. The Spanish sources have been so far quite untapped.

Portuguese and Spanish archival sources on the ongoing war, (and some of them have been just being given free access because of the legal time gap of classified interdiction), provide some new clues about how the western powers framed the war between the Moroccan-Mauritanian forces and the Saharawo independendist movement, the Polisario Front.

This paper intends to give a new insight of the problem for the period 1976-1984 relying mainly on these official but so far hidden sources.

Emmanuel Tchumtchoua
Université de Douala, Cameroon

WEST AFRICA AND THE SAHEL IN GLOBAL AND LONG-TERM
HISTORY: PROLEGOMENA TO UNDERSTAND
FOREIGN INTERVENTIONS

The central hypothesis underlying this work is that West Africa and the Sahel are made up of a set of "regions" in the Braudelian sense of the term. These different entities find their units in networks of relationship, interconnection and exchange that have built up over millennia.

Indeed, by studying West Africa and the Sahel through the prism of the state borders inherited from colonization or by attaching it willingly or by force to the geopolitics of the world (cold war etc ...), does not always justice to the complexity of the situations experienced by the peoples of this region nor does it explain in a deep way the crises and upheavals that characterize the Sahel today.

When we talk about interconnection and exchange, we are not only referring to the very old trade in this region but to the expansion of the peoples and Islam that in the course of time has structured and destructured the kingdoms and empires making this region a place of old conflictualities. It is therefore impossible to understand the trafficking, smuggling and terrorism that today justify the European, American and UN military presence in this region if we do not take into account this historical background.

The long duration is not only related to human history, it also refers to the time of sedimentation in the subsoil of this region of wealth (oil, uranium, gold, bauxite etc ...) behind the masks of Humanistic speeches are in places, the real reasons for these foreign interventions. The example of Niger is very edifying in this respect. An inextricable network of dependence has turned a wealth like uranium into a kind of curse.

A country ranked among the poorest in the world produces more than half of the uranium used in French nuclear power plants. To protect this Niger is also and above all to protect France.

Celia Dyduck

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

CONTRADICTIONARY MOVEMENTS IN FRENCH INTERVENTION POLICY IN AFRICA

From 1994 onwards, the major Western powers faced with the failure of major UN operations promoted the idea that African problems require African solutions. This declaration was part of the doxa on Africa and what was only a minority claim is now being taken up by African elites themselves. Nevertheless, on 6 November 2004, in response to a deliberate attack by its soldiers, the French army destroyed the Ivorian army aircraft supposed to have killed nine of them and soon fired at the crowd and militiamen.

This action, nothing less than an episode of war, reflected the choices, inconsistencies and political blindness of the French government as much as the constraints imposed by the radicalisation of the behaviour of the actors in the Ivorian crisis.

Unlike the Cold War period, the situation on the continent is now marked by a plurality of multilateral, international and regional actors.

By choice or by necessity, security issues are no longer the prerogative of the major powers and their most important clients in Africa: subregional organizations, such as the Economic Community of West African States (ECOWAS) or the Southern African Development Community (SADC), without mentioning the continental organization even before its reform, are sometimes indispensable, sometimes subsidiary, but often significant actors in crisis management. The aim of this study is therefore to tackle the contradictions imposed by the French government in Africa in terms of intervention in policy operations.

Alexander Shipilov
Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

ROOTS OF THE FRENCH INTERVENTIONIST POLICY IN COTE D'IVOIRE IN 2004 AND 2011

The political situation in Ivory Coast was heavily influenced by the French establishment ever since the country obtained independence in 1960. Paris extended military protection and investment to the Ivorian leadership in exchange for political loyalty and privileged access to the nation's natural resources. Ivorian politicians, especially after the democratization of 1990's, had their interests closely aligned with those of their French colleagues, namely Henri Konan Bedie (Ivorian President in 1995–1999) maintaining cooperation with Jaques Chirac, Alassane Ouattara (Prime Minister in 1990–1994 and incumbent President) close to Edouard Balladur and Laurent Gbagbo (President in 2000–2011) supported by Lionel Jospin, French Prime minister in 1997–2002. As the civil war erupted in Cote d'Ivoire in 2002 with all mentioned parties involved on various sides of the conflict, French military forces stationed in the country were deployed to the combat zone upon the invitation by President Gbagbo.

Nevertheless, due to political constraints between Gbagbo and President Chirac, French forces acted only to separate governmental and rebel forces and not to decisively defeat the later. Upon further negotiations under the French auspices finalized by the Linas-Marcoussis agreement of January 2003, Gbagbo was pressured to include rebel representatives more consistent with current French interests into the interim government and abstain from the use of Belorussian helicopters. The use of these in November 2004 by the governmental troops resulted in accidental attack on the French forces and subsequent retaliation (annihilation of the entire Ivorian air force) and anti-European pogroms in Abidjan. This further increased hostility between Gbagbo and France, leading to the French forces ousting Gbagbo out of power in April 2011 in the wake of disputed

presidential run-off between him and Ouattara, further political stalemate and resumption of the civil war.

Alina Lapushkina

Institute for African Studies; National Research University Higher School of Economics; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

RUSSIAN PRESENCE IN EASTERN GHANA: HOW RUSSIAN TEACHER PROMOTES AVATIME VERNACULAR LANGUAGE IN SCHOOLS¹

Until recently, in Avatime region recordings were made only in the languages of the neighboring Ewe people, the largest ethnic group in the Volta region, and English. The Vinokurov missionaries continued the Christian tradition in the Avatime region, which the first Protestant ministers of the Bremen mission began at the end of the 19th century. Before Ghana became the first independent republic on the African continent (1957), missionaries from Switzerland, Germany, and Scotland worked with this people alternately. In postcolonial time after a long pause in 2006 the Russian Vinokurov family from Wycliffe mission arrived. The primary mission of linguistic missionaries was to translate the New Testament into the vernacular language; or, in the language of the founder of the mission, the Bible must be "in the language of the heart of the people." Soon, Avatime already had an alphabet, a written language, and now the Sideme language (oral and written) is taught in schools, which contributes to the preservation of the cultural heritage of the people in a rapidly changing world. Young people strive for the "lights of the capital city", and only due to the oral tradition of the elders do some know about the history of their people. This project doesn't have a Governmental support, so missionaries write books, sell it and buy rice for paying to Avatime teachers.

---

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation, project # 21-18-28038 "Historical Memory as a Factor of the Evolution of Social-Political Systems (Sub-Saharan Africa and Mesoamerica)".

Mourad Aty

University 8 May 1945° Guelma, Algeria; I&D – CEAUP, Portugal

**US AFRICA COMMAND (AFRICOM) IN THE SAHEL
AND WEST AFRICA: ANALYSIS AND ASSESSMENT**

The United States Africa Command (AFRICOM) is one of the six geographic combatant commands of the Defense Department and one of the Armed Forces' eleven unified combatant commands. It is Responsible to the Defense Secretary for military ties with African countries and African organizations such as the African Union, and African regional security organizations. It is responsible for all US operations, exercises and security cooperation in Africa, and surrounding waters (US AFRICOM). Its mission statement says: "U.S. Africa Command, with partners, counters transnational threats and malign actors, strengthens security forces and responds to crises in order to advance U.S. national interests and promote regional security, stability and prosperity." This paper aims at assessing the security situation in the Sahel and West Africa and tries to provide answers for the following questions. First what role does AFRICOM play in the region? Second how does it cooperate with African security organizations and other foreign military presence? Third what is the outcome of more than one decade of the US military presence to promote "regional security, stability and prosperity" in that particular part of the world?

Tatiana Smirnova

University of Florida, USA

**FOREIGN INTERVENTIONS AND BOKO HARAM INSURGENCY
IN THE LAKE CHAD REGION**

The contribution proposes to reflect on the effects of "foreign interventions" on the Boko Haram insurgency that began in the early 2000s in Nigeria and rapidly spread into three other countries of the Lake Chad: Niger, Chad and Cameroon. The paper reads "intervention" through a double perspective, involving humanitarian aid and military operations. It attempts to analyze its connections and

contradictions. The contribution takes as a starting point the analyses of the military operations of the Multi-National Joint Task Force (MNJTF) in the region of the Lake Chad through 2012–2019. What is the effect of the operations on the Boko Haram insurgency – on the one hand and on the displaced civilian population – on the other hand? How military “intervention” intertwines with the “humanitarian” framing of the Boko Haram crisis in the Lake Chad region? Provided complex connections between civilians and insurgences, an important question needs to be asked: what “foreign interventions” have been doing to the Boko Haram insurgency through 2012–2019?

The contribution draws from the fieldwork conducted in the region of Diffa in the southeast of Niger through 2017–2018 as well as in the capital of Niger, Niamey through 2016–2018. It is also supported by extensive quantitative data on the military operations conducted in the Lake Chad region through 2012–2019.

Deepak K. Bhaskar

Daulat Ram College University of Delhi, India

CONCEPTUALIZING POLITICAL INSTABILITY AND SECURITY THREAT IN WEST AFRICA: CASE STUDY OF MALI AND IVORY COAST

The Political Instability has been undying feature of Politics in Africa in general and West Africa particularly. West African countries, however, featuring democracy in many of them but the peace is still due for long. The perpetual political instability has brought everlasting security threat to the constituent countries in particular and Region overall. Mali and Ivory Coast is the worst hit in this case. Moreover, there is need to understand the intimate relationship between the Security and Political instability. Political instability ranges from military intervention to local insurgencies and agitated citizen. The political instability has been conceptualized primarily under traditional military intervention but there are many issues, which led to this in contemporary Africa. West Africa however is fastest growing region of Africa but there is significant rise in securities due to political instability also. My paper focuses on how West Africa is facing

Traditional and non-traditional security threats both at the same time. Rise of Extremism in the region especially in Mali and Ivory Coast has raised the security concern of the region. My paper tries to conceptualize the relationship between the two by taking the case study of Mali and Ivory Coast, which has become the place of conflict in recent times.

Sylvie Lembe

University of Lyon 3, France

**FOREIGN MILITARY INTERVENTION IN MALI (2013–2019):
IS THE CURRENT MILITARY FORCE AN OBSTACLE TO PEACE?**

The aim of this paper is to analyse the major issues and controversies involved in the debate on the ongoing French-led military intervention in Mali (West Africa). Also, it assesses the effectiveness of this intervention.

In January 2013, one year after the military coup in Mali, in response to the request of Mali's transitional government, France decided to intervene decisively in North Mali to keep peace and because the Malian government was directly threatened by tuareg rebels and terrorist groups moving towards Bamako (the capital city of Mali).

The stated aims of the French-government also included to secure Bamako and to enable Mali to recover its territorial integrity. Thus, a military operation "Operation Serval", which, in 2014, became "Operation Barkhane" were launched. This military operation benefited from Chad, Germany and many other European countries military support. It would help secure long-term sustainable and regional peace and security and would afford Malian a long-term perspectives and help them to live with greater certainty.

However, more than six years on from the launch of peace operation-strategy, one cannot help but be disappointed by the modest progress made towards realising its objectives and responding thoroughly to the process it champions.

Terrorist attacks have increased in Mali, Niger and Burkina Faso since 2014. Besides, peace is too fragile in these countries. Tuareg rebels and terrorist groups have targeted the French-UN-Peace keeping operation Headquarters in Bamako since 2016.

Therefore, I propose a study with an added value: an interdisciplinary approach which focuses on the contradiction and the paradox of the military and foreign intervention in Mali and the Sahel. My theoretical approach will provide a guide that challenges existing conceptual approaches to the study of military foreign intervention in Africa in general and in Mali in particular.

More specifically, my paper aims to answer the following three research questions: (1): Is the current military force an obstacle to peace? How effective and useful is the military intervention in Mali and the Sahel? (2) Are peacekeeping and peace building the real motivations of this multi-national military intervention in Mali? Does peace in Mali depend on the foreign military intervention? Moreover, what is the Malian government's definition of peace and national security? (3)

Claude Mbowou

Paris1 Panthéon Sorbonne, Paris, France

FOREIGN INTERVENTIONS AND MILITIANISATION IN SAHEL

What are connections between foreign interventions and the development of militia phenomenon in Sahelian space? This paper would like to show how foreign interventions contribute to reinforcing counterinsurgency logics based on militia groups under conditions that may paradoxically favor the weakening of stabilization purposes.

The Following points will be highlight: First, we will see how foreign interventions bring supports to militia groups and the justifications that underlie them. Secondly, we will see how these directs or indirects supports to militia action can be in contradiction with solutions that could be better to consolidate the local institutionalization of the state. This reflection is based on outcomes of some field researchs through the Lake Chad Basin area, but also on a comparative analysis of similar processes in West Africa and elsewhere.

Antonino Adamo
National Research Council of Italy, Palermo

MERCENARY VERSUS TERRORIST:
PRIVATE SECURITY FIGHTING NIGERIA'S BOKO HARAM

Private Military Companies (PMCs) steadily grew in the early nineties of the 20th century in sub-Saharan Africa within the context of the so-called "New Wars", the spread of neo-liberalism and the crisis of nation-state. PMCs claim to provide "integrated security packages" to national governments with major internal security troubles and some are able to recruit mercenaries willing to fight in the battlefield. In parallel, corporate private security began to proliferate also elsewhere, as witnessed by a large number of contractors recruited by the US Army to perform security and ancillary tasks for the military during the campaigns in Afghanistan and Iraq. Developments in one of the a major crisis in Africa – the uprising of the Islamic terrorist group Boko Haram in Nigeria – involved the 2015 intervention of Specialized Tasks, Training, Equipment and Protection (STTEP International Ltd), a South African PMC, which is the goal of this work.

The origins of PMCs are highlighted before an in-depth analysis of the mercenary intervention against Boko Haram is performed with an eye on previous major PMC interventions in Sub-Saharan Africa, such as South Africa's Executive Outcomes (EO), included in a network of minerals and gems international corporations, which intervened in Angola (1993) and in Sierra Leone (1995). On the one hand, the paper emphasizes the unprecedented use of PMCs against Islamic extremist groups, but on the other reveals that PMC interventions have not changed much: for instance, as for previous private security involvements, the results of STTEP intervention were short-living and did not contribute to conflict resolution. Finally, the article will try to assess STTEP's intervention in light of the current debate on private security involving those who advocate its use and regulation and those who question the legitimacy of PMCs as a tool of conflict resolution.

Panel VII-4. Resolving the Contradiction of Terrorism in Africa
Секция VII-4. Разрешение противоречия терроризма в Африке

Convenor / Руководитель: *Abraham Waya* (Boston University, USA)

Ever since the Soviet Union crumbled under the weight of unresolved internal contradictions, the strategic calculations that had informed many African nations since emerging from colonialism into the Cold war era, demanded reassessment. Playing one superpower against the other no longer had any leverage. A degree of security that accompanied hosting foreign military, surveillance and reconnaissance bases, no longer prevailed as Africa rapidly lost influence as a result of global geo-strategic changes. African nations cut their loses and pitched their tents with the superpower left standing, regardless of the evident incongruity with their own internal social systems and regardless of the evident internal contradictions that are bound to ensure the demise of western societies as a matter of time.

In the Cold War era, the West armed many ideologically guided organizations not because they shared the ideology, but because they saw those ideologies as mobilizing forces with which to check the advance of the communist ideology and of the contending super power.

Many revolutionaries in Africa retained their idealist visions of a more egalitarian society with no exploitation of people and natural resources for the accumulation of a handful of corrupt men and women. Some of these idealists in Africa resorted to the next best ideology with the power to command their passion to establish a just society either here on earth or beyond earth. The shift was ignited, inadvertently, by the success of the Iranian revolution of 1979 against a puppet regime beholdng to the imperialist west.

Today, the greatest security threat to Africa is not Russian – US military posturing. There continue to be fewer and fewer foreign military bases on Africa and the continent's geostrategic locational value continues to decline as rapid advances in science and military technology, and a redirection of global economy, shifts away from Africa any leverage it might have enjoyed in the past. Yet the passion for change toward a more egalitarian society persists, finding outlet in religious radicalism that is inherently anti-west.

There are countless terrorist organizations operating in Africa. Some, but not all, have allegiance and affiliates beyond the continent.

The purpose of this panel is to examine the rise, spread and operations of some of these organizations, and to explore potential strategies and methodologies for greater security and the transformation of empowering ideologies from terrorist idealism to more positive social transformation.

Some of the groups to be examined within their socio-cultural and political milieu, and their spread include:

1. Al Qaeda in the Islamic Maghreb
2. Boko Haram
3. Islamic State West Africa Province
4. Ansar Al-Sunna
5. Muslim Brotherhood
6. Al Shabab
7. Lord's Resistance Army
8. Janjaweed
9. Interahamwe
10. Anti Balaka
11. Seleka
12. Any others.

Resolving the internal security contradictions will contribute toward mapping out new, clearer and more positive destinies for Africa in the modern world and beyond.

Although Africa has the largest population of young people of all continents, she is in danger of being left behind by the rapid advances in technology, and consequently in danger of more radical revolutionary forces. The kind of society necessary and relevant for transformation necessarily requires an environment that is sufficiently secure for durable innovation.

Abraham Waya

Boston University, Boston, USA

THEORETICAL AND HISTORICAL OVERVIEW

After the terrorist attacks by Al Qaeda on the United State on September 11, 2001, global community turned to the academic world to find a simplified definition of terrorism. This became an impossible exercise as, influenced by the impact of the attacks, scholars sought to compartmentalize the definition to include their perceptions and exclude the potential impact of the impending war of terrorism. We shall attempt to examine a number of theories that attempt to define and or describe terrorism from the political, social, economic, military, religious and ethical perspectives. Just war, just terrorism and other theological justificatory theories will be juxtaposed.

The definitional and theoretical framework for understanding the phenomenon of terrorism will draw from the works of Sun Tzu, Clausewitz, Mao and other theorists of asymmetrical warfare. This will attempt to understand terrorism as a continuation of politics by other means and provide guidance for preventing or resolving the conditions that lead to terrorism, or at least containing, undermining and defeating it once it has started. We must consider that the contradiction of terrorism is that most terrorists are seeking the same things from the state, but resort to terrorism especially where the state is seen to be corrupt and the people lack economic opportunities and political outlets.

- Who gets to define terrorism? Is one man's terrorist another man's liberation fighter?

- What about the terrorized terrorist? These are often developmentally challenged adults and terrified child-soldiers who have them been terrorized into carrying out terrorist acts.

- What is the sociology, and even the psychology of terrorism. Is the terrorist searching for purpose and meaning and greater ideals? Is there equivalency between the bravery of a soldier on a suicide mission and the bravery of a terrorist on a suicide mission?

- If illegitimate use of violence partially defines terrorism, what about illegitimate use of terror by a state actor against defenseless civilian non-combatants including women, children and the elderly, as in collective punishment, targeted assassinations, extraordinary rendition of innocent people?

- While talk of terrorism in Africa often revolves around Islamic terrorist groups such as Boko Haram, Al-Qaeda in the Islamic Maghreb, Islamic State's West Africa Province, Al-Shabab, etc., what about groups such as the Janjaweed, the Interahamwe, the Lord's Resistance Army, the Seleka and Anti-Balaka? Are they any less terrorists?

These and similar issues will occupy our focus and attention in this opening paper.

Neha Sinha

Vivekananda International Foundation, New Delhi, India

TERRORISM IN AFRICA: AN OVERVIEW

Terrorism is not new in Africa. Terror activities have grown exponentially in the continent, not only in terms of the number of attacks; but also the continent is getting affected due to increased proliferation of terrorist groups. Moreover, it has become a challenge to peace, security and development in Africa as terrorism potentially has adverse effects on economic growth, investment, and tourism. In countries such as Algeria, Burundi, Congo, Sudan, Ethiopia, Eritrea, Djibouti, Somalia, Kenya, Uganda, Tanzania, Nigeria, Rwanda – we see there is an increase in terrorist acts in recent years. The global terror groups such as the Islamic State of Iraq and Syria (ISIS) and al Qaeda have made their presence felt in the region. Other local deadly groups too have gained prominence over the years – Boko Haram, al Qaeda in Islamic Maghreb (AQIM) and al Shabaab. As a result, an arc of instability is spreading across Africa, from Nigeria in West Africa, Mali in Sahel, Libya in North Africa, to Somalia in East Africa. The six countries with the highest terrorist attacks in recent past are Algeria, Burundi, Nigeria, Egypt, Somalia, and Congo. With reference to terrorism in West and East Africa, it is apparent that Boko Haram and Al-Shabaab, respectively, are the most feared. East Africa is regarded as the region with extremely high incidents of terrorism.

There is a growing recognition in Africa that terrorism is a transnational problem and, therefore, there is a need for cooperation at the continental level to effectively deal with it. Over the years, African countries have devised various measures to deal with this threat at the Pan-African level. The Organisation of African Unity (OAU) Convention on the Prevention and Combating of Terrorism, adopted at Algiers in 1999, had put in place a solid framework to deal with the scourge of terrorism. This was followed by a Plan of Action on Prevention and Combating terrorism in 2002, which put forward several measures for border surveillance, issue of machine readable passports, checking illegal transfer of

weapons, introduction of legislation preventing the financing of terrorism, and sharing of information and intelligence on terror activities. Unfortunately, despite the existence of these instruments, terror networks continue to operate in the region. A large number of countries do not have the funds to enforce the counter-terrorism measures. Even corruption in Africa acts as a hurdle. My paper will thus focus on the measures to combat terrorism and the way forward. It's also an attempt to strengthen understanding of the complex and multifaceted relationship between human rights and terrorism.

Iliia V. Ponomariov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

A CRIME-TERROR NEXUS IN THE SAHARA-SAHTEL ZONE

The problem of a crime-terror nexus is now acquiring vivid attention of scholars. While some scholars suppose that the interaction between criminal and terrorist organizations can evolve into a steady alliance, others move a step further arguing that terrorist groups can mutate into criminal ones and vice versa. The problem is that it is much easier to find examples of the first case than of the second to illustrate that not only can a crime group turn to terror tactics on a wide scale, it can also become fully committed to broader political aims that tend to characterize the agenda of terrorist organizations. For that and other reasons a number of researchers who are deeply engaged in regional specifics remain skeptical about the foundations of crime-terror theorizations. The latter usually suffer from the simplistic approach of inserting some raw examples from rather different contexts into the theoretical scheme just to prove the direction of the scholar's thought as well as splitting hairs regarding how the terms 'terrorism' and 'criminality' should be defined.

It has been admitted on multiple occasions that the superficial binary oppositions are too narrow for the social studies to focus on these very complex phenomena. Evidences from the Sahara-Sahel zone derived from the perspectives

of sources and scientific studies of recent years have disposed of such notions as ‘narco-terrorism’ and ‘narco-state’ as politically motivated and misleading. For example, since 2011 several jihadist and militia groups emerged, disbanded, mutated and evolved, changed sides and exchanged personnel in northern Mali. There are anecdotal evidences pointing to some of these groups’ occasional connections with drug and other types of smuggling, but should this be regarded as proof of crime-terror overgeneralizations? Rather, complex realities on the ground dismiss such attempts, evoking the need first to study thoroughly the ethno-political and trading culture and history of local communities.

Viktor Marsai

National University of Public Service, Hungary

**BREAK THE LINES – ATTACKS OF JIHADIST GROUPS
AGAINST MILITARY BASES IN SUB-SAHARAN AFRICA**

In the past decade, besides the Middle-East, Africa has become the most important battlefield with Jihadist organisations, which not only conduct terrorist and guerrilla attacks but also have capabilities to control and govern huge areas. Thanks to their deep social, historical, political, and economic roots, Jihadist organisations were ready to introduce innovations, which made their operations more successful and lethal. One of the new modus operandi is the attack against military bases in Somalia, Niger, Nigeria, Mali, and Burkina Faso.

Although attacks against military outposts and garrisons are not new phenomena, their characteristics went through significant transformation and development in recent years. Since 2015, first al-Shabaab, later Boko Haram, ISWAP and other groups have overrun dozens of company-sized bases, killing hundreds of soldiers, and capturing huge amounts of equipment and ammunition. These military victories forced government and international actors to vacate the previously controlled areas, which weakened the credibility of administrations and their security forces and strengthened the narratives of Jihadists that they are the

only potential players who have the capacity to rule the territory, govern and protect its population.

In my presentation, I will examine the trends and history of the new wave of base attacks in Africa since the Somali cases (Leego, Janaale, Ceel Cadde) to their influence on West African Jihadists. Across the analysis of their modus operandi, I will argue that the rapid development of Jihadist groups means threat not only for local governmental forces, but also for the international organisations (UN, EU) and bilateral partners who deploy troops in Sub-Saharan Africa. Due to the increasing number of foreign support and interventions in the region, it is a must for each actor to measure and prepare for the threats that these new attacks mean for them.

My research is based on first and secondary literatures, interviews with stakeholders both in Hungary and in Africa, and field researches in Ethiopia, Kenya and Somalia.

Tatiana Smirnova
University of Florida, USA

**DISPLACED POPULATION AND BOKO HARAM INSURGENCY:
WHAT KIND OF IDENTITY IS BEING FRAMED?**

Major displacements of populations have appeared and have continued to grow in recent years due to the regionalization of the insurgency led by Boko Haram in the Lake Chad Basin since the early 2010s. Hundreds of thousands of people today are divided between neighboring states of Nigeria, Cameroon, Niger and Chad. The subsequent spread of violence on the territory of these four countries has also generated significant flows of internally displaced persons.

These displacements have been all the more facilitated by at least three reasons. First, the fact that the geography of the Lake Chad basin is porous to circulations. Secondly, because there are important linguistic continuities and historical ties (Kanem-Bornou empire) between populations located on the other side of national borders. Finally, because the will of the States to exercise control

on their borders was either non-existent before the Boko Haram crisis or stumbled upon the immensity of the security challenge regarding the insurgency.

For all these reasons, many questions deserve to be asked and examined. To what extent can we establish a direct link, or not, between population movements and the spread of this insurgency in the Lake Chad Basin? Secondly, what are the consequences of displacement control on state strategies for securing citizenship (for example, through biometric population identification projects)? What are the tensions around the making of the "new" statuses: "refugees", "displaced", "returned", "host populations"?

The paper is based on fieldwork conducted in the southeastern region of Diffa (Niger) through 2017–2018 (interviews and document analyses).

Alexander Shipilov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ALLEGATIONS OF TERRORISM AGAINST LIBERIAN AND IVORIAN REBEL MOVEMENTS AS POLITICAL INSTRUMENT

The early 2000's marked by the events of September 11th 2001 contributed to the growing concern in the West over the threat of terrorism originating primarily from the Middle East but also in Africa. These concerns were addressed by two West African leaders, Charles Taylor of Liberia and Laurent Gbagbo of Cote d'Ivoire, both struggling with rebellion movements in their respective countries, seeking to exploit them in order to obtain external support. As Taylor's offences against civilians in Liberia and neighboring Sierra Leone were sharply criticized by the George Bush administration, some conservative media figures in the US claimed that it was wrong to condemn a "Christian, Baptist President" fighting against Muslims who presumably harbored Al Qaeda (ULIMO-K and LURD rebel movements were implied). Laurent Gbagbo likewise came to Washington DC in 2003 to persuade the American administration that North Ivorian rebels (MPCI), also predominantly Muslim, were also hosting Al Qaeda training camps.

Both of these efforts proved unsuccessful with the officials, largely due to the lack of substantiation for their allegations, but strongly appealed to the right-wing conservative, largely Evangelical, group of American senators and public figures that afterwards lobbied for both West African Presidents. Therefore, the use of these allegations provided mixed results. The main objective of obtaining decisive US political support was not achieved but additional means of lobbying leverage was obtained. Nevertheless, new political allies of these regimes in the US were unable to prevent the ultimate demise of both Taylor and Gbagbo, even as strategies similar to theirs were far more fruitful in some other regimes that attempted to use the War on Terror for its own objectives.

Sylvie Lembe

Lyon Centre for International Security and Defense Studies
Lyon, France

FROM TUAREG AND LOCAL REBELLIONS TO TERRORISM:
UNDERSTANDING THE PARADOX AND THE CONTRADICTION
OF TERRORISM IN MALI

The aim of this paper is to analyse the correlative link between almost half a century of armed Tuareg rebellions and terrorism in Mali (West Africa) since 2012.

In Mali, violent extremism is not a new issue. In fact, from armed rebellions led by Tuaregs leaders to terrorism, Mali has been plugging in violence for almost half a century. This violence is based on long-standing differences between the country's ethnic majority (the Bambara people) and an ethnic minority fighting for secession: the Tuareg people.

In 2013, following the military coup in Mali, Tuareg rebels, based in Northern Mali and Islamized people, launched a new military attack and took control of Northern Mali and have launched attacks all over Mali.

Over the years, Tuareg rebels have become terrorist experts. And the violence they caused is an issue that is increasingly emerging in the literature dealing with violent extremism in Africa.

This literature focus on the ethnic clash between Tuareg rebels (Islamized people) and the government (pro-liberal). This violence would also be an opposition between the Tuareg, Bambara, Malinké, Dogon and other ethnic groups that live in Mali. We partly agree with this literature.

In fact, historically, Tuareg rebels find themselves marginalized, contrary to other major ethnic and religious groups such as the Bambara, the Malinke or the Dogon people who have always enjoyed special roles in government.

Mali is a mosaic of ethnic groups (The Mandé people, the Bambara people, the Songhay, the Soninké, the Fulani, the Tuareg people, etc.). However, these people have never lived in harmony. Unity does not exist.

For a long time, the Tuareg people remained absent from the corridors of political and economic power. Furthermore, economically, the North, inhabited by the Tuareg, is a desert region, while Southern and Central Mali are politically safe, economically prosperous regions and enjoy a safe and blooming economy.

As they find themselves marginalized, Tuareg leaders rebelled against Malian governments, though their *modus operandi* was not radical. From 1960s until 1990, they required self-governance for the northern regions. However, Malian governments were not willing to negotiate.

The refusal by the government to address their needs increased frustrations. By the 1990s, the Cold War ended and more security threats emerged in Africa: among which is terrorism. Northern Mali became a home base for terrorism. Free at last, Tuareg rebels radicalized themselves with intensified attacks.

Therefore, I propose a study with an added value: an interdisciplinary approach, which focuses on the contradiction and paradox of terrorism in Mali. I will base my study on the analysis of Ansar-Al-Sunna, and its link with terrorism in Mali.

More specifically, my paper aims to answer the following three research questions: (1): who is Ansar Al-Sunna group? (2): What are the main reasons of its actions? Is terrorism in Mali really linked to global terrorism, as it is generally said? (3): Or, do we need further analyses and focus on internal dynamics?

**Panel VII-5. The Problem of Territorial Settlement
in Contemporary Africa**
**Секция VII-5. Проблема территориального урегулирования
в современной Африке**

Convener / Руководитель: *Сергей Валерьянович Костелянец* (Институт Африки РАН, Москва)

The Agenda 2063, adopted by the African Union in 2013, provides for the transformation of the African continent into a “continent of seamless borders” and “management of cross-border resources through dialogue”. The inclusion of this item in the Agenda reflects the fact that the problem of border disputes in Africa remains a serious destabilizing factor in the field of security for both individual states and entire regions, despite the fact that in 1964 the participating States of the Organization of African Unity undertook the obligation to respect the colonial boundaries that had existed before they had gained national independence (*uti possidetis* principle).

The aim of the section is to examine the problem of territorial settlement in contemporary Africa from different angles, including from the point of view of various political institutions, as one of the key present-day security problems of the continent, and in the context of the main trends in the socio-political development of African countries.

«Повестка дня 2063», принятая Африканским союзом в 2013 г., предусматривает превращение Африканского континента в «континент беспрепятственных границ» и «управление трансграничными ресурсами посредством диалога». Включение этого пункта в «Повестку» обусловлено тем, что проблема пограничных споров в Африке остается серьезным дестабилизирующим фактором в сфере обеспечения безопасности как отдельно взятых государств, так и целых регионов, несмотря на то, что в 1964 г. государства-участники Организации африканского единства взяли на себя обязательства уважать колониальные границы, существовавшие до обретения ими национальной независимости (принцип *uti possidetis*).

Задача секции – рассмотреть проблемы территориального урегулирования в современной Африке с разных сторон и ракурсов, в т.ч. с точки зрения различных политических институтов, в качестве одной из ключевых проблем безопасности континента на современном этапе и в контексте основных направлений социально-политического развития африканских государств.

Mohamed Ashour
Cairo University, Egypt; Zayed University, Dubai, UAE

BEYOND SACRED BOUNDARIES' MYTH:
WHY AFRICAN BOUNDARIES LASTED?

Despite the many shortcomings of the political borders of African countries, and despite some border conflicts in the African continent, it is worth noting that apart from Eritrea and South Sudan independence, the political borders of the continent and between the countries of the continent have not witnessed fundamental changes during the last 60 years.

To understand the continuity of African political boundaries unchanged, many arguments have been submitted, including the African States Resolution No.16/A of 1964 of the Organization of African Unity (OAU) Conference in Cairo, which provided for respect for the boundaries inherited from colonialism.

This paper seeks to assess the extent to which this resolution has contributed to the preservation of the territorial integrity of African States; through addressing the causes of political border disputes in the continent, ways of settlement, and to what extent the said decision has been effective in the treatment of those causes and the activation of those tools. The paper also will address alternative approaches in explaining the continuity of the African border and conclude with expectation of the future of political borders in Africa taking in consecration AU's regional integrations efforts through 2063 Africa strategic plan.

Sergey V. Kostelyanets
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russia

THE PROBLEM OF TERRITORIAL SETTLEMENT
IN THE GREATER HORN OF AFRICA

The so-called Greater Horn of Africa, which encompasses Djibouti, Kenya, Somalia, Sudan, Ethiopia, Eritrea, South Sudan, is ridden not only with intranational conflicts and separatist tendencies, but also with a number of international border disputes that effectively prevent the implementation of

political and economic integration as envisioned by the Agenda 2063 of the African Union. The disputed areas constitute half of the length of the border of Sudan with South Sudan; Sudan also contests the control of the Hala'ib Triangle by Egypt. South Sudan has inherited from the united Sudan an unresolved border issue with Kenya in the Ilemi Triangle area. The dispute between Eritrea and Djibouti over Doumeira escalated to a war in 2008. There is also the issue of demarcating the border between Ethiopia and Somalia, which has been overshadowed by the practical collapse of the state in the latter but remains a latent point of tension.

The success of negotiations between Eritrea and Ethiopia in 2018, at which the parties agreed on the settlement of their territorial dispute, has raised the hopes for the region to overcome the tainted legacy of historical inter-state feuds and finally start its advance in the direction of integration on the regional and continental scale. The paper thus seeks to analyze the aforementioned success story and draw conclusions in view of the challenges of territorial settlement in the rest of the Greater Horn of Africa.

Денисова Т.С.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

**НИГЕРИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА:
ДИНАМИКА ПОГРАНИЧНЫХ КОНФЛИКТОВ И ПРОБЛЕМА
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Нигерия имеет сухопутные границы с четырьмя странами: на западе – с Бенином, на востоке – с Камеруном, на севере – с Нигером, на северо-востоке – с Чадом. Воды озера Чад разделяются Нигерией с Нигером, Чадом и Камеруном. Несмотря на то, что указанные государства населены родственными племенами, имеющими общую (или сходную) культуру и традиции, отношения между ними в годы независимого развития отличались недоверием, нестабильностью и нередко выливались в межгосударственные, в том числе в пограничные конфликты и территориальные споры. Прежде всего это обу-

словлено тем, что соседями Нигерии – до 1960 г. британской колонии – являются франкофонные страны, в своей политике и внешнеэкономических связях ориентирующиеся на бывшую метрополию – Францию. Периодически возникают открытые конфронтации между подразделениями силовых структур соседних стран и жителями приграничных районов, у которых годами формировался своего рода «осадный менталитет». В свою очередь, это обостряет проблему безопасности во всем западноафриканском регионе. Впрочем, на официальном уровне лидеры сопредельных с Нигерией государств неизменно проявляют «уважение» к своему более развитому во многих отношениях соседу, от которого они в значительной степени зависят экономически. Благодаря экономическому потенциалу, огромным запасам углеводородных ресурсов, в которых нуждаются все страны региона, и военно-политической мощи Нигерия вправе претендовать на статус «центра» координации совместных усилий по достижению западноафриканскими государствами подлинной экономической и политической независимости. Однако одним из препятствий на пути превращения Нигерии в реального «гегемона» как в Западной Африке, так и на всем континенте остаются не до конца решенные территориальные споры с соседями, хотя характер отношений между ними и «Африканским гигантом» имел разный уровень напряженности. Так, если с Бенином и Нигером взаимные претензии не выливались в вооруженные столкновения, а конфликты с Чадом удавалось быстро гасить, то формальное урегулирование территориального спора между Нигерией и Камеруном до сих пор вызывает недовольство части нигерийских граждан из-за утраты вместе с полуостровом Бакасси относительно богатых нефтяных месторождений.

Alore Preye Posibi
Peoples' Friendship University of Russia, Russia

NIGERIA-CAMEROON TERRITORIAL CONFLICT:
HUMANITARIAN, SOCIOECONOMIC AND SOCIOPOLITICAL
CHALLENGES AND PROSPECTS

Across Africa, and especially in countries of heterogeneous composition and with religious differences, forging a nation has been a major challenge to the ruling elites. Similarly, the colonial boundaries inherited by African states from their respective colonial masters at independence have equally frustrated nation-building efforts in different parts of the continent. This paper will focus its attention on the boundary disputes and territorial conflict that occurred between Nigeria and Cameroon. Nigeria and Cameroon evolved as modern African states through British and French colonial enterprise – a situation which left many ethnic groups and their territories partitioned to both sides of the border. Boundary disputes between the two countries after the attainment of their independence originated from economic and agricultural disputes over access to water and farmlands, while discovery of oil in Bakassi region triggered the final phase. Both Nigeria and Cameroon claimed ownership of the Bakassi peninsula and this made them engage in a series of victimization activities and military exercises which had stern security and political implications in the sub-region. Various international interventions failed to settle the territorial disputes, until Cameroon approached the International Court of Justice (ICJ) for the settlement of the boundary dispute. On 10 October 2002, the ICJ at The Hague decided that Cameroon had sovereignty over Bakassi, basing its decision on old colonial documents. Although a peaceful solution was officially founded for these disputes, some challenges are still in place in the border regions cited above. This article will analyze the repercussions that these territorial disputes had and still have on the populations living close to the borders, with particular attention to their socioeconomic and sociopolitical challenges and, last but not least, on the humanitarian crisis that Anglophone populations living in the southern Cameroon are facing today. Lastly, this work

will suggest some concrete actions that could contribute to developing new ties and deals between the two countries, in order to assure mutual benefits in maintaining economic, political and national security through the border stability.

Гаврилова Н.Г.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

**РЕСУРСНЫЕ КОНФЛИКТЫ В САХЕЛЕ:
ФЕРМЕРСТВО И ТРАНСГРАНИЧНОЕ СКОТОВОДСТВО
В КОНТЕКСТЕ МЕНЯЮЩЕГОСЯ РЕГИОНА**

Проблемы конфликтов между фермерами и скотоводами затронули множество стран африканского континента. Веками в определенное время года скотоводы гнали скот с севера на юг и обратно по сложившимся маршрутам; при этом границы государств не были им помехой. В начале 20-го века миграционные маршруты стали изменяться из-за нескольких факторов: климатические изменения (частые засухи и опустынивание); рост населения (потеря северных пастбищ в связи с расширением населенных пунктов); технологические и экономические изменения (новые методы животноводства и ведения сельского хозяйства); рост преступности (сельский бандитизм); политические и этнические конфликты. В результате этих перемещений в транзитных или принимающих странах усиливается конкуренция за имеющиеся земельные ресурсы между фермерами и скотоводами, что часто приводит к насильственным столкновениям и конфликтам. Таким образом, многолетняя трансграничная практика перегона скота оказалась под угрозой исчезновения, поскольку она воспринимается как источник многих крупных конфликтов в Центральноафриканской Республике, Чаде, Мали, Кении, Сомали, Судане, Демократической Республике Конго, Буркина-Фасо, Гане, Нигерии и других странах. Масштабы и интенсивность насилия между фермерами и скотоводами значительно возросли, столкновения становятся все более жестокими, включая массовые жертвы, разрушение поселений, инфраструктуры и имущества, в том числе крупномасштабное насильственное перемещение

людей. В конфликтах стало использоваться автоматическое оружие, такое как пулеметы и автоматы Калашникова. Исследования показывают, что конфликты являются одними из основных факторов продовольственной недостаточности в перечисленных странах. Нынешний всплеск конфликтов между фермерами и скотоводами в Западной Африке противоречит принципам и ожиданиям Протоколов ЭКОВАС о свободном передвижении людей и перегонах скота. Таким образом, повышенное и целенаправленное внимание уделяется разработке и совершенствованию политики местными, национальными и региональными субъектами в Западной Африке для решения затяжных конфликтов между фермерами и скотоводами.

Для избегания и сглаживания конфликтных ситуаций между фермерами и скотоводами во всех означенных странах разрабатываются меры, носящие, в основном, ограничивающий характер: например, запреты на выпас скота, ограничения территорий выпаса, выселение иностранных скотоводов за пределы страны. Однако вырабатываются и решения, которые позволят решить конфликт мирным путем. При применении современных цифровых технологий определяются оптимальные маршруты скотоводов, по ним строятся коридоры для перегона скота, на протяжении которых животные получают ветеринарное обслуживание и корм.

Странам, участвующим в миграции скота, необходимо четко сформулировать общую политику, которая помогла бы решить конфликты между скотоводами и фермерами.

Садовская Л.М.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

**ПРЕОДОЛЕНИЕ КАЗАМАНСКОГО КРИЗИСА В СЕНЕГАЛЕ
В КОНТЕКСТЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖГРАНИЧНОГО КОНФЛИКТА
С ГАМБИЕЙ**

Кризис в южной провинции Сенегала – Казаманс, связанной с остальной территорией страны узким коридором на северо-востоке, – самый дли-

тельный на континенте (с 1982 г.). Он привлекает внимание из-за сложившейся там ситуации: ни войны – ни мира, а также поскольку затрагивает Гамбию, которая укрывает у себя руководителей вооруженного крыла сепаратистского Движения демократических сил Казаманса (ДДСК). К тому же тысячи казаманцев бежали на ее территорию во время вооруженных столкновений между правительственными войсками и сепаратистами.

В настоящее время приграничная с Гамбией территория Казаманса характеризуется, с одной стороны, демографическим ростом, увеличением миграционных и товарных потоков, с другой – наркотрафиком, незаконной торговлей лесом, оружием, воровством скота и т.п. Многие приграничные деревни анклава являются пунктами нелегальной продажи оружия. Вместе с тем «прозрачная» граница с Гвинеей-Бисау, через которую проходит международный трафик кокаина, является фактором нестабильности для всей сенегамбийской зоны.

Существующий в последние несколько лет (с 2017 г.) компромисс между сенегальскими властями и ДДСК позволил прекратить вооруженные столкновения в этой провинции. Однако он не привел к полной остановке незаконной торговли природными ресурсами бывшей мятежной провинции, в частности, контрабандной продажи тикового леса вдоль границы с Гамбией. Коммерсанты из Китая, основавшиеся на ее территории, покупают его у местного населения Казаманса за мешки риса, бидоны растительного масла и за деньги, экспортируя контейнерами в КНР.

Поскольку для казаманцев чувство принадлежности к семье, коммуне значительно сильнее, чем к государству, они до сих пор склонны поддерживать сепаратистов и рассматривать их в качестве членов своей коммуны, опираясь на традиционную систему ценностей.

Радикальное крыло ДДСК, возглавляемое Салифом Садио, по-прежнему видит в вооруженной борьбе единственное средство решения проблемы независимости Казаманса. И связано это с криминализацией этого движения,

а также поддержкой, которую ему оказывал (до 2018 г.) бывший президент Гамбии Яйи Джамме.

С приходом к власти Адама Бэрроу (не без помощи Сенегала) обстановка на сенегало-гамбийской границе стала спокойнее благодаря укреплению военно-политической кооперации между двумя странами. Однако причины конфликта по-прежнему остаются и могут спровоцировать нестабильность приграничной территории. Многое будет зависеть от того, удастся ли сенегальским властям в полной мере реализовать план «Казаманс – полюс развития», принятый в 2014 г.

Фахрутдинова Н.З.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫМИ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ НА ПРИМЕРЕ БАССЕЙНА РЕКИ НИЛ

В условиях дефицита водных ресурсов в Африке водопользование особенно осложняется в тех случаях, когда источник жизни пересекает границы стран, вызывая трансграничное соперничество, которое может привести к конфликтным ситуациям и даже войнам.

В настоящее время постоянно возникают предпосылки для развития кризиса в отношении бассейна реки Нил. По протяженности, площади бассейна (2 870 тыс. км), количеству использующих его воду стран и населению ему нет равных в мире. Бассейн реки Нил делят Бурунди, Египет, Кения, Конго, Руанда, Республика Судан, Республика Южный Судан, Танзания, Уганда, Эфиопия, Эритрея (в качестве наблюдателя). Многие исследователи включают еще ЦАР в страны бассейна Нила.

Водные ресурсы Нила с древних времен очень важны для Египта, где в прибрежной полосе реки шириной 10–15 км проживает около 97% населения страны. На Ниле стоят такие крупные города, как Хартум, Асуан, Луксор (Фивы), агломерация Каир-Гиза, в дельте – Александрия.

При президенте Г.Насере под чрезвычайно жестким давлением заключались соглашения, по которым только египетские инженеры могли строить гидроузлы в Эфиопии и Судане. Но сегодня прежние договоренности уже не работают. Во-первых, из-за внутривосточного и экономического кризиса в стране. Во-вторых, из-за укрепившейся Аддис-Абебы, которая имеет союзников в лице Танзании, Руанды, Уганды и Кении.

К тому же Южный Судан при поддержке Израиля начал готовиться к строительству больших гидросооружений на Ниле. Правда, очевидно, военные действия в РЮС приостановили это строительство. Израиль и Китай ведут аналогичные работы и в других странах бассейна.

Эксперты прогнозируют увеличение напряженности водной ситуации в бассейне реки Нил в связи с ростом населения и необходимостью изъятия воды на нужды населения. В ряде государств бассейна население, проживающее ниже черты бедности (меньше 1 долл. в день на человека), весьма значительно.

Если страны бассейна открыто не конфликтуют, то это не означает, что конфликта нет, просто они предпочитают не враждовать с заведомо более сильным противником. Хотя ситуация далека от справедливости, необходимо искать компромиссное решение.

Гришина Н.В.

Институт Африки РАН, Москва, РФ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЕЛЕНИЯ ЛАГЕРЕЙ БЕЖЕНЦЕВ

Одним из факторов социально-политической нестабильности в Африке в течение многих десятилетий остаются территориальные споры и конфликты между африканскими государствами, в основе которых – несовпадение в большинстве случаев границ государств с границами традиционного расселения этносов.

Население многочисленных лагерей беженцев, расположенных, как правило, в относительной близости от государственных границ конфликтующих стран, сталкивается с теми же проблемами, что и в мирной жизни, однако степень их остроты у оказавшихся в отрыве от привычных мест расселения значительно выше. Прежде всего, речь идет о психологических вызовах, связанных с резкой ломкой привычных жизненных стереотипов, а также о понижении гарантий личной безопасности, особенно для уязвимых категорий: женщин, детей, стариков. Несмотря на регулярную деятельность гуманитарных организаций по снабжению лагерей беженцев продуктами питания, одеждой, медикаментами, предметами первой необходимости, все перечисленное, как правило, входит в категорию дефицита. Это становится следствием общественной дифференциации населения лагерей, где фактическая власть принадлежит бандитствующим элементам.

Такие внутренние проблемы лагерей беженцев, как отсутствие гарантий личной безопасности последних, неравномерное распределение гуманитарной помощи в пользу физически более сильных, низкий уровень медицинского обслуживания и т.п., обычно не входят в юрисдикцию кураторов из числа местных властей.

Долговременное присутствие на территориях сопредельных государств многотысячных масс беженцев часто приводит к конфликтам с местным населением. Особой остротой отличается противостояние конфликтующих сторон за источники воды и прилегающие к лагерям участки плодородной земли. Значительного накала конфликты достигают в районах с засушливым климатом (например, в странах Сахеля).

Очевидно, решение внутренних проблем населения лагерей беженцев неразрывно связано с устранением любых видов конфликтов: территориальных, религиозных, этнических. Более того, главным посылом здесь может быть недопущение возникновения конфликта как такового.

Рыбалкина И.Г.
Институт Африки РАН, Москва, РФ

ЛАГЕРЯ ЛИВИЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ТУНИСЕ

В Тунисской Республике вдоль границы в Ливией расположены в настоящее время многочисленные лагеря ливийских беженцев. Гражданская война, вспыхнувшая после свержения и зверского убийства руководителя государства полковника Муаммара Каддафи в 2011 году, продолжается уже десятилетие. Ливийцы, спасающиеся от ужасов гражданской войны, военных столкновений правительственных войск, оппозиции, вооруженных бандформирований, мародеров и др., пытаются укрыться, в основном, в соседних странах, в пограничных с Ливией районах. Наиболее многочисленный поток беженцев устремляется в Тунис, где им предоставляется временное убежище в палаточных лагерях. Основной контингент, как и в лагерях беженцев во всем мире, составляют женщины и дети.

В интервью иностранным журналистам, правозащитникам, представителям международных гуманитарных общественно-политических и медицинских организаций и комитетов некоторые ливийки осмеливаются раскрыть особенности гендерных взаимоотношений в семье. В частности, если над женщиной совершили насилие банда преступников или солдаты правительственных или оппозиционных военных отрядов, то общественное мнение рассматривает ее как виновницу произошедшего. Согласно традиционным представлениям – это глубочайший позор и смертельный удар по чести семьи. Смыть позор должен кто-либо из родственников-мужчин – муж, отец, братья, – убив «виновницу». Из опасений за свою жизнь пострадавшие ливийки бегут в Тунис. В лагерях беженцев им предоставляется кров, пропитание и выплаты на детей, родившихся в результате насильственных действий. Сложно утверждать, чувствуют ли они себя в безопасности в пограничных с Ливией районах, но, вероятно, на сегодняшний день этот временный выход из положения является оптимальным для женщин из традиционных мусульманских обществ, подвергавшихся насилию.

Саенко А.В.
НИУ ВШЭ, Москва, РФ

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ТУАРЕГСКОГО СЕПАРАТИЗМА ДЛЯ РАЗВИТИЯ АФРИКИ

Важной проблемой для Африканского континента остается проблема стремления туарегов к отделению. Актуальность исследования туарегского сепаратизма приобрела особую значимость после убийства и свержения диктатора Муаммара Каддафи, когда тысячи вооружённых современным оружием туарегов вернулись на север Мали с целью проведения боевых действий против правительства и обретения, как следствие, независимости. Именно туарегский сепаратизм, наряду с берберским сепаратизмом, который проявляется в несколько меньшей степени, создаёт напряжённую и дестабилизирующую обстановку в зоне Сахеля.

Стремление туарегов к независимости обусловлено тремя причинами. Во-первых, это раздел родных земель туарегов между пятью постколониальными государствами. Во-вторых, со стороны правительств Мали, Нигера, Буркина-Фасо, Алжира и Ливии не было предпринято попыток к интеграции туарегов в общество в рамках единого государства. Третья причина заключается в том, что государства, в которых туареги поднимали восстания, никогда не готовы были на переговорах с ними обсуждать автономизацию, тем паче обретение туарегов независимости – вплоть до успехов Национального движения за освобождение Азавада (MNLA).

В докладе будут рассмотрены исторические этапы, на основании которых можно будет проследить как цели восстания туарегов, так и значимость этих волнений для развития Африканского континента. Данная проблема приобретает острые рамки ещё и потому, что на очереди на дестабилизацию стоит соседний с Мали Нигер, который богат урановыми рудами, так необходимыми для развития всего мирного атома. Не трудно себе представить, что Нигер, как и Мали, будет погружён в пучину восстаний. Это также осложнит добычу стратегического ресурса – урана – западными державами и Китаем в

Нигере, что свидетельствует не только о континентальной, но и о глобальной значимости проблемы туарегского сепаратизма.

Vadim Shalupkin

National Research University, Higher School of Economics, Russia

MAIN DIRECTIONS OF DARFUR CONFLICT AFTER 2019 SUDANESE COUP D'ETAT

Begun in 2003 and acknowledged as one of the largest disasters of the 21st century, the conflict in Darfur hasn't been settled yet, despite the presence of the joint United Nations and the African Union peacekeeping mission since 2007 (United Nations African Union Mission in Darfur, UNAMID).

In mid-2017, the UN Security Council authorized the reduction of the UN mission in Darfur based on the significant increase in control over the situation in the region by the government of Sudan and the following violence decline in the West part of the country. Besides, the UNAMID subsequent withdrawal was on the agenda.

However, Omar al-Bashir, who had been found guilty of genocide in Darfur, was removed from the presidency and arrested after a military coup d'état had taken place in Sudan in April 2019. The Sovereign Council serves as the official government for the transitional period. Due to a political destabilization the transition government has been unable to give proper attention to the crisis in the West of the country, which has led to the exacerbation in Darfur.

In October 2019, the UN peace chief Jean-Pierre Lacroix briefed the Security Council on the deterioration of the humanitarian situation in Darfur, as well as steps taken jointly by UNAMID and the Sovereign Council of Sudan. The drawdown and following withdrawal of UNAMID from the region was on the agenda, but on 31 October 2019 the Mission's mandate was extended for a further 12-month period.

The report aims to study the situation in Darfur after the coup d'état and the methods applied by the authorities and the international community for improving the humanitarian situation and resolving the ethno-territorial crisis. This review

will allow to assess the role of internal and external powers, as well as the cooperation between them in settlement the Darfur conflict.

Анастасия Равняго
МГЛУ, Москва, РФ

КОНФЛИКТ В ЮЖНОМ СУДАНЕ: РОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ

В 2011 г. на карте мира появилось новое государство – Южный Судан. Оно возникло в результате референдума, проведенного с 9 по 15 января 2011г. и положившего конец 22-летнему противостоянию мусульманского Севера и христианского Юга.

Тем не менее, проведенный референдум, как оказалось, не принес в регион долгожданной стабильности. 8 июля 2011 г., за день до провозглашения Южным Суданом независимости, Совет Безопасности ООН определил, что ситуация в регионе создает угрозу международному миру и безопасности. В связи с этим, была учреждена Миссия Организации Объединенных Наций в Республике Южный Судан (МООНЮС), целью которой провозглашалось «... упрочение мира и безопасности и оказание помощи в создании условий для развития».

Великобритания принимала непосредственное участие в развитии ситуации в Южном Судане. Англия стала первой страной, открывшей посольство в столице Южного Судана, Джубе. Кроме того, Лондон оказывал всеобъемлющую политическую, гуманитарную и военную помощь жителям пострадавшего от конфликта региона.

Оценивая всестороннее участие Великобритании в урегулировании суданского конфликта, можно заключить, что данный регион является важнейшим в стратегии международной политики Соединенного Королевства. Главным противником Англии в борьбе за лидерство в суданском регионе представляется Китай, исторически являющийся основным инвестором в развитие нефтеперерабатывающей промышленности Судана и главным потребителем суданского и южносуданского экспорта.

XV Международная конференция африканистов
СУДЬБЫ АФРИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
ТЕЗИСЫ

Москва, 24–28 мая 2021 г.

Ответственный редактор

к.и.н. Н.А. Жерлицына

Компьютерная верстка

Г.М. Абишевой

ISBN 978-5-91298-263-7

ISBN 978-5-91298-263-7

9 785912 982637